

Б-194221
1

НАСЕЛЕНИЕ
РОССИИ В XX ВЕКЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ТОМ 1. 1900-1939 гг.

Б-194221
1

Российская академия наук
Отделение истории
Научный совет по исторической демографии
и исторической географии
Институт российской истории

**НАСЕЛЕНИЕ
РОССИИ В XX ВЕКЕ**
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ
том 1. 1900-1939

К
Москва
РОССПЭН
2000

314 + 9(с) 17 + 9(с) 2 + 314 (даны) + 9(с) 17 (даны)

ББК 60.7
Н 31

+ 9(с) 2 (даны)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского
фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 98-06-87026

Ответственный редактор издания —
академик РАН Ю.А.Поляков

Ответственный редактор I тома —
доктор исторических наук В.Б.Жиромская

Рецензенты: *доктор исторических наук А.Я.Кваша,*
академик РАН Г.А.Куманев

Б-194221
МОН
УИИ

Население России в XX веке. В 3-х т. / Т. I. — М.:
Н 31 «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН),
2000. — 463 с.

Первый том посвящен малоизученным и остроактуальным проблемам истории населения России с 1900 по 1939 год. Освещается демографическая и этническая история народов России. Показано формирование ее территории. Проанализированы особенности воспроизводства населения в начале века. На базе новых данных рассматриваются потери населения и армии в Первой мировой, а также гражданской войнах. На обширных статистических материалах прослежено изменение численности населения в 20–30-е годы. Исследуются историко-демографические проблемы городской и сельской семьи. Разработана методика подсчета поправок к численности населения всех регионов страны в переписи 1939 г. Уделено большое внимание людским потерям в голодные 1932–1933 годы. Рассмотрен вопрос о демографических последствиях коллективизации и демографической ситуации в деревне в 30-е годы. Отдельная глава посвящена «кулацкой ссылке» 30-х годов. Освещены миграционно-депортационные процессы в 30-е годы. Дана демографическая характеристика населения.

ISBN 5-8243-0016-x
ISBN 5-8243-0017-8

© «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН), 2000.
© Институт российской истории РАН, 2000.

Предисловие к изданию

XX век ознаменовался в истории России крупнейшими за последние столетия демографическими сдвигами. Из страны с громадным преобладанием сельских жителей, какой она была в начале века, Россия превратилась в страну, где горожане стали составлять значительное большинство. Резко снизились показатели рождаемости, а в самом конце века естественный прирост населения прекратился вовсе. Небывалые по своим масштабам войны, социально-политические и экономические события и процессы привели к огромным людским потерям.

Масштабность и сложность демографических процессов и явлений делают изучение истории населения России в XX в. задачей первостепенного научного и общественного значения.

Интерес общественности к этим проблемам значительно вырос в конце 1980-х — начале 1990-х годов. В ряде случаев эти проблемы оказывались инструментом политической борьбы, их освещение приобретало ярко выраженный политизированный характер. В этой связи в средствах массовой информации появилось множество публикаций о численности населения России, прежде всего о людских потерях. В большинстве случаев публикуемые материалы лишены научного основания. Вместе с тем обостренный интерес общественности к историко-демографической проблематике помог выявить научную неразработанность многих коренных вопросов. В то же время стало возможным использование многих ранее недоступных архивных источников. Прежде всего это материалы переписей населения 1937 и 1939 гг., сведения о потерях советских вооруженных сил, данные о выселении зажиточных крестьян в начале 30-х годов, депортациях отдельных народов и др. Проведенные в 1959, 1970, 1979, 1989 гг. всесоюзные переписи населения создали новые, поистине гигантские массивы документальных источников. Активизировалась научная разработка демографической истории России, стали появляться монографии и статьи по ряду конкретных вопросов из огромного комплекса проблем этой истории.

Все это поставило на очередь дня создание сводного труда по истории населения страны в XX в. В этой связи Институт российской истории РАН начал подготовку соответствующего трехтомного коллективного издания.

Эта задача оказалась чрезвычайно трудной. Практически по всем историческим периодам и проблемам имеющиеся документальные данные противоречивы. По одному и тому же событию или явлению часто существуют различные, порой взаимоисключающие сведения. Это требует кропотливых подсчетов, проверки и сопоставления фактов, использования новых методик, в том числе с применением компьютеров.

Особые трудности создают специфические особенности демографической истории России. Одна из этих особенностей состоит в том, что в XX в. неоднократно менялась территория страны. Различны территориальные и соответственно демографические параметры Российской империи до 1917 г., СССР в границах, существовавших в 1921–1939 гг., СССР в границах 1939–1941 гг., СССР в границах 1945–1991 гг. Неоднократно изменялась территория Российской Федерации, ее административное деление, границы ее многочисленных регионов. Это усложняет изучение динамики численности населения, требуя постоянного учета сопоставимости территорий в хронологическом разрезе.

История населения рассмотрена в книге по стране в целом (Российской империи до 1917 г. и Советского Союза в последующие годы). Иными словами освещение истории населения дается в тех территориальных границах, которые соответствовали исследуемому историческому периоду. Освещение демографической истории только тех регионов, которые ныне составляют Российскую Федерацию, в отрыве от истории страны в целом, представляется неправомерным, нарушающим целостность и взаимосвязь процессов, происходивших в рамках единого государства.

Вместе с тем основное внимание уделяется демографическим процессам на территории современной Российской Федерации.

Другая особенность демографической истории России XX в. состоит в обилии разнообразных катаклизмов, которые в силу своей неординарности и противоречивости чрезвычайно трудны для объективного исследования. Это — две мировые войны, сопровождавшиеся иностранной оккупацией огромных территорий и перемещением многомиллионных людских масс; революция и гражданская война, сопровождавшиеся социально-экономическими потрясениями и массовой эмиграцией; коллективизация, голодные годы, депортации, межнациональные конфликты и др.

Все эти сложности сделали на данном этапе невозможным последовательное и всестороннее изложение огромного комплекса проблем, обусловленных темой, и заставили ограничиться очерками, не претендующими на полноту охвата проблематики.

Авторы и редакторы отмечают обусловленное жанром очерков наличие пробелов, нерешенных и дискуссионных вопросов, неравномерность в освещении отдельных исторических этапов и различных сюжетов. Тем не менее, они надеются, что книга дает представление об истории населения России в XX в.

Издание будет выполнено в 3 томах: Т. I. 1900–1939 гг.; Т. II. 1940–1959 гг.; Т. III. 1960–2000 гг.

Работа подготовлена и издана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).

Ю.А.Поляков

Предисловие к первому тому

Четыре первых десятилетия века отмечены глубокими изменениями в демографической истории населения. Этот период насыщен эпохальными событиями: первая в истории человечества мировая война, которая прервала стабильный в начале века рост численности населения, наметившиеся тенденции демографического перехода к новому типу его воспроизводства, революция и гражданская война, форсированная индустриализация, коллективизация с насильственным раскулачиванием и переселениями, шквал политических репрессий, голодные годы начала 20-х и 30-х годов и другие политические и социально-экономические потрясения. Все это вызвало масштабные демографические последствия и привело к глубинному изменению в демографическом поведении людей. Гибель миллионов людей, особенно в молодых, самых детородных возрастах, высокая детская смертность, нарушение семейных связей, брачного поведения, интенсивные миграционные потоки — таков неполный перечень характеристик демографического развития населения в этот период. Все эти проблемы устойчиво привлекают внимание исследователей в России и в дальнем и ближнем зарубежье. Однако целостной картины демографической истории российского населения этого периода пока еще не создано, хотя отдельные вопросы изучены и обсуждены с достаточной глубиной. Ряд проблем продолжает до настоящего времени оставаться предметом острых дискуссий, в том числе вопрос о людских потерях.

Сложность изучения всех этих проблем в значительной степени связана с состоянием источниковой базы. Лишь в последнее время ключевые источниковые материалы стали доступными для исследователя, однако их обработка требует больших усилий и длительного времени.

В настоящем томе мы предлагаем вниманию читателя исследование большого комплекса вопросов по истории населения с начала века до кануна Великой Отечественной войны.

Выделение данных хронологических рамок не требует особых пояснений. К тому же следует учесть, что начальный и конечный рубежи тома примерно совпадают с датами переписей населения 1897 и 1939 гг. Для демографической истории переписи настолько важны, что даты их проведения сами по себе могут служить основанием для периодизации.

Для лучшего понимания исторических корней и предпосылок численности и размещения населения России к началу XX в. том завершается кратким обзором демографического развития страны начиная с X столетия (см. Приложение).

Выводы авторов опираются на обширный и разнообразный круг источников, основу которого составляют статистические материалы, прежде всего данные переписей и их архивов, в том числе недавно увидевшие свет материалы переписи 1937 и закрытой части переписи 1939 г. Особый комплекс источников составляют архивы ГУЛАГа, также использованные для написания данного тома. Привлечены материалы текущего учета населения, медицинско-санитарной статистики и периодической печати.

Работа выполнена коллективом сотрудников Института российской истории Российской Академии наук.

Авторы глав I тома: Введение к изданию — Ю.А.Поляков; Введение к I тому — В.Б.Жиромская; Глава I — Л.С.Рогачевская, Я.Е.Водарский, В.М.Кабузан; Глава II — Н.А.Араловец; Глава III — О.М.Вербицкая, С.Д.Морозов; Глава IV — А.И.Степанов; Глава V — Ю.А.Поляков; Глава VI — Ю.В.Мухачев; Глава VII — В.Б.Жиромская; Глава VIII — Н.А.Араловец; Глава IX — О.М.Вербицкая; Глава X — И.П.Остапенко; Глава XI — Л.С.Рогачевская; Глава XII — Н.А.Араловец, И.Е.Зеленин; Глава XIII — В.Н.Земсков; Глава XIV — В.Н.Земсков; Глава XV — Н.Ф.Бугай; Глава XVI — И.Н.Киселев; Глава XVII — В.Б.Жиромская; Приложение — Я.Е.Водарский, В.М.Кабузан.

В подготовке тома к печати приняли участие: Н.А.Араловец, О.М.Вербицкая.

В.Б.Жиромская

Глава I. Население России в начале XX века

Территория Российской империи. Расселение населения на рубеже XIX—XX вв.

К началу XX столетия Российская империя достигла вершины своего географического расширения. Ее необъятная территория простиралась от Ледовитого океана до Черного и Каспийского морей, от Дальнего Востока до Балтийского моря. Занимая одну шестую часть суши земного шара, она являлась самым крупным территориально-компактным государственным образованием в мире. Десятки тысяч километров определяли ее западные и восточные границы. Тысячи верст лежали между ее северными и южными владениями. Самая западная точка империи находилась на границе с Германией, восточная — на мысе Дежнева в Беринговом проливе. Самой северной точкой являлся мыс Челюскина, южными — территории на границе с Афганистаном и в Закавказье.

Российская империя занимала большую часть Европы, северную и среднюю часть Азии. Европейская территория России почти в 5 раз превосходила Францию, в 8 раз Италию и более чем в 10 раз Германию. Огромные просторы азиатских владений были несравненно больше, чем территории таких крупнейших азиатских формирований, как Индия и Китай.

На западе Российская империя граничила с Норвегией, Швецией, Германией, Австро-Венгрией, Румынией. На юге — с Турцией, Персией (Ираном), Афганистаном, на востоке — с Китаем и Японией. Северные границы омывались Ледовитым океаном.

На громаднейшей российской территории проживали люди разных национальностей и племен.

В 1897 г. в Российской империи была произведена первая всеобщая перепись населения, данные которой представили уникальные сведения о численности и географическом расположении ее многоплеменного населения, возрастнополовом составе, семейном положении, вероисповедании, сословности, а также грамотности отдельных народностей и племенных групп¹.

Перепись охватила население всех 89 губерний и областей Российской империи, включив людей, находившихся в дальнем плавании на военных судах, русские поселения в Бухаре, русских подданных в Хиве, а также русское население, проживавшее компактно в Великом княжестве Финляндском, входившем в то

время в состав Российской империи (без учета всего населения Финляндии)*. В Российской империи по переписи 1897 г. проживало 125680682 человека, из них 62512698 мужчин (49,7%) и 63167984 женщин (50,26%)².

Разработчики переписи, обобщая и составляя таблицы по различным категориям людей (возрасту, полу, вероисповеданию и пр.), руководствовались цифрой 125640021 человек, т.е. не принимали во внимание 40661 человек, которые приходились на группу, состоявшую из моряков, находившихся в плавании, чиновников, служивших в посольствах, а также русское население, компактно проживавшее в Финляндии. Эта цифра столь мала, что ни в коем случае не повлияла на общие результаты, полученные при обработке материалов переписи.

Итак, следует заключить, что в Российской империи к началу XX в. проживало 125,7 млн чел., из них 62,5 мужчин, 63,2 женщины.

К концу XIX в. Российская империя являлась одним из крупнейших государств мира. Ее территория по переписи 1897 г. составила 18861474,4 кв. версты³. В «Энциклопедическом словаре» (Брокгауз—Эфрон) приводится другая цифра — 19709224 кв. версты (с учетом Финляндии). Это равнялось 22430004 кв. км⁴. С.И.Сулькевич, составитель сборника материалов по административно-территориальному делению СССР, привел сведения о том, что до Первой мировой войны территория Российской империи составила 19155588 кв. верст (21797725 кв. км), т.е. эта цифра была несколько меньше, чем предыдущая (здесь были учтены потери империи в русско-японской войне 1905 г.)⁵.

По величине своей территории Российская империя занимала второе место в мире, уступая только Великобритании с колониями (всего 28,9 млн кв. км).

Масштабы Российской империи почти в 2 раза превосходили владения Франции вместе со всеми ее колониями и были в 2 раза больше Соединенных Штатов Америки.

Российская империя Уральским и Кавказским хребтами делилась на европейскую и азиатскую части. Территория Европейской части, куда входили 50 губерний Европейской России, Привислинский край, Финляндия и Предкавказье, составляла 4,8 млн кв. верст (5,5 млн кв. км). Пространство Азиатской части России, которое охватывало Сибирь, Закавказье и Среднюю Азию, имело размеры в 14,3 млн кв. версты (16,3 млн кв. км), т.е. азиатские владения были в 3 раза больше европейских⁶.

В состав Российской империи входили Северная и Центральная Россия, часть нынешней Польши, Украина, Крым, Белоруссия, территории современных Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Закавказье, Северный Кавказ, Средняя Азия (территории

---

* Все население Финляндии в конце XIX в. составляло 2,5 млн чел.

современных Казахстана, Киргизии, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана), Сибирь и Дальний Восток. Вся эта громадная территория была разделена на 89 губерний и областей, из которых 50 находились в европейской части империи*⁷.

Как было отмечено выше, перепись 1897 г. зафиксировала 12564002 жителя Российской империи. Эта цифра приводится также известным демографом Е.З.Волковым и другими⁸. В дальнейшем в разного рода изданиях, выходящих в советское время, численность жителей России в начале XX в. фиксировалась цифрой в 124,6 млн чел., при этом не указывалось, о каких географических границах шла речь⁹.

Почти четыре пятых населения империи проживало в Европейской России.

Самое большое число жителей приходилось в Центральной России на Центрально-Черноземный, Центрально-Промышленный районы и Среднее и Нижнее Поволжье. В ЦЧР проживало 17 млн чел., в ЦПР — 11 млн, в Среднем и Нижнем Поволжье — почти 10 млн. Были густо населены С.-Петербургская (2,1 млн), Московская (2,4 млн) губернии. Более 2 млн человек насчитывали Вятская, Самарская, Саратовская, Уфимская, Казанская губернии в Поволжье, а также Воронежская, Орловская, Тамбовская и другие губернии центра России¹⁰.

На территории Озерного (Северо-Западного) района размещалось более 6,5 млн чел. Обширная территория Северного района была заселена слабо — 1,7 млн чел.

Значительна была численность населения на Урале и в Приуралье — 9,9 млн.

Большое число жителей было сосредоточено в Харьковской губернии (бывшей «Слободской Украине»), Полтавской и Черниговской губерниях (Левобережной Украине, или «Малороссии»), Таврической, Екатеринославской, Херсонской губерниях («Новороссии»), Киевской, Волынской, Подольской (Правобережной Украине) губерниях. На этой территории проживало 23,5 млн человек. Самыми населенными были Киевская и Подольская губернии. В каждой из них жило более 3 млн чел.

---

* Архангельская, Астраханская, Бессарабская, Виленская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Волынская, Воронежская, Вятская, Гродненская, Донского войска обл., Екатеринославская, Казанская, Калужская, Киевская, Ковенская, Костромская, Курляндская, Курская, Лифляндская, Минская, Могилевская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Самарская, С.-Петербургская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Тульская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Черниговская, Эстляндская, Ярославская.

В Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях население было довольно значительным и достигало 7 млн чел.

На территории Бессарабской губернии было зафиксировано почти 2 млн чел.

В Виленской и Ковенской губерниях насчитывалось 3,2 млн жителей.

В остзейских губерниях (Курляндской, Лифляндской, Эстляндской) число жителей составляло 2,4 млн¹¹.

Весьма густо были населены привислиньские губернии (бывшее Царство Польское), население которых составило 9,4 млн чел. В этот регион входило 10 губерний (Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувалкская и Седелцкая). Более всего жителей было в Варшавской губернии (около 2 млн), Петроковской (1,4 млн) и Люблинской (1,2 млн). В каждой из остальных губерний проживало от 500 до 800 тыс. чел.¹²

В Закавказье, на Северном Кавказе и Причерноморье в 7 губерниях и 4 областях (Бакинская, Дагестанская обл., Елисаветпольская, Карсская обл., Кубанская обл., Кутаисская, Ставропольская, Терская обл., Тифлисская, Черноморская, Эриванская) проживало 9,3 млн чел. Самыми густонаселенными являлись Кутаисская и Тифлисская губернии, а также Кубанская обл. В Бакинской губернии было 827 тыс. жителей, в Эриванской — 830 тыс. Меньше всего проживало в Черноморской губернии — 57,4 тыс.

В Сибири и на Дальнем Востоке в 4 губерниях (Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской), 4 областях (Амурской, Забайкальской, Приморской и Якутской) и на острове Сахалин проживало 5,8 млн чел. Больше всего населения было в Томской (около 2 млн) и Тобольской (1,4 млн чел.) губерниях. В Амурской и Якутской областях жило соответственно 120 тыс. и 270 тыс., на острове Сахалин насчитывалось всего 28 тыс. жителей.

В 9 среднеазиатских областях (включая Казахстан), Акмолинской, Закаспийской, Самаркандской, Семипалатинской, Семиреченской, Сырдарьинской, Тургайской, Уральской и Ферганской число жителей составляло 7,8 млн чел. Наибольшая численность населения была в Сырдарьинской и Ферганской областях (примерно по 1,5 млн чел.), наименьшая — в Закаспийской области — 383 тыс.¹³

Итак, к началу XX в. основная масса населения Российской империи была сосредоточена в ее европейской части. Население Средней Азии и Дальнего Востока составляло чуть более одной десятой всех жителей России. Огромные азиатские просторы Российской империи еще предстояло освоить и заселить.

В целом громадная территория империи была заселена весьма слабо — на одну квадратную версту приходилось всего 6,66 чел.¹⁴. Это главным образом объяснялось небольшим населе-

нием в азиатских регионах. В европейских губерниях плотность составляла более 22 жителей на одну квадратную версту. Высокая плотность была в Московской губернии (83,1 жителя), затем шли Подольская (82,8), Киевская (79,7), Полтавская (63,4), Курская (58,1), С.-Петербургская, Орловская, Рязанская, Харьковская, Черниговская губернии (примерно 50).

Большая плотность населения наблюдалась в привислинском крае — 84,3 человека, что почти равнялось плотности населения в Западной Европе. Наибольшая плотность была зарегистрирована в Петроковской губернии (130,4).

На Кавказе плотность населения составляла 22,5 человек на одну квадратную версту, причем наибольшая плотность была в Кутаисской (33) и Эриванской (35,7) губерниях, наименьшая — в Черноморской губернии — 8,9. В Бакинской и Тифлисской губерниях плотность соответственно составила 24 и 26,8.

В Средней Азии плотность едва достигала 2,5 человек на одну квадратную версту. Наиболее освоенными были Ферганская (13) и Самаркандская (14,2) области. Малозаселенными оставались Закаспийская (0,7), Тургайская (1,1) и Акмолинская (1,4) области.

Наименьшая густота населения были в Сибири и на Дальнем Востоке — 0,5 жителей на одну квадратную версту. Огромные просторы Енисейской губернии, Приморской, Амурской областей были заселены буквально единицами людей. На одну квадратную версту здесь приходилось 0,3 жителя. В Якутии плотность составляла всего 0,08¹⁵.

Анализ переписи показал, что чем губерния восточнее, тем меньше в ней густота населения. Что же касалось западных губерний Европейской России, то они своими стандартами приближались к государствам Западной Европы. Для сравнения укажем, что плотность населения Франции была 71 человек на 1 кв. версту, Германии — 126, Англии — 184¹⁶.

В целом же Российская империя на рубеже XIX—XX вв. занимала одно из последних мест в Евразии по плотности населения¹⁷.

Сельское и городское население

В Российской империи по переписи 1897 г. в основном проживало сельское население. Численность городских жителей составляла лишь 13,4%. В 932 городских поселениях* жило всего

* При разработке переписи к числу городов были причислены некоторые селения, в которых находились административные центры — уездные и окружные (Примечания, данные в материалах переписи — см.: Т. 1. С. IV).

16,8 млн человек, из них примерно 8,9 млн мужчин и 7,9 млн женщин. Таким образом, на 1000 мужчин приходилось 888,2 женщины. Такое распределение для того времени было вполне логичным, так как в городах сосредоточивались фабрично-заводские предприятия, а также располагались воинские части. Кроме того, города являлись торговыми и культурными центрами. Преобладание в городах мужского населения было зафиксировано во всех регионах империи, даже в привислинском крае (о чем подробнее будет сказано ниже).

Подавляющая часть горожан проживала в Европейской России — более 12 млн чел. (6,3¹ мужчин и 5,7² женщин). Наибольшая численность городского населения была в С.-Петербургской (1,4 млн чел.) и Московской (1,1 млн чел.) губерниях, где в то время бурно развивалась промышленность. Весьма много городских жителей перепись зафиксировала в Киевской (459 тыс. чел.), Харьковской (789 тыс. чел.) и Оренбургской (244 тыс. чел.) губерниях.

Большая численность городского населения наблюдалась в Привислинском регионе. Здесь процент горожан доходил до 23% против 13,4% в среднем для всей империи. Всего в 10 губерниях Привислинского края проживало 2158 тыс. горожан.

Менее всего городских жителей было в Сибири, где численность их составила 486 тыс. чел., т.е. примерно 8% от всего населения.

На Кавказе и в Средней Азии численность городских жителей была выше, но это в основном было мужское население. На Кавказе на 1000 мужских душ женщин было всего 758. Еще меньше их было в среднеазиатских городах¹⁸.

В Российской империи на рубеже XX в. насчитывалось 19 городов с населением свыше 100 тыс. чел. Среди них два города, Киев и Рига, имели более 200 тыс. жителей; три города, Лодзь, Одесса и Варшава — свыше 300 тыс., в столицах Петербурге и Москве — свыше миллиона. В таких городах, как Самара, Минск, Казань, Нижний Новгород, Николаев, Минск и др., насчитывалось около 100 тыс. населения.

Возрастнополовой состав

Перепись 1897 г. позволила выявить возрастную структуру населения Российской империи. По всей империи преобладало женское население (50,26%). Особенно это было заметно в губерниях Европейской России (51,04%). В то же время в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии численность мужчин превышала число женщин. В Сибири женское население составляло 48,2%, на Кавказе — 47,39% и в Средней Азии — 46,24% от общего количества

проживавших в тех местностях. Однако ввиду того, что в Европейской России численность населения значительно превосходила число жителей в вышеуказанных регионах, в целом по России, как уже было отмечено, женское население преобладало, хотя и незначительно.

Анализ погубернских итогов переписи показал, что численность женщин была заметно выше числа мужчин в промышленных и северных губерниях, особенно в Нижегородской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Владимирской, Костромской и других местах, где была особенно развита легкая промышленность. В южных губерниях мужское население несколько преобладало. Там были крепкие крестьянские хозяйства и мужчины не уходили на отхожие промыслы, что также влияло в ряде губерний на соотношение мужского и женского населения.

Самая большая разница между женским и мужским населением была обнаружена в Ярославской губернии — 610 тыс. женщин на 460 тыс. мужчин. Одной из причин этого положения являлось то, что в Ярославской губернии был широко развит отхожий промысел.

Следует, однако, отметить, что в столичных губерниях (Московской и С.-Петербургской) было зафиксировано больше мужчин, чем женщин, особенно это касалось Москвы (592 тыс. мужчин на 447 тыс. женщин) и С.-Петербурга (693 тыс. мужчин и 572 тыс. женщин). Такая же тенденция была отмечена и в отношении Одессы (217 тыс. мужчин и 187 тыс. женщин)¹⁹.

Первая всеобщая перепись обнаружила весьма любопытные данные по возрастному составу населения. Наибольшая категория людей была представлена лицами от 20 до 60 лет (табл. 1). Их было 57% от всего состава населения империи. Самую большую возрастную группу составляли дети от 1 до 9 лет — 23,9%, т.е. почти четверть населения. Учитывая, что многие подростки начинали свою трудовую деятельность с 10—14 лет, а старики продолжали работать после 60-летнего возраста, можно сделать вывод, что в Российской империи более 65% населения являлось трудоспособным.

Анализ табл. 1 свидетельствует, что в целом население Российской империи было сравнительно молодым — 76,5% составляли люди до 50 лет, т.е. больше трех четвертей всего населения. До 70 лет доживало 10,9% всего населения, а свыше 70 лет — 2,6%. Перепись зафиксировала, что в Российской империи имелись и долгожители. Свыше ста лет прожили 15657 человек, из них 6827 мужчин и 8830 женщин.

Данные переписи по всем возрастным группам показали, что женщины жили дольше мужчин.

Таблица 1*

Распределение населения по полу и возрасту в 1897 г.

Возраст	Мужчин	Женщин	Всего	в %
Дети моложе года	2155093	2136632	4291725	3,4
От 1 до 9 лет	14975914	15071879	30047793	23,9
От 10 до 19 лет	13094402	13359380	26453782	21,1
От 20 до 29 лет	10145066	10215904	20360970	16,2
От 30 до 39 лет	7893941	7912107	15806048	12,6
От 40 до 49 лет	5873596	5832868	11706464	9,3
От 50 до 59 лет	4110800	4210657	8321457	6,6
От 60 до 69 лет	2664196	2745512	5409708	4,3
От 70 до 79 лет	1150351	1228806	2379157	1,9
От 80 до 89 лет	327007	351228	678235	0,6
От 90 до 99 лет	54235	64348	118583	0,1
От 100 до 109 лет	6639	8530	15169	0,0
От 110 и более	188	300	488	0,0
Неизвестного возраста	25920	24522	50442	0,0
Итого:	62477348	63162673	125640021	100

* Общий свод по империи... Т. I. С. 1—2, 58—59.

Распределение населения по возрасту значительно зависело от региона империи (табл. 2).

Таблица 2*

Возрастной состав населения по отдельным регионам империи (%)

	Дети моложе года		1—9 лет		10—19 лет		20—59 лет		Остальные	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
По империи	3,4	3,4	24	23,9	20,9	21,1	44,7	44,6	7	7
Европейская Россия	3,7	3,5	24	23,4	21,3	21,4	44,1	44,5	6,9	7,2
Привислинские губернии	3,5	3,5	24,6	24,7	20,5	21,5	45,4	43,9	6	6,4
Кавказ	2,9	3,0	26,8	28,2	20,3	19,8	44,4	42,9	5,6	6,1
Сибирь	3,5	3,6	21,6	23,2	19,5	20,7	47,3	44,8	8,1	7,7
Средняя Азия	1,2	1,4	21,4	24,6	19,1	19,6	51,9	48,3	6,4	6,1

* Общий свод по империи... Т. I. С. IX.

Из данных табл. 2 вытекает, что детей младшего возраста (до 1 года) более всего было в европейской части России, включая бывшее Царство Польское (привислинские губернии). Это было отмечено самими разработчиками переписи, которые подчеркивали в своих комментариях, что младенцы преобладали в губерниях с преобладающим славянским населением (это относилось и к Сибири, так как Сибирь в то время заселялась преимущественно русскими и украинцами).

В Средней Азии численность младенцев была самой незначительной. Высокая рождаемость сопровождалась значительной смертностью детей до года.

В следующей возрастной группе, от 1 года до 9 лет, на первые места вышли Кавказ, затем европейские и привислинские губернии, а Сибирь и Средняя Азия несколько уступали вышеупомянутым регионам.

Юношеская группа (10—19 лет) наиболее высока была у населения Европейской России, наименее — в Средней Азии. Следует отметить, что в Средней Азии особенно заметным было число лиц в возрасте 20—59 лет, за ней следовала Сибирь, и наименьшая численность этих возрастных групп была у мужчин Европейской России.

Разработчики переписи, сопоставляя численность населения различных частей империи по возрастным группам, вывели средний возраст жителей отдельных регионов страны (табл. 3).

Таблица 3*

Средний возраст жителей различных регионов
Российской империи (лет)

	По империи			В городах			В уездах		
	муж.	жен.	обоих пола	муж.	жен.	обоих пола	муж.	жен.	обоих пола
По империи	25,05	25,32	25,16	26,15	26,85	26,50	24,86	26,10	24,98
По 50 губерни- ям Европейской России	24,98	25,54	25,26	26,43	27,41	26,92	24,75	25,28	26,01
Привислинские губернии	24,25	24,47	24,36	24,32	25,14	24,73	24,22	24,27	24,25
Кавказ	23,80	24,07	23,94	24,71	24,75	24,73	23,68	23,42	23,55
Сибирь	26,79	25,77	26,31	28,14	26,90	27,52	26,69	25,68	26,13
Средняя Азия	26,84	25,33	26,14	27,52	26,12	26,82	26,74	25,23	25,98

* Общий свод по империи... Т. I. С. X.

Из табл. 3 видно, что наиболее высокий средний возраст был у мужчин в Средней Азии и у женщин в Сибири. Наименьший возраст для обоих полов был зафиксирован на Кавказе. При сравнении данных, характерных для городского населения, отмечается повсеместно более высокий средний возраст в городах, чем в уездах. Как правильно отмечали разработчики переписи, это объяснялось не только лучшими санитарными условиями в городах и скорой врачебной помощью, но главным образом тем, что в города приезжали в основном наиболее сильные и здоровые люди.

Заканчивая рассмотрение вопроса о возрастном составе населения Российской империи, следует отметить, что в целом он был весьма благоприятным. Основную массу жителей составляло молодое и среднее поколение. Угроза постарения населения в то время перед Российской империей не стояла.

В Российской империи, как и в любом другом государстве, имелись люди с физическими недостатками. По переписи 1897 г. их насчитывалось 524368 человек, из них 272429 мужчин и 251939 женщин. В эту группу населения входили слепые от рождения, ослепшие от болезни и ранений, глухонемые, немые и умалишенные. Почти половину лиц с физическими недостатками составили слепые (116204 мужчин и 131696 женщин). Умалишенных было значительно меньше (67755 мужчин и 49954 женщины)²⁰.

Национальный состав населения

В переписи 1897 г. не было специального вопроса по национальности. Его роль выполняла графа о родном языке. Однако разработчики переписи подвергли данный материал корректировке. В предисловии к таблицам, характеризовавшим распределение населения по родному языку, они писали: «Так как графа о родном языке при производстве переписи имела главную целью выяснить именно национальность населения, то во многих случаях при разработке переписного материала было признано целесообразным подвергнуть показания означенной графы соответствующим поправкам, пользуясь при этом другими указаниями и признаками, имевшимися в тех же переписных листах...»²¹ Они подчеркивали, что это «дало полную возможность более точно определить численность» разных народов, проживающих в Российской империи. Трудности выявились в основном в Дагестанской области и в Средней Азии, особенно в Туркестане и Киргизии.

С учетом вышеизложенного мы можем пользоваться представленными во II томе переписи таблицами XIII, XIIIa и XIIIб, показывающими распределение населения по родному языку. В них содержится ценнейший материал о нациях, народностях и этнических группах, проживавших в Российской империи²².

На момент переписи крупнейшей этнографической группой являлись славяне, распадавшиеся на три ветви: восточную, к которой принадлежали русские, западную — поляки и чехи (со словаками) и южную (болгары, сербы, хорваты и словенцы).

Важно отметить, что к русским разработчики переписи относили украинцев, которых называли малороссами, и белорусов (белороссы). Все эти три национальности объединились в понятие русское население, численность которого достигала 83933567 человек, что соответствовало $2/3$ всего населения империи²³.

Конечно, такое обобщенное понятие не дает правильного представления о вышеназванных национальностях. Из представленных разработчиками переписи данных можно составить следующую таблицу (табл. 4).

Таблица 4*

Распределение населения по национальностям (млн)

Национальность	Мужчин	Женщин	Итого
Русские (великороссы)	27103	28564	55667
Украинцы (малороссы)	11244	11137	22381
Белорусы (белороссы)	2923	2963	5886

* Общий свод по империи... Т. II. С. 2.

188461
194281

Таким образом, русские в Российской империи составляли примерно 48% всего населения. Это была самая крупная нация страны. В основном русские проживали в Европейской России и Сибири. Сравнительно много их было на Кавказе (около 2 млн), меньше всего — в привислинских губерниях (267 тыс.) и в Средней Азии (588 тыс.)²⁴. Более всего русских жило в Московской, Вятской, Пермской, Орловской, Тамбовской губерниях (свыше 2 млн в каждой). Далее шли губернии — С.-Петербургская, Курская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Тверская и область Донского войска, в которых насчитывалось по 1,6—1,8 млн чел. в каждой. Следует подчеркнуть, что русские жили во всех губерниях и областях страны.

Второй крупнейшей нацией в Российской империи являлись украинцы, или, как их в то время называли, малороссы. Всего их насчитывалось свыше 22 млн чел., что составляло примерно одну пятую часть населения страны (чуть меньше). Они жили компактно в Киевской, Полтавской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Екатеринославской и других губерниях, которые впоследствии составили территорию Украинской республики. Сравнительно много украинцев было в приволжских губерниях, в Крыму (Таврическая губерния), на Северном Кавказе, а также в центральных

регионах. Значительные группы украинцев заселили Сибирь, которая начала осваиваться ими вместе с русскими еще в XVI—XVII вв.

Третье место по численности населения в России занимали поляки. Перепись 1897 г. зафиксировала 7,9 млн поляков — 3,9 млн мужчин и 4,0 млн женщин. Эта почти 8-миллионная этническая группа в основном компактно проживала в привислинских губерниях, а также на территории ряда регионов Украины, Белоруссии, в Центральной России.

Четвертыми по численности населения были белорусы. Они проживали в Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях, которые впоследствии составили костяк Белорусской республики. Много белорусов жило на землях Царства Польского, а также в Центральной России. Всего по переписи 1897 г. к белорусам было отнесено 5,9 млн человек — 2,9 млн мужчин и 3,0 млн женщин.

Итак, всего в Российской империи около 92 млн чел. являлись славянами. Вместе с чехами, болгарами, сербами и хорватами, проживавшими в России, хотя их было и немного, они составляли подавляющее большинство населения империи.

В европейской части России наиболее многочисленными после славян были народы тюркской группы алтайской языковой семьи — татары, башкиры и чуваши. Их было примерно около 6 млн человек. Они проживали в основном в Поволжье и в верховьях Урала. Татар насчитывалось 3,7 млн чел. — 1,9 млн мужчин и 1,8 женщин. Компактно они проживали в Казанской губернии, но их также было много и в других районах Нижнего, Верхнего и Среднего Поволжья. Там же жили башкиры — 1,3 млн человек (676 тыс. мужчин и 645 тыс. женщин)* и чуваши — 844 тыс. (422 тыс. мужчин и 422 тыс. женщин).

В Европейской России на территории от Прибалтики до Кольского полуострова и Северного Урала проживали народы финно-угорской группы уральской языковой семьи. Это эсты (эстонцы), финны, карелы, коми (зыряне и пермяки). Среди них самыми многочисленными были эсты — 1,0 млн чел. (488 тыс. мужчин и 516 тыс. женщин).

На этих же территориях жили литовцы и латыши, принадлежавшие к летто-литовской группе индоевропейской языковой семьи. Их было сравнительно много: латышей 1,4 млн чел. (693 тыс. мужчин и 737 тыс. женщин) и литовцев 1,2 млн чел. (595 тыс. мужчин и 615 тыс. женщин).

К уральской языковой семье принадлежали удмурты, черемисы (марийцы), мордва, проживавшие в районах Средней Волги.

---

* Перепись населения 1897 г. учла отдельно родственников башкирам народности — мешеряков (52 тыс. чел.) и тептярей (118 тыс. чел.).

Самыми многочисленными среди них была мордва — 1,0 млн чел. (499 тыс. мужчин и 525 тыс. женщин).

В бассейне Нижней Волги жили калмыки (190 тыс. чел.).

В Российской империи проживало значительное число евреев — 5,0 млн чел. (2,4 млн мужчин и 2,6 млн женщин). Они селились в основном за чертой оседлости в привислинских губерниях, а также на территории Новороссии и белорусских губерний.

В европейской части империи жило сравнительно много немцев, которые переселились в Россию в XVIII—XIX вв. Немцев по переписи 1897 г. насчитывалось 1,7 млн чел. (885 тыс. мужчин и 905 тыс. женщин).

На юге России расселились молдаване и румыны. Их численность составляла 1,1 млн чел. (575 тыс. мужчин и 546 тыс. женщин). Там же жили греки, хотя и не так много (187 тыс.).

Чрезвычайно пестрая этническая картина была в Закавказье и на Северном Кавказе.

На Северном Кавказе особенно много племен и народностей проживало в Дагестане — более 20 (аварцы, лезгины и др.). Больше всего, после русских, на Северном Кавказе было чеченцев — 226 тыс. (116 тыс. мужчин и 110 тыс. женщин). Затем шли осетины — 172 тыс. (90 тыс. мужчин и 92 тыс. женщин), кабардинцы — 99 тыс. (51 тыс. мужчин и 48 тыс. женщин), ингуши — 47 тыс. (24 тыс. мужчин и 23 тыс. женщин), черкесы — 46 тыс. (25 тыс. мужчин и 21 тыс. женщин) и другие народности. Как правило, на Северном Кавказе численность мужчин коренного населения превышала число женщин.

Весьма полиэтничным был национальный состав и Закавказского региона. Больше всего здесь проживало грузин — 1,3 млн чел. (693 тыс. мужчин и 649 тыс. женщин). Они в основном жили в Кутаисской и Тифлисской губерниях, хотя довольно много их было и в других регионах Кавказа. Второй нацией по численности в Закавказье являлись армяне — 1,2 млн чел. (621 тыс. мужчин и 552 тыс. женщин). Кроме Эриванской губернии они проживали и в других закавказских регионах. Третье место занимали азербайджанцы. Больше всего они расселились в Бакинской губернии, но и в других районах Закавказья их было немало. Рядом с этими народами соседствовали много других народов и племен, некоторые из которых были довольно многочисленны, например, абхазы (абхазцы) — 72 тыс. В Закавказье проживали также турки — 209 тыс. (112 тыс. мужчин и 97 тыс. женщин).

Среднюю Азию и Казахстан издавна заселяли различные народы, более половины которых говорила на языках тюркской группы. В их числе были киргизы (собственно киргизы и казахи — 4,1 млн чел.), узбеки (724 тыс. чел.), таджики (350 тыс. чел.), туркмены (281 тыс. чел.) и многие другие народности, к примеру, каракалпаки (108 тыс. чел.).

На огромных просторах Сибири жили самые разные народности и племена. Как уже отмечалось, здесь было много русских, украинцев и белорусов, заселивших этот регион с XVI в. Среди коренных народов следует отметить алтайцев и хакасов, а также других, говорящих на тюркском языке (440 тыс. чел.). В Сибири жило много якутов (226 тыс.) и бурятов (269 тыс.).

На северо-востоке проживали самоеды (ненцы). Их было немного, примерно 15 – 16 тыс.

От Енисея до Тихого океана проживали тунгусы (66 тыс. чел.). К ним перепись относилась, кроме собственно тунгусов, манчжуров, дауров, самагиров, гольдов (нанайцев), ольчей (ульчей), ороков, орочонов, ламутов (эвенов) и др.

На Чукотке, Камчатке и Крайнем Севере жили гиперборейцы: чукчи, коряки, эскимосы, амуты, юкагиры, айны, камчадалы и другие немногочисленные племена. Перепись 1897 г. зарегистрировала 12 тыс. чукчей, 11 тыс. эскимосов, 6 тыс. алеутов.

На Дальнем Востоке, в основном в районе Владивостока, жили корейцы (26 тыс. чел.) и китайцы (37 тыс. чел.). Естественно, что здесь проживало много русских.

Такова далеко не полная этническая карта Российской империи. Свыше 100 наций, народностей и племен проживало в этом огромном государстве.

Вероисповедание. Грамотность

В Российской империи проживали люди разных вероисповеданий. Подавляющее большинство жителей, особенно в Европейской России и Сибири, были православными. В Средней Азии более 90% населения исповедовали ислам. На Кавказе около половины жителей были православными, а 34,5% — магометанами (табл. 5).

Итак, как уже было отмечено, самой многочисленной группой населения являлись православные — их максимальный показатель свыше 80% приходился на Сибирь и губернии Европейской России, много православных было на Кавказе, а менее всего — в привислинских губерниях, где господствовали римско-католическая и лютеранская церкви. Иудейская религия в основном была распространена в привислинских губерниях (14%), а также в ряде губерний Европейской России (4,2%). Естественно, что подавляющее большинство магометан проживали в Средней Азии, хотя и число православных там было больше, например, чем в привислинских губерниях — примерно 8,3% всего населения.

Таблица 5*

Состав населения по вероисповеданиям (%)

	Империя	Европейская Россия	Привис- линские губернии	Кавказ	Сибирь	Средняя Азия
Православные	69,35	81,71	6,47	49,40	85,79	8,28
Староверы	1,75	1,88	0,10	1,46	4,16	0,84
Армяно-григо- риане	0,94	0,05	0,00	12,12	0,01	0,06
Армяно-католики	0,03	0,00	0,00	0,39	0,00	0,00
Римско-католики	9,13	4,65	74,80	0,49	0,61	0,71
Лютеране	2,84	3,30	4,41	0,59	0,27	0,11
Реформаты	0,07	0,08	0,06	0,02	0,00	0,00
Баптисты	0,03	0,03	0,04	0,02	0,01	0,00
Мевнониты	0,05	0,07	0,01	0,02	0,00	0,01
Англикане	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Ост. христиане	0,00	0,00	0,01	0,01	0,00	0,00
Караимы	0,01	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00
Иудеи	4,15	4,06	14,05	0,61	0,60	0,17
Магометане	11,70	3,82	0,05	34,52	2,20	90,32
Буддисты и ламаисты	0,35	0,18	0,00	0,16	4,30	0,02
Остальные нехристиане	0,23	0,16	0,00	0,19	2,05	0,00

* Общий свод по империи... Т. I. С. XV.

Обратимся теперь к показателям грамотности населения*.

Всего грамотных в стране в 1897 г. было 21,1%. Среди мужчин грамотных насчитывалось в 2,3 раза больше, чем среди женщин. Показатели грамотности населения Кавказа, Сибири и особенно Средней Азии в значительной степени отставали от соответствующих показателей по Европейской России.

Колебания в показателях грамотности по губерниям были весьма значительными. Так, уровень грамотности в трех прибалтийских губерниях — Курляндской, Лифляндской и Эстляндской — составлял 70—78% и почти в 5 раз превышал показатели

* Материал по грамотности населения на рубеже XX в. подготовлен С. Д. Морозовым.

четырёх губерний Центральной России и Украины — Астраханской, Пензенской, Псковской, Подольской — 14,6—15,5%. Из губерний со сравнительно высокими показателями, помимо трех прибалтийских, выделялись также Петербургская, Московская, Ярославская; в шести губерниях — Бессарабской, Симбирской, Астраханской, Подольской, Пензенской, Псковской — удельный вес грамотности колебался в пределах 14,6—15,6%.

Таблица 6*

**Показатели грамотности всего населения России в 1897 г.
по возрасту и полу**

Возраст, лет	% грамотных		
	муж.	жен.	Оба пола
Все население	29,3	13,1	21,1
В том числе:			
4—9	4,6	2,7	3,6
10—19	45,1	21,8	33,5
20—29	45,3	19,5	32,3
30—39	39,5	15,7	27,6
40—49	33,2	12,6	22,9
50—59	26,5	11,1	18,7
60 и старше	20,0	9,7	14,8

* Общий свод по империи... Т. I. С. XVI, 36, 39, 188.

Если не принимать во внимание первую возрастную группу, в которой значительная часть детей еще не обучалась грамоте, то в остальных группах по мере перехода к более старшим возрастам мы наблюдаем падение уровня грамотности — с 33,5% в возрасте 10—19 лет до 14,8% — в группе 60 лет и старше.

Весьма значительными являются различия в уровне грамотности населения различных возрастных групп у мужчин и женщин. В целом в 1897 г. в России было 72% неграмотных, не считая детей до 9-летнего возраста.

Данные табл. 7 показывают, что при общем достаточно высоком уровне грамотности «правлящих» сословий — дворян, чиновников, купечества, духовенства — и в их среде имелась незначительная часть неграмотных. Свыше 3/4 лиц сельских сословий, т.е. в массе своей крестьян, были неграмотны; еще ниже была грамотность народов окраин — среди них грамотных было только 3,6%. Уровень грамотности дворян, чиновников и духовенства был в 3—4 раза выше, чем у лиц сельских сословий. Грамотность

почетных граждан, купцов, мещан и других городских сословий с семьями составляла около 50%.

Таблица 7*

**Удельный вес грамотного населения по сословиям и полу
в возрасте 10 лет и старше**

Сословия	% грамотных		
	муж.	жен.	оба пола
Все сословия	38,7	17,0	27,7
В том числе:			
Дворяне, чиновники и их семьи	88,0	81,8	84,7
Духовенство и их семьи	96,7	79,2	87,3
Почетные граждане, купцы, мещане	64,9	40,6	52,4
Сельские сословия	36,7	12,7	24,6

* Общий свод по империи... Т. I. С. 160—163, 188—195.

В России существовали резкие различия в уровне грамотности населения города и села.

Таблица 8*

Грамотность городского и сельского населения

Возраст, лет	% грамотных					
	город			село		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
Все население	54,0	35,6	45,3	25,2	9,8	17,4
В том числе:						
менее 10	11,2	9,0	10,1	3,9	2,0	2,9
10—19	72,4	55,6	64,1	41,4	17,1	29,1
20—29	66,2	48,5	59,4	38,5	14,7	25,9
30—39	64,2	40,2	53,0	34,7	11,7	22,9
40—49	58,8	33,5	46,7	28,0	9,3	19,1
50—59	53,9	31,8	42,2	22,5	8,2	15,3
60 и старше	47,2	25,8	35,1	17,1	7,2	12,0

* Общий свод по империи... Т. I. С. XVII, 50—55; Приложение к Т. I. С. 40—41.

Расхождения в показателях грамотности мужчин и женщин в городах менее значительны, чем среди сельского населения. Сравнительно более высокий уровень грамотности как у мужчин, так и у женщин наблюдается в возрастных группах 10—19 и 20—29 лет.

Грамотных среди сельского населения в 1897 г. было 17,4%. Процент грамотности среди женщин был в 2,6 раза ниже, чем среди мужчин. Показатели грамотности для отдельных возрастных групп села также в значительной степени различны. Так, среди населения в возрасте 10—19 лет (29,1%) и 20—29 лет (25,9%) грамотных было примерно в 2 раза больше, чем в возрасте 50—59 лет и 60 лет и старше.

Изменения в численности, составе и размещении населения в начале XX в. Миграционные процессы

В связи с поражением Российской империи в русско-японской войне по Портсмутскому мирному договору в 1905 г. Россия потеряла Южную часть острова Сахалин, а также Порт-Артур и Дальний на Ляодунском полуострове, арендованном Россией у Китая. Опираясь на расчеты разных исследователей истории русско-японской войны, можно представить следующие данные о потерях русской армии.

Таблица 9*

Людские потери русской армии в русско-японской войне в 1904—1905 гг. (чел.)

По данным	Убито	Умерло от ран	Умерло от болезней в годы войны	Всего**
Каминский Л.С. Новосельский С.А.	24844	6614	12983***	44441
Урланис Б.Ц.	25331	6127	11170	42628

* См.: Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах (1758—1918): Справочная книга. М., 1947. С. 39—42; Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы: людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII—XX вв.: ист.-стат. исследование. М., 1960. С. 130.

.. Без потерь Военно-Морского Флота.

... Включая умерших от несчастных случаев и покончивших самоубийством.

Учитывая потери Военно-Морского Флота, вышеупомянутые авторы насчитывают в итоге 51 тыс. чел. В число потерь включены умершие в плену от ран и болезней.

Таблица 10*

**Потери среди русских военнопленных в период
русско-японской войны 1904—1905 гг. (чел.)**

Всего русских военнопленных	Из них умерло в плену		
	от ран	от болезней	Итого
59000	613	1030	1613

* Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 315.

Кроме того война нанесла ущерб состоянию здоровья: среди военнослужащих было признано инвалидами вследствие ранений и болезней 77 тыс. чел.

Безусловно эти потери оказали определенное влияние на воспроизводство населения, но не могли нарушить основных тенденций демографического развития, характерных для начала XX в. Рост численности населения продолжался. С 1897 по 1913 г. (включительно) оно увеличилось почти на 50 млн чел. На 1 января 1914 г. в России проживало 175137,8 тыс. чел. Вместе с Финляндией, которая входила тогда в состав империи, число жителей составляло 178,1 млн²⁵.

Как и прежде, подавляющее большинство людей проживало в Европейской России (128,9 млн чел.). Во всех регионах Европейской России к 1913 г. население дало значительный прирост²⁶. По сравнению с 1897 г. число жителей ЦПР увеличилось на 32,4%, Озерного (Сев.-Зап.) района — на 37%, Среднего и Нижнего Поволжья — на 34,3%, ЦЧР — на 38,8%. Самый большой прирост населения в Европейской России наблюдался на Северном Кавказе — 68,4%. Высоким был прирост населения в привислинских губерниях — 41,5%, украинских губерниях — 36,2%, в Верхнем Поднепровье и Белоруссии — 36,2%. Несколько медленнее росло население Финляндии, Северного района, но и там оно увеличилось на 28—29%.

Обращает внимание на себя большой приток населения в Сибири и на Дальнем Востоке, что было связано с освоением новых земель. Число жителей здесь увеличилось на 75,4%. За счет высокой рождаемости выросло на 44% население Средней Азии и Казахстана. Убыли населения не прослеживается ни в одном из регионов России.

Увеличилась плотность заселения. «Густо» населенными были районы ЦПР, ЦЧР, Озерный (Сев.-Зап.), Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и Причерноморье. Слабо был заселен Северный район. Во всех перечисленных трех районах плотность населения колебалась от 0,9 до 3,6 человек на 1 кв. версту.

В начале XX в. развитие промышленности сопровождалось ростом городского населения. Хотя сельских жителей было значительно больше, чем городских, Россия уверенно вступила на путь урбанизации. В 1913 г. городских жителей (без Финляндии) насчитывалось 26,3 млн чел., а сельских — 148,8 млн²⁷.

Рост городского населения отмечен во многих районах, но особенно в Северо-Западном, ЦПР, прибалтийских губерниях, привислинских губерниях. Доля городского населения достигала более 20—30%. Однако в некоторых районах число жителей осталось неизменным или увеличилось незначительно.

К 1910 г. по сравнению с 1897 г. увеличилось число городов с населением свыше 50 тыс. — 70 против 54; свыше 100 тыс. — 27 против 15. По-прежнему население свыше миллиона имели лишь два города — Петербург (1,9 млн против 1,3) и Москва (1,5 млн против 1,1). На 143 тыс. выросло население Варшавы, на 95 тыс. — Одессы, на 60 тыс. — Саратова, на 50 тыс. — Ростова-на-Дону, на 56 тыс. — Томска и т.д. Семь городов встали на 100-тысячный рубеж или близко подошли к нему по числу своих жителей: Иваново-Вознесенск, Минск, Царицын, Н.Новгород, Николаев, Двинск, Уфа.

Однако среди крупных европейских государств — Англии, Франции, Германии, Италии — Россия отличалась все еще довольно низким удельным весом городского населения.

Как свидетельствует табл. 10, в первые годы XX в. заметно изменился состав населения по полу. На 1 января 1914 г. численность мужчин и женщин в Российской империи почти сравнялась — 87740 тыс. мужчин и 87638 тыс. женщин. Напомним, что перепись 1897 г. зафиксировала 49% мужчин и 51% женщин²⁸.

Бурный рост жителей России в начале XX в. дал заметные результаты в плотности населения, которая выросла до 9,3 человек в 1913 г. против 6,7 человек в 1897 г. на одну квадратную версту. Однако по-прежнему Средняя Азия и Сибирь были заселены чрезвычайно слабо: соответственно 3,6 и 0,9 человек на одну квадратную версту. Наиболее заселенными были привислинские губернии — почти 123 человека на одну квадратную версту, что приближалось к стандартам европейских государств. В Европейской России и на Кавказе плотность доходила до 30—31 человека. Азиатская же часть империи, несмотря на определенный рост населения, все еще была освоена слабо.

Важно отметить, что рост населения Российской империи происходил за счет естественного прироста. Повышенный естественный прирост был в 1902, 1903, 1904 и особенно 1907 гг. (18,1%).

Минимальным он оказался в военном 1905 г. (13,9‰), а также в 1909—1910 гг.

Весьма благоприятными по показателям роста населения за счет воспроизводства оказались 1911 г. (17,0‰), 1912 г. (16,9‰) и 1914 г. (16,0‰). Ниже был 1913 г. (15,5‰)²⁹. По показателям воспроизводства населения в 1901—1910 гг. страна занимала одно из первых мест в Европе. Лишь в странах Балканского полуострова естественный прирост был так же высок. Во Франции он был очень низок (всего 1,2‰), а в Нидерландах и Дании приближался к российским показателям. В то же время Россия, как и в XIX в., устойчиво занимала первое место в Европе по уровню как рождаемости, так и смертности. В 1901—1910 гг. рождаемость в России достигала 46,8‰, в то время как в большинстве стран Европы она находилась на уровне 30‰, а в среднем по Европе составила 35‰. Смертность в России в эти годы составила почти 30,3‰, в Венгрии 25,7‰, и Испании 25,2‰, и была гораздо меньше, не достигая 15‰, в таких странах, как Дания, Швеция, Норвегия.

Влияние рождаемости и смертности на воспроизводство населения и на демографические тенденции начала XX в. можно проследить лишь при сравнительном анализе показателей за максимально значительные отрезки времени³⁰. Уже в первой половине XIX в. в России отмечается повышение рождаемости (с 43,7‰ в 1801—1810 гг. до 52,4‰, в 1851—1860 гг.) и еще больший рост смертности (с 27,1 до 39,4‰), что и вызвало некоторое снижение естественного прироста (с 16,0 до 13,0‰). Это было обусловлено в первую очередь эпидемиями холеры в 30—50-е годы, которая распространилась почти на всю Европу.

Во второй половине XIX в. рождаемость в России понижается слабо (1851—1860 гг. — 52,4‰, 1881—1890 гг. — 50,4‰). Именно в начале XX в. отмечается более заметное ее понижение (1901—1910 гг. — 46,8‰, 1914 г. — 41,0‰). Смертность же в эти годы снижается гораздо быстрее (1851—1860 гг. — 39,4‰, 1881—1890 гг. — 35,5‰, 1901—1910 гг. — 30,3‰, 1914 г. — 24,6‰). Судя по этим данным, успехи медицины, в основном земской, и некоторое повышение уровня жизни способствовали на фоне развивающейся урбанизации и промышленного роста появлению едва намечившихся тенденций перехода к так называемому современному типу воспроизводства населения — понижению уровней смертности и рождаемости и сокращению детности, увеличению продолжительности жизни.

Столыпинская аграрная реформа чрезвычайно активизировала миграционные процессы в империи³¹. Как и ранее, миграционные процессы состояли из: а) миграции земледельческого населения из перенаселенных регионов империи в заселяемые окраины; б) эмиграции главным образом из западных регионов за рубеж, преимущественно в страны Нового Света; в) иммиграции больших групп переселенцев из соседних государств Европы и Азии в Россию, а

также реэмиграции тех переселенцев, которые не смогли закрепиться на новых местах.

Особую группу мигрантов внутри страны составляли переселенцы, прибывающие на жительство в города из окрестных, преимущественно земледельческих, районов.

В конце XIX в. миграции наконец стали признаваться полезными для страны, переселенцы получали пособия на местах прибытия, им оказывалась медицинская помощь в пути следования, продавались льготные железнодорожные билеты. В течение 1896—1913 гг. в окраинных районах империи поселилось 5,2 млн чел., при этом и в начале XX в. продолжалось освоение и заселение территории Европейской России и Кавказа, хотя и не такими темпами, как в XIX в. Теперь в Азиатскую Россию переселилось 76,1% новоселов, на Кавказ прибыло около 18%, а в Новороссию — 6%.

В Азиатской России заселялась в первую очередь Западная Сибирь, которая приняла треть всех земледельческих мигрантов (2549,9 тыс.). Совершенно исключительной здесь оказалась роль Томской губернии, где поселилось 28% общего числа всех переселенцев на окраины.

В переселенческом движении участвовали в основном жители центральных великороссийских губерний (Центрально-Земледельческий регион, по официальным данным, — 720,5 тыс. чел., Северное Приуралье — 277 тыс. и т.д.). Много мигрантов дала Украина (Левобережная — 572, Правобережная — 341 тыс. чел.). Эти данные свидетельствуют о том, что решающую роль в освоении новых территорий сыграли густозаселенные аграрные регионы России, которые до реформы 1861 г. являлись цитаделью крепостничества и в пореформенный период были в наибольшей мере опутаны ее пережитками. Около трети всех переселенцев на окраины приходилось на долю украинцев, было немало белорусов и представителей народов Поволжья, но в целом численно преобладали русские.

Наряду с оттоком на окраины в начале XX в. усилился приток земледельческого населения в города. С 1897 по 1913 г. механический прирост населения за счет выходцев из деревни в Петербурге достиг 1050 тыс.чел., в Москве — 833,4 тыс., в Варшаве — 53,2 тыс., в Одессе — 208,1 тыс. Большой приток мигрантов отмечался также в Риге, Лодзи, Ревеле, Киеве, Кишиневе и т.д.

В начале XX в. усиливается эмиграция из России за рубеж, в основном из западных губерний России. Одновременно с этим отмечается приток иностранцев в Россию, главным образом из Персии, Германии, Турции, Австро-Венгрии³².

Абсолютное большинство мигрантов (около 87%) общего числа выбыло в США. Среди других стран можно назвать Канаду (почти 6%), Аргентину (5%).

Среди переселенцев, прибывших в США, абсолютно преобладали евреи (41%), поляки (около 28%), литовцы и латыши (9%),

финны (7%) и немцы (6%). Доля так называемых «русских», включавших в свой состав русских, украинцев и белорусов (с преобладанием украинцев), равнялась 8%. До 1910 г. «русских» среди эмигрантов было очень мало, но потом, в канун Первой мировой войны, их число резко возросло.

В Канаде в первое десятилетие XX в. среди выходцев из России преобладали «русские» (18,6 тыс. чел., или почти 60% общего числа). Евреев оказалось 6,3 тыс., поляков — 4,5 тыс. чел.

Таким образом, эмиграция из России в начале XX в. была весьма значительной, хотя и уступала размерам переселенческого движения на окраинах и внутри страны. География эмиграционных потоков из России была весьма своеобразна. Если центральные районы империи, Приуралье, Поволжье, Левобережная Украина, Новороссия, отчасти Правобережная Украина (Киевская губерния) направляли сотни тысяч людей для заселения восточных и южных регионов страны, то западные губернии приняли весьма активное участие в заселении Америки и незначительное — в переселениях за Урал и на Кавказ. Привислинские губернии, Финляндия, Литва, Волынская губерния — основные территории, поставлявшие эмигрантов за рубеж.

Значительную часть оттока русских подданных за рубеж поглотил встречный поток иностранцев, в основном из Германии, Персии, Турции, Австро-Венгрии и т.д. В 1901 — 1915 гг. в империи осело 1,3 млн чел. иностранных подданных. По сравнению с XIX в. резко увеличилось число выходцев из азиатских стран: Персии, Турции, Китая. Снизилась роль уроженцев Германии и Австро-Венгрии, сыгравших в целом в XIX — начале XX в. исключительную роль в переселенческом движении в Россию.

Таким образом, интенсивные миграционные процессы в России способствовали притоку земледельческого населения на заселяемые окраины и в промышленные города. Они вызвали также отток жителей западных окраин империи за рубеж. Одновременно достиг значительных размеров приток в Россию жителей соседних государств. Различный уровень естественного прироста, миграционные и этнические процессы изменили удельный вес и географическое размещение многих народов России в начале XX в. (между 1897 и 1913)³³.

Доля русских заметно выросла на окраинных, заселяемых территориях: в Южном Приуралье, Новороссии, на Северном Кавказе, в Закавказье, в Казахстане и Средней Азии, а также в Сибири и на Дальнем Востоке — примерно от 2 до 4%, а в Средней Азии — на 6%.

Повысился удельный вес русских в Озерном регионе благодаря притоку в Петербург сельского населения, в основном из соседних великорусских губерний, вырос он и в белорусско-литовском регионе, особенно в Смоленской и Могилевской губерниях. В остзейских губерниях доля русских составляла от 4,2 до 9,6%, причем больший процент приходился на латвийские земли.

Примерно на 2% понизился удельный вес русских в ЦПР, ЦЧР, т.е. в центральных районах.

Изменилось и размещение украинцев на территории империи. За период с 1897 по 1913 г. из украинских земель в азиатскую часть России выбыло 1,4 млн эмигрантов, а назад вернулось 0,3 млн. Вырос удельный вес украинцев в Казахстане — более чем на 11%, а во всех других регионах России — на 0,7%.

Заметным сделался в России и немецкий этнический компонент. В 1913 г. он составлял 2,5% всего населения, тогда как в XVIII — первой половине XIX вв. немцев было не более 1% и размещались они преимущественно в Остзейских землях и привислинских губерниях (до административному делению на начало XX в.). В начале XX в. география их расселения расширилась.

Конфессиональный состав населения в России со времен переписи 1897 г. не претерпел изменений. По-прежнему основная масса населения исповедовала православие, магометане преобладали в Средней Азии и были значительны на Кавказе. Католики в основном проживали в привислинских губерниях, к ним относилось почти все польское население. Лютеран было довольно много в остзейских губерниях, привислинских губерниях, 3,3% их проживало в других регионах Европейской России. Иудеи расселялись в привислинских губерниях, остзейских губерниях, Правобережной Украине, в центральной части Европейской России.

Таким образом, в начале XX в. Россия представляла собой огромную империю с очень сложным по национально-этническому, конфессиональному составу населением, преобладанием традиционного типа воспроизводства населения, соответственно чему молодым возрастным составом, высокой рождаемостью и смертностью, многодетностью. В канун войны наблюдалось равновесие полов, демографическая ситуация была благоприятной. Наблюдался стабильно высокий естественный прирост населения. Вместе с тем необходимо отметить, что на фоне урбанизации и индустриального развития появились первые признаки демографического перехода, т.е. процесса, который давно уже развивался в странах Западной Европы.

Полным ходом осуществлялось заселение и хозяйственное освоение окраин империи: Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, Северного Кавказа, Новороссии. Жители в основном западных губерний активно заселяли страны Нового Света (в первую очередь США и Канаду). Однако на смену им из соседних стран Европы и Азии (Персии, Турции, Германии, Австро-Венгрии и др.) устремлялась армия иммигрантов, почти равная по численности эмиграционной волне.

Глава II.

Городская семья в конце XIX — начале XX века

Возрастнополовой состав горожан

Общие тенденции развития семьи неразрывно связаны и в значительной степени определяются возрастнополовым составом населения. Конец XIX — начало XX вв. отмечены интенсивным ростом городского населения. По подсчетам А.Г.Рашина, он опережал рост численности населения Российской империи. Так, если численность горожан с 1897 по 1 января 1914 г. возросла на 58%, то численность всего населения России — на 33,7%*. Однако доля жителей городов в населении страны продолжала оставаться низкой, составив в 1913 г. 14,2, а в 1914 г. — 15%**.

Городское население росло за счет пригородов, а также пришлого населения из близлежащих губерний. Город как промышленный, административный, культурный центр привлекал преимущественно рабочих, ремесленников, крестьян, ищущих заработка, учащихся, военных. Нередко в городах расквартировывались войска. Это способствовало тому, что в городах Российской империи (за исключением Финляндии) в 1890-е — 1900-е годы преобладало мужское население при постоянном росте женского. Численность женщин высокой была в городах Европейской России, привислинских губерний, а низкой — в городах Сибири, Кавказа, Средней Азии (табл. 11, 12).

Таблица 11*

Половой состав городского населения России, 1897 г.

	Численность городского населения, тыс. чел.			На 100 мужчин приходилось женщин
	мужчин	женщин	обоего пола	
Европейская Россия	6321014	5728326	12029340	906
Привислинские губ.	1108971	1049691	2158662	947
Кавказ	682728	517528	1200256	758
Сибирь	274357	211410	485767	771
Средняя Азия	525070	409300	934370	779
По Российской империи	8912140	7916255	16828395	888

* Таблица рассчитана по: Общий свод по империи... Т. I. С. IV, I.

* Без Польши.

** С Финляндией.

В столичных городах Москве и Петербурге наблюдалось аналогичное явление. Так, в Москве (без пригородов) на 1000 мужчин в 1871 г. приходилось 700 женщин, 1897 г. — 765, 1902 г. — 782, 1912 г. — 843, 1915 г. — 891; Петербурге (без пригородов) в 1869 г. — 768, 1897 г. — 827, 1900 г. — 835, 1910 г. — 915². Все это свидетельствовало об усилении спроса на женский труд и распространении его применения. Рост числа женщин создавал в городах условия для более пропорционального соотношения между полами. Такое явление, конечно, относилось к условиям мирного времени.

Таблица 12*

Состав городского населения России, 1904—1915 г. (по полу)

	На 1000 мужчин в городах России приходилось женщин:					
	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Европейская Россия	921	924	923	923	934	933
Привислинские губ.	966	965	964	962	960	952
Кавказ	772	786	789	795	800	769
Сибирь	807	812	831	841	866	858
Средняя Азия	805	807	802	806	814	823
Финляндия	1136	1135	1134	1134	1136	1135
По Российской империи	911	913	913	912	918	916
	На 1000 мужчин в городах России приходилось женщин:					
	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Европейская Россия	933	935	936	948	961	960
Привислинские губ.	963	964	966	975	980	980
Кавказ	776	786	791	796	814	814
Сибирь	858	823	806	810	811	804
Средняя Азия	835	839	846	850	858	863
Финляндия	1132	1130	1101	1102	1101	1101
По Российской империи	920	920	920	920	941	940

* Таблица составлена по: Статистический ежегодник России за 1904—1915 гг. СПб., Пг., 1905—1916.

Приток мужчин и женщин сказывался на возрастном составе городского населения.

Распределение городского населения Российской империи по возрастным группам показало, что в нем, по данным переписи населения 1897 г., преобладали дети (0—9 лет) — 20,5%, подростки и молодежь (10—19 лет) — 19,9%, люди молодого возраста (20—

29 лет) — 22,5%. Люди средних и особенно пожилых возрастов составляли незначительный процент: 30—39 лет — 14,4%, 40—49 лет — 9,8%, 50—59 лет — 6,5%, 60—69 лет — 4,1%, 70 и более лет — 2,3%. Таким образом, городское население в целом было молодым. Причем по мере повышения возрастной градации численность возрастных групп постепенно падала, достигая минимума в наиболее пожилых.

Соотношение мужчин и женщин в возрастных группах складывалось по-разному. Перепись 1897 г. зафиксировала низкий процент мальчиков в возрастных группах: 0—9 лет — 19,4% (к общему числу мужчин), 10—19 лет — 19,1%. Мужчины пожилых возрастов, особенно после 80 лет, составляли менее 1%. В основном они преобладали в наиболее трудоспособных возрастах 20—29 и 30—39 лет.

Высоким процент женщин был в наиболее юных возрастах 0—9 лет — 21,9%, 10—19 лет — 20,7%. В последующих возрастах процент женщин снижался, особенно в возрасте 20—29 лет, составляя 18,4%, 30—39 лет — 14,2%, после 80 лет — менее 1%. Тем не менее в средних и пожилых возрастах сохранялось относительное равновесие полов при незначительном преобладании мужчин в возрасте 30—39 лет и женщин — в последующих возрастах. Доля пожилых возрастных групп (после 80 лет) и у мужчин и у женщин была равна 0,1%³. Сведения по отдельным городам показали те же явления.

В возрастном составе Москвы по переписи 1902 г. в основном были представлены молодые рабочие возраста 20—30 лет. Такое положение оставалось характерным и в последующие годы. По расчету А.Г.Рашина, в 1912 г. на 1000 населения в возрасте 15—59 лет приходилось 748 человек. Возрастные группы детей и пожилых людей были в численном отношении небольшими, причем в возрастах от 3 до 10 лет, а также в пожилых (60 лет и более) преобладали женщины⁴.

В Петербурге наблюдалось аналогичное явление. Об этом свидетельствовали данные переписей населения, проведенных в 1900 г. и 1910 г. Они зафиксировали преобладание мужчин в молодых рабочих возрастах, а женщин — в возрастных группах 1—10 лет, 46 лет и старше⁵. Такие же закономерности выявила перепись населения 1912 г. в Томске⁶.

Материал переписей крупных городов показал преобладание в городском населении возрастных групп 15—49 лет. Подобная ситуация была характерна и для европейских столиц. В Москве и Петербурге молодого населения было больше, чем в европейских городах. Это объяснялось более поздним, чем в Европе, развитием в городах России торговли и промышленности и в связи с этим скоплением в них молодого населения.

Пришлый элемент, по исчислениям Ю.Бруннемана на основе сведений переписи 1897 г., составлял в Москве 73,8%, С.-Петербурге — 68,7%. По данным переписей С.-Петербурга (1900 г.) и Москвы (1902 г.), пришлое население в них составляло 69 и

72,4%. В то же время процент пришлых в Париже равнялся 68,2, Берлине — 59,1 (табл. 13).

Таблица 13*

**Основные возрастные группы населения Москвы,
С.-Петербурга, Берлина, Парижа**

Возрастные группы	На 1000 жителей приходилось			
	Москва 1902 г.	С.-Петербург 1900 г.	Берлин 1900 г.	Париж 1896 г.
0—14 лет	205	212	257	192
15—59 лет	748	740	684	726
60 лет и более	47	48	59	82

* См.: Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы, 31 января 1902 г. М., 1903. Вып. 3. С. 2.

Таким образом, городское население России в конце XIX — начале XX вв., по имеющимся статистическим данным, было представлено трудоспособным населением, в котором преобладали мужчины. Заметно выделялись рабочие возраста — 20—30 лет. Пожилые возрастные группы не были многочисленными. Сложившаяся возрастнополовая структура оказывала влияние на возраст вступления в брак, брачное состояние, семейный состав горожан.

Брачность

Скопление в городах мужчин и женщин рабочих возрастов, наличие в них военнослужащих обусловило значительное число холостых мужчин и незамужних женщин. Причем они преобладали над состоящими в браке. Это явление было зафиксировано в материалах Всеобщей переписи населения 1897 г., а также в данных переписи населения Петрограда 1910 г.⁷ В то же время перепись населения Москвы 1902 г. и С.-Петербурга 1900 г. показали господствующее положение состоящих в браке мужчин и женщин, что совпадало в целом с положением, существующим в европейских столицах в начале века (табл. 14, 15).

Преобладание в городах молодых мужчин и женщин, не состоящих в браке, возрастание применения женского труда влияли на постепенное изменение взглядов на брак, внебрачные отношения, возраст вступления в брак, возможность повторного брака.

Брачность городского населения Российской империи, безусловно, имела значительные различия в зависимости от социальной, сословной, религиозной, национальной принадлежности. Тем не менее наблюдались общие явления и тенденции. Рассмотрим их.

Брачность населения России была всеобщей. По расчетам М.С.Тольца, в конце XIX в. в Европейской России оставались вне брака к возрасту 45—49 лет 4% мужчин и 5% женщин. Россия уступала Болгарии и Сербии, где 1% мужчин и 3% женщин к этому возрасту оставались вне брака, опережая европейские страны, например, Ирландию (соответственно 17 и 20%), Великобританию (15 и 12%), Францию (12 и 11%) и т.д. Причем, по данным XIX в., население Европейской России вступало в брак в основном один раз (мужчины — 1,23, женщины — 1,04). Такое положение соответствовало незначительному числу разводов⁸ (табл. 14, 15).

Таблица 14*

Распределение городского населения по брачному состоянию в 1897 г. (относительные числа)

Территория	На 1000 мужчин приходилось:				
	холостых	женатых	вдовцов	разведенных	не указавших
Российская империя	584	388	26	1	1
Европейская Россия	580	390	26	1	1
Привислиньские губ.	601	379	18	1	1
Кавказ	604	371	22	1	2
Сибирь	577	378	40	2	3
Средняя Азия	562	408	26	2	2
Территория	На 1000 женщин приходилось:				
	незамужних	замужних	вдов	разведенных	не указавших
Российская империя	521	358	117	2	2
Европейская Россия	524	347	125	2	2
Привислиньские губ.	566	348	82	3	1
Кавказ	487	397	113	2	1
Сибирь	505	376	117	1	1
Средняя Азия	412	478	106	2	2

* Таблица рассчитана по: Общий свод по империи... Т. I. С. 216—217.

Всеобщий характер брачности населения России был связан с рядом причин. Одна из них — традиционное отношение к семье как к выполнению своего долга перед Богом и обществом. Подобные ценностные установки имели в своей основе религиозное мировоззрение. В этой связи необходимо отметить, что в России были распространены различные вероисповедания. По данным

Центрального статистического комитета за 1904—1916 годы, православные составляли 69,9%, от всего населения России, магометане — 10,8%, католики — 8,9%, протестанты — 4,9%, иудеи — 4,1%, прочие христиане — 0,96%, прочие нехристиане — 0,50%. В Европейской России также основная масса населения исповедовала православие — 74,9% (от всего населения Европейской России). В Азиатской России православные составляли 46,9%, магометане — 45,4% (от всего населения Азиатской России)⁹.

Таблица 15*

Распределение населения городов Российской империи и Европы по брачному состоянию (относительные числа)

Брачное состояние	На 1000 мужчин приходилось в городах (по данным переписей населения):			
	Российской империи	Москве	С.-Петербурге	Петрограде
	1897 г.	1902 г.	1900 г.	1910 г.
Холостых	584	394	473	582
Женатых	388	568	497	388
Вдовцов	26	29	26	28
Разведенных	1	1	2	2
Не указавших	1	8	2	—
	На 1000 женщин приходилось в городах (по данным переписей населения):			
Незамужних	521	343	405	560
Замужних	358	442	410	319
Вдов	117	205	179	118
Разведенных	2	4	3	3
Не указавших	2	6	3	—
	На 1000 мужчин приходилось в городах (по данным переписей населения):			
	Лондоне 1901 г.	Париже 1901 г.	Берлине 1900 г.	Вене 1900 г.
Холостых	420	401	437	495
Женатых	530	525	528	461
Вдовцов				
Разведенных	50	61	33	44
Не указавших	—	13	2	—

Брачное состояние	На 1000 женщин приходилось в городах (по данным переписей населения):			
Незамужних	422	340	388	449
Замужних	463	464	473	418
Вдов Разведенных	115	177	139	133
Не указавших	—	19	—	—

* Рассчитано по: Общий свод по империи... Т. I. С. 36—67; Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 1. С. 61—62; Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы 31 января 1902 года. Вып. 4. С. 2, 5; С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Вып. 1. С. 24—31; Петербург по переписи населения 15 декабря 1910 года. Ч. 1. С. 14—15.

Религии, исповедуемые населением России, имели разные ценностные ориентации и установки на брак, семью, детность, роль женщины в семье. Христианство исповедовало духовные основы брака, семьи, взаимоотношений между супругами, родителями и детьми. В христианской религии оправданием плотского начала брака считалось деторождение, которое рассматривалось как высший смысл вступления в брак. Христианская церковь отрицательно относилась к разводам, к контролю над рождаемостью, считая это смертным грехом. Причем в этом плане наиболее непримиримую позицию занимала католическая церковь.

Ислам был менее аскетичен. В этом вероисповедании идея безбрачия не поддерживалась. Поощрялось раннее (для женщин) вступление в брак, многоженство (для мужчин), многодетность. Допускались разводы. В то же время значительно сильнее, чем в других религиях, принижалась роль женщин в брачно-семейных отношениях¹⁰.

В условиях господства религиозных взглядов на ценности брака в семье дети воспитывались в духе обязательного вступления в брак. Характерно, что к незамужним дочерям и холостым сыновьям, вовремя не вступившим в брак, отношение было неуважительное. Особенно это проявлялось по отношению к взрослым дочерям, безбрачие которых подчас становилось для них жизненной трагедией¹¹.

При вступлении в брак было много запретов. Запрещались браки без согласия родителей. От чиновника требовалось письменное удостоверение его начальства об отсутствии на службе препятствий к браку. Не могли вступать в брак лица, объявленные неспособными по глухоноте или немоте, душевнобольные. Неспособные по расточительству и пьянству могли вступать в брак с разрешения высшего опекунского установления. Религиозная специфика также отражалась в правовых ограничениях. По российскому законодательству по существу запрещались браки между христианами и нехристианами. Лицам христианско-

го, иудейского или магометанского исповеданий запрещалось вступать в брак с язычниками. Многоженство у христиан не допускалось. В то же время мусульмане могли вступать в брак с представителями других религий — христианами и иудеями¹². При сложившемся положении браки в основном были возможны в рамках одного вероисповедания.

Характер брачности населения в значительной степени был обусловлен возрастом вступивших в брак. В Европейской России во второй половине XIX в. мужчины вступали в брак в возрасте 24 лет, женщины — 21 года; в Сибири — соответственно 24 и 21; на Кавказе — 25 и 19, в Средней Азии — 27 и 18; в Болгарии, Румынии, Сербии мужчины — 23–25 лет, женщины — до 20 лет. В европейских государствах — Швеции, Англии и Уэльсе, Германии, Италии — наблюдалось более позднее вступление в брак: мужчины — 28–30 лет, женщины — 24–28 лет. Во всех европейских странах, таким образом, видна небольшая разница в возрасте между мужчинами и женщинами, вступающими в брак. Более позднее замужество женщин западноевропейских стран приводило к иному положению в семье. Отношение к взрослым незамужним дочерям было в целом более благоприятным, чем в странах Восточной Европы, России.

В городах России, по данным Всеобщей переписи населения 1897 г., максимальное число состоящих в браке мужчин падало на возрастной интервал 30–39 лет, женщин — 20–29 лет. Причем в городах в брак вступали позднее, чем в сельской местности. Так, в городах Европейской России мужчины женились в 26–27 лет (на селе 23–24 года), женщины — 23 года (на селе — 21 год)¹³. В крупных городах — Петербурге, Москве, Киеве, Харькове — наблюдалось снижение брачного возраста — в 1870-е годы мужчины вступали в брак в возрасте 29–31 года, женщины — 23–25 лет; в 1880-е годы соответственно 28–30 и 22–25; в 1890-е годы — 27–29 и 23–25; в 1900-е — 26–29 и 22–25¹⁴. Из приведенного материала видно снижение возраста вступления в брак в основном у мужчин. Брачный возраст женщин более стабилен. В то же время наиболее благоприятный возрастной период для вступления в брак у женщин был меньше, чем у мужчин (на 5–10 лет). Это в определенном смысле ограничивало возможности женщин для вступления в брак, в том числе и повторный. Однако возрастная разница вступающих в брак не была значительной, как и в европейских странах. Тем не менее в восточных регионах России видно увеличение брачного возраста у мужчин и сокращение у женщин.

Сокращались ранние браки (до 20 лет), особенно в городах. По расчету А.Г.Вишневого, в важнейших городах Европейской России ранние браки составляли у мужчин в 1867–1870 гг. 11,1%, в 1891–1910 гг. — 9,0%; у женщин соответственно 43,0 и 34,8%. В прочих городах в 1867–1870 гг. у мужчин — 39,1%, в 1901–1910 гг. — 15,0%; у женщин соответственно 58,0 и 43,7%. В уездах у мужчин в 1871–1880 гг. — 39,6%, в 1901–1910 гг. —

34,3%; у женщин соответственно 59,2 и 57,8%¹⁵. Причем доля ранних браков у женщин была выше, чем у мужчин.

В целом возраст вступления в брак в российских городах был благоприятен для воспроизводства населения, что способствовало высокой рождаемости. В условиях повышенной смертности населения создавались возможности для повторных браков.

Брачный возраст был социально и сословно обусловлен. Так, среди дворян наиболее благоприятным для мужчин считался возраст 26—30 лет, женщин — 21—25; среди купечества соответственно 26—35 и 17—20; мещан — 21—25 и 19—25 лет. Однако в дворянской и купеческой среде возрастная разница между мужем и женой могла быть значительной — 15—20 лет. Это было связано с существовавшей в России традицией, предусматривающей необходимость материальной основы для вступления в брак и создания семьи.

В то же время роль в обществе и семье мужчин и женщин была различной. Основное предназначение женщины — замужество, воспитание детей, ведение домашнего хозяйства, для мужчины — главы семьи — их обеспечение. В связи с этим до женитьбы мужчина должен был овладеть профессией, продвинуться по службе, сделать сбережения, накопить капитал, вступить в права наследования и т.д. Причем у мещан было принято обучать молодого человека ремеслу, у купцов — торговому делу и его организации; дворяне должны были продвигаться по службе¹⁶.

В начале XX в. наметились изменения традиционных ценностей и норм демографического поведения горожан. Этому способствовали многие факторы. Назовем некоторые из них: качественные изменения социально-экономического характера как следствие индустриализации и урбанизации российского общества; молодой возрастнополовой состав городского населения, в котором преобладали мужчины; участие женщин в профессиональном труде; накопление в обществе научных знаний и представлений. Это вносило перемены в брачное поведение людей. Так, вступление в брак становилось менее обязательным, чем было ранее.

Наблюдалось постепенное сокращение брачности населения. Аналогичные явления были характерны и для европейских стран. В России в 1870-х годах на 1000 населения приходилось 10 браков, в 1913 г. — 8,5. Во Франции общая брачность понизилась с 8,5 в 1875 г. до 7,5 в 1913 г., в Германии — с 10,2 в 1872 г. до 7,7 в 1913 г., в Англии — с 8,7 в 1865 г. до 7,8 в 1913 г.¹⁷

Динамика брачности городского населения Европейской России характеризовалась следующим образом: с 1900 г. по 1903 г. количество заключенных браков практически не изменилось; с 1904 г. по 1908 г. наблюдался их рост; в 1909 г. не произошло увеличения браков; в 1910 г. видно их сокращение (удельный вес браков в городах Европейской России составлял: в 1900 г. — 11,1%, 1901 г. — 11,2%, 1902 г. — 11,1%, 1903 г. — 11,1%, 1904 г. — 11,3%, 1905 г. — 11,5%, 1906 г. — 12,0%, 1907 г. — 12,1%, 1908 г. — 12,4%, 1909 г. — 12,4%, 1910 г. — 12,0%¹⁸.

В столичных городах был зафиксирован рост брачности (Москва). В то же время показатели брачности оставались низкими: на 1000 жителей в Москве в 1867—1880 гг. приходилось 4,4 брака, в 1881—1890 гг. — 4,8, 1891—1900 гг. — 5,4, 1901—1910 гг. — 5,7, 1911—1913 гг. — 6,0, в Петрограде в 1911—1913 гг. — соответственно 6,4¹⁹.

Браки, составляющие ядро семьи, имели устойчивый характер. По сведениям Всеобщей переписи населения 1897 г., а также переписей Москвы (1902 г.), С.-Петербурга (1900 г.), Петрограда (1901 г.) видно незначительное число разведенных, особенно среди мужчин. Женская разводимость была несколько выше, но также оставалась небольшой (табл. 14, 15). Это было связано с выработанными в российской обществу ценностными ориентациями, системой взглядов, направленными на стабильность семьи, ее сохранение. Они, как отмечалось, поддерживались и регламентировались церковью. Данная ситуация выражалась в том, что разводы разрешались в семейном законодательстве, но максимально затруднялись. Развод рассматривался духовным судом имеющих в России вероисповеданий и допускался в следующих случаях: «безвестное отсутствие супруга; присуждение супруга к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы или на поселение либо на водворение, если другой супруг не последовал за осужденным в место его ссылки; посягательство одного супруга на жизнь другого или жестокое, опасное для жизни и здоровья обращение одного супруга с другим; нарушение супружеской верности прелюбодеянием; неспособность супруга к супружескому сожитию»²⁰.

Между тем в начале века разводы постепенно приобретали новые черты. Это в большей степени выражалось не в количественных, а в качественных изменениях. Менялась обоснованность разводов. Изучение данного явления показало, что если для XIX в. основанием для развода в основном были такие причины, как «безвестное отсутствие супруга» и «присуждение супруга к лишению всех прав состояния...», то в начале века произошло увеличение разводов из-за доказанного «нарушения супружеской верности прелюбодеянием»²¹.

В условиях максимального ограничения разводов прекращение браков наступало в большинстве случаев в результате смерти одного из супругов. Смертность, особенно в наиболее крупных городах, оставалась высокой. Так, например, в Москве на 1000 жителей в 1896 г. умерло 29,6, в 1897 г. — 27,2, в 1898 г. — 26,8, в 1899 г. — 24,4, в 1900 г. — 26,6, в 1901 г. — 25,2 (в 1901—1909 гг. — 23,6, в 1910 г. — 23,1); в С.-Петербурге соответственно — 28,7, 23,6, 28,6, 23,8, 24,3, 28,5; в Одессе — 23,6, 20,9, 20,8, 20,1, 21,3, 20,4; в Николаеве — 33,3, 32,8, 34,9, 33,8, 31,8, 26,9. Аналогичное явление наблюдалось в городах Европейской России. В 1902 г. смертность составила 25,7%, в 1903 г. — 26,1%, в 1904 г. — 26,3%, в 1905 г. — 27,2%, в 1906 г. — 26,5%, в 1907 г. — 26,8%, в 1908 г. — 26,5%, в 1909 г. — 27,6%, в

1910 г. — 26,3%, в 1911 г. — 24,1%, в 1912 г. — 23,5%, в 1913 г. — 23,6%.

В значительном числе городов смертность превосходила рождаемость: в 1905 г. — по 95 городам Европейской России, в 1906 г. — по 57 городам Европейской России и 19 Азиатской России, в 1907 г. — соответственно 50 и 8, в 1908 г. — 52 и 11, в 1909 г. — 64 и 11, в 1910 г. — 66 и 7, в 1911 г. — 32 и 9, в 1912 г. — 37 и 32². Это подтверждалось и статистическими данными по отдельным городам. Так, в Саратове высокий естественный прирост наблюдался только в 1906 г. — на 1000 населения 9,4. В последующие годы он снижался и в 1913 г. составил на 1000 населения 3,6²³. В то же время, по сведениям Управления главного врачебного инспектора, виден процесс сокращения числа городов, где смертность была выше рождаемости. Тем не менее смертность в России была высокой и обгоняла европейские города: в среднем в 1910-х годах на 1000 жителей умерло в Будапеште — 19,4, Вене — 16,8, Нью-Йорке — 16,2, Лондоне — 14,0, Базеле — 13,1²⁴.

Важно отметить, что мужская смертность в российских городах была намного выше женской. Исключение составляли дети в возрасте 0—5 лет — на 1000 жителей городов с населением свыше 100 000 в 1896—1897 гг. умерло мужчин — 62,7, женщин — 142,5; 5—10 лет соответственно — 12,2 и 11,1; 10—15 лет — 5,3 и 4,8. С возраста 15—20 лет и особенно после 25 лет смертность росла как мужская, так и женская. Причем мужская смертность намного обогоняла женскую, особенно с возрастов 45—50 лет — на 1000 жителей городов с населением свыше 100 000 в 1896—1897 гг. умерло мужчин — 24,0, женщин — 15,4; 50—55 лет — соответственно 30,5 и 18,5; 55—60 лет — 41,7 и 26,3; 60—65 лет — 53,9 и 34,4; 65—75 лет — 76,5 и 57,1; 75 лет и более — 138,4 и 118,2. В то же время по приведенным данным видно увеличение женской смертности с возраста 55—60 лет. В начале века не произошло существенных изменений. Тем не менее в возрастной группе 1—5 лет смертность сократилась: в 1907—1908 гг. она составила для мужчин 25,0%, женщин — 21,8% (1896—1897 гг. соответственно — 28,4 и 24,9%). В зрелых и пожилых возрастах основная тенденция сохранилась — мужская смертность значительно превалировала над женской.

В Европейской России средняя продолжительность жизни составляла 32 года (для мужчин — 31 год, женщин — 33 года), что было ниже средней продолжительности жизни населения в западных странах. Так, для сравнения отметим: в Австрии средняя продолжительность жизни была 39 лет (для мужчин — 38 лет, женщин — 40); Германии соответственно — 42 (41 и 44); Италии — 43 (43 и 43); Англии — 46 (44 и 48); Франции — 47 (45 и 49); Швеции — 52 (51 и 54)²⁵.

Высокую смертность мужчин в трудоспособных возрастах можно объяснить притоком в города сельского и в основном мужского населения. Причем значительная часть пришедших работала

в промышленном производстве. Это приводило к глубочайшим изменениям в их привычных условиях существования, ломке всего прежнего уклада жизни. Городская жизнь с высокой плотностью населения, скученностью, антисанитарией, неудовлетворительным питанием имела отрицательные воздействия на организм человека*.

Таблица 16*

**Брачность городского населения Европейской России
(50 губерний) по брачному состоянию, 1896—1910 годы**

Годы	Число заключенных браков		Браки по брачному состоянию На 1000 браков заключено браков в городах			
	всего	в городах	холостых		вдовцов	
			с девицами	с вдовами	с девицами	с вдовами
1896	809847	87098	814	46	82	58
1897	857371	90501	821	44	81	54
1898	825602	90679	825	44	78	53
1899	898202	97508	832	42	77	49
1900	873018	97275	826	44	78	52
1901	862408	96955	832	41	74	53
1902	877909	97049	830	43	76	51
1903	919082	102136	833	41	75	51
1904	802525	90386	828	42	77	53
1905	816887	93748	820	46	81	53
1906	1045244	125115	821	51	77	51
1907	993809	120164	816	50	78	56
1908	901607	112132	810	50	82	58
1909	912666	113196	823	46	76	55
1910	977241	117757	822	45	76	57

* Таблица рассчитана по: Движение населения в Европейской России за 1896—1910 годы. СПб.; Пг., 1899—1916.

Высокий уровень смертности горожан с превалированием мужской смертности в наиболее трудоспособных возрастах порождал такие явления, как вдовство и повторный брак.

* См. об этом: Араловец Н.А. Заболеваемость и смертность городского населения России, конец XIX в. — 1920-е годы // Народонаселение: современное состояние и перспективы развития научного знания. М., 1997. С. 57—66.

Вдовство было характерно для молодых, средних и пожилых возрастов. Причем вдов в городском населении России было значительно больше, чем в европейских городах (см. табл. 14, 15). Тем не менее повторные браки больше встречались среди вдовцов (табл. 16).

Между тем в начале XX в. в повторном браке наметились некоторые перемены. Расширялся постепенно круг брачного выбора — холостые мужчины не обязательно должны были жениться на девицах. Об этом свидетельствовало сокращение числа браков, заключаемых горожанами в данной категории в 1904—1908 гг. Несомненно увеличилась доля холостых, вступающих в брак с вдовами, а также вдовцов — с девицами и вдовами. Наибольшее число заключенных браков между этими брачными категориями наблюдалось в конце XIX в. (1896, 1897 г.) и в начале XX в. (1905—1909 гг.), т.е. в годы с повышенной смертностью горожан.

Между тем происходящие перемены не меняли традиционного для российского общества брачного состояния горожан. Как и ранее, браки заключенные между холостыми и девицами, значительно преобладали над другими брачными категориями, причем это явление оставалось характерным для всех вероисповеданий.

В то же время в начале XX в. происходило сокращение повторных браков. Так, по данным Центрального статистического комитета видно, что среди мужчин в 1891—1895 гг. они составляли 19,2% (к общему числу браков), в 1906—1910 гг. — 14,2%; среди женщин соответственно — 9,9 и 8,9%²⁶. Это можно объяснить сокращением смертности населения в начале XX в. по сравнению с концом XIX в. Менялись взгляды людей на брак и семью. Так, вдовы, возможно, не считали обязательным для себя вступать в повторный брак, как это было в предшествующие годы. Однако уменьшение повторных браков в условиях сохраняющегося высокого уровня смертности в 1900-е годы имело важные последствия для брачного состояния горожан (росла категория вдовых, особенно вдов), а также типа, размера, детности городской семьи.

Семейный состав

Наиболее распространенным типом городской семьи становилась семья, состоящая из брачной пары, детей, родственников. Большие семьи, с родителями, семьями 2—3 сыновей и родственников сохранялись в российских городах. Экономической основой таких семей являлась собственность на средства производства, финансовые рычаги, находящиеся в руках главы семьи. Однако они не были типичными уже в конце XIX в. Больше распространение получали небольшие семьи (родители и дети).

Малые семьи, образовавшиеся в основном вследствие дробления больших семей, состояли из 5—6 человек. Подобные семьи встречались, например, у коренных рабочих Нижнего Та-

гила. В других промышленно развитых городах семьи рабочих были менее многочисленны (Петроград). Небольшие семьи были также распространены, например, в восточных регионах России у киргизов.

В больших и малых семьях во главе стояли мужчины. Все члены семьи подчинялись ее главе, женщины — мужчинам, жена — мужу, младшие — старшим. Существовала, таким образом, сложная иерархия семейных отношений. Причем женщины занимали в них наиболее неравноправное положение, особенно жены. Они были обязаны полностью повиноваться мужьям. Наиболее тяжелым было положение женщин-мусульманок, зависевших не только от мужа, но и от других жен, попав в семью в качестве второй, третьей, четвертой жены. Это порождало неограниченный произвол глав семей по отношению к женам, а также остальных членам семьи. В таких условиях семейные отношения часто держались на силе власти и страхе. Патриархально-авторитарная организация семьи оставалась характерной как для города, так и деревни. Данная ситуация объяснялась аграрным в целом развитием российского общества, с сильным влиянием крестьянских традиций и устоев²⁷.

Размеры семей уменьшались не только из-за дробления больших семей, но также вследствие сокращения рождаемости, что оказывало влияние на детность семей. Если в 1896—1897 гг. общий коэффициент рождаемости в городах Европейской России составлял 37,9%, то в 1902 г. — 37,0%, в 1911 г. — 34%, в 1913 г. (47 городов Европейской России) — 31,7%²⁸. На сокращение рождаемости влияли изменения, происходившие в брачности городского населения, а также постепенно развивающиеся процессы сознательного регулирования рождаемости в семье, которые затрагивали не только зажиточные группы горожанок. В России, как и в других странах, искусственный аборт был запрещен, но его производство увеличивалось. По некоторым данным (1900-е годы), незаконный аборт составлял 75% всех учтенных абортов. Причем состоятельные женщины за дорогую плату имели возможность сделать аборт в больнице, бедные обращались за помощью к знахарям. Например, обследование 1893 г. женщин Харькова и примыкающих к нему территорий показало, что абортами и преждевременными родами заканчивалось более 1/5 всех беременностей (22,1%). В Петербурге в начале века число абортов увеличилось в 10 раз (20% к числу рождений)²⁹.

В то же время рождаемость оставалась высокой. Ее уровень зависел от региональной специфики. Так, например, в 1910 г. в среднем по 50 губерниям европейской части России на каждый заключенный брак приходилось 5,3 рождений, на Урале — 6 рождений. Изучение рабочей уральской семьи показало, что многодетность стимулировалась использованием детского и подросткового труда на заводах, в домашнем и приусадебном хозяйстве, сельскохозяйственных работах. Предусматривалась также по-

мощь, обычно младшим женатым сыном, престарелым родителям³⁰.

Значительное влияние оказывали традиции и обычаи, освященные религией. Так, материал Центрального статистического комитета отразил увеличение рождаемости у женщин магометанского вероисповедания в отличие от женщин других вероисповеданий в 1910 г. по сравнению с 1899 г. (табл. 17).

Таблица 17*

Рождаемость в Европейской России по вероисповеданиям населения, 1899—1910 гг.

Вероисповедания	На 1000 населения приходилось рождений					
	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.
Православные	52,3	52,1	49,8	51,3	51,3	51,7
Магометане	37,8	45,1	45,1	40,6	45,2	44,0
Католики	39,0	38,8	36,2	38,1	35,1	35,8
Протестанты	31,1	31,9	30,1	30,0	29,6	25,9
Иудеи	32,0	31,9	30,8	31,5	29,3	30,2
Вероисповедания	На 1000 населения приходилось рождений					
	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.
Православные	47,8	50,0	50,7	47,4	47,2	47,1
Магометане	45,2	46,6	42,1	45,1	44,0	47,1
Католики	34,2	33,1	35,0	31,0	31,3	30,5
Протестанты	26,4	25,7	25,5	24,3	24,1	22,3
Иудеи	24,1	25,4	25,4	22,4	20,4	21,7

* Таблица составлена по: Движение населения в Европейской России за 1899—1910 годы. СПб.; Пг., 1904—1916.

Высокая рождаемость давала значительный прирост числа детей — в Москве с 1871 г. по 1912 г. прирост детей составлял 235%. В Петербурге возрастная группа до 15 лет в 1869 г. равнялась 19,5%, в 1910 г. — 24,9%. Тем не менее при сопоставлении с европейскими столичными городами российские столицы отличались сравнительно небольшой численностью детей. Москва и Петербург опережали только Париж. На 1000 жителей всех возрастов в Берлине (1900 г.) приходилось детей от 0 до 15 лет — 257; в Петербурге (1900 г.) — соответственно 212; в Москве (1902 г.) — 205; в Париже (1896 г.) — 192³¹.

Данное явление было связано с высокой смертностью детей, особенно младенцев, в российских городах. Наиболее ярко это видно при сравнении младенческой смертности российских столиц с некоторыми европейскими — на 1000 новорожденных умерло в

возрасте до 1 года в Москве: 1903 г. — 316, 1904 г. — 323, 1905 г. — 322, 1906 г. — 322, 1907 г. — 314, 1908 г. — 318, 1909 г. — 316, 1910 г. — 296, 1911 г. — 321, 1912 г. — 288; в Петербурге — соответственно 253, 243, 259, 256, 250, 281, 242, 261, 232, 248; в Берлине — 76,7, 200, 206, 177, 163, 168, 156, 157, 173, 142; в Париже — 104, 112, 111, 108, 105, 103, 97, 98, 114, 103; в Стокгольме — 125, 106, 113, 98, 92, 91, 87, 95, 77, 86³².

Приведенные сведения соответствовали выводам анкетирования, проведенного в 1911 г. отделом охраны и гигиены труда при Русском обществе охранения народного здоровья среди фабрично-заводского и ремесленного населения Петербурга. Оно показало высокий уровень как рождаемости, так и смертности детей. Так, в семьях, живущих в браке 18 лет, рождаемость составляла около 9 детей на семью. Однако четверть всех родившихся умирала до 1 года³³. Это явление было связано с тяжелыми условиями труда и быта в основном работающих малоимущих женщин, особенно во время беременности; отсутствием свободного времени для ухода за ребенком; незначительными знаниями о гигиене и санитарии. Сказывалось также антисанитарное состояние большинства российских городов, вызывающих распространение острых инфекционных заболеваний.

В то же время из данных Управления главного врачебного инспектора видна тенденция сокращения как рождаемости, так и младенческой и детской смертности в российских городах, что оказывало влияние на количество детей в семье и ее размеры.

В этом плане важно отметить, что для России в конце XIX в. была наиболее характерна семья с 5—7 детьми всех возрастов. Проведенные исследования в начале века показали некоторые изменения в детности семьи. Так, в 1908 г. половина всех рабочих семей в Петрограде имела 1—2 детей, в Нижнем Тагиле — несколько больше.

Таким образом, за рассматриваемый исторический период в брачности и семейных отношениях городского населения России произошли изменения. Наблюдалась медленная переоценка традиционных ценностей брака, семьи, репродуктивного поведения женщин, детности. Это выражалось в тенденции сокращения брачности, включая повторный брак. Расширился круг брачного выбора. Росло число вдовых и разведенных, особенно среди женщин. Происходило дробление больших семей. Сокращение рождаемости, младенческая и детская смертность уменьшали количество детей в семье и ее размеры. Тем не менее городская семья сохраняла вполне традиционные для российского общества черты — устойчивость брака; ограниченность брачного выбора; патриархально-авторитарная организация семьи; неравноправное, униженное положение женщин; сохранение стимулов (социально-экономические, религиозные, психологические) к многодетности. Углубление возникших в начале XX в. перемен в браке и семье было связано с последующими событиями — началом Первой мировой войны, революцией и гражданской войной.

Глава III.

Крестьянская семья

в 1897—1917 гг.

В России крестьянская семья на протяжении многих веков формировалась из родственников по мужской линии. В конце XIX в. она представляла собой в основном традиционный тип семейной организации, в которой формальным главой являлся отец (патриарх), имевший практически неограниченную власть над всеми членами семьи. Такая семья отличалась авторитарной структурой, полным подчинением жены мужу и требованием абсолютного послушания детей родителям при всеобщей строгости и субординации во взаимоотношениях.

В сущности, крестьянская семья в традиционном обществе олицетворяла собой малую сельскую общность вполне самостоятельного типа. Кроме биологического воспроизводства и воспитания детей, в ней производилась также основная часть необходимого материального продукта, потреблявшегося внутри семьи, что достигалось благодаря совместному труду. Иными словами, семья и ее трудовое хозяйство функционировали одновременно и как основная единица биологического воспроизводства, и как единица крестьянской собственности, производства и потребления¹.

Скрепленный традициями и религиозными воззрениями, быт крестьянской семьи эволюционировал крайне медленно. В начале XX в. под влиянием городов и промышленных центров складываются новые черты семейного быта, значительно ослабевают его патриархальные устои.

Взгляды крестьян на брак, семью и детей определяли основные черты их демографического поведения. В целом они отражали сложившиеся нормы обычного права и морально-этических предписаний; своим происхождением были обязаны целому комплексу социально-экономических факторов. Среди них важнейшими были не обеспеченная государством или общиной старость, высокая смертность детей и взрослых, невозможность существования крестьянского хозяйства вне семьи. Нормы семейного права не давали крестьянам никакой альтернативы, несоблюдение этих норм ставило земледельца вне сельского общества, под осуждение со стороны крестьянского «мира».

Эти нормы для русского крестьянства имели религиозно-мистический характер; они были как бы получены его предками от Бога, а предки завещали их ему, крестьянину, сохранить и передать потомкам. В деревне вообще имело исключительное значение все, что было освящено Божьим промыслом, а брак и семья воспринимались как высшие ценности, как единственно возможная, разумная и счастливая форма бытия, освященная Богом: «В нача-

ле создания Бог сотворил мужчину и женщину. Посему оставит человек отца своего и мать. И прилепится к жене своей, и будут два одной плотью»². В силу этого русский человек, земледелец, воспитанный в православном духе, брак понимал прежде всего как свой моральный долг и залог благосостояния и общественного престижа³. Кроме религии, этого требовали правовые и экономические нормы крестьянской жизни, протекавшей в недрах общины. Согласно им, только вступление в брак, женитьба делали молодого парня в глазах сельской общины настоящим хозяином-землепашцем, позволяли ему получить отдельный земельный надел и полноправно участвовать в общинном самоуправлении.

Специфика крестьянского семейно-трудового хозяйства — основного источника существования подавляющего большинства земледельческого населения предполагала разделение труда по половозрастному принципу. Его ведение требовало выполнения многочисленных и разнообразных трудовых операций, традиционно поделенных на «мужскую» и «женскую» работу, где успешно применялась и помощь подрастающего поколения — соответственно сыновей и дочерей. Сугубо мужскими видами работ являлись транспортировка топлива и кормов для скота, уборка хлеба, уход за лошадьми, все полевые работы — пахота, сев, сенокос и т.п. Женскими обязанностями, кроме помощи при работе в поле, считались уход за «избяной» скотиной, корм для которой шел из избы (коровы, телята, овцы, свиньи, птица), работа по дому (приготовление пищи, уборка, стирка, уход за детьми, доставка воды и пр.). В осенне-зимний период женщины в свободное от другой работы время ткали и пряли. Основные работы по дому ложились на замужних женщин, но много трудились и девушки.

Брачность и отношение к разводам

Именно необходимость в хозяйстве молодых и сильных женских рук главным образом и подталкивала крестьянского парня к женитьбе. Невозможность холостой жизни земледельца объясняет огромную роль материального расчета при заключении браков. Это приводило многих наблюдателей к мысли, что брак — скорее хозяйственная сделка, чем взаимная склонность и прочие нематериальные соображения молодых и их родителей. Знарок крестьянского быта В.И.Семевский подтверждал это, считая, что в основе крестьянского брака лежала не столько привязанность, сколько экономический расчет, и крестьянин женился не по страсти, а по необходимости. По понятиям земледельцев, не любовь, а нужда служила оправданием брака, нужда же и брак облагораживала.

В целом сельское (уездное) население Российской империи в конце XIX в. характеризовалось высокой долей лиц, состоявших в браке. Согласно первой всеобщей переписи населения 1897 г., среди мужчин в возрасте от 10 до 59 лет в браке было более по-

ловины — 54,3%, а среди женщин того же возраста — 63,4%⁴. При этом внутри отдельных возрастных групп доля лиц, состоявших в браке, была намного выше. Например, в возрастной группе от 40 до 49 лет женатых мужчин насчитывалось 91,4%, а замужних женщин — 80,7%⁵.

Таким образом, одной из характерных черт матримониального поведения русского крестьянства являлась его практически всеобщая брачность. Подавляющее большинство сельского населения России никогда не знало «европейского» типа брачности, со свойственным ему поздним вступлением в брак и значительным распространением безбрачия. «Европейский» тип брачности преобладал на территории прибалтийских губерний, населенных преимущественно римско-католиками и протестантами. Он оказывал понижающее влияние на уровень брачности лишь в соседних — Петербургской, Архангельской, Вологодской, Новгородской и Олонецкой губерниях.

В конце XIX в. в целом по России коэффициент брачности, т.е. абсолютное число новых браков на 1000 человек населения, был достаточно высок и колебался от 8 до 11%⁶. Так, в последнее десятилетие XIX в. коэффициенты брачности по отдельным губерниям Российской империи выглядели следующим образом (табл. 18):

Таблица 18

Коэффициенты брачности в среднем за 1889—1899 гг.
(в промилле — ‰, на 1000 человек населения)

Регион	Коэффициент брачности
Сибирь в целом (1897 г.)	8,4
Нижегородская губерния	8,4
Казанская губерния	8,9
Урал в целом	9,37
Рязанская губерния	10,2
Смоленская губерния	10,68
Оренбургская губерния	10,9
Уфимская губерния	10,9
Орловская губерния	10,9
Самарская губерния	11,2
По всей России	9,7

Следует отметить, что коэффициенты брачности оставались приблизительно такими же и в начале XX в. Хотя уровень брачности в целом по Российской империи был очень высок, она занимала лишь пятое место в Европе, уступая Сербии, Болгарии, Ру-

мынии и Испании. Ниже, чем в России, коэффициенты брачности были во всех остальных государствах, особенно в Великобритании, Франции и Италии⁸.

Однако внутри России на уровне брачности сказывались этнические и религиозные особенности народов, входивших в ее состав, а также присущие им обычаи матримониального поведения. Так, в 1902 г. самые высокие коэффициенты брачности — 10,2‰ — были среди населения, исповедующего ислам (магометан), чуть меньше — 8,6‰ — у православных, у иудеев — 7,6‰. При этом самыми низкими коэффициенты брачности оказались у католиков и протестантов (соответственно 7,1 и 6,5‰)⁹.

В годы русско-японской войны (1904 — 1905) уровень брачности снизился, но уже в 1906 г. он увеличился и вплоть до Первой мировой войны держался на обычном уровне. Так, в 1910 г. коэффициенты брачности среди магометан и православных были теми же, что и в 1902 г., а среди иудеев они понизились с 7,6 до 5,6‰¹⁰.

В целом брачность — сложное демографическое явление, отражающее многие стороны состояния общества, важнейшей из которых в данном случае является гармоничность полового состава населения. По этой причине уровень брачности в мирные годы сильно отличается от показателей военных лет, когда из-за мобилизации мужчин в армию сильно нарушается естественное соотношение полов в структуре населения и ухудшается ситуация с выбором брачного партнера. Поэтому естественно, что в годы Первой мировой и гражданской войн браки заключались намного реже, чем в мирное время. Так было не только в России, но и в других воевавших странах. Например, в 1916 г. по европейской части России было зарегистрировано лишь около 40% от общего числа браков, заключенных в 1913 г., в Германии — 54, во Франции — 44%¹¹. Характерно, что брачность в деревне снизилась более ощутимо, чем в городах, где все же оставалась определенная часть мужчин из числа военнослужащих или получивших отсрочку от призыва. В то же время из сельской местности практически все мужское население активного возраста ушло на военную службу. В целом по 50 губерниям Европейской России число нереализованных за годы Первой мировой войны браков оценивается в 1,7 млн, из которых, судя по преобладанию в стране сельских жителей, более половины должно было состояться в деревне¹².

Из-за массовой гибели мужчин в ходе военных действий и наступившего вдовства их жен, а также в результате снижения брачности картина семейного состояния России изменилась. Так, в 1916 г. среди русского населения доля замужних женщин упала до 39,9%, а мужчин — до 40,3% (главным образом держалась за счет представителей старших, непризывных возрастов)¹³.

Что касается среднего возраста вступления в брак, то следует подчеркнуть его дифференциацию как по сословиям российского общества, так и по религиозному исповеданию. По данным Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи, в 1902 г. распределение по возрасту вступающих в брак выглядело следующим образом. Из общего числа женихов в среднем по всем религиозным конфессиям $2/3$ находились в зрелом возрасте (т.е. от 21 до 50 лет), около $1/5$ — в юношеском (до 20 лет включительно) и 2% пришлось на «старческий» возраст (т.е. на мужчин старше 50 лет). При этом наиболее значительная часть женихов в зрелом возрасте (92,5%) была среди римско-католиков и иудеев (92%), в то же время среди старообрядцев она была ниже (53,7%). Женихов-юношей (до 20 лет включительно) более всего соответственно было среди старообрядцев (45,6%) и православных (35,7%), у магометан — 13%, поскольку подавляющее большинство их (85,5%) составляли мужчины зрелого возраста, т.е. от 21 до 50 лет¹⁴.

Возраст невест при вступлении в брак по различным вероисповеданиям отличался сильнее. У православных преобладали невесты моложе 21 года (59,6%), у католиков, протестантов и особенно иудеев таких юных невест было намного меньше: соответственно 36,9; 27,7 и 23,9%. Иными словами, православные, в том числе и русские крестьянки, как правило, шли замуж, будучи моложе 21 года. В то же время представительницы иных христианских вероисповеданий, а также иудаизма, вступали в брак в основном после 21 года¹⁵.

Представителей различных религиозных верований объединяло практически одинаковое семейное положение на момент вступления в брак. Показательно, что максимальное число браков в 1900—1916 гг. заключалось между холостыми и девицами (в среднем не менее $3/4$ общего числа), что вполне закономерно, учитывая преобладание молодежи среди брачующихся. На втором месте по степени распространенности были браки между вдовцами и вдовами (4—9%), и, наконец, менее всего браков заключалось между холостыми и вдовами (1,5—3%). Такой порядок нарушался лишь у иудеев, где на втором месте стояли браки между овдовевшими мужчинами и женщинами, т.е. повторные браки¹⁶.

Как можно заметить, в приведенных данных совершенно не фигурирует категория разведенных, что закономерно, если учесть, что разводов в дореволюционной России практически не было. С конца XIX в. на разводы стали смотреть более терпимо, допуская их в исключительных случаях. Суровое отношение крестьян к супружеской измене, глубокая вера в то, что брак и семья нерушимы, предполагали прочность крестьянских семей. Отсюда становится понятным, отчего в Российской империи, большинство населения которой составляло крестьянство, было так мало разводов даже перед Первой мировой войной. Достаточно сказать, что в 1913 г. в целом по Российской империи на 98,5 млн православ-

ного населения всех возрастов был оформлен всего 3791 развод (0,038%). При этом львиная доля разводов падала на города, а в деревне их практически не было¹⁷.

Поэтому и в 1916 г. удельный вес разведенных среди православных был столь ничтожен, что в обобщающей статистике фактически равнялся нулю. В то же время процедура развода у магометан — приверженцев ислама была гораздо проще, поэтому среди кавказских горцев разведенных оказалось 0,4% мужчин и 0,5% женщин. Несколько меньше, чем среди магометан, разведенных было среди исповедовавших иудаизм, который, в отличие от православия, на разводы смотрел проще, хотя и не приветствовал их (0,2% разведенных мужчин и 0,5% разведенных женщин)¹⁸.

Первый брак у русских крестьян в подавляющем большинстве случаев заключался в юном возрасте. В основе раннего вступления в брак православных крестьян лежала прежде всего религиозная традиция, и, кроме того, брачно-семейные отношения в огромной степени определялись внутренним строем патриархальной семьи. Обычный брачный возраст женщины был 16—18 лет, мужчины — 18—20 лет. Более ранние и неравные по возрасту браки в конце XIX — начале XX вв. уже почти не встречались. Как правило, жених был на один-два года старше невесты. Невесту брали обычно из своего же села или ближайшей округи.

В литературе, посвященной крестьянской жизни конца XIX — начала XX в., ученые, земские деятели и просто внимательные наблюдатели в один голос отмечали, что вступление в брак юной девушки, которой не исполнилось и 20 лет, было явно преждевременно. Кроме того, ранние роды очень часто сопровождались тяжелыми последствиями, в том числе бесплодием и другими болезнями женщин¹⁹.

Зачастую к 20 годам полной физической и половой зрелости не достигали и юноши. Так, по данным конца XIX в., около 8—10% новобранцев, то есть в возрасте 21 года, ежегодно получали по этой причине отсрочку от призыва на военную службу²⁰.

Но все же и в начале XX в. браки крестьян продолжали оставаться очень ранними, хотя следует отметить, что средний возраст женихов и невест заметно колебался по регионам и губерниям. Браки «молодели» с севера на юг и с запада на восток; наиболее молодыми женились в губерниях с сельскохозяйственной специализацией, в промысловых же селениях были самые поздние браки. Более того, возрастные различия наблюдались в пределах губернии, уезда и даже волости. В частности, в Центре (Воронежской, Тверской, Рязанской губерниях) крестьянские девушки выходили замуж главным образом в 16—18 лет²¹. Если до 20 лет не удавалось выйти за холостого парня, то в качестве возможного брачного партнера мог появиться лишь вдовец, что было менее престижно, но тоже неплохо, особенно если учесть, что девушке старше 20 лет выйти замуж было уже очень трудно. Нельзя сказать, что при сватовстве родители полностью игнорировали лич-

ные качества претендентов в супруги своему чаду, его отношения и чувства, но и решающего значения это не имело.

В силу таких обстоятельств были распространены браки «самоходкой», «самокруткой», «убегом», когда молодые люди тайно венчались, а спустя некоторое время возвращались к родителям с повинной. Браки «убегом» широко практиковались в старообрядческой среде, главным образом по причине запрета браков с «иноверцами». К началу XX в. браки почти повсеместно стали чаще заключаться по взаимной склонности молодых людей, и в этом, пожалуй, наиболее ярко проявилась возросшая самостоятельность крестьянской молодежи.

По мере проникновения в деревню капиталистических отношений, особенно вследствие отхода на промыслы, традиционные взгляды крестьян на оптимальный возраст вступления в брак изменились. Этому содействовало и введение в 1874 г. обязательной воинской повинности, в результате чего крестьянские партии стремились жениться уже после прохождения службы, то есть в 24—25 лет. В связи с этим и на девушек 21—22 лет переставали смотреть как на старых дев, тем более что многие из них уже самостоятельно подрабатывали себе на приданое, чего нельзя было ожидать от 16—летних невест. Даже в центрально-черноземных губерниях с выраженной сельскохозяйственной специализацией, где среди крестьян всегда практиковались очень ранние браки, по сообщениям О.П.Семеновой-Тянь-Шанской, к 1914 г. средний возраст вступления в брак поднялся у девушек до 22, а то и до 25 лет. Мужчины же предпочитали жениться в возрасте от 18 до 27 лет²².

В северных губерниях, граничивших с протестантско-католической Прибалтикой с присущим ей поздним вступлением в брак, под влиянием соседей также выходили замуж и женились позже, чем в центральных земледельческих районах. Например, в Вологодской губернии в начале века ранние браки были редкостью, а в 1915 г. средний возраст женщины-крестьянки при вступлении в брак составлял уже 25 лет. Но у юных невест, которых было еще не так мало, как правило, женихи оказывались старше на несколько лет. В то же время у очень молодых женихов, начиная с тех, кому не исполнилось и 18 лет, и вплоть до 21 года, невеста почти всегда была на год-два постарше²³.

Первая мировая война нанесла большой удар по экономике крестьянского двора, и уже далеко не каждая семья могла своей дочери выделить приданое не только в полной мере, но даже сколько-нибудь весомую его часть. «Бесприданницам», задумывавшимся о своем будущем, приходилось добывать себе «наряд» самостоятельно, либо усиленной работой в хозяйстве, либо ремеслом-рукоделием на продажу. Не выйдя замуж из-за работы или отсутствия приданого до 18 лет, бедные девушки лишались привычной почвы под ногами. К тому же на войне мужская часть молодежи заметно «поредела», многие парни ушли в город на заво-

ды или шахты. В деревне образовался большой избыток невест, что расширяло брачный выбор для тех мужчин, которые желали жениться с выгодой. В таких условиях для неустроенных девушек оставалось или освоить какое-то полезное в деревне ремесло, или уехать в город и устроиться там на работу²⁴.

С точки зрения жениха, женитьба была выгодным делом: благодаря ей семья получала в лице невестки дополнительную и бесплатную работницу, а с нею и важную в крестьянском хозяйстве вещь — приданое невесты.

Вообще приданое — это не только предметы гардероба невесты и столь необходимые для молодой семьи земля, скот, инвентарь и т.п. Первая и наиболее емкая его часть, называемая в разных местностях по-своему («наряд» — на Орловщине, «снаряд» — в Вологодской губернии, «дипломат» — в Воронежской и т.д.), состояла из личного женского имущества, включая верхнюю и легкую одежду, обувь, белье (в том числе столовое, постельное, нижнее), различные платки, варежки и т.д., и т.п. У крестьян существовали свои представления об идеальной норме предметов в «наряде», и их число измерялось, как правило, не одной сотней.

В целом полный комплект приданого обходился родителям и семье невесты в 1—1,5 тыс. руб. (по ценам кануна Первой мировой войны). Это была непроизводительная, огромная трата, «мертвый капитал». Если оценить его стоимость примерно в 2 коповы, то получается, что у середняка-крестьянина, имеющего дочь-невесту, значительная часть имущества исключалась из хозяйственного оборота. Редкий крестьянин мог готовить «наряд» без ущерба для хозяйства²⁵.

Другая часть — собственно «приданое» — представляла собой денежную или материальную часть, получаемую невестой от родителей дополнительно к комплекту «наряда». Но если «наряд» являлся исключительно личным имуществом молодой женщины, то «приданое» целиком было достоянием семьи. Его средний размер составлял примерно 100—200 руб., но часто оно давалось в натуральной форме (хлеб, скот, инвентарь, постройки, лес и т.п.). Согласно деревенским обычаям, земля за приданое не считалась, а рассматривалась как своеобразная «норма» невесты, даваемая ей по праву. До тех пор, пока не проходил передел земли и недавно женившийся крестьянин не получал земли, молодые должны были получать урожай с жениного участка у ее отца-тестя²⁶.

Однако если для жениха вступление в брак было во всех отношениях прибыльно, то для невесты, точнее для ее семьи, дело обстояло иначе. Собрать полный «наряд» для дочери-невесты, снарядить ее дополнительно в счет приданого деньгами и прочим добром дорого обходилось родителям невесты и другим членам ее семьи. Это достигалось путем жесточайшей экономии и ограничения членов семейства во всем, даже в питании, так как значительная часть продуктов тоже шла на продажу, чтобы получить день-

ги, необходимые для покупки недостающих предметов в «наряде». Но если дочь в семье была не одна, то семья, чтобы полностью не разориться, должна была идти на то, чтобы хотя бы одну из них, а то и нескольких, оставить без приданого, то есть обречь на судьбу «вековух», «старых дев».

Характерной особенностью русского народного быта являлось длительное существование большой семьи. Большая семья в тех ее формах, в которых она бытовала у сельского населения до конца XIX в., представляла собой соединение нескольких близкородственных по мужской линии брачных пар, как правило, различных поколений, объединенных общим имуществом и хозяйством: женатые сыновья оставались в семье, а замужние дочери уходили в семью мужа. При этом переход женщин в другое домохозяйство и семью нередко фактически означал превращение простой семьи, прежде состоявшей из родителей жениха и их детей, в сложную, включавшую как минимум две супружеские пары. Но если до этого в семье жениха были женатые старшие братья, то молодожены пополняли число супружеских пар в большой неразделенной семье.

Неразделенные семьи просуществовали в ряде районов России довольно долго, особенно в губерниях Центрально-Земледельческого района (Рязанская, Тамбовская), где сохранялись еще пережитки крепостничества, а также в Тверской, Новгородской, Псковской и других губерниях. Стойко держался патриархальный семейный уклад на окраинах страны — в Сибири, на юго-востоке Европейской России, среди различных групп казачества и т.д. В ряде селений Забайкалья и Приангарья большая семья сохранялась вплоть до конца 1920-х годов и распалась уже в ходе коллективизации сельского хозяйства. У казачества процесс распада большой семьи начался с 80-х годов XIX в., главным образом после введения уравнительного распределения земли и сокращения сроков строевой службы, но его сдерживала сложность обработки больших казачьих наделов силами небольшой по численности семьи. Большая семья просуществовала в ряде казачьих районов Дона и Кубани вплоть до 1917 г., а в отдельных случаях, как в Сибири, распалась только в 1920-х годах²⁷.

Большая семья в России вплоть до 1917 г. продолжала сохранять характерные черты своего уклада. Семье принадлежало все крестьянское имущество: двор, хозяйство, скот, орудия труда, все движимое и недвижимое имущество, перешедшее по наследству и нажитое общим трудом. В общую кассу семьи («общий котел») поступали и все заработки членов семьи от отхода и различных промыслов; исключение делалось лишь «бабьим» заработкам. Общее семейное хозяйство числилось за главой семьи, и он как домохозяин отвечал за все повинности и руководил хозяйством. За ним признавалось право приобретения и отчуждения имущества, но с согласия остальных взрослых членов семьи мужского пола. Во всех этих особенностях большой семьи отчетливо высту-

пало ее общинное начало. Дети мужского пола при жизни отца не могли распоряжаться общесемейным имуществом; выделение, так же как и размер выделяемой доли, всецело зависело от воли отца.

Патриархальные отношения сохранялись во многих крестьянских семьях и в начале XX в. Отношения между отдельными членами семьи по-прежнему строились на неукоснительном подчинении младших старшим и на всеобщем почтении к авторитету главы семьи. Основными чертами патриархального уклада были общее хозяйство, коллективная собственность на двор и семейное имущество, общая касса, коллективный труд и потребление. Глава семьи — «большак», имея полную власть над домочадцами, руководил хозяйственной деятельностью, проводил организацию всех работ. Он же представлял свою семью перед общиной, распоряжался результатами труда ее членов и осуществлял необходимые расходы. Все домочадцы были обязаны ему подчиняться, никакие возражения патриарху не допускались. В случае неповиновения «большак» мог наказать виновного. Особенно резко деспотичность главы семьи проявлялась в Сибири, в старообрядческих семьях, где отец не только распоряжался всем бытовым укладом дома, но и являлся единоличным распорядителем всего семейного бюджета, исключительно самостоятельно делая все покупки. У него были ключи от всех помещений, которые он всегда носил при себе, выдавая по собственному усмотрению продукты и даже наряды к празднику²⁸.

Неотъемлемой чертой патриархальности был и деспотизм мужа по отношению к жене, которому вполне безнаказанно сходило избиение жены за любую провинность. В лучшем случае муж просто бывал строг с женой, как этого требовала традиция Домостроя, подкреплявшаяся действующими законами Российской империи. В частности, гражданские законы требовали: «Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всяческое угождение и привязанность», а также: «Жена обязана преимущественным повиновением воле своего супруга»²⁹ и т.п.

Более пристальный взгляд на положение женщины в крестьянской семье позволяет глубже понять, что представляла собой патриархальная семья изнутри. Несмотря на то, что в различные периоды ее жизни статус женщины, как правило, менялся, в целом именно ей по существу принадлежала ключевая роль в семье. В молодости, на положении невестки, только что перешедшей в семью мужа, она — наиболее эксплуатируемый член семейства. Однако, когда с годами ее возмужавший супруг становился главой («большаком»), а дети вырастали и женились, положение зрелой женщины — реальной хозяйки в корне менялось: из недавно угнетаемого и приниженного существа она сама становилась свекровью и деспотом своей юной невестки.

Но с юридической точки зрения, а зачастую и с экономической, положение крестьянской женщины очень долго было абсолютно бесправным. Всем укладом крестьянской жизни она была лишена права самостоятельного принятия решения, шла ли речь о сколько-нибудь серьезном хозяйственном вопросе, или о ее собственной судьбе. Согласно традиции, женщина во всем повиновалась мужчине: до замужества — отцу, а после — мужу. Святой обязанностью замужней женщины было заботиться об общем семейном хозяйстве, помогать мужу в работе по дому, но при этом у нее не было ни права, ни обычая распоряжаться общим имуществом без супруга. Единственным правом жены было требовать от мужа, чтобы он не лишал ее средств и пропитания, не подвергал побоям и истязаниям³⁰.

Все невзгоды жизни узнавала молодая крестьянка сразу после вступления в брак, перейдя в семью мужа. Здесь на нее смотрели прежде всего как на дармовую работницу, ценя лишь ее физическую крепость и здоровье. Хрупкость же и слабость становились нередко поводом для издевательств. Было в порядке вещей, что свекровь, заполучив сноху, сразу бесцеремонно перекаладывала на нее всю работу, но домашнюю власть продолжала цепко держать в своих руках, строго следя, как управляется невестка. А та — «сама почти ребенок, из-под материнского крыла, вынуждена впрягаться в самую тяжелую работу». Нередко выросшая при совершенно иных семейных взаимоотношениях, усвоившая другие привычки и понятия, невестка при вхождении в чужую семью должна была очень внимательно вникать в особый мир новой семьи, все свои поступки соизмерять с тем, как в ней принято. Золовки — сестры мужа также расценивали молодую сноху прежде всего как объект эксплуатации, который следует использовать до отказа. Зачастую выходило, что именно бедная невестка, в силу особого характера распределения в патриархальных семьях, сама того не ведая, работала на их приданое, в то время как ее собственные потребности урезались свекровью до минимума. «Только общий стол и ничего более... Одежду, обувь примерно на 10—15 лет она должна принести из дому. Получается, что все, что молодайка зарабатывает, у нее отбирают многочисленные родственники мужа (свекор, свекровь, золовки, деверя и т. д.)»³¹.

Но еще хуже было положение вдовы, за которую вообще вступить было некому. Вернуться в дом к родителям она не могла, так как свекор не отдавал ей детей — своих внуков, а оставить детей — было не под силу. По обычному праву жена не наследовала имущества мужа. Исключение делалось только для старой вдовы. При общем семейном разделе ее сыновья получали такую же долю имущества, что и братья покойного мужа.

Однако справедливости ради отметим, что уже в последние десятилетия XIX в. положение крестьянской женщины в целом ряде случаев все чаще было не таким уж угнетенным и бесправным. Особенно это относилось к тем губерниям, где широко практико-

вались отхожие промыслы. Во многих центральных, западных и северных уездах довольно значительная часть крестьян-мужчин систематически уходила на время в город с целью устроиться на завод или фабрику и заработать денег. Побуждало стремление поддержать разваливающееся хозяйство в деревне, помочь семье купить землю, лошадь или корову и т.п.

Влияние города, общение крестьянина-отходника с другими слоями населения, кадровыми рабочими, предпринимателями и пр. расширяли его кругозор. Несомненно, это меняло взаимоотношения в семье, ослабляло патриархальные устои и больше всего сказывалось на укладе малой семьи, где женщина становилась более самостоятельной.

Это обстоятельство отмечалось многими исследователями крестьянского быта. «Привыкшая обходиться одна, без мужской власти и помощи, — писал Д.И.Жбанков, — солигаличанка вовсе не похожа на забитую крестьянку земледельческой полосы: она независима и самостоятельна, полная хозяйка в доме не только без мужа, но и при нем... Побои и истязания жен — здесь редкие исключения»³².

На всем протяжении периода детородной деятельности крестьянки вели крайне тяжелую жизнь. Изнурительный труд, бесконечные беременности и роды, малые дети, невзгоды в семье, бедность постоянно терзали их. Даже во время беременности они не переставали работать в поле, ухаживать за скотом. Среди крестьян существовало мнение, что беременность — не помеха для работы, а потому нередко женщина с сенокоса или с дороги возвращалась с новорожденным на руках, которого рожала прямо в поле. Тяжелый труд при недостаточном питании, частых родах вызывали различные осложнения у женщин, был причиной многих болезней, укорачивавших их жизнь.

Среди массы тяжелых хронических заболеваний крестьянского населения в земских амбулаториях особенно часть фигурировала огромная заболеваемость женского населения. «Большая, худая, изможденная, преждевременно увядающая и состарившаяся фигура деревенской женщины с тупым, забитым и скорбным лицом повторяется среди приходящих больных постоянно, принимая какую-то роковую типичность»³³, — такое описание русской крестьянки в конце XIX в. оставил А.И.Шингарев.

В целом женщины болели намного чаще мужчин и далеко не всегда имели возможность обратиться к врачу. Высокая заболеваемость женщин в цветущем возрасте приводила их к не менее высокой смертности. Так, наблюдения за женской смертностью в целом ряде российских губерний, проводившиеся в течение 10 лет, показали, что смертность от родов по Пензенской, Вологодской губерниям составляла около 3,5 случаев на каждую 1000 населения, в Нижегородской, Казанской — 4,2%, Рязанской, Тверской — 5,3%, Петербургской — 6,8% и Новгородской — 9,0%³⁴. Такой разброс в данных о смертности от родов зависел

отчасти и от возможности крестьянского населения получить акушерскую помощь, а также отражает неодинаковый учет. Характерно также, что в западноевропейских государствах смертность рожениц была примерно такой же (например, в Пруссии, Бельгии, Ирландии, Саксонии), и лишь в Англии, Баварии и Швеции она была несколько ниже³⁵.

Женская смертность среди крестьян в итоге была существенно выше смертности мужчин. Например, в Тамбовской, Курской, Воронежской и Смоленской губерниях она превышала мужскую смертность в целом в 1,5 раза, а в возрасте от 30 до 40 лет — в 2 раза³⁶.

Рождаемость. Дети в крестьянских семьях

В целом демографическое поведение сельского населения в 1897—1917 гг. оставалось традиционным, с очень высоким уровнем рождаемости и смертности. Однако начавшееся снижение смертности постепенно стало подрывать целесообразность сохранения высокой рождаемости. И в этом немалую роль сыграла постепенная ломка патриархальных устоев русской жизни, традиций, в том числе и в области демографического поведения. Собственно говоря, изменение традиционного отношения к деторождению стало проявляться уже со второй половины XIX в., но первоначально оно затрагивало лишь ограниченные группы населения³⁷. Крестьянки не делали аборт, а подавляющее большинство из них даже не знало об искусственном прерывании беременности. Об абортах слышали только те, кто бывал в городах, а таких в деревне было чрезвычайно мало. О противозачаточных средствах также знали очень немногие.

Вместе с тем причина некоторого снижения деторождений объяснялась преднамеренным удлинением крестьянками периода лактации: «Матери продолжают кормить грудью ребенка до четырех и до пяти лет и кормят чужого... Там же, где мужья уходят на заработки на год и более, матери намеренно кормят детей до тех пор, пока муж остается дома, и отнимают их, как только он уходит»³⁸.

Коэффициенты рождаемости в среднем по 50 губерниям Европейской России (‰)³⁹:

1893—1897 гг.	— 49,7
1898—1902 гг.	— 48,9
1903—1907 гг.	— 47,2
1908—1912 гг.	— 44,7

Репродуктивные функции крестьянской семьи существенных изменений не претерпели, хотя, главным образом из-за более трезвого подхода к появлению новых детей, их общее количество

в семье и рождаемость в целом по Российской империи с начала XX в. медленно, но неуклонно стали снижаться. Истоки этого процесса следует искать в семье, в изменении прежних репродуктивных установок.

Но несмотря на явное снижение, уровень рождаемости в России оставался в целом традиционно высоким, близким к предельно возможному, с биологической точки зрения, величинам. Рождаемость в России была значительно выше, чем в остальных странах Европы. И даже внутри страны, у разных народов, рождаемость отличалась довольно заметно. Самым высоким ее уровень был у православного населения — около 50‰, а среди католиков, протестантов и особенно иудеев — в 2 с лишним раза ниже (от 21,7 до 22,3, по данным на 1910 г.)⁴⁰. И хотя эти данные являются средними для города и сельской местности, представляется, что при характеристике процессов рождаемости в крестьянстве ими вполне можно пользоваться, естественно, делая определенную поправку в сторону увеличения, поскольку в те годы рождаемость в городе уступала сельской весьма незначительно.

Сознание основной массы крестьянства и в начале XX в. практически исключало какое-либо вмешательство в физиологические процессы, а любые попытки предотвращения или прерывания беременности категорически осуждались церковью, в силу чего плодовитость браков зависела исключительно от естественных факторов.

При таких условиях число рожденных в семье детей зависело от индивидуальной плодовитости женщины, ее здоровья и биологической способности к воспроизводству, а также в известной мере — от длительности пребывания в браке, за вычетом времени раздельного проживания от мужа. Это означало, что при относительно благоприятных условиях замужняя с 18 лет крестьянка, не потерявшая мужа до конца своего детородного периода (примерно до 40 лет), могла рожать в течение 20—22 лет. С учетом срока беременности и обязательного грудного вскармливания, на что уходило не менее двух лет, получалось, что крестьянка могла родить за свою жизнь не более 8—10 детей⁴¹.

Это подтверждалось и данными обследований крестьянок с целью определения их реальной плодовитости, проведенных некоторыми земскими врачами в конце XIX — самом начале XX в. Результаты показали, что в целом по великорусским губерниям средняя плодовитость крестьянки, определяемая как частное от деления среднего числа родившихся детей (включая мертворожденных) на среднее число женщин репродуктивного возраста (от 15 до 50 лет), составила примерно 9 детей. При этом в восточных губерниях (Оренбургской, Самарской, Пермской), где уровень рождаемости традиционно был выше общероссийского, плодовитость крестьянки выражалась предельно большими величинами (от 10,95 до 12,12); в центрально-черноземных, центральных и земледельческих районах с развитым отходом (Курской, Рязан-

ской, Воронежской, Тамбовской, Владимирской и Московской губерниях) наблюдалась средняя плодовитость (от 9,7 до 10,56) и в северных губерниях с неземледельческой специализацией (Петербургской, Ярославской, Вологодской, Архангельской) — малая плодовитость (менее 8,15). В целом, как показали полученные данные, плодовитость русских крестьянок практически не отличалась от плодовитости женщин других стран, например, шведок и датчанок (по 10 детей)⁴².

Реальная средняя плодовитость браков (то есть в расчете только на замужних женщин более молодых возрастных групп, исключая незамужних и овдовевших) оказалась почти в 2 раза ниже среднего уровня плодовитости женщины за весь ее детородный период. Так, по данным доктора медицины А.О.Афиногенова, в среднем на один брак в среде уездного (сельского) населения в 1901—1902 гг. приходилось следующее число рождений⁴³:

по Воронежской губернии — 4,5
по Смоленской губернии — 5,0
по Новгородской губернии — 5,2
по Московской губернии — 5,59
по Череповецкому уезду Вологодской губернии — 5,74
по Рязанской губернии — 5,8
в среднем по России — 4,7

Дети для крестьян несомненно представляли немалую ценность. Семья, как правило, стремилась иметь много детей, и не только по причине «чадолюбия», но и с практической точки зрения, рассчитывая от них в скором будущем на помощь по хозяйству, а в старости — на заботу и уход. В случае отсутствия детей крестьяне усыновляли сироту, а в случае рождения одних дочерей принимали в семью зятьев. Усыновление утверждалось сельским обществом; «приемыши» считались родными, не подвергались никаким ограничениям в правах и ущемлению достоинства.

Но нельзя не согласиться с А.Г.Вишневым, который утверждал, что родители вряд ли когда-нибудь были заинтересованы в рождении очень большого числа детей, прежде всего по соображениям материального порядка. Высокая рождаемость у крестьян, пишет он, объяснялась, скорее всего отсутствием свободы выбора прокреативного поведения у отдельного индивидуума, ограниченного узкими рамками сложившихся демографических стереотипов и обычаев⁴⁴. Частые роды были истинной мукой для крестьянской женщины, сильно подрывали ее здоровье, да и прокормить ораву ребятешек было трудно. «Все это не могло совсем не осознаваться, и отношение к детям было, вероятно, не таким идиллическим, как оно иногда кажется современному исследователю»⁴⁵.

В крестьянских семьях на интенсивность половой жизни супругов определенное влияние оказывали посты, во время которых предписывалось воздержание, впрочем не очень строго соблюдавшееся. Кроме религиозных требований, сами условия крестьян-

ского труда и быта влияли на неравномерность половой жизни в разное время года. С другой стороны, и посты были согласованы с годовым хозяйственным циклом. Это описывал еще Г.И.Успенский в своих произведениях: «Посмотрите, в самом деле: положим, брак состоялся в рождественский мясоед, ребенок родился осенью, после уборки хлеба, когда крестьянину можно и отдохнуть, но тут, во-первых, баба поправляется и, во-вторых, один из другим два поста — успенский и рождественский, так что опять — «до рождественского мясоеда», и, стало быть, опять баба свободна в рабочую пору»⁴⁶.

Длительные и частые разлуки супругов во время их наиболее высокой плодовитости снижали вероятность зачатия и уровень рождаемости. На это неоднократно указывали современники: «Уменьшение рождаемости отхожей полосы есть постоянное явление, подтвержденное наблюдениями за целые 25 лет... Первая и важнейшая причина — продолжительное отсутствие мужей, которые иногда не возвращаются по 1—5 лет домой, и поэтому невольное воздержание жен от половой жизни»⁴⁷.

Совершенно естественно, что проведенное Д.Н.Жбанковым сопоставление числа детей, рожденных в «оседлых» и «отхожих» семьях, показало, что во вторых детей было на 43% меньше, чем в первых (5,2 против 9,2). При этом в первом случае совсем не рожавших женщин было 3,3%, во втором — почти 11%⁴⁸.

Отметим также, что крестьяне небезразлично относились к срокам появления детей и даже к их количеству. По наблюдениям Г.И.Успенского, «существование в крестьянском быту желания сохранить женщину для возможно большего количества рабочих дней — желания, чтобы «баба» в трудную рабочую пору «страда» была здорова, не лежала в родах и не была брюхата, — несомненно»⁴⁹.

Позже, в годы Первой мировой войны из-за снижения рождаемости уменьшилась и общая плодовитость женщин по всем возрастам. Снижение рождаемости в военные годы шло за счет овдовения и невступления в брак большого числа женщин. Например, у вологодских крестьянок детородного возраста за период войны среднее число рождений сократилось с 8 до 6. Характерно, что к концу войны, то есть к 1917—1918 гг., произошли и определенные смещения частоты рождений по отдельным возрастным группам в пользу более молодых женщин. Максимальная возрастная плодовитость отмечалась в группах женщин от 25 до 29 лет и резко уменьшалась по группам старше 40 лет⁵⁰.

Внебрачная рождаемость в крестьянском населении по причинам морального и религиозного характера распространена не была и измерялась ничтожными величинами. Так, в Рязанском уезде она составляла в начале XX в. 0,3% от общего числа рождений, в Воронежском, Землянском и Задонском уездах Воронежской губернии — от 0,3 до 0,6%, а в целом по 50 губерниям Европейской России — 2,6%, поднявшись к 1910 г. уже до 4,2%⁵¹.

Незначительное число незаконных рождений в сельской местности объясняется не только более высокой нравственностью крестьянского населения. Свою роль в этом отношении играло и развитее путей сообщения. Вне брака забеременевшие женщины по известным причинам стремились родить вдали от своего дома, где их все знали и могли осудить, удалиться на время родов в более укромное место. Такими местами оказывались, как правило, города, особенно Москва и Петербург, где было немало частных и тайных родовспомогательных приютов.

Тяжела была доля незаконных детей, особенно девочек. Без семьи, без родных, при отсутствии помощи и поддержки — родственники «согрешившей» матери обычно отворачивались и от нее и от ребенка, а отец по закону не обязан был содержать внебрачных детей, — внебрачные дети в деревне были навсегда отвергнутыми, их презирали, высмеивали, присваивали им унижительные клички и прозвища. Кроме того, внебрачные дети не получали никакой материальной помощи от общины и государства, однако при наличии земли по достижении совершеннолетия незаконные дети мужского пола могли получить надел.

Наибольший процент незаконнорожденных имели старообрядцы — 19,7% (в 1902 г.) и 4,2% (в 1910 г.). Среди православного населения, включая городское и сельское, — соответственно 2,3 и 2,4%; минимальным и неизменным был удельный вес родившихся вне брака детей у иудеев (0,4%) и магометан (0,1%)⁵².

Обычно крестьянские женщины рожали без всякой медицинской помощи. Даже в Московской губернии на рубеже XIX—XX вв. всего 2% родов происходило при помощи акушерок, а остальные 98% рожениц не получали никакой помощи или находились под наблюдением невежественных повитух⁵³.

Число детей в крестьянских семьях в конечном итоге зависело как от индивидуальной плодовитости женщин, так и в значительной мере от уровня младенческой смертности, которая в 1897—1917 гг. оставалась чрезвычайно высокой. Достаточно сказать, что даже в благополучные 1910—1913 гг. из каждой тысячи родившихся по разным губерниям умирало от 270 до 350 младенцев, не дожив до 1 года, а кое-где эта цифра доходила до 400⁵⁴. По величине младенческой смертности Россия занимала печальное одно из первых мест в мире, теряя ежегодно от 800 тыс. до 1,5 млн грудных детей, совершая как бы жертвоприношение «на алтарь неизвестного бога»⁵⁵.

В ряде работ земских санитарных врачей встречаются описания невыносимых условий быта русской деревни конца XIX — начала XX в., в результате которых погибали в огромном количестве дети в самом раннем возрасте. В частности, С.А.Глебовский и В.И.Гребенщиков, касаясь причин огромной смертности грудных детей в центральных губерниях России, отмечали, что помимо тяжелых экономических условий весьма существенное значение имел также весь быт населения. «Под этим послед-

ним, — пишут авторы, — мы разумеем те предрассудки, то невежество народа, благодаря коим ребенок... с первых же дней своей жизни поставлен в самые невыгодные условия ухода вообще и питания в частности. ...В способе вскармливания, убийственном для детей, в невежественном уходе за ними, закрепленным к тому же зависимым положением женщины в семье, традициями и неподвижностью уклада последней, может объясняться, почему эти бытовые условия особенно невыгодны для известного района России и для русского населения его»⁵⁶.

Массовая заболеваемость и смертность детей на первом году жизни служили своеобразной иллюстрацией неправильного, нерационального кормления грудных младенцев и плохого ухода за ними. С другой стороны, одной из причин высокой младенческой смертности было и ранее вступление в брак физически не окрепших женщин, которые воспроизводили слабое, плохо выживавшее потомство. Много младенцев погибало у молодых матерей и по причине их неопытности; в частности, из-за вредного обычая класть грудных детей в родительскую постель, где они нередко оказывались нечаянно задушенными: «Добрая половина баб «заспала» в своей жизни хоть одного ребенка, чаще всего в молодости», — сообщала О.П.Семенова-Тян-Шанская⁵⁷. В целом, как показали наблюдения по Вологодской губернии, у молодых матерей, родивших до 20-летнего возраста, на первом году жизни умерло 33% детей, а у матерей чуть постарше — 26%⁵⁸. Но самым губительным для жизни младенцев был обычай в крестьянских семьях оставлять их, особенно в период летней страды, практически без присмотра. Вообще забота о малых детях, как отмечают исследователи, не была в обычае крестьянской семьи. Чем больше детей имела семья, тем меньше внимания она могла уделить каждому отдельному ребенку. Главное для родителей было сохранить двух — трех детей, а к остальным они относились поспокойнее, не имея ни сил, ни возможности по-настоящему выхаживать их.

Как отмечал писатель Д.В.Григорович, «самый нежный отец, самая заботливая мать с невыразимой беспечностью предоставляют свое детище на волю судьбы, нисколько не думая даже о физическом развитии ребенка, которое считается у них главным и в то же время единственным, ибо ни о каком другом и мысль не заходит им в голову. Не успеет ребенок освободиться от пелен, как уже поручают его сестре, девчонке лет четырех или пяти...»⁵⁹

Некоторая тенденция к снижению детской смертности начала проявляться только в начале XX в. Однако в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, в России был самый высокий уровень смертности детей среди европейских стран.

По отдельным губерниям России детская смертность достигала еще более высокого уровня. Так, в 1908 — 1910 гг. в Нижегородской губернии ее коэффициент составил 34,0%, Вятской — 32,5%, Олонецкой — 31,1%, Пензенской — 30,5%, Симбирской — 30,0%, Самарской — 29,7%, Саратовской — 28,7%⁶⁰.

Экономический фактор высокой детской смертности часто доминировал над всеми остальными. На это указывали исследователи того времени: «Население, существующее впроголодь, а часто и вовсе голодающее, не может дать крепких детей, особенно если к этому прибавить те неблагоприятные условия, в каких, помимо недостатка питания, находится женщина в период беременности и вслед за нею»⁶¹.

В основе нищеты крестьянских семей было малоземелье; чем лучше крестьянин был обеспечен землей, тем выше был материальный уровень его хозяйства и тем меньше была детская смертность в таких семьях. Данные по Воронежской губернии, разработанные Ф.А.Щербиной⁶⁵, могут служить хорошей иллюстрацией этой закономерности (табл. 19).

Таблица 19

Группы хозяйств	Детская смертность, %
Безземельные	21,7
1 — 5 десятин	21,3
5 — 15 десятин	18,7
12 — 25 десятин	16,8
Свыше 25 десятин	14,9

Итак, в крестьянских семьях, более обеспеченных землей, уровень детской смертности на треть ниже, чем в безземельных. Этим наглядно показывается влияние социально-экономических факторов на демографические показатели.

Семья вела натуральное хозяйство, и ее основные усилия были направлены на поддержание баланса между количеством работников и числом едоков, что достигалось как за счет кооперации труда, в которой главную роль играл труд мужчин, так и высокой рождаемостью. Отсюда понятна заинтересованность крестьянских семей в детях как в дополнительной рабочей силе. Без взрослых сыновей крестьянское хозяйство, как правило, никогда не становилось зажиточным; недостаток земли и рабочих рук обрекал его в лучшем случае на «серединку». А «семьянистое» хозяйство с большей вероятностью могло рассчитывать на экономическое благополучие и стабильность. Крестьянские дети рано начинали помогать родителям; 15—16-летний подросток уже считался полноценным работником, выполнявшим все крестьянские дела.

В конце XIX — начале XX вв. на страже интересов родителей стало и официальное право. Волостные суды, где разбирались жалобы на грубых и невнимательных детей, виновных сыновей наказывали штрафом, арестом на несколько суток, таким образом принуждая выполнять свои обязанности перед родителями⁶³.

«В крестьянском мировоззрении отсутствует пункт об ответственности родителей перед детьми, но зато ответственность детей перед родителями существует в преувеличенном виде, — отмечал этнолог Р.Я.Внуков. — Пятая заповедь ("Чти отца своего и мать") особенно любимая. "Непочетники" — самая обидная кличка для детей»⁶⁴.

Семейные разделы и выделение малых семей

Проникновение в замкнутую сельскую среду товарно-денежных отношений способствовало развенчанию многих традиционных порядков, таких как абсолютная власть и безусловный авторитет главы семьи, зависимое, угнетенное положение женщины и др. Не последнюю роль сыграло и то, что женатые сыновья, заработав вне семейного хозяйства деньги, не желали ими делиться с остальными домочадцами, отдавать их в «общий котел», как того требовали патриархальные порядки. Это крайне обостряло и без того непримиримые противоречия в неразделенных семьях.

Подобные противоречия в условиях крупных патриархальных семей мирно разрешить было невозможно. Требовался раздел — выделение женатому сыну и его семье, согласно их праву, доли семейного имущества (построек, скота, птицы и т.д.). Разделы были драматической страницей в жизни деревни конца 1890-х и первых десятилетий XX в. Делилось не только семейное имущество, рвались родственные связи между близкими людьми — кровными родственниками.

Что представляли собой семейные разделы? Прежде всего, это означало отказ отходящих членов крестьянской семьи от работы в данном хозяйстве, от подчинения его порядкам. Нередко поводом к семейным разделам становился излишний деспотизм главы семейства при распределении средств, действовавшего в силу привычки, косно, по личным соображениям, не считаясь с потребностями тех, кто вносил в общую кассу наиболее крупные суммы. Такая традиция в семьях, где появлялись новые виды заработков, уже не имела корней, не соответствовала изменившимся условиям. Наблюдая деспотизм патриарха в распоряжении их деньгами, отдельные члены многосемейных дворов теряли заинтересованность в получении дополнительных доходов на стороне. При этом проблема заключалась в том, что именно в многосемейных хозяйствах имелись излишки рабочей силы для крестьянского отхода в город на заработок, в то время как в малых семьях свободных рабочих рук не было.

Именно противоречия в распределении, грубо нарушавшем как интересы самых производительных членов семьи, так и интересы хозяйства, приводили к конфликтным ситуациям, столкновению интересов отдельных семейных ядер внутри неразделенных семей. Следовательно, основной причиной семейно-имущественных раз-

делов уже в конце XIX в. следует считать действовавшие порядки в патриархальной семье, по которым промысловый рабочий все свои заработки был обязан отдавать в деревенское хозяйство, в пользу остававшихся дома членов семьи.

Тяга молодого поколения к образованию самостоятельных семей с новой силой проявилась накануне и в годы Первой мировой войны. К этому времени интересы отдельных членов неразделенных семей давно уже разошлись. Известный этнолог Р.Я. Внуков, детально изучивший крестьянскую семью, писал в начале XX в.: «Неверно, что только революция расшатала крестьянскую семью и двор и создала разделы. Крестьянская семья была изнутри гнилой уже давно»⁶⁵. По его же наблюдениям, разделы сложных семей сдерживались до революции лишь юридическим правом родителей не допускать невыгодного для них раздела. Если отделить сына, то кто заработает на приданое для дочери? Тормозились разделы и тем, что в мирные годы промышленность, фабрики и заводы, поглощала определенную часть крестьянской молодежи, особо не переносившей гнет в феодальной семье, а война и разруха этот клапан выхода недовольства перекрыли, и тогда семейный раздел становился неизбежным.

В отделившейся от родителей и других родственников молодой семье, которая теперь включала лишь мужа, жену и их детишек, становилось легче и в экономическом и в моральном отношении. Невестка получала преимущество благодаря тому, что сокращался объем работы по хозяйству. Раздел позволял невестке избавиться от содержания непроизводительных членов семьи у свекра (незамужние золовки, свекровь), забиравших на свои потребности львиную часть дохода. Улучшались и санитарно-жилищные условия — та же, что и прежде, изба, но уже не на 15—20 человек, а только на 4—6. Скота, птицы в избе поменьше — воздух чище, никто не косится на нее, на ее детей и т.д.

Величина крестьянской семьи

Ответ на вопрос, что собой представляла средняя численность крестьянской семьи, не прост, поскольку никакой официальной статистики на этот счет не велось. Такой цели перед собой не ставила и Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., однако кое-какие сведения о среднем составе сельской семьи по отдельным губерниям все-таки сохранились.

В этом плане большой интерес представляют сведения по Воронежской губернии на конец 1890-х годов, приведенные Н.Н. Коленевской⁶⁶.

Эти данные (табл. 19) показывают наличие прямой зависимости между величиной крестьянской семьи и ее материальной обеспеченностью. В конце XIX в., как правило, семьи, не имевшие рабочего скота вообще или имевшие лишь одну его голову, и по

своему размеру были минимальными. Кроме того, у них же был самый низкий валовой доход как в целом на семью, так и в расчете на каждого члена семьи. Это были малые семьи, состоявшие в среднем из 4—6 человек, т.е. в основном объединявшие отца, мать, 2—4 малолетних детей. Таким семьям было труднее всего, так как они имели много иждивенцев, при том что работать в хозяйстве мог один отец, а мать, обремененная детьми, могла лишь изредка оказывать ему помощь.

Таблица 20*

Средняя численность крестьянских семей по Воронежской губернии в зависимости от показателей обеспеченности скотом и валового дохода (на конец 1890-х гг.)

Группа хозяйств по рабочему скоту	Число душ обоого пола на 1 семью	Валовой доход	
		всего на 1 семью	в том числе в расчете на 1 чел.
а) Без рабочего скота	4,35	173,8	39,95
б) С 1 головой рабочего скота	5,37	245,72	45,75
в) С 2 головами рабочего скота	8,17	517,58	63,3
г) С 3 головами рабочего скота	11,6	858,28	73,98
д) С 4 головами рабочего скота	11,07	968,14	87,45
е) С 5 головами и более	12,13	1295,75	106,82

* Таблица составлена по данным: Кореневская Н.Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954. С. 119.

Как показывают данные табл. 20, начиная с семей, состоявших из 8 и более человек, имевших обычно как минимум 2 головы рабочего скота, резко — почти в 2 раза — возрастает валовой доход как в целом на семью, так и в расчете на каждого члена семьи (душу). Это происходило потому, что в крупных семьях всегда было больше работников, чем в семьях с малыми доходами и относительно малой численностью состава.

Иными словами, более крупные по составу крестьянские семьи, насчитывавшие по 8 и более человек, в материальном плане были гораздо лучше обеспечены, чем те, в которых было по 4—5 человек.

Однако если рассмотреть удельный вес различных по численности семей в общей совокупности обследованных хозяйств, то окажется, что семей с минимальным составом (от 4,35 до 5,37 чел.), т.е. семей групп «а» и «б», было 40,4%. В то же время крупных, сложных по внутреннему составу семей с числом душ от 11,6 до 12,13, насчитывалось 38,2%, т.е. практически столько же.

Промежуточное положение занимали семьи группы «в», включавшие в среднем по 8,17 человека и располагавшие 2 головами рабочего скота и более 500 руб. валового дохода на семью. На их долю пришлось 20,4% общей численности крестьянских семей.

О чем говорят эти данные, если рассмотреть их с точки зрения размера семей? Прежде всего, они показывают, что количество малых семей и пока еще не разделенных крупных семейств в конце XIX в. в целом по Воронежской губернии было примерно одинаково. Промежуточное положение было у семей группы «в», т.е. со средним числом душ 8,17. Их доля была в 2 раза меньше, чем удельный вес малых и крупных неразделенных семей. Скорее всего, это были семьи, состоявшие не только из молодого супружеского ядра и детей, но и их престарелых родителей.

Иными словами, в Воронежской губернии разделы старых патриархальных семей уже на рубеже XIX и XX вв. получили значительное распространение, что и нашло соответствующее подтверждение в равенстве долей малых и неразделенных семей. В результате распада старой семьи удельный вес выделившихся малых семей уже практически сравнялся с долей тех семей, которые еще не переживали семейных разделов.

Данные о среднем составе крестьянских семей по Воронежской губернии оказались близки к средним цифрам по 50 губерниям России, хотя в целом ряде губерний средняя величина крестьянской семьи в 1897 г. и отличалась от данных по Воронежской губернии как в ту, так и в другую сторону.

Число лиц в крестьянской семье, чел.⁶⁷:

Тверская губерния	— 4,7
Смоленская губерния	— 5,4
Псковская губерния	— 5,4
Московская губерния	— 8,4
С.-Петербургская	— 10,4
Астраханская губерния	— 12,2
в среднем по 50 губерниям России	— 6,6
во Франции	— 3,6
Швейцарии	— 4,5
Ирландии	— 5,2

Разложение большой семьи сопровождалось глубокими внутренними противоречиями. В последние десятилетия XIX в. разделы больших семей приняли массовый характер. Однако крестьянский мир — община препятствовала разделу, если этого не хотел «большак». Община в условиях капитализировавшейся деревни охраняла большую семью не только как источник и гарантию хозяйственной целостности, но защищала и поддерживала «большака» как представителя близкого ей социального слоя⁶⁸.

На рубеже XIX—XX вв. малая семья становится довольно распространенной. Совместное проживание родителей с несколькими женатыми сыновьями было, как правило, кратковременным,

длилось не более 3—5, реже — 8 лет и обуславливалось главным образом отсутствием средств для образования отдельного хозяйства. Почти повсюду редким явлением становится и совместное проживание женатых братьев. Распад большой семьи происходил даже в старообрядческом Заволжье (Нижегородская губерния и др.), что объяснялось развитием там ремесел как основного источника существования сельского населения.

Тем не менее большая неразделенная семья просуществовала в ряде районов России довольно долго, особенно в губерниях Центрально-Земледельческого района, где дольше сохранялись отдельные пережитки крепостничества, а также в Тверской, Новгородской и др.

В крестьянских семьях практически повсеместно преобладали численно женщины, что и нашло отражение в материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Но в целом превышение женского пола в крестьянстве было небольшим: 1020 женщин на каждую 1000 мужчин, в то время как среди других сословий преобладание женщин было более ощутимым. Например, среди мещан на каждую 1000 мужчин приходилось 1048,7 женщин, среди потомственных дворян — 1090 женщин, а среди лиц духовного звания — 1135,369.

Менее значительное превышение женского населения в крестьянской среде по сравнению с другими сословиями российского общества в известной мере может быть объяснено более высокой смертностью крестьянских женщин в детородном возрасте, о чем говорилось ранее.

Участие России в Первой мировой войне привело к мобилизации многих миллионов мужчин репродуктивного возраста из числа крестьян на фронт. В деревне образовалась значительная группа семей, лишившаяся работников. Наибольшие потери понесли мелкие и средние хозяйства, откуда нередко призывали в армию последних и единственных трудоспособных работников. Крупные и зажиточные семьи в ряде случаев откупались от призыва или шли работать на военные предприятия, уклоняясь тем самым от военной службы. Все тяготы по ведению хозяйства в низших группах крестьянских семей ложились на плечи женщин, подростков и стариков. Война нанесла колоссальный ущерб сельскому хозяйству страны в целом и ускорила процесс разорения низших групп крестьянских семей во всех губерниях, особенно Европейской России.

Данные Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 г. содержат информацию о категориях хозяйств разных типов, в том числе о численности крестьянских семей и их хозяйственной обеспеченности. К этому времени на территории Европейской России общее число крестьянских семей за 20 лет, с конца XIX в., сократилось с 14,5 млн до 11,97 тыс. семей⁷⁰. Средний размер крестьянской семьи к 1917 г. также заметно изменился. Так, по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г.,

средняя численность семьи в целом по территории, позже составившей РСФСР, равнялась 5,74 человека (табл. 20). Из 18 регионов, по которым были сгруппированы данные переписи, средняя величина семьи, превышавшая в это время 6 человек, была зафиксирована лишь в Вятском районе (6,04), Центрально-Черноземном (6,29) и максимальная (6,53) — в Западном. В остальных 15 регионах она колебалась в пределах от 4 до 6 человек.

Таблица 21*

Средняя численность одного крестьянского двора
в 1916 г.

Регион, территория	В одном крестьянском хозяйстве, чел.
Россия (в границах 1927 г.)	5,74
Северный район	5,58
Петроградско-Карельский	5,89
Западный	6,53
Центрально-Промышленный	5,58
Центрально-Черноземный	6,29
Вятский	6,04
Уральский	5,03
Башкирский	5,70
Татаро-Чувашский	5,47
Средне-Волжский	5,93
Нижне-Волжский	5,95
Крымский	5,45
Северо-Кавказский	5,79
Дагестан	4,64
Сибирь	5,97
Бурят-Монголия	5,40
Якутский	4,44
Дальневосточный	5,90

* ЦСУ СССР. Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР в 1916 и 1923—27 гг. (Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. и весенне-выборочных 10%-х обследований по единоличным крестьянским хозяйствам за 1923—1927 гг.). М., 1930. С. 2—5.

Характерно, что в табл. 21 приведены данные о средней численности населения в расчете на одно крестьянское хозяйство. Строго говоря, понятие «крестьянское хозяйство» — «двор» — не

совсем идентично понятию «семья». Тем не менее, как было показано выше, в эти годы наряду с малыми, выделившимися семьями в российской деревне было еще достаточно крупных и неразделенных семей, объединявших в своем составе одновременно несколько нуклеарных семей. В данном случае критерием отличия одной семьи от другой, в том числе и малой семьи, живущей отдельно, от сложной по составу и патриархальной по характеру семьи, является именно наличие общего семейного хозяйства. Крупная семья, объединявшая в себе, возможно, несколько поколений близких родственников, т.е. по сути дела — отдельных самостоятельных семейных ядер, крестьянской общиной и государством рассматривалась как одна самостоятельная хозяйственная единица, при условии, что она вела единое общее хозяйство. Следовательно, между понятиями «семья» и «хозяйство», если речь идет об их общем количестве или о среднем численном составе, разницы нет, т.е. в данном случае они тождественны.

Таким образом, если в 1897 г. среднее число лиц в крестьянской семье по 50 губерниям России составляло 6,6 человек, то в 1916 г. — уже на 13% меньше, и крестьянская семья состояла только из 5,74 человек в среднем. Даже принимая во внимание возможные расхождения в цифрах из-за некоторой приблизительности данных сельскохозяйственной переписи 1916 г. и разного круга территорий (в 1897 г. — по 50 губерниям Российской империи, а в 1916 г. — практически по территории, позже вошедшей в Российскую Федерацию), все же можно утверждать, что сокращение в средней численности крестьянского двора за 20 лет на 13% — вполне реально. Тем более, что в данном случае важно проследить тенденцию, которая развивалась явно в сторону уменьшения среднего размера крестьянских семей.

Конечно, при этом следует помнить, что в 1916 г. значительная часть мужского населения в деревне отсутствовала, так как в это время шла Первая мировая война, многие крестьяне-воины погибли или находились вне дома (на фронте, в плену и т.п.). Вполне логично предположить, что в период войны выросло число неполных семей, т.е. тех семей, в которых временно или навсегда не стало прежнего главы семьи — отца, сына, брата (которые, возможно, были отцами внутри своих малых семей).

Иными словами, данные о средних размерах крестьянских семей в 1916 г. позволяют заключить, что к этому времени они стали заметно меньше, чем в 1897 г., т.е. почти 20 лет назад. Но объяснение этого уменьшения не должно ограничиваться лишь констатацией факта отсутствия многих сельских жителей из-за военных действий. Немалую роль в сокращении средних размеров крестьянских семей к этому времени сыграли семейные разделы, или дробление крупных семейств на ряд мелких, одноядерных семей, которые включали в себя лишь представителей двух поколений — родителей и детей. В случае же отделения всех женатых сыновей, включая младшего, бывало, что оставались от старой

* семьи лишь пожилые супруги — родительская чета, чьи дети выросли и стали жить самостоятельно.

В 1897—1917 гг. в развитии крестьянской семьи произошло немало перемен, которые, в сущности, следует рассматривать как последствия явления более глобального порядка — постепенного разрушения и гибели старой патриархальной семьи. При этом происходили не только количественные изменения (сокращение средней величины семьи), но менялись и отдельные качественные характеристики. В малых, выделившихся семьях устанавливался новый порядок взаимоотношений, менялась роль главы семейства, терялась почва для сохранения его былого самоуправства и деспотизма, поскольку семья стала гораздо меньше и прежние стандарты в поведении патриарха исчезали, да и число работников стало меньше, как и общий объем работ в хозяйстве малой семьи.

Серьезные перемены наметились и в положении женщины — жены, матери, дочери. Женщины все больше стремятся к экономической независимости и самостоятельности от мужчины, осваивают ремесла или уходят работать в город. Кроме того, по мере проникновения в деревню городских порядков и новшеств и в силу объективных причин (выбытие мужа в армию или «в отход» на заработки) меняется и юридический статус женщин, определенная часть которых становится во главе семейств и полновластными хозяйками не только дома, но и собственной жизни. На фоне достаточно высокой, практически всеобщей брачности населения постепенно увеличивается средний возраст вступления в первый брак как со стороны девушек, так и мужчин. В целом за 1897—1917 гг. существенных перемен в репродуктивной функции семьи не отмечено, но в силу объективных причин рождаемость в деревне постепенно и неуклонно снижалась, хотя среднее число детей в крестьянских домах по-прежнему нельзя было назвать малым. В этот период в деревню и в крестьянскую семью в массовом масштабе еще не проникли такие явления, как сознательное регулирование деторождения, и в том числе аборт. О разводах деревня пока еще знала понаслышке, хотя это и не являлось прямым свидетельством особой прочности семьи и взаимной любви супругов. Скорее наоборот — многие крестьянские семьи жили в условиях непримиримых противоречий, основное содержание которых сводилось к стремлению молодого поколения к разделу и самостоятельной жизни.

Глава IV.

Людские потери в ходе Первой мировой войны

В отечественной историографии советского периода проблема определения суммарных демографических потерь в силу известных политико-идеологических ограничений, обычно рассматривалась в «узком» значении и ограничивалась в основном анализом данных официальной статистики о безвозвратных боевых потерях (т.е. о численном значении убитых и умерших от ран и болезней военнослужащих). В то же время определение общих потерь, включая потери гражданского населения, косвенных и территориальных демографических потерь находилось на периферии научного поиска. Тем не менее, исследователи не могли обойти вниманием людские потери в такой небывалой по масштабу войне, какой была Первая мировая. Публиковались различные и противоречивые данные.

Так, уже в 1920 г., по неполным данным доктора В.Г.Аврамова, на основании анализа картотечного учета Главного военно-санитарного управления Военного министерства Российской империи/республики за период с августа 1914 г. по декабрь 1916 г. на трех фронтах (Северном, Северо-Западном, Юго-Западном) были убиты в боях 12813 офицеров и 652077 солдат, умерших от ран в частях 716 офицеров и 17662 солдата, умерших от газов 72 офицера и 6268 нижних чинов, ранено 72486 офицеров и 3676183 солдата, из них демобилизовано: по ранению 56720 офицеров и 3372504 нижних чинов, отравленных газами — 598 офицеров и 48500 солдат. Итого: погибло 703209 военнослужащих (13061 офицер и 689608 солдат) и стали инвалидами 3478322 чел. (57318 офицеров и 3421004 солдата). Пропавших без вести (т.е. оставшихся непогребенными на полях сражений, попавших в плен) насчитывалось 13382 офицера и 2319993 солдата¹.

В 1923 г. вышли в свет более обстоятельные «Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914 — 1920 годов» (выпуск 1), в котором авторы предприняли попытку более полного учета прямых боевых безвозвратных потерь действующей армии. По обобщенным данным В.И.Бинштока, убито в бою 664,8 тыс. солдат, умерло от ран: в лечебных заведениях — 300,0 тыс., при частях — 18,3 тыс., скоропостижно — 7196 чел., от болезни в лечебных заведениях — 130,6 тыс., в плену — 285,0 тыс., пропало без вести — 200 тыс., умерло от ядовитых газов — 6,3 тыс., погибли на Кавказском фронте — 50,0 тыс. чел. В плену находилось 3,9 млн. В целом прямые боевые безвозвратные потери действующей армии — 1660 тыс. военнослужащих². В то же время, по подсчетам члена комиссии и редактора

«Трудов...» М.М.Грана, в плену находилось 4297066 чел., из которых 245486 умерли от ран и болезней³.

В целом члены комиссии оценили число безвозвратных потерь в 1666,0 тыс., число боевых потерь — в 8,5 млн, в т.ч. пленных — 3750 тыс.; без вести пропавших — 200 тыс., беженцев — в 10—15 млн, а косвенные потери за период с 1914 по 1916 г. включительно — в 6 млн⁴.

В 1924 г. исследователь В.Д.Кайсаров на основе анализа данных германской официальной статистики пришел к выводу, что прямые безвозвратные потери русской действующей армии насчитывали 2250 тыс., раненых — 5700 тыс., пленных — 2550 тыс., всего — 10800 тыс. военнослужащих⁵.

М.П.Павлович определил общие безвозвратные потери в 2,5 млн, косвенные потери — в 10,55 млн, из которых 8,3 млн приходилось на уменьшение рождений, а 2,25 млн — на увеличение смертности⁶.

В 1925 г. под руководством заведующего отделом военной статистики ЦСУ СССР В.П.Ефремова был издан сборник «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (таблица 72 А и Б)⁷ (в цифрах)», в котором данные М.П.Павловича были перепутаны с материалами Троицкого и объявлены сильно преувеличенными без какой-либо аргументации. В качестве официальных данных были приведены ежемесячные сводки Бюро о потерях Отчетно-статистического отдела Управления РККА (бывшей Ставки), которые дают следующую картину: убитых — 626440, умерших от ран — 17174, отравленных газами — 38599, раненых — 2588838, контуженных — 126765, пленных и без вести пропавших — 36382718.

Эти первые данные официальной статистики не только меньше неполных сведений В.Г.Аврамова по общему числу прямых безвозвратных потерь на 20996, но в несколько раз меньше, чем данные таблицы 25 этого же сборника. Так, число убитых во всей действующей армии за июнь и июль 1917 г. определяется в 3965 солдат, в то же время только на одном Юго-Западном фронте с 18 июня по 6 июля 1917 г. погибло 6905 солдат, ранено соответственно 14218 и 36240⁹. Эти данные как минимум в 2—3 раза меньше реальных потерь.

Таким образом, в подсчетах прямых безвозвратных боевых потерь действующей армии сначала определилась тенденция резкого роста с 703 тыс. по В.Г.Аврамову (1920 г.) до 2,5 млн по М.П.Павловичу-В.Д.Кайсарову (1924 г.), а в 1925 г. — резкого уменьшения¹⁰. В дальнейшем разные авторы приводили новые цифры.

В 1926 г. известный экономист М.Я.Нахимсон (Спектатор) определял число убитых в диапазоне 2,55—3,22 млн, 2,7 млн демобилизованных по ранению, 3,6 млн без вести пропавших и пленных¹¹. В 1929 г. В.И.Биншток и Л.С.Каминский установили общую численность погибших и умерших от ран в 1,8 млн, 0,2 млн не вернулось из плена, уменьшение рождений за 1915—1917 гг. в 4,9 млн¹².

В 1930 г. исследователь Е.З.Волков, без ссылок на источники, приводит следующий ряд цифровых показателей — убитых — 626,4 тыс., умерших в частях — 17,2 тыс. и новые, очевидно расчетные, данные: умерло от болезней — 155,7 тыс., умерло от ранений — 1123,0 тыс., умерло в плену — 181,9 тыс., всего — 2104,2 тыс. военнослужащих. Кроме того, убитых и умерших беженцев при частях за 1914—1915 гг. — 317,6 тыс.¹³ Итого: прямые безвозвратные потери, без учета гибели гражданского населения в 1916—1917/18 гг. — 2421,8 тыс.

В 1934 г. А.Де-Лазари, со ссылкой на французские источники, определил число убитых и умерших в 1,7 млн, а пропавших без вести и пленных в 2,25 млн¹⁴.

Известный советский демограф Б.Ц.Урланис в 1960 г. опубликовал результаты историографического анализа большей части предшествующей литературы по данному вопросу, главным образом зарубежных авторов. По данным зарубежных исследователей, разброс между минимальным — 775 тыс. и максимальным — 5350 тыс. параметрами прямых военных безвозвратных потерь достигал 6,9 раза¹⁵. Сам Б.Ц.Урланис дает следующее значение потерь русской действующей армии: основная исходная цифра числа убитых и пропавших без вести до 1 мая 1917 г. — 775 тыс., с 1 мая 1917 г. по март 1918 г. — 30 тыс. На флоте — 3 тыс. Недочет убитых в 1914 г. — 100 тыс. Итого — 908 тыс.¹⁶ С учетом поправки в 300 тыс. — 1,2 млн убитых¹⁷. Затем следуют умершие от ран — 240 тыс., от отравления газами — 11 тыс., итого безвозвратные потери — 1451 тыс. Умерших от болезни — 155 тыс., умерших в плену — 190 тыс., умерших от несчастных случаев и прочих причин — 15 тыс. Итого безвозвратные небоевые потери — 360 тыс. Всего — 1811 тыс.¹⁸ Пленных — 2,6 млн¹⁹. Иные виды демографических потерь Б.Ц.Урланис не исследует.

Известный советский историк и демограф Ю.А.Поляков на основе критического анализа предшествующей литературы следующим образом оценивает общие демографические потери населения России в Первой мировой войне: «Империалистическая война, оторвав почти два десятка миллионов мужчин от своих семей, вычеркнув от полутора до двух миллионов человек из списка живых, искалечив примерно полмиллиона, послав за колючую проволоку лагерей для пленных свыше 5 млн человек, выплеснув из родимых мест около 7,5 млн беженцев, немалая часть которых погибла от голода и болезней, оказала огромное негативное воздействие на демографическую ситуацию в России»²⁰. Ю.А.Поляков считает, что цифра косвенных демографических потерь населения России, рассчитанная известным демографом Л.И.Лубны-Герцык — 6,5 млн, наиболее достоверна²¹.

В эмигрантской российской историографии следует отметить работы генерала Н.Н.Головина и военного историка А.А.Керстновского.

На основе анализа советских и иностранных публикаций 20-х годов Н.Н.Головин дает следующие цифровые показатели: «зарегистрированных» убитых — 626 тыс., «неизвестных» убитых — 674 тыс. (разница между пропавшими без вести и пленными и зарегистрированными пленными), умерших от ран — 350 тыс., умерших от болезней — 140 тыс., умерших в плену — 70 тыс. Итого — 1860 тыс. Уволено со службы инвалидов — 890 тыс., в том числе по ранению — 611 тыс., по болезни — 279 тыс. Раненых — 4,2 млн. Пленных — 2410 тыс.²²

А.А.Керстновский пришел к несколько большим цифровым показателям: 2,1 млн погибших в бою и от ранений, 100 тыс. умерших от болезней, 200 тыс. умерших в плену, 600 тыс. инвалидов по ранению и 300 тыс. инвалидов по болезни, 2417 тыс. пленных и 7 млн раненых²³.

В современной справочной и учебной литературе о демографических потерях населения России в период Первой мировой войны приводятся сходные цифры. Так, например, Д.К.Шелестов оценивает прямые потери (на фронтах) около 2 млн. чел.²⁴, а составители последнего выпуска демографического словаря «Народонаселение» (1994 г.) ограничились расчетами С.А.Новосельского о 6,5 млн косвенных потерь в 1915–1916 гг.²⁵

В зарубежной историографии утвердились следующие оценки потерь русской армии: убитых в бою, умерших от ранений и болезней — 1,7 млн, раненых — 4,95 млн, пленных — 2,5 млн. Всего — 9,15 млн, или 76,3% от 12 млн действующей армии (без учета тыловых, учебных частей и подразделений и вспомогательных военизированных служб)²⁶.

В целом, несмотря на цифровой разноречивость, взятые в совокупности, при соответствующем критическом анализе, данные предыдущей историографии содержат определенное количество научной, вполне достоверной информации как о номенклатуре основных видов демографических потерь, так и о широком диапазоне цифровых значений от минимально-вероятных, средне-промежуточных и до максимально-возможных.

Наибольшую трудность представляет определение прямых безвозвратных потерь населения, вызванных непосредственным влиянием Первой мировой войны. Если собрать, систематизировать все наиболее репрезентативные сведения из доступных источников, то в конечном итоге получим следующий ряд табличных данных.

К сожалению, большинство данных относятся к 1914–1917 гг., но и они, как было показано выше, имеют довольно широкий разброс показателей. Особенно большой разрыв наблюдается относительно данных о численности умерших от ран в госпиталях — 300000 и 1123000 и пропавших без вести — 200000 и 797300. Вполне вероятно, что реальные потери несколько больше минимальных значений, поскольку эта колонка в основном базируется на неполных данных В.Г.Аврамова и В.И.Бинштока, но меньше средних значений, основанных на расчетных данных

Е.З.Волкова. Если учесть тот факт, что недоучет боевых потерь в 700—800 тыс. поглощается преувеличенным значением числа погибших от ранений в 1,123 млн, то наиболее вероятная величина прямых военных безвозвратных потерь будет находиться в диапазоне от 2 до 3 млн. На то, что русская армия потеряла убитыми свыше 3 млн, указывали еще в двадцатые годы генерал К.В.Сахаров, М.Я.Нахимсон (Спектатор), М.В.Фрунзе, а также иностранные исследователи²⁷.

Таблица 22

**Безвозвратные потери населения России в Первой мировой войне
1914—1918 гг., (тыс. чел)**

Виды потерь	Значения		
	минимальные	средние	максимальные
Боевые потери в том числе:			775,369 ^С
убитых в бою	657,110	728,895	1,2 ^У -1,3 ^Г млн
умерших от ран при частях	626,440 ^Р	664,800 ^{А, Б}	
умерших от отравляющих газов	17,174 ^Р	18,300 ^{А, Б}	
умерших от отравляющих газов	6,300 ^{А, Б}	38,599 ^Р	
умерших скоропостижно и от несчастных случаев	7,196 ^Б	7,196 ^Б	
Санитарные потери	430,000	1.278,700	
умерло больных в госпиталях	130,000 ^Б	155,700 ^В	
умерло раненых в госпиталях	300,000 ^Б	1.123,000 ^В	
Всего военно-санитарные потери	1.087,110	2.007,595	2.053.700
Прочие военные потери	620,100	1.320,500	
пропало без вести	200,000 ^Б	797,300 ^В	
умерло в плену	181,900 ^В	285,000 ^Б	
не вернулось из плена	238,200 ^В	238,200 ^В	
Всего военные потери	1.707,210	3.328,095	3.374,200
Убитых гражданских лиц в бою	317,600	317,600 ^В	
ИТОГО:			
Военно-гражданские потери	2.024,810	3.645,695	3,691.800
Санитарно-карательные потери	685,910	801,910	
умерших от эпидемий и голода	385,910 ^В	500,710 ^{Бар}	
жертвы террора	100,000 ^{Т, М}	100,000 ^{Т, М}	
эмигранты	200,00 ^Т	200,000 ^Т	
ИТОГО: безвозвратные потери	2.710,750	4.447,405	4.377,710

Примечание: Буквенные индексы означают сокращенное название источника — А — Аврамов, Б — Биншток, Бар — Бароян, В — Волков, Г — Головин, Р — Россия., Т — труды комиссии, М — мировая война в цифрах., С — Спектатор, У — Урланис.

К безвозвратным потерям необходимо прибавить 317,6 тыс. убитых и умерших от ран гражданского населения, пострадавшего в ходе боевых действий в 1914—1915 гг. К сожалению, данные за 1916—1918 гг. в литературе отсутствуют, но скорее всего масштабы этого вида потерь не уменьшились. Около 0,5 млн погибло от массовых эпидемиологических заболеваний в 1914—1918 гг. Но и эти данные не полные, а только по 50 губерниям Европейской России. Данные о терроре и эмиграции также являются минимально-расчетными, хотя в литературе имеются многочисленные примеры гибели военнослужащих и гражданских лиц в результате германо-австро-турецкой интервенции и оккупации, при стихийной самодемобилизации действующей армии, многочисленных жертв революционного и контрреволюционного террора.

Большой интерес представляет анализ военных потерь русской армии в сравнении с аналогичными показателями других ведущих держав в 1914—1918 гг. (табл. 23).

Таблица 23

**Военные потери ведущих держав в Первой мировой войне
1914—1918 гг. (млн чел.)**

Государства	Вооруженные силы ¹	Военные потери в том числе				
		всего	в %	безвозвратные ²	пленные ³	иные ⁴
Россия ⁵	17,6	11,4	60,6	3,3	3,6	3,8
Франция	8,2	4,7	57,3	1,4	0,5	2,8
Великобритания	9,5	3,0	31,5	0,7	0,3	2,0
Италия	5,6	1,8	31,3	0,5	0,5	0,8
США	3,9	0,3	7,6	0,08	0,04	0,18
Германия	13,3	7,5	56,3	2,0	1,0	4,5
Австро-Венгрия	9,0	5,3	58,8	1,5	1,8	2,0

Примечания: погрешность исчисления = ± 4,0%. 1. Включая флот, внутренние округа, вспомогательные военизированные службы и структуры. 2. Убитых в бою, умерших от ран, пропавших без вести, умерших в плену и не вернувшихся из плена. 3. Вернувшихся из плена после войны. 4. Демобилизованных из армии во время войны, в т.ч. по ранению, вернувшихся из плена инвалидов во время войны, дезертиров. 5. Данные на конец 1917 г.

Как видно из табл. 23, к осени 1917 г. вооруженные силы России потеряли свыше 60,6% личного состава, то есть больше, чем побежденные через год Германия и Австро-Венгрия. Причем был практически выбит кадровый состав (1,4 млн) и военнообязанные 1 и 2 очередей (5,6 млн)²⁸, которые составляли основную

ударную силу русской армии. Поэтому не случайно, что армия в 1917 г. потеряла свою боеспособность и практически развалилась в конце 1917 — начале 1918 гг. Это объясняется целым рядом объективных обстоятельств. Остановлюсь на самых основных.

Во-первых, крайне невыгодное геостратегическое положение России в Антанте, когда одна российская армия в течение 3,5 лет удерживала восточный театр военных действий (от Балтики до Черного моря — 1934 км, не считая 1,1 тыс. км Кавказского фронта) против совокупной боевой мощи трех империй: Германской, Австро-Венгерской и Османской. В то же время на 630-километровом западном фронте (от Ла-Манша до Швейцарии)²⁹ против одной германской армии были сосредоточены объединенные вооруженные силы Франции, Британской империи и, с 1917 г., США.

Во-вторых, социально-экономический отрыв индустриально-развитых западных держав: Германии, Великобритании, Франции и США — от аграрно-индустриальной России, что напрямую выразилось в крайне низком уровне материально-технического обеспечения русской армии современными видами вооружений и боеприпасов. Недостаток новейшего вооружения, т.н. «снарядный», «патронный» и «винтовочный» голод, невысказанный в армиях западных держав, низкий образовательно-культурный уровень и практическое отсутствие у 2/3 новобранцев начальной военной подготовки и т.д., и т.п. привели к огромным людским потерям в русской армии.

В-третьих, «мудрая» политика западных союзников России по Антанте, которые вели войну «до последнего русского солдата», используя восточный театр военных действий в качестве противовеса постоянному германскому давлению на западном фронте, неоднократно вынуждая высшее российское военно-политическое руководство преждевременно бросать в бой неподготовленные войска в нарушение заранее согласованных стратегических планов. Разгадка «чуда на Марне» и многих других побед Антанты на западном фронте лежит на дне Мазурских и иных болот.

В-четвертых, имперские амбиции, косность и низкая компетентность высших эшелонов российского имперского руководства, которые вместо «быстрой и скорой победы к Рождеству 1914 г.» получили длительную и с позором проигранную войну.

В конечном итоге, вооруженные силы России в 1914—1917 гг. сыграли роль «парового катка» для срыва планов молниеносной войны и перемалывания значительной части совокупной военной мощи центральных держав. Русскую армию использовали в качестве того пресловутого мавра, который, сделав свое дело, должен уйти в историческое небытие.

Около 20 млн чел. были мобилизованы на войну и оборонные работы, из них 17,6 млн в вооруженные силы. Из них только 1,4 млн составляли кадровую армию и 5,6 млн военнообученных 1 и 2 разрядов, прошедших воинскую службу в действующей

армии и находившихся в запасе. В ходе боев был практически выбит кадровый офицерский корпус (25 тыс. из 49 тыс.)³⁰, состоящий из строевых офицеров; аналогичная ситуация сложилась с кадровым унтер-офицерским составом, элитными гвардейскими и лейб-гвардейскими частями и подразделениями, которых использовали на наиболее ответственных участках восточного фронта. А ведь именно они и составляли боевой костяк русской армии. Пришедшие им на смену 10,6 млн, наспех мобилизованные, наскоро обученные, плохо вооруженные, не желающие воевать, качественно изменили состав действующей армии в 1916—1917 гг., превратив ее из основной опоры российской монархической государственности и наиболее мощного инструмента царского самодержавия в «пороховую бочку» революции.

Около 20 млн мужчин (свыше 10,8% населения России) прошли сквозь солдатские казармы, грязные окопы и кровавые бои Первой мировой войны; 67 млн (36,1%) оказались на оккупированной территории; от 5 до 7 и более млн (3—4%) мирных жителей были насильственно выселены из прифронтовой полосы или эвакуированы на восток. Из них около 0,5 млн евреев были выселены из прифронтовой полосы под надуманным предлогом в пособничестве германскому шпионажу³¹. Если вспомнить серию немецких погромов в 1914—1915 гг., жестокое подавление восстания 1916 г. в Туркестане и т.д., и т.п., то Первая мировая война стимулировала последующий взрыв этно-конфессиональных и социально-политических конфликтов в последующий период гражданской войны. В целом около половины населения Российской империи непосредственно или в виде солдат, беженцев, выселенцев или жителей оккупационной зоны стали жертвами Первой мировой войны.

Война привела к значительной дегуманизации межличностных, национально-религиозных, сословно-классовых, социально-политических отношений в российском обществе, к доминированию «окопно-фронтовой» массовой психологии с ее культом грубой, военной силы в качестве универсального средства для решения любых вопросов, к резкой поляризации, радикализации и милитаризации социальной мобильности российского населения, что объективно ускорило процессы перерастания внешней, межгосударственной войны во внутреннюю, гражданскую, в условиях прогрессирующей «атомизации» российского общества.

Первая мировая война сорвала процессы мирной модернизации отсталой, аграрно-индустриальной России в высокоразвитое индустриальное общество и постепенной, мирной трансформации умеренно-авторитарного, консервативно-монархического царского режима к либерально-демократическому строю с гражданско-правовыми институтами.

К сожалению, ввиду отсутствия персонального учета жертв Первой мировой войны до сих пор приходится довольствоваться приблизительными, расчетными данными. В будущем, когда проблемы исчисления демографических потерь в мировых войнах будут иметь чисто академический интерес, а арсеналы исторической демографии пополнятся новыми, более совершенными методами исследования и обработки данных, демографы получат более точные результаты.

Глава V.

Население России в годы гражданской войны.

Демографические последствия

голода 1921—1922 гг.

После революции 1917 г. и возникновения ряда независимых государств Российская империя прекратила свое существование. На большей части ее территории возникла Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР). Население других частей территории бывшей империи создало свои государственные образования. Одни из них сохранили свой суверенитет и после окончания гражданской войны (Финляндия, Польша, Прибалтика), другие оказались оккупированными иностранными державами (Бессарабия, часть западноукраинских и западнобелорусских земель). В отношении ряда других регионов еще долгое время шло определение границ и государственного статуса. К концу гражданской войны они закрепились как советские республики.

В 1920—1922 гг. на основе мирных договоров произошло оформление и закрепление государственных границ. Государственные образования, существовавшие тогда и объединившиеся в декабре 1922 г. в Союз Советских Социалистических Республик, до этого момента не имели единого названия.

Термин «Советская Россия», широко применявшийся в то время, был правилен в той мере, в какой речь шла о самой РСФСР, олицетворявшей советское государство в целом, а также во многом выполнявшей функции центра. Однако применительно ко всей системе советских республик этот термин не является, естественно, всеобъемлющим и точным. В исторической литературе употребляется и выражение «Республика Советов», подразумевающее всю советскую страну. Это выражение следует признать скорее литературным, чем научным. Правильнее говорить (если иметь в виду совокупность территорий, где победила Советская власть) просто Советская страна или Советские республики.

Закрепление государственных границ. Территориальные и людские потери

Государственные границы Советских республик в основном стабилизировались и были закреплены рядом мирных договоров в 1920—1922 гг.

На северо-западе РСФСР граничила с Финляндской республикой. Мирные отношения с ней были оформлены договором от

14 октября 1920 г. Финляндия, ранее входившая в состав Российской империи, получила независимость по постановлению ВЦИК 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.)¹.

В 1918—1920 гг. Финляндия поддерживала антисоветскую интервенцию и лишь осенью 1920 г. приняла мирные предложения Советского правительства. Договор 14 октября 1920 г., подписанный в г. Юрвее (Тарту), зафиксировал пограничную линию в общем в границах быв. Великого княжества Финляндского. Печенгская волость, не входившая ранее в его состав, была уступлена Финляндии. Всего Финляндию составила территория площадью 286,5 тыс. кв. верст (326 тыс. кв. км) с населением 3348 тыс. человек².

На западе РСФСР граничила с Эстонией, Латвией, Литвой. Эти земли ранее также входили в Российскую империю. Во время и после германской оккупации там возникли республики. Советское государство заключило с республиками соответствующие договоры, определявшие, в частности, линии границы.

Мирный договор с Эстонией был заключен 2 февраля 1920 г.³ Согласно этому договору к Эстонии отошли: Эстляндская губерния, шесть уездов Лифляндской губернии и часть Ямбургского уезда Петроградской губернии. Всего к Эстонии отошла территория площадью 36 тыс. кв. верст (41 тыс. кв. км) с населением 1750 тыс. жителей⁴.

Договор с Литвой был заключен 12 июля 1920 г.⁵ Согласно этому договору в состав Литвы вошли: Ковенская губерния, два уезда Виленской губернии⁶, один уезд Гродненской губернии и часть уездов Сувалькской губернии⁷. В общей сложности к Литве отошла территория площадью 51 тыс. кв. верст (58,6 тыс. кв. км) с населением 2300 тыс. человек⁸.

Мирный договор с Латвией был подписан 11 августа 1920 г.⁹ Согласно договору к Латвии отошли Курляндская губерния, три уезда Лифляндской, три уезда Витебской губернии и часть Псковского и Островского уездов Псковской губернии. Всего в Латвию вошла территория площадью 61 тыс. кв. верст (69,4 тыс. кв. км) с населением 2500 тыс. жителей¹⁰.

Декрет СНК РСФСР от 29 августа 1918 г. констатировал, что все договоры и акты, «касающиеся разделов Польши ...отменяются настоящим бесповоротно»¹¹.

После поражения Германии и ликвидации немецкой оккупации создание польского государства стало фактом.

Польшу составили этнические польские районы, входившие ранее в Российскую империю, а также в Австро-Венгерскую и Германскую империи. Губернии с преимущественно польским населением, входившие в состав Российской империи (губернии Царства Польского), имели площадь 104857 кв. верст (119333 кв. км) с населением 12335 тыс. человек¹². Население районов, перешедших из Австро-Венгрии и Германии, составляло, по данным 1910 г., 12 485 тыс. человек¹³. Среди районов, ранее входивших

в состав Австро-Венгрии, были и населенные преимущественно украинцами.

В результате советско-польской войны 1920 г. Польше удалось добиться существенных территориальных приобретений за счет Украины и Белоруссии.

Рижский мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой, был подписан 18 марта 1921 г.¹⁴ На основании этого договора в состав Польши вошла часть Украины и Белоруссии. К Польше отходила западная часть Белоруссии площадью 108 тыс. кв. км с населением свыше 4 млн человек¹⁵.

Из украинских земель кроме Галиции с центром во Львове, ранее входившей в состав Австро-Венгрии, к Польше отошли семь уездов Волынской губернии¹⁶.

Таким образом, из состава дореволюционного Российского государства к Польше отошла территория площадью 218,5 тыс. кв. верст (около 249 тыс. кв. км) с населением 16022 тыс. человек. Это данные на 1919 г., и они представляются преуменьшенными (не учтены беженцы, временно покинувшие эти районы во время Первой мировой войны). По приблизительным данным 1914 г., в этих районах проживало 19 млн человек¹⁷.

Бессарабия, населенная молдаванами и украинцами, была оккупирована Румынией. Советское государство никогда не признавало этой оккупации, о чем неоднократно заявляло в дипломатических и других документах¹⁸. Площадь Бессарабии — 39 тыс. кв. верст (44,4 тыс. кв. км) с населением 2538 тыс. человек¹⁹.

В Закавказье граница с Турцией была установлена Московским русско-турецким договором от 16 марта 1921 г.²⁰, а также договором между Закавказскими советскими республиками и Турцией от 13 октября 1921 г.²¹ В соответствии с этими договорами к Турции отошла территория площадью 17,5 тыс. кв. верст (19,9 тыс. кв. км) с населением 492 тыс. человек²².

Границы РСФСР с Ираном (до 1935 г. Персия), Афганистаном, Монголией, Китаем, Японией остались в основном без изменений.

Таким образом, территория и население страны уменьшились по сравнению с временем до начала Первой мировой войны. Всего в состав других государств отошла территория в 718,8 тыс. кв. верст (818 тыс. кв. км)²³ с населением 31 — 32 млн человек. Это составляет более 3,7% всей площади страны в границах, установившихся в 1920 — 1921 гг. (определяя эту площадь в 21,7 млн кв. км).

Уменьшение территории произошло тремя путями. Во-первых, в результате создания суверенных национальных государств, прекративших государственные связи с РСФСР (Польша, Финляндия, Латвия, Литва, Эстония).

Во-вторых, из-за территориальных уступок, которые Советская страна была вынуждена сделать (зафиксировав это в мирных договорах) в целях скорейшего завершения войны и достижения

мира. Это районы Западной Украины и Западной Белоруссии, Печенга на севере и Карсская область на юге, общей территорией примерно 250 тыс. кв. км и с населением около 6-7 млн человек (без учета украинских районов, входивших ранее в Австро-Венгрию).

В-третьих, из-за захвата в нарушение международного права Бессарабии с населением 2,2—2,5 млн человек. Ее оккупация не была подтверждена никаким соглашением или договором.

Советские республики: территория, административное деление, население

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР) являлась крупнейшей из советских республик. Ее территория составляла 17780 тыс. кв. верст, или 20235 тыс. кв. км²⁴. Наряду с районами европейской части России, Урала, Сибири, Северного Кавказа с преобладающим русским населением, в состав РСФСР входили национальные автономные республики и области.

РСФСР включала в 1921 г. 52 губернии и области. Губернское деление, сложившееся на протяжении длительного времени, использовало ряд традиционных исторических территориальных границ, будучи в то же время в ряде случаев недостаточно мотивированным, произвольным.

Всего в РСФСР (без ДВР) насчитывалось 559 уездов, из которых на губернии Европейской России приходилось 344, на губернии Сибири — 51, остальные — на автономные республики и области²⁵. Население РСФСР составляло в 1922 г. более 101 млн человек. К 1921 г. в составе РСФСР существовало значительное число национальных автономий, возникших в 1918—1920 гг. Автономии, входившие в РСФСР, существенно отличались друг от друга по уровню социально-экономического развития, географическим условиям, обстоятельствам своего создания. Одни из них, будучи многонациональными, имели временный, переходный характер (Туркестанская и Горская АССР), и в дальнейшем на их основе возникли национальные советские республики и области. Другие, возникнув как форма автономии одного народа, в ходе исторического развития развивались и укреплялись, сохраняя свой первоначальный статус, или преобразовывались из автономных областей в автономные республики, из автономных республик — в союзные и т.п.

Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика (Турк. АССР) возникла в границах существовавшей до Октябрьской революции административной единицы «Туркестанский край», включая территории будущих Узбекской, Киргизской, Туркменской, Каракалпакской республик, части Таджикистана и южных районов Казахстана.

Провозглашенная 5-м Всетуркестанским съездом Советов 30 апреля 1918 г., ТуркАССР (столица — г. Ташкент) была многонациональным государственным образованием. На ее огромной территории, раскинувшейся от Каспийского моря до Исык-Куля, от Арала и казахских степей до Памира (1 478 533 кв. км)²⁶, жили десятки различных народов — казахи, каракалпаки, киргизы, русские, таджики, туркмены, узбеки, украинцы и др. Туркестанская АССР была ликвидирована 27 октября 1924 г. в связи с созданием национальных советских республик в ходе национально-государственного размежевания.

На Северном Кавказе 20 января 1921 г. были созданы Горская и Дагестанская автономные советские социалистические республики²⁷.

Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика (Даг. АССР) возникла в составе девяти округов существовавшей до революции Дагестанской обл. и одного округа, ранее входившего в Терскую обл.

Горская АССР, созданная на территориальной основе бывшей Терской и части Кубанской областей, объединяла шесть национальных округов: Карачаевский, Кабардинский, Балкарский, Северо-Осетинский (Владикавказский), Ингушский (Назрановский) и Чеченский.

В сентябре 1921 г. из состава Горской АССР была выделена Кабардинская автономная область, в которую затем вошли районы, населенные балкарцами. В январе 1922 г. была образована **Кабардино-Балкарская автономная область**. В 1922 г. из Горской АССР выделились **Карачаево-Черкесская** и **Чеченская** автономные области. Из Кубано-Черноморской области выделена Черкесская (**Адыгейская**) автономная область. В связи с последующим выделением **Северо-Осетинской** и **Ингушской** автономных областей Горская АССР в 1924 г. была упразднена.

В годы гражданской войны были созданы две автономные республики на Средней Волге и Среднем Урале.

В марте 1919 г. возникла **Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика** (Башк. АССР) в составе 138 волостей, выделенных главным образом из Оренбургской, а также из Уфимской, Пермской и Самарской губерний.

27 мая 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет об образовании **Татарской Автономной Советской Социалистической Республики** (Тат. АССР)²⁸.

Административно-территориальная сложность образования автономной Татарии видна, в частности, из того, что ее территория определилась на базе пяти губерний: Казанской, Уфимской, Самарской, Вятской, Симбирской²⁹.

26 августа 1920 г. правительство РСФСР декретировало образование **Киргизской (Казахской) Автономной Советской Социалистической Республики**³⁰. В ее состав вошли Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская губернии и отдельные

части Закаспийской области, Оренбургской и Астраханской губерний. В сентябре 1920 г. в Казахскую АССР был включен г. Оренбург с прилегающими районами³¹.

Казахские районы Семиреченской и Сырдарьинской областей до 1924 г. входили в состав Туркестанской АССР.

Декретом ВЦИК от 18 октября 1921 г. была образована **Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика**³², территория которой (Крымский полуостров) ранее входила в Таврическую губернию.

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 24 июня 1920 г. образовал **Чувашскую автономную область**, включившую ряд уездов и волостей Нижегородской и Симбирской губерний³³.

4 ноября 1920 г. ВЦИК РСФСР принял декрет об образовании **Вотской (Удмуртской) автономной области**³⁴. В нее вошел ряд волостей Вятской губернии. Центром автономии первоначально был г. Глазов, а 10 июня 1921 г. его перенесли в г. Ижевск:

Тогда же ВЦИК РСФСР принял декреты³⁵ об образовании автономии **Калмыцкой** (на территории Астраханской, Царицынской, Ставропольской губерний) и **Марийской** автономных областей³⁶. В Марийскую автономную область вошли уезды и волости Нижегородской и Вятской губерний. Центром области был г. Краснококшайск (ранее — Царевококшайск, ныне Йошкар-Ола).

В июне 1920 г. возникла **Карельская трудовая коммуна** с центром в г. Петрозаводске³⁷ (на территории Олонецкой и Архангельской губерний).

В октябре 1918 г. была образована Трудовая коммуна немцев — колонистов Поволжья в составе трех уездов Саратовской губернии³⁸. В 1921 г. эта автономия носила название **Трудовой коммуны немцев Поволжья**.

22 августа 1921 г. была образована **Коми (Зырян) автономная область** в составе ряда волостей Архангельской и Северо-Двинской губерний³⁹. Центром области стал г. Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар).

30 мая 1923 г. была образована **Бурятская (Бурят-Монгольская) Автономная Советская Социалистическая Республика**. Временным центром Бурятской автономии был г. Иркутск. Затем центром стал г. Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ).

В апреле 1922 г. образована **Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика**⁴⁰, в июне **Ойротская автономная область**⁴¹ и другие национальные автономии.

Таким образом, в начале 20-х годов РСФСР включала восемь автономных республик: Туркестанскую, Башкирскую, Татарскую, Казахскую, Горскую, Дагестанскую, Крымскую, Якутскую, 11 автономных областей и две трудовые коммуны.

Образование национальных автономий имело позитивное значение, позволяя многим народам консолидироваться, развивать в рамках собственной государственности национальную культуру. Однако установление границ было осуществлено в ряде случаев в

пользу титульной народности за счет других народов, преимущественно русского. Включение в национальные республики и области районов с преобладанием русских объяснялось рядом причин, прежде всего стремлением осуществить прогрессивное воздействие русского населения, в т.ч. горожан, на экономическое, социальное, политическое развитие этих республик и областей. Однако в дальнейшем этнически необоснованное разграничение автономий привело к серьезным негативным последствиям.

Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР), образованная в декабре 1917 г., была крупнейшей после РСФСР советской республикой. Ее площадь составлял 392645 кв. верст (446854 кв. км)⁴². В состав УССР входило в 1921 г. двенадцать губерний. В 1924 г. из ряда уездов и волостей Одесской губернии возникла Молдавская АССР. Столицей Украины в 1921 г. был Харьков⁴³.

Белорусская Советская Социалистическая Республика была провозглашена 1 января 1919 г. Ее территория в 1921 г. была невелика, охватывая не полностью шесть уездов бывшей Минской губернии: Минский, Слуцкий, Борисовский, Игуменский, Бобруйский, Мозырский — и составляя 52,4 тыс. кв. верст (59,7 тыс. кв. км).

В начале 1924 г. после длительной подготовительной работы было осуществлено укрупнение Белорусской ССР за счет большей части Витебской и Гомельской губерний и части отдельных волостей Смоленской губернии. В 1926 г. в результате второго укрупнения в состав Белоруссии вошел г. Гомель, а также Гомельский и Речицкий уезды⁴⁴.

В 1920 — начале 1921 г. Советская власть победила в Закавказье. 28 апреля 1920 г. возникла **Азербайджанская Советская Социалистическая Республика**. Территориально она возникла в рамках бывшей Бакинской и части Ганджинской (Елисаветпольской) губерний и Закатальского округа⁴⁵. Площадь Азербайджанской ССР составляла 76447 кв. верст (87 тыс. кв. км)⁴⁶.

29 ноября 1920 г. была образована **Армянская Советская Социалистическая Республика**, возникшая в территориальных рамках бывшей Эриванской и части Ганджинской (Елисаветпольской) губерний. Охватывая 34288 кв. верст (39091 кв. км), республика делилась на 9 уездов и 175 волостей⁴⁷. Эта территория включала **Нахичеванскую область** (3939 кв. верст, или 4482 кв. км), которая в 1923 г. выделилась в качестве автономии⁴⁸.

Образованная в феврале 1921 г. **Грузинская Советская Социалистическая Республика** — территория 57967 кв. верст, или 65970 кв. км — была создана в составе Тифлисской, Батумской и Кутаисской губерний, Сухумского округа и части Сочинского округа⁴⁹.

4 марта была образована **Абхазская Автономная Советская Социалистическая республика**⁵⁰ в составе части Сочинского и Сухумского округов, с территорией 8175 кв. верст

(9303 кв. км)⁵¹. 16 декабря 1921 г. Абхазия вошла в состав Грузии на договорных началах. В декабре 1922 г. Абхазия вошла в СССР как часть ГССР⁵².

В июне 1921 г. в составе Грузинской ССР возникла **Аджарская АССР** на основе Батумской губернии (6129 кв. верст, или 6975 кв. км)⁵³, а в апреле 1922 г. — **Юго-Осетинская автономная область**⁵⁴. Собственно Грузия (6. Тифлисская и Кутаисская губернии), включая Юго-Осетинскую АО, охватывала территорию в 43663 кв. верст (49691 кв. км)⁵⁵.

На территории Советской страны к 1921 г. существовало также своеобразное государственное образование — **Дальневосточная республика (ДВР)**. ДВР была образована 6 апреля 1920 г. В ДВР входили Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская области и Северный Сахалин.

После изгнания интервентов и белогвардейцев осенью 1922 г. из основных дальневосточных территорий народное собрание ДВР провозгласило 14 ноября Советскую власть и обратилось во ВЦИК РСФСР с просьбой о включении ДВР в состав РСФСР. По декрету ВЦИК РСФСР от 15 ноября 1922 г. вся территория ДВР стала частью Российской Федерации.

В состав Российской империи входили два вассальных государства — Бухарский эмират и Хивинское ханство, расположенные в Средней Азии. Эти феодальные деспотии были лишены права внешних сношений и таможенно объединены с Россией. Однако во внутренних делах хивинский хан и особенно бухарский эмир пользовались относительной самостоятельностью.

27 апреля 1920 г. курултай народных представителей Хивы провозгласил создание **Хорезмской Народной Советской Республики**⁵⁶. 2 сентября 1920 г. пала власть бухарского эмира⁵⁷. 8 октября того же года I-й Всебухарский курултай народных представителей провозгласил **Бухарскую Народную Советскую Республику**. Территория Бухарской республики составила около 182,2 тыс. кв. км, Хорезмской — 62,2 тыс. кв. км.

Бухарская и Хорезмская НСР были многонациональными государственными образованиями. Наибольший удельный вес в БНСР имели узбеки, таджики и туркмены, в ХНСР — узбеки и туркмены.

В 1924 г. в Средней Азии было проведено национально-государственное размежевание, в ходе которого на базе Туркестанской АССР, Бухары и Хорезма были созданы **Узбекская и Туркменская советские социалистические республики, Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика, Кара-Киргизская и Каракалпакская автономные области**. Туркестанская АССР, Бухарская и Хорезмская советские республики прекратили существование.

В связи с тем, что из состава России выделился ряд густонаселенных районов, плотность населения в целом по стране уменьшилась. Накануне войны средняя плотность по стране в целом была 9,5 человека на 1 кв. версту. В начале 20-х годов средняя

плотность по стране уменьшилась до 7,3 человека на 1 кв. версту⁵⁸. Уменьшение плотности шло исключительно за счет европейской части страны, а по Сибири и Средней Азии наблюдалось к 1924 г. даже незначительное увеличение: по Сибири с 0,9 до 1,1; по Средней Азии с 3,6 до 3,8 человек на 1 кв. версту. Средняя плотность европейской части составляла 26,3 человека на 1 кв. версту⁵⁹.

Наиболее плотно населенными губерниями европейской части страны были: Подольская (98,3), Полтавская (72,6), Харьковская (72,5), Киевская (68,4), Курская (66,4), Орловская (63,6), Тульская (63,3), Тамбовская (57,6). Редко населены были северные — Архангельская (0,8), Мурманская (0,1) — и сибирские губернии. В Енисейской губернии, например, плотность населения составляла 0,5 человека на 1 кв. версту⁶⁰.

Губернии существенно различались по численности населения. В нечерноземных губерниях Центра большинство губерний (за исключением северных — огромной Архангельской, большой Пермской, крупных, по 100 тыс. кв. верст, Вологодской, Вятской, Северо-Двинской) были сравнительно невелики по площади, но заселены по российским масштабам довольно плотно. Население четырех губерний (из 26) превышало 2 млн человек (Вятская, Гомельская, Смоленская, Московская с г. Москвой), восьми — превышало 1 млн человек (Витебская, Владимирская, Костромская, Нижегородская, Пермская, Псковская, Тверская, Петроградская с г. Петроградом). Большинство остальных губерний было относительно ровным по численности населения, насчитывая от 600—700 тыс. жителей (Иваново-Вознесенская, Рыбинская, Северо-Двинская, Череповецкая, Ярославская) до 800—900 тыс. (Брянская, Вологодская, Калужская, Новгородская)⁶¹. Из этого ровного ряда выбивались лишь малонаселенные северные губернии (Архангельская — 361 тыс., Мурманская — 19 тыс., Олонецкая — 217 тыс.).

Черноземные губернии Европейской России, включая сравнительно небольшие центральные, крупные средневожские и проторные уральские, были густонаселенными и более ровными в отношении численности жителей. Население трех губерний (Воронежская, Саратовская, Тамбовская) превышало 3 млн человек каждая, четырех (Курская, Рязанская, Самарская, Уфимская) — превышало 2 млн человек, трех (Екатеринбургская, Пензенская, Тульская) приближалось к 2 млн. Остальные насчитывали от 1,2 до 1,6 млн жителей (Орловская, Симбирская, Царицынская, Челябинская). Лишь Астраханская губерния, небольшая по площади, имела и незначительное население (387 тыс.)⁶².

Общая численность населения. Потери военных лет

Данные о населении России во время гражданской войны весьма противоречивы. Видный советский демограф Б.Ц.Урланис

справедливо отмечал, что «вряд ли в какой-либо другой области статистики наблюдается такой разницей в данных, как в статистике людских потерь во время войн»⁶³.

Помимо трудностей общего порядка, на состоянии статистической базы в первые послереволюционные годы негативно сказались и перестройка системы демографического учета, и характер гражданской войны, непосредственно затронувшей большинство районов страны. Фактом является то, что статистические данные, относящиеся к 1917 – 1923 гг., страдают существенными недостатками и могут использоваться с большими оговорками при обязательном критическом подходе.

Перепись 1920 г., к сожалению, не может быть названа в ряду основополагающих источников, хотя ее материалы, несомненно, должны приниматься во внимание. Перепись проводилась в августе 1920 г., когда еще шла война. Почти 30% населения остались не учтенными этой переписью, и население большинства окраинных территорий было исчислено по дореволюционным сведениям⁶⁴.

Применительно к первым послереволюционным годам исследователь практически может использовать данные текущей статистики лишь в незначительной степени. Сведения о естественном движении населения могут быть признаны достоверными и надежными лишь с середины 20-х годов, когда уже появились соответствующие материалы по стране в целом, по РСФСР, по отдельным регионам⁶⁵. Однако по более ранним годам (особенно 1917 – 1920 гг.) сведения не могут быть признаны ни достоверными, ни достаточными. Это связано как с условиями гражданской войны, временной оккупацией значительных территорий страны интервентами и белогвардейцами, так и с трудностями создания загов, которые в большинстве сельских местностей были созданы лишь в начале 20-х годов.

Известный демограф 20-х годов Л.И. Лубны-Герцык еще в 1926 г. «по горячим следам» констатировал: «... за целый ряд лет — в городах за 1918, 1919 и частью 1920 г., а в сельских местностях за еще больший промежуток времени — мы не имеем полных сведений»⁶⁶. Он приводил ряд данных, заимствованных из местных статистических сборников, свидетельствующих о трудностях и слабостях в деле учета естественного движения населения⁶⁷. Это произошло прежде всего в результате коренной ломки старого способа регистрации актов гражданского состояния в связи с заменой прежней, церковной системы новой, гражданской. Некоторое время параллельно существовали старая и новая системы регистрации. Это обстоятельство не раз констатировалось руководителями статистического дела.

Одним из главных недостатков была неполнота записей. К тому же записи часто были элементарно неграмотны, что затрудняло, например, определение причин смерти. Один из дальневосточных статистиков писал по этому поводу: «В записях нередко можно встретить самые невероятные с медицинской точки зрения

диагнозы: "умер от пяток", "от ноги", "от жару", "от кашля в легких"»⁶⁸.

Состояние учета данных о естественном движении населения характеризует и такой факт, подмеченный Л.И.Лубны-Герцыком. Данные регистрации смертей в сельской местности применительно к 1918—1922 гг. оказываются более полными и достоверными, чем данные о рождениях. Почему? Потому что для похорон требовалось разрешение, которое выдавалось лишь после регистрации смерти в загсе⁶⁹. А дети рождались без разрешения и без соответствующих справок, и родители часто отмечали ребенка лишь в церкви при крещении. В городах, напротив, новорожденных иногда регистрировали дважды, в разных загсах, в целях получения в двойном размере материальной помощи, предоставлявшейся роженицам⁷⁰.

Объективно обусловленные недостатки в материалах переписей и текущего учета породили при определении численности населения России существенные различия в научной литературе. Цифровой разницей, достигающий 30 млн человек, усугубляется к тому же и различными территориальными критериями. В одних случаях берутся данные по территории Российского государства в предвоенных (1914 г.) границах, в других — по территории в границах, установившихся в 1920—1921 гг. и существовавших до 1939 г., в третьих — по территории в современных границах с ретроспекцией на 1917 и 1914 гг. Исчисления проводятся иногда с включением Финляндии, Бухарского эмирата и Хивинского ханства, иногда без такого включения.

Альтернативный выбор территориальных критериев возможен, и определение территориальных вариантов не представляет принципиальных трудностей, не составляет научной проблемы. Однако существенные различия заметны и при сопоставлении адекватных территориальных вариантов. Отметим все же, что во избежание путаницы и столь распространенных различий необходимо брать сопоставимые территории или по меньшей мере точно указывать, какой территориальный вариант имеется в виду. Это правило, к сожалению, не всегда соблюдается даже в весьма авторитетных изданиях. Это наглядно демонстрирует сборник материалов Всесоюзной переписи населения 1979 г.⁷¹ Сборник указывает численность населения нашей страны за 1897, 1913, 1920, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 годы — без указания того, какая территория имеется в виду. Между тем из цифр очевидно, что территория несопоставима. Данные на 1939 г. приводятся по территории в границах 1940 г., далее — в современных границах, а по 1920 и 1926 гг. — в границах, существовавших с начала 20-х годов до сентября 1939 г.⁷²

Разница в определении численности довоенного, на конец 1913 г. или начало 1914 г., населения России в сопоставимых границах (установившихся в 1920—1921 гг. и существовавших до 17 сентября 1939 г.) доходит до 13 млн человек — от 132,8 млн

до 145,773. Статистические сборники 60-х годов определяют численность населения России после гражданской войны в 139,3 млн человек⁷⁴.

Важность проблемы, научная и практическая потребность в определении численности населения страны, масштабы понесенных в 1914—1921 гг. потерь обусловили неослабевающий интерес ученых к этим вопросам. Определению численности населения страны в годы Первой мировой войны, во время Октябрьской революции и гражданской войны посвящены многие демографические исследования начиная с 20-х годов.

Рассмотрение имеющейся — достаточно обширной — литературы показывает, что подавляющее большинство авторов опираются на один и тот же круг источников, введенных в научный оборот еще в первой половине 20-х годов. Это ряд дореволюционных статистических сведений, частичная публикация материалов переписи 1917 г., перепись 1920 г., данные об эпидемиях и некоторые другие.

В связи с этим возникла необходимость в принципиально новой методике, которая позволила бы вовлечь в подсчеты иные источники. Таковыми в первую очередь стали данные переписи 1926 г. Эта перепись с небывалой до этого в России точностью и научностью зафиксировала состав населения страны. Материалы этой переписи 1926 г. были изданы широко и полно в 1928—1933 гг. в 56 томах.

В 1980 г. в Институте истории СССР АН СССР (ныне Институт российской истории РАН) была разработана и осуществлена методика использования (с применением компьютеров) данных переписи 1926 г. для установления численности населения страны в предшествующие годы.

Суть методики в самой общей форме такова: на основе данных переписи 1926 г., прежде всего исходя из возрастной структуры населения, восстанавливается динамический ряд численности народонаселения страны за 1917—1926 гг. При этом в память компьютера вводятся и соответствующим образом учитываются содержащиеся в других источниках и в литературе данные о естественном и механическом движении населения за указанные годы. Данная методика может быть названа методикой ретроспективного использования материалов переписей населения с учетом комплекса дополнительных данных, находящихся в распоряжении историка.

В результате исследований и расчетов получены таблицы, характеризующие динамику населения в 1917—1926 гг. по различным регионам и стране в целом (в разных территориальных вариантах), определяющие численность и удельный вес народов страны.

Определены, в частности, численность (147644,3 тыс.) и национальный состав населения России осенью 1917 г. на территории в границах 1926 г.

Численность населения страны на начало 1920 г. определена в 137563 тыс. человек без Бухары и Хивы и с учетом Бухары и Хивы — 140563 тыс. На начало 1922 г. — соответственно 131903,1 тыс. и 134903,1 тыс. человек. Мы видим последовательное и значительное падение численности населения в годы гражданской войны и в первые годы мира. За 1920 г. снижение численности населения было наиболее значительно, составив 3806 тыс. человек. За 1921 г. оно выразилось цифрой в 1854 тыс., за 1922 г. — в 1592 тыс. человек. Всего с осени 1917 г. население сократилось к 1920 г. на 7083,3 тыс., к 1921 г. — на 10887 тыс., к 1922 г. — на 12741,3 тыс. человек.

Эти подсчеты не расходятся в определении параметров и тенденций динамики народонаселения с выкладками большинства других исследователей, хотя и имеют ряд отличий. Так, С.Максудов определяет людские потери населения России в 10,3 млн (без эмигрантов, численность которых, по его мнению, составляла 3,5 млн)⁷⁵. А.Я.Боярский определял людские потери в 12, а Б.Ц.Урланис — в 10—11 млн⁷⁶.

Эти подсчеты касаются непосредственного сокращения населения страны. Но прямое сокращение еще не исчерпывает всех демографических потерь. Ведь население страны в обычных условиях должно было вырасти.

Еще в начале 20-х годов С.Г.Струмилин подсчитал, что с учетом несостоявшихся рождений общие демографические потери превысили 21 млн душ⁷⁷. С.Г.Струмилин осуществлял свои расчеты по материалам переписи населения, проводившейся в августе 1920 г. Приведенные выше данные показывают, что и конец 1920 г., и 1921, да и 1922 г. принесли новое прямое сокращение численности населения. Следовательно, и общий итог людских потерь более значителен, чем указанный С.Г.Струмилиным, и превышает, вероятно, 25 млн.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы.

Точные цифры потерь населения России в годы гражданской войны установить невозможно. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, объективные трудности — состояние и противоречивость источников. Во-вторых, отсутствие общих критериев в оценке достоверности источников, оценке влияния различных факторов на демографическую ситуацию, различие используемых методик.

Тем не менее, выводы и подсчеты, сделанные различными учеными на протяжении 80 лет, говорят о том, что в рамках научного подхода, несмотря на ряд существенных расхождений, выкристаллизовались достаточно близкие общие параметры, которые можно считать наиболее адекватно отражающими реальность. Это — показатели уменьшения населения России (в границах 1926 г., включая эмиграцию), определяемые в 11—15 млн человек, и показатели общих демографических потерь в амплитуде 20—25 млн.

В массовой печати в разных странах (особенно в России с конца 1980-х годов) появилось огромное без преувеличения количество публикаций о потерях гражданской войны, лишенных каких-либо научных оснований. Это обстоятельство заслуживает упоминания лишь в силу его массовости, распространенности. Отдельные публикации доводят численность непосредственных потерь до 38,5 млн человек⁷⁸.

Потери вооруженных формирований

В литературе существуют серьезные различия в оценке численности погибших бойцов и командиров Красной Армии, солдат и офицеров белогвардейских армий, партизан, так называемых «зеленых» и других вооруженных формирований.

В советских энциклопедических изданиях утверждается, что Красная Армия потеряла около 1 млн человек⁷⁹. В то же время Б.Ц.Урланис определяет число убитых красноармейцев и командиров в 125 тыс., а умерших от болезней — в 300 тыс.⁸⁰ Подсчеты, осуществленные в конце 80-х годов группой военных историков, говорят о численности безвозвратных потерь Красной Армии в 702 тыс. человек, из которых умерло в госпиталях от ран и болезней 407 тыс.⁸¹

В 1921—1922 гг. безвозвратные потери составили 238 тыс.⁸² Следует учитывать специфику гражданской войны. Дело не только в недостаточности и сложности учета, но и в особенностях действий различных частей и соединений, оказывавшихся порой в сложных условиях окружения, отступления, когда люди погибали не столько от вражеских пуль, сколько от голода и болезней, не попадая в лазареты. Например, части Красной Армии на Северном Кавказе, сведенные осенью 1918 г. в 11-ю армию, отступая под натиском деникинцев к Астрахани и Элисте, несли большие потери не только в боях, но и от болезней, голода, холода. В 11-й армии к декабрю 1918 г. было около 150 тыс. человек⁸³. По многим свидетельствам, в ту неожиданно раннюю и холодную зиму отступавших бойцов в степи заносило снегом, раненые и больные погибали тысячами⁸⁴. Между тем эти потери учесть и подсчитать практически невозможно.

В опубликованных в 1925 г. данных Статотдела РККА боевые потери Красной Армии за 1918 г. определены в 8292 человека⁸⁵. Без труда можно убедиться, что эта цифра не выдерживает никакой критики хотя бы в свете приведенных выше материалов о потерях 11-й армии на Северном Кавказе. Напомним и о том, что части 3-й армии, насчитывавшей около 30 тыс. человек, только в боях конца ноября — начала декабря 1918 г. потеряли до 50% своего состава⁸⁶. Вспомним о десятках других трудных и кровопролитных боевых операций 1918 г., чтобы понять, насколько несовершенна и неполна цифра в 8292 человека.

Конечно, в 1919—1922 гг. учет потерь был поставлен гораздо лучше, чем в 1918 г., и мы с большей уверенностью можем использовать данные о боевых потерях, но военно-исторические материалы о масштабах операций дают основания увеличить эти цифры. Кроме того, надо учитывать, а это практически очень трудно, потери, понесенные партизанами, в рядах которых в общей сложности действовали сотни тысяч рабочих и крестьян⁸⁷. Наконец, следует учесть потери отрядов ВЧК-ЧОН и НКВД-ВОХР. Таким образом, предположительно общие потери вооруженных сил Советской власти можно определить в 1150—1250 тыс. человек.

Для уяснения демографических процессов в ходе войны обычно изучаются потери одной стороны. Но для гражданской войны нужно учитывать потери обеих сторон, ибо для проблем народонаселения в равной степени важны потери как Красной Армии, так и белогвардейских войск. Однако вопрос о белогвардейских потерях не исследовался. О них мы не имеем данных, хотя представление о численности белогвардейских войск в научной литературе имеется.

Б.Ц.Урланис определяет фронтовые потери белых в 175 тыс. человек⁸⁸. Их потери от болезней он определяет в 150 тыс. человек⁸⁹, считая, что численность белых армий была значительно меньше численности Красной Армии. Однако расчеты Б.Ц.Урланиса представляются нам в значительной степени преуменьшенными. Автор приводит, например, сведения о численности белогвардейских армий на первую половину февраля 1919 г. Это 349 тыс. человек по пяти фронтам. Но он не приводит данных о тыловых частях (а их численность превышала фронтовые). По некоторым подсчетам, только в колчаковских войсках было 400 тыс. человек⁹⁰.

Надо учитывать и немалую численность различных бандитских формирований, которые получили значительное распространение, особенно к концу гражданской войны, участников антисоветских мятежей и т.д., и т.п. В литературе выделяются также потери вооруженных формирований местных национальных правительств, государственных образований и т.д. Эти потери определяются в 500—780 тыс. человек, что представляется завышенным.

Так или иначе, общие потери вооруженных сил (убитые в боях, умершие от ран, болезней и др.) можно определить со значительной долей условности в 2,5—3,3 млн человек.

Жертвы террора

Одна из особенностей гражданской войны заключалась в значительных потерях мирного населения в результате массового насилия со стороны противоборствующих сил — красного и белого террора, жертв религиозных конфликтов и национальных погромов.

Значительна численность погибших в результате репрессивных акций иностранных интервентов. Имеются многочисленные сведения о жертвах австро-германских оккупантов в 1918 г. на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, германских и турецких — на Кавказе (продолжавшиеся три дня после захвата Баку в сентябре 1918 г. турецко-мусаватистскими войсками погромы привели к гибели около 30 тыс. мирных жителей)⁹¹, о жертвах интервенционистских войск Антанты на Кавказе, в Крыму, Южной Украине, Туркмении. К этому необходимо также добавить бесчисленные факты массовых расправ белогвардейцев с населением временно захватывавшихся территорий — от Кавказа и Самары до Владивостока и Якутска, от Архангельска до Владикавказа, а также данные о гибели мирных жителей во время контрреволюционных мятежей. В Екатеринбургской губернии, например, колчаковцы расстреляли и замучили более 25 тыс. человек⁹².

Противоречивы сведения о жертвах красного террора. Это связано, в частности, и с недостаточной определенностью понятия «красный террор». Под это понятие подводятся не только расстрелянные (обоснованно или необоснованно) участники (прямые или косвенные) антисоветских заговоров и мятежей, подпольных групп, главари различных банд, но и погибшие при подавлении крестьянских восстаний, злостные дезертиры и даже солдаты и офицеры противника. Так или иначе, широко используемая в средствах массовой информации с конца 1980-х годов цифра в 1700 тыс. жертв красного террора не имеет никаких научных оснований. Она была названа в конце 1919 г. специальной комиссией, созданной Деникиным, и повторена С.Мельгуновым. Можно согласиться с А.Л.Литвиным, пришедшим к выводу, «что установить точные цифры погибших в ходе красного или белого террора не представляется возможным»⁹³.

В литературе приводились и сведения о жертвах еврейских погромов, проводившихся главным образом белогвардейскими, украинскими националистическими и польскими отрядами. Погромы, прокатившиеся по более чем 1500 местечкам и городам Украины и Белоруссии, унесли около 300 тыс. жизней⁹⁴.

Рост смертности

Для определения причин убыли населения в 1917—1920 гг. огромное значение имеют данные о естественном движении населе-

ния. Однако данные текущей статистики за 1917—1920 гг. отрывочны, не всегда достоверны, а иногда и попросту отсутствуют. Все же было бы неправильно совершенно пренебрегать данными статистического учета тех лет. Они не могут дать полной картины, но ряд сведений являются доказательными и неплохо характеризуют демографические тенденции.

В частности, эти данные говорят о росте смертности, главным образом в городах. Так, смертность по Москве (на 10 тыс. жителей) характеризуется по годам следующими цифрами: за 1910—1914 гг. она составляла в среднем 231 человек, в 1917 г. — 212, в 1918 — 218. В первом полугодии 1919 г. сказались трудности с продовольственным снабжением, и смертность резко возросла — до 504 человек. Лето 1919 г. принесло некоторое улучшение питания, и во втором полугодии 1919 г. смертность снизилась до 390 человек. В первом полугодии 1920 г. снова отмечается повышение смертности — в среднем 462 человека⁹⁵.

Эти данные дополняются, без существенных расхождений, материалами основательной, хорошо фундированной книги врачей бюро санитарной статистики московского Статистического отдела П.И. Куркина и А.А. Чертова о естественном движении населения Москвы. По этим данным, смертность в Москве, составлявшая в 1914 г. 23,2 на 1000 человек населения, выросла в 1918 г. до 29,8, сделала огромный скачок в 1919 г. — до 45,4, несколько снизилась, оставаясь весьма высокой, в 1920 г. — 36,2. Интересно отметить, что после 1921 и 1922 гг., когда смертность оставалась еще выше довоенной (25,5 и 28,9), наступает ее резкое снижение — в 1923 г. она составила 14,0, в 1924 — 15,3, в 1925 — 13,4⁹⁶.

В Петрограде динамика смертности по годам обнаруживает ту же тенденцию⁹⁷:

1914 г. — 215, 1919 г. — 426, 1917 г. — 229, 1920 г. — 506, 1918 г. — 437, 1921 г. — 333.

Нетрудно убедиться, что годы гражданской войны в Петрограде, как и в Москве, дают значительное увеличение смертности. Однако в Петрограде в отличие от Москвы смертность резко возрастает уже в 1918 г., а 1920 г. дает более высокую смертность, чем 1919 г.

Отдельные данные имеются по некоторым провинциальным городам. Эти цифры, несмотря на разрозненность и фрагментарность, дают определенное представление о высоком уровне смертности. Так, в городах Череповецкой губернии смертность в 1919 г. достигла 70,3 на тысячу жителей. В 1920 г. она снизилась до 54,7, в 1921 — до 34,2. В городах Киевской губернии смертность на тысячу жителей поднялась с 23,3 в 1917 г. до 56,5 в 1920, в городах Саратовской губернии — с 56,8 в 1920 г. до 63,9 в 1921 г. В Самаре ее уровень в 1920 г. составил 60,3⁹⁸.

Имеющиеся данные о возрастных коэффициентах смертности по Петрограду и Москве⁹⁹ на предвоенные годы и на 1920 г. по лицам мужского и женского пола дают, во-первых, значительно более высокий показатель смертности у мужчин, чем у женщин; во-вторых, рост коэффициента смертности в 1920 г. по всем без исключения возрастным группам, в-третьих, особенно значительный его рост (прежде всего у мужчин) у людей старше 55 лет.

Для тех городов, по которым имелись лишь абсолютные цифры смертности и потому нельзя определить число умерших на 10000 жителей, Л.И.Лубны-Герцык составил по местным статистическим бюллетеням и ежегодникам таблицу, где сопоставлены абсолютные цифры смертности и рождаемости (табл. 24).

Все данные свидетельствуют, что смертность среди городского населения в 1917—1920 гг. была огромной и, соответственно, стала несомненно значительным фактором, определявшим общую убыль населения страны.

Таблица 24*

**Смертность городского населения в 1917—1921 гг.
(на 100 рождений)**

Города региона	1917 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Карелии	100,2	431,1	144,7	85,1
Северо-Двинской губ.	121,7	124,5	136,8	81,5
Калуга	—	—	221,9	82,1
Калужской губ.	131,5	305,5	219,1	—
Нижегородской губ.	—	214,1	235,9	129,3
Владимир	275,8	—	367,6	104,5
Владимирской губ.	122,6	—	162,1	89,6
Орловской губ.	—	—	265,5	100,9
Пермь	—	—	211,1	173,7

* Лубны-Герцык Л.И. Указ. соч. С. 104.

Динамика смертности среди сельского населения прослеживается из-за состояния источников еще труднее, чем среди городского. Лубны-Герцык брал даже для характеристики смертности сельского населения в ряде случаев общие данные по губернии, исходя из того, что горожане составляли незначительный процент населения большинства губерний¹⁰⁰. По его данным, например, в Харьковской губернии смертность сельского населения в 1918—1920 гг. повысилась, но не столь разительно, как в городах¹⁰¹.

Местные источники позволяют составить такое соотношение числа смертей на 100 рождений в сельских местностях (табл. 25).

**Смертность сельского населения в 1913—1921 гг.
(на 100 рождений)**

Губерния, нац. автономия	1913 г.	1914 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Карелия	—	—	119,1	—	104,5	76,6	50,4
Северо-Двинская	—	—	103,5	—	79,5	101,6	70,6
Калужская	—	68,5	90,6	—	109,3	101,3	—
Нижегородская	—	—	—	—	78,0	118,4	81,4
Владимирская	—	58,9	107,2	—	—	99,7	72,3
Орловская	60,5	—	—	—	—	127,4	89,3
Николаевская	—	73,5	80,7	87,9	153,5	131,4	—

* Стат. ежегодник Карелии, 1922. Петрозаводск, 1923. Вып. 2. Ч. I. С. 18—20; Бюл. Сев. Двин. губстатбюро. № 56. С. 34—36; Стат. ежегодник Калуж. губ. за 1922 г. Калуга, 1923. С. 64—74; Стат. ежегодник Нижегород. губ., 1922 и 1923 гг. Н. Новгород, 1924. С. 48, 49; Стат. ежегодник Владимир. губ., 1918—1923 гг. Ковров, 1923. Ч. I; Стат. ежегодник Орлов. губ., 1922—1923 гг. Орел, 1924. С. 118—125; Николаев. губстатбюро. Бюл. 1922. № 4. Апр. С. 4.

Данные о смертности сельского населения в годы гражданской войны ввиду их неполноты и разрозненности не позволяют сделать многих выводов и наблюдений. Однако и эти данные дают возможность определить главную тенденцию: возрастание смертности в 1917—1920 гг., хотя и не столь разительное, как в городах, но тем не менее значительное.

Весьма важны данные о причинах смертности. Такие данные имеются только по Петрограду и только за 1920 г. Они показывают, что наибольший процент падает на эпидемические заболевания (сыпной тиф — 64,2 на 10 000 жителей, возвратный тиф — 31,3, дизентерия — 35,9). Большое место занимают легочные заболевания (бугорчатка легких — 50,4, пневмония — 30,1), болезни сердца и сосудов — 47,6. Собственно истощение от голода — 37,0.

Следует отметить, что по сравнению с 1911—1913 гг. значительно выросли именно эти заболевания. Эпидемических заболеваний в 1911—1913 гг. практически не было. Болезни легких увеличились в полтора-два раза, сердечно-сосудистые — почти в четыре. Таким образом, общее истощение, снижение сопротивляемости организма вели к росту смертности от различных заболеваний, в первую очередь легочных и сердечно-сосудистых.

Смертность непосредственно от голода¹⁰² («голодная смерть», «истощение от голода») составляла, как уже отмечалось, не такой

уж большой процент. Однако очевидно, что недостаточность питания была одной из основных причин, приводивших к ослаблению организма, росту других заболеваний и повышению смертности.

Как известно, в годы империалистической и гражданской войн резко снизился сбор зерновых (валовой сбор хлебов составил в 1920 г. всего 54% от среднегодового уровня 1909—1913 гг.), масличных и технических культур, сократилась продукция животноводства. Продовольственное положение населения было чрезвычайно тяжелым. Об этом многократно писалось в исторической литературе. Нелишним будет привести ряд конкретных данных, характеризующих питание городского и сельского населения страны к концу гражданской войны. Норма хлебного питания составляла 19 пудов. Фактически же, по данным статбюро Госплана республики, на душу в потребляющих районах в 1920—1921 гг. приходилось 12,6 пудов для сельского населения и 9,8 пуда для городского, в производящих — соответственно 12,3 и 10,2 пуда. На юго-востоке и в Сибири сельское население было обеспечено несколько лучше (16,4 и 15,9 пуда). Городское же население на юго-востоке получало хлеба 9,9 пуда, а в Сибири — 12,1 пуда¹⁰³.

Общее тяжелое положение с продовольствием было ухудшено засухой и неурожаем 1920 г. Неурожаем особенно тяжело сказался на ряде губерний Центра, затронув многие районы Поволжья. Нанеся тяжелый удар крестьянству, он стал грозным предвестником катастрофического неурожая следующего, 1921 года. Таким образом, продовольственное положение страны, трудное на протяжении всей войны, продолжало ухудшаться, и соответственно ухудшалось питание населения, вызывая демографические изменения.

Несомненно, повышение смертности вызывалось ростом многих заболеваний в результате недоедания и соответствующего ослабления организма, ухудшения санитарно-бытовых условий, снижения врачебного надзора, дефицита медикаментов. Но огромную роль играли эпидемии, распространение которых также было связано с военными действиями, миграциями, бытовым неустойством, голодом. В 1918 г. от острых инфекционных болезней (в их число входили возвратный, брюшной, сыпной тифы, оспа, дизентерия) умерло 115,8 тыс., а в 1919 г. — 910,2 тыс., в 1920 — 1090,9 тыс. Главное место занимал печально знаменитый сыпняк. От него умерло в 1919 г. 764 тыс., а в 1920 г. — 834 тыс. человек¹⁰⁴.

Таким образом, за три года гражданской войны безвозвратные потери от острых инфекционных болезней превысили 2 млн человек. Эти цифры включают умерших непосредственно от заболевания. Но при этом надо иметь в виду, что большое количество людей, ослабленных инфекционным заболеванием, умирало через какой-то промежуток времени и не включалось в статистику смерти от тифа, оспы, дизентерии и т.п.

А количество заболеваний было огромным. Сыпным тифом в 1919 г. переболело 2100 тыс. человек, в 1920 г. — 2300 тыс.¹⁰⁵ Особенно тяжелым было положение в районах, освобожденных от белогвардейцев и интервентов. Советские войска находили в Сибири на железнодорожных путях целые эшелоны с сыпнотифозными больными, брошенные отступавшими белогвардейцами.

Эпидемия сыпняка приняла такие масштабы, что В.И. Ленин в декабре 1919 г. ставил вопрос о борьбе с ней с небывалой силой: «Товарищи, все внимание этому вопросу. Или вши побеждают социализм, или социализм победит вшей!»¹⁰⁶ Возвратным тифом в 1919—1920 гг. переболело, по статистическим данным, более 1 млн человек¹⁰⁷.

После 1920 г. эпидемические заболевания в результате огромных усилий Советского государства пошли на убыль, но уровень смертности в 1921 и 1922 гг. вследствие разрухи и неурожая в Поволжье, усугубившего трудности восстановления, усилившего нехватку продовольствия, снова возродившего к жизни потоки беженцев, оставался высоким. В 1921 г. смертность от острых инфекционных заболеваний составила 469,78 тыс., в 1922 — 515,41 тыс.¹⁰⁸

Несомненно и снижение рождаемости, хотя здесь негативные тенденции не столь ярко выражены. Вот некоторые данные. В Москве среднее число родившихся в 1910—1914 гг. составляло 332 на 10 000 жителей, в 1917 г. оно упало до 196, а в 1918 г. — до 148. С 1919 г. начинается некоторый подъем (160 на первое полугодие и 177 на второе), продолжающийся и в 1920 г. (219 на первое полугодие)¹⁰⁹. Однако этот уровень все еще значительно ниже довоенного.

В Петрограде число рождений на 1000 жителей в 1914 г. составило 25,0, в 1917 г. оно упало до 18,3, продолжало падать в 1918 г. (15,5) и в 1919 г. (13,8) и начало подниматься в 1920 г. (21,8), достигнув пика в 1921 г. (36,8)¹¹⁰. В то же время имеющиеся отдельные сведения по ряду городов свидетельствуют об относительно высоком уровне рождаемости в 1920 г.¹¹¹

Так или иначе, баланс между рождаемостью и смертностью несомненно носил отрицательный характер. Данные по 13 губерниям на 1920 г. говорят об этом достаточно убедительно. Ни в одной из этих губерний естественное движение населения не отмечено знаком плюс. Отрицательный же баланс характеризуется следующими величинами: Череповецкая губерния — 5,6 на тысячу жителей, Новгородская — 1,3, Смоленская — 3,7, Тверская — 0,9, Московская — 13,3, Иваново-Вознесенская — 13,5, Костромская — 11,4, Нижегородская — 8,9, Вятская — 7,9, Пермская — 7,0, Пензенская — 12,8, Рязанская — 1,8, Орловская — 12,2¹¹².

Таким образом, голод, холод, инфекционные заболевания, рост смертности и снижение рождаемости — вот главные причины уменьшения численности населения.

Говоря о горестных утратах того времени, о голоде, эпидемиях, не следует забывать о тех усилиях государства, которые были направлены на преодоление эпидемий и голода.

Социальная политика Советского государства была направлена на облегчение условий жизни трудящегося населения: на охрану труда, улучшение жилищных условий, создание широкой системы здравоохранения, организацию продовольственного снабжения и общественного питания.

Осуществление мобилизации продовольственных ресурсов на основе государственной монополии и продразверстки дало государству необходимый минимум продовольствия для снабжения армии, рабочих, служащих. При этом органы Советской власти смогли наладить в весьма широком объеме общественное питание, которым пользовались во второй половине 1920 г. около 11 млн человек, в том числе свыше 7600 тыс. детей¹¹³ (в мае 1919 г. был принят декрет «О бесплатном детском питании»).

Наркомат здравоохранения, медико-санитарные отделы местных Советов сумели в те годы заложить основы общедоступной бесплатной медицинской помощи на началах приближения ее к населению, развернули наряду с лечебной и санитарно-профилактическую деятельность, борьбу с социальными болезнями, охрану материнства и детства. Большая работа была проведена по борьбе с эпидемиями. Ряд специальных постановлений правительства — «О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом» (28 янв. 1919 г.); «Об обязательном оспопрививании» (10 апр. 1919 г.); «О мерах борьбы с эпидемиями» (10 апр. 1919 г.) и др. — позволил мобилизовать дополнительные силы и средства, провести необходимые мероприятия. Были осуществлены строгие карантинные меры, обеспечен санитарный контроль за источниками водоснабжения, значительно расширен коечный фонд инфекционных стационаров, создана система санпропускников, развернуто банно-прачечное хозяйство и т.д. Эти меры позволили остановить лавинное шествие эпидемий и добиться после окончания войны их резкого сокращения, а затем и полной ликвидации¹¹⁴.

Продовольственное положение в регионах, находившихся под контролем белых правительств, было значительно лучше, поскольку это были преимущественно сельскохозяйственные районы — Сибирь, Северный Кавказ, Украина, Дон. Однако потребление продовольствия лимитировалось высокими ценами, а политика социальной защиты малообеспеченных слоев населения отсутствовала. Недостаточно эффективными были попытки вести борьбу с эпидемиями.

Снижение численности населения по регионам

Итак, население страны уменьшилось по сравнению с довоенным уровнем (в сопоставимых территориях). Однако это умень-

шение было различным по разным регионам и губерниям. К сожалению, мы не можем составить полную картину, ибо данные на 1920 г. по многим районам отсутствуют. Но и имеющиеся данные весьма интересны.

При сравнительно большой убыли по РСФСР (около 4 млн человек), Украине (более 1,5 млн человек) и в маленькой Белоруссии (около 0,3 млн) мы видим регионы, где численность населения возросла. Небольшое увеличение дают Северный Кавказ с Доном, более заметное — Казахстан и попросту разительное — 1,6 млн — Сибирь.

Таблица 26*

Динамика численности населения в 1914—1920 гг.

Регион	1914 г.	1920 г.
РСФСР**	86473215	82594643
В том числе:		
Европейская Россия***	72037615	66485972
Северный Кавказ и Дон	6812100	6850846
Сибирь	7623500	9257825
Казахстан	4472700	5058555
Белоруссия	1902800	1634223
Украина	27680400	26001802

* Составлено по: Стат. ежегодник, 1918—1920 гг. С. 2—3.

** Без Крыма, Казахстана, Туркестана, Дагестана, Дальнего Востока.

*** Без Донской обл. и Крыма.

Потери населения по РСФСР, таким образом, полностью приходятся на Европейскую Россию. Эти потери огромны — 5,5 млн человек. Именно эти районы вынесли на себе основные тяготы войны. Здесь особенно остро сказывалась нехватка продовольствия. Отсюда люди уезжали в «хлебные места» — в Сибирь, на Северный Кавказ, в Туркестан.

Но, разумеется, и среди губерний Европейской России существовало огромное различие. Наиболее значительным снижением численности населения было в нечерноземных губерниях — по преимуществу промышленных, потребляющих. Это снижение шло в первую очередь за счет городского населения, и прежде всего таких городов, как Москва, Петроград.

Сократили свое население нечерноземные губернии — Брянская, Владимирская, Витебская, Вологодская, Вятская, Гомельская, Иваново-Вознесенская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Пермская, Петроградская, Псковская, Смоленская, Тверская, Череповецкая¹¹⁵.

Сохранили неизменным или даже несколько увеличили население лишь отдельные губернии этого региона — Архангельская, Новгородская, Рыбинская, Северо-Двинская, Ярославская¹¹⁶.

Более пестрая картина в черноземных — производящих — губерниях. В части густонаселенных центральных черноземных губерний численность населения упала, и порой значительно (Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Царицынская). Такие губернии, как Пензенская, Тульская, дают очень незначительное снижение. Зато являвшиеся более «благополучными» в продовольственном отношении губернии Среднего Поволжья, Приуралья и Южного Урала дают заметный прирост населения. Это Самарская, Саратовская, Уфимская, Челябинская губернии. Небольшой прирост населения дают Симбирская и Тамбовская губернии¹¹⁷.

Расположенные в Европейской России автономные республики и области (без Крыма) показали снижение численности населения (6600 тыс. в 1914 г. и 6322 тыс. в 1920 г.)¹¹⁸. При этом Татарская АССР, Удмуртская, Коми, Калмыцкая, Марийская автономные области, Карельская трудовая коммуна показали снижение численности, а Башкирская АССР и Чувашская АО дали незначительный прирост¹¹⁹.

Выше отмечалось (табл. 26) некоторое увеличение численности населения на Дону и Северном Кавказе (без Дагестана). Это увеличение достигнуто за счет Горской АССР и Кубано-Черноморской области. В то же время Донская и Терская области дали некоторое снижение численности населения¹²⁰.

В Казахстане при росте населения в большинстве губерний следует отметить некоторое снижение его численности в Уральской губернии¹²¹, долго являвшейся районом интенсивных боевых действий.

Большие сложности возникают при определении численности населения Закавказья и Средней Азии, поскольку перепись в 1920 г. там не проводилась (кроме городов Туркестанской АССР), а перипетии военного времени, приводившие к серьезным демографическим сдвигам, были особенно значительны.

15 марта 1923 г. была проведена городская перепись. Она дала широкую информацию не только по городам как таковым, но и по всем поселениям городского типа (посады, фабрично-заводские поселки, местечки, поселки при железнодорожных станциях и речных пристанях, дачные поселения и т.д.).

Сельское население было исчислено на 15 марта 1923 г. на основе: 1) сведений выборочных сельскохозяйственных переписей 1921 и 1922 гг.; 2) сведений загсов о естественном движении населения; 3) данных о численности демобилизованных; 4) данных губстатбюро о численности сельского населения по местным сведениям.

Тем не менее исследователь встречается с существенными различиями между источниками. Особенно это касается Армении.

Население Армении составляло в 1914 г. (вместе с Нахичеванской обл.)¹²² 1184660 человек, в 1916 — 1214391 человек¹²³. Статистический сборник 1924 г. указывает, что весной 1923 г. оно составило (с Нахичеванской обл.) 1511468 человек. Население Нахичеванской обл. (весной 1923 г.) — 111500¹²⁴. Однако сохранились данные переписи, проведенной в Армении в 1922 г. Эти данные рисуют совершенно другую картину. По ним население Армении составило в 1922 г. 781011 человек¹²⁵.

Этот яркий пример статистической разногласности объясняется прежде всего сложностью обстановки. С одной стороны, сказался наплыв беженцев из турецкой Армении. Их численность ориентировочно определялась в 200—300 тыс. человек¹²⁶.

Так или иначе, сведения, содержащиеся в статистических сборниках начала 20-х годов, представляются по отношению к Армении значительно преувеличенными. Главный аргумент в пользу этого соображения таков: данные второй половины 20-х годов свидетельствуют, что численность населения Армении не превышала 1 млн человек¹²⁷.

По другим республикам Закавказья разница в данных не столь значительна. Население Азербайджана обнаруживает тенденцию к уменьшению. По Грузинской ССР (включая Абхазию и Аджарию) население, возраставшее в 1914—1916 гг., уменьшилось к 1923 г.

В течение гражданской войны население Туркестана снижалось: 5921,2 тыс. на январь 1918 г., 5775,1 тыс. на январь 1919 г., 5644,5 тыс. на январь 1921 г. И лишь в 1921 г.¹²⁸ происходит резкое увеличение — 6507,1 тыс. на январь 1922 г. Объяснить это можно главным образом потоком беженцев из неурожайного Поволжья.

Такова сложная, разноплановая картина изменения численности населения в различных районах страны.

Сельское и городское население. Возрастнополовой состав

В годы гражданской войны демографические процессы развивались неодинаково в городе и деревне. Поэтому во время перехода к мирному строительству соотношение между городом и деревней в демографическом плане было иным, чем до войны и до революции.

Рассмотрим сначала изменения в численности городского населения. Сопоставление данных разных лет о численности городского населения наталкивается на дополнительные и неожиданные трудности. Дело в том, что при переписи 1920 г. понятие городского населения было значительно расширено. Перепись 1920 г. дает численность городского населения, а предыдущие переписи — численность населения городов. Это не идентичные поня-

тия. По переписи 1920 г. к городским поселениям были отнесены также поселки при фабриках и заводах, железнодорожных станциях и речных пристанях с населением не менее 500 человек, дачные поселки и курорты с населением не менее 500 жителей, городские пригороды.

По Европейской России таких городских поселений (менее 1000 человек) насчитывалось 220, в Сибири — около 20¹²⁹. Это были поселки при заводах, железнодорожных станциях, речных пристанях, местечки в Белоруссии, пригородные селения.

Разница в критериях определения городского населения выдвинула своеобразную научную задачу: обеспечить достижение сопоставимости в материалах различных лет — предвоенных, предреволюционных и 1920—1923 гг. Поэтому еще в 1925 г. Б.А.Гухман предпринял попытку установить сопоставимый динамический ряд, характеризующий население городов за 1897—1923 гг. Б.А.Гухман приводит отдельно численность населения собственно городов (так было принято при исчислениях 1897—1917 гг.) и населения поселков городского типа, которые дополнительно к собственно городам включали переписи 1920 и 1923 гг.¹³⁰

Численность городского населения, по его подсчетам, выглядит следующим образом. Общая численность городского населения (включая поселки городского типа) значительно росла за время войны с Германией: 25,4 млн на 1 января 1914 г.; 27,3 млн на 1 января 1916 г.; 27,8 млн на 1 января 1917 г. Эта численность резко упала за годы гражданской войны: 20,1 млн на 1 августа 1920 г. Затем начался медленный поначалу рост: 21,2 млн на 1 августа 1922 г. и 21,9 млн на 15 марта 1923 г. Эта же тенденция видна с еще большей отчетливостью на данных о собственно городах — рост за годы мировой войны с 20,4 млн на 1 января 1914 г. до 22,6 млн на 1 января 1917 г., резкое падение к 1920 г. до 15,1 млн, рост за 1922—1923 гг. до 17,7 млн на 15 марта 1923 г.

Численность населения поселков городского типа оставалась за годы мировой и гражданской войн в общем неизменной — на уровне примерно 5 млн человек, дав некоторое снижение лишь в 1921—1922 гг.¹³¹

Нетрудно убедиться, что удельный вес населения собственно городов в общем городском населении несколько растет за время мировой войны: с 80,4 в 1914 г. до 81,3 в 1917 г., затем падает до 76,6 в 1920 г. и до 75,1 в 1921 г., затем снова поднимается до 80,0 в 1923 г.¹³²

Таким образом, налицо огромное снижение численности городского населения. За годы гражданской войны она сократилась более чем на 6 млн человек, а по городам без поселков — на 7,5 млн человек. Такое огромное снижение объяснялось кроме общих причин, о которых говорилось выше (рост смертности, снижение рождаемости, боевые потери и т.п.), еще и причинами специфически «городскими»:

1) Происходило рассасывание пришлого населения периода мировой войны, прежде всего беженцев. Это население составляло почти 2,5 млн человек.

2) Зажиточные горожане (высшее чиновничество, крупная и средняя буржуазия, офицерство, часть интеллигенции), составили большую часть эмигрантов, а общая численность эмиграции колебалась между 1,5 и 2 млн человек.

3) Сотни тысяч горожан уехали в деревню вследствие закрытия и сокращения промышленных предприятий, а также надеясь найти в деревне возможность прокормиться.

4) Известная часть жителей центральноевропейских городов переместилась в города Украины, Сибири, Северного Кавказа.

Заведующий отделом городской статистики ЦСУ О.А.Квиткин в статье о населении городов европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920 и 1923 гг. опубликовал ряд таблиц¹³³, по которым можно сделать интересные наблюдения. Больше всего с 1917 по 1920 г. упала численность населения в столицах — Москве и Петрограде. Эта убыль составила 58,2%.

Численность населения в городах потребляющей полосы снизилась больше (24%) по сравнению с городами производящей полосы (14,4%).

Чем крупнее город, тем большей была убыль городского населения — этот вывод также очевиден. В потребляющей полосе убыль населения в 1917—1920 гг. составила в городах с числом жителей более 50 тыс. 29,3%; с числом жителей от 10 до 50 тыс. — 25,3%; менее 10 тыс. — 11,3%. В производящей полосе эти данные соответственно составляют 18,8, 9,8 и 5,8%.

Городское население по стране в целом (без Хивы и Бухары) составляло: на 1 января 1918 г. — 25642,7 тыс., на 1 января 1920 г. — 21963,8 тыс.¹³⁴, на 1 января 1921 г. — 20626,4 тыс.¹³⁵ Главное падение численности приходится на европейскую часть страны (без Северного Кавказа): 20270,6 тыс. на 1 января 1918 г. и 15193,4 тыс. на 1 января 1921 г.

В то же время на Северном Кавказе городское население не только не уменьшилось, но и дало значительный прирост: 1142,8 тыс. на 1 января 1918 г. и 1509,9 на 1 января 1921 г. Выросло оно и в Закавказье: 1075,8 тыс. на 1 января 1918 г. и 1171,6 тыс. на 1 января 1921 г., и в Туркестане, хотя и совсем незначительно: 1015,4 тыс. на 1 января 1918 г. и 1033,3 на 1 января 1921 г.¹³⁶

Уменьшение городского населения показывают Сибирь (соответственно 1007,9 тыс. и 901,4 тыс.); Дальний Восток (644,9 тыс. и 445,5 тыс.), Степной край (485,3 тыс. и 371,3 тыс.)¹³⁷.

Наиболее заметен, резко выделяясь из преобладающей тенденции, рост городского населения на Северном Кавказе. Это тем более заметно, что общая численность населения в этом регионе снизилась. 300—400 тыс. человек, которые дали увеличение городского населения на Северном Кавказе, в своей массе несомнен-

но являются пришлым населением, перекочевавшим в ходе гражданской войны в теплые и слывшие «хлебными» места из голодного и холодного Центра.

Гражданская война, межнациональные столкновения, распространение политического бандитизма вынуждали и часть сельского населения Северного Кавказа перебираться в города.

Существенным дополнением к сведениям о численности городского населения по регионам являются данные о населении ряда областных и губернских городов.

Без труда можно убедиться, что подавляющее большинство городов дают снижение численности населения. Исключение составляют лишь города, хотя и не все, Северного Кавказа — Екатеринодар (Краснодар), Новороссийск, отдельные города Украины (Харьков, Полтава), два крупных города Сибири (Омск и Иркутск) и Семипалатинск.

Города обезлюдели. К осени 1920 г. лишь в одном городе — Москве население немногим превышало 1 млн человек (1027336) и в одном городе — Петрограде превышало 0,5 млн (722229), лишь в пяти городах (Киев, Одесса, Харьков, Ташкент, Баку) — превышало 200 тыс. человек. Тринадцать городов (Саратов, Ростов-на-Дону, Казань, Самара, Омск, Екатеринодар, Нижний Новгород, Астрахань, Екатеринослав, Тула, Оренбург, Минск, Николаев) насчитывали более 100 тыс. жителей и около сорока — от 50 до 100 тыс.¹³⁸

В ходе войны значительно увеличилось преобладание сельского населения над городским.

При определении сравнительной численности городского и сельского населения в целом и по губерниям, уездам, волостям, а также половых и возрастных групп используются данные переписи 28 августа 1920 г. Выше оговаривалась их неполнота. Однако в данном случае, когда для нас важны не абсолютные цифры, а сравнительная характеристика административно-территориальных единиц по половым и возрастным группам, данные переписи 1920 г. вполне пригодны для использования, ибо те или иные отдельные неточности не влияют существенно на картину распределения населения по губерниям, уездам, волостям.

Опираясь на эти данные, можно пересчитать их на 1 января 1921 г. с учетом численности Красной Армии, белогвардейских отрядов, военнопленных и т.д. А в пересчете на 1 января 1922 г., можно сочетать положенные в основу материалы переписи 1920 г., материалы городской переписи 1923 г. и исчисление государственной статистикой сельского населения на 15 марта 1923 г.¹³⁹

Итак, на 1 января 1921 г. из 134275,8 тыс. человек населения страны сельское население составляло 112885,6 тыс. На 1 января 1922 г. эти цифры были соответственно 133890,1 тыс. и 112477,4 тыс. человек¹⁴⁰.

Во время гражданской войны численность сельского населения уменьшилась, хотя не столь значительно и не столь последовательно, как в городах. 1918 г. дал небольшой (96 тыс.) прирост по сравнению с предыдущим годом, и численность сельского населения к 1919 г. достигла 115336,8 тыс. 1919 г. принес значительную убыль (более 1100 тыс.), 1920 г. еще более увеличил потери (почти 1340 тыс.). Падение численности сельского населения продолжалось в 1921 и в 1922 гг. (соответственно 411 и 442 тыс. человек). Этим динамика сельского населения отличается от динамики городского населения, которое уже в 1921 и 1922 гг. дало, правда незначительный, прирост¹⁴¹.

Таблица 27*

**Динамика сельского населения по некоторым регионам
(тыс. чел.)**

Регион	1.1.1919	1.1.1920	1.1.1921	1.1.1922
Европейская часть страны (без Северного Кавказа)	84336,1	83420,7	82372,7	81883,9
Северный Кавказ	8101	7438,7	7164,8	6814,4
Закавказье	4745,1	4540,6	4472,9	4569,7
Туркестан	4773,6	4650,3	4611,2	5435,4
Сибирь	7431,6	7875,6	8111,4	8298,4

* Волков Е.З. Указ. соч. Табл. 117. С. 212—213.

Из данных табл. 27 следует, что в европейской части страны (включая Северный Кавказ) численность сельского населения непрерывно падала. Падение численности сельского населения Закавказья было не столь резким, но неуклонным. Однако 1921 г. здесь прекращает падение и даже дает некоторый прирост. Такую же картину, но с более ярко выраженным приростом за 1921 г., дает и Туркестан. В отличие от европейской части страны, Закавказья и Туркестана Сибирь показывает прирост сельского населения.

Несмотря на уменьшение численности сельского населения, его преобладание стало, как уже отмечалось, еще более заметным. Страна стала еще более аграрной. Отлив городского населения был особенно ошутим в промышленных районах, производящих губерниях. Рост городского населения в отдельных регионах (Северный Кавказ, Закавказье) обусловлен их специфическими особенностями и не меняет общей картины. Следует отметить также, что национальные автономные республики и области были, как правило, более «деревенскими», и численный перевес сельского населения над городским в них был значительно больше, чем в большинстве других губерний РСФСР.

Таким образом, гражданская война временно прервала неуклонную тенденцию предшествующих десятилетий — роста городского населения.

Характеризуя возрастную и половую состав городского и сельского населения в 1920 г., отметим, что в деревне гораздо более высок удельный вес детей, рожденных в военное время. По регионам наиболее высокий удельный вес этой категории (по селу) дает Казахстан, самый низкий — Украина и юго-восток, что явно объясняется большей интенсивностью военных действий и политической нестабильностью в этих районах. Перевес деревни заметен и по более дробным возрастным категориям (в возрасте до 1 года, в возрасте 1 года и т.д.).

В деревне по сравнению с городом значительно выше доля детей в возрасте 5—9 лет. Это, безусловно, объясняется тем, что и до войны село отличалось более высоким уровнем рождаемости. Это превышение мы видим и применительно к возрастной группе 10—14 лет с постепенным снижением разницы в 16 и 17 лет. Переломным является 18-летний возраст. Эта группа дает и по женщинам и по мужчинам больший удельный вес для горожан.

За годы войны резко изменилось соотношение мужского и женского населения. Если показатели на 1914 г. говорят о численном равенстве полов, то данные переписи 1920 г. показывают огромный (более 9,5 млн) численный перевес женщин¹⁴². Конечно, это было до демобилизации, которая в 1921—1922 гг. подняла процент мужчин в городах и селах¹⁴³.

Бросается в глаза удручающе малый удельный вес молодых мужчин, особенно в деревне (80 19-летних на тысячу мужчин). На всю страну 19-летних мужчин было 400 тыс. с небольшим.

В деревне было больше (относительно), чем в городе, детей и стариков, а город по сравнению с деревней имел больше людей в возрасте от 18 до 60 лет.

По европейской части РСФСР в 1920 г. насчитывалось 13358024 мужчины в возрасте выше 15 лет. Участники мировой войны в возрасте 30 лет и выше составляли более 60%, а участники гражданской войны того же возраста — 31,7%¹⁴⁴. Таким образом, участники гражданской войны — более молодые люди. Основное бремя этой войны вынесли люди, которым в 1920 г. не исполнилось и 30 лет.

Предисловие к материалам переписи 1920 г. отмечает, что по стране в целом должно насчитываться не менее 1 млн увечных¹⁴⁵.

Таким образом, военные годы принесли, помимо огромных невозвратимых потерь, существенные изменения в распределении населения между городом и деревней, а также в соотношении полов и возрастных групп. Эти аномальные сдвиги существенно влияли на общую демографическую ситуацию в стране, оказывая свое негативное воздействие прежде всего на состояние трудовых ресурсов, столь необходимых для скорейшего восстановления хозяйства.

Национальный состав населения

По сравнению с дореволюционным и довоенным временем государственные границы существенно изменились. В связи с этим произошли значительные изменения в соотношении численности и удельного веса народов страны.

Резко сократилась численность поляков, финнов, латышей, литовцев, эстонцев, молдаван. Изменение носило качественный характер: если до революции основные места проживания этих народов находились в пределах Российского государства, то после революции эти основные места оказались за пределами Советской страны. Уменьшилась численность украинцев, белорусов в связи с временным отчуждением Западной Украины и Западной Белоруссии. В связи с этим соответственно возрос удельный вес других народов, прежде всего русского. Однако общее количество наций, народностей, этнографических групп осталось неизменным.

Крупнейшей нацией страны была русская. Абсолютная численность русских значительно уменьшилась по сравнению с дореволюционным периодом (в 1917 г. в границах 1920—1921 гг. русских было 77,6 млн)¹⁴⁶ и продолжала уменьшаться в 1920—1922 гг.

Удельный вес русских после создания независимых государств Польши, Финляндии, временного падения Советской власти и отделения Латвии, Литвы, Эстонии, а также оккупации Румынией Бессарабии значительно вырос, устойчиво превысив 52—53%¹⁴⁷.

Впервые за более чем два столетия истории России русские стали составлять большинство населения. Вместе с тем в 1920, 1921, 1922 гг. удельный вес русского населения несколько сокращается. Это объясняется тем, что в эти трудные годы основная тяжесть военных и экономических тягот легла именно на плечи русского рабочего класса, русского крестьянства. Русский народ доказал свою ведущую роль самоотверженностью и самопожертвованием, путем исключительного напряжения всех сил.

Второй по численности нацией была украинская. Удельный вес украинцев в составе всего населения страны увеличился по сравнению с дореволюционным временем по тем же причинам, по каким вырос удельный вес русских, хотя абсолютная численность украинцев уменьшилась¹⁴⁸. Правда, увеличение удельного веса не было столь значительным.

Удельный вес белорусов по сравнению с дореволюционным временем в связи с временной потерей западнобелорусских земель сократился. Вместе с тем белорусы не испытывали снижения своей численности в 1918—1919 гг. После некоторого уменьшения численности в 1920 г. у белорусов раньше, чем у русских и украинцев, начался новый постепенный рост. Уже к 1922 г. численность белорусов несколько увеличилась. В связи с этим к 1922 г. вырос, хотя и незначительно, их удельный вес. Несколько увеличилась в 1920—1922 гг. численность народов Средней Азии — узбеков,

киргизов, таджиков, туркмен. То же самое относится и к народам Закавказья — армянам, азербайджанцам и грузинам.

Все остальные народы испытали в 1920—1922 гг. снижение своей численности. Однако темп снижения был различен. У евреев, например, численность в 1920—1921 гг. снизилась, но незначительно, а удельный вес поднялся на 0,1%.

Рассмотрим конкретнее основные группы народов страны. Самой крупной группой в начале 20-х годов являлась, как и в последующие годы, славянская, включающая три восточнославянских народа — русских, украинцев, белорусов, три западнославянских — поляков, чехов и словаков и один южнославянский — болгар.

Русские жили во всех советских республиках и национальных автономиях. Главная масса русских, естественно, была сосредоточена в Российской Федерации.

В губерниях севера (Архангельская, Вологодская, Северодвинская) преобладало русское население: в 1920 г. — 99,49% в Вологодской губ., 91,33% в Архангельской, 80,57% в Северодвинской¹⁴⁹. После создания автономии народа коми и включения в нее отдельных районов Архангельской и Северодвинской губерний национальная однородность этих губерний возросла.

В Вятской губернии, где было определенное число марийцев, удмуртов, татар, русское население составляло в 1920 г. 92,12%¹⁵⁰.

Высок был процент русского населения (более 97) и в северо-западных и западных губерниях — Новгородской, Череповецкой. В Псковской и Смоленской губерниях процент русского населения составлял около 95—97¹⁵¹.

В Петроградской губернии (без Петрограда) этот процент был невысоким, составляя 77,86, главным образом вследствие наличия довольно значительного финского и эстонского населения.

Весьма высоким был процент русского населения в Центрально-Промышленном районе. В таких губерниях, как Владимирская, Иваново-Вознесенская, Калужская, Костромская, Рязанская, Тульская, Ярославская, он превышал 99.

В центрально-черноземных губерниях в отношении удельного веса русских наблюдалась значительная неравномерность, связанная с наличием в отдельных районах украинского и мордовского населения. Если в Орловской губернии удельный вес русских в 1920 составлял примерно 99%, то в Курской он равнялся 76,16%, в Воронежской соответственно 64,25%. В Тамбовской губернии в 1920 г. русских было 94,85% (при довольно значительном наличии мордвы)¹⁵².

В губерниях Среднего Поволжья после выделения национальных автономий население стало более однородным. Однако процент нерусского населения оставался весьма значительным. В частности, в таких губерниях, как Пензенская, Самарская, Симбирская, сказывалось наличие мордовского населения, поскольку

автономия мордвы еще не была оформлена. В этих губерниях процент русского населения в 1920 г. составлял: 82,1 — в Пензенской, 76,36 — в Самарской, 78,39 — в Симбирской¹⁵³.

Многонациональным был и состав населения губерний Нижнего Поволжья, где русских было в 1920 г. 69,40% — в Астраханской, 78,85% — в Саратовской, 77,33% — в Царицынской¹⁵⁴.

Огромная масса русского населения была сосредоточена в ряде районов Северного Кавказа, составляя значительное большинство в Сальской степи, в районах Армавира, Майкопа, Ставрополя, Таганрога, Шахт, на Тереке и Сунже. Вместе с тем в ряде национальных автономий Северного Кавказа русское население не имело большинства. По отдельным районам Северного Кавказа существуют значительные различия между данными 1920 г. и 1926 г. Так, по переписи 1920 г. русских в Донской обл. было 92,86%, а по переписи 1926 г. — 45,87%; в Кубано-Черноморской обл. в 1920 г. — 79,67%; а в 1926 г. на Кубани — 33,45%, в Черноморье — 33%¹⁵⁵.

Это можно объяснить в значительной степени разным подходом при проведении переписей. Именно на Северном Кавказе — в огромном и своеобразном многонациональном регионе, где происходили интересные и сложные процессы этнического сближения и смешивания, — критерии определения национальностей могли восприниматься и трактоваться по-разному. При этом для значительной части населения Северного Кавказа был характерен один немаловажный штрих — число лиц, для которых русский язык был родным, значительно превышало число русских по этнической принадлежности.

В Сибири русское население составляло 81,7%. Здесь также отмечалась существенная разница по сравнению с населением, считавшим русский язык родным. Процент этого населения — 86,5. Это может быть объяснено наличием значительного числа украинцев и белорусов, говоривших по-русски.

Наконец, на Дальнем Востоке русское население в 1926 г. составляло 62,45%. Отметим, что и здесь был очень высок удельный вес населения, для которого русский язык являлся родным, — 73,89%. Это происходило главным образом за счет тех групп украинцев и белорусов, для которых русский язык являлся родным¹⁵⁶.

Русские жили во всех национальных автономиях Российской Федерации. Однако их удельный вес в различных автономиях был различен. Лишь в одной национальной автономии из существовавших в 1920—1921 гг. русское население превышало 50%. Это Карельская трудовая коммуна, где русское население составляло 57,08%¹⁵⁷.

Здесь и далее приводятся данные переписи 1926 г. Данные за 1920 г. имеются лишь по части национальных автономий. Кроме того, в 1920—1921 гг. шел отмеченный выше процесс становления и последующего изменения и уточнения границ национальных республик и областей, что крайне затрудняет проверку и сопо-

ставление имеющихся сведений. В связи с этим представляется более обоснованным в данном случае (при определении удельного веса русского населения национальных автономий) полностью опираться на материалы переписи 1926 г.

В 1922 г. возникли еще две автономии с удельным весом русского населения свыше 50%. Это Ойротская (Горно-Алтайская) автономная область с процентом русского населения 51,99¹⁵⁸, Бурятская автономная область (с 1923 г. — Бурятская АССР) с 52,68%¹⁵⁹ русского населения.

В пяти автономиях русское население составляло 40% и более. Это Удмуртская (Вотская) автономная область (43,30%); Марийская автономная область (43,57%); Крымская (42,22%); Башкирская (39,94%) и Татарская (44,88%) АССР¹⁶⁰. В двух национальных автономиях русское население превышало 20%: в Чувашской автономной области и Трудовой коммуне немцев Поволжья. К ним приближалась Казахская АССР со средним процентом русского населения 19,68%¹⁶¹, хотя в ряде губерний и областей Казахстана этот процент был значительно выше.

В двух автономиях удельный вес русских превышал 10%. Это Калмыцкая АО (10,74%) и Дагестанская АССР (12,46%)¹⁶². В Коми АО русское население составляло 6,62%; в Якутской АССР, образованной в 1922 г., — 10,43%¹⁶³.

Немалым было русское население в исключительно сложных по составу переходных многонациональных автономиях — Туркестанской и Горской АССР. Поскольку данные о национальном составе Туркестанской АССР на 1920—1921 гг. отсутствуют, вполне возможно использовать сведения переписи 1926 г. по Узбекистану, Таджикистану, Туркменистану, Киргизстану. Их использование по Туркестану необходимо сопроводить оговоркой о значительном миграционном потоке в его направлении в связи с неурожаем 1921 г. («Ташкент — город хлебный»).

По переписи 1926 г. русских в Узбекской ССР, включая являвшуюся тогда автономной Таджикскую республику, было более 246 тыс., в Туркменской ССР — более 75 тыс.¹⁶⁴

По Горской АССР мы можем использовать материалы переписи 1920 г. Из 643850 жителей этой республики на осень 1920 г. русских было 110435 человек¹⁶⁵.

Сведения по национальным округам бывшей Горской республики, имеющиеся в переписи 1926 г., говорят о неравномерности расселения русских. В Северной Осетии без г. Владикавказа, население которого было на 51% русским (а всего во Владикавказе в 1926 г. жило более трети всего населения Северной Осетии), русские составляли 6,6%.

В Чечне русское население было сосредоточено в г. Грозном, составляя там 70%, а в сельской местности оно не достигало 3%; в Ингушетии составляло 1,29%. В Кабардино-Балкарии русских было 7,52%, в Карачае — 1,73, в Черкесии — 3,98¹⁶⁶.

Значительная масса русских жила на Украине. Всего по переписи 1926 г. русские составляли 9,23% от общего населения рес-

публики. Расселение русских на Украине было крайне неравномерным. В большинстве районов Правобережной Украины (за исключением Киевщины, где процент русских составлял 8,67), а также Левобережной Украины (за исключением районов Изюма и Купянска, где русские составляли примерно 15%, и, конечно, Харьковщины с 22,55% русского населения) удельный вес русских был крайне незначителен — от 1 до 3%¹⁶⁷.

На Днепропетровщине этот процент был значительно выше — примерно 10, в южноукраинских районах (Мариупольщина, Херсонщина, Николаевщина) он поднимался за 15, а на Мелитопольщине и Одесщине — за 20. Наконец, наиболее высокий процент русского населения был в горнопромышленном районе, достигая в Юзовском округе 34,18, а в Луганском — 42,74167¹⁶⁸.

Русские жили также в пределах Белорусской ССР, составляя более значительный массив в районах Минска, Бобруйска, Борисова и менее значительный — в районах Мозыря и Слуцка¹⁶⁹.

Довольно значительным (преимущественно городским) было русское население Закавказья. В 1926 г. в Закавказье жило 336 тыс. русских¹⁷⁰. Большинство из них в Азербайджане (220 тыс.)¹⁷¹, 96 тыс. в Грузии¹⁷² и всего 19,5 тыс. в Армении¹⁷³.

Характеризуя расселение русских, хочется подчеркнуть то обстоятельство, что они жили практически во всех союзных и автономных республиках, национальных областях и округах. Это исторически сложившееся обстоятельство в последующие годы приобрело еще более значительный масштаб. Вместе с тем следует отметить исключительно высокую национальную однородность русского населения в губерниях Сибири, Урала и особенно севера и центра. В губерниях Поволжья удельный вес русских по сравнению с дореволюционным временем повысился в результате выделения из состава этих губерний национальных автономий.

Вторым по численности народом Советской страны были **украинцы**. Основная масса украинцев была сосредоточена в пределах Украинской ССР. Там в 1926 г. жило 23218 тыс. украинцев, что составляло 80% населения республики¹⁷⁴.

Во всех районах УССР (за исключением Одесщины) украинцы составляли большинство со значительным, однако, диапазоном. Так, в части районов Полесья (Конотоп, Чернигов), Левобережья (Полтава, Кременчуг, Сумы) удельный вес украинцев превышал 90%. На Правобережье он выходил за 80%, в некоторых районах поднимаясь и за 90%. На Днепропетровщине удельный вес украинцев составлял более 80%, на Херсонщине — 77, а в районах юга Украины (Мариупольщина, Мелитопольщина, Николаевщина) — 50–60%. Более половины населения составляли украинцы и в горнопромышленных районах¹⁷⁵.

Большая масса украинцев — 7873 тыс. человек по переписи 1926 г. — жила за пределами своей республики. Украинцы составляли 7,8% всего населения Российской Федерации. Основная группа их была сосредоточена в Северо-Кавказском регионе — более 3 млн человек¹⁷⁶.

Второй крупный ареал проживания украинцев — Центрально-Черноземный район (более 1,5 млн человек), главным образом в Воронежской и Курской губерниях¹⁷⁷.

Третий и четвертый крупные ареалы — Казахстан и Сибирь (более чем по 800 тыс. человек). Много украинцев жило в Нижне-Волжском районе (более 400 тыс.), на Дальнем Востоке (более 300 тыс.), Средней Волге (более 200 тыс.). Значительные группы украинцев жили также в Крыму, Башкирии (более чем по 70 тыс.), в Киргизии, на Урале.

Менее половины **белорусов** в 1921 г. было сосредоточено в БССР. Тогдашняя территория БССР — это районы Минска, Бобруйска, Борисова, Мозыря, Слуцка. По переписи 1926 г. там жило более 2 млн человек. Из них белорусов — 1741 тыс.¹⁷⁸

Однако БССР в 1921 г. охватывала лишь часть территории, населенной белорусами. Поэтому большая часть белорусского населения в 1921 г. жила в губерниях и уездах, которые прилегли к тогдашней территории БССР и вошли в ее состав в результате укрупнения Белоруссии в 1924 г. Это районы Витебска, Гомеля, Могилева, Орши, Полоцка, Речицы и др., где жило в 1926 г. 2370 тыс. белорусов¹⁷⁹. Независимо от этого значительная часть белорусов жила в пределах РСФСР. Основная масса находилась в Сибири — более 300 тыс.

Значительная группа (75 тыс.) белорусов жила на Украине.

Четвертым по численности славянским народом были **поляки**. Их основная, и весьма значительная, масса была сосредоточена на Украине — 476 тыс. (более 1% населения республики)¹⁸⁰.

Немалую группу среди славянских народов, живших на территории советских республик, составляли **болгары**. В 1926 г. на Украине проживало 92 тыс. болгар¹⁸¹.

Если славянские народы компактно занимали центр, запад и юго-запад европейской части страны, то неславянские народы располагались по окраинной территории европейской части — на северо-западе (Прибалтика) и севере, юго-западе (Молдавия), в Поволжье и Прикамье.

Наиболее многочисленными жителями европейской части страны в 1921 г. после славян были народы тюркской группы алтайской языковой семьи — татары, чувашы и башкиры.

Татары являлись в 1921 г. самым многочисленным (после русских) народом Поволжья, самым многочисленным (после русских, украинцев и белорусов) народом европейской части СССР. При этом татары имели и имеют места расселения в самых различных частях страны, в том числе и за пределами ее европейской части.

Главная масса татар проживала в пределах Татарской (1164 тыс. по переписи 1926 г.), Башкирской (461 тыс.) и Крымской АССР (179 тыс.)¹⁸². Большие группы татар жили в ряде губерний Поволжья, на Урале, в Центрально-Промышленном районе, в Сибири и Казахстане.

Основная масса **башкир** проживала в пределах Башкирской АССР — 625 тыс. человек по переписи 1926 г.¹⁸³

Основная масса **чувашей** жила в Чувашской автономной области — 667 тыс. человек по переписи 1926 г.¹⁸⁴

На большой территории — от Прибалтики до Кольского полуострова и Северного Урала — живут народы финно-угорской группы уральской языковой семьи. Это эстонцы, карелы, вепсы, лопари (саами), коми (зыряне), коми-пермяки, а также литовцы и латыши, принадлежащие к балтийской или летто-литовской группе индоевропейской языковой семьи.

Латышей в пределах РСФСР жило в 1926 г. примерно 100 тыс.¹⁸⁵, литовцев — более 25 тыс., эстонцев — 150 тыс.¹⁸⁶

В 1926 г. в Карельской автономии проживало 100 тыс., а в Тверской губернии — 140 тыс. карел.

В сельской местности Ленинградско-Карельского района жило примерно 115 тыс. так называемых петроградских **финнов**.

Перепись 1926 г. показала наличие в Ленинградской, Череповецкой губерниях и Карелии нескольких тысяч **вепсов, води, ижорцев** (по переписи 1920 г. — ижора, по переписи 1926 г. — ижоры) и 1,7 тыс. **саами** (по переписи 1926 г. — лопари) в Мурманской губернии¹⁸⁷.

Коми (в переписях 1920 и 1926 гг. — зыряне) жили главным образом в Северо-Двинской губернии (147,8 тыс. по переписи 1920 г.), Архангельской (23,7 тыс.), а также в Пермской и Тюменской губерниях¹⁸⁸. С образованием в августе 1921 г. автономной области Коми (зырян) подавляющее большинство коми проживали в своей автономии.

Родственную коми ветвь составляют **коми-пермяки** (в переписях 1920 и 1926 гг. — пермяки). Они жили почти исключительно в Пермской губернии.

К этой же языковой семье примыкают удмурты, марийцы, мордва, живущие в бассейне Средней Волги.

Удмурты (по переписи 1920 и 1926 гг. — вотяки) жили главным образом в пределах Вотской автономной области (395 тыс. по переписи 1926 г.)¹⁸⁹.

Марийцы жили главным образом в пределах своей автономной области — 248 тыс. по переписи 1926 г.

Мордва еще не имела своей автономии, которая была создана в 1930 г. Мордовское население находилось в Пензенской (376 тыс. по переписи 1926 г.), Самарской (251 тыс.), Ульяновской (178 тыс.), Саратовской (154 тыс.), Нижегородской (84 тыс.) губерниях. Большие группы мордовского населения жили в Сибири (107 тыс.), Башкирии (49 тыс.), Татарии (35 тыс.), Казахстане (27 тыс.)¹⁹⁰.

На Нижней Волге расселялось значительное калмыцкое население. Основная масса **калмыков** жила в 20-е годы в пределах своей автономной области (107 тыс. по переписи 1926 г.), а также в Сальском округе.

В РСФСР и на Украине проживало большое число **немцев** — потомков немецких переселенцев, обосновавшихся в России в XVIII — XIX вв. Из более чем 800 тыс. немцев, живших в 1926 г. в РСФСР, основная масса (более 400 тыс.) находилась в районах Нижней Волги, на Северном Кавказе (более 90 тыс.), в Сибири (более 70 тыс.), в Казахстане (более 50 тыс.), в Крыму (более 40 тыс.). Во всех этих районах они составляли преимущественно сельское население. В Ленинградско-Карельском и Центрально-Промышленном районах, напротив, большинство немцев жило в городах — соответственно более 20 и 10 тыс.¹⁹¹

Большая масса немцев находилась на Украине. Там проживало в 1926 г. 393 тыс. немцев, что составляло 1,3% всего населения республики. Немцы (преимущественно сельские жители) жили во многих районах УССР, но большей частью на юге республики¹⁹². Значительное число немцев жило в Закавказье, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане.

В те годы большинство **молдаван** находилось за пределами советских республик — в оккупированной Румынией Бессарабии. В рамках Советской страны молдаване жили главным образом на Украине. Там в 1926 г. их было 257 тыс.¹⁹³ Основная масса была сосредоточена в западной, прилегающей к Днестру, части Одесской губернии. На этой приднестровской территории и была создана в 1924 г. Молдавская АССР.

На Украине в 1926 г. жило 104 тыс. **греков**¹⁹⁴. В пределах РСФСР проживало примерно 50 тыс. греков, главным образом на Северном Кавказе (более 30 тыс.) и в Крыму (более 15 тыс.).

Исключительно сложным и пестрым был национальный состав Северного Кавказа.

Рассмотрим расселение народов Северного Кавказа по двум основным автономиям, возникшим в самом начале 1921 г., — Дагестанской и Горской АССР.

В Дагестане перепись 1926 г. показала наличие более тридцати коренных народностей: авары, или аварцы, агулы, андии, или андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы, ботлихцы, годоберинцы, даргинцы, дидои, или дидойцы, кайтаки, каратаи, капучины, кубачинцы, кумыки, лаки, или лакцы, лезги, или лезгины, ногайцы, рутулы, таты, тиндии, табасараны, или табасаранцы, удины, хварщины, или хварщинцы, чамалалы, цахуры и др.

Самым многочисленным народом Дагестана являлись **аварцы**. Их было 139 тыс. За ними шли **даргинцы** (108 тыс.), **кумыки** (94 тыс.), **лезгины** (90 тыс.)¹⁹⁵.

Значительная масса народов Северного Кавказа была сосредоточена в Горской АССР. Как уже отмечалось, эта многонациональная республика носила временный, переходный характер. Входящие в нее народы в 1921—1924 гг. создали свои автономии, в силу чего Горская АССР в 1924 г. прекратила свое существование.

Самым многочисленным, после русских, народом Северного Кавказа являлись чеченцы. Перепись 1926 г. показала наличие 318 тыс. **чеченцев**¹⁹⁶. **Ингушей** было 72 тыс.¹⁹⁷ Переписи 1920 и 1926 гг. объединяли **черкесов** и **адыгейцев** (более 100 тыс.).

Абазины жили в Горской республике, после выделения из нее национальных автономий — в Карачаево-Черкессии. По переписи 1926 г. абазин было 13,8 тыс.¹⁹⁸

Основная масса **кабардинцев** была сосредоточена в Горской АССР — 131 тыс. по переписи 1920 г.¹⁹⁹ Сравнительно небольшая группа (9 тыс.) находилась и в Кубано-Черноморской обл.²⁰⁰

Адыгейцы, кабардинцы, черкесы, абазины, а также **абхазцы** (абхазы) составляют абхазско-адыгскую языковую группу.

Наряду с кумыками и ногайцами на языках тюркской группы на Северном Кавказе говорят **балкарцы**, **карачаевцы**.

Балкарцев (балкар по переписи 1926 г.), живших в Горской АССР, в 1920 г. было около 24 тыс., а карачаевцев — 55 тыс.²⁰¹

Подавляющее большинство **осетин**, живших в РСФСР, было также сосредоточено в Горской АССР (124 тыс.)²⁰².

В 20-е годы все народы Северного Кавказа (кроме абазин) создали свои национальные автономии.

Не менее сложной, чем на Северном Кавказе, была этническая картина в Закавказье. Три основных народа этого региона — **азербайджанцы**, **армяне**, **грузины** — жили в ряде районов компактно, а в ряде — чересполосно, соседствуя с большим количеством малых народностей и этнографических групп.

Азербайджанцы (по переписи 1926 г. — турки) жили преимущественно в пределах своей республики.

Из 1706 тыс. азербайджанцев, живших в стране в 1926 г., в Закавказье было более 1650 тыс.²⁰³, в Азербайджане — 1437 тыс.²⁰⁴

Немногим менее половины армян жило в пределах своей республики, а вторая половина была рассредоточена по другим республикам Закавказья, а также по РСФСР, Украине, Средней Азии. В Закавказье по переписи 1926 г. жило 1332 тыс. армян. В самой Армении перепись 1926 г. зафиксировала 743 тыс. армян²⁰⁵. В Азербайджане проживало 282 тыс. армян²⁰⁶, в Грузии — 307 тыс.²⁰⁷ Значительная их масса находилась в РСФСР (195 тыс. по переписи 1926 г.).

Грузины жили главным образом в пределах Грузинской ССР. Перепись 1926 г. из почти 1798 тыс. грузин выделяет 71 тыс. аджарцев, 242 тыс. мегрелов, более 13 тыс. сванов²⁰⁸. Последующие переписи не выделяют эти этнографические группы. В Абхазии жило более 67 тыс. грузин²⁰⁹.

Почти исключительно в пределах своей республики жили **абхазцы** (около 57 тыс. по переписи 1926 г.)²¹⁰.

На Кавказе живут и ираноязычные народы — **осетины, курды, таты и талыши**. Курдов было по переписи 1926 г. 52 тыс. человек²¹¹.

Таты (28 тыс. на 1926 г.) живут в прикаспийских районах Азербайджана. Талыши (77 тыс. на 1926 г.) жили в Азербайджане. В дальнейшем, сохранив в быту талышский язык, они почти полностью слились с окружающим населением²¹². Последующие переписи талышей не выделяли.

В разных районах страны, преимущественно в Закавказье, жили **ассирийцы (айсоры)**. Ассирийский язык относится к семито-хамитской семье, айсоры считают себя потомками древних ассирийцев. В России это потомки выходцев из Турции и Ирана XIX — начала XX в. В Закавказье в 1926 г. было 6 тыс. ассирийцев²¹³. Менее 3 тыс. ассирийцев (айсоры по переписи 1926 г.) жило в РСФСР, главным образом на Северном Кавказе и в городах Центра²¹⁴.

Огромный регион Средней Азии и Казахстана населен различными народами, 60% из которых говорят на языках тюркской группы алтайской семьи. В их число входят узбеки, казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки, а также татары и уйгуры.

Узбеки в подавляющем большинстве сконцентрированы в пределах возникшей в 1924 г. Узбекской ССР. По переписи 1926 г. из 3904 тыс. узбеков в Узбекской ССР (вместе с Таджикской АССР) проживало 3475 тыс.²¹⁵

Казахи²¹⁶ жили главным образом в пределах своей республики (3851 тыс.). С возникновением в 1924 г. Туркменской ССР подавляющее большинство **туркмен** (719 тыс. по переписи 1926 г.) оказалось в пределах своей республики²¹⁷.

Киргизы в 1920—1921 гг. были сосредоточены почти исключительно в рамках Туркестанской АССР. Киргизская автономия, возникшая в 1924 г., объединила в своих пределах подавляющее большинство киргизов — 661 тыс. из 751 тыс. по переписи 1926 г. В Узбекистане и Таджикистане в 1926 г. было 90 тыс. киргизов²¹⁸.

В Туркестане и ХНСР жили и **каракалпаки** — 142 тыс. по переписи 1926 г.²¹⁹, которые в дальнейшем объединились в национальную автономию²²⁰.

Значительную этническую группу в киргизских районах Туркестана и Казахстана составляли **уйгуры**. Их по переписи 1926 г. насчитывалось примерно 70 тыс.²²¹

Особую этнографическую группу составляют выходцы из Западного Китая — **дунгане**, которые в 1920—1921 гг. жили в Казахстане и Туркестане в районах, в дальнейшем вошедших в Киргизскую автономию. По переписи 1926 г. их было 14 тыс.²²²

В Средней Азии сосредоточен и значительный массив ираноязычного населения. Это прежде всего **таджики**, которые жили в пределах Туркестанской АССР и в Бухарской НСР. После создания в 1924 г. Таджикской АССР основная масса (617 тыс.) тад-

жиков оказалась в составе своей автономии. Около 300 тыс. таджиков жило в пределах собственно Узбекистана, включая Ходжентский округ, входивший тогда непосредственно в Узбекскую ССР²²³.

Огромный по территории и этническому многообразию регион представляла собой Сибирь. Здесь наряду с русскими, заселявшими Сибирь с конца XVI в., украинцами, белорусами и другими жили многочисленные народы различной численности и различной этнической принадлежности.

Алтайцы (39 тыс. по переписи 1926 г.) жили в бассейне Верхней Оби и межгорных котловинах Алтая, в пределах образованной в 1922 г. Ойротской автономной области (с 1948 г. — Горно-Алтайская автономная область).

45 тыс. **хакасов**²²⁴ жили на юге Сибири в бассейне верховьев Енисея. Позднее, в 1930 г., здесь была образована Хакасская автономная область.

Народности Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые в переписи 1920 г. объединены под наименованием «гиперборейцы», принадлежат к различным языковым группам.

На тюркских языках говорят **долганы**, проживавшие в Туруханском крае, и **тофалары** (по переписи 1926 г. карагас), жившие в Томской губернии.

На финно-угорских языках говорят уже упоминавшиеся **саами** (лопари), **ханты** (по переписи 1926 г. остяки), жившие в Тобольской и Томской губерниях, и **манси** (по переписи 1926 г. вогулы), проживавшие в Тобольской губернии²²⁵.

Северо-восточнее живут **ненцы** (по переписи 1926 г. самоеды)²²⁶, **селькупы** (по переписи 1926 г. остяко-самоеды), входящие в самодийскую группу уральской языковой семьи. По административному делению 1921—1922 гг. ненцы жили в Тобольской, Архангельской губерниях, в Коми автономной области, Туруханском округе, селькупы — в Туруханском округе.

От Енисея до Тихоокеанского побережья живут тунгусоязычные народы — **эвенки** (тунгусы по переписи 1926 г.), **эвены** (ламуты по переписи 1926 г.), **негидальцы**, **нанайцы** (гольды по переписи 1926 г.), **ульчи** (ольчи по переписи 1926 г.), **орочи**, **удэгейцы** (удехе по переписи 1926 г.).

К чукотско-камчатской языковой семье принадлежат **чукчи**, **коряки** и **ительмены** (собственно ительменов и смешанное ительмено-русское население называли камчадалами), живущие в крайней северо-восточной части Дальнего Востока (Чукотка).

К эскимосско-алеутской языковой семье принадлежат живущие также на крайнем северо-востоке страны **эскимосы** и **алеуты**. Там же живут **кеты** (енисейцы), **юкагиры** и **нивхи** (по переписи 1926 г. — гиляки). Все названные народы были малочисленны, насчитывая от нескольких сот до 10—12 тыс. человек.

На огромной территории — более 3 млн кв. км — расположены поселения **якутов**. Перепись 1926 г. зафиксировала более 240 тыс. представителей этой народности.

Примерно столько же (237 тыс.) было и **бурят**, сосредоточенных главным образом в пределах своей автономии²²⁷.

На Дальнем Востоке, главным образом в районе Владивостока, проживала значительная группа **корейцев** — 86 тыс. по переписи 1926 г.²²⁸

В первой половине 20-х годов происходили значительные миграции еврейского населения из районов бывшей «черты оседлости» в другие местности страны. В 1920 г. в Москве и Петрограде было соответственно 28263 и 25529 **евреев**²²⁹. А по переписи 1926 г. соответствующие цифры таковы: 131 тыс. и 84,5 тыс. Всего в 1926 г. в РСФСР было 566 тыс. евреев²³⁰.

К основной массе евреев примыкали крымские (примерно 6 тыс.), горские (около 26 тыс.), жившие в Закавказье и Дагестане, и грузинские (21 тыс.) евреи.

Наибольшее число евреев в 1926 г., как и в 1920—1921 гг., проживало на Украине. Еврейское население на Украине (1574 тыс.) составляло 5,4% всего населения республики. В отдельных районах Украины (районы Винницы, Киева, Проскурова) евреи составляли 8—10% и даже 19% (район Одессы)²³¹.

В Белоруссии, исходя из материалов переписи 1926 г., жило более 300 тыс. евреев.

На протяжении почти всей страны раскинулись кочевья **цыган**. Всего перепись населения 1926 г. зафиксировала их в РСФСР 40 тыс.

На Украине насчитывалось 13 тыс. цыган, более или менее равномерно распределявшихся по всем районам республики²³².

Особо следует выделить вопрос о национальном составе городского населения страны. Большинство городов, как будет показано далее, были многонациональными. Многонациональным был и сосредоточенный в городах рабочий класс. В городах особенно интенсивно развивались межнациональные контакты, сотрудничество.

По национальному составу населения городов обстоятельные и надежные материалы дает Всеююзная городская перепись 1923 г.

Городское население значительной части губерний европейской части РСФСР — Архангельской, Брянской, Владимирской, Вологодской, Иваново-Вознесенской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Свердловской, Северо-Двинской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Череповецкой, Ярославской — было в основном русским, хотя и включало в каждой губернии по несколько тысяч представителей других национальностей.

Более сложным был национальный состав городского населения таких губерний, как Псковская (из 114768 горожан было 95467 русских, белорусов — 2338, поляков — 2492, латышей —

3502, евреев — 6999)²³³, Смоленская (144270 русских и 31311 белорусов) и особенно Витебская и Гомельская, где большинство горожан составляли белорусы и евреи.

Сложным в национальном отношении было городское население Московской и Петроградской губерний. Здесь, прежде всего, разумеется, в самих Москве и Петрограде, в их пригородах и окружающих поселениях наряду с русскими, составлявшими большинство, жили и работали представители многих национальностей, из которых восемь превышали 5 тыс. человек каждая²³⁴.

Московская губерния		Петроградская губерния	
русских	1790661	русских	1097051
евреев	87975	украинцев	64717
поляков	19772	евреев	54745
татар	15675	поляков	37139
эстонцев	15557	немцев	14628
латышей	10264	финнов	10077
финнов	10077	татар	9913
немцев	8898	эстонцев	8885
украинцев	6157	литовцев	5502
армян	4634	армян	1022

Русское население составляло подавляющее большинство в городах Среднего и Нижнего Поволжья. Однако в этих городах жило немало украинцев, татар, немцев, евреев²³⁵.

Русское население безусловно преобладало в городах Сибири и Дальнего Востока. В то же время в них жили тысячи украинцев, белорусов, татар, евреев, поляков и корейцев (в Приморье)²³⁶.

Большим своеобразием отличалось городское население русских областей юго-востока страны — Дона, Кубано-Черноморья, Ставрополя, Терека. Здесь в городах наряду с русскими жило много украинцев (особенно на Кубани и в Ставрополе), армян (особенно в Ростове-на-Дону), греков (в Кубано-Черноморье)²³⁷.

В большинстве русских губерний мы видим полиэтничность городского населения при явном преобладании русских. Еще более ярко эта полиэтничность выражена в городском населении национальных республик и областей.

Так, ярчайший пример многонациональности городского населения дает Туркестанская АССР²³⁸: узбеки, туркмены, киргизы, каракалпаки²³⁹ 430731, русские 233448, персы, таджики 110375, украинцы 44641, евреи 25683, казахи 25633, татары 24431, армяне 22139, белорусы 8138. Большинство горожан состояло из узбеков, таджиков, туркмен, казахов, киргизов при значительном удельном весе русских и украинцев и определенном проценте армян, татар, евреев.

По подрегионам Туркестана эти данные имеют существенные вариации. В Самаркандской обл. из общего городского населения в 138401 человек налицо было заметное преобладание таджикского населения (81689) при значительном числе русских (18520) и узбеков (18763).

Сырдарьинская область с большим городским населением (384002 человека) отличалась преобладанием узбеков (206609) среди горожан, а также наличием значительного русского массива (107359).

В Туркмении с ее незначительным городским населением (70842 человека) наиболее велик был удельный вес русских (30405). Туркмен в городах очень немного (под рубрикой «прочие тюрки» — 3225 человек). Зато велик процент персов, таджиков (15814) и армян (12430) — через Закаспий прежде всего пролегали пути миграции армян из Закавказья в Среднюю Азию.

Многонациональным, хотя и не столь ярко выраженным, как в Туркестане, было городское население Казахстана²⁴⁰: русских 307965, татар 62346, казахов 37942, украинцев 18965. Русское население составляло большинство при более или менее значительном удельном весе татар и казахов.

В высокой степени многонациональным было и городское население других автономий РСФСР (Дагестана, Татарской АССР, Крыма, Горской АССР и др.).

В довольно значительном городском населении Крыма при подавляющем большинстве русских (более половины) три народности (украинцы, татары, евреи) насчитывали от 8,5 до 14,5%, а четыре (поляки, немцы, армяне, греки) — от 1,3 до 4,7%²⁴¹.

Среди горожан Дагестана практически отсутствовали представители местных горских народов²⁴².

Сравнительно много (более 22%) татар было в городском населении Татарской АССР²⁴³: русских 193983, татар 57372, евреев 4084, чувашей 1216.

Даже весьма малочисленное городское население Якутии, Коми АО было полиэтничным, и русские там составляли 50% или менее.

В некоторых национальных автономиях титульное население почти не было представлено в городах или было представлено очень слабо. Так, в Удмуртии из 62610 горожан было 56585 русских и 3144 татарина, в Марийской АО из 13651 горожанина русских было 12271, в Чувашской АО из 20004 горожан русских было 16029, чувашей — 3605²⁴⁴.

В Чечено-Ингушетии из 65806 человек городского населения русских было 52824, армян — 4058, евреев — 2073, татар — 2570; в Карачаево-Черкесии из 18795 горожан русских было 17196²⁴⁵.

Один из наиболее убедительных примеров, иллюстрирующих это положение, — население Башкирской АССР. Там из 188778 горожан русских было 148314, татар — 24135, украинцев —

1367, евреев — 1907 и башкир — 8921²⁴⁶. В дальнейшем в национальных автономиях происходит быстрый рост — абсолютный и относительный — городских жителей из представителей коренных национальностей.

Исключительно высокой степень полиэтничности была в городах союзных республик — Украины, Белоруссии, Азербайджана.

На 5 млн горожан Украины приходилось три национальности численностью более 1 млн и семь национальностей численностью более 10 тыс. человек. В сравнительно небольшом (менее 500 тыс.) городском населении Азербайджана две национальности насчитывали более 100 тыс. человек, одна — более 50 тыс., две — более 20 тыс.

	Городское население		
	Украины	Азербайджана	
украинцев	2196247	азербайджанцев и лезгин	204465
русских	1354286	русских	116279
евреев	1300690	армян	77002
поляков	91247	персов, таджиков	41241
немцев	26449	евреев	24676
белорусов	19520		

Интересны также данные по губерниям Украины. По всем губерниям мы видим (в различных соотношениях) наличие трех крупных национальных массивов — русских, украинцев, евреев. В Донецкой и Одесской губерниях преобладали русские, в Волынской, Екатеринославской, Киевской, Полтавской, Харьковской, Черниговской — украинцы, в Подольской — евреи. Довольно заметную группу составляли поляки (более значительную в губерниях Правобережья).

Таким образом, мы видим, что практически города всей страны были полиэтничны — менее в русских губерниях, более в большинстве национальных республик и областей.

Из 21278600 горожан страны (без Армении и Грузии) русских в 1923 г. было более половины (13480555), две национальности насчитывали более 2 млн (украинцы — 2858764, евреи — 2157292), узбеки и др. — 650 тыс., одна национальность — более 400 тыс. (белорусы — 458529), три национальности — более 200 тыс. (татары — 390115, поляки — 242415, армяне — 212487), две национальности — более 100 тыс. (персы и таджики — 168864, немцы — 148721), две — более 50 тыс. (казахи — 66520, латыши — 54730)²⁴⁷.

Если по стране в целом русские составляли более половины городского населения, если в РСФСР они составляли подавляющее большинство (11991127 из 15424022), то на Украине, в Белоруссии и в Азербайджане их было меньшинство среди горожан.

Каждого, кто смотрел этническую карту страны в 20-е годы, не покидала мысль об уникальном многообразии и богатстве состава населения советских республик.

Русский народ — гигант с населением в несколько десятков миллионов человек — соседствовал с крохотными народностями и племенами, насчитывавшими несколько сот человек. Такие крупные народы, как украинский, белорусский, узбекский, казахский, татарский, миллионы представителей которых населяли большие территории, жили рядом с народами незначительными по численности населения и занимаемой площади.

Народы страны были различны по уровню своего социально-экономического и политического развития. У русских, украинцев, белорусов, народов Закавказья и ряда других в предреволюционные годы уже развился в значительной степени капитализм.

Большинство народов Средней Азии и Северного Кавказа по существу находились на стадии феодализма, с одной стороны, уже деформированного развитием капитализма, с другой — характерного сохранением в ряде районов родоплеменного строя.

Народы Севера и Дальнего Востока находились на уровне патриархально-родового строя.

У многих народов существовали огромные различия в уровне социально-экономического развития населения по регионам. В качестве примера можно привести уровень развития русских в промышленных районах Центра и в отсталых крестьянских губерниях Севера, Сибири.

Удивительной на этнической карте страны является не только уникальная множественность и многообразие народов, но и уникальность расселения. Большинство регионов было полиэтничным. Огромные массы жили за пределами своих национальных государственных автономий. Русские, украинцы, белорусы, армяне, татары и др., сохраняя регионы основного обитания, расселились в массовом масштабе практически по всей стране. Такие значительные по численности населения народы, как евреи, немцы, поляки, также жили в большинстве регионов.

Исторически сложившейся особенностью явилась чересполосность расселения многих народов. В процессе переселения русских в XVI—XVIII вв. на сравнительно мало заселенные тогда земли Среднего Поволжья появились компактные русские группы среди мордовских, марийских, удмуртских, чувашских и — в меньшей степени — татарских и башкирских деревень.

В Сибири и на Дальнем Востоке в процессе их хозяйственного освоения появилась чересполосность расселения русских, украинцев, белорусов. Так же были расположены многие группы русско-украинского, казахского, киргизского, узбекского населения в Казахстане, Киргизии, Узбекистане. В ряде районов Средней Азии соседствовали селения казахов, узбеков, таджиков, киргизов, туркмен.

Все это обусловило высокий уровень межэтнических контактов, широкий масштаб взаимопереплетения, взаимопроникновения, взаимодействия, взаимовлияния различных национальностей. Все это свидетельствовало об уже возникшей значительной интернационализации регионов страны. Вместе с тем во многих районах сохранялась высокая (в ряде случаев почти абсолютная, стопроцентная) национальная однородность.

Исследователи этнической истории отмечают применительно к 20-м годам наличие среди русских, украинцев, белорусов, мордвы, карелов, поляков, евреев, финнов, вепсов, коми-пермяков, калмыков, удмуртов крупных групп населения, находившихся в этнически переходном состоянии. Об этом свидетельствуют резкие расхождения в показателях национальности и родного языка, а также последующие изменения в соотношении национальных групп, особенно в районах русско-украинского пограничья.

Демографические последствия голода 1921—1922 гг.

Говоря о людских потерях во время гражданской войны в России, следует рассмотреть и вопрос о демографических последствиях голода 1921—1922 гг. Хотя голод 1921—1922 гг. выходит за хронологические рамки основных событий гражданской войны, представляется очевидным, что неурожай 1921 г., приведший к голоду, был в значительной степени обусловлен разорением деревни в результате войны.

Признаки неурожая в ряде районов страны появились уже в начале лета 1921 г., а в конце июня в официальных постановлениях и газетных статьях появились слово «голод» и призывы помочь голодному крестьянству²⁴⁸. Со второй половины июля 1921 г. вопросы борьбы с голодом стали в центре внимания всей страны.

Каковы же были масштабы неурожая, какие территории он охватил, какова численность пострадавшего населения?

Общая географическая картина ясна. Массив пораженных сухой регионов простирался от северного побережья Каспия, охватывая все Поволжье, весь бассейн реки Урал — от Астрахани и Гурьева, через Саратов, Самару, Уральск, Оренбург, Симбирск до Казани и Чебоксар. Этот массив захватывал также часть среднего течения Дона, бассейн Камы, районы Башкирии, часть Казахстана и Западной Сибири. Неурожаем были захвачены также многие районы Южной Украины.

Во всех этих губерниях, уездах, волостях поля и луга представляли ужасную, щемящую сердце картину. Озимые и яровые посевы ржи, пшеницы, овса, ячменя и других зерновых культур выгорели, не налившись зерном. Не уродился картофель. Пересохшие пастбища не могли прокормить скот. Не было зерна, не было сена, не стало и соломы.

Начался голод, охватывавший с каждым днем, с каждой неделей новые десятки и сотни тысяч крестьян.

В исторической литературе мы встречаем весьма различные и противоречивые данные о численности голодавших. Большинство авторов пишет, что неурожаем были охвачены территории с населением до 30 млн человек или свыше 30 млн человек. Н.Л.Рубинштейн определяет число голодающих в 33,5 млн, а И.Я.Трифонов — в 32 млн. Э.Б.Генкина определяет число голодающих в 27—28 млн человек, а авторы коллективной монографии «СССР в период восстановления народного хозяйства» — в 23227 тыс. В одной из специальных статей, посвященных борьбе с голодом, число голодающих определено в 22 млн человек²⁴⁹.

То, что в литературе встречаются весьма отличные друг от друга данные, может быть объяснено следующим.

Во-первых, используются различные критерии в определении числа пострадавших. Следует различать общую численность населения в неурожайных губерниях, общую численность сельского населения в этих губерниях и, наконец, численность голодающих, т.е. лиц, лишившихся в результате неурожая средств к существованию и нуждающихся в государственной помощи.

Во-вторых, в разных работах используются данные, различающиеся по времени. Между тем последствия неурожая выявились не сразу. Масштабы бедствия определялись компетентными государственными органами. Губернии и уезды признавались неурожайными на основе специально разработанных критериев (уезд признавался голодающим, если доказывалось, что урожай меньше 6 пудов на душу). Соответствующие решения по различным уездам и губерниям были приняты на протяжении довольно длительного времени. Количество голодающих, нуждавшихся в государственной помощи, также менялось на протяжении второй половины 1921 — первой половины 1922 г. (часть крестьян первоначально имела некоторые продовольственные запасы, а потом они иссякли; часть населения эвакуировалась за пределы области, перебралась в города и т.д.).

В-третьих, нередко используются данные по различным территориям (РСФСР и Украина вместе, только РСФСР, только Поволжье без других пораженных неурожаем районов РСФСР).

Нет ничего удивительного в том, что и в источниках 1921—1922 гг. можно встретить самые различные данные. Численность населения голодающих районов, первоначально определенная в 25 млн человек²⁵⁰, в дальнейшем оценивалась в 30 млн и более.

На IX съезде Советов (декабрь 1921 г.) М.И.Калинин отмечал, что, по официальным данным Центральной комиссии помощи голодающим (ЦК Помгол), голодающих насчитывается не менее 22 млн человек. Однако он высказывал мнение о том, что близки к голоду еще около 5 млн и определял общее число голодающих в 27—28 млн. Различные данные приводились и в других источниках того времени, особенно в периодической печати.

Какие же данные следует считать наиболее достоверными? Видимо, наиболее стабильными и определенными следует признать данные о численности населения в неурожайных районах. Хотя численность населения также изменялась (эвакуация, массовое бегство), однако существуют данные исходные, более или менее стабильные. Правда, и среди этих данных имеются существенные расхождения. В докладе Президиума ВЦИК IV сессии ВЦИК IX созыва общее население неурожайных районов исчислено в 37 млн человек. В итоговой сводке ЦК Помгол население голодающих губерний исчислено в 31714 тыс. (23434 тыс. по РСФСР и 8280 тыс. — по Украине). М.И.Калинин в 1923 г. называл цифру в 31922 тыс.²⁵¹

Нам представляется, что эти последние цифры должны быть дополнены. Это подтверждают следующие соображения.

В сводку ЦК Помгол, исчисляющую, как сказано выше, население голодающих губерний в 31714 тыс. чел., не включены многие губернии, которые пострадали от неурожая частично, но считывали значительное число голодающих.

В сводку не были включены Калмыцкая область, которая была официально признана голодающей (население 207 тыс. человек), такие губернии, как Воронежская (население 2849 тыс. человек), в которой голодало около миллиона человек; Тюменская, где только по Ишимскому и Тобольскому уездам насчитывалось более 200 тыс. голодающих; Тамбовская с 267 тыс. голодающих²⁵²; Донская обл. (население 1545 тыс. человек), где голодало 439 тыс. человек; Терская область с неурожайным Прикумским уездом. До 160 тыс. голодающих насчитывалось в Азербайджане, до 150 тыс. — в Дагестане²⁵³.

Если внести эти дополнения в данные итоговой сводки ЦК Помгол (31714 тыс. чел.), то можно прийти к выводу, что общая численность населения пораженных неурожаем районов (по РСФСР и Украине) доходила до 35 млн человек²⁵⁴.

Что касается числа голодающих, то необходимо, приводя соответствующие данные, каждый раз оговаривать время, к которому они относятся, имея в виду то, что численность лиц, нуждавшихся в помощи государства, не была стабильной.

Вместе с тем широко распространенную в литературе цифру в 27—28 млн голодающих следует признать завышенной. Эта цифра была, как уже отмечалось, приведена М.И.Калининым на IX съезде Советов. Сам Калинин оговаривал предположительный характер этих данных²⁵⁵. А в последующих выступлениях он более не называл этой цифры, приводя гораздо меньшие.

Причины неурожая и голода представляются очевидными, хотя соотношение причин являлось предметом острых дискуссий.

Тяжелая засуха, редкостно неблагоприятные метеорологические условия (степень засушливости в 1921 г. была примерно на уровне 1891 г., когда разразилась одна из крупнейших засух в истории России)²⁵⁶, конечно, была первопричиной неурожая. Одна-

ко — и это признается всеми авторами — тяжесть неурожая и его последствий была обусловлена тем, что он разразился в местах, разоренных гражданской войной, интервенцией. Здесь развертывались сражения, проходили линии фронтов, и непосредственное влияние военных действий не могло не сказаться.

Но не меньшим было и влияние общей экономической разрухи в результате семилетней войны. Нехватка рабочей силы, тягла, инвентаря, недовольства семян и ухудшение их качества — все эти следствия разрухи ослабляли крестьянское хозяйство перед лицом стихийных бедствий.

В 1920 г. по стране (без Украины и Казахстана) недоставало 2989500 плугов, 1138870 сеялок, 469890 жнеек²⁵⁷. Сельхозорудия плохо ремонтировались — не хватало материалов и рабочих рук. Изношенность сельхозинвентаря к 1921 г. составляла 50—70%²⁵⁸.

В деревне не хватало рабочей силы. Множество мужчин работоспособного возраста были убиты и искалечены в мировой и гражданской войнах или еще находились в армии.

Итак, с конца лета 1921 г. в результате катастрофического неурожая в сотнях и тысячах селений начался голод. На протяжении месяцев российская и мировая печать была полна душераздирающими сообщениями о вымерших селениях, об опухших людях, беспомощно ожидающих смерти, о тысячах детей, лишившихся родителей, бродивших по городам и волжским пристаням в поисках кусочка хлеба, о распространении болезней — цинги, дизентерии, сыпного и брюшного тифа.

Яркое представление о муках голодающего населения дает выступление председателя Самарского губисполкома В.А.Антонова-Овсеенко на IX съезде Советов: «Миллионы людей голодают, и это не простое слово о недоедании, — это значит, что людям уже нечего жевать, что они грызут мерзлую землю, что они сходят с ума от постигшего их бедствия»²⁵⁹.

Государство, мобилизовав все силы и средства, направило в голодающие губернии семена для озимого (1921 г.) и ярового (1922 г.) посева. Была организована широкомасштабная продовольственная помощь голодающим. На общественное питание удалось выделить 6 млн пудов хлеба, а на государственное снабжение — 8730 тыс. пудов. На организацию питания было направлено также 1114600 пудов картофеля и 8761670 пудов различных продуктов²⁶⁰.

К началу 1922 г. функционировало около 13 тыс. столовых, в которых питалось 2500 тыс. человек. На 1 июля 1922 г. столовых было уже почти 30 тыс. и они обслуживали 12500 тыс. нуждающихся²⁶¹.

В голодных районах была расширена сеть больниц, амбулаторий. Дополнительно туда было послано 800 врачей и других медработников. Развернули работу 600 детских учреждений, взявших на свое иждивение десятки тысяч детей²⁶².

Общественные организации страны собрали 10642818 пудов продовольствия и 11547 тыс. руб. (в дензнаках 1923 г.).

Серьезную помощь оказали международные организации. Знаменитый путешественник и гуманист Фридьоф Нансен под эгидой Международного Красного Креста организовал сбор и доставку в Поволжье около 5 млн. пудов продовольствия. Значительное количество продовольствия (28 млн пудов) предоставила «Американская организация помощи» (АРА)²⁶³.

Неурожай и голод принесли заметные демографические сдвиги.

Численность погибших в результате голода была значительной. Точность определения затрудняется тем, что люди умирали главным образом не непосредственно от голодного истощения, а от заболеваний, возникших или обострившихся в результате голода — цинги, дизентерии, сыпного и брюшного тифа. Данные о смертности от голода имеются не по всем губерниям. Суммируя имеющиеся достоверные сведения, можно прийти к выводу, что к маю 1922 г. от голода и болезней погибло около 1 млн крестьян²⁶⁴.

Другим демографическим последствием голода были массовые миграции. Уже в июне—июле 1921 г., как только выявились размеры неурожая, началось паническое бегство крестьян из пораженных бедствием районов. Неорганизованно, «самотеком» двинулось около 600 тыс. человек²⁶⁵. Большинство устремилось в Сибирь и Туркестан.

В дальнейшем эвакуации был придан организованный характер. 28 июля 1921 г. ВЦИК принял декрет «О планомерном выселении из голодающих губерний»²⁶⁶. Наркомтруд и Центроэвак направляли беженцев прежде всего в те местности, где особенно острой была нужда в рабочей силе.

Особое место занимает эвакуация детей. С 1 июля 1921 г. по 1 июля 1922 г. из голодающих губерний было вывезено 121018 детей²⁶⁷. Всего эвакуация охватила примерно 1 млн человек²⁶⁸.

Голод в Поволжье 1921—1922 гг. является драматической страницей в истории населения России XX в.

Глава VI.

Российская эмиграция: численность, расселение

История российской эмиграции после 1917 г., так называемой «пореволюционной», или «белой» эмиграции накопила огромный материал, который до сих пор еще не в полной мере востребован исследователями. При исследовании российской эмиграции одним из основополагающих моментов является вопрос о ее численности и расселении.

Сразу отметим, что этот вопрос никогда не был предметом специального исследования, хотя в той или иной мере затрагивался в общих работах: как по истории эмиграции, так и о народонаселении нашей страны. Причем в связи с неразработанностью историко-цифровой базы и неадекватным восприятием понятия эмиграция цифры, приводимые в литературе, колебались от 700 тыс. до 3 млн человек.

Так, уже в 1921 г. В. Михайловский во введении к Трудам ЦСУ РСФСР по предварительным итогам переписи населения указывал, что «заграничная эмиграция нашей прессой оценивается в 2 миллиона человек», отмечал, что с учетом нескольких сотен тысяч бежавших в Грузию и Армению, принявших эстонское, латвийское и литовское подданство, а также немалым числом военнопленных в Германии и Австрии «число русских за границей можно принять в 3 миллиона»¹. В последующей литературе авторы, в частности Л. И. Лубны-Герцык, ссылаясь на Михайловского, указывали «по приблизительным прикидкам число белоэмигрантов» в 2 миллиона человек². В 1930 г. Е. З. Волков, занимаясь динамикой народонаселения СССР, привел данные комиссии Нансена при эмигрантском бюро Совета Лиги Наций, определявшие выдачу «нансеновских паспортов» эмигрантам из СССР до 2 млн человек³. Правда, без указания источника.

Цифры, приводимые в советской литературе в 1960–80-е годы, в основном находятся в пределах от 1,5 до 2,5 млн человек. Так, Л. М. Спирин указывает на 1,5 млн эмигрантов и приводит неполные статистические сведения о их численности и расселении, составленные беженской секцией Международного бюро труда в середине 1920-х годов, — 919 тыс.⁴ Эти сведения учитывают европейские страны, за исключением Румынии и Эстонии, а также Турцию и Китай. Но следует учитывать, что к этому времени значительная часть эмигрантов переселилась в США, Канаду, страны Латинской Америки и Австралию.

С. Н. Семанов указывает цифру в 2 млн и приводит данные эмигрантской газеты «Воля России» от 1 ноября 1920 г., т. е. еще

до эвакуации войск П.Н.Врангеля из Крыма, — 1 млн 875 тыс. человек⁵. Из Крыма же было эвакуировано 128 тыс. военных и гражданских лиц.

В.В.Комин, отмечая сложность определения точной численности белой эмиграции, придерживается мнения, что она составляла 1,5—2 млн человек⁶, в связи с чем приводит данные Женевской миссии Российского общества Красного Креста (1,5 млн) и Русского литературного общества в Дамаске (2 млн), предпринявших попытки учета эмигрантов из России соответственно в 1921 и 1923 гг.⁷

Г.Ф.Барихновский выразил сомнение по поводу такой большой численности белой эмиграции⁸. Сославшись на то, что В.И.Ленин в марте 1921 г. отметил, что «русских эмигрантов считают до семисот тысяч»⁹, он за более достоверные принял наименьшие данные, опубликованные Исполнительной комиссией бывших членов Учредительного собрания в конце 1921 г. (800 тыс.)¹⁰, Русским литературным обществом в Дамаске в 1923 г. (991 тыс.)¹¹ и беженской секцией Международного бюро труда в 1927 г. (уже вышеприведенные 919 тыс.)¹². Нет сомнений, что автор даже не удосужился взглянуть на первоисточники, выдернув данные из вышеуказанной литературы. Прежде всего отметим, что В.И.Ленин, используя лишь раз цифру 700 тыс., неоднократно в последующем пользовался цифрами 1,5—2 млн¹³. Что касается данных, приведенных из эмигрантских источников, то следует сказать следующее. Во-первых, сведения беженской секции Международного бюро труда, по признанию самого бюро, являются далеко не полными. Во-вторых, Исполнительная комиссия бывших членов Учредительного собрания пользовалась различными цифрами: сначала — 800 тыс., затем — 1,5 млн. А начиная с «Воззвания об оказании помощи беженцам», принятого Исполнительной комиссией для обращения к Лиге Наций, численность эмиграции определялась ею уже не менее 1,5 млн «русских граждан, жертв мировой катастрофы и гражданской войны»¹⁴. В-третьих, Русское литературное общество в Дамаске, опубликовав результаты собственных подсчетов далеко не по всем странам русского расселения, пришло к выводу: «Без сомнений итог этот необходимо еще увеличить, можно с уверенностью предполагать, что число русских эмигрантов приближается к двум миллионам, а по некоторым источникам даже превосходит эту цифру»¹⁵.

Л.К.Шкаренков и Ю.В.Мухачев, предпринявшие попытку анализа эмигрантских источников и литературы, имевшихся в СССР, пришли к выводу о возможности определения численности белой эмиграции в 2 млн человек¹⁶. Такого же мнения придерживается Ю.А.Поляков в своем обстоятельном исследовании о территории и населении страны после окончания гражданской войны, указывая при этом, что вопрос этот «в силу его специфики

не может быть полностью решен на базе источников, находящихся в СССР»¹⁷.

Однако достаточно широкий круг опубликованных источников и литературы за рубежом также не дает точного представления о численности российской эмиграции в 1920-х годах. Данные, приводимые в самой эмигрантской литературе, находятся в пределах от 1,5 до 2 с лишним миллионов человек¹⁸. Даже в такой основательной книге по истории эмиграции, как «Зарубежная Россия» П.Е.Ковалевского, приводятся далеко не полные данные — 1 млн 160 тыс.¹⁹ А М.И.Раев в своей книге предпочитает не рассматривать данный вопрос, используя лишь сведения иностранных авторов, в частности Д.Х.Симпсона²⁰. Тогда как М.В.Назаров ссылается на предшествующую и эмигрантскую, и иностранную литературу, не замечая порой явную противоречивость приводимых им сведений о численности российской эмиграции²¹.

То же самое можно сказать и об иностранной литературе. Различия в ее цифрах настолько велики, что иногда отличаются на целый порядок. Так, если Ганс фон Римша, ссылаясь на данные американского Красного Креста, определяет численность эмиграции в середине 20-х годов в 2 млн 935 тыс. человек, то Джон Симпсон, используя показатели нансеновской комиссии при эмигрантском бюро Лиги Наций, указывает цифру в 863 тыс. эмигрантов, официально зарегистрированных этой комиссией²². Другие же авторы приводят в основном данные в 1,5—2 млн человек²³. В работах последних десятилетий преобладает верхняя и даже завышенная цифра: Д.Стефан полагает, что «в конвульсиях революции, гражданской войны, иностранной интервенции и голода Россия изрыгнула более двух миллионов беженцев»²⁴, а Г.Э.Фолькман считает, что только через Германию прошло около 3 млн русских эмигрантов²⁵.

Такой разброс в определении численности российской эмиграции в 20-е годы объясняется не только личным подходом авторов. Он имеет и объективные причины. Прежде всего они связаны с отсутствием сводных данных об эмиграции после 1917 г. Ее учета не было ни в России, ни за рубежом. Сведения отдельных организаций довольно противоречивы, а иногда просто несопоставимы. Порой даже одна организация давала различные определения численности эмиграции. Это относится к данным беженской секции Международного бюро труда (919 тыс. и 1,5—2 млн), Исполнительной комиссии бывших членов Учредительного собрания (800 тыс. и 1,5 млн), эмигрантского бюро Лиги наций (863 тыс. и около 2 млн) и др.

Более того, подобная несопоставимость данных наблюдается даже по отдельным странам, где учет, казалось бы, должен был иметь место. Однако точного учета, по-видимому, не было нигде. Возьмем, к примеру, Германию, сведения о количестве русской эмиграции в которой выглядят следующим образом (на начало 1921 г.)²⁶:

Данные (время)	Источник информации
50—80 тыс. (1 марта 1921 г.)	Министерство внутренних дел Германии
300 тыс. (15 января)	Разведсводка штаба РККА
450 тыс. (8 апреля)	Сведения информационного отделения штаба главнокомандующего Русской армией
300 тыс. (1 марта)	Российское общество Красного Креста
560 тыс. (1 ноября 1920 г.)	Общество Американского Красного Креста
230—250 тыс.	Подсчеты Русского заграничного исторического архива в Праге

Таким образом, на одно и то же время мы имеем совершенно различные данные, представленные официальными организациями. Причем разница в них в 10 раз: от 50 тыс. до 560 тыс. Конечно, они несопоставимы. И такая картина наблюдается почти по всем странам, в которых русская эмиграция находила свое временное или постоянное пристанище.

Тем не менее попытаться определить более или менее точно численность российской эмиграции в целом или в той или иной стране, на наш взгляд, представляется возможным. Прежде всего следует критически отнестись к явно заниженным и завышенным сведениям (соответственно: 863 тыс., 991 тыс. и 2 млн 935 тыс.). Первые являются данными Международного бюро труда и эмигрантского бюро Лиги Наций и показывают лишь официально зарегистрированных эмигрантов, при этом без учета таких районов их пребывания, как Китай, прибалтийские государства, Италия. Поэтому эти данные являются далеко не полными. Что касается верхней цифры, то она составлена Американским Красным Крестом на основе сведений своих представителей в различных странах и данных различных беженских комитетов, которые, в силу личных финансовых интересов, склонны были завышать численность беженцев, нежели их преуменьшать. При этом в эту цифру были включены еще находившиеся в Германии русские военнопленные, которые, по данным Центрального эвакуационного комитета на 1 января 1921 г., составляли 238,2 тыс. человек, а также сотни тысяч репатриантов в Польше, Литве и Латвии²⁷. С их учетом данная цифра уменьшается до 2 млн. Кстати, ранее, в конце 1920 г., тот же Американский Красный Крест определял численность российской эмиграции в 1 млн 964 тыс. человек²⁸. Правда, без учета эвакуации из Крыма и эмигрантов в Китае, но с включением военнопленных в Германии и репатрированных в Польше.

Далее рассмотрим часто приводимую численность в 1,5 млн и 2 млн человек. Исчисление эмигрантов в 1,5 млн впервые было представлено Женевской миссией Российского общества Красного Креста в начале 1921 г., затем использовалось другими русскими

организациями за рубежом, в частности Исполнительной комиссией бывших членов Учредительного собрания. С 1 августа 1921 г. эти данные были использованы Лигой Наций, а в 1925 г. — Международным бюро труда. Обе эти организации наверняка использовали уже готовые данные, так как сами они вели подсчет лишь официально зарегистрированных эмигрантов. И хотя по некоторым странам, например, по Франции, их данные не сходятся, итоговая цифра выводится одинаковая. Как одинаково не учитываются сведения по Китаю, прибалтийским государствам, Италии, Англии, Чехословакии.

Таким образом, следует признать необходимость увеличения цифры 1,5 млн. Данные по вышеуказанным странам дают нам такую возможность. Известно, что в середине — конце 1921 г. численность эмиграции в Китае составляла около 150 тыс. человек, в Эстонии — 40 тыс., в Латвии — 30 тыс., в Литве — 50 тыс., в Англии — 15 тыс., в Италии — 20 тыс., Чехословакии — 50 тыс., не считая других не упомянутых территорий. В итоге получим 1 млн 850 тыс. Возможно, это и есть приблизительная численность российской эмиграции. Именно эта цифра и была первой опубликована в эмигрантской прессе, 1 ноября 1920 г. в газете «Воля народа» в Праге: 1 млн 875 тыс. беженцев.

Теперь, что касается определения численности в 2 млн человек. В основе ее лежат вышеуказанные цифры 1 млн 875 тыс. и 1 млн 964 тыс. с учетом крымских беженцев, а также данные о 2 млн русских эмигрантов, опубликованные в константинопольских «Вечерних известиях» в самом начале 1921 г.²⁹ Сравнивая их, можно предположить, что все они исходят из одного источника, который не имеет сведений о численности эмиграции в Китае и непомерно завышает ее наличие в Польше: до 1 млн человек.

Остановимся на одной из этих цифр, к примеру на 1 млн 964 тыс., данных Американским Красным Крестом на 1 ноября 1920 г. Вместе с эвакуированными из Крыма (128 тыс.) и эмиграцией в Китае (150 тыс.) эта цифра возрастет до 2 млн 242 тыс. Но это с учетом почти 240 тыс. военнопленных в Германии и неизвестного числа репатриированных в Польше. Следовательно, у нас получается 2 млн минус репатриированные в Польше. Последних мы точно определить не можем, хотя и располагаем о них данными польской статистики: 455 тыс. (1918 г. — 83 тыс., 1919 — 286 тыс., 1920 — 86 тыс.)³⁰. Это связано с тем, что мы не знаем ни методики подсчета, которая применялась Американским Красным Крестом или его источником, ни времени, на которое распространяется численность в 1 млн беженцев: включает ли она в себя только 1920 г. или распространяется и на 1919 г. Конечно, учитывая приблизительность наших расчетов, можем взять среднее число: 282 тыс. или сумму: 372 тыс. Тогда получим 720 тыс. или 630 тыс. эмигрантов из России. Эти цифры вполне сравнимы с той, которая указана Женевской миссией Российского общества Красного Креста, а затем Лигой Наций: 650 тыс. чело-

век. В итоге, произведя необходимые арифметические расчеты, получим 1 млн 720 тыс. эмигрантов. К ним следует прибавить 100—130 тыс., находящихся в Румынии, Болгарии, Литве и Северной Африке, не учтенных в сведениях Американского Красного Креста, но зафиксированных другими организациями. В результате вновь образуется цифра приблизительно в 1 млн 850 тыс. человек.

Таким образом, численность российской эмиграции можно считать не менее 1 млн 850 тыс. человек, что поднимает нижнюю планку, ранее ограниченную 1,5 млн. Конечно, она не является точной цифрой, но значительно сужает рамки численности эмиграции и приближает ее границы: от 1 млн 850 тыс. до 2 млн. Последняя цифра в данном случае — как возможная максимальная граница, к которой несколько неопределенно может стремиться наше число. И если округлять, то численность российской эмиграции можно определить «около 2 млн» человек. Это на основе имеющихся сведений на данный момент. И есть все основания предполагать, что вряд ли появятся новые, принципиально меняющие наше исчисление.

Критически анализируя численность российской эмиграции по отдельным странам, вполне возможно, как это уже отмечалось, представить и картину ее расселения, хотя и достаточно приблизительную.

Расселение наших соотечественников по зарубежным странам в 1920-е годы не было стабильным и постоянно менялось. Прежде всего это объясняется тем, что эмигранты первоначально были вынуждены в массе своей выезжать в те страны, куда их увлекали потоки беженцев и эвакуаций, а уже потом решать проблему выбора страны своего дальнейшего пребывания. Основные потоки эмиграции из России в Европу проходили через Польшу и Турцию. Значительно меньшие вела в Финляндию и прибалтийские страны. На юго-востоке и востоке основным направлением являлся путь в Маньчжурию и Китай. Незначительные эмиграции были в Иран и Афганистан. Дальнейший путь эмигрантов зависел от целого ряда факторов: от экономического положения в тех или иных странах, их государственного устройства и политической ориентации, от отношения к русским беженцам и, наконец, от материальных возможностей самих эмигрантов.

О потоке эмигрантов через Польшу мы уже имеем представление: данные приводились ранее. Основная масса эмигрантов рассматривала Польшу как транзитную страну и устремлялась дальше, прежде всего в Германию и Францию. Думается, что в 1919—1920 гг. по этому пути в среднем проходило по 500 тыс. человек, в 1918 и 1921 гг. прошло еще несколько сотен тысяч.

Остановимся подробнее на пути через Турцию. Есть мнение, что через это «окно в Европу» прошло более 300 тыс. эмигрантов³¹. Рассмотрим некоторые частные данные. И прежде всего начнем с того, что эмиграция в этом регионе началась задолго до известной эвакуации Русской армии генерала Врангеля из Крыма.

Имеются в виду французская эвакуация из Одессы в апреле 1919 г. и эвакуация из Новороссийска и Одессы в январе 1920 г. В связи со значительным увеличением беженцев в конце 1919 г. белое командование было вынуждено пойти на создание специальных органов управления этим процессом. Так, 21 января 1920 г. приказом генерала А. И. Деникина учреждалась должность главноуполномоченного (с 1 мая 1920 г. — правительственного уполномоченного) по устройству русских беженцев за рубежом, в частности в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Правительство последнего 24 января 1920 г. сформировало специальный комитет, который должен был проводить государственную политику в отношении русских беженцев. Сам король Александр покровительствовал изгнанникам.

Данными об эмиграционном процессе в 1919 г. мы не располагаем. Что касается 1920 г., то, по разведанным штаба Красной армии, с января месяца этого года началась организованная эвакуация из Новороссийска, Севастополя и Одессы больных и раненых офицеров с сопровождающими их чинами, военных чиновников и членов их семей. Численность их достигала 45 тыс. Их разместили в специально для этого созданных лагерях около Константинополя и на Принцевых островах. Незначительная часть была переправлена в Болгарию³². С апреля по октябрь 1920 г. резко возрос поток гражданских беженцев, который составили представители аристократии, высшей бюрократии и деловых кругов. В октябре его численность достигла 35—40 тыс. человек³³. Минувя лагеря, они сразу же переправлялись в другие страны, прежде всего во Францию, в Королевство сербов, хорватов и словенцев и Германию.

Крымская катастрофа белых привела к самой многочисленной их эвакуации. По свидетельству современников, Константинополь буквально за несколько дней был наводнен русскими. По некоторым данным, численность новых беженцев достигла 130—150 тыс. человек³⁴. Из них — 50 тыс. военных регулярных войск (12 тыс. офицеров, 7 тыс. раненых офицеров, 10 тыс. юнкеров различных училищ, 15 тыс. казаков и 5 тыс. солдат), более 30 тыс. офицеров и чинов тыловых частей, около 60 тыс. гражданских лиц. Это не считая того потока беженцев, которые, не сумев попасть на большие корабли, были вынуждены добираться до берегов Турции на маленьких шхунах, катерах и шаландах.

Объединив эти сведения, получим численность эмиграции 175—195 тыс. человек. И это только в результате организованных эвакуаций. Не считая стихийного отъезда, который, как мы знаем, уже в октябре достиг 40 тыс. Следовательно, только в 1920 г. российская эмиграция в Турции достигала 215—235 тыс. человек. Это без учета эмигрировавших в 1919 г. и всех стихийных беженцев. Следует иметь в виду, что значительная часть эмигрантов к этому времени уже переправилась дальше, во Францию (175 тыс.), в Италию (20 тыс.), Королевство сербов, хорватов и

словенцев (20 тыс.). Конечно, далеко не все эмигранты в этих странах прибыли из Константинополя, но значительная часть их, несомненно, прошла его морские ворота. Тем более это касается эмиграции в Египте (4 тыс.), Греции (3,5 тыс.), на Кипре (2,5 тыс.) и т.д.

Эти исчисления вполне сравнимы с другими имеющимися данными. Так, по сведениям Главного справочного бюро (затем — Главного регистрационного бюро) Объединенного комитета российских общественных организаций в Константинополе, численность русских эмигрантов в Турции к концу 1920 г. достигла 190 тыс. человек³⁵. Это — официально зарегистрированных и на данный момент, не считая уже уехавших, стихийных, умерших.

Таким образом, анализ вышеприведенных сведений, с учетом всех эвакуаций, организованной эмиграции и стихийной, дает нам подтверждение, что через Турцию прокатилась мощная волна русской эмиграции, численность которой перевалила через 300-тысячный рубеж.

Приблизительную картину расселения и движения российской эмиграции по европейским и некоторым другим странам в первой половине 1920-х годов можно показать следующим образом (табл. 28).

Таблица 28

Численность российской эмиграции (тыс. чел.)

Страна	К 1920 г.	Середина 1921 г.	1923 г.	1925 г.
Франция	175	250	400	400
Германия	560	600	400	250
Польша	650	200	125	90
Турция	225	90—100	10	3
Болгария	40	50	50	26
Королевство сербов, хорватов и словенцев	20	70	50	35
Италия	20	15	15	1
Чехословакия	10	15	35—50	30
Румыния	10	55	10	10
Венгрия	5	5	5	5
Финляндия	25	50	50	18
Эстония	20	40	20	17
Латвия	12	15	30	40
Литва	50—70	50	5	10
Англия	15	15	15	3

Глава VII.

Население России в 1920-е годы: демографическая характеристика, демографические процессы

Численность, размещение населения

Российская Федерация с 1922 г. входила в состав СССР. Перепись 1926 г. зафиксировала на территории РСФСР 100,9 млн человек, БССР — 5,0 млн, УССР — 29,0 млн, ЗСФСР — 5,8 млн, Уз. ССР — 5,3 млн, Турк. ССР — 1,0 млн.

Все шесть республик, как это явствует из переписи 1926 г., имели многонациональный состав населения. Названия народностей приводятся в соответствии с Всесоюзной переписью населения 1926 г. В БССР проживали: 4017,3 тыс. белорусов, 407,1 тыс. евреев, 383,8 тыс. русских, 97,5 тыс. поляков, а также украинцы, латыши, немцы и др. УССР была населена 23218,9 тыс. украинцев, 2677,2 тыс. русских, 1574,4 тыс. евреев, 474,4 тыс. поляков, 393,9 немцев, 257,8 тыс. молдаван. Кроме того, здесь были представлены греки, белорусы, болгары и др. На территории ЗСФСР было 1798,0 тыс. грузин, 1 332,6 тыс. армян, 1652,8 тыс. (турков) азербайджанцев, 336,2 тыс. русских, 114,5 тыс. осетин, а также греки, украинцы, лезги (лезгинцы), курды, талыши, евреи и представители многих других национальностей. В состав населения Уз. ССР входили: 3475,3 тыс. узбеков, 967,7 тыс. таджиков, 246,5 тыс. русских, 107,0 казахов, 90,7 тыс. киргизов, кроме того, проживали курама (кураминцы), уйгуры, айсоры (ассирийцы), арабы, татары, евреи и др. Среди жителей Турк. ССР насчитывалось 719,8 тыс. туркмен, 105,0 тыс. узбеков, 75,4 тыс. русских, 13,9 тыс. армян, кроме того, обитали персы, азербайджанцы, белуджи, афганцы, украинцы, татары и др.¹

Итак, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в России насчитывалось 100,9 млн жителей, а без Казахской и Киргизской автономий, впоследствии преобразованных в союзные республики, — 93,4 млн, то есть более 2/3 населения СССР. В региональном разрезе они распределялись следующим образом: примерно 1/5 (20,7% от населения России) было зафиксировано в Центрально-Промышленном районе. Кроме промышленного центра население концентрировалось в районах Поволжья — 20,6%. На третьем месте находилось Центральное Черноземье, там про-

живало 11,6% человек. Как видно из этих данных, разница в численности населения данного района и двух первых вышеупомянутых довольно значительна. Северо-Западный район, в котором находился такой крупный промышленный центр, каким был г. Ленинград, занимал, однако, по числу жителей скромное место, насчитывая 9,7% человек. Столько же жителей было и на Северном Кавказе. Западный район, небольшой по площади, с разоренным войной хозяйством был заселен еще слабее — 4,6% населения. Крым оживал летом, а в декабре его население составляло всего 0,8%. Урал и Сибирь, заселявшиеся в течение многих веков, большой плотностью населения не отличались. На всей обширной территории Сибири проживало всего 9,3%, а на Урале — 7,3% жителей. Малочисленным было население Дальнего Востока и Бурят-Монголии, а также Башкирии, соответственно составляя 2,0; 0,5; 2,9% жителей.

Соотношение в России между сельским и городским населением говорило о низкой степени урбанизации. Доля городского населения лишь в Московской и Ленинградской губерниях была выше 50%. Более 20% городское население составляло в Иваново-Вознесенской, Мурманской, Астраханской губерниях, в Крыму и на Дальнем Востоке. Кроме Иваново-Вознесенской губернии, крупного центра текстильной промышленности, названные районы были мало заселены, за исключением портовых городов или курортов. Во всех остальных областях и автономиях доля городского населения была ниже 10%, за исключением Карелии, Республики немцев Поволжья и Татарии. Особенно слабо были урбанизированы такие автономии, как Чувашия (5,1% городского населения), Якутия — 5,3, Марийская — 4,2, Коми — 3,3%, а в Калмыкии и Черкесии городское население не было зафиксировано вовсе².

В Северном районе, кроме русского населения, которое составляло там 91%, проживали коми-зыряне (8,3%), ненцы и евреи. Коми-зыряне концентрировались в основном в своей автономной области, где кроме представителей этой национальности 7% составляли русские и 1% ненцы.

В Ленинградско-Карельском районе, куда входил г. Ленинград, проживали представители многих национальностей: например, в г. Ленинграде русских было 85%, евреев 5,2%, поляков 2,1%, немцев 1,1%, эстов (эстонцев) 1%. В Ленинградской губернии обитали, кроме того, ижоры (ижорцы) и вепсы. В Карелии преобладали русские (57,1%), карелов было 37,4%. Кроме того, жили финны, вепсы, лопари (саами).

В Западном районе преобладало славянское население; 93,5% русских, 3,1% украинцев, 1% белорусов и 1,7% евреев.

В Центрально-Промышленном районе русских было 96,2%, особенно многочисленными они были во Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской, Калужской, Рязанской, Тульской и

Ярославской губерниях. В Нижегородской губернии, кроме русских, много было мордвы и татар — соответственно 3,1 и 3,0%. В Тверской губернии довольно значительную группу составляли карелы.

В Москве насчитывалось 12 крупных разнообразных национальных групп: русских — 87,5%, евреев — 6,5%, татар — 0,8%, поляков — 0,8%, украинцев — 0,8%, белорусов — 0,7%, латышей — 0,5%, немцев — 0,4%, армян — 0,3%, литовцев — 0,1%, грузин — 0,1%, эстов (эстонцев) — 0,1%.

Центральное Черноземье имело 84,2% русских, 15,3% украинцев, 0,2% евреев. Русские были расселены во всех губерниях района, но в Орловской и Тамбовской их было 99% от всего населения этих губерний. В Воронежской и Курской был значителен и удельный вес украинцев: соответственно 32,6 и 19,1% от населения этих губерний.

В Вятском районе было много русских, вотяков (удмуртов), марийцев, а также татар, коми-пермяков и бесермян: соответственно 75,8; 12,6; 9,0; 1,7; 1; 0,4 и 0,3%. Многонациональным был состав и находившихся на территории района автономий — Вотской и Марийской АО. Половину населения их составляло коренное население, русские — свыше 40%, много было татар — соответственно 2,3 и 4,2%.

В Уральской области, кроме русских (91,1%), проживали татары (2,9%), коми-пермяки (территория Коми-Пермяцкого округа — 1,9%), башкиры — 0,9%, украинцы — 0,7%, белорусы — 0,4%, марийцы — 0,3%, зыряне (коми) — 0,2%, остяки (ханты) — 0,2%, вотяки (удмурты) — 0,2%, евреи — 0,2%, нагайбаки — 0,2%. На территории Коми-Пермяцкого округа коми-пермяков было 77,0%, русских — 22,8%. В Башкирской АССР самой крупной этнической группой были русские — 39,9%, башкиры составляли 23,5%, татары — 22,4%, чувашаи — 3,2%, марийцы — 3,0%, украинцы — 2,9%, мордва — 0,9%, тептяри — 0,9%, вотяки (удмурты) — 0,9% и др.

Средне-Волжский район был так же, как и Башкирия, многонациональным. Его населяли русские — 62,8%; татары — 15,8%; чувашаи — 9,2%; мордва — 8,7%, украинцы — 2,0%; небольшими группами примерно в 0,2% были представлены немцы, вотяки (удмурты), башкиры, марийцы, евреи. В губерниях Пензенской, Самарской и Ульяновской, кроме русских, крупной группой являлась мордва. В Оренбургской губернии было наряду с русскими довольно много украинцев. Во всех губерниях были равномерно представлены татары, чувашаи. В районе расположены две автономии: Татарская АССР, в которой татары составляли 44,8%, а вместе с кряшенами — 48,7%, то есть почти половину. Русских было 43,1%. Представлены были чувашаи и мордва. Другие национальности малочисленны. Вторая автономия — Чувашская АССР — была населена чувашами — 44,7%, русскими — 20,0% и небольшими группами мордвы и татар.

Нижне-Волжский район был населен русскими — 73,8%, украинцами — 8,0%, немцами — 7,9%, татарами — 3,2%, мордвой — 2,9%, калмыками — 2,1%, казахами — 1,0%. Другие национальные группы составляли менее 1% каждая (евреи, чуваш и другие). В Астраханской, Саратовской и Сталинградской губерниях русские составляли от 75 до 87%. Кроме них в Астраханской губернии было много татар (9,5%) и казахов — 9,0%. А в Саратовской и Сталинградской губерниях было много украинцев — 7 и 10%. Кроме того в Саратовской — относительно много мордвы, татар и немцев. Небольшими группами, но по всем районам, кроме Саратовской губернии и АССР Немцев Поволжья, представлены калмыки. В АССР Немцев Поволжья 66,4% составляли немцы, 20,4% русские, 12,0% украинцы. В Калмыцкой АО было 75,6% коренного населения, 10,7% русских, 10,3% украинцев. Присутствовали здесь и небольшие группы татар и немцев.

Крымская АССР населена в основном славянами и восточными народами. Русских здесь было 42,2%, татар — 25,1%, украинцев — 10,9%, немцев — 6,1%, евреев — 5,6%, евреев крымских — 0,8%, греков — 2,3%, болгар — 1,6%, армян — 1,5%, караимов, поляков, эстов (эстонцев), белорусов было немного.

Северо-Кавказский край многонационален: русских там было 45,9%, украинцев — 37,1%, чеченов (чеченцев) — 3,5%, армян — 1,9%, осетинов — 1,9%, кабардинцев — 1,7%, немцев — 1,1%, ингушей — 0,9%, черкесов — 0,8%, карачаев (карачаевцев) — 0,7%, присутствовали небольшие группы евреев, балкаров (балкарцев), греков, татар, грузин, бескесек-абаза (абазин), калмыки, ногайцы, белорусы, поляки и прочие. О многонациональности края свидетельствует большое количество в нем автономий: Адыгейско-Черкесская АО, где проживали черкесы (44,8%, русских — 25,6%, украинцев — 23,3%); Ингушская АО, где ингуши составляли 93,1%, чечены (чеченцы) — 3,4%, русские — 1,2%; Кабардино-Балкарская АО, которая населена на 60% лицами коренной национальности, балкары (балкарцы) составляли 16,3%, украинцы — 8,4%, русские — 7,5%, представлены также осетины, кумыки; Карачаевская АО — основное население карачаев (карачаевцы) — 81,3%; осетины — 4,8%, представлены украинцы — 4,4%, бескесек-абаза (абазины) — 4,3%, зафиксированы кабардинцы, русские и греки; Северо-Осетинская АО — основное население осетины — 84,2%, украинцы — 6,8 и русские — 6,6%; Черкесская АО — основное население кабардины (кабардинцы) — 33,3%, бескесек-абаза — 29,7%, ногайцы — 16,8%, черкесы — 7,2%; русские там составляли 4,0%, украинцы — 3,7%, жили в небольшом числе греки, татары, евреи; Чеченская АО — 94,0% чечены (чеченцы), русские всего 2,9%, тавлинцы, кумыки, украинцы, авары (аварцы) составляли небольшие группы. Политичный состав населения имели и не входящие в автономии округа Северного Кавказа. Там жили славяне, прибалты, кавказцы, среднеазиатские народы, молдаване, немцы, греки и др. В боль-

шинстве округов по удельному весу преобладало русское население, а в Донецком, Кубанском, Таганрогском и Черноморском преобладали украинцы.

Дагестанская АССР населена горцами, то есть народами Северного Кавказа, в том числе аvaraми (аварцами) — 17,0%, даргинцами — 13,8%, лезгами (лезгинами) — 11,5%, лаками (лакцами) — 5,1%, табасаранами (табасаранцы) — 4,1%, чеченами (чеченцами) — 2,8%, кайтаками — 1,8%, рутулами — 1,3%, андийями (андийцами) — 1,0%, агулами — 1,0%, а также чамалалами, ботлихцами, цахурами, дидоями (дидойцами), багулалами, кубачинцами, годоберинцами, тиндиями и др. Кроме этих народностей, в Дагестане проживали 12,5% русских, 11,2% кумыков, 3,3% ногайцев, 3,0% тюрков, а также евреи, армяне, украинцы, персы, татары, туркмены, немцы.

Население Сибири было также полиэтнично, насчитывая 22 национальности. Однако это, как правило, мелкие группы. Основное население русские — 77,9%, украинцы — 9,5%, белорусы — 3,7%, мордва — 1,2%, татары — 1,1%, немцы — 0,9%. Небольшие группы составляли казахи, чувашаи, эсты (эстонцы), латыши, латгальцы, хакасы, алтайцы, шорцы, остяки (ханты), тунгусы (эвенки), буряты, коми-зыряне и коми-пермяки, поляки, евреи, бухарцы и проч. В Сибири находились Бурят-Монгольская АССР, Якутская АССР и Ойротская АО. В Бурят-Монгольской АССР русских было 52,7%, бурят — 43,8%. Жили здесь тунгусы (эвенки), татары, евреи и украинцы.

В Якутии коренное население составляло 81,6%, русских было всего 10,4%, тунгусов (эвенки) — 4,6%, представлены чукчи, татары и евреи. В Ойротской АО русских было 52%, алтайцев — 35,7%, теленгетов — 3,4%, казахов — 2,3%, ойротов — 1,5%, кумандинцев — 1,4%, мордвы, телеутов и украинцев — менее 1%. В округах Сибири — Ачинском, Хакасском, Минусинском — крупными группами представлены хакасы; в Киренском — тунгусы (эвенки); Бийском округе — кумандинцы, алтайцы; в Красноярском округе — енисейцы (кеты); в Томском округе — остяки (ханты) и карагас; в Туруханском крае — тунгусы, юраки, остяко-самоеды (селькупы), ненцы, долганы.

На Дальнем Востоке коренное население представлено чукчами, коряками, гольдами (нанайцы), камчадалами, гиляками (нивхи), тунгусами, бурятами, корейцами и китайцами. Большую половину населения составляли русские. 16,8% было украинцев. Были также представлены латыши, белорусы, молдаване, мордва.

Демографические процессы

В канун XX в. Россия имела традиционное расширенное воспроизводство населения с высокой рождаемостью и смертностью и

соответствовавший ему демографический состав, который характеризовался большим удельным весом детей и молодежи и небольшой долей лиц пожилого возраста. Так, в Европейской России в 1897 г. дети от 0 до 10 лет составляли $1/4$ населения, а лица от 0 до 30 лет — почти $2/3$ (свыше 60%), зато на людей в возрасте от 60 лет и старше приходилось менее 8%. Наблюдалась высокая смертность населения всех возрастов, особенно в периоды эпидемий и голода. В 1896—1897 гг. общий коэффициент смертности в Европейской России равнялся 34,8‰, а в некоторые неблагоприятные годы (неурожаев и эпидемий) поднимался до 41‰ (например, в 1892 г.). В начале XX в. показатели смертности несколько понизились, но тем не менее продолжали оставаться высокими. В России в 1901—1910 гг. общий коэффициент смертности достигал 29,9‰, а в 1911—1913 гг. — 27,1‰. Очень высоким в конце XIX — начале XX вв. был показатель младенческой смертности — 326‰, т.е. из каждых 10 родившихся младенцев умирали 3,3. Средняя продолжительность жизни была невелика. В 1896—1897 гг. она составляла в Европейской России для мужчин 31,4 года, а для женщин — 33,4 года³. Как мы видим, разница в продолжительности жизни в пользу женщин была небольшой. Соотношение полов во всех возрастах не было нарушено. Равновесие складывалось уже к четырехлетнему возрасту, колебания в ту или иную сторону начинались после 45 лет, и только после 60 лет оно нарушалось в пользу женщин. При таком соотношении полов высоким был уровень брачности. По переписи 1897 г. женщин, состоявших в браке в возрастной группе 20—29 лет, было 75,9%, а в возрасте 30—39 лет и того больше — 87,3%. Высокий в России была и рождаемость. В 1896—1897 гг. в Европейской России ее общий коэффициент равнялся 50,5‰. В некоторых губерниях он поднимался до 60‰. В то же время во Франции общий коэффициент рождаемости едва превышал 20‰, в Германии — 34,3‰, в Англии и Уэльсе — 28—29‰.

Несмотря на высокие показатели смертности, ежегодный прирост населения составлял в дореволюционной России 14,9‰ (подсчеты А.Г.Рашина), а по оценкам современных исследователей (например, С.В.Захарова), он был еще выше — 15,7‰. В результате население Российской империи в целом увеличилось с 128,9 млн в 1897 г. до 165,7 млн (без Финляндии) накануне Первой мировой войны (в 1914 г.). По подсчетам Б.Ц.Урланиса, население Европейской России в 1900 г. составляло 111,2 млн⁴.

Определим численности населения России и масштабов понесенных в 1914—1921 гг. потерь занимались многие отечественные и зарубежные историки и демографы. Сложность подсчетов, ограниченность и противоречивость источников привели исследователей к разным цифровым результатам. Однако все авторы констатируют значительное падение численности населения России за годы Первой мировой и гражданской войн и первых мирных лет. Мы приведем здесь численность населения России, рассчитанную

Ю.А.Поляковым, И.Н.Киселевым и Б.А.Устиновым за эти годы, поскольку данные приводятся в сопоставимых территориальных границах (за основу взяты границы 1926 г.). Население страны осенью 1917 г. насчитывало, согласно их расчетам, 147644 тыс. человек, в начале 1920 г. — 137563 тыс. (без Бухары и Хивы), а с Бухарой и Хивой — 140563 тыс., на начало 1921 г. — соответственно 133757 тыс. и 136707 тыс., на начало 1922 г. — 131903 тыс. и 134903 тыс. человек⁵.

Таким образом, по расчетам этих авторов, с осени 1917 г. население страны сократилось к 1920 г. на 7,1 млн человек, к 1921 г. — на 10,9 млн, к 1912 г. — на 12,7 млн, по сравнению же с январем 1914 г. в сопоставимых территориальных границах 1921—1939 гг. убыль населения к началу 1920 г. составила 2,4 млн человек, 1921 г. — 6,2 млн, 1922 г. — 8,0 млн. По данным С.В.Захарова, людские потери страны в 1916—1921 гг. колеблются в пределах от 12 млн до 18,6 млн чел. (в зависимости от методики исчисления темпов прироста населения в анализируемый период).

Людские потери нарушили соотношение полов, особенно в деревне. Среди лиц 1894—1898 гг. рождения соотношение мужчин и женщин составляло 1:2, а среди лиц 1899—1903 гг. рождения — уже 1:2,3. В 1917 г. в сельской местности Смоленской губернии отсутствовало 44% взрослого мужского населения, Владимирской — 54%. Естественно, что в этих условиях сократился уровень брачности. По сравнению с 1913 г. в 1914 г. количество браков уменьшилось на 15%, в 1915 г. — на 54%, в 1916 г. — на 56%. Убыль мужского населения (по подсчетам И.П.Ильиной) привела к тому, что в 1917 г. в России было заключено лишь 65% от числа браков, состоявшихся в 1913 г. Общий дефицит браков за три года Первой мировой войны составил около 1700 тыс.⁶

Значительно возросла в военные годы смертность населения. По сравнению с 1913 г. количество умерших в 1915 г. увеличилось в Вятской губернии на 10%, в Саратовской — на 16%, в Самарской — на 35% и т.д.

Потери мужского населения и снижение брачности привели к падению рождаемости. В 10 губерниях Европейской России по сравнению с 1913 г. ее показатель понизился в 1914 г. на 19%, в 1915 г. на 58%, в 1916 г. на 57%. Падение рождаемости не прекратилось и в 1917 г. Так, в Вологодской губернии в тот год общий коэффициент рождаемости составил 18,8‰, в Тверской — 25,4‰, в Ярославской — 26,9‰, а в Москве и Петрограде — 19,6 и 18,7‰⁷.

1918 год отмечен первой волной демобилизации, что сразу сказалось на повышении брачности, ее показатель (по сравнению с 1917 г.) вырос в Петрограде с 4,7 до 8,5‰, Москве с 3,9 до 5,3‰, в Ярославле — с 6,4 до 11,2‰; в сельской местности Европейской России — примерно в 2 раза. В 1919 г. начала повышаться рождаемость, хотя ее уровень был еще очень далек от до-

военного. По отношению к 1917 г. общий коэффициент рождаемости вырос в Саратовской губернии с 29,9 до 34,2‰, в Вологодской с 18,8 до 31,7‰ и т.д. Однако эта тенденция не была устойчивой в условиях гражданской войны. В ряде местностей коэффициент рождаемости продолжал понижаться и после демобилизации — например, в Орловской, Петроградской губерниях и др.⁸

В 1920 г., после окончания гражданской войны последовала вторая волна демобилизации. Это увеличило долю мужского населения в городах и деревнях ряда губерний. Но были среди них и такие, где доля мужчин продолжала уменьшаться, в частности в Казани и Владимире. Еще не все мужчины вернулись с фронтов, а среди возвратившихся, видимо, была высокой смертность от ран и болезней. Тем не менее показатели брачности по сравнению с аналогичными показателями 1917 г. увеличились: в Петрограде до 20,7‰, в Москве — до 19,6‰, в Орле — до 21,3‰ (по сравнению с 1915 г.)⁹.

В городах и селах было много вдов, в связи с чем возросло число повторных браков. Однако увеличение числа браков далеко не везде вызвало рост уровня рождаемости, например в Ярославле и Орле он даже понизился. Общий коэффициент рождаемости в среднем колебался от 23 до 35‰. По 17 губерниям Европейской России он нигде не достиг уровня 1913 г.¹⁰

Смертность населения продолжала и в 1920 г. оставаться высокой. Во многих районах и городах Европейской России, в частности Саратове, Екатеринбурге, Москве, Петрограде, ее показатель был почти в 2 раза выше, чем в 1914 г. В целом в Европейской России общий коэффициент смертности составлял 40,9‰, в 1920 г. было зафиксировано, по неполным данным, 3,1 млн умерших¹¹. Сказывались не только продолжавшиеся военные действия и связанные с этим потери, но и ослабленное здоровье и истощенность людей, распространение инфекционных болезней, плохое отопление, антисанитария и т.п. Смертность мужчин была в 1,5 раза выше, чем женщин. Оставалась высокой младенческая и детская смертность. По неполным данным переписи 1920 г., на территории РСФСР были зафиксированы 84282906 жителей, в том числе 72231692 в селах и 12051264 в городах¹². Потери населения с 1914 по 1920 г. деформировали демографическую структуру общества и естественный процесс ее воспроизводства, что имело долгосрочные последствия. Прежде всего было нарушено соотношение полов. Процент женщин в населении РСФСР составил 55,1, а мужчин — 44,9. При этом соотношение полов в пользу женщин было нарушено главным образом в молодых возрастных группах и отчасти в группе от 30 до 40 лет, т.е. пострадали самые перспективные с точки зрения воспроизводства населения и восполнения трудовых ресурсов возрасты. Если в группе 14-летних соотношение полов было 1:1, то уже среди лиц 18-летнего возраста женщин было 60,7% (в Европейской России даже 61%). Более всего пострадала молодежь 20—24 лет, удельный вес женщин в

этой возрастной группе был самым высоким и достигал почти 72% (в Европейской России — 64%), а мужчин было всего 28%. Большие потери понесли также мужчины 25—29 лет, среди всех лиц этого возраста они составляли 33,7% (в Европейской России — 42,5%). Даже в группе лиц 30—39-летнего возраста нарушение соотношения полов было выше среднего показателя по РСФСР — 57,5% в пользу женщин. В сельской местности Европейской России потери мужской части населения были еще заметнее. Особенно пострадали лица в возрасте 20—24 и 25—29 лет — женщин среди них было соответственно 76,6 и 71,2%¹³.

Нарушено было и соотношение самих возрастных групп: в РСФСР группа от 0 до 30 лет, составлявшая по переписи 1897 г. более 60% всего населения, в 1920 г. насчитывала лишь 48,5%. Доля подростковой и молодежной возрастных групп сократилась в 1920 г. (по сравнению с аналогичными показателями 1897 г.) в 1,5 раза, главным образом за счет молодежи 20—29 лет. Невысоким был удельный вес и следующей возрастной группы — 30—39 лет, на которую приходилось 11,1%. Более трети населения составляли люди 40 лет и старше, притом доля лиц старше 60 лет и детей осталась неизменной и составляла так же, как и в 1897 г., соответственно 8% и 25% от всего населения.

Известно, что и в 1920 г. наблюдалась высокая смертность детей и стариков, и в этой связи сохранить прежний удельный вес они могли лишь в результате вымывания молодежных возрастных групп. Сложилась, таким образом, возрастная структура, деформированная военными потерями, с преобладанием детей, подростков и пожилых людей.

Еще не успела отгреметь гражданская война, как страну постигло новое бедствие — голод на обширной территории России. Смертность населения продолжала оставаться высокой и в 1921, и в 1922 гг. и превосходила уровень довоенного времени. Так, в 1920—1922 гг. во Владимирской губернии коэффициент смертности достигал 31,3% по сравнению с 30,2%, в 1911—1913 гг.; в Москве — соответственно 36,7 и 25,6%; Костромской губернии — 32,1 и 29,9%; Саратовской губернии — 33,8 и 12,6%; Татарии — 47 и 30,4% и т.д. Особенно большими в 1921 г. людские потери были в Поволжье, сильно пострадавшем от голода. Так, в Казани общий коэффициент смертности достигал 40%, а в 1922 г. — 45%, в Саратове — 62%. Высокий показатель смертности был характерен и для некоторых других районов, например, в Вологде он равнялся 41,5%. В среднем в российских городах, где люди особенно страдали от голода, коэффициент смертности в 1921 г. составлял 38,2%, а в сельской местности — 26,1%. В той же Саратовской губернии в селах он насчитывал 30%, в городах — 60%¹⁴. Однако тогда же, в начале 20-х годов, в некоторых районах РСФСР наметилась тенденция к снижению смертности (в Нижегородской губернии, например, где коэффициент смертности понизился по сравнению с довоенным 1913 г. с

31,2 до 27,3‰, аналогичным образом обстояло дело в Смоленске, Пскове и Новгороде). Но устойчивая тенденция к понижению смертности для большинства районов РСФСР проявилась лишь в 1923 г.: коэффициент смертности в основном не превышал 32‰, а в некоторых районах опускался даже до 18‰, т.е. был ниже довоенного показателя¹⁵.

В начале 20-х годов продолжало возрастать число браков. Причин тому было много — и окончание войны, и упрощение как процедуры вступления в брак, так и развода в связи с новым законодательством. Во многих районах России показатель брачности в 1920, 1921, 1922 гг. превышал довоенный: в Новгородской губернии 11,8‰ (в 1913 г. — 8‰), Нижегородской — соответственно 10,2 и 7,6‰, Костромской — 10,9 и 8,4‰ и т.д. Отношение к браку оставалось еще в значительной степени традиционным, разводились редко, семья была стабильной. В 1920—1922 гг. на 243,5‰ браков приходилось всего 18,3‰ разводов. Это наблюдение сделано по 19 губерниям Европейской России. Однако число разводов имело тенденцию к росту: в 1920 г. оно составило 19 тыс., в 1921 г. — 32 тыс., в 1922 г. — 31 тыс. Хотя общий коэффициент рождаемости к 1923 г. повысился, довоенного уровня он все же не достиг и в среднем для городов России составлял 33,7‰. Последствия голода 1921 г. отрицательно повлияли на рождаемость. Если в 1921 г. она составляла 34‰, то в 1922 г. — только 25‰. В сельской местности показатель рождаемости равнялся в 1921 г. 37‰, в 1922 г. — 34‰, в 1923 г. — 41‰¹⁶.

1925—1928 годы характеризовались высокими показателями рождаемости, особенно это относится к 1925—1926 гг. Принято считать, что повышение коэффициентов рождаемости к середине 20-х годов связано с ее компенсаторным ростом, что как бы восполняло потери населения. Действительно, общий коэффициент рождаемости в европейской части страны ни разу не опускался ниже 44,7‰, а эффективной рождаемости — 30,7‰. Самый высокий коэффициент рождаемости приходился на 1925 г. — 45,0‰, а самый высокий коэффициент эффективной рождаемости (с 1917 по 1940 г.) — на 1926 г. Однако, как отмечает Д.К.Шелестов, довоенный уровень рождаемости так и не был достигнут. Лишь на 3 года показатель рождаемости в середине 20-х годов приблизился к нему. При этом нельзя не учитывать, что, хотя естественный прирост населения в те годы в большинстве губерний был положительным, уровень детской, особенно младенческой, смертности продолжал оставаться высоким. В 1924 г. на каждую 1000 родившихся умирал 191 младенец, т.е. 19‰, в 1925 г. — 20‰, в 1926 г. — 17‰, в 1927 г. — 19‰. Среди детей, умерших в возрасте от 1 до 4 лет, 10‰ приходилось на эти относительно благополучные годы¹⁷. Таким образом, разрыв между показателем эффективной рождаемости и общим коэффициентом рождаемости в те годы был достаточно велик.

В мирных условиях в Европейской России общий коэффициент смертности в 1925 г. понизился до 24,1‰, а в Центрально-Промышленном районе — до 22,1‰. Увеличилась средняя продолжительность жизни — мужчин до 42 лет, женщин — до 47¹⁸. Однако уже к 1928 г. повысился коэффициент смертности, а к 1930 г. снизилась рождаемость. Проявилась неблагоприятная тенденция, особенно в городах, к ранней смерти мужчин в трудоспособных возрастах и как следствие — увеличивающийся разрыв между продолжительностью мужской и женской жизни. Кроме того, даже в те относительно благоприятные годы (середина 20-х годов) на долю внешних (экзогенных) причин смертности приходилось 2/3 всех смертей, что свидетельствует о подверженности населения массовым инфекционным заболеваниям, высоком травматизме на фоне недостаточного медицинского обслуживания, которым большая часть населения еще не была охвачена. Это неблагоприятное положение в области здравоохранения постоянно фиксировалось демографической литературой разных лет.

Повышение рождаемости и некоторое снижение смертности в середине 20-х годов не могли полностью компенсировать людские потери 1914—1922 гг., а главное — не могли преодолеть нарушений в развитии демографических процессов и возрастнополовой структуре населения.

Возрастнополовая структура самодеятельного и несамодеятельного населения

«Демографическое эхо» войны нашло отражение в деформации возрастнополовой структуры населения России, на восстановление которой требовались десятки лет. Диспропорция полов и возрастных групп зафиксирована статистикой 1918—1920 гг. В городах в 1923 г. потери мужского населения были особенно ощутимы среди молодежи 20—29 лет. На долю этой возрастной группы приходилось едва 13—14% мужчин-горожан в Европейской России, юго-восточном районе, Крымской АССР. Соотношение мужчин и женщин в возрасте 20—24 года выражалось как 1:2,3; в возрасте 25—29 лет — соответственно 1:2. Нарушен был половозрастной состав, хотя и в меньшей степени, в молодежной группе 15—19 лет. Сокращение мужского городского населения коснулось прежде всего тех районов, где с особой силой разворачивались события гражданской войны: Европейская Россия, Крым, юго-восточный район. В меньшей степени пострадали города Сибири, Киргизской республики¹⁹.

Судя по материалам городской переписи населения 1923 г., демографический состав горожан в связи с демобилизацией из Красной Армии и приливом мужской рабочей силы из деревень в восстанавливающуюся промышленность несколько улучшился. Это нашло, в частности, выражение в том, что удельный вес мо-

лодежи от 20 до 29 лет среди мужского населения городов РСФСР в большинстве ее регионов поднялся до 20%. Возросла доля мужского населения среди самостоятельного населения городов. Доля занятости женского труда в связи с этим сократилась до 36,2%, а мужского — возросла до 63,8%. Но эти изменения не смогли радикально изменить положение и восстановить нормальное соотношение полов и возрастных групп в составе городского населения. Так, в возрастных группах от 20 до 35 лет продолжали преобладать женщины. В частности, в возрастной группе 25—29 лет их было более 60%.

К 1926 г. население Советского Союза в целом увеличилось (по данным переписи 1926 г.) до 147 млн человек, по оценке статистика 20—30-х годов М.В.Курмана — до 145,8 млн, по оценке современных исследователей — до 148,5 млн.

Согласно переписи 1926 г., на территории РСФСР в границах 1926 г. (включая Казахстан) проживали 100,9 млн человек: 48,2 млн мужчин и 52,7 млн женщин²⁰. Война нарушила соотношение полов: мужчин стало на 4,5 млн меньше, чем женщин, а их доля в составе населения равнялась 47,8% по сравнению с 52,2% женщин. В ряде возрастных групп женщины значительно преобладали — от 52,4 до 61,8%. Как уже отмечалось, особенно пострадала от военных потерь группа молодежи в возрасте 25—29 лет, в которой женщины составляли 55,1%. Этот показатель выше общесоюзного на 0,7%. Нарушение в соотношении полов наблюдалось и в группе 30—34 года, самом трудоспособном возрасте (этим людям в годы гражданской войны было 22—26 лет). Среди них женщин было на 7% больше, чем мужчин. Нарушение в соотношении полов в этих группах отрицательно сказалось на демографической ситуации, поскольку их возраст являлся детородным. Значительно нарушенным оказалось равновесие полов среди лиц старше 55 лет, где женщины составляли от 54 до 62%. Однако здесь сказывалось влияние и таких факторов, как большая продолжительность жизни женщин по сравнению с продолжительностью жизни мужчин.

Высокий уровень рождаемости после войны обусловил увеличение доли детей и подростков в составе населения РСФСР. Удельный вес детей от 0 до 4 лет составлял 15,3%, в то время как в военные годы доля детей от 5 до 10 лет не превышала 10,2%. Война отразилась на уровне смертности детей 10—14 лет, появившихся на свет в основном еще до Первой мировой войны. На их долю приходилось 11,8% населения. В целом же дети и подростки от 0 до 14 лет составляли 37,0%, т.е. более трети всего населения. Высокий удельный вес детей и подростков типичен для общества, которое, с одной стороны, едва вступило в стадию демографического перехода, а с другой — только что пережило войну. Преобладание традиционного типа воспроизводства населения проявилось также в высоком удельном весе молодежи в населении российского общества. Так, возрастная группа 15—19 лет составляла

11%, 20—24 лет — 9,4%, а 25—29 лет — 8,0%. Если учесть все возрастные группы молодежи, то в совокупности доля молодых людей составляла около 30% населения.

Большие потери понесли группы среднего возраста; так, удельный вес лиц 30—34 лет едва превышал 6%, 35—39 лет — 5,7%, 40—44 лет — 4,7%, а 45—49 лет — 4,0%, т.е. доля наиболее зрелой части населения не достигала и 20%.

Удельный вес лиц пожилого возраста был незначителен (50—59 лет — 6,5%; 60 лет и более — 6,7%). Это типичное явление для традиционного воспроизводства населения, для которого характерны высокая рождаемость и высокая смертность. Кроме того, война сказалась и на продолжительности жизни лиц пожилого возраста — разруха, голод способствовали повышению уровня их смертности.

Итак, население РСФСР в 1926 г. было молодым: 66% его составляли дети, подростки и молодые люди до 30 лет. Любопытно отметить, что при очень незначительных численности и удельном весе стариков среди них встречались долгожители. Так, по переписи 1926 г., стариков в возрасте 95—99 лет было 23 тыс., 100 лет и старше — 15,7 тыс.

Последствия военных потерь, голода 1921 г. сказались и на возрастно-половом составе самодеятельного, занятого населения, которое составляло в РСФСР 86,6 млн человек, или 58,0% всего населения. Среди мужчин процент занятого населения был выше, чем среди женщин (64,2 и 52,6). В деревне доля занятого населения была больше, чем в городе, — 61,3 и 43,8%. Это объяснялось наличием в городе значительного числа учащихся, а также более поздним приобщением детей и подростков к трудовой деятельности, которую в основном они начинали в 16 лет.

Особенно велика была разница в занятости женщин в городе и на селе. Если в деревне доля занятых женщин составляла 57,8% от всего женского населения села, т.е. более половины всех женщин, проживавших там, то среди горожанок работающих женщин — всего 28,4%, или чуть более четверти. В городах в условиях безработицы, при наличии многодетных семей женщины реже участвовали в производстве, да и сам трудовой процесс не был таким естественным, как в деревне.

Данные о возрастной структуре самодеятельного населения также отразили последствия войны. Среди занятых довольно много было 10—15-летних подростков (14,1%), вместе с молодежью от 16 до 30 лет они составляли 53%, т.е. больше половины всех работающих; лиц зрелого возраста, от 30 до 49 лет, — 30,2%; лиц пожилого возраста, от 60 лет и старше, — всего 6,7%. Хотя занятость подростков была все еще достаточно велика, последствия войны и обусловленная ими необходимость привлекать нетрудоспособное население к работе начали преодолевать, если судить по незначительному проценту стариков, заменявших на производстве ушедших на фронт. О том же свидетельствуют дан-

ные о группе лиц предпенсионного возраста, имевших невысокий удельный вес среди работающих — 9,0%.

Возрастной состав работающих женщин был ниже, чем у мужчин. Доля женщин 16—29 лет составляла 40,4% всех занятых женщин. Это значит, что большая часть женщин работали до замужества, когда еще у них не было семьи и детей. Начиная с 25-летнего возраста удельный вес занятых женщин сокращался.

Возрастные структуры самодеятельного населения города и деревни отличались друг от друга. В городе по сравнению с деревней было очень мало работающих детей, подростков и стариков. Так, процент занятых городских детей 10—14 лет достигал 2,7, а на селе — 12,4; процент молодежи 16—17 лет — соответственно 4,2 и 7,4. Группа 20—24-летних в городе преобладала — 16,2% (на селе — 13,1%). Всего же молодежь 16—29 лет в городах составляла 41,8%, в селе — 38,5%. При этом в деревне было больше работающих детей и подростков — подпасков, пастухов, батраков, тогда как в городе в то время уже действовало трудовое законодательство, запрещавшее детский труд.

Людей зрелого возраста в самодеятельном населении города и села было меньше, чем молодежи, — 38,9 и 29,8%; 50—59-летних — соответственно 9,3 и 8,9%. Что касается лиц старше 60 лет, то в занятом населении городов их удельный вес составлял 6,0%, а на селе — 6,7%. В городе в 20-е годы уже действовала система пенсионного обеспечения, которой в деревне не существовало, поэтому соотношение занятости у пожилых людей сложилось несколько иное, чем в других группах.

Доля мужчин в самодеятельном населении превышала удельный вес женщин — 53,3 и 46,7%. При этом преобладание в городе занятых мужчин было выражено ярче — 67 и 33%; на селе — соответственно 51,1 и 49,9%, т.е. почти поровну, что объяснялось характером самого сельского труда. Соотношение мужчин и женщин в сельском самодеятельном населении мало варьировалось по возрастным группам: несколько выше был удельный вес женщин в группах 16—29 лет (50,7%), в более позднем возрасте после рождения детей доля занятых женщин понижалась, но незначительно, не опускаясь ниже 48%. Лишь после 60 лет уровень их занятости падал заметно (38%), оставаясь все же довольно высоким.

Разница в соотношении полов в разных возрастных группах в городе была гораздо резче, чем в деревне: так, в группе 15-летних женщины составляли 46,2%, 16—17-летних — 47,2%, 18—19-летних — 41%, 20—24-летних — 35,4%, 25—29-летних — 32,3%, 30—59-летних — 27-28%. Вновь повышается удельный вес занятых женщин среди 50—59-летних (43%). Очевидно, что городские женщины работали либо до замужества, либо овдовев, либо вырастив детей. Разница в продолжительности жизни мужчин и женщин в городах была больше, чем на селе, в результате женщи-

ны в городах раньше, чем на селе, вдовели и снова возвращались на работу.

Характеристика половозрастной структуры населения была бы неполной без учета ее специфики у различных общественных групп²¹. Возьмем за основу градацию переписи 1926 г.: рабочие, служащие, лица свободных профессий, хозяева с наемными рабочими, хозяева, работающие только с членами семьи, и члены артелей, хозяева-одиночки, члены семьи, помогающие главе в его занятии, иждивенцы государственных учреждений, безработные и деклассированные.

Распределение по полу и возрасту в каждой из этих групп обладает своими особенностями.

Возрастной состав рабочих к середине 20-х годов качественно улучшился по сравнению с 1920 г., когда в их рядах было много детей, подростков, стариков и женщин. К 1926 г. на смену им пришли вернувшиеся с фронта и из деревень квалифицированные рабочие. В итоге дети и подростки 10—14 лет составили среди рабочих-мужчин 2,9%, а среди женщин-работниц — 3,6%. Доля пожилых рабочих 60 лет и старше также резко сократилась — до 2,7% среди мужчин и 2,8% среди женщин.

Обращает на себя внимание активный приток молодежи на производство: доля молодых людей 16—29 лет составляла почти половину всех рабочих — 47,8% мужчин и 52,5% женщин. Таким образом, молодежи среди женщин было больше. Но рабочие включали в себя и большой контингент лиц зрелого возраста, например, группа 30—49 лет составляла 42,8% среди мужчин и 38,6% среди женщин. Доля женщин в зрелом возрасте в силу рассмотренных выше причин начала сокращаться по сравнению с мужской.

Удельный вес молодежи и лиц 30—49 лет среди городских рабочих был более значительным, чем среди сельских. Среди последних было больше детей, подростков и стариков 60-летнего возраста и старше. Например, 10—14-летних рабочих в городе было всего 0,4%, а в деревне — 6,4%.

Исследование распределения рабочих по полу свидетельствует о том, что среди рабочих преобладали мужчины, а женщины составляли лишь четвертую часть. Начиная с 25-летнего возраста процент женщин убывал. Преобладание среди рабочих мужчин обусловливалось наличием в промышленности, строительстве, на транспорте тяжелых видов физического труда. Поэтому низкий процент занятости женщин был особенно характерен для городских рабочих.

Возрастной состав служащих был близок к составу рабочих с той разницей, что среди них преобладали лица зрелого возраста и соответственно меньше было молодежи. Это естественно, так как для многих видов умственного труда требовалось образование. Мужчины преобладали и среди служащих, правда, в несколько меньшей степени, чем среди рабочих.

Среди лиц свободных профессий (адвокатов, врачей, артистов, священнослужителей и т.п., не состоявших на государственной службе) было много пожилых людей: 33,6% старше 50 лет. Доля женщин в этой группе была чрезвычайно мала, особенно в сельской местности, где она не превосходила 6%.

Лица зрелого и пожилого возраста преобладали и среди хозяев с наемными рабочими: 30–49-летние составляли более половины хозяев этой категории; 50–59-летние — 14,2%; 60-летние и старше — 15%. Среди молодых наиболее многочисленной была группа 25–29-летних (12,1%). Лица моложе 25 лет в группе хозяев встречались очень редко, так как предпринимателю надо было иметь капитал. В деревне в силу патриархальности состав хозяев был более пожилой, чем в городе. Так, лица 60 лет и старше составляли там 16%, а в городах — 9,4%. Но были и другие причины, обусловившие такой возрастной состав хозяев с наемными рабочими. Дети хозяев, приспособляясь к новым условиям, предпочитали становиться госслужащими или рабочими государственных предприятий. Число женщин среди хозяев этой категории было невелико, это в основном женщины пожилые, нередко вдовы (особенно в деревне), вынужденные прибегать к найму рабочей силы, чтобы вести хозяйство.

Возрастной состав хозяев, работающих только с членами своей семьи, был близок предыдущей общественной группе. Пожилых в этой группе насчитывалось еще больше, а женщины — хозяева и главы семей были совсем редки. Кроме того, они были значительно старше хозяев-мужчин. Например, группа 59–59-летних составляла здесь среди мужчин 16,6%, а среди женщин — 24,5%.

Но существовала и более молодая группа хозяев — хозяева-одиночки. Лица 60 лет и старше составляли здесь 8%, а молодежь 16–29 лет — почти 30%. Доля женщин в данной группе возрастала до 24,7%. Характер занятий этой группы был близок к занятиям рабочих.

Члены семей, помогающие главе в его занятии (женщины, дети, подростки и молодые люди, еще не успевшие обзавестись своим хозяйством), — это единственная группа самостоятельного населения, в которой женщины составляли большинство. Доля детей и подростков 10–15 лет достигала здесь 17,2% в городах и 24,5% в селах.

Среди безработных перепись 1926 г. зафиксировала большое количество молодых людей 16–29 лет — примерно 56% и лиц зрелых возрастов — 34,0%. Доля женщин среди безработных составляла 42% в городах и 33,7% в сельской местности. Если учесть, что уровень их занятости был относительно невысок, то вывод очевиден: они гораздо чаще, чем мужчины, теряли работу.

Деклассированное население, главным образом нищие, состояло в основном из детей и стариков. Среди этой категории встречались лица молодого и зрелого возраста, примерно 5% (инвалиды, жившие подаянием, опустившиеся люди, проститутки). Одна-

ко в те годы проституция не была распространена столь широко, как ныне, и существовала преимущественно в скрытых формах. Поэтому перепись среди женщин, отнесенных к группе деклассированных, зафиксировала очень небольшой процент молодых: 16–19-летних — 2,8%, 20–24-летних — 3,2%.

Иждивенцы государственных учреждений — это в основном дети, содержавшиеся в детских домах и приютах, а также учащиеся, обеспеченные стипендией (53% этой группы), кроме того, пенсионеры по возрасту и инвалиды, получавшие пособия от государства (16,1%).

Таким образом, данные переписи 1926 г. о возрастнополовой структуре населения РСФСР свидетельствуют, что в середине 20-х годов она все еще несла на себе ощутимые следы военных потерь и голода 1921 г., хотя и шел процесс ее восстановления. Особенно ярко это отразилось на составе самостоятельного населения.

Молодежь и лица наиболее трудоспособных зрелых возрастов пополняли главным образом группы рабочих и служащих. Во всех категориях самостоятельного населения были представлены женщины, в основном молодые. Деформация проявилась в нарушении соотношения полов в рабочих возрастах в пользу женщин, высокая занятость которых в общественном производстве видна на примере групп 25–29-, 30–34-летних. Все еще заметна роль подростков и стариков, занятых на производстве, где сохранялся тяжелый ручной труд.

Особенности демографического состава разных народов России

Рассмотрим теперь, как обстояло дело с восстановлением демографического состава населения и особенностями его развития в различных регионах России, у разных народов, ее населяющих.

Первое, что бросается в глаза в возрастной структуре славянских народов Центральной России, — это высокий удельный вес детей, обусловленный высокой рождаемостью. Например, у русских в центре России доля детей в возрасте 0–4 года составляла 15,5%²². Эти данные мало чем отличаются от общесоюзных. В сельской местности удельный вес этой возрастной группы был еще выше, чем в городах, — 16,4:10,7%. В этой младшей возрастной группе наблюдалось типичное для малолетних соотношение полов: мальчиков было больше, чем девочек. Показатель рождаемости для 20-х годов у русских равнялся 42,4‰. На территории России жили народы и с более низкой рождаемостью (например, поляки или финны — 33,8 и 36,2‰), а также с более высокой (например, коми-пермяки, у которых коэффициент рождаемости достигал 57,3‰)²³.

У русских в Центральной России, как, впрочем, и в Союзе в целом, группа 5—9-летних была менее многочисленной, чем пограничные с ней группы младшего и старшего возраста. Это дети 1917—1921 гг. рождения. На их численности сказались и низкая рождаемость, и высокая смертность, особенно в младенческом возрасте, в годы военного лихолетья, голода и послевоенной разрухи. Они пострадали больше, чем рожденные в 1912—1916 гг., когда еще не были так сильно нарушены демографические процессы. В результате в 1926 г. доля детей 5—9 лет в возрастной структуре населения едва достигала у русских 10—11%. Это пример так называемой «демографической ямы». В сельской местности удельный вес этой группы был несколько выше — 12%, но в городе он составлял менее 8%. На первый взгляд положение с соотношением полов в этой возрастной группе обстояло нормально — количество мальчиков и девочек равно между собой. Но присмотримся к пограничной, более старшей группе: в ней преобладали мальчики. Следовательно, выравнивание соотношения полов среди детей 5—9 лет произошло преждевременно и являлось деформацией, вызванной повышенным уровнем смертности мальчиков. В рамках Союза в целом мальчиков (за счет других регионов) этой возрастной группы было больше, чем девочек.

Подростки 10—14 лет составляли среди русского населения в центре России 12%, причем в сельской местности их удельный вес был выше — 12,4%, а в городе ниже — 9,9%. В этой возрастной группе соотношение мальчиков и девочек не было нарушено, последние составляли 49,7%.

Удельный вес возрастных групп 16—29 лет у русских в Центральной России достигал 26,7%, т.е. больше $1/4$, доля женщин этой возрастной группы была еще выше — 27,2%.

После 15 лет во всех возрастных группах преобладали женщины, особенно среди 25—29-летних, пострадавших в годы гражданской войны больше, чем другие возрастные группы. Например, в центре России среди 25—29-летних женщины составляли 55,4%, в то время как в пограничных по возрасту группах процент женщин был ниже на 2—3 единицы. Соотношение полов было резко нарушено в деревне, чем в городе. Женщин этой возрастной группы там было 56,1%.

Лиц 30—49 лет среди русских в Центральной России было 18,9%.

Лиц пожилого возраста в традиционном обществе, каковым тогда являлось российское общество в демографическом отношении, как правило, было немного. Среди русских в Центральной России лиц в возрасте 50—59 лет было всего 6,4%, 60 лет и старше — 4,4%, а от 70 и старше — всего 2,5%. Женщины в этих возрастных группах явно преобладали, но наблюдалась любопытная особенность в соотношении полов у старших возрастов в городах и деревнях. В русских деревнях Центральной России пик диспропорции половой структуры в пользу женщин фиксируется в груп-

пе 50—59-летних, когда женщины составляли 56% по сравнению с мужчинами. Чем старше возрастная группа, тем более выравнивалось соотношение полов: у 60-летних женщин было 54%; у 65—69-летних — 52,5% у 75—79-летних — всего 51%. В городах, напротив, соотношение полов в пользу женщин резко нарушалось в группе 50—59 лет и продолжало нарастать пропорционально возрасту: среди 60—65-летних женщины составляли 58%; среди 70—74-летних — 61%; 85—89-летних — 66%. Таким образом, продолжительность жизни мужчин в городах была намного короче, чем в деревне.

Свою специфику имела возрастнополовая структура неславянских народов в России. Рассмотрим с этой точки зрения финно-угорскую языковую группу на примере вотяков (удмуртов) и тюркоязычную на примере башкир.

У вотяков удельный вес детей от 0 до 10 лет и всей группы возрастов от 0 до 30 лет был выше, чем у славянских народов, т.е. первых — более $1/4$, а вторых — $2/3$. В основном такая половозрастная структура была характерна для села. Но поскольку городское население здесь составляло менее 1%, половозрастной состав сельского определяли средние показатели. Что касается зрелых и старших возрастов, то их доля была ниже, чем у славянских народов: 20 и 7%, т.е. показатели рождаемости и смертности вотяков несколько превосходили соответствующие показатели у славянских народов. Меньше была у вотяков и средняя продолжительность жизни. Любопытны данные о соотношении полов у вотяков в возрастных группах. Из-за высокой младенческой и детской смертности мальчиков, начиная с двухлетнего возраста, во всех возрастных группах детей и подростков преобладали женщины. Эта диспропорция увеличивалась к 20 годам и далее сохранялась во всех возрастных группах. В группе 20—24 лет женщин было 54%, 25—40 лет — уже 58%. Ранняя мужская смертность (до 40 лет) объясняла эту диспропорцию. В старших возрастах увеличивался уровень смертности женщин, что выравнивало несколько соотношение полов, но перевес в пользу женщин все же оставался, лишь после 60 доля их снижалась до 52%. Зато среди 90- и 100-летних было 70% женщин.

Половозрастная структура городского населения у вотяков резко отличалась от сельской. Города были заселены в основном 20—34-летними людьми, их доля среди горожан составляла 50%. Лиц старше 50 лет — единицы. Детей и женщин в городах было мало, женщин — всего 35,8%. Видимо, для многих вотяков города не являлись местом постоянного жительства, они приходили туда на заработки, оставляя семьи в деревне.

Башкиры отличались от славянских народов и даже от вотяков наличием более многочисленных детской и молодежной групп: от 0 до 10 лет — 27%, от 0 до 30 лет — почти 70%. Лиц зрелых возрастов, напротив, было меньше — 19%, пожилых — всего 5%. Средний уровень продолжительности жизни у башкир

был еще ниже, чем у вотяков. На возрастной структуре, как и у славянских народов, сказались военные потери. Группы 25—29 и 30—34 лет имели нарушенный половой состав: 57 и 56% в них — соответственно женщины. Если для сравнения взять пограничную группу, например 20—24-летних, то там почти равное число мужчин и женщин. Спецификой возрастнополовой структуры башкир являлось резкое сокращение доли женщин в группе 40—49-летних (48%). В последующих группах таких резких нарушений соотношения полов не наблюдалось: традиционно женщины пожилых возрастов преобладали. В целом среди башкир за счет групп с низким удельным весом мужчин соотношение полов было нарушено в пользу женщин — 52 и 48%.

В сельской местности Башкирии молодежь была представлена еще более убедительно, чем в среднем по республике, а диспропорция в соотношении полов среди 25—29-летних выражена еще резче — 58,7% в пользу женщин.

В городах жили всего 2% башкир. Судя по половозрастной структуре, здесь несколько больше, чем у вотяков, было постоянных жителей городов, но все же основная масса — это отходники из деревень. Среди горожан-башкир лица в возрасте от 0 до 30 лет составляли 70%; довольно многочисленной была и более зрелая группа — 30—49 лет. В работоспособных возрастах преобладали мужчины — 56,4%. Даже в пострадавших группах доля мужчин составляла (среди 20—29-летних) 55%; среди молодежи 20—29 лет — около 60%. Такая структура была особенно типична для Уфы.

Сопоставим теперь возрастнополовую структуру Европейской России и Казахской и Киргизской АССР, а также республик Средней Азии*.

Для всех коренных народов Казахстана и Средней Азии был типичен высокий уровень рождаемости, отсюда большой процент детей в возрасте от 0 до 4 лет: у казахов в Казахстане — 15,6 (в городе несколько ниже — 13,2), у киргизов в Киргизской АССР — 15,3 (в городе — 15,2); у узбеков в Узбекистане и у туркмен в Туркмении — 15,0 и 14,0²⁴. При этом в Средней Азии и Казахстане существовала высокая детская смертность, особенно в годы гражданской войны и сразу после нее. Это сказалось на численности малолетних, а также на детях 5—9 лет и даже подростках 10—14 лет. Удельный вес этих групп в составе населения был ниже по сравнению с самой младшей группой и составлял соответственно в Казахстане 9,8 и 10,0%²⁵, в Киргизии 10,5 и 8,5%, в Узбекистане 10,0 и 8,0%, в Туркменистане 10,8 и 9,0%; особенно низким он был в городах: у казахов — всего 7%, у киргизов — 7,8%, у узбеков — 9%, у туркмен — 8,5%. Удельный вес молоде-

* В 1926 г. Казахская и Киргизская АССР входили в состав РСФСР; республики Средней Азии до октября 1924 г. в рамках Туркестанской АССР тоже входили в состав РСФСР.

жи от 16 до 20 лет был высоким — от 23,4 (Казахстан) до 26,9% (Узбекистан). Среди коренного населения в городах он был еще выше: в Казахстане и Узбекистане — 28,3—28,7%, а в Киргизии и Туркмении — более 35%. По этим данным видно, что коренное население активно заселяло города, прежде всего туда устремилась молодежь. Лица зрелого возраста среди горожан коренной национальности составляли от 22 до 25,6%. Примерно столько же лиц зрелого (30—49 лет) возраста жили в деревне, за исключением Туркмении, где в городе их удельный вес был больше, чем на селе.

Пожилых людей коренной национальности в городах и селах было мало. Возрастная группа 50—59-летних составляла и в Казахстане, и в Узбекистане, и в Таджикистане, и в Киргизии от 6,2 до 6,8%. В трех последних регионах 60—69-летних было 3,8—3,9%, а в Казахстане — 4,4%. Повсюду был очень низок процент престарелых — 70 лет и старше — 1,7—1,8%. Все возрастные группы пожилых и престарелых были довольно равномерно распределены в городе и деревне и имели в сельской местности небольшое преимущество в показателе удельного веса.

Больше всего 100-летних в 1926 г. среди коренного населения проживало в Узбекистане — 575 человек, причем 169 — в городе; меньше всего лиц этого возраста (24) было зафиксировано в Киргизии. Все они проживали в деревне. В Туркмении долгожителей было 126 человек, в том числе 80 сельских; в Казахстане — 61 человек (однако среди них не было, как и в Киргизии, ни одного горожанина).

Соотношение полов в группах детей от 0 до 9 лет в республиках Средней Азии и Казахстане у коренных национальностей было примерно одинаковым: мальчиков немного больше, чем девочек, которые составляли 49,5—49,9%. Во всех регионах процент женщин резко падал в возрастных группах 10—14, а также 15 лет. Диспропорция в соотношении полов в пользу мальчиков в некоторых регионах усилилась несколько раньше: например, в селах Казахстана и Узбекистана уже среди 5—9-летних девочки составляли 47,2—48%.

Для коренных народов Средней Азии и Казахстана характерно, что и в дальнейшем во многих возрастных группах преобладали мужчины. У казахов лишь в двух группах (18—19- и 20—24-летних) женщин было больше, чем мужчин (51—54%). Нарушение соотношения полов в пользу женщин сохранилось у киргизов в Киргизии — до 34 лет. В городах нарушение в соотношении полов было выражено резче, чем в сельской местности. Во всех регионах выделялась в этом отношении группа 20—24-летних, в которой женщины составляли среди горожан-киргизов 36,7%, туркмен — всего 31,8%. Та же ситуация наблюдалась у узбеков и казахов. Видимо, кроме высокого уровня смертности молодых женщин, характерного для этого региона, влияло и то обстоятельство, что мужчины часто уходили в город либо на заработки,

либо для занятий торговлей, а их семьи оставались в кишлаках, аулах и т.д. Соотношение полов у престарелых меняется.

После 70 лет численность женщин у казахов во всех возрастных группах, включая и 100-летних, преобладала над численностью мужчин. В среднем удельный вес женщин в группах колебался от 53 до 55%. В 1926 г. среди 100-летних их было 39 человек, а мужчин — 22. В городе соотношение полов в пользу женщин менялось начиная с 75 лет. В Узбекистане наблюдалась почти такая же ситуация, но процент женщин в разных возрастных группах был несколько ниже, чем в Казахстане; 100-летних мужчин здесь было в 2 раза меньше, чем женщин. У киргизов в Киргизии изменение соотношения полов в пользу женщин начиналось с 60 лет, но оно не являлось устойчивым и было слабее выражено в городе по сравнению с деревней. Так, в группе 60–64-летних женщин было 51%, 65–69-летних — только 48%; в последующих группах процент женщин вновь повышался. Среди долгожителей наблюдалось равновесие: и тех и других по 12 человек.

В Туркмении соотношение полов в пользу женщин складывалось лишь в некоторых возрастных группах — 70–74, 80–84 и, наконец, после 90 лет; среди 100-летних было больше женщин.

Анализ возрастнополовой структуры середины 20-х годов народов коренной национальности Средней Азии и Казахстана показывает, что мы имеем дело с традиционным обществом в «чистом виде», показатели которого — высокий уровень рождаемости и смертности, в том числе детской, короткая жизнь, особенно женщин, зачастую погибавших от многочисленных родов и женских болезней в 30–35 лет. Спецификой этого региона является резкое нарушение соотношения полов в пользу мужчин в 10–14 и особенно 15 лет. Например, в Узбекистане среди 15-летних женщин-узбечек было всего 37,1%, в то время как среди 18–19-летних — 50,6%, а среди 5–9-летних — 47,5%. Та же картина наблюдалась в Киргизии, где женщин-киргизок среди 15-летних — только 32,7%, в то время как среди 10–14-летних — почти 43%, а среди 18–19-летних женщины составляли 52,9%²⁶. При этом в целом по стране за счет главным образом русского и украинского населения в группе 15-летних женщины насчитывали 50,3%²⁷. Сокращение доли женщин у казахов наблюдалось в группе 15-летних. Причин такого явления можно назвать несколько, но главная, по-видимому, заключается в том, что, стремясь скрыть факт многоженства и ранние браки с малолетними, несовершеннолетних жен скрывали от переписчиков. Кроме того, по той же причине девочкам намеренно прибавляли года с тем, чтобы пораньше выдать их замуж.

Браки в 20-е годы у многих народов СССР и РСФСР, как правило, заключались в очень молодом возрасте. Так, в 1926 г. 15% женщин русской национальности 16–19 лет состояли в

браке. Особенно ранние браки заключались в Средней Азии: из каждой 1000 узбечек 16 лет в браке состояли 221,6; 15 лет — 89,0; 14 лет — 22,3. Таджички выходили замуж еще раньше: из 1000 женщин 16-летних в браке состояли 414; 15-летних — 269,9; 14-летних — 97,3; 13-летних — 41,1; 12-летних — 28,7. Встречались браки 10—11-летних девочек²⁸.

Рассмотрев возрастную структуру населения России, попытаемся ответить на вопрос, поставленный в названии главы: произошла ли демографическая компенсация населения к середине 20-х годов? Как мы видели, в тот период была высокая компенсаторная рождаемость и появилась, хотя и не повсеместно, тенденция к снижению уровня смертности населения. Однако рождаемость в тот период ни разу не поднималась до довоенного уровня, а рост ее показателя был краткосрочным. В то же время коэффициенты смертности, особенно младенческой, хотя и понижались, но оставались для мирного времени высокими. В возрастной структуре населения последствия Первой мировой и гражданской войн не были изжиты. Потери людей в трудоспособных и детородных возрастах в столь больших масштабах вряд ли могут быть восполнены вообще. Негативно сказались на демографическом составе населения и несостоявшиеся рождения, и высокая смертность детей и младенцев в военные и голодные годы. На протяжении жизни многих поколений ощущалось «демографическое эхо» этих военных потерь.

Анализ возрастной структуры убеждает нас в том, что в середине 20-х годов можно говорить о начальных стадиях демографического перехода лишь у славянских народов, составлявших большую часть населения страны. В восточных регионах черты традиционного общества с его высокой рождаемостью и смертностью у народов коренных национальностей были выражены очень ярко.

Показатели грамотности были в 1926 г. еще довольно низкими. Грамотное население составляло 40,7%, то есть меньше половины. Грамотность отмечалась, начиная с пятилетнего возраста. Среди мужчин грамотных было 52,3%, а среди женщин — 30,1%. В городах грамотных было зафиксировано 60%, а в селах — 35,4%. Самой высокой грамотностью была среди городских мужчин — 73,0%, среди сельских — 40,9%. Показатели по грамотности среди женщин-горожанок и жительниц села уступали соответствующим показателям среди мужчин. В городе умели читать и писать 54% женщин, а в деревне — 24,1%. Наиболее высокий показатель грамотности среди мужчин в возрастной группе от 20 до 29 лет — 86,5%. У женщин наибольший процент грамотных приходится на группу от 15 до 24 лет — около 58%²⁹.

Таким образом, для России 20-х годов был характерен невысокий показатель грамотности, при этом наблюдалось отставание деревни от города, женщин от мужчин.

Глава VIII.

Городская семья.

1914—1930 гг.

Брак и семья в 1914—1920 гг.

В условиях Первой мировой войны во всех воюющих странах наблюдалось сокращение браков, рождаемости, увеличение смертности. Явления такого рода оставались характерными и для России. В годы Первой мировой войны сокращение брачности усилилось по сравнению с мирным периодом и было связано с оттоком мужского населения в связи с военной мобилизацией. Это явление было общим практически для всех воевавших тогда стран. В 1914 г. брачность в Европейской России составляла 83% (к брачности 1913 г.), в 1915 г. — 42%, в 1916 г. — 43%¹. Аналогичные процессы наблюдались и в городах. Покажем их специфику на материале крупных городских центров. В Москве на 1000 жителей приходилось браков в 1914 г. — 5,5, в 1915 г. — 4,1, в 1916 г. — 3,9; в Петрограде соответственно — 6,0, 5,0, 4,7.

Важно отметить, что происходило сокращение числа первых браков, наблюдались также изменения в брачном состоянии вступающих в брак. В Петрограде, например, было зафиксировано увеличение повторных браков и особенно холостых и девиц с разведенными. В 1907—1909 гг. из 100 браков браки холостых с девицами составили 85,1%; браки холостых, девиц и разведенных с разведенными 1,3; браки холостых, девиц и вдовцов с вдовами 13,4; браки вдовых с разведенными 0,2; в 1915 г. соответственно — 85,3, 1,7, 12,8, 0,2; в 1916 г. — 84,3, 1,9, 13,6, 0,2². Тем не менее первые браки значительно преобладали.

Это явление соответствовало брачному состоянию городского населения России. По данным за 1915—1916 гг. видно, что численно выделялась группа «холостые, девицы» с преобладанием холостых мужчин в городском населении всех регионов России в наиболее трудоспособном возрасте 16—49 лет. Состоящих в браке мужчин также было больше, чем замужних женщин в возрасте 50—59 лет и 60 лет и старше. Увеличивалась группа «вдовых», причем особенно женщин с 50—летнего возраста. Число разведенных не было большим. В то же время оно росло у женщин в возрасте 16—49 лет. Это наблюдалось в городах Европейской России, привислинских губерний, Кавказа, Средней Азии. Увеличение разведенных мужчин фиксировалось во всех возрастах в городах Сибири, а в возрастном интервале 50 лет и старше — в городах Средней Азии.

Рост числа вдовых был связан как с потерями мужчин на фронтах, так и с увеличением смертности среди мирного населения. В Петрограде наиболее сильный ее рост регистрировался в 1916 г.: на 10000 жителей умерло в 1914 г. — 215, в 1915 г. — 228, в 1916 г. — 232, в 1917 г. — 229. В то же время в Москве, как и в довоенное время, шло снижение смертности вплоть до 1916 г.: на 10000 жителей было умерших в 1910—1914 гг. — 231, в 1915 г. — 221, в 1916 г. — 202, в 1917 г. — 212. Для сравнения отметим, что в 1862—1871 гг. на 10000 жителей Москвы умерло 310, в 1872—1881 гг. — 291, в 1882—1891 гг. — 269, в 1892—1901 гг. — 246, в 1902—1909 гг. — 236.

Однако надо иметь в виду, что в эти данные не вошли сведения по Воспитательному дому, раненым, прибывших с фронтов, а также госпиталям военного ведомства. Если включить сюда материал по Воспитательному дому, то смертность на 10000 жителей будет выше и составит: в 1910—1914 гг. — 252, в 1915 г. — 240, в 1916 г. — 230, в 1917 г. — 237³. Тем не менее и в приведенных данных видно снижение смертности до 1916 г. и небольшое ее увеличение в 1917 г. Возможно, это было связано с более медленным ухудшением условий жизни и его влиянием на состояние здоровья москвичей. Так, в возрастной группе 15—49 лет на 1000 живущих умерло: в 1910—1914 гг. — 9, в 1915 г. — 8, в 1916 г. — 8, в 1917 г. — 7. Пожилые возрасты (50 лет и старше) в гораздо большей степени подвергались заболеваемости и смертности: на 1000 живущих умерло соответственно 49, 46, 49, 59. Причем увеличивалась смертность от болезней, характерных для пожилого возраста. Ежегодно на 10000 жителей от болезней кровеносной системы умирало: в 1910—1914 гг. — 148, в 1915 г. — 148, в 1916 г. — 178, в 1917 г. — 220; от старческой дряхлости — соответственно 85, 89, 107, 134⁴. В то же время значительное распространение получили острые инфекционные болезни.

Дальнейшие революционные события (февраль, октябрь 1917 г.) и развернувшаяся затем гражданская война в России способствовали дальнейшим изменениям в брачности горожан. С 1917 г. началось ее повышение. Причем вступление в брак заметно выросло в 1919 г. и особенно в 1920 г.: на 1000 жителей Москвы приходилось браков в 1918 г. — 7,5, в 1919 г. — 17,4, в 1920 г. — 19,6; Петрограда — соответственно 9,2, 20,7, 27,7; в городах Череповецкой губернии в 1919 г. — 22,0, в 1920 г. — 21,9; в Самаре в 1920 г. — 26,2⁵.

В то же время брачные союзы, заключенные в этот период, не отличались длительностью. Это было связано с увеличением разводов. В Петрограде, например, в 1920 г. на 10000 браков было расторгнуто 92,2. Из данных статистики видно, что 11% брачных союзов просуществовало менее одного месяца; 22% — менее двух; 41% — от трех до шести; 26% — свыше шести месяцев⁶. Возникло противоречивое явление. — браки распадались намного бы-

стрее, чем могла создаваться семья. Это влияло на изменения традиционных ценностей брака, семьи, детей.

Данное положение можно объяснить рядом причин. Обострение политической ситуации в стране вызвало в 1917 г. сначала самовольную, а затем легальную демобилизацию из армии. Стали заключаться ранее отложенные браки. С окончанием Первой мировой войны этот процесс усилился. Такая же ситуация была характерна и для европейских стран.

Значительное влияние оказали принятые законодательные акты, устраняющие прежние юридические, экономические основы семьи, — «О расторжении брака» (декабрь 1917 г.), «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (18 декабря 1917 г.). Этот декрет признавал юридическую силу только за гражданским браком. В то же время церковный брак, заключенный до 20 декабря 1917 г. с соблюдением всех необходимых правил, действовавших прежде гражданских законов, не запрещался и имел силу зарегистрированного брака⁷. Был принят также Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачности, семейном и опекунском праве РСФСР (октябрь 1918 г.). Новые законы в целом закрепили равноправное положение супругов. Женщина становилась юридически свободной. Она могла распоряжаться собственностью, обладала правом самостоятельно принимать решения о вступлении в брак и о его расторжении и т.д. Устанавливались равные права для брачных и внебрачных детей. Признавалось единобрачие, а также добровольность брачного союза. Вступление в брак, как и в дореволюционном законодательстве, разрешалось для мужчин по достижении ими 18 лет, женщин — 16 лет.

Принятые законы устраняли все прежние запреты — социальные, сословные, национальные, религиозные. Значительно упрощался бракоразводный процесс. Основанием для развода могло служить «как обоюдное согласие обоих супругов, так и желание одного из них развестись»⁸. Новые законы, таким образом, разрушали многие господствовавшие прежде брачно-семейные устои и ценности и тем самым в значительной степени способствовали изменению в обществе взглядов на характер взаимоотношений в семье, роль и положение женщины. Отмена частной собственности, ее национализация ускоряла их. Эти перемены имели важные демографические последствия. Одним из них стал рост браков, с одной стороны, увеличение разводов — с другой.

Продолжался процесс, наметившийся в период Первой мировой войны и связанный с сокращением числа первых браков (между холостыми и девицами) и ростом повторных (с разведенными, вдовцами и вдовами). О брачном состоянии вступающих в брак сохранилось мало сведений. Так, из имеющихся в нашем распоряжении данных по Петрограду видно, что наиболее распространенными были браки, где оба вступающих в брак или один из них — вдовый. В 1919 г. (вторая половина) такие браки состав-

ляли 15%, в 1920 г. — 17,3%. Выросли брачные союзы с разведенными. Если в 1917 г. их было 2,1%, то в 1919 г. — 9,9%. Увеличились браки между вдовыми и разведенными — в 1919 г. они равнялись 1,3%, в 1920 г. — 1,7%⁹.

Большую роль в изменении брачного состояния сыграло увеличение смертности населения, особенно заметно проявившееся в годы революции и гражданской войны.

Значительный рост смертности стал наблюдаться с 1918 г.: на 10000 жителей в Москве умерло 280, в 1919 г. — 451, в 1920 г. — 462 (без смертности детей в Воспитательном доме); в Петрограде — соответственно 437, 726, 506. По данным переписи населения 1920 г. за первую половину 1920 г. в Петрограде на 10000 жителей умерло 895. Напомним, что в предвоенные годы (1909—1913 гг.) смертность в этом городе была значительно выше смертности в большинстве европейских городов и составляла на 1000 населения 23,2. В 1919 г. в городах Череповецкой губернии 10000 жителей умерло 703; в 1920 г. в Томске — 1000, Самаре — 603, городах Саратовской губернии — 568, Череповецкой — 547; Киевской — 565.

В ряде городов смертность была выше рождаемости. По имеющимся данным, на 100 родившихся во Владимире приходилось умерших в 1917 г. — 276, в городах Владимирской губернии — 123; в 1919 г. в городах Карелии — 432, Калужской губернии — 306, Нижегородской — 214; в 1920 г. во Владимире — 368, Орловской губернии — 266, Нижегородской — 236, Владимирской — 162, Северо-Двинской — 137, Калуге — 212, Перми — 211, Оренбурге — 177. Превышение смертности над рождаемостью было связано не только с увеличением смертности населения в годы гражданской войны, но также с низкой рождаемостью¹⁰.

Мужская смертность, как и ранее, была выше женской. Это явление определило количественный рост вдов. Приведем некоторые данные. В 1919 г. в городах Нижегородской губернии на 100 женских смертей было зафиксировано мужских — 134, в Николаеве — 128; в 1920 г. в городах Николаевской губернии — 168, Николаеве — 114, Перми — 283, в городах Саратовской губернии — 148. В Москве на 1000 умерших умерло мужчин в 1919 г. — 537, в 1920 г. — 536 (в Петрограде — 567).

Смертность мужчин по основным возрастным группам была также выше женской за исключением возраста 60 лет и старше, где женская смертность преобладала. По сведениям столичных городов на 1000 умерших умерло женщин в Москве в 1919 г. — 625, в 1920 г. — 632; в Петрограде в 1920 г. — 699. Наиболее высокая мужская смертность приходилась на молодые, трудоспособные возрасты — 15—19, 20—29, 30—39, 40—49 лет. Так, например, в Томске смертность мужчин в возрастной группе 20—29 лет была очень высокой — на 1000 населения умер 331¹¹.

Высокая смертность горожан была вызвана прежде всего эпидемиями заболеваний остроинфекционных — тифом (сыпным и возвратным), холерой, корью, дифтеритом, а также болезнями органов дыхания, пищеварения. Это было связано с длительным ухудшением санитарно-гигиенических, жилищных условий, а также питания горожан*.

Военная мобилизация в сочетании со значительным преобладанием мужской смертности над женской в наиболее молодых, трудоспособных возрастах, снижение брачности горожан в военные годы, увеличение разводов и нестабильности брачных союзов, усилившееся после принятия новых законодательных актов о браке и семье, способствовали появлению неполных семей, во главе которых часто стояли женщины. Это сказывалось на уменьшении размеров семей.

Данное явление также было связано с сокращением рождаемости в годы войн и революционных потрясений. В Москве на 10000 населения родилось в 1915 г. — 270, в 1916 г. — 229, в 1918 г. — 148, в 1919 г. (первое полугодие) — 160, в 1919 г. (второе полугодие) — 177, в 1920 г. (первое полугодие) — 219; в Петрограде — соответственно 225, 191, 155, 138 (1919 г.), 218 (1920 г.); в городах Череповецкой губернии в 1914 г. — 304, в 1915 г. — 264, в 1919 г. — 343, в 1920 г. — 405; в городах Киевской губернии в 1917 г. — 203, в 1920 г. — 148¹². Тем не менее наблюдался рост рождаемости в 1919 г. в Москве, в городах Череповецкой губернии, в 1920 г. в Москве, Петрограде, городах Череповецкой губернии, что в целом соответствовало увеличению брачности городского населения в эти годы.

Снижение как брачной, так и внебрачной рождаемости особенно заметно при сопоставлении с 1900-ми годами. Так, по расчету С.А.Новосельского, число родившихся в Петрограде брачных детей на 1000 замужних женщин было в 1900—1901 гг. — 179, в 1910—1911 гг. — 176, в 1920 г. — 120; число всех родившихся детей на 1000 незамужних женщин от 16 до 50 лет — соответственно 108, 101, 62,

Это явление приводило к сокращению детей в семьях, особенно в условиях высокой младенческой смертности. Рост рождаемости в 1919 г. и 1920 г. в некоторых городах, включая столичные, не мог изменить ситуации в целом. Приведем отдельные факты. Младенческая смертность в Москве в 1906—1910 гг. составляла 25,8% к числу родившихся, в 1911—1915 гг. — 23,8%, в 1919 г. — 28,4%, в 1920 г. — 20,4%; в Петрограде — соответственно 28,0, 26,8, 33,2, 23,3%¹³.

* См. об этом: Араловец Н.А. Заболеваемость и смертность городского населения России, конец XIX в. — 1920-е годы // Народонаселение: современное состояние и перспективы развития научного знания. М., 1997. С. 57—66.

Увеличение числа неполных семей, нестабильность брака в условиях радикальных изменений российского общества способствовало переменам взглядов горожан на значение брака, семьи, детей. Так, например, при более высокой брачности в Петрограде в годы Первой мировой войны рождаемость была меньше, чем в Москве, т.е. наблюдалось нетрадиционное явление — брачность прямо не была связана с рождаемостью. В то же время в эти годы рождаемость непосредственно зависела от уровня брачности.

Таким образом, можно сказать, что если в условиях Первой мировой войны характер брачности в целом оставался традиционным, то после Октябрьской революции в нем произошли существенные перемены, влияющие на изменения в брачном выборе, его мотивах, ценностях брака и семьи. Увеличение неполных семей с главами-женщинами, сокращение размеров семей также способствовало ломке старых представлений о роли женщины, взаимоотношениях в семье, значимости детей. Эти нарождающиеся явления получили дальнейшее развитие в 1920-е годы.

Брачность в 1920-е годы

Брачность населения Российской Федерации по сравнению с довоенным периодом выросла к 1926 г. на 29,3%. Это сближало Россию с такими западными странами, как Бельгия, Франция, Австрия. Тем не менее, по имеющимся данным видно, что рост браков в городах постепенно сокращался. Так, в Москве в 1920—1922 гг. на 10000 жителей приходилось браков 201, в 1923 г. — 164, в 1926 г. — 127; в Петрограде — соответственно 246, 151, 137; в Ростове-на-Дону в 1921 г. — 235, в 1923 г. — 114, в 1926 г. — 155; в городах Череповецкой губернии в 1921 — 164, в 1922 г. — 151; в городах Сибири в 1925 г. — 123, в 1926 г. — 117, в 1927 г. — 120¹⁴.

Наблюдались дальнейшие перемены в брачном состоянии горожан. Сведения Всесоюзной городской переписи населения 1923 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г. показали рост групп «состоящие в браке», «вдовы» и «разведенные» по сравнению с материалами Всеобщей переписи населения 1897 г. (по сопоставимой территории). Однако в 1926 г. среди мужчин произошло сокращение числа вдовцов и увеличение разведенных. У женщин как в городах РСФСР в целом, так и в городах Сибири, Якутской АССР, Дальневосточного края выросло число вдов и особенно разведенных. Причем, по данным переписей, вдов и разведенных женщин было значительно больше, чем вдовцов и разведенных мужчин. Это оказывало влияние на характер брачности городского населения Российской Федерации.

Социальный состав населения 1920-х годов коренным образом отличался от довоенного периода, что было связано с радикальными изменениями, происшедшими в российском обществе в ре-

зультате Октябрьской революции. В связи с этим мы не имеем возможности представить в целом динамику брачного состояния по основным социальным группам российского общества.

Проведенные переписи населения 1923 г. и 1926 г. отразили брачное состояние рабочих, служащих, лиц свободных профессий, хозяев с наемными рабочими, помогающих членов семьи, безработных и т.д. Из их данных видно, что в основном преобладали женатые мужчины, кроме категорий «помогающие члены семьи» (1923 г.), «учащиеся-стипендиаты» и «деклассированное население» (1926 г.), а также незамужние женщины и вдовы. Важно отметить, что состоящих в браке женщин было больше в группах «рабочие», «хозяева, одиночки, помогающие члены семьи» (1926 г.). Однако в основном замужние женщины не работали, а занимались домом. Это соответствовало традиционному распределению ролей в семье между мужчиной и женщиной.

Браки в большинстве случаев, как и ранее, заключались между холостыми мужчинами и девицами. В то же время в брачном состоянии вступающих в брак горожан произошли перемены. Сведения ЦСУ за 1923—1925 гг. свидетельствовали о том, что повторные браки среди вдовцов составляли 9—10%, разведенных мужчин — 11—12%; вдов — 10—11%, разведенных женщин — 11—16%¹⁵. Приведенный материал зафиксировал по существу новое явление, вызванное изменениями брачного законодательства в 1917—1918 гг. и практически не наблюдавшееся в предшествующие годы, — повторные браки разведенных преобладали над браками вдовых.

Среди вступающих в брак горожан наблюдалось аналогичное явление. В городах РСФСР на 1000 женихов не состоящих в браке было 779, вдовцов — 80, разведенных — 141. То же видно, например, и в городах Украины и Белоруссии. В городах Армении, наоборот, вдовые преобладали над разведенными. На 1000 невест в российских городах приходилось: не состоящих в браке — 781, вдов — 94, разведенных — 125. В украинских городах — соответственно 853, 83, 84, т.е. брачное состояние невест было более традиционным. Среди невест городов Армении, как и среди женихов, в основном были не состоящие в браке и вдовые.

Тем не менее, по данным середины 1920-х годов, большинство холостых мужчин, а также вдовцов и разведенных вступали в брак с женщинами, не состоящими в браке. Так, в городах РСФСР на 1000 женихов (холостых) приходилось невест: не состоящих в браке — 859, вдов — 53, разведенных — 88; на 1000 женихов-вдовцов — соответственно 425, 392, 183; на 1000 женихов (разведенных) — 553, 151, 296. В городах Украины — соответственно 890, 45, 65; 407, 438, 155; 555, 167, 278. В городах Белоруссии — 911, 30, 59; 561, 323, 116; 588, 108, 304¹⁶. В то же время из приведенных сведений видно, что значительное число вдовцов и разведенных мужчин женились на вдовых и разведенных женщинах. Причем будущую жену выбирали в основном из

близких категорий — «вдовцы» отдавали предпочтение «вдовам», «разведенные» мужчины — «разведенным» женщинам.

Выбор невест из групп «не состоящие в браке», а также «вдов» — исторически сложившееся явление для российского общества. Однако это было непосредственно связано со спецификой возрастнополового состава горожан после завершения Первой мировой и гражданской войн.

Высокая смертность населения в годы войн и революционных событий обусловила численное сокращение городского населения России и изменение его возрастнополового состава.

Перепись населения 1920 г. показала сокращение мужского населения. В городах Европейской России (45 губерний, автономных республик и областей) на 1000 мужчин приходилось 1215 женщин; в Москве — 1235; в Петрограде — 1395. Причем наиболее ощутимо была затронута возрастная группа 17—29 лет (в возрасте 19 лет на 1000 мужчин было 2054 женщины) и 50 лет и старше. Это явление можно объяснить тем, что участниками империалистической войны в основном становились мужчины 20—29 и 30—39 лет. Процент двадцатилетних участников войны среди горожан составлял 39,2, тридцатилетних — 39,4. В гражданскую войну вовлекались мужчины 20—29 лет (57,0%). Однако степень сокращения мужчин была разной — на 1000 мужчин в городах юго-востока приходилось 1182 женщины, Киргизской АССР — 1148, Сибири — 1049. Максимальное уменьшение мужского населения произошло по городам Европейской России, наиболее затронутым военными и революционными событиями.

Соотношение возрастных групп в российских городах по переписи 1920 г.* показало, что группа 20—29-летних составляла 17,1% (к учтенному городскому населению), 50 лет и старше — 15,1%. Превалировали возрастные группы 30—49 лет (24,8%), а также детские 0—9 лет (22,5%) и юношеские — 10—19 лет (20,5%)¹⁷.

Изменения в возрастнополовой структуре городского населения были связаны с притоком демобилизованных из армии мужчин, вернувшихся из деревень горожан, а также с переселением из сел в города молодых, трудоспособных людей в связи с поисками работы, учебой и т.д.

В 1923 г. преобладание женщин оставалось особенно характерным для городов Европейской России, Крыма, юго-востока. Так, на 1000 мужчин в городах Европейской России было 1109 женщин, Крыма — 1199, юго-востока — 1074, Киргизской АССР — 1057, Сибири — 1030. Тем не менее в городах Дальневосточной области, Якутской АССР, Туркестанской АССР преобладали мужчины —

* Европейская России (45 территорий), юго-восток (4 территории), Сибирь (7 территорий), Киргизская АССР (4 территории).

на 1000 мужчин в городах Дальнего Востока насчитывалось женщин 790, Якутской АССР — 868, Туркестанской АССР — 943.

В возрастных группах соотношение мужчин и женщин складывалось следующим образом: в городах РСФСР в детских возрастах (0—3, 5 лет), средних (30—39 лет) мужчин было больше, чем женщин, в юношеской (15—19 лет) и пожилой (50 лет и старше) значительно преобладали женщины.

В то же время шел процесс увеличения мужского населения, особенно в молодых и зрелых возрастах, наиболее пострадавших в период войн. В городах РСФСР мужчины в возрасте 20—24 года составляли 47,9%, 25—29 лет — 47,4%, 30—39 лет — 50,9%, 40—49 лет — 49,6%. Такая тенденция оставалась характерной и в дальнейшие годы.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. также зафиксировала преобладание женщин в городах РСФСР. Причем это явление наблюдалось и в городах отдельных регионов: на 1000 мужчин среди постоянного населения городов Российской Федерации — 1084, Средне-Волжского района — 1158, Нижне-Волжского — 1146, Башкирской АССР — 1148, Центрально-Черноземного района — 1139.

Мужское население преобладало в городах Дальневосточного края (на 1000 мужчин было 797 женщин), Бурят-Монгольской АССР (825), Киргизской АССР (897), Дагестанской АССР (962).

Рост численности мужчин наблюдался в возрасте 0—4 года, 20—24, 40—44, 45—49 лет. Значительный перевес женщин сохранялся в возрастных группах 15—19, 25—29 лет и особенно 50 и старше. Однако увеличение мужчин шло и в этих возрастах. Так, мужчины в возрасте 15—19 лет составляли 46,3%, 25—29 лет — 45,9%, 30—34 года — 49,5%, 50—54 года — 47,8%.

Сравнение данных городской переписи 1923 г. и переписи населения 1926 г. показало, что к середине 1920-х годов количественно выросли трудоспособные возрасты 20—29 лет (с 20,3 до 22,5%) и 30—49 лет (с 24,4 до 25,2%). В то же время сократились возрастные группы 10—19 лет (с 22,9 до 20,7%) и 50 лет и старше (с 12,9 до 12,0%). Младенческие и детские возрасты (0—9 лет) практически не изменились (если в 1923 г. они составляли 19,5%, то в 1926 г. — 19,6%)¹⁸.

Таким образом, в результате прошедших войн и революционных событий возрастнополовая структура российских городов была нарушена значительным сокращением мужского населения в наиболее трудоспособных возрастах. Рост мужчин в послевоенные годы не привел к середине 1920-х годов к нормальному балансу в соотношении полов. В городском населении РСФСР преобладали женщины.

Воникшая ситуация соответствовала брачному состоянию горожанок. Многие из них не были замужем — не состояли в браке, были вдовами или разведенными, что, как отмечалось, определя-

ло традиционный брачный выбор невест в основном из категорий «не состоящие в браке» («девицы») и «вдовы».

В то же время возрастной состав горожан остался молодым. Это влияло на возраст вступления в брак.

В 1920-е годы для брачного возраста оставались характерными закономерности, исторически сложившиеся ранее и имевшие место в довоенный период. Из материала текущей статистики естественного движения населения видно, что в середине 1920-х годов в городах РСФСР мужчины вступали в брак и обзаводились семьями в основном в зрелом возрасте 25–44 лет (свыше 50%); 20–24 лет (33–37%). Ранние браки не были распространены — в возрастной группе 18–19 лет вступали в брак около 5% (4,6%). Браки после 50–55 лет также составляли незначительный процент — 1,8.

Женщины в основном выходили замуж в возрастном периоде 20–24 года — 42–46%. В остальных возрастных группах шло сокращение числа вступающих в брак — 25–44 года — 30–31%, 45–49 лет — 1,1%. В отличие от мужчин женщины чаще вступали в брак в 18–19 лет — 15–17% и реже — в 50–55 лет и старше — 0,9%.

Имеющиеся материалы позволяют рассмотреть и такой аспект проблемы, как возраст и социальное положение брачующихся*. Приведем данные за 1928 г. по городам с населением свыше 50 тыс. жителей европейской части РСФСР. Возраст брачующихся невест среди рабочих в этих городах был представлен следующими показателями: 17 лет — 19 человек, моложе 18 лет — 19, 18 лет — 555, 19 лет — 745, 20 лет — 812. Затем идет снижение числа брачующихся: 21 год — 744, 22 года — 704, 23 года — 582, 24 года — 471, 25 лет — 396, 26 лет — 306, 27 лет — 306, 28 лет — 240, 29 лет — 170 человек.

Среди служащих возраст невест составлял: 17 лет — 8, моложе 18 лет — 8, 18 лет — 236, 19 лет — 346, 20 лет — 499, 21 год — 556, 22 года — 596 человек. После этого возраста началось снижение числа девушек, вступающих в брак. В возрасте 23 лет их было 528, 24 лет — 477, 25 лет — 424, 26 лет — 393, 27 лет — 290, 28 лет — 247 и 29 лет — 189 человек.

Женихи-рабочие по возрастным категориям распределились следующим образом: 18 лет — 261 человек, 19 лет — 684, 20 лет — 1271, 21 год — 1616, 22 года — 1553, 23 года — 1232, 24 года — 1614, 25 лет — 1481, 26 лет — 1011, 27 лет — 768, 28 лет — 617, 29 лет — 411 человек.

Среди служащих возраст женихов был таков: 18 лет — 30 человек, 19 лет — 98, 20 лет — 216, 21 год — 337, 22 года — 473, 23 года — 523, 24 года — 844, 25 лет — 808, 26 лет — 657, 27 лет — 534, 28 лет — 470, 29 лет — 354 человека¹⁹.

* Материал по данному вопросу представлен И.П.Остапенко.

Жизнь подтверждает, что любовь возникает между молодыми людьми различных социальных слоев, вступающих в брак. Вместе с тем преобладали браки между представителями однородной социальной группы. Это положение подтверждают данные за 1928 г. по 35 городам Российской Федерации с населением свыше 50 тыс. человек. В этих городах число браков по социальному положению супругов выглядело следующим образом: муж и жена — рабочие, заключено 11946 браков; муж — рабочий, жена — служащая — 5059 браков, т.е. в 2,4 раза меньше; муж-служащий, жена — рабочая: в таком сочетании было еще меньше браков — 2995; муж и жена — служащие: количество браков значительно выросло и составило 8709²⁰. Эта тенденция получила дальнейшее развитие в последующие годы.

Возрастная разница вступающих в брак сглаживалась при переходе от крупных городов к небольшим, приближающимся к брачным традициям села. В городах РСФСР (с населением свыше 50000 жителей) наиболее распространенный брачный возраст для мужчин был 25—34 года (42,2%); в прочих городах и селах — 20—24 года (42,3 и 48,6%). Для женщин — 20—24 года — соответственно 42,3, 42,2, 42,8%. Причем данное положение оставалось характерным для европейской и азиатской частей Российской Федерации. Отметим для сопоставления — в городах и селах Украины наблюдались те же явления. В Белоруссии мужчины в основном вступали в брак в возрасте 25—34 года как в крупных городах, так и в небольших, женщины — в 20—24 года. В Армении брачный возраст мужчин в городах — 25—34 года (в селах — 20—24 года). Женщины вступали в брак рано как в городе, так и на селе — 19 лет и моложе.

В городах РСФСР мужчины, вступая в брак, в основном выбирали женщин моложе своего возраста — мужчинам 25—44 года, женщинам — до 24 лет. В старших возрастных группах соотношение возраста жениха и невест складывалось так: женихам — 45—49 лет, невестам — 25—44 года; женихам — 50—54 года, невестам — до 44 лет. Такое возрастное брачное состояние было характерно для жителей села Российской Федерации, а также городского и сельского населения Украины и Белоруссии²¹.

Браки, как и в конце XIX в. — начале 1900-х годов, совершались главным образом между лицами одной национальности. Смешанные браки имели незначительное распространение. В российских городах на 10000 русских женихов в 1923—1925 гг. было 23 брака с украинками, немками — 24, еврейками — 42, поляками — 63²². Между тем в связи с глубочайшими изменениями в политической, социально-экономической, национальной, культурной областях, происходившими в обществе, наметилось увеличение межнациональных браков. Причем особенно часто по сравнению с другими национальностями они встречались у черемисов, латышей, поляков, белорусов. Так, на 100 браков черемисов приходилось браков с женщинами не своей национальности — 90, ла-

тышей — 86, поляков — 84, белорусов — 82; на 100 полек было браков с мужчинами не своей национальности — 83, белорусок — 62, финок — 61²³.

Брачные отношения в 1920-е годы не отличались стабильностью довоенного времени. Несомненно, что это явление было связано с упрощением бракоразводного процесса, введенного после Октябрьской революции. Немалую роль в этом сыграл новый Кодекс о браке, семье и опеке, утвержденный ВЦИК в 1926 г. и введенный в действие с 1 января 1927 г., где признавалась юридическая сила за незарегистрированными (фактическими) браками²⁴. Кодекс, как и законы, принятые в 1917—1918 гг., должен был способствовать формированию новой семьи, освобожденной от прежде существовавших ограничений и выработанных старым обществом условностей.

Новые взгляды на брак и семью отражены в выступлениях партийных и государственных деятелей того времени. Приведем некоторые из них. Так, А.М.Коллонтай рассматривала взаимоотношения между мужчиной и женщиной как естественный союз равноправных и свободных людей. Нравственными признавались отношения, окрашенные чувством взаимности, духовной и физической близостью. Однако она отрицала возможность социального вмешательства в этот союз или социального контроля над ним. Аналогичные взгляды высказывались в ходе обсуждения на диспуте в Политехническом музее (15 ноября 1925 г.) положения о признании фактического брака, зафиксированного в проекте брачного законодательства (1926 г.). В частности, Н.В.Крыленко полагал, что необходимо устранить вмешательства никем не уполномоченных лиц в брачные отношения. Некоторые юристы, правоведы рассматривали регистрацию брака как пережиток буржуазных отношений, которая постепенно исчезнет за ненадобностью. Таким образом, брачные отношения мыслились как свободные, независимые от социального положения людей, вступающих в брак, а также национальной и религиозной принадлежности, равноправные, связанные взаимным чувством и не подлежащие социальному и государственному контролю.

Прямо противоположный взгляд был, например, у А.Залкинда. Он считал, что в основе брака должны лежать общественные интересы, способствующие росту производственного творчества, коллективистскому чувству, познанию и т.д. При этом духовный мир человека, его личные интересы и привязанности не рассматривались²⁵.

Большое влияние на переоценку ценностей в брачно-семейной сфере также оказывало сокращение религиозного влияния с четко отработанными нравственными критериями в связи с отстранением церкви от государства и государства от церкви и атеистической направленностью официальной пропаганды. Все это воздействовало на традиционные добрачные отношения людей, мотивацию брака, брачный выбор, стабильность брачных союзов.

Расширялся круг общения молодежи в добрачный период. Менялся его характер. Специально проведенные обследования среди студенчества Москвы и Казани (1922 г.), Одессы (1925 г.) и других городов показали, что большинство молодых людей вступали в брачные отношения в 16—19 лет, девушек — в 16—18 лет и 19—21 год. Причем в основном (50%) они имели близкие отношения с женихом, будущим мужем. Значительно меньшее число молодых мужчин (4—8%) были связаны в брачных отношениях с невестой, будущей женой²⁶. Результаты проведенных обследований, таким образом, показали распространенность брачных отношений в молодежной среде.

Ослаблялась традиция, связанная с обязательностью, особенно для женщины, вступления в брак и создания семьи.

Брачный выбор стал более определяться взаимными чувствами и менее — материальными мотивами. Причем сильнее это проявлялось у женщин — росли требования к личности будущего мужа, усиливалась роль духовной близости, увеличивались стремления к реализации своих потенциальных возможностей, интересов. Важную роль играло узаконенное равноправное положение женщин в обществе и семье.

Браки утрачивали прежнюю стабильность: на 1000 браков разводы составляли в европейской части РСФСР в 1924 г. — 107, в 1925 г. — 150, в 1926 г. — 145. Важно отметить, что разводы в Российской Федерации были более распространены, чем в западных странах.

Разводимость горожан также была высокой: на 1000 браков приходилось разводов в 1925 г. — 245, в 1926 г. — 233. Наибольшее их число встречалось в крупных городах: на 1000 браков в 1926 г. насчитывалось разводов в Москве — 477, Твери — 359, Ярославле — 279, Ленинграде — 265, Туле — 237, Оренбурге — 230, Нижнем Новгороде — 210 и т.д. Притом удаленность от центра сказывалась на сокращении разводов. Это видно, например, по данным Сибирского региона — с 1925 г. по 1927 г. показатель разводов по городам увеличился с 2,0 до 5,8; в крупных городах — с 2,5 до 6,7 и в сельской местности — с 0,9 до 1,7²⁷. Очевидно, в провинциальных городах и на селе были иные социально-психологические условия, чем в крупных промышленных и административных центрах, и в большей степени сохранялись традиционные взгляды на брак и семью.

Расторгались в основном первые браки. В городах Европейской России у мужчин расторгнутые первые браки в 1924 г. составляли 81,6% (к общему числу разводов), в 1925 г. — 80,3%; у женщин — соответственно 81,7% и 80,4%.

В большинстве случаев расторгался брак в возрасте 25—44 года. Сведения о разводящихся, относящиеся к середине 1920-х годов, показали, что мужчины и женщины в городах РСФСР (с населением 50000 и более) в значительной степени разводились в возрасте 25—34 года (мужчины составляли — 39,2% от общего

числа разводов в этих городах, женщины — 35,8%). В прочих городах и городских поселениях мужчины в возрасте 25—34 года — 39,2%, женщины 20—24 лет — 32,8%. Расторжение брака в возрастной группе 25—44 года и старше свидетельствовало о том, что распались браки, в основном заключенные до революции (старые браки). Разводы в более молодом возрасте до 24 лет свидетельствовали о неустойчивости современных браков²⁸. Существенное влияние на продолжительность брака оказывала смертность населения.

Высокая смертность наблюдалась в начале 1920-х годов: в городах Саратовской губернии на 1000 жителей в 1921 г. умерло 63,9, в 1922 г. — 88,8; в Казани соответственно 40 и 45; Ростове-на-Дону в 1921 г. — 54,9 и Нахичевани — 47,2; Петрограде в 1920—1922 г. — 43,5. Это было связано с последствиями гражданской войны и голодом 1921 г. Николаевское губстатбюро, например, зафиксировало высокую смертность населения от голода и истощения в Николаеве, Алешках, Херсоне, Елисаветграде — за первые шесть месяцев 1922 г. умерло 34,4% горожан. Однако в последующие годы наблюдалось понижение смертности населения — в 1923 г. на 1000 жителей в городах Донской области умерло 11,6; Ростове-на-Дону и Нахичевани — 10,3, Харькове — 14,4. В то же время в городах РСФСР смертность была выше, чем в городах Украины, Белоруссии, Армении²⁹.

Мужская смертность превосходила женскую. Причем в городах таких регионов, как Уральский (на 1000 мужского населения в городах с населением свыше 50000 жителей умерло мужчин в 1926 г. — 30,6), Вятский (соответственно — 27,2), Северный (26,1), Сибирский (24,4), Башкирская АССР (27,6), наблюдалась наиболее высокая мужская смертность³⁰. Это способствовало росту числа вдов. Тем не менее зафиксированное в целом снижение смертности горожан сказывалось на увеличении продолжительности жизни. Так, если по сведениям 36 крупных городов европейской части РСФСР и Белоруссии в 1896—1897 гг. средняя продолжительность жизни мужчин составляла 28 лет, женщин — 32 года, то в 1926—1927 гг. — соответственно 41 год и 49 лет³¹, что удлиняло и продолжительность жизни в браке.

Таким образом, в 1920-е годы в городах РСФСР шло снижение смертности населения. Более значительно этот процесс затронул женщин. Такого рода явления были связаны с проведением государственными властями демографических мероприятий, направленных на борьбу с материнской и детской смертностью, а также с изменениями условий жизни горожан. Перемены в их санитарных, жилищных условиях, а также питании способствовали сокращению заболеваемости и смертности. В то же время диспропорция возрастнополового состава городского населения, возникшая в результате прошедших войн, высокая мужская смертность, рост разводов приводили к дальнейшим изменениям в типе, размере, детности семьи.

Состав семьи в 1920-е годы

Анализ данных переписи городской семьи (1926 г.) показал, что основным типом была семья с брачной парой и детьми. В нее мог также входить кто-то из постоянно проживающих родственников. Такой тип семьи составлял в городах РСФСР 75,3% (от всех типов семей), в Москве — 73,9%, в Ленинграде — 74,1%. Остальные типы городских семей распределялись следующим образом: семьи без брачной пары с детьми главы семьи — соответственно 11,7, 11,2, 12,0%; семьи без брачной пары и без детей главы семьи — 11,6, 13,9, 13,2%; сложные семьи (объединенные две и более простые семьи и семья главы, не состоящей в браке) — 1,3, 0,7, 0,5%.

Семья с брачной парой сохранялась до момента смерти одного из супругов или развода. Если в семье оставались дети и главой семьи становился один из супругов, то семья переходила в иной тип — без брачной пары с детьми главы семьи. Обычно это были семьи вдовых и разведенных. Выбывание из таких семей второго супруга или утрата им положения главного кормильца приводили к появлению семьи, где главой становился один из детей — без брачной пары и без детей главы семьи. Близки в подобной ситуации и сложные семьи.

Главами, особенно в семьях с брачной парой, в основном становились мужчины. Такие семьи составляли в городах РСФСР 82,2% (по отношению к семьям всех социальных групп), с главами-женщинами — 17,8%. Важно отметить, что семьи с главой-женщиной встречались в таких социальных группах, как прислуга, рабочие-текстильщики, поденщики, низшие служащие, где широко применялся женский труд, а также среди пенсионеров. Именно в этих социальных группах было много вдовых и разведенных.

Семьи с брачной парой, где главой являлся мужчина, преобладали в средних возрастах (главе семьи 30—50 лет). Семьи с брачной парой, во главе которых стояла женщина, наблюдались в более молодых возрастах — главе семьи 25—29 лет. С увеличением возраста главы семьи начинал преобладать другой тип семьи — без брачной пары с детьми главы семьи (главе семьи, в основном мужчине, 60 и более лет). Однако в связи с высокой смертностью мужчин этого возраста более распространен был такой же тип семьи, но с главой-женщиной в возрасте 40—44 года, т.е. семьи вдов, разведенных или одиноких женщин с детьми. Семья без брачной пары и без детей главы семьи наблюдалась среди молодых возрастов (главе семьи до 20 лет). Семьи такого типа, возможно, были связаны с ранним вступлением молодых в самостоятельную жизнь из-за потери родителей в военные годы. В сложных семьях с двумя и более брачными партнерами возраст главы, не состоящей в браке, был пожилым у

мужчин (60 лет и более), женщин — 50—54 года³². Имея в виду возраст глав семей, можно распределить типы семей в таком порядке: в молодом возрасте преобладали семьи без брачной пары и без детей главы семьи; в среднем — с брачной парой и детьми; в пожилом — без брачной пары с детьми главы семьи, а также сложные семьи, т.е. семья развивалась от неполной к полной и возвращалась снова к неполной.

В 1920-е годы происходили перемены во внутрисемейных отношениях. Это выразилось в сокращении власти и непререкаемости авторитета главы семьи над остальными членами, мужа над женой, родителей над детьми. Данное явление было связано с ослаблением наиболее важных жизнедеятельных функций старой семьи — экономико-производственных, семейно-бытовых, воспитательных. В этой связи важно отметить усиление внесемейных ориентаций в российском обществе, особенно в городах. Они усиливались в процессе эмансипации женщин. Ситуация такого рода не могла не отразиться на отношениях в семье. Они также постепенно приобретали внесемейные ориентиры. Однако в большей степени это затрагивало молодые поколения. Данные специально проведенной переписи семьи городского населения РСФСР (1926 г.) показали следующее: работающие женщины чаще встречались в семьях рабочих и служащих, реже — в непролетарских семьях. Степень самостоятельности зависела от возраста супругов, количества детей в семье. Так, процент работающих женщин повышался в молодых возрастах (мужу и жене до 20 лет, 20—24 года), в более зрелых возрастах (после 24 лет), с появлением детей и нагрузок, понижался. Однако, как показали материалы переписи городской семьи, даже в бездетных семьях процент работающих женщин не был большим. Очевидно, в этом проявлялись традиционные взгляды на роль женщины как домашней хозяйки, воспитательницы и т.д.

В российских городах семья состояла в основном из 3—4 человек, сложная семья — из 6—7 человек. Размер семьи уменьшался за счет сокращения количества детей. Максимальное число детей на семью (в среднем — трое детей) наблюдалось в городах и городских поселках в случае совместного проживания супругов 21—23 года. В крупных городах, таких как Москва и Ленинград, семьи в среднем имели двоих детей³³. Это явление было связано с рядом взаимодействующих факторов. Остановимся на некоторых из них.

Статистические данные, охватывающие 1920-е годы, показали общую тенденцию сокращения рождаемости. По сведениям отдельных городов видно следующее: на 10000 жителей было зафиксировано рождений в Петрограде в 1921 г. — 363, в 1923 г. — 304; в городах Череповецкой губернии в 1921 г. — 467, в 1922 г. — 368; в городах Саратовской губернии в 1921 г. — 339, в 1922 г. — 234; в Казани в 1921 г. — 340, в 1922 г. — 140; Ростове-на-Дону в 1921 г. — 309, в 1923 г. — 95;

Нахичевани в 1921 г. — 350, в 1923 г. — 95. Эта ситуация была вызвана влиянием голода 1921 г. и его последствиями. К середине 1920-х годов рождаемость увеличилась в наиболее пострадавших от голода городах. В то же время общая тенденция сохранилась. В городах и городских поселениях РСФСР (без городов Ивано-Вознесенской губернии, Башкирской АССР, Северного Кавказа, Дагестанской АССР) на 10000 жителей приходилось рождений в 1925 г. — 361, в 1926 г. — 346. Сведения по отдельным городам показали, что в 1926 г. на 10000 жителей было зафиксировано рождений в Москве — 298, Ленинграде — 279, Саратове — 327, Нижнем Новгороде — 336, Самаре — 362. Тенденция сокращения рождаемости оставалась характерной для РСФСР в целом, а также для Украины, Белоруссии: на 10000 жителей было рождений в Российской Федерации в 1925 г. — 456, в 1926 г. — 443; на Украине соответственно — 427 и 421; в Белоруссии — 418 и 407³⁴. В то же время рождаемость оставалась на высоком уровне.

Это явление было связано с постепенной переоценкой, особенно у молодых женщин, своей роли в браке, семье, обществе и переориентацией их с семейно-бытовых проблем на общественные. Происходящие перемены сказывались на изменении традиционного репродуктивного поведения женщин, что проявлялось в усилении контроля над рождаемостью. Важную роль в этом сыграла легализация аборт, последовавшая после принятия Наркомздравом и Наркомюстом постановления от 18 ноября 1920 г.

Аборты получили значительное распространение. Так, в 1926 г. процент абортов к общему числу живорожденных составил: в Москве — 46,3, Ленинграде — 42,4, губернских городах — 32,0³⁵. Причем аборты делали женщины наиболее репродуктивных возрастов — 20—29 лет. Данный факт отразил серьезную ломку традиционных ценностей брака и семьи. Важно отметить, что аборты получили наиболее широкое распространение в среде служащих. Материал специально проведенных обследований, свидетельствовал о том, что женщины считали основной причиной аборта нехватку материальных средств существования³⁶.

Перемены в репродуктивном поведении женщин также имели экономический оттенок и были связаны с запрещением применения детского и подросткового труда на производстве, а также с ограничением возможностей использования его в быту из-за развития социальной сферы.

Немалую роль играло снижение младенческой смертности (до 1 года). Так, ее процент (к общему числу родившихся) в городском населении РСФСР составлял в 1924 г. — 19,5, в 1925 г. — 17,8, в 1926 г. — 17,2³⁷.

Нельзя не отметить новое явление, ранее практически не существовавшее, — рост числа одиноких людей. По данным переписи 1926 г. видно, что среди одиноких было больше мужчин: в городах РСФСР — 51,5% (по отношению ко всем одиноким), женщи-

ны составляли 48,5%; в Москве — 55,5 и 44,5%; Ленинграде — 54,1 и 45,9%³⁸. Причем одиноких мужчин было больше в рабочей среде, что можно объяснить миграцией молодых мужчин в города в поисках работы или приездом на учебу. Одинокие женщины преобладали в среде служащих.

Таким образом, выявленная тенденция сокращения рождаемости влияла на уменьшение размеров семьи. Однако этот процесс развивался постепенно и имел специфические черты в отдельных регионах РСФСР.

Изучение брачности и семейного состояния городского населения Российской Федерации показало, что в 1920-е годы основным типом семьи оставалась семья с брачной парой и детьми, во главе с мужчиной.

Демократизация внутрисемейных отношений меняла взгляды, сложившиеся в обществе ранее, на брак, семью, детность, ограничивала авторитарно-патриархальные традиции, свойственные семье конца XIX в. — начала XX в.

Брачно-семейные отношения становились менее стабильными и длительными из-за роста разводов и высокого уровня мужской смертности, что увеличивало число неполных семей и семей с главой-женщиной, а также одиноких людей — вдовых, разведенных, не состоящих в браке и не имеющих семьи. Произошедшие перемены в брачно-семейной сфере углубились в последующие годы.

Семья в 1930-е годы

1930-е годы были связаны с важными переменами в положении женщин, происходящими в российском обществе. Так, расширялось применение женского труда в общественном производстве. По сведениям Всесоюзной переписи населения 1939 г., процент (к итогу) женщин, занятых в промышленности, равнялся 15,8, в сельском хозяйстве — 61,5, лесном хозяйстве — 0,7, строительстве — 1,3, транспорте и связи — 2,5, торговле, общественном питании — 4,5, жилищном и коммунальном хозяйстве — 1,3, просвещении, печати, науке, искусстве — 5,0, здравоохранении — 3,5, государственных учреждениях, партийных и общественных организациях — 2,0. Вырос образовательный уровень женщин — на 1000 человек населения приходилось женщин, имеющих среднее образование — 69,0, мужчин — 85,8; высшее образование — соответственно 4,2 и 9,8³⁹. Это приводило к росту экономической, морально-психологической самостоятельности женщин. Данные явления усилили начавшиеся в 1920-е годы изменения их традиционного поведения — увеличивались внесемейные стремления и интересы (учеба, дела профессионального характера, общественная работа и т.д.); усложнялись требования к брачному выбору, личной жизни; снижалась роль родительской власти, опеки, а также главенства мужчины в семье. Все это влияло на репродук-

тивные установки женщин, снижало продолжительность брачных союзов и стабильность семьи. Распространение фактических в условиях массовых репрессий браков также способствовало развитию наметившихся тенденций. Важную роль, безусловно, играли перемены в религиозном сознании.

Исследования материалов Всесоюзной переписи населения 1937 г. показали, что 43% взрослого населения СССР признали себя неверующими — 55% мужчин и 33% женщин. Причем значительная часть неверующего населения была зафиксирована в возрастах 20–29, 30–39 лет, т.е. у людей, вступающих в брак и создающих семьи. Это не могло не сказываться на мотивации брака и традиционных ценностях семьи⁴⁰. Перемены в мировоззрении населения, в частности, проявлялись в сокращении числа церковных браков, а также увеличении бракосочетаний в месяцы поста. Так, обращает на себя внимание тенденция к более равномерной регистрации браков органами статистики по месяцам. В то же время видно превалирование брачной регистрации в осенне-зимние месяцы. Произошедшие изменения оказывали влияние на характер брачности населения.

В Российской Федерации в 1930-е годы брачность населения была традиционно высокой. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., на 1000 населения в возрасте 15 лет и старше состояло в браке мужчин — 675, женщин — 577 (в СССР — соответственно 668 и 590); в городах РСФСР — 650 и 551. Таким образом, более половины мужчин и женщин находились в браке и имели семьи.

Сопоставление материалов Всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г. показало небольшое увеличение браков за межпереписной период. В РСФСР в 1939 г. на 1000 лиц в возрасте 15 лет и старше числилось состоящих в браке мужчин — 660, женщин — 574 (в СССР — 655 и 593). Однако у мужчин в возрастных группах 15–16, 17–19, 20–29, 30–39 лет, а также среди женщин в возрастах — 17–19, 20–29, 30–39, 40–49, 50 лет и старше видно сокращение состоящих в браке. Это явление фиксировалось как на общесоюзном материале, так и на республиканском — в РСФСР, УССР, БССР. В Азербайджанской ССР, Туркменской ССР, Узбекской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР наблюдалось уменьшение браков у мужчин и женщин (в Грузинской ССР — только у женщин). Очевидно, это было связано с сокрытием факта многоженства или раннего вступления в брак (до 16 лет)⁴¹.

Снижение брачности населения отразилось и в динамике числа заключенных браков. По данным ЦУНХУ Госплана СССР о естественном движении населения, на 1000 жителей в городах РСФСР было зарегистрировано браков в 1934 г. — 11,3, в 1938 г. — 10,9, в 1939 г. (без Камчатской области) — 9,5. Сокращение браков видно и по отдельным городам и регионам Российской Федерации. Так, например, в Ленинграде в 1934 г. на

1000 жителей было заключено браков 15,5, в 1939 г. — 12,6. В городах Западной Сибири в 1930—1933 гг. на 1000 жителей заключалось 5—8 браков; в середине 1930-х годов — 10—11; в 1938 г. — 16; в 1940 г. — 7. В 1939 г. по общесоюзным данным также видно сокращение брачности населения. По сравнению с 1938 г. число зарегистрированных браков по Союзу снизилось на 14—15%, в т.ч. по городу — 7—8%, по селу — 19—20%⁴². Безусловно, часть браков не попадала в регистрацию.

Мужчин, как показали данные Всесоюзных переписей населения 1937 г. и 1939 г., состояло в браке больше, чем женщин. Это было связано с тем, что мужчины традиционно легче, чем женщины, вступали в брак, особенно в условиях фактического брака. Надо иметь в виду, что в активный брачный возраст (20—29 лет) вступали поколения мужчин и женщин 1901—1919 годов рождения, переживших Первую мировую и гражданскую войны, с характерными для этих лет высокой смертностью населения и преобладанием мужской смертности в детских, молодых и трудоспособных возрастах. Увеличение женщин в населении страны в вследствие войн, а также роста мужской смертности в 1930-е годы очевидно сказались на превалировании состоящих в браке мужчин.

Сведения Всесоюзной переписи населения 1939 г., охватывающие Российскую Федерацию, показали заметное увеличение браков у мужчин в возрасте 20—29 лет. В возрастных группах 30—39 и 40—49 лет большинство мужчин состояли в браке и имели семьи, с 50-летнего возраста и старше число женатых мужчин снижалось: на 1000 лиц состояло в браке в 20—29 лет — 581, в 30—39 лет — 917, в 40—49 лет — 942, в 50 лет и старше — 832.

В отличие от мужчин, замужних женщин было больше в возрастах 17—19 лет. В 20—29 лет основная часть женщин состояла в браке. Наибольшее число замужних было зафиксировано в 30—39 лет, в последующих возрастных группах — 40—49 и 50 лет и старше происходило их сокращение: на 1000 лиц состояло в браке женщин в 17—19 лет — 165, в 20—29 лет — 696, в 30—39 лет — 803, в 40—49 лет — 716, 50 лет и старше — 408⁴³. Данное явление было связано с более ранним вступлением женщин в брак.

Среди горожан РСФСР, как и в 1920-е годы, ранние браки (до 20 лет) не были распространены. Мужчины, как отмечалось, вступали в брак в возрастном интервале 20—29 лет. Вступление в брак увеличивалось после 22 лет, и к 25 годам наблюдалось максимальное число вступивших в брак. После 25 лет видно сокращение вступления в брак мужчин.

Женщины традиционно чаще мужчин выходили замуж в ранних возрастах. К 24 годам большинство женщин состояло в браке, и в возрасте 30—39 лет незначительная часть их оставалась вне брака. Однако с возрастной группы 40—49 лет и старше наблюдалось сокращение женщин, состоящих в браке, и к возрасту 60 лет лишь небольшое число женщин оставались замужними. Это

было связано с превалированием мужской смертности, а также с разводами, в результате которых мужчинам легче было вступать в повторные браки. Если до 28 лет мужчины и женщины вступали в основном в первые браки, то по достижении этого возраста росли повторные браки, особенно у мужчин. Явлением такого рода можно объяснить увеличение браков в возрасте 30—34 года. Преобладание мужской смертности в трудоспособных возрастах, разводы, повторные браки, облегченные для мужчин, способствовали тому, что основная часть мужчин оставались женатыми и в пожилых возрастах — 60 лет и старше. Таким образом, мужчины традиционно находились в браке более длительный период, чем женщины. Аналогичные явления были характерны и для горожан СССР. Об этом свидетельствовали данные ЦУНХУ Госплана СССР, а также сведения Всесоюзных переписей населения 1937 г. и 1939 г.⁴⁴

Брачное состояние горожан, возраст вступления в брак тесным образом были связаны с преобладанием в городском населении Российской Федерации возрастных групп 20—29 лет (22,1%) и 30—39 лет (17,3%), молодые, средние и пожилые возрасты были малочисленны. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. видно, что возрастная категория 15—19 лет составляла 10,0%, 40—49 лет — 9,7%, 50—59 лет — 6,4%, 60 лет и старше — 5,2%.

Высокий уровень брачности обусловил превалирование в городском населении РСФСР семейных горожан: на 1000 населения в 1939 г. приходилось членов семей, живущих совместно с семьей — 600; членов семей, живущих отдельно от семьи, но связанных с семьей общим бюджетом — 119, одиночек — 50⁴⁵.

В основном члены семьи, как это следует из приведенных данных, проживали совместно с семьей. Тем не менее наблюдались различия в отношении совместного проживания с семьей у мужчин и женщин. Так, более половины женщин (66,6% от всех зарегистрированных членов семьи, живущих совместно) жили в семьях, мужчины — значительно меньше — 33,4%. В категории «члены семьи, живущие отдельно от семьи, но связанные с семьей общим бюджетом» видна обратная зависимость — мужчины чаще, чем женщины, проживали отдельно от семьи: мужчины составляли 61,4% (от всех зарегистрированных членов семьи, живущих отдельно, но связанных с семьей общим бюджетом), женщины — 38,6%. Среди «одиночек» было зарегистрировано больше женщин — 58,2%, чем мужчин⁴⁶.

В 1930-е годы, как и в 1920-е, главами семей были мужчины. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., главы семей мужчины составляли 77,0% (от общего числа зарегистрированных глав семей). Тем не менее, происходившие в 1930-е годы важные изменения в положении женщин, связанные с вовлечением их в общественное производство, ростом образовательного уровня, влияли на внутрисемейные отношения. Отношения в семье станови-

лись менее авторитарными. Все более ослаблялось влияние главы семьи мужчины на остальных членов семьи, мужа на жену, родителей на детей, старших детей на младших. Так, дети могли самостоятельно принимать решение о своей судьбе — решать вопросы, связанные с продолжением дальнейшего обучения, выбором профессии и места работы, вступлением в брак. Не случайно, что в конце 1930-х годов процент глав семей женщин в городах Российской Федерации составлял 23,0 (от общего числа зарегистрированных глав семей). Изучение Урала показало, что, например, в Нижнем Тагиле в 1920–1930-е годы наблюдалось увеличение числа неполных семей, возглавляемых женщинами. Происходящие изменения разрушали прежнюю стабильность семьи. Эти явления усиливались в результате распространения фактического брака, специфики миграций в условиях индустриализации и коллективизации страны, массовых репрессий. Однако, как отмечалось, из-за облегченной регистрации браков и разводов в 1930-е годы мы не можем в полной мере выявить размеры дестабилизации семьи и определить масштабы разводов. Данный аспект проблемы подчеркивался в отечественной историографии⁴⁷.

Тем не менее в 1930-е годы зарегистрированных разводов было немало. Наибольшее число разводов было зафиксировано в 1934 г. в городах Российской Федерации — Калуге (на 1000 браков разводов — 53,4), Кинешме (52,8), Пятигорске (52,1), Астрахани (51,6), Кисловодске (50,2) и т.д. В 1936 г.* в российских городах на 1000 браков приходилось разводов — 213, в 1939 г.** — 178. В городах СССР в 1939 г. отмечался небольшой рост разводов по сравнению с 1938 г. — на 3–4%⁴⁸.

Изучение статистических данных показало, что большинство разводов в городах было связано с браками продолжительностью — 1–2 года и 5–9 лет. Браки продолжительностью 20 лет и более расторгались в меньшей степени.

Мужчины разводились в основном в возрастах 20–24, 25–29, 30–39 лет. Женщины — 20–24, 25–29 лет. Причем более всего были распространены разводы первых браков как у мужчин, так и у женщин. Разводов в возрастах до 18 лет, 18–19 лет фиксировалось немного. Однако у женщин их было значительно больше, чем у мужчин. В данных возрастных группах расторгались браки продолжительностью 1–5 месяцев, 6–11 месяцев. В отличие от мужчин у женщин наблюдалось значительное количество разводов браков продолжительностью 1–2 года⁴⁹. Разводимость населения не только сокращала продолжительность брачной жизни и снижала стабильность семьи, но и влияла на репродуктивное поведение женщин.

* Без Якутской АССР, трех северных областей, ДВК.

** Без Камчатской области.

Сокращала продолжительность брака и высокая смертность населения. Мужская смертность была выше женской. Так, в 1933 г. в наиболее трудоспособных возрастах на 1000 умерших в городах европейской части РСФСР* максимальная смертность была в возрастных группах 20–24 года (умерло мужчин — 666, женщин — 334), 25–29 лет (672 и 328), 40–44 года (687 и 313), 45–49 лет (698 и 302). В городах Западной и Восточной Сибири — соответственно 708 и 292, 688 и 312, 721 и 279, 731 и 269. В Москве — 637 и 363, 662 и 338, 725 и 277, 711 и 289.

Демографы выявили, что в середине 1920-х годов в Российской Федерации получили распространение три разновидности семей — супружеская пара с детьми или без детей (нуклеарная семья); один из родителей с детьми (неполная семья); супружеская пара с детьми или без детей с одним из родителей супругов и другими родственниками (сложная семья с супружеским ядром)⁵⁰. Данное явление наблюдалось и в 1930-е годы. Однако можно предположить (поскольку отсутствуют точные статистические сведения), что в рассматриваемый период росли неполные семьи в результате высокой смертности населения, вызванной голодом, репрессивной политикой государства, военными конфликтами и т.д. Определенную роль играли также фактические браки, не всегда отличающиеся продолжительностью. Это оказывало влияние на размер семьи.

По сведениям Всесоюзной переписи населения 1939 г., наибольшее распространение получили семьи, состоящие из 2–3 человек. Меньший процент составляли семьи из 4 человек. Большие семьи (5 человек и более) были малочисленны. Так, семьи из 2 человек составляли 27,0% (от всех учтенных семей), из 3 — 27,8%, из 4 — 21,8%, из 5 — 12,7%, из 6 — 6,3%, из 7 — 2,7%, из 8 — 1,1%, из 9 — 0,4%, из 10 и более человек — 0,2%.

В РСФСР в целом наибольший процент составляли семьи из 3 человек (22,6) (в то же время из 2 человек — 20,7%, из 4 — 21,3%, из 5 — 16,0%, большие семьи из 10 и более человек — 0,6%). Однако в таких регионах, как, например, Западная Сибирь, средний размер семьи в 1939 г. был более 4 человек⁵¹. Зафиксированное переписью явление свидетельствовало о процессе сокращения размеров семьи. Обращает на себя внимание распространенность в городах семей, состоящих из 2 человек. Это, очевидно, или неполные семьи (один из родителей с ребенком), или супружеские пары без детей, что, возможно, и было непосредственно связано с упоминавшимися явлениями — фактическим браком, массовыми репрессиями 1930-х годов, а также демографическими последствиями прошедших войн (Первой мировой и гражданской).

* Без Москвы, Ленинграда, Калмыцкой, Ингушской автономных областей, Ненецкого округа.

Размеры семей сокращались в результате процессов различного характера. Продолжалось дробление больших семей, особенно в городах. Немалое значение имело понижение рождаемости. Тенденция сокращения рождаемости была связана с ростом образовательного уровня населения, внесемейных интересов, особенно у женщин, изменениями в религиозных воззрениях. Явления такого рода оказывали постепенное воздействие на изменение репродуктивного поведения женщин. Об этом свидетельствует распространение регулирования рождаемости даже в условиях запрещения аборт в 1935 г. Способствовали возникающим переменам и негативные процессы в общественной жизни страны 1930-х годов. Так, изучение возраста и пола заключенных ГУЛАГа выявило, что на 1 марта 1940 г. среди них преобладали мужчины (93%) в возрасте 22—40 лет (63,6%)⁵². Однако регулирование рождаемости в большей степени развивалось в городах европейской части РСФСР среди русского, украинского, белорусского населения. Так, в городах Урала среднее число детей на семью было больше, чем в европейских городах. Семьи горожан Нижнего Тагила, например, вступившие в брак в 1926—1930 гг., имели в среднем детей — 3,1, в 1926—1940 гг. — 2,4. Тем не менее и в этом регионе шел процесс сокращения детности семьи. В то же время у народов Российской Федерации с исторически сложившимися традициями многодетности (казахи, киргизы, народы Северного Кавказа и т.д.) детность семьи оставалась высокой.

Однако распространение регулирования рождаемости в изучаемый период еще не было значительным, уменьшение размеров семьи шло за счет высокой детской смертности, особенно в возрасте до 1 года. Данные ЦУНХУ Госплана СССР свидетельствовали о росте детской смертности в возрасте до 1 года в результате голода. В городах европейской части РСФСР процент умерших детей этого возраста из родившихся в 1933 г. составлял 42,0%, из родившихся в 1934 г. — 58,0; в городах азиатской части РСФСР — соответственно 47,3 и 52,7%. Коэффициент детской смертности в городах РСФСР был равен 179,5% (европейская часть) и 198,4% (азиатская часть). Причем в сельской местности он был намного ниже — соответственно 169,3 и 156,4%⁵³. В 1934 г. детская смертность до 1 года оставалась высокой — на 1000 родившихся в городах Российской Федерации умерло детей 180,6⁵⁴. В 1937 г. в городских поселениях РСФСР по сравнению с 1936 г. детская смертность в возрасте до 1 года выросла. Так, ее коэффициент составлял в Башкирской АССР — 103,0%, Бурят-Монгольской АССР — 101,1%, Дагестанской АССР — 107,5%, Дальневосточном крае — 101,6%, Кабардино-Балкарской АССР — 102,3%, Красноярском крае — 101,8%, Курской области — 116,8%, Ростовской области — 113,8%, Удмуртской АССР — 107,3%, Читинской области — 100,4%. Дальнейшее увеличение детской смертности наблюдалось в 1938 г.: на 1000 родившихся умерло детей в возрасте до 1 года — 192. Однако в

1939 г. статистическими органами было зафиксировано ее снижение (соответственно 189)⁵⁵.

Аналогичные процессы оставались характерными и для РСФСР в целом: на 1000 родившихся умерло детей в возрасте до 1 года в 1935 г. — 162, в 1936 г. — 203, в 1937 г. — 180. В то же время коэффициент детской смертности за 4 месяца 1938 г. по сравнению с соответствующим периодом 1937 г. снизился примерно на 18,5%. Тем не менее его величина была достаточно высокой. По данным статистики, охватывающим территорию СССР за 1935—1937 гг., виден рост детской смертности в 1936 г. и ее снижение в 1937 г.: на 1000 родившихся умерло детей в возрасте до 1 года в 1935 г. — 146, в 1936 г. — 176, в 1937 г. — 161⁵⁶. Таким образом, младенческая смертность в 1930-е годы сохраняла высокий уровень и способствовала уменьшению размеров семьи.

Сокращение детности семьи в свою очередь оказывало влияние на разводимость населения и дестабилизацию семьи. По расчетным материалам демографов можно наблюдать увеличение продолжительности брачной жизни в 1920-е годы у мужчин и сокращение у женщин. В 1930-е годы процесс снижения продолжительности пребывания в браке был характерен и для мужчин, и особенно для женщин. Динамика вычисленной средней продолжительности пребывания в браке на основе данных переписей населения (в возрасте до 60 лет) была в Европейской России следующей: в 1897 г. у мужчин — 32,9 лет, у женщин — 31,6; в 1926 г. — соответственно 33,7 и 29,9; в 1939 г. — 33,1 и 28,3⁵⁷.

Таким образом, для городской семьи 1930-х годов оставались характерными явления, начавшиеся в 1920-е годы. Продолжались важные перемены, связанные с коренными изменениями в положении женщин в обществе и семье. Брак основывался на свободном выборе супруга, причем в выборе преобладали морально-психологические мотивы. Шла ломка традиционных ценностей брака, семьи, детности. Это непосредственно выражалось в росте внесемейных ориентаций членов семьи, в изменениях репродуктивного поведения женщин, дальнейшей нуклеаризации семьи. Демократизировались внутрисемейные отношения. Однако наиболее распространенным типом семьи оставалась семья с брачной парой и детьми, во главе которой стоял мужчина.

В то же время в конце 1920-х — 1930-е годы в условиях нарастания репрессий в обществе, увеличения смертности населения снижалась продолжительность брачной жизни, прочность и стабильность семьи. Это способствовало переменам в брачном состоянии и семейном составе горожан — выросли группы вдовых и разведенных, особенно среди женщин, число неполных семей, семей, состоящих из 2 человек. Наблюдалось сокращение рождаемости. Последующие военные годы усложнили данные явления.

Глава IX.

Крестьянская семья в 1920—1930-е годы

После Октября 1917 г. на долю крестьянской семьи в России выпало немало испытаний, которые глубоко затронули ее как древнейший институт человеческого общежития. С одной стороны, они были связаны с коренным переустройством и революционным преобразованием общественных отношений, а с другой — вызваны экстраординарными событиями (Первой мировой и гражданской войнами, позже — индустриализацией и коллективизацией).

На ускорение эволюции семьи повлияла и новаторская политика советского правительства в области семейно-брачных отношений. Уже в первые месяцы существования оно издало декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (18 декабря 1917 г.) и «О свободе совести и отделении церкви от государства» (20 января 1918 г.), в которых объявлялось о секуляризации системы регистрации естественного движения населения и о передаче ее из церковного ведомства в светское: «Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью»¹.

Эти государственные акты прочно закрепляли приоритет светского (гражданского) брака: «Российская республика впредь признает лишь гражданские браки». Все права супругов, в том числе и имущественные, закреплялись за ними лишь в случае, если их союз был зарегистрирован в загсе; в то же время церковный брак таких прав не гарантировал и признавался «не более чем частным делом граждан»².

В 1926 г. в законодательство о браке и семье были внесены некоторые изменения и дополнения. В частности, был повышен минимальный брачный возраст — до 18 лет как для мужчин, так и для женщин. Кроме того, во избежание путаницы в юридической практике власти были вынуждены объявить, что все браки, заключенные по религиозному обряду до 20 декабря 1917 г., продолжают считаться законными, а их статус приравнивается к зарегистрированным гражданским бракам. По-прежнему считая легитимным лишь брак, зарегистрированный в гражданских учреждениях, закон неременным условием к нему ставил добровольность и согласие обеих сторон³.

В своих исследованиях истории крестьянской семьи 20—30-х годов автор опирался на демографические материалы переписей населения 1917, 1918, 1920, 1926⁴, 1937⁵ и 1939⁶ гг., а также на обследования крестьянских бюджетов.

При определении семьи все переписи исходили из трех основных, объединяющих ее признаков: 1) совместное проживание; 2) отношения родства или свойства; 3) общий бюджет. «Под семьей понимается совокупность живущих совместно в одной и той же квартире лиц, объединенных узами родства и единством расходного бюджета. Кроме того, в состав семьи включаются родственники, не живущие в одной с ней квартире, но находящиеся на полном иждивении кого-либо из ее членов», — такое определение семьи содержалось в наставлении к заполнению семейной карты Всесоюзной переписи населения 1926 г.⁷ С некоторыми уточнениями и дополнениями оно используется и поныне⁸.

Но поскольку в фокусе обследования переписью 1926 г. находилась только городская семья, неудивительно, что из данного определения исчезла важная социально-экономическая характеристика, позволяющая рассматривать крестьянскую семью как малый производственный коллектив. Следует учитывать, что наряду с основной функцией семьи — воспроизводством и воспитанием подрастающего поколения — сельской семье присуще также совместное ведение общего хозяйства, которое в значительной мере обеспечивает ее продовольствием и др. Иными словами, в сельской семье чисто демографические функции неразрывно связаны с производственными, что и отличает ее от городской семьи.

В крестьянской семье сельскохозяйственное производство и просто домашнее хозяйство невозможно отделить друг от друга — они составляют определенное единство, при котором домашнее обслуживание включает в себя и производственные функции⁹. Но в отличие от «домохозяйства», которое очень близко к «семье», из последней, как правило, исключаются лица, не связанные с остальными узами кровного родства, хотя они могут принимать самое непосредственное участие в ведении общего домохозяйства (например, наемные работники, прислуга, «приживалы» и т.п.)¹⁰.

Итак, крестьянскую семью от городской в этом плане отличает то, что она является не только потребительской ячейкой (как любая другая семья), но и производственной. Семья в городе своего производства не имела, в силу чего это свойство давно утратила. То же можно сказать и относительно характера семейного бюджета. Доходы сельских, в том числе и крестьянских, семей в значительной мере формируются вследствие совместного труда всех взрослых членов в общем семейном хозяйстве, а в городской — доходы, как правило, по своему происхождению к совместной деятельности семьи отношения не имеют.

Сущность крестьянской семьи, трудившейся в собственном хозяйстве — дворе и жившей в 20-е годы главным образом за счет доходов от него, весьма точно подмечена А.В.Чаяновым: «Огромная область... сельскохозяйственного производства построена в большей части не на капиталистических началах, а на началах трудового семейного хозяйства»¹¹. Абсолютное преобладание семейного хозяйства в деревне подтверждается и материалами переписи 1926 г.

Земельный кодекс РСФСР 1922 г. определял крестьянское хозяйство как «семейно-трудовое объединение лиц, совместно ведущих сельское хозяйство», и уравнивал в имущественных правах всех членов семьи, независимо от пола и возраста¹².

В силу того, что крестьянское хозяйство базировалось на тяжелом физическом труде, основную роль в нем и семье играл мужчина. Не случайно поэтому семейный строй у различных народов имел общие черты. И в северных, и в южных районах, у православных и мусульман сельская семья отличалась главенством мужчины, а также многочисленностью и многодетностью.

Крестьянская семья в юридической, общественно-политической литературе и статистике часто именовалась «крестьянский двор»; поэтому термины «семья» и «двор» с известной оговоркой могут быть отождествлены. Даже несмотря на наличие внутри ряда крупных семей нескольких отдельных супружеских пар с детьми, крестьянский двор оценивался как одна семья, с единым общим домохозяйном.

Ведение семейного трудового хозяйства с его традиционным разделением на мужскую и женскую работу требовало весьма серьезного отношения к выбору подходящего брачного партнера. В прежние времена было принято, что родители женили сыновей, подбирая на свой вкус прежде всего физически здоровую и крепкую девушку — будущую работницу. В XX в. становится правилом самостоятельный выбор молодежью спутника жизни, тем более что в российской деревне для такого выбора имелись вполне благоприятные возможности.

Возрастнополовая структура

По составу жителей Россия долго оставалась традиционной, крестьянской страной. В 1926 г. 82% ее населения проживали в сельской местности, а в 1939 г. — 66%¹³.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. отразила сравнительно молодой состав сельского населения: высокий удельный вес детей до 14 лет (30%) и небольшую долю лиц старше 50 лет (13,6%). Это означало, что доля лиц активного брачного и детородного возраста (примерно от 16 до 49 лет) в сельском населении составляла почти половину (47,5%)¹⁴.

Однако состав сельских жителей по полу был далек от гармонии, что особенно ощущалось по отдельным возрастным группам. В целом на каждую 1000 мужчин всех возрастов приходилось по городским поселениям — 1063, а по сельской местности — 1101 женщина; то есть соотношение между числом мужчин и женщин в деревне было менее благоприятным. В 1926 г. эта диспропорция своего максимума достигла по группе молодых возрастов от 25 до 29 лет, где женщин было на 12,4% больше. В эту группу входили молодые люди 1897 — 1901 гг. рождения, часть которых, возмож-

но, успела принять участие в гражданской войне и понести известные потери. Кроме того, численное преобладание женщин в молодых возрастных группах отчасти было следствием миграционного оттока из деревни прежде всего мужчин. Как правило, диспропорция в соотношении полов была большей по районам с широко распространенным крестьянским отходом в город. Так, если в северных областях, где его масштабы были меньше, на каждую 1000 мужчин от 20 до 29 лет женщин — их сверстниц было на 11,4% больше, то в Вятском районе — уже на 17%, а в Центрально-Промышленном — на 19%¹⁵.

Постепенно миграция привела к заметному снижению удельного веса молодых мужчин в сельском населении — ведь на заработки в город уходили, как правило, подросшие сыновья — молодые и здоровые мужчины. Перепись 1926 г., а позже, в 30-е годы, текущий учет населения зафиксировали в городе более высокий, чем в деревне, удельный вес мужчин 20—29 лет: в 1926 г. — 23,6% к общему числу жителей (в сельской местности — 15,7%), в 1934 г. — уже 17,2% (в деревне — 15,9%)¹⁶. Более того, если в сельском населении доля этой половозрастной группы мало чем отличалась от соседних, смежных с нею групп, то в составе горожан она резко выделялась своей величиной. Это свидетельствует о той серьезной роли, которую играла крестьянская молодежь мужского пола в механическом приросте городского населения.

Приток сельчан в города с дореволюционных времен отличался завидным постоянством, оставаясь год от года одинаковым. Но, как отмечал А.П.Хоменко, в 20-е годы процесс превращения крестьян в рабочих пошел явно быстрее¹⁷.

Диспропорцию в соотношении мужского и женского населения старше 55 лет можно объяснить по меньшей мере двумя факторами. Первый — несомненно войны, унесшие жизнь многих мужчин из числа тех, кому в 1914 г. было более 30 лет. Второй — общая, более ранняя смертность мужчин по сравнению с женщинами. В результате в 1926 г. в российской деревне женщин старше 55 лет было почти на 1/4 больше, чем их ровесников-мужчин¹⁸. Но с точки зрения демографической перспективы это уже не имело значения. Важнее было то, что по всем группам брачного и детородного возраста (примерно от 18 до 49 лет) соотношение полов в сельском населении, хоть и не было идеальным, все же оказалось вполне достаточным для выбора брачного партнера и создания семьи.

В 1939 г. состав сельского населения по полу стал заметно ровнее, чем 12 лет назад. Очень важно, что известный разрыв в численности мужчин и женщин по всем группам репродуктивного возраста уменьшился. Так, на каждую 1000 мужчин от 20 до 39 лет в целом по Российской Федерации приходилось 1114 женщин того же возраста, в то время как в 1926 г. в среднем по регионам РСФСР — от 1155 до 1240. Но по мере увеличения возраста диспропорция между полами по-прежнему сохранялась¹⁹.

**Возрастной состав сельского населения Российской Федерации
в 1926 и 1939 гг. (в %)**

Дата (год)	Дети от 0 до 14 лет + молодежь до 20 лет	Взрослые от 20 до 49 лет	Население старших возрастов (после 50 лет)
1926	50,7	34,7	14,6
1939	48,5	37,5	14,0

* Подсчитано по: Всесоюзная перепись 1939 г.: Основные итоги. Россия. М., 1999. С. 30; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 9. С. 128–129.

Данные табл. 29 показывают, что в 1926 и 1939 гг. в составе сельского населения Российской Федерации было очень много детей и молодежи до 20 лет — примерно около половины; более 1/3 приходилось на самую активную в экономическом и демографическом отношении группу — от 20 до 49 лет (причем в 1939 г. ее удельный вес увеличился на 2,8% за счет соответствующего уменьшения доли детей и молодежи и незначительного — по группам старших возрастов). Иными словами, несмотря на тяжелейшие испытания 1914–1920 гг. и в период между двумя переписями 1926 и 1939 гг. (коллективизация сельского хозяйства и связанный с нею голод 1932–1933 гг., падение рождаемости, рост смертности), население российской деревни все еще сохраняло достаточно традиционную возрастную структуру, без видимых деформаций и провалов в соотношении различных поколений. Следует подчеркнуть, что мероприятия советского правительства по закреплению населения в колхозах и пресечению миграции в город, хотя и имели насильственный характер, в данном случае сыграли известную стабилизирующую роль и способствовали удержанию молодежи на селе.

Брачность. Семейный состав

Заметное оживление в естественном движении населения началось сразу после окончания гражданской войны: быстро увеличилось число заключаемых браков, поднялась рождаемость, снизилась смертность. В начале 20-х годов в брак вступали главным образом лица, не успевшие пожениться перед войной, а также молодежь, чей возраст максимальной брачности (20–24 года) пришелся на военную пору. Позже, в середине 20-х годов, к многочисленным группам желающих завести семью присоединилось подросшее новое поколение. Благодаря такой компенсаторной волне в демографических процессах показатели брачности по

РСФСР в 1925—1926 г. превзошли даже довоенный уровень. В расчете на 1000 человек они возросли с 8,2 (в 1913 г.) и 3,0 (1916 г.) до 9,8 (1925 г.) и 10,6 (1926 г.). Иными словами, в 1926 г. было зарегистрировано почти на треть больше новых брачных союзов, чем накануне Первой мировой войны, и по крайней мере в 3 раза больше, чем в 1916 г.²⁰

Подъем брачности в известной степени был стимулирован новым семейно-брачным правом после 1917 г., которое заметно упростило требования к вступающим в брак и особенно к желающим его расторгнуть, что вызвало рост числа повторных браков. Изменился и сам подход к браку и выбору семейного партнера. Еще в начале XX в. браки, как правило, заключались по воле родителей и зачастую по материальным соображениям, но в 20-е и особенно 30-е годы молодежь все чаще женилась по любви и взаимной склонности²¹.

Следует отметить, что жители крупных городов довольно быстро стали отдавать предпочтение гражданской регистрации брака, а в деревне традиции держались дольше и браки там, заключаемые без церковного обряда, стали преобладать лишь в конце 30-х годов. В деревне долго почитались и многие элементы прежнего уклада, в частности, запрет свадеб на период религиозных постов. По этой причине в сводках загсов заметны сезонные колебания: максимум браков приходился на январь—февраль и ноябрь; минимум — на период Великого поста (весна) и декабрь (из-за Рождественского поста), август — из-за Успенского²².

Конкретный материал позволяет сделать вывод, что уровень брачности сельского населения всегда был несколько ниже, чем городского. Это объясняется особенностями половозрастной структуры сельского населения, в которой доля небрачных (детских и пожилых) возрастов всегда выше. Так, в 1926 г. в городе на каждую 1000 населения регистрировалось 11,9 браков (гражданских и церковных), а в сельской местности — 10,6% в 1927 г. — соответственно 12,6 и 9,7²³.

В России издавна существовала традиция раннего вступления в брак, что было продиктовано всем жизненным укладом патриархальной семьи. К началу XX в. уже не только в православной среде, но и у представителей других конфессий, наметилась тенденция более позднего вступления в первый брак²⁴.

У мужчин, как показывают расчеты, средний возраст вступления в первый брак, сложившийся в конце XIX в., практически не менялся, несмотря на новые веяния. Как правило, мужчины женились после прохождения военной службы, т.е. к 25 годам. В 1897 г. в среднем по Европейской России он равнялся 24,2 года и таковым оставался еще ряд десятилетий. Гораздо заметнее стало повышение возраста вступления в первый брак у женщин. Если в 1910 г. в сельской местности России большая часть невест (58%) выходила замуж в возрасте до 20 лет, то в 1926 г. таких юных невест было уже всего 36%, а в 1934 г. — только 26,4%²⁵.

Увеличение среднего возраста вступления женщин в первый брак на протяжении XX в. следует расценивать как закономерный результат огромных перемен в обществе. Эмансипация в Советской России в первую очередь понималась как создание основных политических и экономических предпосылок для фактической независимости женщины от мужчины. В 20—30-е годы многие из таких условий, по крайней мере формально, уже имелись. Отпала прямая материальная необходимость, толкавшая прежде крестьянку на раннее замужество.

В 1926 г. долю ранних браков в среде российского крестьянства уже нельзя было назвать высокой: до 20 лет замужем были всего 13% женщин и женаты 6,5% мужчин. К 1939 г. она снизилась еще более: до 10,2% у женщин и 2,8% у мужчин. Приведенные цифры говорят о том, что в 30-е годы уже реально определился переход к европейскому типу брачности с характерным для него более поздним возрастом вступления в брак, хотя в целом по России ранние браки сошли на нет лишь к концу 40-х годов²⁶.

В городе средний возраст вступления в брак был в целом выше, чем в сельской местности, за счет более частого заключения повторных браков. В деревне же люди среднего и тем более пожилого возраста женились значительно реже. В силу этого там среди брачующихся преобладала молодежь до 24 лет включительно: среди мужчин на 60—70%, а среди женщин — на 80%²⁷.

Подробное представление о возрастном составе женихов и невест, вступивших в брак, дают материалы за 1927 г. Из них видно, что самые молодые женихи (18—19 лет) женились на ровесницах (46,4%) и девушках чуть старше — до 24 лет (около 1/3). Более половины (51,6%) молодых мужчин от 20 до 24 лет тоже женились на своих сверстниках; около 1/3 — на совсем юных до 19 лет; и всего лишь 8,5% брали жен старше себя. Девушки 20—24 лет выходили замуж за женихов постарше — от 25 до 34 лет. Таким образом, большинство сельских девушек вступало в брак до 25 лет, после чего брак для них становился проблематичным. Мужчины, которые женились уже в зрелые годы (от 35 до 50 лет), часто были старше своих жен на 10—15 лет, а на своих ровесницах женились лишь в 12,5% случаев, отдавая предпочтение, как правило, более молодым избранницам²⁸.

Документы свидетельствуют, что в многонациональной по составу Российской Федерации браки в подавляющем большинстве заключались между представителями одной и той же национальности. Например, в сельском населении Пензенской области состав вступающих в брак в 1927 г. был следующим: женихи русской национальности в 99,6% случаев выбрали в жены девушек

своей же национальности; белорусы — в 66,6%, татары — в 98%²⁹.

Аналогичные данные о моноэтнических браках имеются и по другим местностям. Так, по Сибири, где спектр проживавших народов был весьма разнообразным, 96,3% зарегистрированных браков было моноэтническими (среди русских), 85% (среди татар), 94,7% (среди немцев), 73% (среди украинцев) и т.д.³⁰ В 1926—1929 гг. в среднем по сельской местности Татарии, Чувашии, Марийской АССР доля межнациональных браков не превышала 2%³¹. Следовательно, в 20-е годы среди сельского населения основательно доминировали национально однородные браки, а смешанные заключались как правило, между представителями коренной национальности и русскими. Это можно объяснить устойчивостью традиционного восприятия брака как своеобразного единства языка, культуры, религии и обычаев супругов.

Высокая ценность семейного образа жизни у крестьян способствовала тому, что к браку стремились и после развода или овдовения. Поэтому семейное положение женихов и невест на момент регистрации брака отличалось разнообразием. Если, по данным за 1927 г., в младших возрастных группах брачующихся (от 16 до 24 лет) преобладали, естественно, ранее не состоявшие в браке (93—98%), то уже с 25 лет доля последних стремительно снижается (до 68 и даже 30%) за счет роста числа повторных браков как у вдовых, так и разведенных. Если в группе 18—20-летних доля последних двух категорий не превышала 2%, то к 25 годам она повышалась в 4 раза (до 8%), а начиная с 30 лет повторные браки составляли подавляющее большинство³².

Представление о семейном составе сельского населения России дают материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. (табл. 30), которые показывают практически полную его брачность: почти 69% мужчин и 72% женщин состояли в браке и имели свои семьи. Доля тех, кто, достигнув зрелых лет, так и не имел семьи, оказалась невелика: к 45 годам среди мужчин — около 2%, среди женщин — 3,5%. К общему числу состоявших на момент переписи в браке, очевидно, следует прибавить и 5,3% мужчин и почти 26,5% женщин — вдовых и разведенных, которые также жили в своих семьях вместе с детьми или другими близкими родственниками. Иными словами, почти 80% взрослого мужского и 98% женского населения российской деревни проживало в семьях того или иного типа.

В 1939 г. картина семейного состава сельских жителей несколько изменилась. При практически том же удельном весе женатых мужчин замужних женщин стало на 12% меньше, причем относительно равномерно по всем возрастным группам, что может быть объяснено последствиями миграции из деревни.

Таблица 30*

Семейный состав сельского населения РСФСР старше 15 лет
(в % к данной возрастной группе) по материалам
Всесоюзной переписи 1926 г.

Возраст	Женатые, замужние	Холостые, девицы	Вдовы	Разведенные
Мужчины				
15—19 лет	6,14	93,6	0,03	0,12
20—24	70,5	53,2	0,37	1,22
25—29	85,4	12,9	0,5	0,75
30—34	92,7	5,6	0,8	0,52
35—39	94,8	3,3	1,1	0,42
40—44	95,1	2,4	1,8	0,37
45—49	94,1	2,15	3,1	0,33
50—54	91,7	1,9	5,7	0,33
55—59	88,6	1,7	9,0	0,29
60—64	82,0	1,7	15,7	0,28
65—69	73,0	1,7	24,3	0,24
70 лет и старше	53,6	1,8	45,0	0,21
В среднем:	68,8	28,9	4,6	0,66
Женщины				
15—19 лет	13,0	86,4	0,09	0,36
20—24	70,9	25,5	1,05	2,16
25—29	86,6	7,5	3,6	1,9
30—34	85,9	4,6	7,8	1,25
35—39	82,6	3,5	12,7	0,9
40—44	77,3	3,5	18,2	0,6
45—49	71,6	3,3	24,3	0,5
50—54	66,6	3,3	32,3	0,4
55—59	57,4	3,2	38,7	0,28
60—64	46,8	3,1	49,4	0,22
65—69	39,0	3,1	57,2	0,17
70 лет и старше	21,7	3,3	75,1	0,12
В среднем:	71,9	22,6	16,5	0,94

* Таблица составлена и рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX. С. 122—125; Т. 43. М., 1931. С. 2—3.

В 1939 г., как показывают данные табл. 31, удельный вес ранних браков продолжал снижаться. Так, по сравнению с 1926 г. доля женатых в возрасте до 19 лет уменьшилась в 2,2 раза, от 20 до 24 лет — почти в 2 раза, а от 25 до 29 лет — с 85,4 до 80,2%, т.е. всего на 5,2%. Во всех остальных возрастных группах доля женатых мужчин практически не изменилась.

Тенденция к более позднему вступлению в брак, как уже отмечалось, была более заметна у женщин. Из-за отъезда в город многих их односельчан-мужчин, причем, как правило, в активном бракоспособном возрасте (от 20 до 29 лет), соотношение между полами в этой возрастной группе несколько ухудшилось, что и привело к снижению уровня брачности женщин. В 1939 г. доля молодых женщин, состоявших в браке, изменилась по сравнению с 1926 г. так: среди не достигших 20 лет замужем было 10,2% (а в 1926 г. — 13%), 20–24-летних — 63,2% (вместо 70,9%), 25–29-летних — 80,9% (вместо 86,6%) и т.д. (ср. табл. 30 и 31).

Таблица 31*

Состояние в браке сельского населения РСФСР в 1939 г.
(в % к общему количеству населения соответствующего
возраста и пола)

Возраст	Мужчины	Женщины
15–19 лет	2,8	10,2
20–24	38,9	63,2
25–29	80,2	80,9
30–39	93,4	83,1
40–49	94,8	74,1
50–59	91,6	56,2
60 лет и старше	74,0	31,9
Итого: 15 лет и старше	69,1	59,5

* Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Россия. С. 38.

Естественно, состояние в браке и семейное положение людей разного возраста и пола не могло быть одинаковым. К сожалению, перепись 1939 г. не дает сведений о не состоявших в браке по категориям (холостые, девицы, разведенные, вдовы). Но из материалов предыдущей переписи 1926 г. видно, что среди женщин от 40 до 45 лет количество вдов (18,2%) было ровно в 10 раз выше, чем вдовцов среди мужчин этой же возрастной группы (1,8%). В этих цифрах, как в зеркале, отразилась картина демографического неблагополучия среди сельских жителей зрелых и пожилых воз-

растных групп, на чью долю выпали войны, эпидемии, голод, унесшие многие сотни тысяч жизней, особенно мужчин.

Но если число овдовевших с возрастом постоянно растет, то количество разведенных, наоборот, становится все меньше. Характерно, что наибольший процент среди разведенных составляла молодежь от 20 до 24 лет, сравнительно легко оценивавшая брак и особенно его расторжение. Для старших поколений развод все еще оставался своего рода табу, вследствие чего среди жителей села зрелого и тем более пожилого возраста разведенных было на несколько порядков меньше, чем среди молодых (см. табл. 30).

Новым явлением в жизни общества после гражданской войны становится довольно широкое распространение брачного сожительства без официальной регистрации. В известной мере своим распространением эта форма гражданского брака также была обязана довольно либеральному законодательству о браке и семье. И хотя декрет ВЦИК РСФСР от 18 декабря 1917 г. признавал законным лишь зарегистрированный брак и супругам, не оформившим свой союз, закон не гарантировал многих прав, все же на практике факт регистрации мало что менял. В частности, дети, рожденные в фактическом незарегистрированном браке, пользовались теми же правами, что и рожденные от законного брака³³.

Учитывая степень распространения незарегистрированных браков, в 1926 г. закон взял под свою защиту те из них, где семья фактически существовала, что при необходимости могло быть легко доказано перед судом, и уравнивал их статус в правах на детей и имущество³⁴.

Признание фактического брака законом было направлено на защиту прав женщины, очень много терявшей в случае расторжения такого союза, в том числе право на детей и свою долю в совместно нажитом имуществе. Позже государство пошло в этом отношении еще дальше, и в 1935 г. Верховный Суд РСФСР признал «за лицами, находящимися в фактических брачных отношениях, хотя и не зарегистрированных, все права и обязанности супругов»³⁵.

К заключению брака в крестьянской среде относились куда строже, чем в отдельных слоях городского населения. Крестьяне, как видно из документов тех лет, вовсе не приветствовали даже браки, оформленные в загсах без церковного венчания, не говоря уж о нигде не зарегистрированных. Деревня 20-х годов еще крепко держалась за «законный» брак: «Брак — не игрушка, которую можно сегодня создать, а завтра или через неделю разрушить» или «Мы привыкли, чтобы все делалось степенно, а то будет голый разврат»³⁶.

Разводы

Еще более критически оценивало общественное мнение деревни участвовавшие разводы, по-прежнему считая их большим гре-

хом. В России до октября 1917 г. католическая церковь вообще не давала разводов, а православная — допускала редкие исключения, в случае доказанной супружеской неверности, продолжительного и безвестного отсутствия одного из супругов; тяжелой душевной болезни. Личные мотивы в расчет никогда не принимались.

Советское законодательство упростило развод, не предъявляя к нему никаких особых условий — достаточно было заявления обоих супругов (или даже одного). Оформление развода осложнялось при наличии детей, когда надо было решать вопросы об алименте, воспитании и дальнейшей их судьбе. В таких случаях дело передавалось в суд³⁷.

Помимо издержек чисто морального характера в крестьянской среде разводу сопутствовали и большие материальные потери, поскольку уходящий из двора супруг требовал своей доли имущества, а это затрагивало интересы сразу всех домочадцев. По обычаю патриархальных семей жена переходила в дом мужа, как правило, со своим приданым, зачастую включавшим кроме личных вещей и часть имущества, домашний скот и т.п. При рассмотрении имущественных претензий суд учитывал труд и средства, вложенные истцом в хозяйство, поэтому разводы оказывали сильное дезорганизующее воздействие на крестьянское хозяйство.

Статистика второй половины 20-х годов зафиксировала, что в деревне разводы были значительно менее распространены, чем в городе. Так, в целом по РСФСР на каждые 100 зарегистрированных браков в 1927 г. в городах приходилось 4,65 развода (в том числе по крупным городам с населением более 100 тыс. — 6,1), а в сельской местности — примерно 2,25 развода³⁸. Эти цифры подтверждают, что старая патриархальная мораль переживала новый серьезный кризис и прежде стабильный институт брака заметно зашатался. Происходила известная «переоценка ценностей» во многих сферах жизни, в том числе и в семье, менялся сам подход к браку. Сельская молодежь нередко легкомысленно смотрела на женитьбу, поэтому зачастую многие из браков оказывались слишком поспешными и быстро распадались.

Следует учесть, что в 1920-е годы наряду со «свежими» разводами определенную часть составляло и юридическое оформление уже давно прекратившихся браков. В дальнейшем, когда подобное наследие прошлого было преодолено, число юридических расторжений брака стало приближаться к их фактическому числу. По данным за 1936 г., среднее число разводов уменьшилось до 2,3% по городу и 1,66% — по сельской местности³⁹.

В специфических условиях национальных районов Северного Кавказа при сохранении патриархального быта вплоть до середины 20-х годов официально сохранялась власть мусульманского духовенства и шариатских судов. Это консервировало патриархальный уклад и мешало новым преобразованиям, а отход от традиционной исламской регламентации в семейных отношениях там стал намечаться лишь с конца 20-х годов. Интересно, что пробле-

ма развода исламом решалась просто: достаточно было мужу трижды произнести слово «талак» (развод). Власть мужа над женой была здесь столь велика, что право развода было односторонним. По законам шариата муж мог «отпустить» жену, т.е. фактически прогнать ее, даже не объясняя причины⁴⁰.

Изучение половозрастного состава разводящихся показало, что чаще всего разводилась молодежь от 18 до 29 лет, чей стаж брака был невелик (от нескольких месяцев до 2 лет). Причем по сельской местности почти 40% общего числа разводящихся пар составляла молодежь до 24 лет. В то же время в городе, особенно с населением более 100 тыс. жителей, возрастной состав разводящихся, как, впрочем, и вступающих в брак, распределялся равномерно за счет более высокого удельного веса тех, кому было от 25 до 35 лет⁴¹.

Женщины и дети в крестьянских семьях

Приниженное положение женщины в старой крестьянской семье воспринималось как естественное, само собой разумеющееся явление. Все имущество и земля были в руках мужчины, а женский труд, сколь важным бы он ни был для семьи, не обеспечивал ей материальной независимости. Советская власть с самого начала много сделала для устранения дискриминации слабого пола. Уже в декрете о секуляризации брака речь шла о равенстве полов⁴². Кроме того, женщина-крестьянка получала наравне с мужчиной и право на землю, распоряжение имуществом двора, на наследование и участие в семейных переделах с получением причитающейся ей доли. Важнейшим следствием декрета о земле и закона о социализации земли (от 27 января/9 февраля 1918 г.) явилось юридическое устранение главной экономической предпосылки зависимо-го положения крестьянки — право на землю и пользование ею передавалось всем членам крестьянской семьи без различия пола.

Однако декларирование и даже законодательное подкрепление женского равноправия еще не означало его фактического воплощения. Предстояло создать все необходимое для того, чтобы женщина получила возможность реально пользоваться данными ей по закону правами.

Положение реально изменилось после коллективизации и создания колхозов. Изменение формы собственности и характера экономических отношений привело к тому, что основой аграрного производства стал колхоз, в то время как масштабы собственного хозяйства крестьянской семьи существенно уменьшились. Изменилось и положение женщины: она пошла работать в артель, хотя заботы о семье, детях и домашнем хозяйстве с нее никто не снимал. Ее трудовая нагрузка, как и в условиях единоличного хозяйства, оставалась очень высокой. Было подсчитано, что в 1922/23 гг. в частном крестьянском хозяйстве женщине приходилось трудить-

ся около 16 часов в сутки, оставляя на отдых и сон всего 8 часов. Столько же (по официальным данным, скорее всего заниженным), работала она и летом 1934 г., с той лишь разницей, что основное время теперь отдавала колхозу, а не своему дому и детям⁴³.

Привлечение женщин на производство совпало со снижением рождаемости в стране начиная с 1929 г. В крестьянской семье дети всегда считались большой ценностью, но при этом не столько радостью, сколько необходимостью: на их помощь рассчитывали в хозяйстве и особенно в старости. Крестьянская мораль не без основания самым суровым образом осуждала любое вмешательство в природные процессы с целью предотвращения деторождения. В результате число рождений в семье определялось естественными факторами плодovitости⁴⁴.

Потребность в детях была традиционной, вытекала из всего уклада крестьянской жизни. Она же была и главным регулятором репродуктивного поведения. В 20-е годы в условиях семейного трудового хозяйства стремление к многодетности поддерживалось принципами наделения земель в зависимости от числа едоков. Более всего в детях были заинтересованы «средняцкие» хозяйства, которые стремились за счет новых членов семьи увеличить земельный надел. В частности, такую тенденцию отмечали в середине 20-х годов участники выборочного обследования крестьянских хозяйств на Сечерном Кавказе, Дальнем Востоке и в других районах⁴⁵. Иными словами, в те годы ориентация крестьянского хозяйства на многодетность была детерминирована социальными факторами. Но одновременно все более распространялся и новый трезвый и рациональный подход к деторождению.

Довольно точным измерителем уровня рождаемости является суммарный коэффициент, который характеризует среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю ее жизнь при сохранении существующего уровня рождаемости в каждом возрасте независимо от показателей смертности и изменений возрастного состава⁴⁶. В 1926—1927 гг. суммарный коэффициент рождаемости составлял 5,37 рождений, а в 1938—1939 гг. — 4,4 на одну женщину⁴⁷. Несмотря на заметное снижение этих коэффициентов за 12 лет, по своему значению они оставались на уровне, превосходившем даже так называемые «высокие» показатели, и в целом вполне обеспечивали расширенное воспроизводство населения. Суммарные коэффициенты рождаемости в конце 30-х годов на 10—25% снизились по сравнению с 1926—1927 гг. по всем возрастным группам, причем особенно резко среди женщин старше 35 лет. Основная часть рождений (около 60%) по-прежнему приходилась на матерей от 20 до 25 лет⁴⁸. Это подтверждают и материалы загсов за 1936 г.: 35,4% новорожденных появилось у молодых матерей от 21 до 25 лет; 27,4% — у 26—30-летних. Иными словами, более половины (62,8%) малышей родилось в деревне у молодых женщин до 30

лет. Заметно меньше — 26,5% детей — родилось у матерей от 31 до 40 лет и менее 7% — у матерей старше 40 лет. Кроме того, следует отметить, что в целом по РСФСР сельские женщины в 1936 г. произвели на свет ровно в 3 раза больше детей (2,7 млн), чем горожанки (0,9 млн)⁴⁹, что, естественно, объяснимо значительно более высокой долей сельского населения, но и не только.

Средний возраст сельских рожениц в целом был выше, чем у горожанок, за счет более равномерного распределения родов по всему периоду фертильности. В городе возраст рожаящих женщин существенно помолодел: почти 80% детей родилось у матерей не старше 30 лет (а в деревне, как мы видели, только 62,8%). На старшие возрастные группы матерей в городе пришлось 20%, а в деревне — более 1/3 новорожденных⁵⁰. Это свидетельствует о том, что сельские женщины рожали чаще и вплоть до 49 лет включительно, в то время как горожанки — только в молодые годы, чаще всего до 30 лет. В этом отношении репродуктивное поведение сельского населения менялось заметно медленнее, благодаря чему уменьшение числа детей в крестьянских семьях ощущалось не так резко.

Фактический материал свидетельствует, что и все прочие явления, связанные с уменьшением числа детей, в сельских семьях проходили медленнее. Р.И.Сифман в 1960 г. при опросе большой совокупности женщин разных поколений, начиная с 1890 г. рождения (чья репродуктивная деятельность полностью завершилась к концу 30-х годов), и более молодых поколений, получила очень интересные данные о количестве детей, рожденных ими за всю жизнь. Их изучение позволило установить определенную закономерность, состоящую в том, что чем позже родилось данное поколение женщин, тем меньше оказывалось число детей, ими рожденных, и тем большей становилась разница между количеством детей у сельских и городских женщин. Так, среднее число детей у горожанок поколения 1890—1894 гг., достигших 20-летнего возраста в 1910—1914 гг., составляло 4,72, а у сельских жительниц — 5,54, т.е. на 15% больше. У поколения 1895—1899 гг., рожавших в течение 1915—1935 гг. и позже, — соответственно 4,14 и 5,43 (т.е. разница в 24%), и у поколения 1900—1904 гг., рожавших в течение 1920—1940 гг., — 3,38 и 4,86 (т.е. у деревенских на 30% больше)⁵¹.

Приведенные показатели относятся к СССР в целом, и за ними скрываются огромные региональные различия. Характерно, что в тех районах, где итоговая рождаемость поколений оставалась сравнительно высокой (около 4 рождений на 1 женщину), сокращение числа рождений проходило быстрее, в то время как с низкой (не более 2) оно резко замедлялось⁵². Следовательно, среднее число детей, рождавшихся в 20—30-е годы, постепенно сокращалось. При этом в сельских семьях оно, как правило, оставалось на 15—30% выше, чем в городских. Данные о среднем числе детей, рожденных одной женщиной в эти годы, иллюстри-

руют изменения в репродуктивном поведении сельских жителей и свидетельствуют о более плавном осуществлении демографического перехода в деревне от традиционно многодетной к малой семье. Характерно, что период 20—30-х годов послужил как бы своеобразным промежуточным этапом на этом пути.

Постепенно усиливалась и этническая дифференциация рождаемости, которая до 1917 г. не имела особых различий. Это подтверждается при сопоставлении показателей детности женщин отдельных национальностей РСФСР за разные годы. В частности, к концу 30-х годов быстрее всего сокращались рождаемость и число детей в семьях осетин, карел, мордвы и русских, а у башкир, марийцев они практически не менялись. В то же время среднее число детей в семьях якутов, чеченцев, калмыков и бурят, в большинстве своем еще не знавших сознательного ограничения рождаемости, проявляло явную тенденцию к увеличению⁵³.

В основе проходивших в течение 1920—1930-х годов процессов снижения рождаемости и уменьшения среднего числа детей в семьях лежал целый комплекс причин, в основном социального и политического характера. Сказались последствия экстремальных событий (революции, войны, коллективизация, раскулачивание и ссылка), когда семьи были разлучены. Весьма губительными в этом плане стали и голодные 1932—1933 гг., когда резко увеличилась смертность населения, в том числе детей и беременных женщин, что также наложило тяжелый отпечаток на количественный состав крестьянских семей. Немаловажным фактором общего снижения рождаемости в первой половине 30-х годов следует считать и массовое вовлечение сельских женщин в общественное производство колхозов. Став членом сельскохозяйственной артели, крестьянка уже практически на весь день была оторвана от своего дома и семьи. Придя на производство, она поняла, что частые беременности и роды, увеличение семьи отрицательно скажутся не только на ее здоровье и работе, но и на бюджете семьи.

Внутрисемейное регулирование рождаемости

По колхозному Уставу 1935 г. за каждой семьей независимо от ее количественного состава закреплялся одинаковый для всех размер приусадебной земли. При таком порядке крестьянская многодетность теряла свой экономический смысл и целесообразность. Приусадебное хозяйство колхозных семей по размерам было очень незначительным и не требовало больших трудовых затрат. К тому же доходы крестьян от колхоза не способствовали содержанию большой семьи.

Среди причин, приведших к снижению рождаемости и среднего числа детей в крестьянских семьях, были и факторы чисто демографические. Это, как отмечалось, более позднее вступление в брак, участвовавшие разводы, которые, наряду с вдовством, сокра-

щали общее время поддержания супружеских отношений. Все более заметную роль в репродуктивном поведении супругов стало играть сознательное планирование деторождения, которое в новых условиях становилось личным делом супругов.

Уже в 20-е годы исследователи отмечали, что население очень быстро переходит к сознательному ограничению числа детей в семьях: «Женская масса крестьянства ищет путей к рационализации своей половой энергии. ...Сознательная воля матери к ребенку при наличии уже небольшого числа детей быстро убывает»⁵⁴.

Среди путей сознательного регулирования рождаемости в семьях наряду с такими примитивными и давно известными, как растянутые сроки грудного вскармливания детей и пр., появились новые методы. Во время Первой мировой войны и революции в России получили распространение аборты — операции искусственного прерывания беременности. «За первые годы революции аборт стал бытовым явлением, позже принял уродливые формы, стал социальным бедствием», — отмечали врачи⁵⁵.

В 1920 г. аборт был легализован и стал быстро входить в практику сельской семьи. Статистика зафиксировала, что в деревню аборт проник в начале 20-х годов, и уже в 1922 — 1924 гг., по неполным данным, сельским медикам пришлось иметь дело примерно с 150 тыс. случаев искусственного прерывания беременности, не считая благополучно завершившихся нелегальных абортов, произведенных без участия врача, и свыше 3 тыс. смертельных исходов от абортов, которых могло бы и не быть, если бы они проводились в больничных условиях. За эти же годы участковым больницам пришлось принять свыше 66 тыс. женщин с начатым, загрязненным абортом⁵⁶. Характерно, что сельские женщины к участковым врачам обращались «по секрету», с просьбой прервать беременность тайно, боялись огласки. Но тем не менее в 20-е годы аборт в деревне, по мнению специалистов, стал бытовым явлением⁵⁷.

В целом по сельской местности абортов было значительно меньше, чем в городах. По городскому населению 8 губерний РСФСР в 1925 г. удельный вес абортов по отношению к общему числу живорождений составлял 32% (по Москве — 46,3% и по Ленинграду — 42,4%), в то время как по сельскому — всего 2,1%⁵⁸.

Врачи, работавшие в районах с мусульманским населением, отмечали, что аборты среди киргизок, калмычек, буряток, татарок и башкирок в 20-е годы не получили распространения. На 90% и более сельские женщины, производившие аборт, были русскими. К операции аборта чаще всего прибегали молодые женщины до 29 лет — более 50%, от 30 до 39 лет — около 1/3 и примерно 10% — старше 40 лет⁵⁹.

Распространение абортов среди молодых крестьянок наряду с разводами, несомненно, было еще одним доказательством кризиса патриархальной семьи, серьезных сдвигов в психологии и морали по сравнению с «устоями» дореволюционной поры. Об этом же

говорили и участвовавшие обращения к врачам с целью произведения аборта со стороны незамужних крестьянок (девиц и вдов), которые стыдливо стремились скрыть последствия своих внебрачных сексуальных связей.

До середины 30-х годов число абортот продолжало увеличиваться. В 1934 г. по сельской местности РСФСР оно, по подсчетам Б.Ц.Урланиса, приближалось к числу рождений: всего в республике родилось около 3 млн детей, а только учреждениями Наркомздрава было зарегистрировано 700 тыс. абортов, не включая тех многочисленных случаев прерывания беременности, которые проводились нелегально. О масштабах абортов говорит и то, что число рожденных детей всего в 4 раза было больше официального числа абортов⁶⁰.

Решением ВЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. аборт был запрещен. Допускались лишь аборты, необходимые по медицинским показаниям. За нарушение запрета абортов устанавливалось уголовное наказание. Истинные мотивы запрета абортов определялись тяжелой демографической ситуацией в стране, сложившейся после катастрофического голода начала 30-х годов, унесшего миллионы человеческих жизней. В результате повышенной смертности и снизившейся рождаемости стала уменьшаться общая численность населения, которую советское правительство рассчитывало восстановить в кратчайшие сроки, запретив аборты.

Однако эта мера не дала ожидаемых результатов, хотя в первый год после запрещения абортов их число уменьшилось более чем в 3 раза⁶¹. Но из общего прироста в 1 млн родившихся за 1937 г. запрет аборта мог обеспечить лишь 40–50%, в то время как остальные дети появились на свет благодаря общей стабилизации и более благоприятным условиям жизни⁶². Уже в 1940 г. в целом по СССР абортов было зарегистрировано 34,8% (а по сельской местности — 4,2%) от общего числа живорождений. Это подтверждает, что после запрета абортов картина изменилась существенно, особенно если учесть, что официальная регистрация абортов ни в коей мере не отражала их действительного числа⁶³.

В сущности, переход от старого типа репродуктивного поведения к новому, который особенно быстро распространялся с конца 20-х годов, представлял собой важное демографическое явление, которое по своим масштабам и последствиям может быть определено как революция в рождаемости. У большей части населения Российской Федерации, за исключением некоторых национальных районов, этот переход в целом завершился лишь к концу 40-х — началу 50-х годов.

В значительной мере регулирование рождаемости в семье было тесно связано с быстрым снижением смертности населения и ростом средней продолжительности жизни, что было заметно с середины 30-х годов. Так, средняя продолжительность жизни у женщин в конце XIX в. составляла 33,4 года, в 1926–1927 гг. — 46,8 лет, а в конце 30-х годов удлинилась почти до 50 лет и продолжала расти⁶⁴.

Известно, что на среднюю продолжительность жизни очень влияет высокая смертность маленьких детей, сильно ее укорачивая. Для российской деревни высокий уровень детской смертности был обычным явлением. И только благодаря тому, что у крестьянки в среднем рождалось по 8—10 детей, поддерживался сравнительно высокий прирост населения. Шел естественный отбор детей на выживаемость — жить оставались наиболее крепкие и выносливые.

Таблица 32*

Рождаемость и детская смертность (до 1 года) в 1927 г.

Территория	На 1000 человек населения родилось	На 1000 родившихся умерло в возрасте до 1 года
Европейская часть СССР	43,0	190
городское население	32,1	164
сельское население	45,5	194
Европейская часть РСФСР	44,2	207
городское население	33,1	181
сельское население	46,8	213
Сельское население по регионам РСФСР:		
Северный	45,5	303
Ленинградско-Карельский	40,1	199
Западный	45,6	156
Центрально-Промышленный	44,3	203
Центрально-Черноземный	47,4	166
Вятский	52,5	324
Уральский	55,0	369
Башкирская АССР	48,8	182
Средне-Волжский	49,2	212
Нижне-Волжский	44,7	159
Крымская АССР	43,8	114
Северо-Кавказский	45,1	161
Сельское население УССР	42,8	150
Сельское население БССР	40,3	100

* Источник: Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 76—79.

Между уровнями рождаемости и младенческой (до 1 года) смертности существует определенная связь, поскольку в регионах с высокой рождаемостью всегда была и очень высокая смертность детей до 1 года. Это подтверждается данными табл. 32 за 1927 г.

Данные табл. 32 наглядно иллюстрируют прямую связь между уровнем детской смертности и рождаемости как в целом по стране, так и по отдельным регионам РСФСР. В ней использованы данные 1927 г., когда демографические процессы развивались в целом весьма благоприятно: рождаемость была очень высокой, а смертность — невелика. В 1927 г. еще ощущалось благотворное влияние компенсаторной волны после продолжительного периода войн и экономической разрухи. Заметна разница в показателях по РСФСР и по стране в целом. Так, в сельском населении России и рождаемость, и детская смертность были выше, чем в целом по стране. Существенна разница в их величине и между городским и сельским населением как в РСФСР, так и СССР в целом: приблизительно до 15% в уровне рождаемости и от 35 до 42% — в уровне младенческой смертности в пользу сельского.

При рассмотрении особенностей развития этих процессов внутри РСФСР привлекает внимание чрезвычайно большой разброс данных по отдельным регионам. Так, по Уралу и Вятскому районам при максимально высокой рождаемости был и самый высокий уровень смертности младенцев — соответственно более 50% (рождаемость) и свыше 30% (смертность). Очевидна закономерность — при предельно высоких показателях рождаемости, как правило, существовал и самый высокий уровень младенческой смертности. Выше средних по республике были показатели в Башкирии, Центрально-Черноземном районе и на Средней Волге. Но даже их показатели не шли ни в какое сравнение с тяжелейшей картиной в Вятском и Уральском регионах. Неблагоприятное положение там сложилось давно, и высочайший, предельно возможный уровень рождаемости резко уравнивался столь же высокой младенческой смертностью. Высока была смертность детей до 1 года и по Северному району, хотя рождаемость там оказалась ниже средней по Российской Федерации.

Общей причиной высокой смертности на селе был крайне низкий культурный уровень крестьянства, недостаточный уход за грудными детьми, неправильное питание, плохой присмотр, не оказание медицинской помощи и др., что было в обычае у большинства крестьянских семей.

Младенческая смертность (до 1 года) долго оставалась бедствием и в советское время: ее уровень в разные годы колебался между $1/3$ и $1/2$ от общего числа умерших. Так, даже в относительно благополучные 1926, 1927 гг. удельный вес детей, умерших в возрасте до 1 года, составлял по Уралу 58,1% от общего количества умерших, по Вятскому и Северо-Восточному районам — 47%, а в остальных районах (Северном, Западном и Центрально-Промышленном) — от 35 до 39%. Высокой оставалась

смертность маленьких детей и в национальных республиках: в Башкирии, Татарии и Чувашии — не менее 40% от общего числа умерших.

Мало изменилось положение и в 30-е годы — младенческая смертность по-прежнему была на уровне не менее 1/3 от общего числа умерших. В сельской местности Московской и Смоленской областей она измерялась 30%, Воронежской — 31,4, в Сибири — 39,4, а в целом по РСФСР — 33,6⁶⁵.

Суммарно общее число маленьких детей, не доживших до 5 лет, выражалось огромными величинами. Это были наиболее уязвимые с точки зрения различных болезней, травм и прочих несчастных случаев возрастные группы. В 1936 г. доля умерших детей от 0 до 5 лет составляла более 1/2 всех летальных исходов (53%), а в 1939 г. — 55%, причем эти грозные цифры были одинаковы велики среди городского и сельского населения. Смертность же других крайних возрастных групп — старше 60 лет — была намного меньше (в пределах 10—15%)⁶⁶.

В целом снижение рождаемости при сохранявшейся высокой смертности маленьких детей стало одной из основных причин уменьшения среднего размера крестьянских семей, хотя немалую роль в этом продолжали играть и семейные разделы, которые получили новый импульс после революции 1917 г.

Семейные разделы. Выделение малой семьи

Доминантным событием в судьбе крестьянской семьи и социально-экономическом развитии деревни 20-х годов стало завершение процесса дробления остававшихся крупных патриархальных семей. Это явление не было для деревни новостью, поскольку распад старой, сложной по составу и крупной по размеру семьи на ряд малых и простых достаточно интенсивно шел уже с последней четверти XIX в. В силу своей болезненности и сложности он затянулся на ряд десятилетий и полностью завершился лишь к началу 30-х годов.

Несмотря на то, что семейные разделы носили в целом экономический характер, в их основе лежали прежде всего факторы демографического порядка. Именно они отражали распад, выделение из родительской семьи женатых сыновей с их собственными малыми семьями. Толчком к этому в послереволюционные годы стало изменение аграрного законодательства, в частности, уравнение всех членов семьи в правах на общую собственность хозяйства, независимо от возраста и пола. Это стало началом огромных перемен во взаимоотношениях между поколениями в семье, между главой семейства и другими его членами.

В основном делились крупные хозяйства. Основанием для выдела служил непосредственный трудовой вклад сыновей в накопление общего семейного имущества. Процесс семейных разделов

осложнялся разногласиями экономического плана, прежде всего неравенством трудовых затрат в одном и том же хозяйстве при равенстве прав на имущество по закону. При этом особенно тяжело приходилось женщине, решившей уйти от мужа, поскольку ее изменившийся юридический статус при советской власти в обычной деревенской практике 20-х годов учитывался редко.

Пользуясь правами, вытекающими из нового законодательства о земле и о семье, многие из взрослых «детей», живших со своими женами и детьми в большой отцовской семье, требовали от ее главы передела семейного имущества с целью получения своей доли для создания отдельного хозяйства. Общее число многосемейных дворов сильно поубавилось за годы революции и гражданской войны и продолжало сокращаться далее. В промышленных губерниях Центра они уже в середине 20-х годов были относительно редкостью: не более 1–2 семей на деревню; вдали от городов и фабрично-заводских поселков их число доходило до 8–10 на селение. И только в исключительных случаях, как правило, в глухих деревнях, сильно отдаленных от железных дорог, многосемейные дворы составляли около 50% общего числа дворов. Например, в селе Сарай-Гир Бугурусланского уезда Самарской губернии из 480 дворов многосемейные составляли 286 и т.д.⁶⁷

С 1916 по 1923 гг. общее число крестьянских хозяйств в РФ возросло на 2,7 млн, а с 1925 по 1928 гг. — еще на 1,2 млн⁶⁸. Практически единственной причиной такого быстрого роста были семейные разделы. В пользу этого говорит и тот факт, что темпы роста числа крестьянских хозяйств (семей) в 1916–1928 гг. значительно опережали рост общей численности сельского населения Российской Федерации, что закономерно приводило к снижению среднего размера крестьянской семьи. За эти годы в целом по РФ она уменьшилась с 5,74 человек (1916 г.) до 5,1 человека (1928 г.), т.е. на 11%. При этом, естественно, колебания в величине семьи по отдельным губерниям достигали более заметной разницы. Намного крупнее, в 6 и более душ, средняя крестьянская семья оставалась в Рязанской, Тульской, Вятской губерниях, а также в Барнаульском, Новосибирском, Омском и Барабинском округах Сибири. Наоборот — менее крупной, т.е. от 4,95 человека в среднем на 1 семью, — в Северном и до 5,25 человек — по Центрально-Промышленному району⁶⁹.

Масштабы сокращения средней численности крестьянской семьи в России к 1927 г. особенно заметны при сопоставлении с данными подворных переписей 40-летней давности (80-е годы XIX в.), согласно которым средний состав крестьянской семьи по 21 губернии европейской части России исчислялся в 6,05 душ обоего пола⁷⁰. Иными словами, за 40 лет средняя величина крестьянской семьи в России уменьшилась с 6,05 до 5,1 человека (в 1928 г.), или почти на 16%.

К началу 30-х годов практически повсеместно исчез средний размер крестьянской семьи, исчислявшийся в 6 и более человек.

По большинству сельских районов Урала, Ленинградско-Карельского района, ЦПР, Средней Волги, Северного Кавказа, ряду областей Сибири и др. средняя крестьянская семья насчитывала от 4,8 до 5,35 душ, а в национальных районах (Калмыкии, Дагестане, Бурят-Монголии) — менее 4,8 человек⁷¹.

Сопоставление имеющихся данных о половозрастной структуре колхозников в 1939 г. по довольно представительному перечню республик, краев и областей РСФСР (25), содержащихся в статистике бюджетов, с аналогичными сведениями за 1928 г. позволяет все же сделать определенный вывод на этот счет (табл. 33). Ее данные по довольно репрезентативному кругу крестьянских семей каждой автономной республики (не менее 200), края и области (от 500 до 600) подтверждают, что к концу 30-х годов крупные неразделенные семьи в крестьянском (колхозном) населении как типичное явление исчезли повсеместно. Но и после этого средняя величина крестьянской семьи, как в 1926, так и в 1939 г., колебалась в пределах 4-5 человек. Это говорит о решительном преобладании в крестьянстве малых, в основном двухпоколенных семей, состоящих только из родителей и детей. Если суммировать показатели двух колонок о числе детей до 11 лет включительно и подростков от 12 до 15 полных лет, станет очевидно, что в каждой полной семье при наличии обоих родителей имелось примерно по 2–3 несовершеннолетних ребенка. В такой средней семье был 1 взрослый мужчина и 1 (или более) женщина трудоспособного возраста. Иными словами, встречалось немало семей, где наряду с родителями проживали их неженатые взрослые дети старше 16 лет.

Таблица 33*

Состав крестьянской семьи во II полугодии 1939 г. (оборотное число лиц), по данным бюджетных обследований (чел.)

Территория (обл.)	Число включен ных в разра- ботку	В среднем на 1 семью приходилось:					
		Детей от 0 до 11 лет	Под- рост- ков 12- 15 лет	Мужчин 16-59 лет	Женщин 16-59 лет	Стари- ков обоего пола (от 60 лет)	Всего
Вологодская	495	1,44 [1,47]	0,58 [0,28]	1,08 [1,1]	1,3 [1,46]	0,35 —	4,75 [4,96]
Ленинградская	505	1,29	0,48	1,26	1,29	0,4	4,73
Калининская	649	1,19 [1,66]	0,57 [0,46]	1,21 [1,17]	1,29 [1,42]	0,39 —	4,65 [5,24]
Смоленская	504	1,37	0,57	1,2	1,33	0,35	4,82

Территория (обл.)	Число включен ных в разра- ботку	В среднем на 1 семью приходилось:					
		Детей от 0 до 11 лет	Под- ростков 12-15 лет	Мужчин 16-59 лет	Женщин 16-59 лет	Стари- ков обоого пола (от 60 лет)	Всего
Московская	498	1,35 [1,82]	0,69 [0,46]	1,17 [1,16]	1,36 [1,43]	0,35 —	4,92 [5,61]
Рязанская	505	1,45 [2,06]	0,61 [0,54]	1,19 [1,35]	1,33 [1,5]	0,38 —	4,96 [6,04]
Горьковская	566	0,9	0,57	1,15	1,31	0,28	4,21 [5,3]
Кировская	575	1,01	0,56	1,2	1,37	0,35	4,49
Орловская	505	1,08	0,57	1,2	1,37	0,3	4,52
Воронежская	527	1,43	0,49	1,15	1,29	0,28	4,64
Тамбовская	494	1,54 [1,68]	0,59 [0,54]	1,27 [1,32]	1,31 [1,58]	0,3 —	5,01 [5,67]
Мордовская АССР	216	1,64	0,64	1,22	1,43	0,3	5,23
Татарская АССР	576	1,7	0,5	1,21	1,36	0,31	5,08
Куйбышевская	503	1,05 [1,17]	0,55 [0,3]	1,07 [0,93]	1,25 [0,94]	0,34 —	4,26 [3,68]
Саратовская	503	1,3	0,56	1,07	1,25	0,31	4,49
Сталинградская	566	1,2	0,49	1,03	1,24	0,25	4,21
Ростовская	503	1,37 [1,97]	0,51 [0,54]	1,1 [1,33]	1,23 [1,5]	0,3 —	4,51 [5,82]
Краснодарский край	509	1,27	0,56	1,15	1,29	0,18	4,45
Кабардино-Бал- карская АССР	295	1,29	0,45	1,21	1,21	0,38	4,54
Свердловская	504	1,4	0,62	1,04	1,22	0,3	4,58
Молотовская	494	1,35	0,47	0,98	1,24	0,37	4,41
Башкирская АССР	504	1,96	0,57	1,15	1,25	0,26	5,19
Чкаловская	715	1,56	0,54	1,09	1,27	0,28	4,74
Новосибирская	538	1,63	0,63	1,16	1,17	0,34	4,93
Алтайский кр.	488	1,54	0,59	1,15	1,33	0,27	4,88
В среднем по РСФСР		1,37 [1,8]	0,56 [0,45]	1,15 [1,21]	1,29 [1,39]	0,31 —	4,68 [5,4]

* ГАРФ. Ф.А-374. Оп. 22. Д. 400. Л. 181—206; Д. 6. Л. 241; Д. 10. Л. 256; Д. 21. Л. 351; Д. 29. Л. 26, 349; Д. 46. Л. 150; Д. 48. Л. 95; Д. 66. Л. 365 и др. В квадратных скобках приводятся имеющиеся данные на 1 января 1928 г.

Обращает на себя внимание, что при дроблении уменьшился удельный вес престарелых: в среднем лишь в одной из трех жил кто-то из представителей поколения старше 60 лет. Очевидно, что многочисленная семья, состоявшая из 3—4 поколений, как типичное явление к концу 30-х годов безвозвратно исчезла.

В целом процесс уменьшения средних размеров крестьянской семьи имел объективный характер, обусловленный конкретно-историческими условиями. На ее средней величине сказались те же факторы, что и на развитии сельского населения в целом. Помимо семейных разделов, положивших начало интенсивному дроблению семей, выделению самостоятельных, как правило, одноядерных семей, следует вспомнить и о снижении общего уровня рождаемости и числа детей в семьях. Заметный след в этом оставила и набиравшая обороты сельская миграция в город, в процессе которой деревню покидало самое молодое и активное в демографическом отношении мужское население.

Если говорить о региональных вариациях численности крестьянских семей, то нужно отметить, что самыми крупными они оставались в некоторых национальных районах (Мордовия, Татария, Башкирия и др.), т.е. там, где традиции патриархальности и многодетности держались крепче. В целом сокращение средней величины крестьянской семьи было заметнее в районах с преимущественно индустриальным развитием и более ощутимым миграционным оттоком.

Продолжая анализ данных табл. 33 за 1928 и 1939 гг., нужно отметить, что за истекшие 12 лет в средней крестьянской семье стало меньше представителей всех поколений — детей, подростков и даже мужчин и женщин в трудоспособном возрасте.

Некоторые сведения о сельской семье дает и Всесоюзная перепись населения 1939 г., но ее цифры оказываются несколько меньше, чем данные статистики бюджетов крестьянских семей. Так, по переписи 1939 г., средний размер сельской (а не только крестьянской) семьи составляет 4,3 человека⁷², в то время как по семейным бюджетам колхозников — 4,8, т.е. налицо расхождение в 8,9%. Данное несоответствие неизбежно при наложении неоднотипных источников, к тому же различной датировки (перепись на 17 января, а бюджетные обследования — на второе полугодие). Основная же причина данного расхождения состоит в том, что крестьянская и сельская семьи не тождественны друг другу. Сельское население не было социально однородным.

По данным переписи 1939 г., социальная структура сельского населения Российской Федерации была следующей: основное большинство его составляло колхозники и члены их семей — 60,8%; рабочие — 23,4%; служащие — 10,7%; крестьяне-единоличники (вместе с некооперированными кустарями) — 2,4% и прочие — 2,7%⁷³. Грани между отдельными общественными группами деревни в реальной жизни были условны, но демографическое поведение у различных слоев сельского населения, как и

ранее, не было одинаковым: средняя семья у крестьянина все же была более многочисленной, чем у сельского служащего.

Материалы бюджетных обследований значительно более адекватно отражают величину колхозной семьи, которая, судя по всему, была крупнее, чем средняя сельская семья. Тем не менее данные о семье из переписи 1939 г. вполне приемлемы и для характеристики крестьянской семьи как наиболее распространенного ее типа. В переписи была предпринята группировка сельских семей в зависимости от числа совместно живущих ее членов.

Таблица 34*

Группировка сельских семей в 1939 г.

Размер семьи	Число (тыс.)	% к итогу
Из 2 человек	2682,3	17,2
Из 3 человек	3083,3	19,8
Из 4 человек	3263,1	21,0
Из 5 человек	2761,7	17,8
Из 6 человек	1914,1	12,3
Из 7 человек	1070,3	6,9
Из 8 человек	495,2	3,2
Из 9 человек	191,7	1,2
Из 10 человек и более	93,3	0,6
Всего	15555,4	100,0
Одиночки	1184,6	—

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 450; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Россия. С. 36, 37.

Вопросы классификации типов сельских семей в зависимости от их состава и величины пока еще недостаточно разработаны в демографической литературе. И все же попытаемся дать более подробную характеристику возможных типов в зависимости от их количественного состава.

1. Семьи из 2 человек: возможны два варианта. Чаще всего такие семьи могли состоять из немолодой супружеской пары, дети которой жили отдельно (в этом же селе или в городе). Другим вероятным типом такой семьи могла быть овдовевшая или разведенная мать с сыном или дочерью, т.е. неполная семья.

Малые семьи из 2 человек в деревне 30-х годов отнюдь не были редкостью: на их долю, по переписи 1939 г., приходилось 17,2% итогового числа.

2. Семьи из 3—4 человек олицетворяли собой типичную малую одноядерную семью, состоявшую из мужа, жены и 1—2

детей. В них проживало 40% сельского населения РСФСР, причем более распространенными они были среди русского населения (до 50% и более) и реже — в национальных районах, где сельские семьи все еще были крупнее⁷⁴.

3. Семьи из 5 человек могли подразделяться также на два подвида. Первый — супружеское ядро (муж, жена) и 3 детей; и второй — супруги с 2 детьми и одним из родителей супругов (три поколения). Доля таких по числу составляла 17,8% к итогу, т.е. практически столько же, сколько и из двух человек.

Вместе эти три категории составляли более 3/4 общего числа сельских семей, то есть малая семья в деревне конца 30-х годов была преобладающей.

4. Более многочисленные семьи из 6, 7, 8, 9, 10 человек. Здесь возможно наибольшее разнообразие вариантов. Наряду с многодетной супружеской четой (а) возможны варианты проживания в одной семье, кроме мужа и жены с детьми, кого-нибудь из представителей старшего поколения — бабушки или дедушки или же обоих одновременно (б) или родителей, детей и кого-то из более отдаленных родственников — дяди, тети, племянников (в) и т.п.

Однако, несмотря на довольно многочисленный общий состав таких семей, в сельском населении их оставалось уже немного. Совокупная доля таких семей, насчитывавших от 6 до 10 и более человек, как показала Всесоюзная перепись 1939 г., оказалась менее 1/4 (24,2%) от итогового числа всех семей (см. табл. 34).

Но была еще одна форма существования, в своем роде альтернативная семье, традиционно объединяющей близких людей в единое целое. В отличие от семейных людей 1184,6 тыс. сельских жителей по той или иной причине жили одиноко, без семьи. Это могли быть так называемые «бобыли», т.е. холостые мужчины, никогда не имевшие семьи, или вдовцы, самостоятельно распорядившиеся в своем хозяйстве, где не требовалась помощь других лиц (пасечники, пастухи и др.). Как правило, они жили в сравнительном отдалении от шумных селений, мало общались с людьми и их занятия не требовали частых контактов.

Кроме того, в разряд «одиночек» постепенно переходили вдовые или разведенные матери из категории 1, дети которых уезжали из деревни. Кроме того, одиночками могли стать и сравнительно молодые мужчины и женщины, временно не имевшие семьи. Характерно, что данная группа сельского населения проявила тенденцию к постепенному возрастанию. Достаточно сказать, что в 1959 г. число одиночек увеличилось в 2,25 раза по сравнению с 1939 г.⁷⁵

Немало перемен произошло и во внутрисемейной жизни, во взаимоотношениях между отдельными членами семьи. В особой степени изменилась позиция домохозяйина, главы семьи, который в патриархальных семьях единолично решал судьбы своих домочадцев, жены и детей. Но в новых условиях коренной ломки общественного уклада в деревне, все чаще крестьянские сыновья и дочери, получив образование и нужную в деревне специальность,

зарабатывали намного больше того, что причиталось в колхозе главе семьи. Это сильно подрывало былой непререкаемый авторитет главы семейства, лишало его прежнего всевластия. Но помимо материальных основ власти старшего в семье, из нее исчезал и старый дух патриархальности. Гораздо более надежной основой для согласия в семье становилась взаимная привязанность, крепкие родственные чувства и добрая воля членов семьи подчинять свои личные интересы общесемейным. Этого было легче достичь в малой семье, где были лишь родители и их дети, хотя еще долго существовало пренебрежительное отношение к женщине, ребенку, браку и семье. Следствием этого зачастую являлись новые негативные явления типа беспечного подхода к разводу, уклонения отцов от уплаты алиментов на детей и т.п.

И все же положение женщины в семье сильно изменилось. В новых разделенных семьях она часто выступала как глава семьи, особенно там, где семья была неполной, т.е. без мужа или отца. Перепись 1939 г. зафиксировала, что женщины возглавляли 3281,4 тыс. сельских семей (21%)⁷⁶. Это говорило не только о наличии неполных семей, но и о достаточно серьезном изменении статуса сельской женщины, на деле доказавшей свою способность не только вести хозяйство, но и руководить семьей.

Таким образом, на этапе 20—30-х годов крестьянская семья пережила серьезные перемены, связанные с юридическим уравнением прав мужчины и женщины как в семейных, так и в имущественных отношениях. Эта политика, с одной стороны, ускорила процесс дробления крупных семей полупатриархального типа, а с другой — изменила отношение людей к браку. Все больше молодых людей стало жениться по взаимной любви, а не по материальным соображениям. В то же самое время брак потерял свою былую незыблемость, перестал быть единственным на всю жизнь, поскольку либерализация развода сделала доступными повторные браки. В семье усилилась роль сознательного подхода к рождаемости и числу детей. Крестьянские семьи стали меньше, главным образом за счет уменьшения в них числа детей. В целом данное 20-летие может быть охарактеризовано в известной мере как промежуточный этап в общем процессе перехода от старой многодетной и многопоколенной крестьянской семьи к современной малой семье.

С изменением социально-экономического уклада в стране большие перемены произошли и во внутрисемейных отношениях — они стали меняться в сторону демократизации, большего равенства всех членов семьи.

Иными словами, в 20—30-е годы крестьянская семья оставалась прочным живым механизмом, переживавшим свои взлеты и падения, от чего-то избавляясь и несомненно приобретая новые ценные качества. Отдельные элементы свидетельствовали о кризисе традиционной морали (разводы, аборт, свобода сексуальных связей и т.п.), а сама крупная неразделенная сельская семья практически исчезла, уступила свое историческое место новым формам семейной организации.

Глава X.

Индустриализация и урбанизация: демографические последствия

Рост промышленности и городов в Российской Федерации

В ходе форсированной индустриализации СССР ведущим экономическим районам Российской Федерации отводилась первостепенная роль. Лишь за первую и вторую пятилетки здесь было построено более 4 тыс. новых крупных промышленных предприятий. Среди них такие гиганты индустрии, как Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Московский и Горьковский автомобильные заводы, Уральский завод тяжелого машиностроения, Московский подшипниковый завод (ГПЗ-1), Сталинградский и Челябинский тракторные заводы, Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения, Челябинский завод ферросплавов, Уральский вагоностроительный завод, Березниковский азотно-туковый завод, Воскресенский химкомбинат, Свердловский электроламповый завод, Уфимский моторный завод и многие другие. Вместе с тем в этот период происходила реконструкция старых промышленных предприятий: строились новые цехи, устанавливалось более современное оборудование, модернизировалась технология. Такие отрасли, как энергетика, черная и цветная металлургия, химическая и нефтехимическая промышленность, были практически полностью реконструированы.

Строительство новых, реконструкция старых предприятий сказались на росте промышленной продукции. О состоянии промышленного развития Российской Федерации в 1928—1940 гг. свидетельствуют данные табл. 35.

Достигнутые результаты в металлургической, топливной, химической промышленности, электроэнергетике и т.д. стимулировали развитие урбанизационных процессов.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в стране насчитывалось 1929 городских населенных пунктов. Из них в Российской Федерации находилось 1240. По различным регионам республики они распределялись крайне неравномерно. Так, в Северном районе их было учтено в переписи 38, в Ленинградско-Карельском районе — 113, в Западном — 69, Центрально-Промышленном — 332, Центрально-Черноземном — 62, Вятском — 31, в Уральской области — 160, Башкирской АССР — 23, Средне-Волжском районе — 79, Нижне-Волжском — 48, в Крымской АССР — 19, Северо-Кавказском крае — 66, в Дагестанской

АССР — 7, Казахской АССР — 50, Киргизской АССР — 8, Сибирском крае — 75, Бурято-Монгольской АССР — 4, Якутской АССР — 6 и в Дальневосточном крае — 50¹.

Таблица 35*

Производство промышленной продукции РСФСР

Продукция	Годы				
	1913	1928	1932	1937	1940
Электроэнергия, млрд. кВт.ч	1,3	3,2	9,1	23,4	30,8
Уголь, млн т	6,0	10,3	23,3	53,4	72,8
Нефть, млн т	1,3	3,7	8,8	5,7	7,0
Газ, млн м ³	17	154	560	318	377
Чугун, млн т	1,3	0,9	1,9	5,3	5,3
Сталь, млн т	1,8	1,8	2,6	9,0	9,3
Прокат черных металлов, млн т	1,4	1,4	1,8	6,5	6,6
Железная руда, млн т	2,3	1,4	3,6	10,6	9,7

* Таблица составлена по: Народное хозяйство РСФСР: Стат. сб. М., 1957. С. 70.

Приведенные данные показывают, что в начальный период индустриализации территориально большинство городов находилось в старых промышленных и торговых центрах России. Преобладали города с небольшим числом населения — от 5 до 20 тыс. Они составляли около 3/4 всех городов. Крупные же города с населением от 50 до 100 тыс. жителей составляли 7,5% и свыше 100 тыс. — лишь 3,6%.

Городское население Российской Федерации в этот период составляло небольшой процент (17,3). Однако по ряду регионов он был значительно ниже. Так, в Северо-Восточном районе (Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская губернии), Коми (Зырянская) автономная область он составил лишь 9,9%, Западном районе (Брянская, Смоленская губернии) — 11,9, Центрально-Черноземном районе (Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская губернии) — 9,5, Вятском районе (Вотская автономная область, Вятская губерния, Марийская автономная область) — 6,8, Башкирской АССР — 8,7, Бурят-Монгольской АССР — 9,3, Якутской АССР — 5,7%.

Вместе с тем имелись регионы, где процент городского населения был значительно выше. В Ленинградско-Карельском районе (Карельская АССР, Ленинградская губерния, Мурманская, Новгородская, Псковская, Череповецкая губернии) он составил 34,5,

а в Ленинградской губернии — 67,2%, в Центрально-Промышленном районе — 25,6, в том числе в Московском промышленном районе (Владимирская, Иваново-Вознесенская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Тверская, Ярославская губернии) — 29,5, а в Московской губернии — 59,3, в Крымской АССР — 46,3%.

Небольшой была плотность населения. В целом по республике она составляла 5,1 жителей на 1 кв. км, а среди сельского населения еще меньше — 4,2.

Промышленность РСФСР составляла значительную часть валовой продукции Союза. В 1940 г. производство электроэнергии в республике составляло 64% общесоюзного уровня, чугуна — 35, стали — 51, проката черных металлов — 50, угля — 44, нефти — 23, металлорежущих станков — 68, гидравлических турбин — 99, магистральных грузовых вагонов — 67, магистральных пассажирских вагонов — 100, автомобилей — 100, цемента — 63, хлопчатобумажных тканей — 94, шерстяных тканей — 85, льняных тканей — 92, шелковых тканей — 80%².

Однако быстрые темпы развития индустрии, заложенные в первых пятилетних планах, не учитывали реальных возможностей страны: не было достаточных материальных ресурсов, не хватало квалифицированных кадров и т.д. Главное внимание уделялось развитию тяжелой промышленности, недооценивалось производство предметов потребления. В городах ощущался недостаток продовольствия, была введена карточная система, снижалась реальная заработная плата. Ряд регионов Российской Федерации в 1932 — 1934 гг. охватил голод.

Несмотря на многие жертвы и перекося при осуществлении индустриализации, в целом она имела определенные результаты: подняла экономику на новую ступень, создала предпосылки для победы в годы Великой Отечественной войны.

Индустриализация непосредственно была связана с ростом городов и увеличением численности их населения, оказала влияние на изменение его социальной и демографической структур.

Процесс урбанизации в Российской Федерации сопровождался строительством новых городов. Их появление часто было связано с освоением месторождений минерального сырья на незаселенных территориях восточных районов. Одним из важнейших индустриально-промышленных центров республики становились Урал и Западная Сибирь. Такие новые города Западной Сибири, как Анжеро-Судженск, Прокопьевск, Киселевск, Осинники, Белово являлись центрами угольной промышленности; Новокузнецк, Гурьевск, Салаир, Белово — центры черной и цветной металлургии; Искитим, Яшкино — центры цементной промышленности; Колпашево — центр рыбоперерабатывающей и деревообрабатывающей промышленности³.

Широкая сеть городских поселений выросла и в Восточной Сибири. В годы реконструкции в этом регионе появились города:

центры лесоперерабатывающей промышленности — Игарка, Абакан, Тайшет, Тулун; шахтерские города — Черногорск, Черемхово; центры золотодобывающей промышленности — Алдан, Артемовск, Иланский и др.⁴

Освоение природных ресурсов на Дальнем Востоке также было связано с появлением новых городских поселений.

За небольшой отрезок времени выросла целая сеть новых городов и промышленных поселков и в других регионах Российской Федерации. Развитие промышленности в этот период было важнейшим градообразующим фактором. Увеличивалась численность городских поселений и в европейской части республики. Так, в Подмоскovie немало бывших сельских поселений приобрели статус городов, а ряд пригородных территорий был включен в городскую черту.

На 1 мая 1936 г. в Российской Федерации насчитывался 551 город, 540 рабочих поселков, 322 поселка городского типа.

В предвоенный период кроме строительства новых широко проходила реконструкция старых городов.

О росте числа городов и поселков городского типа за период с 1926 по 1939 гг. свидетельствуют следующие данные: в декабре 1926 г. в РСФСР насчитывался 461 город и 702 поселка городского типа, в январе 1939 г. — соответственно 572 и 743⁵.

Эти данные показывают, что в Российской Федерации за период между всесоюзными переписями населения число городов увеличилось на 111, а поселков городского типа — на 41. В начале 1939 г. в республике насчитывалось 1315 городских поселений. Следует отметить, что вместе с ростом числа городов происходило и их укрупнение. Если в 1926 г. в республике насчитывалось 57 городов с населением свыше 50 тыс. человек, то к 1939 г. их число выросло на 53 и составило 110 городов. В 1926 г. было только два города с населением свыше 500 тыс. человек, а в 1939 г. — четыре.

Таким образом, в Российской Федерации во второй половине 20-х — 30-х годах в процессе индустриализации быстрыми темпами происходила урбанизация, выразившаяся в количественном росте городских поселений, в укрупнении городов, а также в увеличении численности городского населения.

Изменение численности городского населения в 1926—1939 гг.

Об усилении процесса урбанизации в нашей стране в целом и в Российской Федерации в частности свидетельствовало не только увеличение численности городских поселений, но и быстрый рост городского населения за период с 1926 по 1939 г.

Увеличение численности городского населения происходило за счет таких источников, как естественный и механический прирост,

а также преобразование сельских населенных пунктов в городские поселения. Рассмотрим, какова была роль каждого из этих источников.

Глубокие социально-экономические преобразования, проходившие в этот период в стране, оказали влияние на естественное движение населения. Уменьшение рождаемости было характерно для страны. Об этом свидетельствуют данные табл. 36, в которой представлена рождаемость на 1000 населения в рамках европейской части СССР.

Таблица 36*

Динамика рождаемости (‰)

Годы	Рождаемость		
	В городах	На селе	По СССР
1913	37,2	46,8	45,6
1926	34,7	45,6	43,7
1928	30,2	45,0	42,2
1932	27,0	32,2	31,0
1935	24,6	32,2	30,1

* См.: Струмилин С.Г. Избр. произв. в 5 т. Т. 3: Проблемы экономики труда. М., 1964. С. 137.

Данные табл. 36 показывают, что снижение рождаемости в период реконструкции происходило как в городах, так и в сельской местности. В городах за девять лет она снизилась на 10,1, а на селе — на 13,4 рождений на 1000 человек.

Уменьшение рождаемости особенно коснулось восточных районов Российской Федерации, где имелись большие трудности с обеспечением населения жильем. Так, в Западной Сибири за период между двумя Всесоюзными переписями 1926 и 1939 гг. городское население выросло на 1780348 человек. Однако естественный прирост составил лишь 214776 человек (12,1‰), а механический — 1565572 человека (87,9‰)⁶.

Уменьшились рождаемость и естественный прирост населения и в городских поселениях Восточной Сибири. Об этом свидетельствуют данные табл. 37.

Как видно из табл. 37, рождаемость городского населения в Восточной Сибири после некоторого повышения в 1928 г. начала снижаться. Вместе с тем в начале 30-х годов в городах этого региона повысилась и смертность. Одной из причин этого являлся быстрый рост городского населения, обгонявший улучшение медицинского обслуживания. Поэтому и естественный прирост городского населения за эти годы уменьшился почти в 2 раза.

Естественное движение городского населения Восточной Сибири
в 1927—1931 г. (на 1000 населения)

	Годы				
	1927	1928	1929	1930	1931
Рождаемость	34,8	35,6	32,1	27,1	31,3
Смертность	20,3	21,7	18,3	20,9	23,8
Естественный прирост	14,5	13,9	13,8	6,2	7,5

* См.: Чураев А. Население Восточной Сибири. Москва; Иркутск, 1933. С. 39.

За пять лет городское население Восточной Сибири за счет естественного прироста увеличилось на 29,7 тыс. человек, а за счет механического прироста — на 166,8 человек⁷, то есть естественный прирост был в 5,6 раза меньше механического.

Небольшой удельный вес занимал естественный прирост населения и в городах Дальнего Востока. За период между двумя переписями 1926 и 1939 г. городское население этого региона увеличилось на 1207874 человека. Однако естественный прирост составил лишь 137697 человек (11,4%), а механический — 1070177 человек (88,6%)⁸.

В целом городское население Сибири и Дальнего Востока за период между двумя Всесоюзными переписями 1926 и 1939 г. выросло на 4012220 человек и составило 5681516. Естественный прирост по-прежнему был небольшой — 474127 человек (11,8%).

В конце 20-х — середине 30-х годов наблюдалась устойчивая тенденция к снижению рождаемости и в городских поселениях Урала, а также других промышленных центров. Вовлечение женщин в различные сферы народного хозяйства не могло не сказаться на снижении рождаемости. В этот период происходило уменьшение числа детей в семьях, особенно в рабочих. Так, в 1930 г. семьи рабочих крупной промышленности насчитывали в среднем 4,02 человека, в 1932 г. — 3,93, в 1933 г. — 3,87, в 1934 г. — 3,83, а в 1935 г. — 3,8 человека⁹.

Естественный прирост городского населения Российской Федерации в целом был небольшим. В 1930 г. он составил 176,5 тыс., в 1931 — 142,7 тыс.¹⁰. Среднегодовой естественный прирост населения между переписями 1926 и 1939 г. составил 12,3 на 1000 человек¹¹.

Итак, важным источником пополнения населения городов был его механический прирост. Приток сельского населения в городские поселения происходил и в первые годы индустриализации.

Однако он был еще небольшим. Ликвидация безработицы в 1930 г., а также широкое развитие индустрии в годы первой пятилетки усилили миграционное движение населения в города. В это время промышленность и транспорт испытывали значительную нехватку рабочих кадров. И эту проблему можно было решить путем привлечения рабочих рук из сельской местности, где была сосредоточена основная масса трудовых ресурсов. Здесь имела значительная неиспользованная рабочая сила. Следует отметить, что коллективизация оказала влияние на усиление миграции крестьян в города и рабочие поселки. В целом механический прирост городского населения за счет сельских жителей значительно возрос.

В целях установления контроля за перераспределением людских ресурсов государственными органами был принят ряд постановлений. Среди них постановление ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов»¹², принятое в декабре 1932 г. Этим документом фактически был запрещен стихийный отток сельского населения в города. На ограничение самовольного ухода крестьян в города было направлено и постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке отходничества из колхозов»¹³, опубликованное в марте 1933 г.

Большой прилив населения в города республики происходил в годы первой пятилетки. Это проявлялось как в формировании новых городов, так и в огромном увеличении численности населения в старых промышленных центрах. Особенно бурный рост городского населения наблюдался в 1931 и 1932 гг. Он охватил все регионы РСФСР, о чем свидетельствуют данные табл. 38.

Данные табл. 38 показывают, что в 1931—1932 гг. происходил механический прирост городского населения во всех регионах Российской Федерации. Но особенно большой его прирост имел место в Москве — 894,6 тыс. человек, Уральской области — 634,8 тыс., Западно-Сибирском крае — 624,8 тыс., Ленинграде — 562,3 тыс., Северо-Кавказском крае — 294,8 тыс. человек. Именно в эти годы выросли и превратились в крупные промышленные центры такие города-новостройки, как Кемерово, Прокопьевск, Анжеро-Судженск и др. В этот период влилось огромное количество населения и в наши старые города¹⁴.

За 1931—1932 гг. городское население в целом по стране увеличилось на 6765,6 тыс. человек, или на 18,5%. Однако в ряде районов Российской Федерации этот прирост был значительно больше. Так, в Западно-Сибирском крае он составлял 40,4%, в Карельской АССР — 35,1, Дальневосточном крае — 33,4, Ленинградской области — 33,0, Москве — 28,3, Уральской области — 24,2%.

**Механический прирост городского населения России
в 1931—1932 гг.**

Республики, области, края РСФСР	Абсолютные данные за 1931—1932 гг. в тыс. чел.	В % к итогу по СССР	В % к численности городского населения
Северный край	113,9	1,68	29,1
Карельская АССР	33,1	0,49	35,1
г. Ленинград	562,3	8,31	21,9
Ленинградская область (без Ленинграда)	269,6	3,98	33,0
Западная область	39,0	0,58	5,2
г. Москва	894,6	13,22	28,3
Московская область (без Москвы)	343,7	5,08	17,3
Ивановская область	106,4	1,57	8,2
Горьковский край	213,4	3,15	18,5
ЦЧО	123,1	1,82	10,7
Уральская область	634,8	9,38	24,2
Башкирская АССР	58,9	0,87	20,9
Татарская АССР	53,2	0,79	15,8
Средне-Волжский край	109,7	1,62	11,7
Нижне-Волжский край	179,3	2,65	13,8
Северо-Кавказский край	294,8	4,36	13,5
Дагестанская АССР	22,7	0,34	16,2
Крымская АССР	22,6	0,33	6,1
Казахская АССР	260,3	3,85	27,2
Каракалпакская АССР	4,2	0,06	21,6
Киргизская АССР	50,4	0,74	29,3
Западно-Сибирский край	624,8	9,24	40,4
Восточно-Сибирский край	94,0	1,39	15,5
Якутская АССР	8,5	0,13	34,8
Дальневосточный край	194,8	2,88	33,4

* Таблица составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 29. Л. 47.

Территориальными источниками пополнения городского населения Российской Федерации являлись не только сельские регио-

ны ее собственные, но и других республик. Об этом говорят следующие данные: в 1928 г. прирост городского населения РСФСР за счет жителей сельской местности составил 745,8 тыс. человек, из них 722,7 тыс. (96,9%) прибыло из своей республики и 23,1 тыс. (3,1%) — из других союзных республик (из них на УССР приходилось 53,9%, БССР — 42,3, ЗСФСР — 2,8%)¹⁵.

Подобное соотношение наблюдалось и в последующие годы. В 1930 г. прирост городского населения составил 1002,5 тыс. человек, из которых 971,4 тыс. (96,9%) из своей республики и 31,1 тыс. (3,2%) — из других республик¹⁶. В 1931 г. он насчитывал 2887,3 тыс. человек, из них из своей республики — 2705,3 тыс. и из других республик — 181,9 тыс. человек¹⁷. В 1932 г. прирост городского населения Российской Федерации составил 1872,9 тыс. человек, в том числе из сельской местности РСФСР прибыло 1754,8 тыс., а из других республик — 118,1 тыс. человек, в том числе из УССР — 58,1 тыс., БССР — 35,6, ЗСФСР — 7,5, Узбекской ССР — 13,1, Туркменской — 1,9, Таджикской — 1,9 тыс. человек¹⁸.

В 1933 г. пополнение городского населения Российской Федерации за счет внутренних ресурсов составило 90,65%, из них 54,57 являлись выходцами из села и 36,08% — из города. Представители из других республик составляли 9,35%, из них 5,42% — из Украины. В 1934 г. среди пополнения выходцев из Российской Федерации было 92,32%, из них 54,98% — жители села и 37,34% — города¹⁹. В города республики в 1934 г. прибыло 8308,7 тыс. человек, из них из сел — 4805,7 тыс. и из городов — 3503,0 тыс. человек²⁰.

Приведенные данные показывают, что города Российской Федерации пополнялись прежде всего за счет представителей своей республики, среди которых доминирующее положение занимали выходцы из деревни.

Значительный интерес представляют данные о социальном составе новых пополнений городского населения республики. Следует отметить, что в 1931 г. в документах об источниках пополнений городского населения выделялись следующие занятия рабочих — строители, горнорабочие, металлисты, а также прочие — возчики, грузчики, каменщики. Вместе с тем были выделены и социальные слои безработных: рабочие (строители, чернорабочие, металлисты), служащие и домашние работницы. Так, среди безработных, прибывших в города Московской области, рабочих было 9403 человека, служащих — 1741, домашних работниц — 170, прочих самодеятельных безработных — 6740 человек²¹.

В городах Ивановской промышленной области (Кострома, Ярославль, Иваново-Вознесенск, Вичуга, Кинешма, Ковров, Рыбинск, Шуя) среди прибывших безработных в 1931 г. рабочих насчитывалось 23758 человек (из них 1248 строителей, 13375 чернорабочих, 1392 металлиста и 5279 прочих), служащих — 3161 человек, домашних работниц — 1039 и других самодеятельных — 3159 человек²².

Население городов в 1931 г. пополнялось и за счет колхозников, а также единоличников-хозяев, включавших занятых в сельском хозяйстве кустарей, ремесленников и прочих. В города Ивановской промышленной области в этом году прибыло: колхозников — 793, хозяев — 6015²³; в города Московской области: колхозников — 292, хозяев — 5526²⁴. В 1932 г. хозяева или неоперированные производители, прибывшие в 92 города РСФСР, насчитывали 74990 человек²⁵. Среди пополнявших города были немало заключенных и ссыльных раскулаченных, привлекавшихся в качестве даровой рабочей силы на стройки пятилеток.

Определенный интерес представляют данные о половом составе прибывавших в города Российской Федерации. В них вливалось больше лиц мужского пола. Так, в 1931 г. они составляли 59,8%, в 1932 г. — 63,8%²⁶.

Данные о половом и возрастном составе мигрирующего населения республики за 1934 г. приведены в табл. 39.

Таблица 39*

**Возрастнополовой состав мигрирующего населения РФ
за 1934 г. (тыс. чел.)**

Возрастные группы	Прибыло	
	мужчин	женщин
До 1 года	26,9	25,1
1—3	126,6	122,8
4—7	177,7	171,5
8—11	160,8	153,5
12—15	122,6	123,2
16—17	188,3	156,9
18—19	389,2	265,0
20—22	689,2	483,1
23—44	2810,1	1566,0
45—49	279,9	144,4
50—59	299,4	217,4
60 лет и старше	126,8	203,3
Итого	5397,5	3632,2

* Таблица составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 52. Л. 59.

Данные табл. 39 показывают, что в города вливалось больше лиц мужского пола почти всех возрастов (кроме групп от 12—15 лет и от 60 лет и старше). Среди мужчин и женщин, прибывавших в города, наибольшее число составляли лица в трудоспособном возрасте от 16 до 59 лет.

Итак, основным источником роста городского населения Российской Федерации являлась миграция из села в город. Всего за 12 лет между всесоюзными переписями населения из села в город переселилось 18,5 млн человек²⁷. Это позволило обеспечить трудовыми ресурсами промышленные предприятия городов, а также новостройки. Вместе с тем усложнялись социально-экономические проблемы растущего контингента горожан.

Рост городского населения происходил и за счет преобразования сельских населенных пунктов в городские. Это было связано во многих случаях с созданием промышленных предприятий в сельских регионах. Перевод крупных сельских населенных пунктов в городские проводился в 20-е и начале 30-х годов. Так, в 1930 г. вновь включенные города, утвержденные ВЦИК, насчитывали 316,2 тыс. населения, в 1931 г. — 269,9 тыс. и в 1932 г. — 199,5 тыс. человек²⁸.

Особенно активно этот перевод, хотя и не всегда обоснованный, происходил перед началом проведения Всесоюзной переписи населения 1939 г. Лишь в течение двух лет, 1937 и 1938, количество городских поселений в целом по стране возросло на 764, или на 48% и составило 2364 поселения²⁹.

Преобразования сельских населенных пунктов в городские происходило во всех регионах Российской Федерации. Так, например, в Сибири за эти годы статус городов и поселков городского типа получили 52 населенных пункта³⁰.

В Российской Федерации преобразованные сельские населенные пункты также значительно пополняли городское население. В 1930 г. это пополнение составило 316,2 тыс., в 1931 г. — 269,9, в 1932 г. — 199,5 тыс. человек³¹.

Об удельном весе каждого источника пополнения городского населения страны в период между двумя всесоюзными переписями населения в 1926 и 1939 гг. свидетельствуют данные табл. 40.

Таблица 40*

Источники роста городского населения СССР с 1926 по 1939 г.

Показатели	Млн человек	%
Механический прирост	18,5	62,5
Естественный прирост	5,3	17,9
Преобразование сельских населенных пунктов в городские	5,8	19,6
Весь прирост	29,6	100

* Таблица составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 279. Л. 23; Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири. С. 57.

Из приведенных в табл. 40 данных видно, что важнейшим источником пополнения городского населения страны являлся его механический прирост, т.е. миграционное движение. Он составлял 62,5% всего прироста городского населения. На втором месте было преобразование сельских населенных пунктов в городские. Этот источник составлял 19,6%. И последнее место занимал естественный прирост населения, составлявший лишь 17,9%.

Аналогичное распределение было и в Российской Федерации. Так, например, в Сибири на первом месте находился механический прирост — 72,1%, на втором — преобразование сельских населенных пунктов в городские — 14,6% и на третьем — естественный прирост — 13,3%³².

Об усилении процесса урбанизации в Российской Федерации свидетельствовал не только рост количества городов, но и увеличение численности городского населения. За период с 1926 по 1937 г. оно выросло на 208,7% и составило примерно 33 млн человек*, из них мужчин 47,5 и женщин 52,5%³³. О росте и изменении его удельного веса в республике за период между двумя Всесоюзными переписями населения 1926 и 1939 гг. свидетельствуют данные табл. 41.

Таблица 41*

Рост численности и удельного веса городского населения РСФСР в 1926—1939 гг.

Республика	Численность городского населения (млн)		Процент городского населения		Рост городского населения за период с 1926 по 1939 г. (во сколько раз)
	17.XII.1926	17.I.1939	17.XII.1926	17.I.1939	
Союз ССР	26,3	49,0	17,9	29,2	1,9
РСФСР	16,7	33,7	18,0	31,5	2,0

* Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 22.

Данные табл. 41 показывают, что численность городского населения Российской Федерации за 12 лет, прошедших между двумя всесоюзными переписями населения, увеличилась на 17,0 млн человек и составила 33,7 млн человек, т.е. резко возросла. За этот период удельный вес городского населения республи-

* Уточненные данные численности городского населения приводятся по: Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г. в историографии: Оценка достоверности // Россия в XX веке. М., 1996. С. 474 — 476.

ки увеличился на 15,0% и составил 31,5%. Нетрудно заметить, что темпы роста численности и удельного веса городского населения Российской Федерации были выше общесоюзных. Численность городского населения в этот период увеличивалась во всех экономических районах республики. Особенно высокие темпы его роста наблюдались в Дальневосточном (376,4%), Восточно-Сибирском (331,0%), Западно-Сибирском (294,3%), Уральском (263,5%) и Волго-Вятском (254,4%) экономических районах.

Вместе с ростом городского населения увеличивался и его удельный вес в регионах. Так, в Северо-Западном районе в 1926 г. он составлял 29,2%, а в 1939 г. — 48,0%, Дальневосточном — соответственно 23,4 и 46,5, Центральном — 23,1 и 41,1, Уральском — 19 и 40,9, Волго-Вятском — 9,1 и 20,4%.

Одним из проявлений быстрого индустриального развития Российской Федерации являлся рост населения в отдельных городах республики.

Население Москвы за 12 лет выросло более чем в 2 раза и составило 4137018 человек, Ленинграда — почти в 2 раза и насчитывало 3191304 человека.

Еще более высокие темпы роста городского населения имели место в других крупных индустриальных центрах Российской Федерации. Так, например, в Горьком, Куйбышеве, Воронеже, Казани, Сталинграде, Ярославле, Иванове, Уфе, Ижевске и других городах республики численность населения выросла более чем в 2 раза.

Значительный рост городского населения имел место на Урале, в Сибири и Дальнем Востоке. Так, численность населения Прокопьевска выросла в 10 раз, Кемерово — более чем в 6 раз, Челябинска и Нижнего Тагила — более чем в 4 раза, Новосибирска, Свердловска, Хабаровска, Владивостока — более чем в 3 раза.

Весьма быстро росло население малых городов, особенно городских поселений, расположенных вокруг Москвы. Численность населения таких городов, как Ногинск, Перово, Подольск, Мытищи, Коломна, Лосиноостровск, Кунцево, Люблино и других, увеличилась от 2 до 8 раз.

Итак, за период с 1926 по 1939 г. вместе с развитием промышленности, освоением новых месторождений полезных ископаемых в Российской Федерации происходил и процесс урбанизации. Росли новые городские поселения, расширялись и старые центры. Все это приводило к бурному росту городского населения, численность которого за 12 лет увеличилась более чем в 2 раза. Вырос и его удельный вес в составе всего населения республики. Рост городского населения в этот период шел преимущественно за счет механического движения населения. Миллионы сельских жителей переселялись в город, становились рабочими и служащими.

Это отразилось на соотношении полов. Если в 1926 г. на 1000 мужчин приходилось 1062 женщины, то в 1939 г. соотношение изменилось и составило 1203³⁴.

Важное экономическое и демографическое значение представляют данные о составе населения страны и отдельных городов по возрасту. От него зависит состояние трудовых ресурсов государства. Их основу составляет население в трудоспособном возрасте, включающее мужчин 16—59 лет и женщин — 16—54 лет. В 1939 г. численность населения страны в трудоспособном возрасте составляла 102,2 млн человек, а его доля во всем населении — 53,6%³⁵.

Индустриализация усилила многонациональность российских городов. В них трудились, учились, жили люди многих национальностей. Для примера рассмотрим национальный состав населения двух городов России: Горького и Свердловска в 1926 и 1939 гг., представленный в табл. 42. Приведенные данные показывают, что за период с 1926 по 1939 г. в обоих городах выросла численность населения всех национальностей. Так, в Горьком численность мордвы увеличилась более чем в 24 раза, украинцев — в 8,4 раза, белорусов — в 3,5 раза, чувашей — в 5,8 раза, немцев — почти в 5 раз. В Свердловске численность белорусов за этот период увеличилась более чем в 12 раз, мордвы — в 51 раз, украинцев — более чем в 16 раз, татар — в 3,8 раза.

Следует отметить, что вырос и удельный вес указанных национальностей в составе населения этих городов. Так, удельный вес мордвы в составе населения Горького повысился более чем в 9 раз, украинцев — в 3 раза. В составе населения Свердловска увеличился удельный вес татар, украинцев, белорусов.

Таблица 42*

Национальный состав населения городов Горького и Свердловска в 1926 и 1939 гг.

Наиболее многочисленны национальности	Число лиц		В % к итогу	
	1926 г.	1939 г.	1926 г.	1939 г.
Горький				
1 Русские	205010	592009	92,2	92,0
2 Евреи	9480	14319	4,3	2,2
3 Мордва	487	11958	0,2	1,9
4 Украинцы	1145	9596	0,5	1,5
5 Татары	2236	6424	1,0	1,0
6 Белорусы	603	2133	0,3	0,3
7 Чуваш	312	1801	0,1	0,3
8 Немцы	353	1750	0,2	0,3
9 Прочие национальности	2730	3699	1,2	0,5
Итого	222356	643689	100,0	100,0

Свердловск				
1 Русские	130392	386413	92,9	90,8
2 Татары	2982	11496	2,1	2,7
3 Евреи	3990	7952	2,8	1,9
4 Украинцы	493	7952	0,4	1,9
5 Мордва	51	2613	0,0	0,6
6 Белорусы	176	2153	0,1	0,5
7 Прочие национальности	2216	6956	1,7	1,6
Итого	140300	425533	100,0	100,0

* Таблица составлена по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 161. Л. 57.

За годы между двумя Всесоюзными переписями населения 1926 и 1939 гг. изменился и образовательный уровень городского населения страны и Российской Федерации. Интенсивное развитие промышленности, внедрение нового технического оборудования и новых технологий на предприятиях потребовало повышения общеобразовательного уровня всего населения и поставило перед правительством проблему ускоренной подготовки квалифицированной рабочей силы, в том числе инженерно-технического персонала.

В городах Российской Федерации в 30-х годах функционировали различные формы учебных заведений, обеспечивавших решение этой сложной проблемы. В учебный процесс была вовлечена значительная масса городского населения. На 1000 человек населения городов приходилось 231,5 учащихся всех типов учебных заведений³⁶.

О динамике уровня грамотности городского населения республики между двумя Всесоюзными переписями населения 1926 и 1939 гг. свидетельствуют данные табл. 43.

Данные табл. 43 показывают, что в период между двумя переписями происходил рост грамотности во всех возрастных группах населения республики. Причем более высокий процент грамотности был среди молодого поколения. Так, в возрасте 9—19 лет он вырос на 0,2 и составил 99,1%, в возрасте 20—49 лет — на 9,8% и равнялся 93%, а в возрасте 50 лет и старше — на 10% и составлял лишь 62,5%. В целом среди горожан в возрасте 9 лет и старше удельный вес грамотности за указанный отрезок времени увеличился на 10,1% и равнялся 90,3%. Среди лиц мужского пола он был еще выше — 96,5%.

Следует отметить, что в ряде регионов грамотность городского населения указанного возраста была выше общероссийского уровня. Так, в Ивановской области она составляла 91,3%, Вологодской — 91,5, Мурманской — 91,7, Калининской — 92,5, Ярославской — 92,9, Ленинградской (включая Ленинград) — 93,9, в Ленинграде — 94,6, Московской (включая Москву) — 92,9, в Москве — 93,9%.

**Грамотность городского населения России в 1926 и 1939 гг.
по различным возрастным группам**

Возраст	Год переписи	Процент грамотных		
		мужчин	женщин	всего
9 – 19 лет	1926	90,7	87,3	88,9
	1939	99,2	99,0	99,1
20 – 49 лет	1926	92,3	74,1	83,2
	1939	97,6	88,7	93,0
50 лет и старше	1926	72,8	38,5	52,5
	1939	84,5	48,3	62,5
Итого: 9 лет и старше	1926	89,5	71,8	80,2
	1939	96,5	84,9	90,3

* Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия. СПб., 1999. С. 118.

Однако имелись и такие регионы, где процент грамотности был ниже общероссийского. В Новосибирской области он был равен 85,2, Челябинской — 85,9, Свердловской — 87,7% и т.д.³⁷.

Вместе с тем среди горожан РФ неграмотные в возрасте 9 лет и старше составляли 9,7%. За этим процентом стояли еще огромные массы населения. Об этом свидетельствуют и данные по отдельным городам России. Так, в Горьком в 1939 г. неграмотных в возрасте 9 лет и старше насчитывалось 39715 человек, из них мужчин 5091 и женщин 34624. В Свердловске неграмотные этого возраста составляли 31769 человек, из них 5117 мужчин и 26652 женщины³⁸.

Неграмотные имелись среди населения всех возрастов. В Горьком среди населения от 9 до 19 лет их было 751 человек, в возрасте 20–49 — 16462, в Свердловске — соответственно 738 и 14594 человека.

К 1939 г. увеличилось число лиц городского населения, имевших среднее образование. Их насчитывалось 5824893 человека, из них мужчин — 2846749 и женщин — 2978150. На 1000 человек городского населения среднее образование имели 158 человек³⁹.

Возросла численность городского населения РФ, имевшего высшее образование. В 1939 г. она охватила 604634 человека, из них мужчин — 392815 и женщин — 211879. На 1000 человек городского населения приходилось 16,4 человека, имевших высшее образование, среди мужчин — 22,5 и женщин — 10,9 человек⁴⁰.

В многонациональной России уровень грамотности у различных народов в возрасте 9 лет и старше был неодинаков, хотя у всех народов он повысился. Высокий уровень грамотности — свыше 90% — был у горожан таких национальностей, как рус-

ские, украинцы, белорусы, евреи, чувашаи, немцы, марийцы, финны, латыши, грузины, эстонцы, поляки. Более 80% составляли грамотные у башкир, удмуртов, коми, бурят, кабардинцев и др. Значительно меньше был процент грамотных у чеченцев — 48,9, цыган — 50,9, ингушей — 63,5% и др.⁴¹. Однако следует отметить, что в этот период еще не было стопроцентной грамотности ни у одной национальности, проживавшей в городах Российской Федерации.

Изменение демографического состава городского населения

Индустриализация и урбанизация страны в целом, особенно интенсивно происходившие в Российской Федерации, оказали существенное влияние на демографический состав населения. Из данных табл. 44 видно, что города активно притягивали и мужскую и женскую рабочую силу. За период между переписями 1926 и 1939 гг. мужское население городов увеличилось на 9 млн, а женское — более чем на 10 млн. При этом потери мужского населения и деформация в связи с этим состава населения по полу в пользу женщин в республике в целом сказались и здесь, несмотря на значительный приток мужчин в города.

Таблица 44*

Изменение полового состава городского населения РСФСР в 1926—1939 гг.

	1926 г.		1939 г.	
	мужчины %	женщины %	мужчины %	женщины %
РСФСР	48,4	51,6	47,4	52,6

* Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. СПб., 1999. С. 20.

За это время удельный вес женщин в составе городского населения увеличился на 1% и составил 52,6%. Он был выше общесоюзного. Удельный вес мужчин снизился на 1% и равнялся 47,4%. Численность женщин в городах была на 3 млн. человек больше, чем мужчин.

В связи с дальнейшим промышленным развитием Российской Федерации, а также с урбанизацией происходили изменения и в демографических процессах. Урбанизация, как правило, сопряжена с понижением рождаемости, особенно в городах. Этот момент ощущался и в российских городах, где к тому же была высокой занятость женщин в общественном производстве. По окончании периода компенсаторной рождаемости, связанного с прекращением гражданской войны, когда коэффициент рождаемости в

стране повышался до 44,7‰ (1925 г.)⁴², в конце 20-х годов уровень рождаемости в городах резко упал — до 28,9—27,5‰ (1929—1930 гг.)⁴³.

Снижение уровня рождаемости во второй половине 20-х годов наблюдалось в городах различных регионов Российской Федерации. Об этом свидетельствуют данные табл. 45.

Таблица 45*

**Динамика рождаемости городского населения РСФСР
в 1926—1929 гг.**

Наименование региона	Годы	Число родившихся
Северный край с Коми АО	1926	8822
	1927	8726
	1928	8197
	1929	7870
Карельская АССР	1926	3092
	1927	2945
	1928	2949
	1929	2670
Ленинградская область	1926	59845
	1927	56942
	1928	54625
	1929	55618
Западная область	1926	21241
	1927	20370
	1928	19795
	1929	18669
Московская область с Москвой	1926	105101
	1927	101627
	1928	96090
	1929	96896
Ивановская промышленная область	1926	6037
	1927	7680
	1928	6208
	1929	6800
Нижегородский край	1926	28435
	1927	29509
	1928	29626
	1929	30627
Уральская область	1926	70367
	1927	70145
	1928	74333
	1929	72133
Башкирская АССР	1926	10182
	1927	11018
	1928	10218
	1929	9456

Наименование региона	Годы	Число родившихся
Татарская АССР	1926	9338
	1927	10599
	1928	9749
	1929	9404
Средне-Волжский край	1926	32444
	1927	33183
	1928	31376
	1929	30028
Центрально-Черноземная область	1926	27848
	1927	27286
	1928	30194
	1929	28860
Нижне-Волжский край	1926	34800
	1927	36608
	1928	34936
	1929	33818
Северо-Кавказский край	1926	51000
	1927	55542
	1928	52153
	1929	52567
Крымская АССР	1926	9193
	1927	9349
	1928	8293
	1929	8330

* Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 105. Л. 78—80.

Как видно из данных табл. 45, в указанные годы в таких регионах, как Нижегородский край, Уральская область, Центрально-Черноземная область, Татарская АССР, Северо-Кавказский край, имел место рост рождаемости. Вместе с тем в большинстве других регионов республики — Северный край, Карельская АССР, Ленинградская, Западная, Московская, Ивановская промышленная области, Башкирская АССР, Средне-Волжский, Нижне-Волжский края, Крымская АССР — в этот период началось уже снижение рождаемости. Дальнейшее падение рождаемости продолжалось в первой половине 30-х годов. Особенно резко упала рождаемость в голодные годы — 1932—1933.

В связи со снижением рождаемости и сокращением естественного прироста населения Советским государством была предпринята попытка решить эту проблему сугубо административным путем. 27 июня 1936 г. ЦИК и СНК СССР было принято постановление «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и дет-

ских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»⁴⁴.

После принятия этого постановления число абортотворцев резко сократилось. В январе 1937 г. по сравнению с январем 1936 г. их количество у работниц сельхозмашиностроения уменьшилось на 71,5%, резинокаучуковой промышленности — на 70%, хлопчатобумажной — на 71%, трикотажной — на 70,4%. Это сказалось на повышении рождаемости. По 29 краям, областям и АССР, по которым в ЦУНХУ имелись данные, в начале 1937 г. по сравнению с январем 1936 г. она повысилась на 21,7%. По ряду регионов этот процент был значительно больше. Так, в Марийской АССР он составлял 46,2%, в АССР Немцев Поволжья — 51,5%⁴⁵.

О числе родившихся во второй половине 30-х годов по СССР свидетельствуют такие данные: в 1935 г. родилось 4,7 млн человек, в 1936 г. — 5,3, в 1937 г. — 6,4, в 1938 г. — 6,3, в 1939 г. — 6,3 млн человек⁴⁶.

Росла численность родившихся в этот период в крупных городах РСФСР. Так, в Туле в 1935 г. родилось 3594 человека, в 1936 г. — 5270, в 1937 г. — 9004, в Калининне — соответственно 3203, 4181, 7665 человек. Такое же положение было и во многих других городах республики⁴⁷. В городах Российской Федерации за 1939 г. (по сведениям загсов без Якутской АССР) было зарегистрировано 1324149 рождений⁴⁸.

Вместе с тем следует отметить, что проведение в жизнь принятого постановления ЦИК и СНК СССР было связано с большими жертвами. Неблагоприятные экономические условия, нехватка жилья вынуждали многих горожанок прибегать к подпольному аборту, что нередко заканчивалось летальным исходом. Только в 1937 г. во всех городских поселениях Российской Федерации умерла от аборта вне лечебного заведения 1191 женщина. Среди них в возрасте 20—24 года было 246 человек, 25—29 лет — 345 человек, 30—39 лет — 500, 40—49 лет — 71 человек, 50—59 — 1, 15 лет — 1, 16—17 лет — 3 человека⁴⁹.

Повышенная смертность женщин по этой причине продолжалась и в последующие годы. Так, в 1938 г. только в городах Краснодарского края умерло 65 человек, Ростовской области — 83, Воронежской — 33, Куйбышевской — 47, в городе Горьком — 34, в Ленинграде — 211, Москве — 135 человек⁵⁰.

Естественный рост населения городов Российской Федерации зависел не только от увеличения рождаемости, но и от состояния смертности вообще и детской в частности. Этому в немалой степени способствовало санитарно-гигиеническое состояние* городов России. Необходимо отметить, что его уровень в начале XX в. был очень низким. Малочисленность водопроводной и канализа-

* Материал по этому вопросу предоставлен Н.А.Араловцев.

ционной систем, неудовлетворительная очистка воды в водопроводах, скученность и нехватка благоустроенного жилья приводили к скоплению в городах нечистот, заражающих воздух, почву, водоемы. Не случайно, что среди горожан уже тогда наблюдалась высокая смертность от желудочно-кишечных, легочных, острых инфекционных заболеваний. Часто вспыхивали эпидемии наиболее заразных болезней — холеры, тифа.

Первая мировая и гражданская войны и связанная с ними разруха привели городское хозяйство в еще больший упадок. Тем не менее в начале 20-х годов в первую очередь стали восстанавливаться и создаваться заново отрасли городского хозяйства, имеющие наиболее существенное значение для обеспечения необходимых санитарных и жилищных норм. Шло активное присоединение жилых домов к водопроводу и канализации. Причем в основном оно было направлено на малоблагоустроенные в довоенный период городские окраины и рабочие районы. В 1923 г. к водопроводу было присоединено в Москве 34,4% домовладений, в Ленинграде — 51,3%, в губернских городах — 12,2%, в прочих городах — 8,4%; в 1926 г. — соответственно 40, 50, 13,7, 8,1%⁵¹.

Однако расширение водопроводной и канализационной сетей в большей степени охватывало крупные города, чем провинциальные, где население по-прежнему продолжало использовать колодцы и открытые водоемы. Кроме того, не все водопроводы, как и ранее, имели очистительные сооружения: 35—40% всех городских водопроводов брали воду в открытых водоемах.

Форсирование индустриализации, причем преимущественно тяжелой промышленности, усиливало заражение воздуха, воды и почвы промышленными отходами, заметно ухудшив экологическую ситуацию. Следствием был рост смертности населения от онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний, особенно в наиболее промышленных районах (Московском промышленном, Северо-Западном, Волжском). В связи с этим после 1928 г. стали создаваться трех поясные зоны санитарной охраны водных источников, служащих для центрального водоснабжения. В 30-е годы происходило изучение и применение новых методов дезинфекции воды (хлорирование и гиперхлорирование, ультразвук, ультрафиолетовые лучи и т.д.). Создавались новые, более качественные фильтры, контактные осветлители.

Очистка большей части городов продолжала производиться асенизационными обозами. В 1928 г. только в 32 городах СССР существовала канализация. Печи для сжигания мусора имелись лишь в столичных городах⁵².

Опасность для возникновения острых инфекционных заболеваний и эпидемий увеличивалась в условиях развивающегося промышленного строительства и скопления в городах, на стройках, предприятиях значительных масс людей. Проблема была настолько острой, что в 1935 г. была образована Всесоюзная санитарная

инспекция при СНК СССР для руководства работой государственной санитарной инспекции.

Усиленная миграция рабочей силы в города, на стройки, промышленные предприятия во второй половине 20-х годов в связи с процессом индустриализации страны обострила жилищную проблему в городах. Так, в середине 20-х годов в городах России на одну комнату вместе с кухней приходилось в среднем от 1 до 5 жителей. Причем если на одного жителя в Москве имелось 6,8 кв. м, в Ленинграде — 13,0 кв. м, то в областных, губернских, республиканских городах — 5,7 кв. м, уездных — 5,8 кв. м, поселках городского типа — 5,9 кв. м. В 30-е годы сохранялись подвальные, чердачные жилые помещения, холодные, с повышенной сыростью, отсутствием минимального комфорта. Значительное распространение получили коммунальные квартиры с совместным проживанием двух и более семей⁵³. Широко практиковалось строительство барачных помещений, лишенных элементарных бытовых удобств. Жилые помещения были перенаселены, особенно рабочие общежития, казармы. Жилищная ситуация, таким образом, оставалась сложной и в последующие годы, что способствовало быстрому распространению заразных болезней среди горожан и вызывало эпидемии.

В целях оздоровления состояния жилья городские власти расселяли наиболее нездоровые, перенаселенные помещения. Однако их ликвидация уменьшала жилищный фонд и еще более увеличивала жилищный кризис.

В конце 20-х годов в связи с трудностями индустриализации и коллективизации стало наблюдаться ухудшение количества и качества питания городского населения. Причем ситуация в городах существенно осложнилась в результате голода 1932—1933 гг. Это оказало самое негативное влияние на состояние здоровья населения — голод или нехватка необходимых для нормального функционирования организма питательных веществ ослабляли его биологическую сопротивляемость, увеличивали заболеваемость и смертность людей.

Во второй половине 20-х годов в ряде регионов республики среди городского населения показатели смертности были следующими. Так, в городах Ленинградской области в 1926 г. умерло 31656, а в 1929 г. — 37988 человек, Западной области — соответственно 10817 и 11085, Московской — 49471 и 55658, Ивановской промышленной области — 17118 и 19358, Нижегородского края — 14336 и 16328, Башкирской АССР — 4777 и 5103, Средне-Волжского края — 17801 и 19985, ЦЧО — 15897 и 17746, Уральской области — 36421 и 41871, Нижне-Волжского края — 19709 и 21857, Северо-Кавказского края — 51000 и 52567 человек и др.⁵⁴.

Особое место занимают 1932—1933 годы, связанные с голодом, когда число умерших в стране составило 16236 тыс. человек⁵⁵. Однако и в последующие годы смертность оставалась до-

вольно значительной. В городских поселениях число умерших насчитывало 540585 человек, из них 295162 мужчины и 245423 женщины. Высокая смертность была среди детей. Среди умерших дети до 1 года составляли 458503 человека, то есть 22,9%, в городских поселениях их было меньше — 104283, или 19,3%. На 1000 родившихся в республике детей в возрасте до 1 года умирало 173,3 человека, а в городе — 171,8.

В 1935 г. смертность в городских поселениях составила 498866 человек, из них 271297 мужчин и 227569 женщин, в том числе в городах свыше 100 тыс. жителей она составляла 229355 человек: 125510 мужчин и 103825 женщин. В этом году в республике среди умерших увеличилась численность детей до 1 года — 564594 человека, то есть 28,9% — на 6% больше, чем в 1934 г. В городских поселениях число умерших младенцев также увеличилось на 33665 человек и составило 137948, или 27,7% — на 8,4% больше 1934 г. В городах с населением 100 тыс. умерших насчитывалось 229335 человек, из них 125510 мужчин и 103825 женщин. Высокая смертность была среди детей до 1 года — 61182 человека, или 26,7% всех умерших.

В 1935 г. на 1000 населения в среднем по Российской Федерации родилось 33,6, умерло 18,5, естественный прирост составил 15,1 человека. В городских поселениях эти данные были меньше и выражались так: 25,8, 15,4, 10,4, в том числе в городах с населением свыше 100 тыс. жителей — 22,0, 14,4, 7,7⁵⁶.

В 1936 г. смертность в городских поселениях повысилась и составила 593924 человека, из них 324408 мужчин и 270616 женщин. Продолжала она расти и в 1937 г. и насчитывала 624047 человек, из них 339267 мужчин и 284780 женщин. Из приведенных данных видно, что смертность была больше среди мужчин⁵⁷.

Среди умерших горожан были люди различных национальностей. Однако подавляющее большинство составляли русские, украинцы, татары. Так, в городах Российской Федерации с населением менее 50 тыс. в 1928 г. среди 123850 умерших русских было 109583 человека, украинцев — 3321, татар — 2797, немцев — 668, армян — 320, евреев — 714 человек.

В городах республики с населением свыше 50 тыс. жителей на эти народности также приходилось наибольшее число умерших. Из 88718 умерших в 1928 г. русские составляли 75804 человека (85,4%), украинцы — 761, немцы — 242, татары — 3624, армяне — 1345, евреи — 360⁵⁸.

Высокая детская смертность наблюдалась в промышленных городах Российской Федерации. Во второй половине 30-х годов в ряде городов республики происходил ее рост. Так, в Иваново в 1935 г. среди 3243 умерших дети в возрасте до 1 года составляли 930 (28,7%), а в 1938 г. из 5872 умерших из было 2293 (39,0%)⁵⁹.

В Магнитогорске в эти годы также росло число умерших. В 1935 г. оно составляло 3173, в том числе детей до 1 года — 1368 (43,1%)⁶⁰, а в 1938 г. среди 3648 умерших детей до 1 года было

1575, т.е. увеличилось на 207 и составляло 43,2%⁶¹. В Прокопьевске в 1935 г. из 1840 умерших 708 (38,5%) были дети до 1 года⁶². В Кемерово в 1938 г. умерло 2781 человек, из них детей до 1 года было 1141 человек, или 41%⁶³.

Приведенные данные показывают, что детская смертность в промышленных городах Российской Федерации оставалась высокой. В целом в городах республики в 1939 г. (по сведениям загов без Якутской АССР) число умерших составляло 722354, в том числе в возрасте до 1 года 253784 человека (35,1%)⁶⁴. Удельный вес младенческой смертности в городах РСФСР был несколько ниже, чем в отдельных промышленных центрах, однако он представлял собой еще большую величину. Свыше одной трети среди всех умерших составляли дети до 1 года.

Одной из причин высокой смертности населения в Российской Федерации в 30-х годах являлись эпидемические заболевания, получившие широкое распространение в этот период. Так, например, по сведениям 36 краев, областей РСФСР, в 1934 г. брюшной тиф только в ноябре поразил 11873 человека, в декабре — 10570, январе 1935 г. — 7627, феврале — 4896 человек; сыпной тиф соответственно: ноябрь 1934 г. — 9670, декабрь — 14735, январь 1935 г. — 16233, февраль — 14149; оспа натуральная: ноябрь 1934 г. — 378, декабрь — 421, январь 1935 г. — 469, февраль — 294; возвратный тиф: декабрь 1934 г. — 757, январь 1935 г. — 391, февраль — 191⁶⁵. Можно привести конкретные данные по всем регионам.

Итак, в изучаемый период происходили значительные изменения демографического состава городского населения Российской Федерации. Это прежде всего выразилось в изменении полового состава. Численность женщин в городах республики в конце 30-х годов почти на 2 млн человек была больше, чем мужчин.

В этот период в составе городского населения республики преобладали лица молодого, а также трудоспособного возраста.

Характерной и устойчивой чертой городов России являлся многонациональный состав их населения, который в рассматриваемый период заметно усложнился.

За годы между двумя Всесоюзными переписями 1926 и 1939 гг. повысился образовательный уровень городского населения. Более высокий процент грамотных был среди молодого поколения. Вместе с тем значительное число неграмотных оставалось еще среди населения старших возрастов. Не было стопроцентной грамотности ни у одной национальности, проживавшей в городах Российской Федерации. В 20-х в 30-х годах наблюдалось увеличение числа разводов, снижение рождаемости, повышение смертности, рост младенческой смертности.

Глава XI.

Демографическая характеристика безработных 1900—1930-е годы

Безработные в начале 1900-х годов

Россия встречала XX век с большой армией безработных. В 1900 г. здесь, как и в ряде других крупных государств, разразился острый экономический кризис. Особенно сильно он затронул тяжелую промышленность. Наибольший спад наблюдался в металлургии. Выплавка чугуна в 1901 г. сократилась на 5 млн пудов по сравнению с 1900 г., в следующем году — еще на 16 млн пудов, в 1903 г. упала до 149 млн пудов, что было на 5 млн пудов меньше показателя предшествовавшего года. Падение производства происходило из-за сокращения действовавших доменных печей, что влекло за собой массовые увольнения рабочих. В 1901 г. было ликвидировано 24% заводов черной металлургии, т.е. каждый четвертый металлург пополнил собой ряды безработных¹.

В 1900—1903 гг. резко сократилось железорудное производство. Закрывались рудники, увольнялись рабочие. В Криворожье в 1902 г. было закрыто более половины рудников². Следовательно, здесь уже каждый второй стал безработным. На некоторых рудниках безработица достигла 80—90%.

Сильное потрясение коснулось и каменноугольной промышленности. Закрытые угольные шахты составляли 21%, каждый пятый шахтер являлся безработным³.

В годы кризиса значительный урон понесла нефтяная промышленность. Число бездействующих скважин увеличилось с 21 в 1900 до 37 в 1903 г. Разорилось 15 нефтяных фирм. Добыча нефти упала на 11%. В Баку была закрыта почти половина нефтеперерабатывающих заводов⁴. Тут уже речь шла о каждом втором работнике, лишившемся работы. Неутешительные известия приходили из других нефтяных районов — Астрахани, Батуми и др.

В обрабатывающей промышленности кризис охватил множество заводов и фабрик. По данным П.И.Лященко, в 1910 г. в результате закрытия предприятий этой отрасли промышленности было уволено 34,8 тыс. рабочих, в 1902 — 33,3 тыс.⁵

Кризис, правда не с такой силой, свирепствовал в текстильной и легкой индустрии. Увольнялись рабочие с хлопчатобумажных мануфактур в Москве, Петербурге, Иваново-Вознесенске, с сахар-

ных, мукомольных заводов и других предприятий. Всего за годы кризиса в России было закрыто 3 тыс. фабрик и заводов.

Безработица охватила все промышленные районы: Петербург, Москву, Центральный и Южный районы, Поволжье, Урал. Она докатилась до Сибири и Дальнего Востока, куда хлынули толпы безработных в поиске куска хлеба. Поскольку в те годы учета безработных не велось, можно лишь рассчитывать примерное число людей, лишившихся работы в то время. На наш взгляд — это не меньше 300 тыс. человек (если в среднем на предприятие приходилось по 100 работников).

В отличие от Запада экономический кризис в России не закончился в 1903 г. С 1904 г. наступил период длительной депрессии. Численность безработных росла. Частичные данные о безработице сохранились по трем крупным городам — Петербургу, Москве и Баку (табл. 46).

Таблица 46*

Численность и удельный вес безработных

Города	Годы	Число безработных тыс. чел.	В % ко всему населению	В % к самодельному населению	В % к рабочим и служащим
Петербург	1900	—	0,8	—	—
	1911	—	2,0	3,2	4,3
Москва	1902	19,2	1,7	2,3	3,1
	1912	29,4	1,8	2,8	3,8
Баку	1913	2,5	1,2	2,5	5,9

* Минц Л.Е. Рынок труда в России. М., 1923. С. 15.

Приведенные данные свидетельствуют, что в Москве численность безработных выросла с 1902 по 1912 г. в 1,5 раза. Л.Е.Минц, исходя из вышеприведенных сведений, рассчитал, что в период 1900—1913 гг. среднее годовое количество безработных по всей России составляло в зимний сезон, не считая впервые предлагавших свою рабочую силу, около 400—500 тыс. Однако следует заметить, что приведенные суммарные цифры — это лишь минимальный расчет.

Однако резервная армия труда была значительно больше. Ее ряды все время пополнялись не только за счет уволенных рабочих, но главным образом вследствие аграрного перенаселения страны. В 1900 г. в европейской части России насчитывалось до 23 млн лишних рук в деревне⁶. Ежегодно десятки и сотни тысяч крестьян уходили на заработки в город, пополняя ряды безработных.

Сильнее всего безработицей были поражены крупные промышленные центры. В Петербурге и его окрестностях насчитывалось 55 тыс. безработных. Вслед за столицей шла Москва. По далеко не полным данным, число безработных, обратившихся за помощью в Дом трудолюбия, составило в 1903 г. 14 тыс., в 1904 г. — 16,5 тыс., в 1905 г. — 15,5 тыс., в 1906 г. — 26 тыс., в 1907 г. — 25,5 тыс., за 9 месяцев 1908 г. — 26 тыс.⁷

Более 10—15 тыс. безработных искали работу в Туле, Самаре, Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Симбирске, Екатеринославе, Орехово-Зуеве, Владимире, Ярославле и других городах. В поисках работы люди ехали на Урал и в Сибирь, на Дальний Восток. Газеты сообщали, что безработные имелись даже на Сахалине и Камчатке.

Данные по ряду городов позволяют сделать некоторые выводы о возрастно-половом составе безработных. По сведениям Выборгского района Петербурга на 1906 г., безработные по возрасту распределились следующим образом⁸: моложе 17 лет — 10 человек, от 17 до 22 лет — 72, от 22 до 45 лет — 244, старше 45 лет — 4. Следовательно, люди не имели работы в самом трудоспособном возрасте — от 22 до 45 лет. Такие же сведения поступали из Выборгского, Московского и Городского районов Петербурга.

Приведенные наблюдения подтверждаются данными о московских безработных. Проведенное летом 1906 г. социологическое обследование лиц, не имевших работы, которое охватило 1600 человек, показало, что лишь 5% ответивших на анкету имели возраст свыше 50 лет. Остальные — молодежь и люди среднего возраста, т.е. наиболее трудоспособные⁹.

Среди безработных значительное число составляли женщины. Их положение было особенно тяжелым.

Некоторые сведения о профессиональном составе безработных дало социологическое обследование московских безработных, проведенное в 1906 г.: 3 тыс. являлись слесарями, 2 тыс. — токарями, 3,5 тыс. — ткачами, 600 — железнодорожниками, 500 — водопроводчиками¹⁰. В Петербурге на май 1906 г. 8 тыс. являлись металлстами, более 1 тыс. — текстильщиками и лишь 3,5 тыс. — чернорабочими¹¹. Приведенные данные свидетельствуют о том, что безработица парализовала людей, имевших производственную квалификацию.

Безработица охватила и некоторые слои служащих: в 1905—1907 гг. лишились работы многие техники, фармацевты, железнодорожные, почтово-телеграфные, земские служащие и др.

В Петербурге в 1906 г. лишились работы свыше 100 фармацевтов, более 130 почтово-телеграфных служащих, сотни железнодорожников.

Продолжительность безработицы, по выборочным данным московского обследования 1906 г., была следующей¹²:

	Количество месяцев											
	1	2	3	4	5	6	6-9	9-12	1-1,5 года	1-2 года	Более 2 лет	Всего
Число показа- ний	230	194	112	114	208	157	212	93	35	18	36	1409
В %	16,3	13,8	7,9	8,1	14,8	11,1	15,0	6,6	2,5	1,3	2,6	100

Эти данные означают, что безработные до 3 месяцев составляли 30,1%, от 3 до 6 месяцев — 41,9%, от полугода до 1 года — 21,6% и больше года — 6,4%.

Такие же сведения были получены при обследовании безработных металлистов Петрограда. Из 1892 ответивших на анкету лишь 704 не имели работы в течение месяца. (Для сравнения отметим, что средняя продолжительность безработицы у металлистов Запада составляла 14—16 дней.)¹³ Иллюстративные данные из других городов показывали, что уволенные рабочие и служащие оставались без работы не менее 3—6 месяцев¹⁴.

Безработные во время Первой мировой войны

Первая мировая война обострила безработицу. Несмотря на то, что фронт забрал свыше 15 млн человек, безработица не исчезла. Это вызывалось рядом причин, прежде всего обострением экономического кризиса. Отсутствие сбыта многих видов продукции, недостаток сырья и машин, затруднения с транспортом вели к сокращению промышленного производства. Уже в первый месяц войны оно упало на 20%. Серьезные затруднения испытывали все отрасли индустрии, кроме военного производства¹⁵. Кризисные явления наблюдались в металлургии, в топливной (добыча угля и нефти), стекольной, лесной, строительной, пищевой и других отраслях промышленности, а также на транспорте.

По данным фабричной инспекции, общее число предприятий, подчиненных ее надзору (т.е. более крупных), уменьшилось с 13485 в 1913 г. до 12492 в 1916 г. В результате лишились работы десятки тысяч человек. П.И.Лященко привел такие данные. За 9 месяцев 1915 г. в Петербурге и некоторых других крупных городах, где были открыты биржи труда, из 313,9 тыс. рабочих, предложивших свой труд, работу получили лишь 237,9 тыс. человек. На биржах создавались постоянные кадры безработных, многие из которых имели сравнительно высокую квалификацию¹⁶.

Росту безработицы способствовало огромное количество беженцев из оккупированных и прифронтовых районов (а их было в 1916 г. свыше 3 млн человек)¹⁷. Оставшись без крова и хлеба, эти люди готовы были устроиться на работу на любых условиях. Использование труда военнопленных также повлияло на обостре-

ние безработицы. К апрелю 1917 г. в народном хозяйстве России было занято 1648 тыс. военнопленных¹⁸. И наконец, на сокращение спроса на рабочих оказал существенное влияние ввоз дешевой рабочей силы из Китая, Кореи и Ирана.

Уже в 1915 г. журнал «Вопросы страхования» подчеркивал, что «война усилила безработицу, число безработных достигло необычайных размеров». По подсчетам Л.М.Клейнборга, масштабы безработицы достигли 573 тыс.¹⁹ Однако эти данные не представляли полной картины. На самом деле резервная армия труда была значительно больше.

Между тем промышленное производство продолжало падать. Каждый день закрывались все новые и новые предприятия. При этом наряду с экономическими причинами (отсутствие сырья и топлива) все большую роль играли политические факторы. Русская буржуазия часто практиковала локауты как средство борьбы против экономических и политических требований рабочих. По официальным данным Министерства торговли и промышленности, с 1 марта по 1 августа 1917 г. по всей России было закрыто 568 предприятий, работы лишились 104372 человека²⁰.

Безработные в октябре 1917—1920 г.

Накануне Октябрьской революции было закрыто еще 256 предприятий, причем только в 58 из них было занято 50 тыс. рабочих²¹. Безработица приняла угрожающие размеры.

За короткий период времени были подготовлены многие важные документы по труду, в том числе и по проблемам безработицы. 11 декабря 1917 г. было принято «Положение о страховании на случай безработицы»²². Стремясь наладить учет и распределение безработных, Наркомат труда приступил к созданию широкой сети бирж труда. В царской России действовало 5 бирж труда, после Февральской революции Временное правительство открыло еще 42 биржи²³. Однако эти учреждения со своими функциями не справлялись.

27 января 1918 г. Совнарком принял декрет об учреждении местных и областных бирж труда. Работа по созданию и руководству биржами была возложена на Наркомат труда и его местные органы (губернские и городские отделы труда). К концу июня 1918 г. было создано 250 бирж труда. Кроме того, работал 91 корреспондентский пункт²⁴.

По данным на 10 апреля 1918 г., составленным на основании сводок бирж труда, местных отделов труда и республиканских народных комиссариатов труда, число безработных достигло 324 тыс. Из всей этой массы наибольшее количество лиц приходилось на Московскую и Петроградскую губернии, Поволжье и Доно-Кавказский район. Представленные НКТ данные приведены в табл. 47.

**Численность безработных
(сводка НКТ на 10 апреля 1918 г.)**

Московская губерния	100000
Петроградская губерния	50000
Поволжье	50000
Центрально-Черноземный район	15000
Урал	18000
Западная Сибирь	10000
Восточная Сибирь	6000
Дальний Восток	3000
Доно-Кавказский район	50000
Закавказье	15000
Туркестан	7000
Итого:	324000

* Бюллетень НКТ. 1918. № 1—4, С. 70.

Итак, безработица охватила всю огромную территорию России, особенно сильно поразив Центрально-Промышленный район, распространившись до Дальнего Востока и Средней Азии.

Следует заметить, что численность безработных в 324 тыс. отнюдь не исчерпывала подлинные масштабы безработицы в первый год Советской власти. Это были лишь лица, официально зарегистрированные на биржах труда. Однако многие в то время из-за отсутствия работы и голода покидали города и отправлялись в деревни без всяких уведомлений. Только за три первых месяца 1918 г. в Петрограде лишились работы 176 тыс. человек, закрылись такие крупные заводы, как «Арсенал Петра Великого», металлический, патронный, Охтинский взрывчатых веществ, Балтийский судостроительный, оружейный завод, «Треугольник» и др.²⁵

24 мая 1918 г. «Правда» сообщала о 600 тыс. безработных. Д.И.Ледяев писал о 800 тыс. лиц, не имевших работы в 1918 г.²⁶ Конечно, не имея полных официальных данных, трудно установить истинные размеры безработицы в первый год Советской власти. Одно бесспорно, и это признают все исследователи, что они были значительно больше, чем по сведениям НКТ (кстати, и сам наркомат неоднократно указывал на неполноту учета безработных в тот период). Ведь только демобилизация русской армии должна была освободить 7—10 млн человек, из них 1,5 млн городских жителей. Промышленность, пережившая острый кризис в результате Первой мировой войны и разрухи, не могла использовать столь огромную массу людей.

Безработица носила крайне тяжелый и затяжной характер. По данным Наркомата труда, полученным из сводок 203 бирж труда, в 1918 г. было зарегистрировано 1512455 лиц, искавших работу, а предложений мест — всего 940342. На работу было послано 757539 чел., т.е. примерно половина из всех предлагавших свой труд. На 100 безработных приходилось 62,2 места, получали работу — всего 50²⁷.

По своему составу безработица главным образом охватывала людей без определенной квалификации: из общего числа зарегистрированных безработных неквалифицированных работников было 60%, квалифицированных — 33%, лиц свободных профессий — 7%. Эти данные свидетельствовали о том, что при всей тяжести безработицы среди квалифицированных рабочих она не имела угрожающего характера.

По роду занятий лица, искавшие работу, распределялись следующим образом (табл. 48):

Таблица 48*

**Численность безработных по роду занятий
(данные биржи труда с января по апрель 1918 г.)**

1. Металлообрабатывающая промышленность	54061
2. Обработка дерева	15436
3. Обработка волокнистых веществ	11232
4. Обработка животных продуктов	4106
5. Бумажное и полиграфическое производство	4425
6. Химическое производство	1685
7. Обработка минеральных веществ	319
8. Пищевое, продуктовое и вкусовое пр-во	8450
9. Строительное дело	12790
10. Производство одежды	6095
11. Торговля	24424
12. Транспорт	6296
13. Личное услужение	24498
14. Сельское хозяйство	1366
15. Гигиена	4520
16. Свободные профессии	7410
17. Контторские и иные служащие	39951
18. Чернорабочие	79585
19. Неопределенные профессии	36820
Итого:	343469

* Бюллетень НКТ. 1918. № 1—4. С. 76—77.

Приведенные в табл. 48 данные показывают, что среди лиц, предлагавших свой труд, наибольшее число составляли чернорабочие, далее шли металлисты и строители, т.е. представители тех отраслей труда, которые больше всего сократились из-за окончания Первой мировой войны и разрухи. Безработица весьма сильно затронула служащих различных канцелярий, работников торговли и личного обслуживания. Состав безработных 1918 г. отражал специфические условия развития России в тот период. Один из ответственных работников Наркомата труда, И.И.Ходоровский писал: «Корни массовой безработицы в России переплетаются не с советской экономической политикой, а с общим укладом нашего народного хозяйства и международным положением России»²⁸.

Однако тенденция к уменьшению безработицы обнаружилась уже в летние месяцы 1918 г. В июне на 100 безработных уже приходилось 69 заявленных мест. К осени того же года безработица пошла на убыль и перестала носить в некоторых районах массовый характер.

Спрос на труд в связи с развертыванием гражданской войны все более и более возрастал. Многие уходили на фронт, а также направлялись на работу в советский и партийный аппарат. Немало людей выехало в деревню в поисках куска хлеба. Все это привело к тому, что спрос стал превышать предложение. К концу 1918 г. биржи труда уже не могли полностью удовлетворить заявки предприятий. Возникла новая проблема — недостаток рабочей силы. Советское правительство встало на путь принудительного привлечения в производство рабочих и служащих.

Со 2 сентября 1918 г. в стране вводилось военное положение и все хозяйство подчинялось военным нуждам. На следующий год Совнарком издал постановление, воспрещавшее безработным отказываться от предложений биржи труда. Через месяц были введены трудовые книжки. Только при их наличии с отметкой о выполнении определенных работ выдавались продовольственные карточки. Повсеместно явочным путем вводилась всеобщая трудовая повинность. 3 мая 1919 г. метод добровольного привлечения рабочей силы в производство был окончательно заменен методом принудительным (вводилась всеобщая трудовая повинность, профсоюзные и возрастные мобилизации, использование Красной Армии и т.д.).

И тем не менее положение с рабочей силой было весьма напряженным. По данным 48 губерний, в 1919 г. было зарегистрировано 1250273 лиц, предлагавших свой труд, а предложений мест на предприятиях — 1435323. На 100 человек, искавших работу, приходилось 114,9 мест, было послано на предприятия — 83,4. В 1920 г. зарегистрировалось в поисках работы 1015228 человек, а было предложено мест 1703092, послано на работу — 963936 человек. На 100 лиц, предлагавших труд, приходилось 167,8 мест, на работу послали 95 человек. В 1921 г. на учет бирж труда встало 818794 человека, а предложений мест было 1185662,

удовлетворено работой — 786307. На 100 зарегистрированных приходилось 144,8 мест, послано на работу 96,1 человек²⁹.

Таким образом, в период гражданской войны в стране не было безработицы. Наоборот, ощущалась острая нехватка рабочей силы. В 1919 г. биржи труда были ликвидированы.

Безработные в начале 1920-х годов

Вновь безработица заставила заговорить о себе в конце 1921 г. Наркомат труда отмечал, что в сентябре того года появились первые безработные, а уже в 1922 г. безработица приняла застойный характер³⁰. Данные о предложении и спросе рабочей силы также подтверждают вывод о возникновении и росте безработицы с конца 1921 г. Если в 1920 г. на 100 мест приходилось 67 предложений, в августе 1921 г. — 96, то в сентябре — 107, в ноябре — 114, в декабре — 127³¹. Ряды безработных росли. По данным вновь образованных бирж труда, на 1 января 1922 г. на учете состояло 160 тыс. человек, на 1 июля 1922 г. — 407,5 тыс., на 1 января 1923 г. — 641 тыс., т.е. рост в 4 раза³².

Бурный рост безработицы вызвал существенные изменения на рынке труда: на 100 безработных приходилось в январе 1922 г. лишь 41, в феврале — 37, марте — 39, апреле — 31, мае — 25, июне — 26, июле — 29, августе — 25, сентябре — 27, ноябре — 22 места. В среднем на каждый месяц было лишь 29 мест на 100 безработных³³.

В течение 1922 г. безработица продолжала интенсивно нарастать: численность лиц, зарегистрированных биржами труда, увеличилась с 641 тыс. человек в январе 1923 г. до 1050 тыс. в июле 1923 г. и 1240 тыс. к 1 января 1924 г.³⁴

Рост безработицы не прекратился в 1924 г. К июлю того года численность резервной армии труда города достигла 1344,3 тыс. чел., что составляло 18% к числу занятых в народном хозяйстве людей (городских жителей)³⁵.

В 1925 г. безработица охватила все (за малым исключением) районы страны. Основная масса безработных находилась в РСФСР — около 1 млн чел.³⁶ По данным комиссии НК РКИ, к январю 1925 г. в РСФСР числилось примерно 75% всех безработных, на Украине — 17%, в Узбекистане и Туркмении — 3,5%, в Закавказских республиках — 3%, Белоруссии — 1,5%³⁷. К 1926 г. действовало 256 бирж труда. В городах, где было менее 500 безработных, организовывались корреспондентские пункты. К концу восстановительного периода их насчитывалось свыше 1000 (в каждом уезде по 1—3 пункта)³⁸.

Сведения бирж труда считались официальными данными. Они систематически публиковались во всех статистических сборниках и справочниках, выходивших в те годы в России.

Помимо бирж труда, учет безработных вели профсоюзы. Их данные также свидетельствовали о росте численности безработных в первой половине 20-х годов. По профсоюзным сведениям, на 1 июля 1923 г. в стране было 427,6 тыс. безработных — членов профсоюзов, на 1 января 1924 г. — 657,7 тыс., на 1 июля 1924 г. — 676,6 тыс.³⁹. Приведенные данные существенно отличались от сведений бирж труда — они были значительно ниже, т.к. учитывались только члены профсоюзов. Однако в целом статистика профсоюзов фиксировала ту же картину — рост безработицы в 1923—1924 гг.

В России основным источником безработицы являлось сельское население. По подсчетам различных исследователей, излишняя армия труда в сельском хозяйстве достигала чуть ли не 20 млн человек. Н.Огановский исчислял размер аграрного перенаселения в 1924 г. в 19,9 млн чел., Л.И.Лубны-Герцык только по 4 районам СССР для 1923 г. давал цифру в 7—10 млн человек. Работники Госплана УССР определили численность избыточного сельского населения Украины в 1925 г. в 6—7 млн человек⁴⁰.

В поисках заработков бедняцкие слои крестьянства порывали со своим маломощным хозяйством и устремлялись в город. Впервые тяга в город обнаружилась в 1922—1923 гг., когда начали ощущаться результаты нэпа. В 1923/24 гг. в отход на заработки ушло свыше 1,5 млн крестьян (данные без ЗСФСР, УзССР, Туркменской ССР). На заработки уходили не только бедняки. Середняки также искали отхожего промысла. Недостаток земли, инвентаря, оборудования, безлошадность заставляли крестьян искать дополнительные средства существования. Многотысячные армии отходников стали основным источником городской безработицы.

Конечно, не вся эта огромная масса сельского населения оседала в городах. Многие по окончании временных работ возвращались в деревню. Но немало людей связывали навсегда свою судьбу с городом. В 1923—1924 гг. среди безработных, зарегистрированных биржами, выходцы из деревни составляли от 16 до 21,1%, т.е. почти одну пятую часть всех безработных. Однако эти данные не полностью характеризовали действительность. Немало сельских жителей устраивалось на работу помимо бирж труда, без всякой регистрации. Число вновь принятых предприятиями на работу из сельской местности различалось по отдельным районам и городам. Их доля среди новых рабочих составляла по губернским городам РСФСР 16% (в Москве — 12%, Ленинграде — 11%), а по РСФСР (без губернских городов) — 47,8%. Еще выше эта доля была на Урале — 57%, Украине — 53,5%. Следовательно, в целом ряде регионов, в том числе таких промышленных, как Урал и Украина, выходцы из деревни составляли больше половины вновь принятого состава рабочей силы⁴¹. Массовый приток сельского населения в город обострял безработицу, значительно увеличивал ее размеры. Итак, аграрное перенаселение было ос-

новным источником резервной армии труда городов, но не единственным.

Сильное влияние на рост безработицы, особенно в первые годы хозяйственного восстановления страны, оказала демобилизация Красной Армии. Красноармейцы возвращались домой, но здесь их далеко не всегда ожидала работа. На биржах труда образовывались очереди из демобилизованных.

На состоянии резервной армии труда существенное влияние оказало сокращение управленческого аппарата, проведенное в 1922—1923 гг. Рассмотрим, к примеру, данные Петроградской биржи труда. Здесь на 1 марта 1923 г. все зарегистрированные безработные распределялись следующим образом: уволенные по сокращению штатов — 69%, в связи с ликвидацией предприятий — 14,9%, по другим причинам — 3,3%⁴². Суммируя сведения бирж труда, НКТ СССР отмечал, что серьезной причиной безработицы в 1922—1923 гг. являлось сокращение штатов учреждений и предприятий⁴³.

Сокращение штатов продолжалось в 1924 г. По данным Омской биржи труда, с января по апрель 1924 г. число безработных выросло с 11,2 тыс. до 14,5 тыс. человек, главным образом за счет сокращения штатов и ликвидации учреждений и предприятий. Примерно такие же данные представила Новосибирская биржа труда: уволенные по сокращению штатов составили в составе безработных в январе 1924 г. — 37%, в феврале — 35,5%, в марте — 32%. По данным Алтайской биржи труда, с января по март 1924 г. по сокращению штатов было уволено 2,5 тыс. чел.⁴⁴

Источником роста безработицы являлось также подрастающее молодое поколение, которое следовало обеспечить работой, но, к сожалению, ее не хватало в тот период даже для взрослого населения. Тяга к труду все сильнее обнаруживалась у женщин, ранее занятых лишь домашним хозяйством.

Биржи труда при учете безработных распределяли их по трем основным категориям: индустриальная группа, группа интеллигентного или, как ее называли в то время, «интеллектуального» труда и чернорабочие. Кроме того, выделялась специальная группа, в которой регистрировались люди, ранее не работавшие по найму. По данным бирж труда, безработица, впервые проявившаяся, как отмечалось ранее, в конце 1921 г., имела следующую структуру: доля индустриальных рабочих в общем составе безработных составила 22%, интеллигенции — около 25%, чернорабочих — 20%⁴⁵. В последующие годы это соотношение несколько изменилось. В среднем удельный вес индустриальной группы поднялся до 25%, интеллигенции — 30—33%, чернорабочих — 23—24%⁴⁶. На 1 октября 1925 г. из 920 тыс. зарегистрированных биржами труда квалифицированные и полуквалифицированные работники составляли 340 тыс., а 580 тыс. не имели никакой квалификации⁴⁷. Добавим к этому и такие данные: на 1 июля 1925 г. среди индустриальной группы безработных, насчитывавшей

316,8 тыс. человек 28,8 тыс. являлись металлистами и 82,5 тыс. текстильщиками. В то же время число безработных чернорабочих превысило 400 тыс. чел.⁴⁸. По своей численности и удельному весу безработные чернорабочие занимали первое место среди всех других групп зарегистрированных биржами труда.

Примерно одну треть к числу безработных составляла интеллектуальная группа. Это в основном разного рода служащие, медики и работники просвещения. В июле 1925 г. удельный вес этой группы упал до 23,3%, составив 256,3 тыс. человек. Из них 157,5 тыс. являлись служащими, 26,1 — медицинскими работниками, 15,1 тыс. — преподавателями общеобразовательных школ и высших учебных заведений⁴⁹. Приведенные данные свидетельствовали также, что группа интеллектуального труда примерно на 80% состояла из служащих, причем в основном это были лица, не имевшие определенной профессии: конторщиков зарегистрировано было 32 тыс., приказчиков — 20 тыс., делопроизводителей — 18 тыс., заведующих — 11 тыс. (а стенографисток всего 257 человек), чертежников — 719, расчетчиков — 769⁵⁰. По группе медицинских работников распределение по специальностям было следующим: безработные врачи — 2870, акушеры, фельдшеры и медицинские сестры — 11,5 тыс., санитарки и сиделки — свыше 10 тыс. Таким образом, чем выше квалификация, тем больше спрос, тем меньше безработных.

По тем же данным бирж труда, безработных преподавателей высших учебных заведений и средних школ было зарегистрировано 7433, прочих педагогов — 8458 человек.

Для полной характеристики безработной интеллигенции добавим, что в ее состав входили также лица свободных профессий. На 1 июля 1925 г. биржами труда было зарегистрировано примерно 4 тыс. артистов, столько же музыкантов, 250 художников и около 4 тыс. прочих работников искусств.

Отдельно учитывались финансовые работники (бухгалтеры, кассиры и пр.), которых было весьма много — свыше 37 тыс., а также аптекарские служащие (провизоры и фармацевты) — около 2,5 тыс.⁵¹

Рассмотрев состав безработных по роду занятий и квалификации, перейдем к анализу данных о половозрастном составе лиц, состоявших на учете бирж труда. Немного менее половины городской резервной армии труда составляли женщины, численность которых нарастала из года в год. Если в январе 1924 г. доля женщин в составе безработных была 42,8%, то к январю 1925 г. — 47,5%⁵². По данным бирж труда, на 1 декабря 1925 г. из 920,4 тыс. безработных 444,8 тыс. — женщины⁵³. Женская безработица, сама по себе представлявшая величайшее зло, мешала в то же время решить такую важную проблему, как приобщение женщин к трудовой деятельности.

Безработица тяжелым камнем падала на подрастающее поколение. Количество подростков до 18 лет, не обеспеченных работой,

возрастало из года в год, из месяца в месяц. Об интенсивном нарастании безработицы среди подростков свидетельствуют данные табл. 49.

Таблица 49*

Численность безработных подростков в 1924 г. (в тыс. чел.)

Дата	Всего безработных	В том числе подростков	
		в абс. цифрах	в % к общему числу
1 января 1924 г.	1230	106,2	8,6
1 апреля 1924 г.	1378	115,0	8,4
1 июля 1924 г.	1340	123,8	9,2
1 октября 1924 г.	700	118,3	16,9
1 января 1925 г.	825	127,0	15,4

* ГАРФ. Ф. 374. Оп. 8. Д. 1898. Л. 38.

Приведенные в табл. 49 данные показывают, что в отдельные месяцы безработные подростки составляли 15—17% городской резервной армии труда.

По годам рост безработицы среди подростков характеризовался такими данными. Юноши и девушки в возрасте от 14 до 16 лет среди безработных составляли в январе 1923 г. 58,5 тыс., в январе 1924 г. — 106,2 тыс., в октябре 1925 г. — более 122 тыс. человек. Соответственно за эти годы увеличился их удельный вес с 8,8 до 13,3%⁵⁴.

Безработица постепенно приобретала затяжной характер. Работу приходилось ждать более 3 месяцев. Представление о длительности безработицы в тот период дают данные табл. 50.

Таблица 50*

Длительность безработицы в 1922 г.

Период пребывания без работы (мес.)	% от общего числа безработных
Менее 1	23
1—3	34
3—6	27
Свыше 6	16
Всего:	100

* А.Исаев. Указ. соч. С. 41.

Следовательно, 61% безработных находились без работы от 1 до 6 месяцев. Однако со временем затяжной характер безработи-

цы усилился. По данным 40 губерний, на 1 апреля 1924 г. в среднем люди не могли устроиться на предприятия в течение 5,3 месяца. Особенно тяжелое положение сложилось в Москве и Ленинграде. Длительность безработицы в Москве составляла 7 месяцев, в Ленинграде — 9,9 месяца.

Численность и состав безработных по переписи 1926 г.

При сравнении данных переписи 1926 г. с материалами бирж труда выясняется, что официальные цифры Наркомата труда, использовавшего сведения бирж, были значительно завышены — примерно на одну треть. Разница в численности безработных объясняется рядом причин. Проведенные в 1926—1927 гг. обследования показали, что в каталогах бирж числилось значительное число фиктивных безработных. Такие безработные либо не являлись на повторную регистрацию, либо неоднократно отказывались от предлагавшейся им работы. Они не снимались с учета бирж труда по различным соображениям — возможность получения пособия по безработице, сохранения трудового и профсоюзного стажа, предоставления всевозможных льгот (снижение платы за квартиру и коммунальные услуги, транспорт и др.). Таких фиктивных безработных в среднем насчитывалось до 30% и более.

Примерно эти же данные были получены комиссиями ВЦСПС, изучавшими состояние безработицы среди членов профсоюзов⁵⁵.

Несмотря на разноречивость данных переписи 1926 г. и бирж труда, выявленные ими тенденции в развитии безработицы одинаковы. Это касается половозрастного состава безработных, их занятий, квалификации, территориального размещения и длительности нахождения без работы.

Рассмотрим более подробно сведения, полученные при переписи населения в декабре 1926 г.⁵⁶ Всего в тот период безработными себя назвали 1010383 человека, из них 596808 мужчин и 413575 женщин, т.е. последние составляли 40,9%, к общему числу безработных. Важно отметить, что именно этот контингент впервые предлагал свой труд. Из лиц, искавших работу впервые, женщин было 69373, а мужчин — 50082, т.е. в этой группе женщины составляли 58,1%. Столь же существенная разница наблюдалась среди людей, работавших ранее по найму. Там мужчин было 515650, женщин — 333753. Следовательно, в основном среди безработных женщин существенно преобладали лица, впервые предлагавшие свой труд.

По возрастному составу безработные распределялись следующим образом. Подростков до 18 лет было 66024 человека, лиц от 18 до 49 лет — 79070, мужчин и женщин 50 и более лет — 88421 человек. Приведенные данные показывают, что безработицей были охвачены люди самого трудоспособного возраста (такой же

вывод исходил из сведений бирж труда и профсоюзов). Причем данные переписи показали, что наименее трудоспособные (старше 50 лет) сравнительно реже предлагали свой труд впервые. Таких было зафиксировано среди женщин 19,5 тыс., среди мужчин — 69 тыс., т.е. менее 90 тыс., а остальные сотни тысяч были молодые и среднее поколение.

Изучая перепись 1926 г. по группе лиц, ранее работавших по найму, можно сделать вывод, что значительное большинство не имели квалификации. Это были чернорабочие (что также подтверждалось сведениями бирж труда).

Среди безработных значительное число представляли служащие — 423 тыс. человек. В эту цифру входили служащие всех отраслей народного хозяйства: руководящий, высший и средний технический персонал в промышленности, строительстве и на транспорте, работники учреждений и торговли, наемный персонал в сельском хозяйстве. Важно отметить, что уже в то время начинала ощущаться нехватка в кадрах высшей квалификации. По переписи, высший и средний технический персонал в фабрично-заводской промышленности составлял менее 4,5 тыс., в строительстве — не более 1,5 тыс., на железнодорожном транспорте — чуть более 1 тыс. человек. Мало было безработных среди медицинских работников, особенно врачей (около 2,5 тыс.) и преподавателей высших учебных заведений (330 человек). Интересно отметить, что в переписи 1926 г. было зафиксировано около 1,5 тыс. безработных служителей культа.

Перепись 1926 г. дала некоторые сведения, которые не фиксировались биржами труда, — о семейном положении безработных. На момент переписи в браке состояло 335149 мужчин и 137888 женщин. Эти данные показывают, что одиноких женщин-безработных было более чем в 2 раза больше, чем мужчин.

Территориальная структура безработицы, выявленная переписью 1926 г., совпадает с данными бирж труда. Наибольшее число безработных было в РСФСР — 742753 чел., в том числе в Москве — 129137 чел., в Ленинграде — 113153 человека. На Украине было зафиксировано 194355 безработных, в Белоруссии — 24432, в Закавказье — 33512. Небольшой уровень безработицы был в Сибири (37,5 тыс.), на Урале (37,4 тыс.) и на Дальнем Востоке — 20,5 тыс., а также в Средней Азии⁵⁷.

Весьма подробные сведения предоставила перепись 1926 г. и о продолжительности безработицы. До 3 месяцев являлись безработными 194224 мужчин, 71446 женщин, от 3 до 5 месяцев — 119826 мужчин и 67699 женщин, 7—11 месяцев — 77497 мужчин и 47722 женщины, от 1 года и более — 85311 мужчин и 118322 женщины⁵⁸.

Приведенные данные показывают, что более половины безработных не могли найти работу почти полгода и свыше 200 тыс., т.е. пятая часть, оставались безработными больше года⁵⁹.

Безработные во второй половине 1920-х годов

Во второй половине 20-х годов в связи с интенсивным проведением в жизнь курса на индустриализацию характер безработицы, ее демографическая и социальная структура резко изменились. Уже в самом начале первой пятилетки выявилась тенденция к сокращению численности безработных. Развертывание промышленного строительства втягивало в производство все новые и новые кадры. Об относительном и абсолютном снижении численности безработных в первый год пятилетки свидетельствуют данные табл. 51.

Таблица 51*

Динамика безработицы
(по данным 281 биржи труда, тыс. чел.)

Категория безработных	1927 г.			1928 г.			1929 г.		
	1 янв.	1 апр.	1 окт.	1 янв.	1 апр.	1 окт.	1 янв.	1 апр.	1 окт.
Всего безработных	1310,0	1477,9	1041,2	1352,0	1576,4	1364,6	1616,0	1741,1	1241,6
Из них:									
Работавших ранее по найму		1055,8	811,4		1274,4	1015,3		1353,3	825,2
Не работавших ранее по найму		422,1	229,8		302,0	349,3		405,8	416,4
Из общего количества									
Индустриальных (без некв.)		239,0	164,5		226,2	206,5		264,1	205,6
Строителей (с некв.)		125,8	62,5		208,0	89,3		208,1	46,8
Интеллектуальный труд		283,8	261,7		352,1	317,8		317,3	212,0
Неквалифицированный труд всего		758,1	508,4		742,6	696,1		894,0	831,2

* Таблица составлена по: Труд в СССР, 1926—1930. С. 36; Народное хозяйство СССР: Стат. справочник 1932 г. М.; Л. С. XXII—XXIII; Конъюнктурный обзор по труду за 1928/29 г. // ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 1. Д. 169. Л. 113—114.

Первый важный вывод, который следует сделать из табл. 51, заключается в том, что в течение 1928/29 г. произошло сокращение безработицы. Если на 1 октября 1928 г. на биржах труда числилось 1364,6 тыс. безработных, то через год, к октябрю 1929 г.,

их было 1241,0 тыс. Причем до апреля 1929 г. число лиц, состоявших на учете бирж труда, нарастало, достигнув своей кульминационной точки — 1741 тыс. Этот рост был вызван, как и в предшествовавшие годы, конъюнктурными условиями сезонного характера. Однако уже в тот период произошло относительное снижение темпа нарастания безработицы. С апреля по октябрь 1929 г. численность резервной армии труда сократилась на полмиллиона человек.

Динамика безработицы среди «собственно безработных» (работавших ранее по найму) и лиц, впервые предлагавших свой труд, показывает, что первая группа дала за год (с октября 1928 до октября 1929 г.) снижение на 16,3%, а в 1927/28 г. за тот же период — рост безработицы на 25,1%. Что же касается второй группы (людей, не работавших ранее по найму), то здесь на протяжении всего 1928/29 г. наблюдался непрерывный рост безработицы. За период с октября 1928 г. по октябрь 1929 г. он равнялся 22,6%. Таким образом, второй вывод, вытекающий из табл. 51, заключается в том, что ряды безработных в стране росли за счет лиц, впервые предлагавших свой труд. Группа же «собственно безработных» уменьшалась все быстрее и быстрее.

Данные табл. 51 показывают, что по своему составу безработица, как и в предшествовавшие годы, имела неиндустриальный характер. Среди безработных, состоявших на учете на 1 октября 1929 г., индустриальных рабочих было лишь 16%. Однако в течение первого года пятилетки уменьшить эту группу безработных не удалось. Зато существенные изменения произошли в группе строителей. С октября 1928 г. по октябрь 1929 г. численность этой группы сократилась в 2 раза, причем с апреля по октябрь 1929 г. — в 4 раза. Всего 47 тыс. безработных строителей состояло на учете биржи труда в октябре 1929 г. Огромный размах строительных работ первой пятилетки сразу же повлиял на состояние безработицы этой группы рабочих.

В течение первого года пятилетки заметно уменьшилась (почти в 1,5 раза) группа лиц интеллектуального труда. Безработных служащих, особенно врачей и учителей, становилось все меньше и меньше. Их удельный вес в общей массе безработных составлял в октябре 1928 г. 23%, а в октябре 1929 г. — 17%.

В составе безработных, зарегистрированных биржами труда к началу второго года пятилетки, явно преобладала неквалифицированная группа. Чернорабочие составляли две трети всех безработных. Причем численность этой группы росла в течение почти всего 1928/29 г. — с октября 1928 г. по октябрь 1929 г. она выросла на 150 тыс. человек.

Анализ состава безработных, приведенного в табл. 51, подводит нас к третьему важному выводу: уже на первом году пятилетки биржи труда начали испытывать трудности от недостатка строительных рабочих, а также специалистов. Безработица среди этих

групп резко убывала, более того, стала определяться новая тенденция — дефицит этих кадров.

Численность и состав безработных к началу 1930-х годов

Во втором году пятилетки численность безработных все время шла на убыль. С октября 1929 по февраль 1930 г. их число уменьшилось с 1241 тыс. до 1235 тыс. — примерно на 6 тыс. Впервые за всю историю безработицы был преодолен ее сезонный пик. Даже в предшествовавшем году за тот же период число безработных выросло на 300 тыс. человек⁶⁰.

В течение всего 1930 г. число безработных уменьшалось из месяца в месяц. К июлю 1930 г. оно составило 936,6 тыс. человек (спад на 25% к началу хозяйственного года). Сокращение численности безработных во втором году пятилетки сопровождалось изменениями состава резервной армии труда (табл. 52).

Данные табл. 52 показывают, что безработица в СССР имела по-прежнему неиндустриальный характер. На 1 июня 1930 г. всего 140 тыс. промышленных рабочих не имели работу, что составляло примерно 14% общего состава безработных. Причем уменьшение численности этой группы проходило значительно быстрее, чем в остальных категориях лиц, искавших работу, — индустриальная группа за 8 месяцев 1929/30 г. сократилась на 35%, в то время как размеры всей безработицы уменьшились на 25%. Свертывание безработицы проходило по всем специальностям и профессиям. Даже среди текстильщиков, у которых численность безработных в первом году пятилетки увеличилась до 50%, безработица упала за 8 месяцев 1929/30 г. на 22%. Особенно быстро уменьшилась резервная армия металлистов — за тот же период более чем на 41%. К июню 1930 г. на биржах труда было зарегистрировано всего 33 тыс. металлистов. Завершался процесс ликвидации безработицы среди других категорий промышленных кадров: на биржах труда к середине 1930 г. числилось всего 10 тыс. деревообделочников, 20 тыс. пищевиков, 34 тыс. текстильщиков. Проблема безработицы переросла в проблему дефицита рабочей силы. Такое же положение складывалось и со строителями. На 1 июня 1930 г. биржи располагали всего 77 тыс. зарегистрированных лиц строительных профессий (включая и неквалифицированных). Всего за один месяц (май) численность этой группы безработных уменьшилась почти на 30 тыс. человек. К августу 1930 г. резко ощутился значительный недостаток этих кадров.

Такое же тяжелое положение складывалось с лицами высокой квалификации — людьми умственного труда. По данным табл. 52, группа безработных интеллектуального труда уменьшилась за 8 месяцев 1929/30 г. на 38%, т.е. значительно быстрее, чем в среднем по всем безработным, и даже больше, чем по индуст-

стриальной группе. На 1 июня 1930 г. в каталогах бирж труда числилось всего 132 тыс. безработных этой группы, причем особую массу (90 тыс.) составляли совторгслужащие. Оставшиеся 42 тыс. представляли все другие профессии — работники искусств (их было сравнительно немного), просвещения, здравоохранения и др. Практически уже к этому периоду безработных врачей, учителей и инженеров не было.

Таблица 52*

Численность и состав безработных, состоявших на учете бирж труда

Показатели (в тыс. чел.)	Годы	1 мая	1 июня	Средние за 8 месяцев	В % к началу хоз. года
Всего безработных	1928 / 29	1772,6	1593,6	1611,1	116,8
	1929 / 30	1025,6	936,6	1176,6	75,4
В том числе членов профсоюзов	1928 / 29	1110,3	949,5	1014,0	114,1
Из общего числа безработных «собственно безработных» (работавших раньше по найму)	1928 / 29	1350,6	1171,9	1226,1	115,4
	1929 / 30	714,1	639,5	800,5	77,5
В том числе					
1. Индустриальная группа	1928 / 29	277,6	252,3	243,8	122,2
	1929 / 30	137,9	133,9	176,6	65,1
из них металлистов	1928 / 29	87,0	78,6	65,1	128,9
	1929 / 30	35,9	33,0	46,3	58,8
деревообделочников	1928 / 29	35,9	33,0	46,3	58,8
	1929 / 30	10,3	10,4	11,6	100,0
текстильщиков	1928 / 29	42,2	41,7	33,7	145,8
	1929 / 30	27,7	34,0	37,0	78,3
пищевиков	1928 / 29	41,7	37,2	36,2	115,9
	1929 / 30	26,4	20,8	26,9	68,6
2. Строители (включая неквалиф.)	1928 / 29	217,1	165,7	166,7	185,6
	1929 / 30	105,0	77,4	91,4	165,4
3. Интеллектуальный труд	1928 / 29	310,4	282,0	316,2	88,7
	1929 / 30	145,4	131,6	173,9	62,1
Из них совторгслужащих	1928 / 29	210,1	191,7	213,0	89,5
	1929 / 30	98,1	89,6	109,4	69,5
Неквалифицированный труд (всего)	1928 / 29	489,6	420,3	443,6	121,2
	1929 / 30	241,0	194,8	306,6	61,9
Не работавшие ранее по найму	1928 / 29	421,9	421,7	385,0	120,7
	1929 / 30	311,5	297,1	376,1	71,3

* ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 15. Д. 188. Л. 23.

Анализ табл. 52 показывает, что самой многочисленной группой среди «собственно безработных» были люди, не имевшие квалификации, — почти 200 тыс. человек (на 1 июня 1930 г.). Но и эта группа сокращалась — в течение октября 1929 — мая 1930 г. она уменьшилась на 38%, в то время как за тот же период первого года пятилетки она возросла на 21%. Только за май 1930 г. численность зарегистрированных на биржах труда неквалифицированных рабочих уменьшилась почти на 50 тыс. человек.

Хуже обстояли дела с безработицей среди людей, не работавших ранее на предприятиях. Во-первых, их было сравнительно много (297 тыс. на 1 июня 1930 г.), во-вторых, эта группа безработных убывала далеко не такими темпами, как другие группы (за май, например, она уменьшилась всего на 14 тыс.), и, наконец, именно эта категория лиц представляла собой основной резерв безработицы.

Анализ состава безработных по занятости, профессиям и квалификации позволяет сделать следующий вывод: к середине 1930 г. безработица фактически была ликвидирована среди индустриальных рабочих, строителей и людей умственного труда (кроме сотворгслужащих). К завершению приближался процесс свертывания безработицы среди неквалифицированных рабочих. Проблема оставалась с людьми, впервые предлагавшими свой труд, — в основном это были женщины и подраставшее поколение.

Рассмотрим половозрастной состав безработных (табл. 53).

Таблица 53*

**Динамика безработицы среди женщин и молодежи
(по данным 281 биржи труда СССР, тыс. чел.)**

Категории безработных	1927		1928		1929	
	1 окт.	1 апр.	1 окт.	1 апр.	1 окт.	1 апр.
Всего безработных из них:	1041,2	1576,4	1364,6	св. нет	1741,1	1241,6
женщин	486,9	622,0	642,3	св. нет	758,4	730,3
Подростков обоего пола	168,6	197,4	240,3	св. нет	257,9	291,0

* Таблица составлена по: Труд в СССР, 1926—1930 гг. С. 36.

Табл. 53 показывает, что число безработных женщин выросло с 1 октября 1928 г. по 1 октября 1929 г. на 88 тыс. Даже в период резкого падения безработицы с апреля по октябрь 1929 г. резервная армия труда среди женщин сократилась всего на 28 тыс. (а в целом количество безработных уменьшилось на полмиллиона). К концу первого года пятилетки доля женщин в общем составе безработных составляла 59%. Женская безработица имела наи-

более застойный характер, т.к. в первую очередь работа предоставлялась мужчинам.

Тяжелым бременем ложилась безработица на молодежь. Молодые люди, впервые вступавшие на трудовой путь, не могли сразу найти себе работу. Среди безработных доля подростков (молодежь до 18 лет) на 1 октября 1929 г. составляла примерно 25%. Динамика этой группы безработных в первом году пятилетки была такой же, как у женщин: увеличение безработицы на 50 тыс. человек в течение всего года, незначительное сокращение ее во втором полугодии 1928/29 г. Следует отметить, что безработица в основном касалась девушек. Доля юношей среди безработных подростков составляла не более 24%⁶¹.

Учитывая половозрастную структуру безработных, государство в 1930 г. уделило особое внимание решению этой проблемы. В начале года НКТ СССР дал указание всем биржам труда посылать на работу женщин в соответствии с их удельным весом, среди безработных; предлагалось также максимально увеличить обучение и переобучение женщин-безработных, усилить борьбу с необоснованным отказом предприятий от приема женщин на работу. В результате к концу 1930 г. доля женского труда в промышленности возросла до 23% против 10% в 1929 г.

В деле ликвидации безработицы среди молодежи решающую роль сыграли расширенные наборы в школы ФЗУ и школы массовых профессий. В начале января 1930 г. в профессиональные училища пошли учиться 57 тыс. человек. В январе-феврале был объявлен дополнительный прием, названный «первым набором индустриализации». Он охватил 70 тыс. юношей и девушек. Еще большие перспективы перед подростками открыл осенне-зимний набор в ФЗУ, получивший название «второй набор индустриализации». По промышленности ВСНХ он охватил 345 тыс. человек, только в сентябре 1930 г. в профтехшколы пошли 135 тыс. человек⁶².

Во втором полугодии 1930 г. численность безработных резко уменьшилась: на 1 июля было зарегистрировано 725 тыс., в августе — 633 тыс., в сентябре — 525, в октябре — 334,6 тыс. Следовательно, с июля по октябрь число всех безработных сократилось почти в 2,5 раза. Следует отметить, что без подростков, которые подлежали осеннему набору в школы ФЗУ, цифра по безработице снижалась до 226 тыс., из них ранее не работало по найму 184,2 тыс. человек⁶³. Эти люди в основном по путевкам бирж труда обучались различным профессиям на курсах. Анализируя данные по безработице на сентябрь—октябрь 1930 г., нарком труда А.М.Цихон утверждал, что «безработицы как таковой у нас уже нет». В подтверждение этого вывода он привел следующие сведения: в 1927/28 г. на 100 безработных приходилось 94 заявки с предложением работы, в 1928/29 г. — 128, в 1929/30 г. — 160⁶⁴.

О ликвидации безработицы в конце 1930 г. свидетельствовали и такие данные: в 1930/31 г., по первоначальной оценке НКТ СССР, хозяйству страны требовалась дополнительная рабочая сила в размере 1 млн человек (в том числе для промышленности и строительства — 600 тыс. человек). Деревня также нуждалась в новых кадрах — 1 млн человек (среди них 400 тыс. трактористов). Позднее, по новым подсчетам Госплана, в 1930/31 г. требовалось 2 млн постоянных рабочих (промышленность запросила 700 тыс. человек) и 3 млн сезонников, итого 5 млн человек⁶⁵. Таких кадров у бирж труда не было. Ножницы между спросом и предложением рабочей силы, которые возникли еще в начале 1930 г., значительно обострились к новому хозяйственному году. К 1 октября 1930 г. биржи труда фактически не располагали свободной рабочей силой. Все оставшиеся зарегистрированные безработные были охвачены различными формами учебы. Получив профессию, они направлялись на предприятия, где их охотно принимали, т.к. нехватка рабочей силы ощущалась уже повсюду. В сентябре 1930 г. биржи труда не удовлетворили 1 млн 67 тыс. заявок предприятий⁶⁶. В связи с этим 20 октября 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текущей безработицей», в котором был официально зафиксирован факт ликвидации безработицы в СССР⁶⁷. Приведенный выше материал подтверждает этот вывод — безработица как таковая в России перестала существовать на рубеже 20–30-х годов. Однако в скрытой форме, которая не фиксировалась в последующее время, она оставалась всегда.

Глава XII.

Демографические последствия сплошной коллективизации и голода 1932—1933 гг.

Начало демографической трагедии в деревне

Демографическая трагедия 30-х гг. была непосредственно связана с курсом на сплошную коллективизацию сельского хозяйства, взятым ЦК ВКП(б) в конце 1929 г. (ноябрьский Пленум) и закрепленным затем в ряде партийных постановлений в 1930 г.¹ Это был курс на форсированное обобществление крестьянского хозяйства, который сопровождался грубым нарушением элементарных принципов кооперирования: добровольности и постепенности. Сплошная коллективизация предполагала ликвидацию кулачества как класса, которая активно проводилась с самого начала 30-х гг., а осенью того же года развернулось массовое выселение раскулаченных крестьян. На практике раскулачивание распространилось на крестьянские хозяйства разной экономической мощности.

Демографические последствия этого курса были крайне тяжелыми. Этому способствовали обобществление коров и мелкого скота и изъятие у крестьян семенного фонда в ходе хлебозаготовок, нормы которых продолжали повышаться. Уже в начале 1932 г. усилился поток писем на имя Сталина и Молотова с жалобами крестьян на невозможность прокормить семью с малыми детьми, нетрудоспособными и стариками². Сообщалось о крайне тяжелом продовольственном положении колхозов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Украины.

Особенно много было пострадавших в связи с принятием закона об охране социалистической собственности, названным крестьянами «Законом о пяти колосках». Этот закон предусматривал уголовное наказание за хищение колхозного и кооперативного имущества. В целом по СССР по этому закону было осуждено 103 тыс. чел. из них приговорено к высшей мере наказания 6,2% (более 6 тыс.), а к 10 годам лишения свободы — 33%. Из общего числа осужденных 62,4% приходится на колхозников, 9,4% — на работников совхозов, 5,8% — на единоличников³. Между тем среди осужденных было немало голодающих крестьян, срезавших колосья, чтобы избежать смерти.

Голодомор

Положение в деревне все осложнялось. В стране еще в 1929 г. была введена карточная система. В 1931 г. засуха поразила 5 хле-

бопроизводящих районов, и правительству с большими потерями удалось ограничить масштабы этого бедствия. Но если до 1932 г. проявления голода носили локальный характер, то разразившийся голодомор 1932—1933 г. охватил важнейшие зерновые районы страны, прежде всего Украину, Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, Южный Урал, часть Сибири, Тамбовщину и Казахстан. В общей сложности в стране голодало не менее 30 млн крестьян⁴.

Несмотря на страшный недород, крестьян заставляли сдавать хлеб государству по грабительским ценам (в 8—10 раз ниже рыночных). Сверхналог использовался на закупки промышленного оборудования. В 1930 г. при сравнительно высоком урожае было вывезено за рубеж 48,4 млн ц, в 1931 г., когда был недород, — 51,8 млн, а в 1932, в условиях начавшегося массового голода, — 1,8 млн ц⁵. Прекращение вывоза зерна в этом году могло бы спасти от голодной смерти несколько миллионов крестьян.

Широкое распространение получили дополнительные («встречные») планы, предъявляемые хлебоборам после выполнения основных. Крестьяне, что вполне естественно, оказывали хлебозаготовительным органам значительное противодействие, стремились утаить от них часть выращенного урожая, за что подвергались репрессиям.

В условиях массового голода в стране было принято постановление о введении в СССР паспортной системы для всех граждан, за исключением крестьян (27 декабря 1932 г.). Этот документ по сути запрещал миграцию крестьян из районов голода.

Кроме того, 22 января 1933 г. Сталин и Молотов направили партийным, советским и карательным органам ряда районов страны не имеющую прецедента директиву, в которой отмечалось, что на Украине и Кубани начался массовый выезд крестьян в ЦЧО, на Волгу, в Московскую и Западную области, в Белоруссию. Органам власти и ОГПУ Украины и Северного Кавказа предписывалось не допускать массового выезда крестьян в другие районы, а «пробравшихся на север» немедленно арестовывать и после того, как будут выявлены контрреволюционные элементы, выдворять на места их прежнего жительства. К началу марта 1933 г., по данным ОГПУ, было задержано 219,5 тыс. человек, из которых 186,6 тыс. возвращено, а остальные привлечены к судебной ответственности⁶. Нет никаких сомнений в том, что это были голодающие крестьяне, пытавшиеся найти спасение в благополучных районах и городах страны.

Особенно сильное давление оказывалось на крестьян Украины, Нижнего и Среднего Поволжья, Кубани, где действовали чрезвычайные комиссии.

Следует особо сказать о Казахстане, входившем в состав РСФСР на правах автономной республики. Чрезвычайная комиссия здесь не создавалась, ее функции по существу выполнял крайком партии. Под его руководством в 1931—1932 гг. прово-

дился курс на сплошную коллективизацию кочевых и полукочевых хозяйств Казахстана. Потеряв в результате «революции сверху» почти 90% своего скота — основного источника своего дохода, коренные жители республики по существу лишились средств существования. Началась массовая миграция, фактически бегство людей из обжитых мест («откочевки»). «Конец 1932 и зима 1933 г., — говорил на VIII Казахской краевой партконференции (январь 1934 г.) Л.И.Мирзоян, сменивший на посту первого секретаря крайкома Ф.И.Головощекина, — представляли собой исключительную картину, когда огромные массы откочевников двинулись со своих районов и мест, запрудили железнодорожные станции и города и создали крайне неблагоприятную обстановку... После больших откочевок Центральный Казахстан пришел в полный упадок»⁷.

Аналогичные заключения содержались в отчетном донесении Политсектора АТС Казахстана за 1933 г.: «Зима 1932—1933 гг. была особенно тяжела. Массовые откочевки, смертность, особенно в казахской части населения, массовый убой и разбазаривание скота, отсутствие хлеба для питания, фуража для рабочего скота, необеспеченность семенами... Колхозники уходили в горы, пески, шли собирать корни и семена дикорастущих трав. Оставшиеся колхозники не могли работать из-за сильного истощения и болезни». По данным политсектора, за указанное время откочевало до 400 тыс. хозяйств (не менее 2 млн. человек!), или примерно две трети всех кочевых и полукочевых хозяйств республики⁸.

Оценка людских потерь в голодные годы

Голод 1932—1933 г., его демографические последствия, людские потери стали особенно активно изучаться отечественными историками, демографами, экономистами со второй половины 1980-х годов. Изучать данную проблему сложно — сводная статистика отсутствует, материалы текущего учета не являются полными. Так, например, данные ЦУНХУ Госплана о естественном движении населения РСФСР за 1933 г. по европейской части (без Москвы, Ленинграда, Калмыцкой АО), показали, что процент ЗАГСов, представивших свои сведения, составлял 91,8 и они обслуживали 94,7% населения (в городах — соответственно 98,0 и 99,3%, в сельской местности — 91,6 и 93,0%)⁹. Причем надо иметь в виду, что сложность ситуации заключалась не только в отсутствии полного охвата населения учетом, а в неполноте сведений по территориям, охваченным загосским учетом.

В то же время архивный материал по естественному движению населения свидетельствовал о значительном повышении смертности в 1933 г. — на 1000 населения в СССР умерло 40,6 человек по имеющимся расчетам ЦСУ СССР 1964 г. — 42,6, расчетам исследователей Е.М.Андрева, Л.Е.Дарского, Т.Л.Харьковой —

70,3; в 1932 г. — соответственно 20,2, 27,7, 29,6; в 1934 г. — 18,1, 23,7, 21,7; в РСФСР (без Москвы, Ленинграда, Калмыцкой АО) — 31,6 (в городах — 34,6, в сельской местности — 32,3). Изучение показателей рождаемости выявило ее снижение в 1933 г. Это также могло свидетельствовать о высокой смертности в период голода беременных женщин, недоучете родившихся и рано умерших детей¹⁰.

Анализ статистических данных текущего учета показал, что повышение смертности в результате голода затронуло Украину, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан, а также Воронежскую, Курскую, Свердловскую, Челябинскую области, Северный, Азово-Черноморский края, Крымскую АССР. В 1934 г. отрицательный прирост населения был зафиксирован в Западной области, городах Северного края, Обско-Иртышской области, Татарской АССР, Куйбышевского края, Воронежской области, Курской области, Саратовского, Сталинградского, Азово-Черноморского краев, Бурят-Монгольской АССР¹¹.

Сведения ЦУНХУ за 1933 г. о возрастнополовом составе умерших в РСФСР показали значительную смертность в младенческих и детских возрастах — 0—4 года. Высокая смертность была у детей в возрасте до 1 года. Так, процент умерших детей до 1 года из родившихся в 1933 г. в городах европейской части РСФСР составлял 42,0, в селах — 35,3; из родившихся в 1934 г. — 58,0 и 64,7. В азиатской части РСФСР — соответственно 47,3 и 38,8; 52,7 и 61,2. В Украинской ССР — 38,1 и 31,6; 61,9 и 68,4. В Белорусской ССР — 43,3 и 43,8; 56,7 и 56,2¹². Смертность детей в возрасте до 1 года, как видно из приведенного материала, повысилась в 1934 г., причем в селах больше, чем в городах.

По сведениям ЦУНХУ, особенно высокая смертность детей в возрасте до 1 года была зафиксирована в третьем квартале 1934 г. (июль—сентябрь) в городах и селах РСФСР, УССР, БССР. Важно отметить, что в этом квартале также наблюдалась наиболее высокая рождаемость. Так, в городах СССР среднесуточная рождаемость в третьем квартале составляла 119,4% к среднегодовой за 1934 г., смертность — 110,2; в селах — 120,7 и 125,6%. Наиболее высокая смертность детей в возрасте до 1 года в РСФСР наблюдалась в городах Ненецкого округа (среднесуточная смертность в третьем квартале была 140,0% к среднегодовой за 1934 г.), Кабардино-Балкарской АО (160,0%), а также в селах Северного края (141,0%), Горьковской области (145,7%), Мордовской АССР (146,6%)¹³.

Высокая смертность была зафиксирована в молодых, наиболее трудоспособных, а также пожилых возрастных группах, т.е. смертность выросла практически во всех возрастах. Так, в городах европейской части РСФСР* в 1933 г. на 1000 умерших умер-

* Без Москвы, Ленинграда, Калмыцкой, Ингушской АО, Ненецкого округа.

ло в возрасте 15—19 лет — 21,4; 20—24 года — 33,5; 25—29 лет — 34,7; 30—34 года — 33,2; 35—39 лет — 35,4; 40—44 года — 37,9; 45—49 лет — 48,2; 50—54 года — 50,8; 55—59 лет — 54,5; 60—64 года — 57,1; 65—69 лет — 55,2; 70—74 года — 50,1; 75—79 лет — 35,5. В 1934 г. — соответственно 21,6, 35,3, 35,1, 35,4, 44,8, 32,4, 49,4, 41,5, 43,4, 46,8, 45,2, 42,0, 29,9¹⁴. Тем не менее в 1934 г., за исключением возрастного интервала 15—34 года, видно снижение числа умерших.

Наиболее высокая смертность традиционно была зарегистрирована у мужчин, кроме возрастной группы 65 лет и старше. В этом возрасте женская смертность превалировала. В наиболее трудоспособных возрастах на 1000 умерших в городах европейской части РСФСР* максимальная мужская смертность в 1933 г. была в возрастных группах 20—24 года (умерло мужчин — 666, женщин — 334; 25—29 лет — 672 и 328; 40—44 года — 687 и 313; 45—49 лет — 698 и 302. В городах Западной и Восточной Сибири — соответственно 708 и 292, 688 и 312, 721 и 279, 731 и 269. В Москве — 637 и 363, 662 и 338, 725 и 277, 711 и 289. В Ленинграде — 648 и 352, 666 и 334, 689 и 311, 689 и 314. В городах европейской части РСФСР в 1934 г. — 581 и 419, 581 и 419, 637 и 363, 652 и 348¹⁵.

Данные статистики также свидетельствовали о более высокой смертности на селе, чем в городе, в 1933 г.: на 1000 населения европейской части РСФСР** в сельской местности умерло 735, в городах — 265¹⁶.

Важно также отметить зафиксированное в статистических материалах повышение смертей не только от болезней органов дыхания (бронхит, туберкулез органов дыхания), что могло быть, очевидно, следствием плохого питания, его количества и качества, а от болезней, непосредственно связанных с неполноценным питанием (включая рахит), энтерита и колита. В городах европейской части РСФСР (без Москвы и Ленинграда) на 1000 умерших умерло от болезней, связанных с неполноценным питанием (включая рахит), 23,0; Москве — 0,4; в городах Западной и Восточной Сибири, Дальневосточного края — 12,6; от энтерита и колита — соответственно 71,5, 56,9, 15,3¹⁷. Причем высокая смертность от этих болезней была зарегистрирована, особенно у мальчиков в младенческих (до 1 года) и детских возрастах, — 1—2, 3—4, 5—6 лет. В последующих возрастах видно ее снижение и затем увеличение начиная с возрастных групп — 20—24 года. Максимальная смертность наблюдалась у женщин в возрасте 40—49 лет (особенно от болезней, связанных с неполноценным питанием) и

* Без Москвы, Ленинграда, Калмыцкой, Ингушской АО, Ненецкого округа.

** Без Москвы, Ленинграда, Калмыцкой АО.

60—69 лет (от энтерита и колита), мужчин — 50—59 лет (от этих групп болезней)¹⁸.

Таким образом, по зарегистрированным данным статистических органов мы можем отметить резкое увеличение смертности. Однако абсолютно точно вчислить по ним смертность населения от голода и его последствий не представляется возможным. Такое положение можно объяснить и тем, что в 30-е годы о голоде не упоминалось в официальных документах, выступлениях партийных и государственных деятелей. Не сообщалось о нем и в советской печати.

Однако в западной и отечественной научной литературе накопилось немало данных по определению размеров людских потерь. Сравним и проанализируем накопленный материал, используемые источники, методы и результаты проведенных исследований.

Первые сведения о жертвах голода сообщали иностранные журналисты, дипломаты, работавшие в это время в Советском Союзе. Так, немецкие дипломаты называли не менее 7 млн чел. погибших от голода и его последствий¹⁹. У Черчилль в военных воспоминаниях упомянул о высказывании И.В.Сталина о 10 млн крестьян, высланных и погибших от голода²⁰. Впоследствии исследователи накопили достаточно фактов по этой проблеме, разработали методы ее изучения²¹.

Наибольшую известность у отечественных исследователей получили публикации Р.Конквеста, где людские потери от голода оценивались в 8 млн чел. (5 млн — на Украине, 1 млн — в Казахстане, 1 млн — в Северном Кавказе, 1 млн — в «остальных районах»)²². Между тем часть зарубежных и отечественных ученых критически отнеслась к этим данным, считая их преувеличенными. Б.Андерсон, Б.Сильвер пришли к выводу, что жертвы голода составляли от 2 до 3 млн, С.Уиткрофт — 3—4 млн чел. В.П.Данилов, проанализировав эти последние оценки, отметил их наиболее объективный характер²³. Не отвергая оценок жертв голода, приводимых зарубежными учеными, рассмотрим результаты исследований отечественной науки.

Одним из первых о масштабах голода, числе жертв заговорил Б.Ц.Урланис. По его расчету, население к январю 1933 г. могло достигнуть 167,7 млн чел. Однако полученная численность отклонилась от действительной примерно на 7 млн чел. и составила 160,7 млн чел., а к апрелю 1933 г. — 158 млн чел.²⁴ По подсчетам ученого, таким образом, численность населения с января по апрель 1933 г. сократилась на 2,7 млн чел.

Приблизился к этой оценке и В.В.Цаплин. Он сделал попытку ориентировочно определить смертность от голода. В своих расчетах он опирался на статистику ЗАГСов 30-х годов. Ее изучение показало, что в 1927—1931 гг. ежегодно умирало в среднем 2,6 млн чел. В 1932—1933 гг. уровень смертности увеличился до 4 млн чел. На этом основании исследователь сделал вывод, что в 1932—1933 гг. зарегистрированная смертность от голода и его

последствий составила не менее 2,8 млн чел. (по 1,4 млн чел. ежегодно)²⁵. Если к этой цифре приплюсовать 1 млн чел. незарегистрированных смертей, то общая цифра жертв голода, по мнению В.В.Цаплина, — 3,8 млн чел. Таким образом, первоначальные оценки жертв голода, сделанные отечественными исследователями, были близки к результатам, полученным западными учеными — Б.Андерсон, Б.Сильвером, С.Уиткрофтом.

Между тем изучение материалов текущей статистики 30-х годов показало неадекватное отражение в них смертности населения, в том числе и голодной²⁶. По подсчетам ЦУНХУ, зарегистрированная смертность населения в 1933 г. составляла 5,7 млн чел. Однако надо иметь в виду, что люди умирали не только от голода и его последствий, а и от болезней, не связанных с голодом, несчастных случаев, гибели от репрессий и т.д. В связи с этим важно выявить смертность населения именно от голода. Уточнение размеров жертв голода дают региональные исследования.

Наибольшее число публикаций связано с изучением голода на Украине. Их авторы приводят различные цифры жертв голода 1932–1933 гг. В.В.Цаплин отметил, основываясь на «Конъюнктурном обзоре движения населения СССР за 1930–1934 гг.», что смертность на Украине составила 2,9 млн чел.²⁷ Между тем с поправкой на естественную смертность, как считает С.В.Кульчицкий, приведенное число жертв уменьшается до 2,4 млн. Анализируя это предложение, он обратил внимание на необедительность сделанных расчетов из-за ограниченности взятой территории для обследования (изучались в 1934 г. пострадавшие от голода районы)²⁸. Украинские историки ориентировочно называли такие цифры: Ф.Рудич — от 3,5 до 4 млн чел.; Р.Пирог — от 4 до 10 млн жертв голода²⁹. Р.Медведев, используя сведения Всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г., выявил сокращение численности украинцев за тринадцать лет, составившее 3,1 млн чел. (1926 г. — 31,2 млн, 1939 г. — 28,1 млн). Однако снижение численности украинцев может быть объяснено не только последствиями голода, но и этнической переориентацией населения: украинцы, проживающие за пределами Украины, по переписи 1926 г. считали себя «украинцами», а в период переписи 1939 г. — «русскими»³⁰. Кроме того, в 30-е годы Украина значительно пополнялась русским населением. Очевидно, такой подход не может уточнить размеров людских потерь от голода. Подобное разнообразие данных объяснимо нехваткой источников, фиксирующих смертность от голода, а также неполными сведениями официальной статистики.

Между тем часть источников сохранилась. Так, Б.Хандрос отметил, что в Государственной архиве Винницкой области существуют тетради за 7 апреля — 6 июня 1933 г. «Книга записей актов гражданского состояния на 1933 г. на смерть» Сосонского сельского Совета Винницкого района Винницкой области. В них при-

водятся фамилии, имена, социальное положение, причины смерти. В Винницком партийном архиве отложились официальные документы — протоколы заседаний бюро райкомов, обкомов, информация с мест, поступающая в обком партии*. Нельзя исключать сведения, поступающие за границу от дипломатов, журналистов, отложившиеся в зарубежных архивах. Можно говорить и о текущих материалах ЗАГСов, ставших доступными с 1989 г.³¹ Таким образом, поиск источников, их сопоставление, анализ могут приблизить нас к более точным цифрам людских потерь.

Малочисленная источниковая база приводит к необходимости разрабатывать новые методы для определения людских потерь от голода. В этом смысле интересен метод, предложенный С.В.Кульчицким.

Исследователь для выявления людских потерь от голода 1932—1933 гг. оперировал данными о естественном приросте населения за 1933—1936 гг. Располагая отчетными сведениями за 1935 г. — 420 тыс. и 1936 г. — 534 тыс. (последний квартал этого года — ожидаемый результат), С.В.Кульчицкий реконструировал несостоявшийся прирост населения за 1933 г. и вероятный за 1934 г., используя скорректированные по уровню реальных данных 1935 г. прогнозы 1927 г. А.П.Хоменко. В результате естественный прирост для 1933 г. составил 415 тыс., 1934 г. — 418 тыс. Получив величину естественного прироста за 1933—1936 гг. (1787 тыс.) и суммируя ее с дефицитом населения на начало 1933 г. по переписи 1937 г. (1744 тыс.), исследователь получил демографические потери населения в размере 3531 тыс. чел (с учетом репрессивных выселений). Используя данные о снижении рождаемости за 1933—1934 гг., вызванного голодом, С.В.Кульчицкий подсчитал примерно полные демографические людские потери. Недобор родившихся для 1932 г. — 299 тыс., 1933 г. — 460 тыс., 1934 г. — 509 тыс. чел. Общие демографические потери от голода на Украине, таким образом, составили около 5 млн чел.³², что соответствует подсчетам Р.Конквеста. Предложенная методика несомненно приближает нас к истинной цифре потерь в результате голода.

Между тем число прямых жертв голода — 3,5 млн чел. — вызвало критику со стороны украинских исследователей. А.Л.Перковский, С.И.Пирожков считают ее преуменьшенной, так как С.В.Кульчицкий для своих подсчетов использовал не реальные данные Всесоюзной переписи населения 1937 г., а завышенные оценки ЦСУЗЗ.

* Р.Конквест писал, что сохранились свидетельства о смерти за август, сентябрь, середину октября 1932 г. жителей села Романовка, краткие записи о смерти, которые велись не только официальными лицами, но и селянами, начиная с зимы 1932—1933 гг., а также секретные сведения ОГПУ. См.: Новый мир. 1989. № 10. С. 195.

Украинские ученые предложили свой способ определения людских потерь в 30-е годы. В его основе — прогноз численности населения Украины составленный в 1932 г. академиком АН УССР М.В.Птухой, согласно которому оно должно было насчитывать 1 января 1937 г. 34,0 млн чел., и реальная численность населения Украины (по сведениям Всесоюзной переписи населения 1937 г.) — 29,4 млн чел. Вычитанием действительной численности населения из прогнозируемой были получены потери населения, составляющие 4,6 млн чел. (без учета миграций). Однако эта оценка людских потерь относится к демографическим потерям Украины 30-х годов и жертвы голода не вычислены в них отдельным показателем. В то же время расчеты С.В.Кульчицкого связаны исключительно с потерями населения от голода и его последствий.

Изучение демографической ситуации, сложившейся в республике в 30-х годах, привело А.А.Перковского и С.И.Пирожкова к выводу о том, что возрастной состав Украины из-за быстрого его изменения вследствие пополнения за счет прибытия сюда мигрантов из других регионов страны, в основном русских, не может дать надежных данных для оценки людских потерь³⁴. Проведенные исследования, таким образом, показали необходимость использования для подсчетов людских потерь методов, соответствующих историческим условиям развития региона.

В подсчетах Е.А.Осокиной жертвы голода даны суммарно по РСФСР и Украине — более 3 млн чел., причем основные потери понесли сельские местности — 2 млн чел. В данной публикации есть важные сведения ЦУНХУ Госплана СССР о характере прироста населения Украины. По ним видна убыль населения в 1933 г. на 1,5 млн чел., в 1934 г. — 1 млн чел.

Привлекает внимание оценка жертв голода на Украине, полученная на основе статистических данных, собранных ОГПУ за период с 1 декабря 1932 г. по 15 апреля 1933 г., т.е. за 4,5 месяца, согласно которым от голода и случаев людоедства погибло 2420100 чел. Это число людских жертв экономист П.К.Василевский использовал для своих исчислений. Рассмотрим их.

Сведения о жертвах голода после 15 апреля 1933 г. отсутствуют. В этой связи П.К.Василевский вычислил среднемесячное число жертв за период с 1 декабря 1932 г. по 15 апреля 1933 г. — 537800 (2420100:4,5), затем за остальные 3,5 месяца, с 15 апреля по 1 августа 1933 г. — 1882300 (537800 x 3,5). Суммируя полученные данные со сведениями ОГПУ (умноженные на «коэффициент» смертности населения за период с 15 апреля по 1 августа 1933 г., который, по мнению автора, был не менее 2,5), выявив общую величину людских потерь от голода за 1 декабря 1932 — 1 августа 1933 г. — 7125850³⁵. Принимая во внимание наличие сведений ОГПУ за 4,5 месяца, а также отсутствие необходимых источников за остальные 3,5 месяца, расчеты такого рода логичны и возможны.

Сохранились данные о смертности населения, в том числе и от голода, в органах учета сельской местности ряда областей Поволжья. Это дало возможность применить иной метод расчетов жертв голода. В.В.Кондрашин изучил архивные материалы текущего учета (61архив ЗАГС райисполкомов, 4 архива ЗАГС облисполкомов Волгоградской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской областей), а также отчетные материалы ЦУНХУ Госплана РСФСР и СССР. Исследователь пришел к выводу, что органы учета сельских районов Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев учитывали голодную смерть в 1932—1933 гг. Это опровергло принятую точку зрения об отсутствии регистрации среди причин смертности — смерть от голода органами текущего учета населения. Подсчеты жертв голода В.В.Кондрашин делал поэтапно. Сначала была определена учетная ЗАГСами избыточная голодная смерть 1933 г. (189817 чел.). Затем — потери 1933 г. в районах, не охваченных учетом. Для этого он установил средний уровень смертности сельского населения (на 1000 чел. на учетной ЗАГСами территории) и средний показатель величины изменений уровня смертности 1933 г. по сравнению с 1932 г. на не охваченной учетом территории (142905 чел.). Причем, как считает исследователь, 10% крестьян (33000 чел.) Поволжья погибли от голода вне мест своего постоянного проживания и не были учтены. Общий итог, таким образом, непосредственных жертв голода 1932—1933 гг. в деревне Поволжья — 365722 чел., а с косвенными потерями из-за падения рождаемости (115665 чел.) — 481387 чел., или 0,5 млн чел.³⁶ Работа В.В.Кондрашина несомненно продвинула изучение проблемы голода. Она продемонстрировала важность разработки таких методов изучения проблемы, которые тесно связаны с источниками по исследуемой территории и отражают специфическое развитие региона в конкретно-исторических условиях 30-х годов.

В этом плане важна работа, начатая В.В.Кондрашиным и Д.Б.Балакиным, по составлению карты голода на территории Нижнего и Среднего Поволжья, а также Южного Урала. Картографическое изучение голода заслуживает особого внимания, так как география голода полностью еще не выяснена³⁷.

Особые трудности возникают при определении жертв голода в Казахстане. Они обусловлены плохой постановкой текущего учета населения на этой территории³⁸. В связи с этим некоторые историки считают, что из-за отсутствия точных данных численность людских потерь от голода установить невозможно. Тем не менее исследователи Ж.Б.Абылхожин, М.К.Козыбаев, М.Б.Татимов на основе внесения поправок в данные Всесоюзной переписи населения 1926 г. с учетом диспропорции коренного населения Казахстана в половозрастной структуре и недоучетом жителей отдельных поселений, а также изучения естественного прироста казахов с 1926 по 1939 г. и текущего учета населения в 30-е годы считают, что численность коренных жителей Казахстана на середину 30-х

годов составляла 4120 тыс. чел. Если невосполнимые потери казахов в годы трагедии — около 2 млн чел., то, как полагают исследователи, с учетом сведений текущего учета движения населения в 20-е годы, по которым уровень естественной смертности достигал 25 чел. на 1000, численность умерших естественной смертью за 1931—1933 гг. должна была составить не менее 250 тыс. чел., и, следовательно, прямые потери казахов от голода и его последствий — 1750 тыс. чел, или 42% всей численности казахского населения республики³⁹.

Обращает на себя внимание методика, предложенная А.Н.Алексеевко. В ее основу были положены изменения в возрастной структуре коренного населения Казахстана в 1926 и 1939 г. Было выявлено число людей из каждой возрастной группы в 1926 г., доживших до 1939 г. В итоге численность погибших от голода и безвозвратно мигрировавших казахов — 1798 тыс. чел.⁴⁰, т.е. близка к предыдущим исследованиям. Однако предложенные методики распространяются только на коренное население Казахстана. Между тем Б.Тулепбаев и В.Осипов назвали (без приведения источников и методов своего исследования) прямые потери казахов и казахстанцев других национальностей — около 1,3 млн чел.⁴¹

Изучение голода на Северном Кавказе показало невозможность определить людские потери. Е.Н.Осколков предпринял попытку установить число людей, погибших от голода на Северном Кавказе, на основе архивных данных ЗАГСов о родившихся и умерших. Однако в Ростовском областном архиве ЗАГСа исследователь обнаружил значительную нехватку необходимых для такого подсчета сведений. Е.Н.Осколкову удалось выявить материал о людских потерях только по отдельным хуторам, селам, коллективным и индивидуальным хозяйствам. В этой ситуации он остановился на оценке жертв голода, данной Р.Конквестом, — 1 млн чел.⁴²

Появляется материал о голоде в Сибири. В.А.Исупов показал, что основной удар пришелся на сельские местности. В городах региона население умирало больше от общего ослабления организма, связанного с хроническим недоеданием, инфекционными болезнями. Следствием этого стало падение рождаемости, увеличение смертности, в том числе детской, роста самоубийств и т.д. Так, в 1933 г. было зарегистрировано 287,1 тыс. чел. умерших против 176 тыс. чел., умерших в 1928 г.⁴³ Таким образом, исследователь выявил общие тенденции естественного движения населения в связи с голодом 1932—1933 гг.

Изучение отдельных регионов, пострадавших от голода 30-х годов, позволяет уточнить численность людских потерь (прямые потери): Украина — 3,5 млн чел. (подсчеты С.В.Кульчицкого) или 7,1 млн чел. (подсчеты П.К.Василевского); Казахстан — 1,3 млн чел.; Поволжье — 0,4 млн чел. Суммируя приведенные цифры, получаем численность людских потерь в результате голо-

да — 5,2 или 8,8 млн чел. Если к этим данным прибавить сведения Р.Конквеста о людских потерях на Северном Кавказе — 1 млн чел., в «остальных» районах — 1 млн чел., то оценка людских жертв будет составлять 7,2 или 10,8 млн чел. (с учетом подсчетов П.К.Василевского по Украине). Конечно, эти цифры носят приблизительный характер и впоследствии будут уточнены. Кроме того, исследования ученых охватили лишь территории Поволжья, Украины, Казахстана. В связи с этим важно изучение размеров людских жертв и в других регионах. Необходимо также продолжить поиск архивных данных, в том числе материалов НКВД. В то же время полученные результаты приближают нас к истинным масштабам произошедшей трагедии.

Глава XIII.

«Кулацкая ссылка» в 1930-е годы: численность, расселение, состав

Как известно, коллективизация сельского хозяйства в 1929 — 1933 гг. сопровождалась раскулачиванием. В конце 1929 — начале 1930 г. в некоторых краях и областях по решениям местных органов власти началось выселение кулаков за пределы области (края) с конфискацией имущества. В дальнейшем раскулачивание приняло более широкие масштабы. Кулаки были разделены на три категории: первая — контрреволюционный актив: кулаки, активно противодействующие организации колхозов, бегущие с постоянного места жительства и переходящие на нелегальное положение; вторая — наиболее богатые кулаки, местные кулацкие авторитеты, являющиеся оплотом кулацкого антисоветского актива; третья — остальные кулаки. На практике выселению с конфискацией имущества подвергались не только кулаки, но и так называемые подкулачники, т.е. середняки, бедняки и даже батраки, уличенные в прокулацких и антиколхозных действиях.

Главы кулацких семей первой категории арестовывались, и дела об их действиях передавались на рассмотрение спецтроек в составе представителей ПП ОГПУ, обкомов (крайкомов) ВКП(б) и прокуратуры. Кулаки, отнесенные к третьей категории, как правило, переселялись внутри области или края, т.е. не направлялись на спецпоселение.

Раскулаченные крестьяне второй категории и семьи кулаков первой категории выселялись в отдаленные районы страны на спецпоселение, или трудпоселение (иначе это называлось «кулацкой ссылкой», или «трудовой ссылкой»). В справке Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ под названием «Сведения о выселенном кулачестве в 1930—1931 гг.» указывалось, что в это время было отправлено на спецпоселение 381173 семьи общей численностью 1803392 человека. В этом же документе представлена статистика выселенных семей по регионам.

До 1934 г. крестьяне, отправленные в «кулацкую ссылку», назывались спецпереселенцами, в 1934—1944 гг. — трудпоселенцами, с марта 1944 г. — снова спецпереселенцами (с 1949 г. — спецпоселенцами) контингента «бывшие кулаки». Во второй половине 30-х годов наряду с названием «трудпоселенцы» продолжал употребляться и термин «спецпереселенцы» (как на бытовом уровне, так и в официальных документах).

Численность спецпереселенцев

Несмотря на то, что и после 1931 г. спецпереселенцы продолжали поступать в «кулацкую ссылку», их численность оказывалась значительно ниже направленных туда (табл. 54, 55 и 56). Главными причинами этого являлись высокая смертность выселенных крестьян во время транспортировки и в первые годы жизни на спецпоселении, а также их массовые побег.

В данных за 1936—1939 гг., приведенных в табл. 54, не учтены трудпоселенцы, восстановленные в избирательных правах до принятия Конституции СССР 5 декабря 1936 г. Причем речь идет не о бывших трудпоселенцах, а о продолжавших сохранять этот статус. В сводной статистике на 1 января 1940 г. они вошли в общее число трудпоселенцев, и это число, естественно, не совсем сопоставимо с заниженными данными за 1936—1939 гг. В данных на 1 января 1936 г. не учтены 43228 ранее восстановленных в избирательных правах трудпоселенцев, 1 января 1937 г. — 136350, 1 января 1938 г. — 133098, 1 января 1939 г. — 49366. С учетом этих лиц число состоявших на 1 января каждого года на учете трудпоселенцев составляло: 1936 г. — 1060361, 1937 г. — 1053137, 1938 г. — 1010749, 1939 г. — 987918 человек¹.

Направление больших масс людей на спецпоселение — следствие государственной политики спецколонизации, т.е. освоения необжитых и малообжитых районов страны посредством насильственных переселений. В постановлении СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области» указывалось:

«1. Возложить на Наркомзем РСФСР проведение земельного и хозяйственного устройства спецпереселенцев и их семей, занимающихся сельским хозяйством, в Северном и Сибирском краях и Уральской области.

2. Поручить ВСНХ РСФСР, НКторгу и другим хозяйственным органам, по соглашению с НКземом и Наркомвнуделом РСФСР, проведение устройства спецпереселенцев, используемых по линии промышленности и промыслов.

3. Признать необходимым при проведении спецколонизации:

а) максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесозаготовках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах и

б) в сельском хозяйстве устраивать лишь тех спецпереселенцев, рабочая сила которых не может быть использована на лесозаготовках и промыслах.

4. Поручить НКзему РСФСР совместно с ВСНХ РСФСР, НКторгом и с соответствующими краевыми (областными) исполкомами и по соглашению с НКВД РСФСР разработать в соответствии с указаниями п. 3 настоящего постановления конкретные хозяйственные мероприятия по использованию спецпереселенцев»².

Таблица 54*

**Динамика движения спецпереселенцев (трудпоселенцев)
(«кулацкая ссылка»)**

	1932	1933	1934	1935	1936
Наличие на 1 января	1317022	1142084	1072546	973693	1017133
Прибыло за год В том числе:	201502	398407	254997	246194	164902
родилось	18053	17082	14033	26122	27617
прибыло из других рес- публик, краев и областей	71236	268091	24196	66704	16645
прибыло из других ор- ганизаций	—	—	79241	40874	54342
возвращено из бегов	37978	54211	45443	33238	23075
прочие причины при- бытия	74235	59023	92084	79256	43223
Убыло за год В том числе:	376440	467945	353850	202754	265248
бежало	207010	215856	87617	43070	26193
осуждено	—	—	—	3038	3492
умерло	89754	151601	40012	22173	19891
освобождено как «не- правильно высланных»	—	—	15366	5736	5678
освобождено на учебу	—	—	—	—	—
освобождено по поста- новлению СНК СССР от 22 октября 1938 г.	—	—	—	—	—
передано на иждивение	—	—	9663	9137	8471
передано в другие ор- ганизации	—	—	94888	39391	63608
прочие причины убытия ^{***}	79676	100488	106304	80209	137915
Наличие на 31 декабря	1142084	1072546	973693	1017133	916787
	1937	1938	1939	1940	Всего за 1932— 1940 гг.
Наличие на 1 января	916787	877651	938552	997513	
Прибыло за год В том числе:	128047	424565	220699	137278	2176600
родилось	29036	31867	33716	32732	230258

прибыло из других республик, краев и областей	10789	11765	13467	6929	489822
прибыло из других организаций	49249	331997	132627	78882	767212
возвращено из бегов	17384	10939	8290	4562	235120
прочие причины прибытия	21589	37997	32599	14182	454188
Убыло за год В том числе:	167183	363664	161738	204579	2563401
бежало	27809	9712	7345	4430	629042
осуждено	17385	23830	2644	2823	53212
умерло	17037	15961	16691	16401	389521
освобождено как «неправильно высланных»	4119	616	962	578	33055
освобождено на учебу	—	—	11204	7247	18451
освобождено по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 г.	—	—	1824	77661	79485
передано на иждивение	4805	1489	1246	1475	36286
передано в другие организации	58412	266326	93470	80300	696395
прочие причины убытия	37616	45730	26352	13664	627954
Наличие на 31 декабря	877651	938552	997513	930221	

* ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 216.

** В графу «Прочие причины прибытия» в 1932—1933 гг. вошли также спецпереселенцы, возвращенные в спецпоселки по отбытии срока наказания в лагерях и тюрьмах, а также переданные внутри области (края) из одних хозорганов в другие.

*** В графу «Прочие причины убытия» в 1932—1933 гг. вошли также осужденные, «неправильно высланные», переданные на иждивение и переброшенные внутри области (края); в 1935—1937 гг. — освобожденные на учебу и вышедшие замуж за нетрудоспособных.

Спецколонизация осуществлялась с большой жестокостью. Людей часто привозили в необжитые места. В зимнее время те, кто не смог взять с собой топоры, пилы и лопаты, оказывались в крайне трудном положении. Обладатели же этих орудий немедленно рыли землянки, рубили дрова, пилили бревна, т.е. «активно обживались». Именно так рождались спецпоселки (трудпоселки). В них постепенно увеличивалось число построенных домов.

Из общего количества направленных в 1930—1931 гг. на спецпоселение семей 77,2% было выселено из областей, краев и республик РСФСР (без Казахстана — 75,4%), с Украины — 16,7%, из Белоруссии — 4,1%, из республик Средней Азии — 1,8% и Закавказья — 0,2%. На спецпоселение в регионы РСФСР было направлено 98,8% выселенных семей (без 50929 семей, направленных в Казахстан, — 85,4%), из них 33,6% (128233 семьи) — на Урал, 18,3% (69950) — в Западную Сибирь, 15,3% (58271) — Северный край, 7,0% (26555) — Восточную Сибирь, 3,8% (14622) — на Северный Кавказ, 2,6% (9697) — Дальний Восток, остальные — в Ленинградский военный округ (ЛВО), Башкирию, Якутию, Нижегородский и Средневолжский края. На спецпоселение в другие союзные республики в 1930—1931 гг. было направлено лишь 1,2% от общего числа раскулаченных семей данной категории (0,9% — на Украину и 0,3% — в республики Средней Азии).

Согласно сводной статистике Отдела по спецпереселениям ГУЛАГа ОГПУ, в 1932—1933 гг. в «кулацкую ссылку» поступило 339327 новых спецпереселенцев (см. табл. 55 и 56). В отличие от сведений за 1930—1931 гг., приведенных выше, где называлось общее число выселенных семей, в сводках за 1932—1933 и последующие годы учитывались только прибывшие на спецпоселение из числа выселенных, т.е. без учета убыли во время транспортировки к местам высылки. В 1932—1933 гг. на спецпоселение в Западную Сибирь дополнительно поступило 144989 человек (42,7% от общего числа новых пополнений этих двух лет), в Казахстан — 66697 человек (19,6%), на Урал — 44027 (13,0%), остальные — в другие регионы.

Примерно 91,8% от общего числа спецпереселенческого потока 1932—1933 гг. поступило в регионы РСФСР (без Казахстана — 72,2%) и почти все остальные — в Среднюю Азию. В некоторых регионах (Западная Сибирь, Казахстан, Башкирия и др.) за счет потока 1932—1933 гг. «кулацкая ссылка» существенно расширилась. Однако практически повсеместно численность выселенных в 1930—1931 гг. была выше. Исключение составлял Среднеазиатский регион, в спецпоселках которого выселенных в 1932—1933 гг. было больше, чем выселенных в 1930—1931 гг. Из сводной статистики ОГПУ-НКВД следует, что «кулацкая ссылка» в системе Белбалткомбината НКВД была образована на основе потока 1932—1933 гг., однако мы подозреваем, что эти спецпереселенцы (или какая-то их часть) входят в число поступивших в 1930—1931 гг. в Ленинградский военный округ, а затем были переданы Белбалткомбинату.

Из табл. 55 и 56 явствует, что в 1932—1933 гг. было учтено 133258 человек, указанных в графах «прочие причины прибытия». Не ясно, сколько из них вновь прибывших и вообще были ли таковыми. В документах ОГПУ-НКВД широко использовались термины «убытие» и «прибытие» при ведомственном переподчине-

Таблица 55*

Движение спецпереселенцев в 1932 г.

Регион	Состояло на учете 1 января 1932 г.	Прибыло за 1932 г.					Убыло за 1932 г.				Состояло на учете 1 января 1933 г.
		родилось	прибыло новых	возвращено из бегов	прочие причины прибытия	всего прибыло	умерло	бежало	прочие причины убытия	всего убыло	
Урал	484380	6540	10107	16922	1964	35533	32645	97005	24724	154374	365539
Северный край	120509	1594	3260	5068	6911	16833	4664	15571	4841	25076	112266
Западная Сибирь	265846	3975	4292	9398	17937	35602	15616	40205	17943	73764	227684
Восточная Сибирь	91720	1079	968	841	6771	9659	2022	4254	3314	9590	91789
Дальний Восток	40440	531	4426	240	2553	7750	901	1445	5281	7627	40563
Алдан	4724	78	988	2	82	1150	188	8	134	330	5544
Северный Казахстан	139039	1476	10283	1707	1688	15154	21344	22122	8240	51706	102487
Южный Казахстан	41669	425	1307	296	11799	13827	1867	5397	10336	17600	37896
Средняя Азия	10471	499	27799	217	2847	31332	4156	7333	755	12244	29559

Украина	14934	383	3	140	—	526	704	961	359	2024	13436
Северный Кавказ	55318	703	303	1890	3010	5906	2845	6897	864	10606	50618
Горьковский край	5888	146	28	35	147	356	211	318	380	909	5335
Ленинградская обл.	32288	465	840	423	2613	4341	1090	1614	1524	4228	32401
Средняя Волга	4136	54	392	116	4780	5342	411	740	679	1830	7648
Башкирия	5660	105	6240	683	11163	18191	1090	3140	302	4532	19319
Итого:	1317022	18053	71236	37978	74235	201502	89754	207010	79676	376440	1142084

* ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 206.

Таблица 56*

Движение спецпереселенцев в 1933 г.

Регион	Состояло на учете 1 января 1933 г.	Прибыло за 1933 г.					Убыло за 1933 г.				Состояло на учете 1 января 1934 г.
		родилось	прибыло новых	возвращено из бегов	прочие причины прибытия	всего прибыло	умерло	бежало	прочие причины убытия	всего убыло	
Урал	365539	3894	33920	17792	6171	61777	51010	55983	20010	127003	300313
Северный край	112266	1606	16659	7679	4893	30837	15355	40360	7851	63566	79537
Западная Сибирь	227684	5557	140697	12647	22321	181222	26709	49718	43048	119475	289431
Восточная Сибирь	91789	1444	307	1193	2190	5134	6529	8581	2753	17863	79060
Дальний Восток	40563	688	601	757	11415	13461	2817	3617	1095	7529	46495
Алдан	5544	116	—	4	140	260	226	4	387	617	5187
Северный Казахстан	102487	1535	43693	4128	691	50047	25293	14644	6791	46728	105806
Южный Казахстан	37896	547	11414	570	986	13517	6937	9264	6439	22640	28773
Средняя Азия	29559	241	—	2155	133	2529	3469	15790	790	20049	12039

Украина	13436	152	33	111	1149	1445	2379	473	1637	4489	10392
Северный Кавказ	50618	341	619	3721	5239	9920	7107	7190	4625	18922	41616
Горьковский край	5335	177	3927	219	172	4495	638	1791	302	2731	7099
Ленинградская обл.	32401	438	392	442	2506	3778	835	895	2462	4192	31987
Средняя Волга	7648	74	312	151	431	968	1155	956	947	3058	5558
Башкирия	19319	257	—	2641	586	3484	1066	6578	394	8038	14765
Белбалткомбинат НКВД	—	15	15517	1	—	15533	76	12	957	1045	14488
Итого	1142084	17082	268091	54211	59023	398407	151601	215856	100488	467945	1072546

* ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 207.

нии спецпереселенцев, в частности при передаче их в систему промышленных наркоматов. При этом сами спецпереселенцы, как правило, никуда не «убывали» и не «прибывали», по-прежнему проживая в своих спецпоселках. Это же касается и соответствующих данных за 1934—1940 гг., приведенных в табл. 54. При изменении административно-территориального деления трудпоселенцы, постоянно проживавшие на отошедшей к вновь образованным областям территории, зачислялись в число убывших в другие области, хотя на самом деле они никуда не убывали, а соответствующие органы вновь образованных областей учитывали их как прибывших. После 1933 г. были сравнительно незначительные поступления новых контингентов в «кулацкую ссылку», но их невозможно вычленить из общего количества приведенных в табл. 54 данных о прибытии из других организаций, из других областей и «прочих причин прибытия».

Соотношение потока 1930—1931 гг. и последующих потоков можно проиллюстрировать следующим примером. За период 1930—1935 гг. на Кольский Север (Мурманский округ) поступило более 35 тыс. спецпереселенцев, из них примерно 26 тыс. (74,3%) — в 1930—1931 гг., 8 тыс. (22,8%) — в 1932—1933 гг. и 1 тыс. (2,9%) — в 1934—1935 гг.³

В отдельных областях спецпереселенцы стали превосходить по численности местное коренное население. Так, в 1929 г. население Кольского Севера составляло около 27 тыс. человек (только постоянные жители), а спецпереселенцев в 1930—1935 гг. сюда поступило свыше 35 тыс. Это, однако, не означало, что спецпереселенцы стали составлять абсолютное большинство в населении указанной территории, так как одновременно со спецпереселенческим потоком шло еще более интенсивное прибытие добровольных переселенцев и вербованных — за 1930—1935 гг. около 45 тыс.⁴ Таким образом, в 1935 г. в составе населения Кольского Севера на первом месте по численности находились добровольные переселенцы и вербованные, прибывшие в 1930—1935 гг., на втором — спецпереселенцы, на третьем — местное население, проживавшее здесь до 1929 г.

К началу 1934 г., когда «кулацкая ссылка» в основном сформировалась и стабилизировалась, на территории РСФСР находилось 97,9% от общего количества спецпереселенцев (без Казахстана — 85,4%), в том числе на Урале — 28,0%, в Западной Сибири — 27,0, Восточной Сибири — 7,4, Северном крае — 7,4, ДВК — 4,3, на Северном Кавказе — 3,9, на территории Ленинградского военного округа — 3,0, в Башкирии — 1,4, Белбалтском крае — 0,5, на Алдане — 0,5%. Остальные 2,1% спецпереселенцев находились на Украине (1%) и в Средней Азии (1,1%).

В самоназвании обычно использовались термины «спецпереселенцы» и «трудпоселенцы». Термин «кулаки» употреблялся значительно реже. Большинство раскулаченных крестьян не считали

себя кулаками и избегали употреблять этот термин в самоназвании. В их среде были обычными такие высказывания: «Мы — не кулаки». «Наша семья была середнячком». «Нас раскулачили по личным счетам». «Нас выселили по ошибке» и т.п. Психологически они не отождествляли себя с буржуазным классом и однозначно причисляли себя в прошлой жизни к трудовому крестьянству. Лишь незначительная часть спецпереселенцев не стеснялась называть себя бывшими кулаками. Это были, как правило, те, кто до раскулачивания владел какими-то предприятиями (мельницы и др.) с постоянным контингентом наемных рабочих и не отрицал свою принадлежность к сельской буржуазии.

Выселение «кулацкого элемента» с направлением его на спецпоселение осуществлялось и в 1934—1936 гг., и даже позднее. Например, в рапорте начальника ГУЛАГа М. Д. Бермана от 26 апреля 1935 г. на имя Г. Г. Ягоды указывалось: «Доношу, что закончен прием в трудпоселки кулацких хозяйств, выселенных из национальных районов Северо-Кавказского края. Всего принято 4711 семей 22496 человек, в том числе в трудпоселки СК края — 3215 семей 14661 человек, в трудпоселки Южного Казахстана — 655 семей 3275 человек и в трудпоселки Узбекистана — 841 семья 4560 человек»⁵. В апреле—мае 1935 г. была проведена операция по выселению «кулацкого и антисоветского элемента» из пограничной полосы Ленинградской обл. и Карелии. Оттуда было выселено 5059 семей численностью 23217 человек, из них 1556 человек попали в трудпоселки Западной Сибири, 7354 — Свердловской обл., 1998 — Киргизии, 3886 — Таджикистана, 2122 — Северного Казахстана и 6301 — Южного Казахстана⁶.

К началу 1932 г. на учете в «кулацкой ссылке» числилось свыше 1,3 млн спецпереселенцев, а было их направлено туда в 1930—1931 гг. немногим более 1,8 млн. Следовательно, за 1930—1931 гг. убыль составила около 0,5 млн человек. В документах нет указаний на то, из каких компонентов слагалась эта убыль. Конечно, не вызывает сомнений, что главными компонентами являлись побег и смертность. Причем, как правило, на первом месте по численности находились бежавшие, на втором — умершие. Например, в 1930—1931 гг. в систему уральских трестов «Западолес» и «Свердлес» было передано 130613 спецпереселенцев, из них к середине 1934 г. 60214 бежало и 31240 умерло⁷. Это же подтверждают и имеющиеся у нас сведения по отдельным районам. В Коми-Пермяцком округе из 26964 спецпереселенцев к середине 1934 г. бежало 8904 и умерло 7249, в Чердынском районе Свердловской обл. из 20323 — соответственно 7993 и 4182 и т.д. Такая ситуация, при которой число умерших было больше количества бежавших, тоже не была редкостью. Так, в Нырбском районе Свердловской обл. за тот же срок из 12184 спецпереселенцев бежало 2474 и умерло 3853, в Красновишерском районе из 17312 — соответственно 3282 и 6300 человек⁸.

Многие тысячи людей, в отношении которых было признано, что они выселены неправильно, были освобождены из «кулацкой ссылки». Однако удельный вес освобожденных по сравнению с такими составляющими убыли, как смертность и побеги, был весьма незначительным. Так, в первые месяцы 1930 г. в зону Кулайской комендатуры (Западная Сибирь) поступил 8891 спецпереселенец, из них к августу того же года оставались в наличии 1607 человек, а 6910 убыло (6222 бежало, 80 умерло и 208 освобождено)⁹.

Таким образом, в данном случае удельный вес освобожденных к общему числу убывших составил всего лишь 3%.

Много людей умирало в пути следования в «кулацкую ссылку». В одном из рапортов М.Д.Бермана на имя Г.Г.Ягоды отмечалось (май 1933 г.): «Несмотря на Ваши неоднократные указания ПП ОГПУ СКК о порядке комплектования и организации эшелонов, направляемых в лагеря и трудпоселки ОГПУ, состояние вновь прибывающих эшелонов совершенно неблагополучное. Во всех прибывающих из Северного Кавказа эшелонах отмечена исключительно высокая смертность и заболеваемость, преимущественно сыпным тифом и острозелудочными заболеваниями.

По сообщению начальника Сиблага ОГПУ, из состава прибывших из Северного Кавказа в Новосибирск эшелонов трудпоселенцев № 24, 25, 26, 27, 28 и 29 общей численностью в 10185 человек умер в пути 341 человек, т.е. 3,3%, в том числе значительное количество от истощения. Такая высокая смертность объясняется:

1) преступно-халатным отношением к отбору контингентов, выселяемых в трудпоселки, результатом чего явилось включение в этапы больных, стариков, явно не могущих по состоянию здоровья выдержать длительную перевозку;

2) невыполнением указаний директивных органов о выделении выселяемым в трудпоселки 2-х месячного запаса продовольствия; в указанных эшелонах трудпоселенцы никаких собственных запасов продовольствия не имели и во время пути снабжались только хлебом, скверного качества, в количестве от 200 до 400 грамм;

3) горячей пищей эшелоны снабжены не были, кипятком снабжались совершенно неудовлетворительно, с большими переборами, потребление сырой воды вызвало массовые заболевания...»¹⁰

Существовал предельно прагматический взгляд на выселяемых кулаков как на будущую рабсилу в районах нового хозяйственного освоения. Отсюда полная непреклонность при рассмотрении просьб трудоспособных кулаков не выселять их в отдаленные края и очевидная либеральность, если эти просьбы исходили от нетрудоспособных лиц. Так, в «меморандуме» Г.Г.Ягоды, адресованном 20 мая 1931 г. председателю ГПУ Белорусской ССР С.Ф.Реденсу, указывалось: «Детей выселяемых кулаков до 10-летнего возраста и стариков старше 65-ти лет — разрешается оставлять родственникам и знакомым, изъявившим желание их содержать... Семьи кула-

ков, не имеющие трудоспособных мужчин, — выселению не подлежат...»¹¹

Однако на практике такие указания сплошь и рядом не выполнялись. В рапорте зам. начальника ГУЛАГа И.И.Плинера от 26 июля 1933 г. на имя Г.Г.Ягоды отмечалось: «Вопреки Вашим категорическим указаниям о ненаправлении в трудпоселки семей, не имеющих в своем составе трудоспособных, по сообщению начальника СИБЛАГа, в эшелонах с высланными кулаками, прибывших в Томск с Северного Кавказа, имеется 930 человек совершенно нетрудоспособных...»¹²

В рапорте М.Д.Бермана от 8 июня 1933 г. на имя Г.Г.Ягоды отмечались следующие неблагоприятные, по его мнению, моменты в комплектовании и организации эшелонов с высланными кулаками: высокая смертность и заболеваемость сыпным тифом, острожелудочными заболеваниями и даже натуральной оспой; очень много истощенных, стариков, которых совершенно невозможно использовать; поголовная вшивость; полнейшее пренебрежение к учету (отсутствие личных дел и т.п.) и даже засылка людей, не подпадающих под действие постановления СНК СССР за № 775/146с от 20 апреля 1933 г. (после прибытия эшелонов к месту назначения иногда выяснялось, что среди высланных имеются рабочие, комсомольцы, иностранцы)¹³.

В момент прибытия на спецпоселение сотрудники органов ОГПУ-НКВД нередко производили «сортировку» высланных кулаков. Одни из них освобождались, другие направлялись в лагеря ГУЛАГа, но большинство оставалось на спецпоселении. В рапорте от 20 мая 1933 г. М.Д.Берман докладывал заместителям председателя ОГПУ Я.С.Агранову и Г.Е.Прокофьеву: «По сообщению СИБЛАГа ОГПУ, из числа прибывших в Томск контингентов с Северного Кавказа, по состоянию на 20 мая с.г., произведена согласно Ваших указаний проверка 9868 человек. Из этого количества решением Тройки ПП ОГПУ ЗСК вовсе освобождено 85 человек, освобождено с ограничениями — 2422, осуждено в лагерь — 64, а остальные 7297 человек направляются в трудпоселки»¹⁴.

До июля 1931 г. расселением, трудоустройством и другими вопросами, связанными со спецпереселенцами, ведали краевые и областные исполкомы. Постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 г. «Об устройстве спецпереселенцев» их административное управление, хозяйственное устройство и использование были поручены ОГПУ. На ГУЛАГ была возложена ответственность за надзор, устройство, хозяйственно-бытовое обслуживание и трудоустройство высланных кулаков.

К июлю 1938 г. для административного обслуживания 1741 трудпоселка было организовано 150 районных и 800 поселковых комендатур. В 1937 г. аппарат отделов трудовых поселений и комендатур насчитывал более 2,5 тыс. человек. Они содержались за счет удержаний с зарплаты трудпоселенцев. На содержание аппа-

рата и административное обслуживание трудпоселений было израсходовано в 1937 г. 17 млн. руб., а 5-процентные отчисления от зарплаты трудпоселенцев составили 27,4 млн руб.¹⁵

В большинстве трудпоселков взаимоотношения между трудпоселенцами и сотрудниками комендатур сложились, можно сказать, нормальные. Однако имелись факты немотивированных издевательств и глумлений над спецпереселенцами со стороны поселковых комендантов, их помощников и стрелков охраны. В начале 30-х годов на эти должности назначались расконвоированные заключенные, не отбывшие срок наказания за уголовные преступления. Чаще всего именно от них спецпереселенцы терпели всякого рода обиды и унижения. Согласно циркуляру ГУЛАГа от 8 апреля 1932 г., надлежало к 15 мая 1932 г. снять с должностей комендантов, их помощников и стрелков-заключенных, независимо от статей судимости¹⁶.

Произвол сотрудников аппарата надзора над спецпереселенцами нельзя назвать безграничным, так как время от времени они привлекались за свои действия не только к административной, но и к уголовной ответственности. Так, в конце 1931 г. три поселковых коменданта из Чердынского и Чусовского районов Урала, уличенные в умышленных убийствах спецпереселенцев, по постановлению Коллегии ОГПУ были приговорены к высшей мере наказания с заменой 10 годами заключения в концлагерь¹⁷. Отмечались также довольно суровые наказания комендантов (до 10 лет лишения свободы) за систематические избиения спецпереселенцев, изнасилования женщин-спецпереселенок, присвоение присылаемых в адрес спецпереселенцев денег и почтовых посылок и др.

К концу 30-х годов подавляющее большинство трудпоселенцев продолжало оставаться без паспортов. Они не выдавались даже трудпоселенцам, работавшим в угольных шахтах и проживавшим в шахтных поселках бок о бок со свободными гражданами. В августе 1939 г. зам. наркома внутренних дел СССР В.В.Чернышов в письме на имя секретаря Президиума Верховного Совета СССР А.Ф.Горкина сообщал: «Трудпоселенцам, проживающим в зоне шахтных поселков, паспорта выдаваться не будут. Этот контингент будет прописываться по справкам комендатур трудпоселков...»¹⁸ Во второй половине 1939 г. некоторым трудпоселенцам, работавшим на строительстве, лесосплаве и в других отраслях народного хозяйства по трудовым соглашениям, заключенным между ними и хозорганами, было разрешено выдавать паспорта с отметкой в графе 10-й: «Годен для проживания в таком-то районе». Лица, вступившие в брак с нетрудпоселенцами, обычно получали право на выезд в избранные ими места жительства и на получение паспортов.

Репрессивная политика продолжала осуществляться и среди спецпоселений. В 1937—1938 гг. в лагеря, колонии и тюрьмы (включая приговоренных к высшей мере) было направлено в общей сложности примерно 4% трудпоселенцев, причем по

РСФСР этот показатель составлял 4,5%. Наибольший размах репрессий пришелся на Свердловскую и Пермскую области, где за эти два года было осуждено свыше 10% трудпоселенцев. Высок был этот показатель и в Восточной Сибири (Бурят-Монгольская АССР, Иркутская и Читинская области) — более 5%.

Всплеск репрессивной политики в 1937—1938 гг. коснулся трудпоселенцев во всех регионах, но в разной степени. Если, например, на Северном Кавказе в 1937—1938 гг. по сравнению с 1935—1936 гг. число осужденных трудпоселенцев возросло в полтора раза, то в Свердловской и Пермской областях — в 18 раз! В 1939 г. масштабы репрессий резко сократились.

Расселение спецпереселенцев

К 1935 г. раскулаченные крестьяне относительно обжились в местах высылки. Например, на севере Западной Сибири в 1935 г. трудпоселенцы имели 16819 жилых домов и 295 утепленных барачков, однако 12% трудпоселенцев проживало еще в землянках и полуземлянках¹⁹.

По данным на 1 июля 1938 г., на учете Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР состояло 997329 трудпоселенцев, основная масса которых проживала в 1741 трудпоселке. Среднее число жителей-трудпоселенцев на один трудпоселок составляло 573 человека, но по регионам этот показатель колебался от 4553 (в Ставропольском крае) до 155 (в Алтайском крае) (табл. 57). Эти средние показатели получены путем деления общего числа трудпоселенцев (включая восстановленных в правах, но сохранявших трудпоселенческий статус) на количество трудпоселков, но фактически они были несколько ниже, так как некоторая часть трудпоселенцев проживала не в трудпоселках, а в других населенных пунктах. Так, в Архангельской обл. до 10% трудпоселенцев проживало в городах Котлас и Архангельск. В других регионах удельный вес трудпоселенцев, проживавших вне трудпоселков, был ниже, чем в Архангельской обл., но тем не менее и применительно к ним следует иметь в виду определенную корректировку в сторону понижения указанных средних показателей. С другой стороны, в этой статистике не учтены тысячи свободных людей, проживавших в трудпоселках (как бывших трудпоселенцев, снятых с учета трудпоселений, так и находившихся там лиц нетрудпоселенческого происхождения).

Большинство спецпоселков представляли собой компактные сельские населенные пункты. Но не были редкостью и так называемые распыленные поселения. Например, в Мурманской обл. в конце 30-х годов официально числилось лишь пять трудпоселков, а фактически их было несколько десятков, так как каждый трудпоселок состоял из нескольких отдельных населенных пунктов, находившихся на значительном удалении друг от друга. Наиболее

«распыленный» трудовоселок в Мурманской обл. состоял из 14 отдельных населенных пунктов, самый дальний из которых находился на расстоянии до 50 км от поселковой комендатуры²⁰.

Совершенно не отражают реальной картины приведенные в табл. 57 данные Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР по Карельской АССР. Фактически там было не два трудовоселка, а около 80 (без учета трудовоселков Белбалткомбината НКВД), находившихся не только на значительном удалении друг от друга, но и в разных районах республики (Шелтозерский, Пудожский, Кондопожский, Заонежский и другие районы). Причем эти населенные пункты были очень мелкими, с населением от 15 до 200 человек, лишь в некоторых из них число жителей превышало 200 человек.

Таблица 57*

**География расселения трудовоселенцев и дислокации
трудовоселков (по состоянию на 1 июля 1938 г.)**

Регионы	Численность		
	трудовоселенцев	трудовоселков	Среднее число трудовоселенцев на один трудовоселок
1	2	3	4
Новосибирская обл.	195523	517	378
Свердловская обл.	171899	243	707
Красноярский край	58863	120	490
Челябинская обл.	57337	40	1433
Ставропольский край	45531	10	4553
Омская обл.	44378	113	393
Архангельская обл.	39031	82	476
Иркутская обл.	32211	42	767
Дальне-Восточный край	29276	128	229
Белбалткомбинат НКВД	29181	21	1390
Ленинградская обл.	23131	9	2570
Читинская обл.	22745	73	312
Коми АССР	20172	37	545
Башкирская АССР	12624	13	971
Вологодская обл.	9606	45	213
Кировская обл.	7790	8	974

1	2	3	4
Карельская АССР	6167	2	3083
Якутская АССР	3988	8	498
Куйбышевская обл.	3287	4	822
Алтайский край	2783	18	155
Оренбургская обл.	2532	3	844
Бурят-Монгольская АССР	1945	5	389
Итого по РСФСР	820000	1541	532
Карагандинская обл.	91297	30	3043
Северо-Казахстанская обл.	8905	9	989
Южный Казахстан	34453	61	565
Узбекская ССР	14307	13	1100
Киргизская ССР	11845	26	456
Таджикская ССР	9052	17	532
Украинская ССР	7470	44	170
Итого по другим союзным республикам	177329	200	887
Всего по СССР	997329	1741	573

* ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 9—10.

При определении районов расселения специально выбирались места, откуда в силу природных условий побег был бы весьма затруднительным.

Так, в одном из документов ПП ОГПУ Сибкрая от 25 апреля 1930 г. отмечалось: «Изысканы и детально проработаны под расселение необжитые, отдаленные северные районы... при этом в принципе отвода районов расселения для каждого округа наряду с экономическими соображениями (пригодность их к с/х и промышленному использованию) также учтены были и моменты политического характера, в частности в отводе районов учитывались природные условия, гарантирующие невозможность бегства выселенных обратно (болота, реки, отсутствие дорог)»²¹.

Сотни спецпоселков были организованы в таких совершенно непригодных для налаживания даже подобия нормальной жизнедеятельности местах, где, несмотря на отчаянные усилия спецпереселенцев, «освоение необжитых земель» заходило в полный тупик. В таких спецпоселках люди вымирали, разбегались или переселялись в другие спецпоселки. Только в Свердловской обл. в 1930—1934 гг. прекратили свое существование 60 «бесперспективных» спецпоселков.

Бегство из ссылки

Широкий размах приняло бегство из «кулацкой ссылки», благо бежать из трудпоселка было несравненно легче, чем из тюрьмы или лагеря. Только с 1932 по 1940 г. из «кулацкой ссылки» бежали 629042 человека, а было возвращено из бегов за тот же период 235120 человек. Причем в некоторых районах сосредоточения «кулацкой ссылки» количество бежавших превысило число оставшихся в трудпоселках. Так, в 1938 г. специальная комиссия НКВД обследовала трудпоселки в Архангельской обл. и установила, что из 89,7 тыс. состоявших здесь на учете трудпоселенцев 38,7 тыс. находились в наличии, а 51,0 тыс. числились в бегах. Активного розыска беглецов обычно не велось. В той же Архангельской обл. коменданты трудпоселков объявляли их розыск только в том случае, если им случайно удавалось узнать, где проживают бежавшие²².

До 1937 г. количество бежавших было значительно больше, чем возвращенных из бегов, но эта разница из года в год неуклонно сокращалась. В 1932 г. бежавших было в 5,5 раза больше, чем возвращенных из бегов, в 1933 г. — в 4,0 раза, в 1934 г. — на 92,8%, 1935 г. — 29,6%, 1936 г. — 13,5% и в 1937 г. — на 16,0%. С 1938 г. картина изменилась — теперь уже, наоборот, возвращенных из бегов стало больше, чем бежавших: в 1938 г. — на 12,6%, в 1939 г. — на 12,9%, в 1940 г. — на 3,0%.

Трудно определить состав бежавших по возрасту, национальности и т.д. В отчетах местных органов ОГПУ-НКВД иногда в общей форме констатировалось, что побegi совершают в основном юноши и молодые неженатые мужчины. Это, конечно, не могло не сказаться на трансформации половозрастного состава трудпоселенцев в сторону повышения удельного веса женщин, детей, а также мужчин старших возрастов.

Массовые побegi в основном молодых и здоровых людей приводили к существенному понижению доли трудоспособного контингента в составе трудпоселенцев. Например, в 1934 г. в трудпоселках «Западолеса», расположенных в Коми-Пермяцком округе, Ныроковском и Красновишерском районах нынешней Пермской обл. (это были не все трудпоселки системы «Западолеса»), было выявлено более 2 тыс. семей с количеством до 5 тыс. человек, не имевших в своем составе ни одного трудоспособного. Эти семьи целиком состояли из инвалидов, вдов с малолетними детьми, стариков и прочих нетрудоспособных лиц²³.

Беглецам зачастую весьма сложно было адаптироваться вне «кулацкой ссылки». Это вызывалось не только отсутствием нужных документов и характеристик для прописки и устройства на работу, но и необходимостью скрывать свою подлинную биографию, невозможностью возвратиться в родные селения, где они жили до раскулачивания и др. Все эти обстоятельства весьма усложняли жизнь беглецам и перспективы ее устройства «на воле».

Однако наряду с этими обстоятельствами беглецам приходилось сталкиваться с факторами морально-психологического характера. Вырвавшись из «кулацкой ссылки», они как бы попадали в другую социальную среду, с несколько иным менталитетом и ценностными ориентирами. Например, при тогдашнем менталитете в обществе преобладало одобрительное и даже восторженное отношение к ликвидации кулачества как класса и выселению кулаков в «холодные края», а беглецам из «кулацкой ссылки» приходилось делать над собой усилия, чтобы подлаживаться под эти настроения.

После нескольких лет жизни в «кулацкой ссылке» побег нередко влек за собой серьезные материальные потери, так как приходилось бросать построенные собственными руками жилища, относительно налаженное приусадебное хозяйство и др. Ту часть беглецов, которая в той или иной степени адаптировалась в местах высылки, после побега чаще всего ожидало разочарование, вызванное практической невозможностью достаточно быстро компенсировать указанные потери. Если в «кулацкой ссылке» они прошли мучительный процесс адаптации, то после побега из нее им предстояло как бы повторить этот процесс, может быть, не столь мучительный, но далеко не легкий. И далеко не все были к этому готовы. Сюда же накладывалась ностальгия по своим родным и близким, остававшимся в местах высылки.

Руководствуясь этими мотивами, а также сталкиваясь «на воле» с многочисленными сложностями при адаптации как в бытовом, так и в морально-психологическом плане, десятки тысяч беглецов принимали решение вернуться в трудпоселки. В начале 30-х годов добровольные возвращения беглецов в спецпоселки были редкостью, но по мере налаживания там более или менее нормальной жизни их число неуклонно увеличивалось. Это было возвращение в родную социальную среду с ее особым менталитетом и морально-психологическим климатом, общей трагической судьбой, где бывшие беглецы в психологическом плане чувствовали себя более комфортно.

В отдельных регионах уже в 1934 г. было отмечено численное преобладание добровольно вернувшихся над насильно возвращенными: в Дальне-Восточном крае последних было 280, первых — 458, Южном Казахстане — соответственно 140 и 197, на Северном Кавказе — 722 и 750 человек. Однако в большинстве регионов сосредоточения «кулацкой ссылки» в 1934 г. еще продолжал сохраняться значительный численный перевес насильно возвращенных над добровольно вернувшимися. В общей сложности в «кулацкую ссылку» в районы Урала, Поволжья, Северного края, Украины, Средней Азии, ДВК, Северного Кавказа и Казахстана было возвращено в 1934 г. 30673 беглеца, из них 23 082 насильно возвращенных (67,1%) и 7591 добровольно вернувшихся (32,9%)²⁴.

Освобождение из «кулацкой ссылки»

В 30-х годах шел не только процесс направления людей в «кулацкую ссылку», но и имел место незначительный обратный процесс — процесс освобождения оттуда. Например, в 1934—1938 гг. из «кулацкой ссылки» было освобождено 31515 человек как «неправильно высланных» (табл. 54). Десятки тысяч людей были освобождены в связи с направлением на учебу, вступление в брак с нетрудоселенцами, передачей на иждивение и по другим причинам. Однако эти факты освобождения не имели широкого размаха и не могла серьезно подорвать «кулацкую ссылку».

Одним из каналов освобождения из «кулацкой ссылки» являлась передача на иждивение. В циркулярном распоряжении ГУЛАГа от 29 декабря 1931 г. подчеркивалось, что передачу на иждивение следует производить только в крайних случаях²⁵. На практике же эти «крайние случаи» исчислялись десятками тысяч. Коменданты трудпоселков вынуждены были оформлять передачу на иждивение одиноких инвалидов, больных неизлечимым недугом, престарелых, которые не могли самостоятельно обеспечить свое существование. Передача этих людей их родственникам — свободным гражданам, а также в дома старчества и т.п. осуществлялась лишь после того, как выяснялось, что в трудпоселках некому взять их на иждивение. Только в 1934—1938 гг. из «кулацкой ссылки» было освобождено посредством передачи на иждивение 33565 человек, в том числе в Запсибкрае — 16150, Свердловской и Пермской областях — 6767, Омской обл. — 2119, Казахстане — 2088, Дальне-Восточном крае — 881, Челябинской обл. — 721, Башкирской АССР — 633, Карельской АССР, Ленинградской и Мурманской областях — 546, Востсибкрае — 525, Украинской ССР — 429, Северном крае — 419, Северном Кавказе — 400, Кировской обл. — 294, Куйбышевской — 277, Красноярском крае — 194, Якутской АССР — 177 и в других регионах (Средняя Азия, Белбалткомбинат НКВД, Оренбургская обл.) — 945 человек²⁶.

Первым правовым актом, реализация которого стала впоследствии (в конце 40 — начале 50-х годов) одним из главных каналов ликвидации «кулацкой ссылки», было постановление СНК СССР № 1143-280с от 22 октября 1938 г. «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных»²⁷.

В разъяснении зам. наркома внутренних дел СССР В.В.Чернышова от 27 января 1939 г., направленном начальникам управлений РК милиции республик, краев и областей, указывалось, что паспорта «выдаются только детям спецпереселенцев и ссыльных, которым сейчас исполнилось 16 лет, если они лично ничем не опорочены и если они из спецпоселков и мест ссылки выезжают на учебу или на работу». Из этого разъяснения вытекало, что круг претендентов на освобождение по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 г. ограничивался узкими возрастными рамками

1922—1923 гг. рождения, да и то с оговорками (выезд на работу или учебу, отсутствие порочащих данных).

В 1939 г. по указанному постановлению СНК СССР из «кулацкой ссылки» было освобождено 1824 человека, что составляло менее 0,2% от общей численности трудпоселенцев на 1 января 1939 г. Причем в ряде регионов количество освобожденных составляло считанные единицы (Омская и Ленинградская обл., Якутская и Карельская АССР, Узбекская и Таджикская ССР), а в некоторых освобождений по этому постановлению вообще не было (Бурят-Монгольская АССР, Кировская обл., Куйбышевская обл. и др.). Почти 400 человек было освобождено в Новосибирской обл. В одних регионах этот показатель колебался в диапазоне от 100 до 200 человек (Свердловская, Пермская, Иркутская, Мурманская обл., Красноярский край и Казахская ССР), в других — от 10 до 100 (Хабаровский край, Коми АССР, Белбалткомбинат НКВД, Архангельская, Читинская, Чкаловская и др.) (см. табл. 59).

Практика освобождения и выдачи паспортов по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 г. только для лиц 1922—1923 гг. рождения вызывала недовольство десятков тысяч трудпоселенцев более старших возрастов, но которые в свое время, в момент поступления в «кулацкую ссылку», были моложе 16 лет. От них и их родителей в различные инстанции поступали соответствующие прошения. В ряде случаев местные органы НКВД, а также местные партийные и советские органы признавали доводы этих людей вполне справедливыми и отмечали это в своих отчетах и докладных записках в республиканские и общесоюзные органы.

В связи с отменой СНК СССР в конце 1939 г. январского (1939 г.) разъяснения НКВД СССР, фактически ограничивавшего круг освобождаемых по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 г. только лицами 1922—1923 гг. рождения, ситуация резко изменилась: теперь на освобождение могли претендовать трудпоселенцы, которым в момент поступления в «кулацкую ссылку» в 1930—1931 гг. и позднее не было 16 лет. В 1940 г. был освобожден 77661 чел. или в 42,6 раза больше, чем в 1939 г. (см. табл. 54).

Освобождение в 1939—1940 гг. почти 80 тыс. молодых трудпоселенцев по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 г. отнюдь не означало, что в «кулацкой ссылке» не осталось людей соответствующих возрастов. В ней продолжали находиться десятки тысяч людей, которые по возрасту могли бы быть освобождены. Одни по каким-то причинам не подавали соответствующих заявлений и, естественно, продолжали оставаться на учете трудпоселенцев, другие, подав заявления, не могли четко и внятно объяснить, на какую именно работу или учебу они собираются выехать из трудпоселков. В толковании понятия «порочащие факты» царил субъективизм и волюнтаризм. Случалось, что освобождались почти все подающие заявления, за исключением имевших в своем

активе серьезные правонарушения. В то же время в ряде трудпоселков при рассмотрении заявлений производился значительный отсев за счет включения в «порочащие факты» игры в карты, употребления спиртных напитков, драк и потасовок между подростками, недостаточно вежливой манеры разговора с начальством и т.д.

Смертность, рождаемость

В первые годы жизни в «кулацкой ссылке» положение спецпереселенцев было крайне тяжелым. Так, в докладной записке руководства ГУЛАГа от 3 июля 1933 г. в ЦКК ВКП(б) и РКИ отмечалось: «С момента передачи спецпереселенцев Наркомлесу СССР для трудового использования в лесной промышленности, т.е. с августа 1931 года, Правительством была установлена норма снабжения иждивенцев-с/переселенцев на лесе из расчета выдачи в месяц: муки 9 кг, крупы 9 кг, рыбы 1,5 кг, сахару 0,9 кг. С 1 января 1933 года по распоряжению Союзнаркомснаба нормы снабжения для иждивенцев были снижены до следующих размеров: муки 5 кг, крупы 0,5 кг, рыбы 0,8 кг, сахару 0,4 кг. Вследствие этого положение спецпереселенцев в лесной промышленности, в особенности в Уральской области и Северном крае, резко ухудшилось... Повсеместно в ЛПХах Севкрая и Урала отмечены случаи употребления в пищу разных несъедобных суррогатов, а также поедание кошек, собак и трупов падших животных... На почве голода резко увеличилась заболеваемость и смертность среди с/переселенцев... Имел место ряд самоубийств, увеличилась преступность... Голодные с/переселенцы воруют хлеб и скот у окружающего населения, в частности у колхозников... Вследствие недостаточного снабжения резко снизилась производительность труда, нормы выработки упали в отдельных ЛПХах до 25%. Истощенные спецпереселенцы не в состоянии выработать норму, а в соответствии с этим получают меньшее количество продовольствия и становятся вовсе нетрудоспособными. Отмечены случаи смерти от голода с/переселенцев на производстве и тут же после возвращения с работ...»²⁸

В этой ситуации весьма неприглядно выглядели промышленные наркоматы. Они обычно игнорировали просьбы органов ОГПУ-НКВД материально поддержать работающих на их предприятиях спецпереселенцев и членов их семей. Видя тщетность этих призывов, органы ОГПУ-НКВД в ряде случаев вынуждены были из своих фондов выделять спецпереселенцам, переданным в систему промышленных наркоматов, соответствующие материальные и денежные средства, чтобы не допустить их полного вымирания и не сорвать тем самым мероприятия по освоению необжитых земель. Равнодушие промышленных наркоматов, особенно Наркомлеса, к массовой смертности спецпереселенцев, занятых на

их же предприятиях, объяснялось главным образом надеждами и даже уверенностью в нескончаемости поступления новых контингентов данной категории работников. В утрированном виде этот принцип можно сформулировать так: «Умрут эти — пришлют новых». Лишь к середине 30-х годов, когда стало ясно, что в перспективе поступления новых значительных контингентов спецпереселенцев не предвидится, промышленные наркоматы стали проявлять заинтересованность в выживании имеющейся в наличии спецпереселенческой рабсилы.

Не было редкостью, когда различные ведомства использовали не по назначению выделенные для спецпереселенцев продовольственные фонды (т.е. фактически обкрадывали находившихся на грани голодной смерти людей). Так, в постановлении Комиссии исполнения при СНК СССР от 17 ноября 1932 г. подчеркивалось: «Указать Председателю правления Центролессекции т. Козлову на то, что он не организовал контроль за расходом на местах фондов, выделенных для семей спецпереселенцев, несмотря на неоднократное сигнализирование ОГПУ о безобразных фактах разбазаривания этих фондов». Было одобрено наложение взысканий и привлечение к ответственности органами ОГПУ и КК-РКИ Уральской области, Западносибирского, Восточносибирского и Дальневосточного краев ряда работников системы Наркомлеса, виновных в разбазаривании и расхищении 4 тыс. т хлебных фондов, предназначенных для снабжения семей спецпереселенцев. Это постановление обязало Наркомснаб СССР и Центролессекцию ввести с 1 января 1933 г. карточную систему для снабжения семей спецпереселенцев²⁹.

Особенно велика была детская смертность. В докладной записке Г.Г.Ягоды от 26 октября 1931 г. на имя председателя ЦКК ВКП(б) и наркома РКИ Я.Э.Рудзутака отмечалось: «Заболеваемость и смертность с/переселенцев велика... Месячная смертность равна 1,3% к населению за месяц в Северном Казахстане и 0,8% в Нарымском крае. В числе умерших особенно много детей младших групп. Так, в возрасте до 3-х лет умирает в месяц 8—12% этой группы, а в Магнитогорске еще более, до 15% в месяц. Следует отметить, что в основном большая смертность зависит не от эпидемических заболеваний, а от жилищного и бытового неустройства, причем детская смертность повышается в связи с отсутствием необходимого питания»³⁰.

Высокий уровень детской смертности входил в число главных причин отрицательного сальдо между рождаемостью и смертностью у спецпереселенцев. Например, в 1932 г. в Хибиногорске (Кировске) Мурманского округа у спецпереселенцев родилось 420 и умерло 864 человека, причем среди умерших было 589 детей. Таким образом, в данном случае 68,2% общей смертности спецпереселенцев приходилось на детскую смертность. К середине 1935 г. детская смертность резко снизилась. Так, в том же Киров-

ске в 1935 г. она понизилась у спецпереселенцев по сравнению с 1934 г. на 40%³¹.

Детская беспризорность в «кулацкой ссылке» вплоть до середины 30-х годов была обычным явлением. Только в трудпоселках «Западолеса» (Западный Урал) в конце 1934 г. было установлено 2850 детей-беспризорников, родители которых умерли или бежали³².

За 1932 г. в «кулацкой ссылке» умерло больше, чем родилось, в 5 раз (табл. 55). Выше этого среднего уровня были соответствующие показатели в Северном Казахстане — в 14,5 раз, Башкирии — 10,4, Средней Азии — 8,3 и на Средней Волге — в 7,6 раз. На Урале они соответствовали среднему уровню по всей «кулацкой ссылке» (в 5 раз).

У вновь прибывавших в «кулацкую ссылку» показатели рождаемости и смертности всегда были значительно худшими, чем у отнесенных «старожилов». Например, 1 января 1934 г. в составе 1072546 спецпереселенцев было 955893 «старожила» (поступившие в «кулацкую ссылку» в 1929–1932 гг.) и 116653 «новосела» (поступившие в 1933 г.). Всего за 1933 г. в «кулацкой ссылке» родилось 17082 и умер 151601 человек, в том числе у «старожилов» — соответственно 16539 и 129800, у «новоселов» — 543 и 21801 человек³³. Если у «старожилов» в течение 1933 г. умерло больше, чем родилось, в 7,8 раз, то у «новоселов» — в 40 раз!

Соотношение между рождаемостью и смертностью в 1933 г. в различных районах «кулацкой ссылки» по сравнению с 1932 г. стало еще более неравномерным. Это вызывалось целым рядом причин, но главная заключалась в том, что в 1932–1933 гг. отдельные регионы страны (Украина, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан, частично Урал и некоторые другие районы) поразила засуха. Из-за преступной фискальной политики государства, отнимавшего у крестьян собранный скудный урожай до последнего зернышка, от голода умерли миллионы людей. Смерть не обошла стороной и спецпереселенцев, проживавших в районах, где царил голод. Если в среднем за 1933 г. по районам «кулацкой ссылки» умерло больше, чем родилось, в 8,9 раз, то на Северном Кавказе — в 20,8 раз, в Северном Казахстане — в 19,1, на Украине — в 15,7, на Средней Волге — в 15,6, в Средней Азии — в 14,4, на Урале — в 13,1, в Южном Казахстане — в 12,7 раз. По другим регионам «кулацкой ссылки» превышение смертности над рождаемостью в 1933 г. выглядело следующим образом: Северный край — в 9,6 раз, Белбалткомбинат НКВД — 5,1, Западная Сибирь — 4,8, Восточная Сибирь — 4,5, Дальний Восток — 4,1, Башкирия — 4,1, Горьковский край — 3,6, Алдан — почти в 2 раза и Ленинградская обл. — в 1,9 раза (см. табл. 56).

За 1934 г. в «кулацкой ссылке» родилось 14033 и умерло 40012 человек, в том числе в Свердловской обл. — соответственно 2029 и 7715, Челябинской — 772 и 1310, Обь-Иртышской — 256 и 1950, Северном крае — 403 и 2192, Западно-Сибирском крае — 5132 и 9082, Восточно-Сибирском крае — 840 и 3415³⁴.

В среднем по «кулацкой ссылке» в 1934 г. смертность была выше рождаемости в 2,85 раза. Выше этого среднего уровня были соответствующие показатели на Белбалткомбинате НКВД — в 8,8 раз, в Средневолжском крае — 8,0, Обь-Иртышской обл. — 7,6, Северном крае — 5,4, Горьковском крае — 5,2, на Северном Кавказе — 5,1, в Восточно-Сибирском крае — 4,1, Свердловской обл. — 3,8, Северном Казахстане — 3,6 и на Украине — в 3,0 раза.

За 1935 г. в «кулацкой ссылке» родилось 26122 и умерло 22173 человека, в том числе в Западно-Сибирском крае — соответственно 5649 и 4825, Свердловской обл. — 4687 и 2830, Северном Казахстане — 3856 и 2561, Южном Казахстане — 773 и 1518, Челябинской обл. — 2163 и 927, Омской обл. — 914 и 1004, Северном крае — 1156 и 1194, Красноярском крае — 778 и 803, Восточно-Сибирском крае — 810 и 499, Дальне-Восточном крае — 1183 и 767, на Северном Кавказе — 1085 и 1134 и т.д. В среднем по «кулацкой ссылке» в 1935 г. рождаемость была выше смертности на 17,8%, в том числе в Челябинской обл. — в 2,3 раза, Башкирской АССР — в 2,0 раза, Свердловской обл. — на 65,6%, Восточно-Сибирском крае — на 62,3%, Дальне-Восточном крае — на 54,2% и т.д. В то же время в ряде регионов «кулацкой ссылки» в 1935 г. смертность продолжала оставаться выше рождаемости: в Таджикской ССР — в 9,9 раз, на Белбалткомбинате НКВД — в 2,6 раза, в Южном Казахстане — на 96,4%, Украинской ССР — на 64,8%, Киргизской АССР — на 37,6%, Куйбышевском крае — на 11,4%, Омской обл. — на 9,8%, на Северном Кавказе — на 4,5%, в Северном крае — на 3,3% и в Красноярском крае — на 3,2%.

За 1936 г. в «кулацкой ссылке» родилось 27617 и умер 19891 человек, в том числе в Западно-Сибирском крае — соответственно 4833 и 3570, Свердловской обл. — 5543 и 3258, Северном Казахстане — 3688 и 2201, Южном Казахстане — 944 и 780, Челябинской обл. — 1997 и 1201, Омской обл. — 1371 и 686, Северной обл. — 1700 и 1443, Красноярском крае — 1193 и 861, Восточно-Сибирской обл. — 883 и 634, Дальне-Восточной обл. — 1228 и 555, на Северном Кавказе — 879 и 1137 и т.д.³⁵ В среднем за 1936 г. рождаемость в «кулацкой ссылке» была выше смертности на 38,8%, в том числе в Дальне-Восточной обл. — в 2,2 раза, Омской обл. — в 2,0 раза, Куйбышевской обл. — на 83,8%, Башкирской АССР — на 80,6%, Оренбургской обл. — на 72,7%, Свердловской обл. — на 70,1%, Северном Казахстане — на 67,6%, Челябинской обл. — на 66,3%, Кировской обл. — на 39,9%, Восточно-Сибирской обл. — на 39,3%, Красноярском крае — на 38,5%, Якутской АССР — на 37,5%, Западно-Сибирском крае — на 37,4% и т.д. Превышение смертности над рождаемостью в 1936 г. в «кулацкой ссылке» имело место в следующих регионах: в Таджикской ССР — в 3,9 раза, Белбалткомбинате НКВД — на 50,6%, на Северном Кавказе — на 29,3%, в Ленинградской обл. — на 19,7% и Украинской ССР — на 16,3%.

Показатели рождаемости и смертности трудпоселенцев
в 1937—1938 гг.

Регионы	1937		1938	
	родилось	умерло	родилось	умерло
Новосибирская обл. и Алтайский край	4116	2269	5642	2599
Свердловская и Пермская обл.	6629	3400	6051	3368
Челябинская обл.	1950	1082	2254	999
Омская обл.	1211	805	1741	794
Коми АССР			566	330
Архангельская обл.	1844	1018	1132	583
Вологодская обл.			276	123
Красноярский край	1595	974	1533	792
Бурят-Монгольская АССР			104	6
Иркутская обл.	1024	547	781	362
Читинская обл.			679	233
Дальне-Восточный край	1159	505	783	334
Северный Кавказ	1044	594	1353	607
Карельская АССР			99	70
Ленинградская обл.	392	337	177	166
Мурманская обл.			142	85
Башкирская АССР	610	337	665	322
Кировская обл.	322	137	317	165
Куйбышевская обл.	150	63	140	79
Оренбургская обл.	102	75	86	56
Якутская АССР	73	91	124	68
Белбалткомбинат НКВД	630	441	772	504
Итого по РСФСР	22851	12675	25415	12645
Казахская ССР	4588	2993	4770	2137
Узбекская ССР	582	433	601	494
Киргизская ССР	477	408	469	217
Таджикская ССР	152	332	246	260
Украинская ССР	386	196	366	208
Итого по другим союзным республикам	6185	4362	6452	3316

* ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 212—213.

В 1937 г. в «кулацкой ссылке» почти повсеместно рождаемость была выше смертности, кроме Таджикской ССР и Якутской АССР. В 1938 г. отрицательное saldo было зафиксировано только в Таджикской ССР. Лишь в 1939 г. впервые было отмечено 100-процентное положительное saldo в соотношении между рождаемостью и смертностью во всех без исключения регионах «кулацкой ссылки» (табл. 58 и 59).

В 1939 г. в «кулацкой ссылке» в среднем по СССР и РСФСР рождаемость превышала смертность более чем в 2 раза. По регионам России наблюдались существенные отклонения в ту или иную сторону от этого среднего уровня. В Калмыцкой АССР у трудпоселенцев родилось больше, чем умерло, в 5 раз, Алтайском крае и Читинской обл. — в 3,3, Кировской — 2,9, Архангельской — 2,6, Башкирской АССР и Бурят-Монгольской АССР — 2,5 раза и т.д. Ниже средних показателей по СССР и РСФСР, но превышающим 80% было в 1939 г. соотношение между рождаемостью и смертностью у трудпоселенцев в Омской обл. — 99,1%, Пермской — 92,5, Белбалткомбинате НКВД — 86,9, Челябинской обл. — 86,0, Куйбышевской — 84,8, Свердловской — 83,4 и Красноярском крае — 83,0%. Лишь в некоторых регионах РСФСР в 1939 г. у трудпоселенцев рождаемость превышала смертность всего лишь на 15–45%. Это Сталинградская обл. — 43,9%, Иркутская — 23,6, Мурманская — 31,8, Ленинградская — 31,7 и Карельская АССР — 13,6%.

В первой половине 30-х годов у сотрудников комендатур не было ясности в вопросе, следует ли записывать в метрики детям, что они — дети спецпереселенцев (трудпоселенцев). Этот вопрос был окончательно решен в конце 1935 г. На рапорте зам. наркома внутренних дел СССР М.Д.Бермана от 29 октября 1935 г. по вопросу о записи в актах гражданского состояния детей трудпоселенцев Г.Г.Ягода поставил резолюцию: «Трудпоселенцы будут восстановлены, поэтому надо записывать так, как хотят родители. В метриках писать, что это ребенок трудпоселенца — не следует и не к чему. Г.Я. 1/XI»³⁶. В инструкции Отдела актов гражданского состояния (ОАГС) НКВД СССР от 8 декабря 1935 г. разъяснялось, что в случае, если родители носят разные фамилии и один из них является трудпоселенцем, фамилия ребенку присваивается по соглашению родителей. Трудпоселенческое происхождение ребенка запрещалось указывать не только в выдаваемых свидетельствах о рождении, но и в книгах записей актов гражданского состояния³⁷.

В 1930–1931 гг. на каждую крестьянскую семью, направленную на спецпоселение, приходилось в среднем 4,7 членов. К началу 1940 г. этот показатель снизился до 3,8. Следовательно, в период с 1930 по 1940 г. средний состав спецпереселенческих семей уменьшился на 20%, почти на одного человека. По регионам в начале 1940 г. этот показатель колебался от 3,0 до 4,9. Ниже среднего показателя по СССР (3,8) крестьянские семьи в «кулац-

Таблица 59*

Основные сведения о движении трудпоселенцев в 1939 г.

Области, края и республики	Состояло на учете 1 января 1939 г.	Родилось	Умерло	Бежало	Возвращено из бегов	В том числе		Осуждено	Освобождено				Состояло на учете 1 января 1940 г.
						задержано	возвратилось добровольно		неправильно высланных	на учебу	передано на иждивение	по постановлению СНК от 22. X. 38 г.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Новосибирская обл.	197030	6671	2998	1095	2307	1816	491	650	98	1977	211	398	198402
Свердловская обл.	102688	3658	1995	479	688	167	521	179	33	1847	100	195	105677
Пермская обл.	73632	2458	1277	331	451	230	221	114	22	886	68	164	76659
Красноярский край	58029	1354	740	307	204	97	107	137	15	780	57	129	55014
Челябинская обл.	54310	2373	1276	276	311	80	231	110	73	707	90	69	54940
Орджоникидзевский край	45436	1679	696	2145	882	182	700	79	27	640	24	35	44583
Омская обл.	39277	1372	689	179	113	71	42	55	17	782	116	1	39066
Архангельская обл.	38920	1515	576	390	771	361	410	69	31	464	43	98	40053
Иркутская обл.	31649	785	635	46	119	22	97	11	2	102	73	112	30014

Белбалтлаг НКВД	27907	727	389	399	363	363	—	556	231	208	15	60	26092
Хабаровский край	26688	658	284	81	63	47	16	5	7	119	15	79	25512
Мурманская обл.	24242	282	214	32	15	9	6	42	7	208	26	104	23595
Читинская обл.	21956	1046	315	26	18	11	7	137	3	202	31	44	23866
Коми АССР	18968	686	314	43	349	234	115	28	10	468	28	46	18941
Башкирская АССР	12639	568	229	102	131	43	88	11	8	282	46	19	12684
Вологодская обл.	9529	341	141	109	176	68	108	14	—	216	13	41	9827
Кировская обл.	7807	371	127	44	72	17	55	36	2	114	5	—	8023
Якутская АССР	3703	90	44	1	—	—	—	11	—	68	46	9	3628
Ленинградская обл.	3355	83	63	5	3	—	3	2	—	26	6	7	3330
Куйбышевская обл.	3229	146	79	21	19	13	6	11	6	99	6	—	3248
Алтайский край	2766	112	34	23	15	8	7	3	—	35	4	10	2762
Чкаловская обл.	2474	78	35	24	11	3	8	—	19	18	5	22	2416
Бурят-Монгольская АССР	1969	32	13	—	1	—	1	3	—	—	1	—	1983
Карельская АССР	963	25	22	3	1	—	1	5	—	30	2	3	1922
Калмыцкая АССР	—	30	6	1	1	—	1	2	—	—	1	—	977

Сталинградская обл.	—	59	41	9	22	12	10	4	11	55	9	7	2568
Приморский край	—	7	5	1	—	—	—	—	—	9	—	—	1028
Воркутлаг НКВД	1303	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1615
Норильлаг НКВД	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	310
Итого по РСФСР	810369	27209	13237	6172	7106	3854	3854	2274	622	10342	1041	1615	818735
Казахская ССР	133502	4765	2305	636	477	115	362	302	313	344	60	160	137043
Узбекская ССР	14312	668	423	364	175	60	115	17	25	183	95	4	14112
Киргизская ССР	13275	407	245	102	435	391	44	25	—	90	13	24	11271
Таджикская ССР	9043	272	239	35	75	60	15	23	1	187	—	8	9024
Украинская ССР	7317	395	242	36	22	13	9	3	1	58	37	13	7328
Итого по другим союзным республикам	177549	6507	3454	1173	1184	639	545	370	340	862	205	209	178778
Всего по СССР	987918	33716	16691	7345	8290	4493	3797	2644	962	11204	1246	1824	997513

* ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 213—214.

кой ссылке» состояли по Европейскому Северу — от 3 до 3,5 чел. Такими же по численному составу были эти семьи и по Якутской АССР, Алтайскому краю, Сталинградской области, Таджикистану. Свыше 3,5, но менее 4 человек были такие семьи в Молотовской области, Иркутской, Куйбышевской, Чкаловской и Свердловской областях, Воркутлаге НКВД, Красноярском крае, Калмыцкой АССР. Более крупные семьи (свыше 4 человек) встречались у трудпоселенцев Челябинской, Новосибирской, Читинской, Омской областей, Хабаровского и Приморского краев, Киргизской ССР³⁸.

Состав спецпереселенцев

До 1933 г. спецпереселенцы почти полностью состояли из раскулаченных крестьян. В дальнейшем в их составе появилась сравнительно небольшая «примесь» в лице других категорий. В спецпоселки выселялись колхозники и единоличники по обвинениям в срыве и саботаже хлебозаготовительной и других кампаний, городской деклассированный элемент, «неблагонадежный элемент» из погранзон, а также лица, осужденные органами ОГПУ и судами на сроки от 3 до 5 лет с заменой отбывания срока в местах лишения свободы высылкой в спецпоселки. Специальным постановлением СНК СССР от 26 апреля 1933 г. городской деклассированный элемент, лица, высланные в связи с паспортизацией, а также осужденные органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет с заменой отбывания срока высылкой в спецпоселки, во всех отношениях были приравнены к спецпереселенцам³⁹.

Во время проведения паспортизации весной и летом 1933 г. в Москве, Ленинграде и некоторых других крупных городах был проведен ряд крупномасштабных облав на бродяг, нищих, проституток и прочих полууголовных и уголовных элементов, уклонявшихся от «добровольного» выезда из этих городов на соответствующее расстояние (в Москве и Ленинграде — за 101-й километр, в Харькове — за 51-й километр и др.). Уже к 15 мая 1933 г. в спецпоселки Западной Сибири из городов европейской части СССР поступило 7985 человек «деклассированного соцвредного элемента». Как отмечалось в одном из документов ОГПУ по Западной Сибири, основную массу этих лиц составляли мужчины (92%), большинство в возрасте до 30 лет, вовсе не имеющие трудовых навыков, в значительном числе зараженные сифилисом⁴⁰.

Деклассированные элементы были начисто лишены такого качества, как трудолюбие. Этим они резко отличались от выселенных крестьян. Коменданты трудпоселков всеми силами старались избавиться от «трудового» пополнения в лице бродяг, нищих и т.п. В рапорте помощника начальника ГУЛАГа И.И.Плинера от 29 июля 1933 г. на имя Г.Г.Ягоды отмечалось: «Направляемый в трудпоселки ОГПУ т.н. деклассированный элемент из Москвы и

Ленинграда преимущественно состоит из злостного рецидива, имеющего многочисленные приводы и судимости. Указанный контингент, как показал опыт пребывания его на пересыльных пунктах, а также в местах нового расселения, не может быть освоен в обычных условиях свободного режима трудпоселенцев, не поддается трудовому воздействию сам и деморализующе действует на весь остальной контингент... В соответствии с изложенным, учитывая Ваше указание о направлении указанного контингента в лагерь, прошу Ваших указаний ПП ОГПУ МО и ЛВО о ненаправлении в дальнейшем этого контингента в трудпоселки и передаче рассмотрения дел о рецидивистах на Тройку при ПП ОГПУ для направления в лагерь»⁴¹.

В 1933 г. были предприняты попытки организовать цыганские трудпоселки. Объектом этой идеи стали цыгане, кочевавшие в Подмосковье. В рапорте И.И.Плинера на имя Г.Г.Ягоды от 10 июля 1933 г. отмечалось: «Доношу, что операция выселения т.н. «иностранных» цыган из окрестностей Москвы, начатая 28 июня, закончена 9 июля. Всего за этот период изъято и выселено 1008 семей, 5470 человек, в том числе 1440 мужчин, 1506 женщин и 2524 детей. Весь указанный контингент направлен в гор. Томск в трудпоселки ОГПУ Зап.Сиб. края, где будет расселен в отдельных поселках по национальному признаку...»⁴² Для транспортировки этих цыган было сформировано пять эшелонов, куда погрузили также принадлежавшее им имущество, включая лошадей. Однако идея цыганских трудпоселков рухнула в самой начальной стадии ее осуществления. Цыгане, прибыв в места высылки, упорно не желали здесь обжиться и при первой же возможности совершали массовые побеги. Уже осенью 1933 г. этот контингент трудпоселенцев фактически перестал существовать, так как почти все цыгане бежали. В документах нами не обнаружено никаких указаний о предпринятых мерах по возвращению их назад в места высылки.

Из года в год в трудпоселках росло число жителей, не являвшихся трудпоселенцами. В начале 1932 г. таковых было учтено 4234 человека⁴³. В последующие годы их число значительно возросло. Они не входили в общую численность спецпереселенцев (трудпоселенцев). Это были бывшие спецпереселенцы, освобожденные из «кулацкой ссылки», но по разным причинам не покидавшие трудпоселки, а также свободные граждане — рабочие и служащие (в основном системы Наркомлеса), которым в силу специфики своей работы было удобно проживать в трудпоселках. Сюда же входили тысячи свободных людей, прибывших к своим родственникам-трудпоселенцам, а также осевшие в трудпоселках всякого рода командированные, вербованные и т.п.

Случаи смешанных браков между трудпоселенцами и свободными гражданами постепенно учащались. В одном из документов Отдела трудовых поселений ГУЛАГА НКВД СССР (февраль 1939 г.) отмечалось: «Многочисленны случаи вступления в брак

трудпоселенцев (на трудпоселках) с другими гражданами, которые, уезжая к себе на родину или на другую работу, требуют освобождения своих жен. Существует практика освобождения их по согласованию с УГБ из трудпоселка, если на них нет компрометирующих данных и нет основания полагать, что брак является фиктивным с целью побега из трудпоселка»⁴⁴.

Десятки тысяч свободных людей прибывали в трудпоселки с целью соединения семей. Как правило, они сохранили статус свободных граждан и могли при желании покинуть трудпоселки (хотя и имели место факты, когда их ставили на учет трудпоселений). Только в 1934 — 1938 гг. на соединение со своими семьями в «кулацкую ссылку» прибыло 31352 свободных граждан (в 1934 г. — 8022, 1935 г. — 9692, 1936 г. — 6195, 1937 г. — 3758, 1938 г. — 3685)⁴⁵.

Тысячи свободных граждан приезжали в спецпоселки на короткий срок на свидания со своими родственниками-спецпереселенцами. В циркуляре ОГПУ от 14 октября 1932 г. говорилось: «В связи с поступающими запросами с мест о том, как надлежит поступать с родственниками высланных кулаков, приезжающих в спецпоселки на свидания к спецпереселенцам, разъясняется, что приезжающие на свидания оставшиеся не высланными члены кулацких семей по приезду в спецпоселки никаким ограничениям по задержанию не подвергаются, сохраняя за собой право свободного выезда обратно из спецпоселка»⁴⁶.

В документах ОГПУ-НКВД нет сведений сводного характера о национальном составе спецпереселенцев (трудпоселенцев). Совершенно ясно, что их национальный состав был чрезвычайно пестрым, причем на первом месте по численности находились русские, на втором — украинцы. Так, 1 января 1935 г. в г. Кировске Мурманского округа насчитывалось 18300 трудпоселенцев 32 национальностей, из них 13553 русских (74,0%), 1196 украинцев (6,5%) и 3551 (19,5%) относились к 30 другим национальностям⁴⁷. Данные о половозрастном составе трудпоселенцев по состоянию на 1 июля 1938 г. приведены в табл. 60.

По отдельным отрывочным сведениям об образовательном уровне взрослых спецпереселенцев можно сделать вывод, что в начале 30-х годов примерно 3/4 из них являлись грамотными и имели образование, как правило, в объеме начальной школы. Впоследствии удельный вес грамотных еще более повысился в процессе ликвидации безграмотности, которая в той или иной степени коснулась и спецпереселенцев. В ряде районов охват спецпереселенцев ликбезом был весьма значительным. Так, из общего количества взрослого населения спецпереселенцев Хибинского (Кировского) Мурманского округа 3635 человек (или 26%) были неграмотными или малограмотными, но к началу 1935 г. 3374 из числа последних прошли обучение в пунктах ликбеза⁴⁸.

Таблица 60*

**Половозрастной состав трудпоселенцев
(по состоянию на 1 июля 1938 г.)**

Категории	Численность	Удельный вес в процентах
Мужчины	247961	28,53
Женщины	261774	30,12
Подростки от 14 до 16 лет	69267	7,97
Дети до 14 лет	290189	33,38
Всего	869191	100

* ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 11.

Примечание: В эту статистику не вошли 128148 трудпоселенцев, восстановленных в избирательных правах до принятия Конституции СССР 5 декабря 1936 г.

В первое время в «кулацкой ссылке» в плачевном состоянии находилась система школьного обучения. Количество детей школьного возраста только в спецпоселках Урала, Восточной Сибири и Северного Кавказа в 1931 г. превышало 129 тыс., из них охвачено учебой не более 3%⁴⁹. К середине 30-х годов такое положение в значительной степени удалось выправить, и большинство детей обучалось в школах. Органы власти придавали этому особое значение, поскольку школьное обучение рассматривалось как важный инструмент отрыва детей от влияния на них «реакционных» родителей.

В сентябре 1938 г. в трудпоселках имелось 1106 начальных, 370 неполных средних и 136 средних школ, а также 230 школ профтехобразования и 12 техникумов. Насчитывалось 8280 учителей, из них 1104 были трудпоселенцами. Всеми учебными заведениями трудпоселений было охвачено 217454 детей трудпоселенцев⁵⁰.

Труд спецпоселенцев играл немалую роль в экономике СССР и России и использовался в тяжелой промышленности, лесном, а также сельском хозяйстве, в частности при освоении новых земель на Севере, в Сибири и других районах. Значительное число спецпоселенцев использовалось в строительстве. Демографические характеристики этой значительной части населения очень важны и нуждаются в дальнейшем изучении.

Глава XIV.

Массовые репрессии: заключенные

Проблема массовых репрессий 1930-х годов практически не изучалась в отечественной историографии. Это было связано со строго секретным характером необходимых для работы источников. Их постепенное рассекречивание в 1990-е годы позволило историкам обратиться к этой новой теме. Однако трудности, связанные с осмыслением огромного пласта разнообразных статистических материалов, отчетов, сводок, записок и т.д., не позволяют в настоящее время дать всесторонний анализ данному явлению, определить с максимальной точностью людские потери. Тем не менее представляется важным опубликовать ранее засекреченные сведения о массовых репрессиях, представить численность репрессированных, их состав, а также показать первые научные результаты проводимых исследований, столь важных для изучения истории России в целом.

Численность заключенных

В 1932 в СССР насчитывалось 11 исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) ГУЛАГа: Белбалтлаг, «Соловки», Свирлаг, Ухтпечлаг, Темлаг, Вишлаг, Сиблаг, Дальлаг, Среднеазиатский лагерь (Сазлаг), Балахлаг и Карагандинский лагерь (Карлаг). В 1933 г. число лагерей возросло до 14: к указанным выше добавились три новых лагеря — Бамлаг (трасса БАМа), Дмитровлаг (канал «Волга-Москва») и астраханский Прорвлаг. Родоначальник концлагерной системы «Соловки» вскоре был ликвидирован, а в 1939 г. упразднена и Соловецкая тюрьма. Однако это не имело принципиального значения, так как ежегодно в стране продолжали организовываться новые лагеря. В начале 1935 г. в системе НКВД имелось 15 лагерей, а в начале 1939 г. — уже 42. Их дислокация с указанием численности заключенных представлена в табл. 61.

Численность лагерных заключенных быстро росла. В 1930 г. она составила 179,0 тыс., в 1931 г. — 212,0 тыс., в 1932 г. — 268,7 тыс., в 1933 г. — 334,3 тыс., в 1934 г. — 510,3 тыс. (данные на 1 января каждого года)¹. Динамика движения лагерного населения ГУЛАГа в 1934—1940 гг. представлена в табл. 62, а динамика численности заключенных в отдельных лагерях — в табл. 63.

Таблица 61*

**Численность заключенных и дислокация лагерей НКВД
(по состоянию на 1 января 1939 г.)**

№ п/п	Лагеря	Численность	
		чел.	%
1	2	3	4
1.	Бамлаг (трасса БАМа)	262194	20,05
2.	Севвостлаг (Магадан)	138170	10,56
3.	Белбалтлаг	86567	6,62
4.	Волголаг (район Углича – Рыбинска)	74576	5,70
5.	Дальлаг (Владивостоклаг)	64249	4,91
6.	Сиблаг (Новосибирская обл.)	46382	3,55
7.	Ушосдорлаг (Дальний Восток)	36948	2,83
8.	Самарлаг (Куйбышевская обл.)	36761	2,81
9.	Карлаг (Карагандинская обл.)	35072	2,68
10.	Сазлаг (Среднеазиатский ИТЛ)	34240	2,62
11.	Усолялаг (Молотовская обл.)	32714	2,50
12.	Каргопольлаг (Архангельская обл.)	30069	2,30
13.	Севжелдорлаг (Архангельская обл. и Коми АССР)	29405	2,25
14.	Ягринлаг (Архангельская обл.)	27680	2,12
15.	Вяземлаг (Смоленская обл.)	27470	2,10
16.	Ухтимлаг (Коми АССР)	27006	2,06
17.	Сеураллаг (Свердловская обл.)	26963	2,06
18.	Локчимлаг (Коми АССР)	26242	2,01
19.	Темлаг (Мордовская АССР)	22821	1,75
20.	Ивдельлаг (Свердловская обл.)	20162	1,54
21.	Воркутлаг (Коми АССР)	17923	1,37
22.	Сороклаг (Архангельская обл.)	17458	1,34
23.	Вятлаг (Кировская обл.)	16854	1,29
24.	Онеглаг (Архангельская обл.)	16733	1,28
25.	Унжлаг (Горьковская обл.)	16469	1,26
26.	Краслаг (Красноярский край)	15233	1,16
27.	Тайшетлаг (Иркутская обл.)	14365	1,10
28.	Устьвымлаг (Коми АССР)	11974	0,92

1	2	3	4
29.	Томасинлаг (Новосибирская обл.)	11890	0,91
30.	Горно-Шорский ИТЛ (Алтайский край)	11670	0,89
31.	Норильлаг (Красноярский край)	11560	0,88
32.	Кулойлаг (Архангельская обл.)	10642	0,81
33.	Райчихлаг (Хабаровский край)	8711	0,67
34.	Архбумлаг (Архангельская обл.)	7900	0,60
35.	Лужский лагерь (Ленинградская обл.)	6174	0,47
36.	Букачачлаг (Читинская обл.)	5945	0,45
37.	Прорвлаг (Астраханлаг)	4877	0,37
38.	Ликовлаг (Московская обл.)	4556	0,35
39.	Южная Гавань (Московская обл.)	4376	0,33
40.	Сталинская станция (Московская обл.)	2727	0,21
41.	Дмитровский мехзавод (Московская обл.)	2273	0,17
42.	Строительство № 211 (Украинская ССР)	1911	0,15
	Итого	1307912	100,00

* ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 20 – 22.

Примечание: На 1 января 1939 г. отсутствовали соответствующие сведения на 9283 лагерных заключенных (транзитных).

По состоянию на 1 октября 1934 г., на снабжении лагерей ГУЛАГа находилось 742 тыс. человек, из них 685 тыс. заключенных, 45 тыс. вольнонаемных (охрана — 10 тыс., инженерно-технический и административно-хозяйственный состав — 12 тыс., члены их семей — 23 тыс.) и 12 тыс. малолетних правонарушителей и детей заключенных².

В начале 1939 г. в среднем на один ИТЛ приходилось свыше 31 тыс. заключенных, колеблясь по отдельным лагерям от 1,9 тыс. до 262,2 тыс. (табл. 61). В лагерях на территории РСФСР (включая территорию образованной позднее Карело-Финской ССР) содержалось тогда 1236689 заключенных, или 94,55% от их общего числа. 69312 лагерных заключенных находились в казахстанско-среднеазиатском регионе (5,3%) и 1911 — на Украине (0,15%). Распределение лагерных заключенных по континентам (Европа и Азия) было в начале 1939 г. примерно одинаковым: из 1307912 человек 611283 содержались в ИТЛ в европейской части СССР (уральские области отнесены к Европе) и 696629 — в азиатской.

Надо сказать, что упразднение в 30-х годах некоторых лагерей (Дмитровлаг, Охунлаг и др.) отнюдь не стало сдерживающим фактором в развитии концлагерной системы. К тому же на прак-

Таблица 62*

Движение лагерного населения ГУЛАГа

	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Наличие на 1 января	510307	725483	839406	820881	996367	1317195	1344408
Всего прибыло	593702	524328	626069	884811	1036165	749647	1158402
В том числе:							
из лагерей НКВД	100389	67265	157355	211486	202721	348417	498399
из других мест заключения	445187	409663	431442	636749	803007	383994	644927
из бегов	46752	45988	35891	35460	22679	9838	8839
прочие	1374	1412	1381	1116	7758	7398	6237
Всего убыло	378526	410405	644594	709325	715337	722434	1002286
В том числе:							
в лагеря НКВД	103002	72190	170484	214607	240466	347444	563338
в другие места заключения	17169	28976	23826	43916	55790	74882	57213
освобождено	147272	211035	369544	364437	279966	223622	316825
умерло	26295	28328	20595	25376	90546	50502	46665
бежало	83490	67493	58313	58264	32033	12333	11813
прочая убыль	1298	2383	1832	2725	16536	13651	6432
Наличие на 31 декабря	725483	839406	820881	996367	1317195	1344408	1500524

* ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2.

тике обычно на базе лагпунктов и лаготделений упраздненных лагерей образовывались новые лагеря. Например, образованный в 1936 г. Волголаг фактически не был новым лагерем, так как ранее являлся одним из ответвлений Дмитровлага.

Таблица 63*

**Динамика численности заключенных в лагерях НКВД
в 1934—1938 гг. (по состоянию на 1 января каждого года)**

Лагеря	1934	1935	1936	1937	1938
Бамлаг	62130	153547	180067	127483	200907
Севвостлаг	29659	36313	48740	70414	90741
Белбалтлаг	70375	66418	90290	58965	79882
Ухтижемлаг	23840	20730	21780	31035	54792
Темлаг	25541	30912	20974	25544	17921
Дальлаг	47767	59515	72763	112490	100875
Сиблаг	45422	58609	65447	51473	78838
Сазлаг	22170	25831	26308	26865	33936
Карлаг	24148	25110	38194	27504	31548
Волголаг	—	—	19420	43566	73100
Норильсклаг	—	—	1251	9139	7927
Другие лагеря	159255	248498	254172	236403	225900
Итого	510307	725483	839406	820881	996367

* ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2, 20—22.

К концу 1939 г. число ИТЛ возросло до 54 с десятками новых лагпунктов и лаготделений. К указанным в табл. 61 лагерям добавились Среднебельский ИТЛ и Бурейский ИТЛ (Хабаровский край), Бирлаг (Еврейская АО), Новотамбовлаг (район Комсомольска-на-Амуре), «Соликамбумстрой» (Молотовская обл.), ИТЛ строительства № 201 (участок от Комсомольска-на-Амуре до Николаевска) и др.

Лагеря, как правило, имели «филиалы» в виде лагпунктов и лаготделений, находившихся нередко в десятках, сотнях и даже тысячах километров друг от друга. Сиблаг со всеми отделениями был расположен в Новосибирской обл. (позднее, когда из состава Новосибирской обл. была выделена Кемеровская обл., Сиблаг оказался на территории Кемеровской обл.), но одно его отделение (Чистюньское) находилось в Алтайском крае (98 км от Барнаула). Лагпункты и лаготделения магаданского Севвостлага рассеивались в бассейнах рек Колымы и Индигирки, на части побере-

жья Охотского моря и даже на северном побережье Чукотки. Центр Дальлага (Владивостоклага) находился во Владивостоке, а его отделения — в пунктах Сизиман (1200 км от Владивостока), Светлая (780 км), Самбовая (145 км), Тазгоу (125 км), Лисий (93 км), Пахтусово (30 км), 2-я Речка (14 км). Лагпункты и лаготделения Белбалтлага НКВД охватывали значительную часть территории Карельской АССР (преимущественно в Медвежьегорском, Пудожском и Онежском районах). Астраханский Прорвлаг имел четыре «филиала» (три лагпункта и одно лаготделение), находившиеся на расстоянии от 13 до 800 км от Астрахани. Подобная распыленность на лагпункты и лаготделения была характерна и для подавляющего большинства других лагерей.

Таблица 64*

Число осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления в 1921—1940 гг.

Годы	Всего осуждено (чел.)	В том числе			
		высшая мера	лагеря, колонии и тюрьмы	ссылка и высылка	прочие меры
1	2	3	4	5	6
1921	35829	9701	21724	1817	2587
1922	6003	1962	2656	166	1219
1923	4794	414	2336	2044	—
1924	12425	2550	4151	5724	—
1925	15995	2433	6851	6274	437
1926	17804	990	7547	8571	696
1927	26036	2363	12267	11235	171
1928	33757	869	16211	15640	1037
1929	56220	2109	25853	24517	3741
1930	208069	20201	114443	58816	14609
1931	180696	10651	105683	63269	1093
1932	141919	2728	73946	36017	29228
1933	239664	2154	138903	54262	44345
1934	78999	2056	59451	5994	11498
1935	267076	1229	185846	33601	46400
1936	274670	1118	219418	23719	30415
1937	790665	353074	429311	1366	6914
1938	554258	328618	205509	16842	3289

1	2	3	4	5	6
1939	63889	2552	54666	3783	2888
1940	71806	1649	65727	2142	2288
Итого	3080574	749421	1752499	375799	202855

* ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201—205; Попов В.П. Государственный террор в советской России 1923—1953 гг.: источники и их интерпретация // Отеч. архивы. 1992. № 2. С. 28.

Примечание: Под прочими мерами имелись в виду зачет времени нахождения под стражей, принудительное лечение и высылка за границу.

Специфика лагерной статистики ГУЛАГа создает большие трудности при выяснении вопроса о численности новопоступивших заключенных. По этой статистике получается, что в 1934—1940 гг. прибыло из лагерей НКВД 1586032 и из других мест заключения — 3754969 человек (всего — 5341 тыс.) (см. табл. 62). Под другими местами заключения в основном имелись в виду пересыльные, общие и внутренние тюрьмы НКВД/УНКВД (преимущественно оттуда поступали в лагерь новые контингенты заключенных). Что касается лиц, учтенных по гулаговской статистике как прибывшие из лагерей НКВД, то здесь явно речь идет о межлагерных перемещениях (возможно, в их составе и была какая-то часть новых заключенных, но ее невозможно вычленить).

В ГУЛАГ поступали заключенные из всех регионов СССР. Каких-либо исключений по региональному признаку, естественно, не было. Так, в октябре-декабре 1934 г. в лагерь ГУЛАГа поступило 88917 новых заключенных, из них 9935 — из Московской обл., 5264 — Ленинградской, 2556 — Ивановской, 2354 — Западной, 3391 — Воронежской и Курской, 2595 — Свердловской, 1910 — Челябинской, 327 — Обь-Иртышской, 6801 — из Запсибкрая, 1446 — Востсибкрая, 1996 — Дальне-Восточного края, 6483 — Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краев, 3263 — из Средне-Волжского края, 1841 — Сталинградского, 2840 — Саратовского, 2918 — Горьковского, 1212 — Северного края, 2593 — из Татарской АССР, 2612 — Башкирской, 577 — Крымской, 2260 — Казахской, 248 — Киргизской АССР, 14074 — из Украинской ССР, 2673 — Белорусской, 2475 — из ЗСФСР и 4469 — из Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР³.

Из табл. 64 видно, что в 20—30-е годы по политическим мотивам было осуждено более 3 млн человек, из них 13,5% (416932) — в 20-х годах и 86,5% (2663642) — в 30-х годах. Следует отметить, что на два года (1937—1938) приходится 43,7% осужденных «врагов народа» (1344923), а на остальные 18 лет (1921—1936 и 1939—1940) — 56,3% (1735651). Из этого числа в места заключения, ссылку и высылку было направлено в 1921—

1940 г. 2128298 осужденных по политическим мотивам, в том числе 16,4% (348843) — в 20-х годах и 83,6% (1779455) — в 30-х. В сущности за этими данными о широкомасштабном политическом терроре в СССР теряется немаловажное явление демографического порядка. Учитывая специфику дислокации мест заключения, ссылки и высылки, можно утверждать, что это было одной из насильственных форм перемещения больших масс людей в малоосвоенные северные и восточные регионы СССР. Причем если в 20-х годах это перемещение исчислялось ежегодно десятками тысяч, то в 30-х — уже сотнями тысяч человек. И это только осужденных с формулировкой «за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления», без учета осужденных за уголовные преступления.

В 20—30-х годах из общего числа осужденных по политическим мотивам 749421 человек был приговорен к высшей мере (см. табл. 64), из них 5,9% (43952) — в 20-х годах и 94,1% (705469) — в 30-х.

Всего в СССР в 1937—1938 г. подвергались аресту 3141444 чел., из них 1575259 — по обвинениям в политических преступлениях и 1566185 — уголовных⁴. В эти годы по политическим мотивам было осуждено 1344923 человека, из них 681692 или 50,7%, приговорено к высшей мере⁵.

Смертность заключенных

Во время нахождения в местах лишения свободы физическое состояние заключенных, как правило, ухудшалось из-за плохого питания, тяжелой работы, сурового климата, неблагоприятных бытовых условий и т.д. В письме Л.П.Берии на имя В.М.Молотова от 17 апреля 1939 г. отмечалось: «Существующая в ГУЛАГе НКВД СССР норма питания в 2000 калорий рассчитана на сидящего в тюрьме и не работающего человека. Практически и эта заниженная норма снабжающими организациями отпускается только на 65—70%. Поэтому значительный процент лагерной рабочей силы попадает в категории слабосильных и бесполезных на производстве людей. На 1 марта 1939 г. слабосильных в лагерях и колониях было 200000 человек, и поэтому в целом рабочая сила используется не выше 60—65 процентов»⁶. Из этого документа видно, что высшие советские руководители не строили иллюзий в отношении физического состояния заключенных ГУЛАГа. Установленная в 1939 г. норма питания в 3000 калорий просуществовала недолго и была снижена примерно на половину в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Данные о смертности заключенных в лагерях представлены в табл. 62, 65 и 66. За период 1931—1940 г. в ИТЛ умерло 376154 заключенных. В 1933 и 1938 г. наблюдались крупные всплески смертности лагерных заключенных, что было связано в одном случае с голодом, в другом — с ужесточением репрессий. Что ка-

сается смертности заключенных в тюрьмах и колониях в 1938 г., то и там положение было таким же. В 1938 г. в тюрьмах и колониях умерло в 4,4 раза больше заключенных, чем в 1937 г., а в 1939 г. число умерших уменьшилось по сравнению с 1938 г. в 2,4 раза (табл. 66).

Таблица 65*

Число умерших заключенных по отдельным лагерям

Лагерь	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Белбалтлаг	1438	2066	8870	1631	1362	1298	2271	3945	2462	2139
Соловецкий		971	3482	—	—	—	—	—	—	—
Свирлаг		1569	6623	3201	3887	1928	295	—	—	—
Сиблаг	514	1026	7736	1504	2712	1715	2351	5810	1226	1235
Дальлаг	267	335	4095	1746	1076	2081	4004	3652	2882	1367
Карлаг	416	340	3454	781	634	933	1128	1337	598	738
Сазлаг	1240	4378	4766	1727	1904	1213	1764	4703	1425	1105
Темлаг	409	1081	4578	1386	2908	1457	1352	571	718	990
Бамлаг	—	—	4768	5843	6952	3372	2306	16459	—	—
Дмитровлаг	—	—	8873	6041	4349	2472	1068	39	—	—
Волголаг	—	—	—	—	—	522	471	1381	1049	1591
Норильсклаг	—	—	—	—	—	45	75	93	402	284
Ивдельлаг	—	—	—	—	—	—	631	2145	415	322
Каргопольлаг	—	—	—	—	—	—	336	4490	857	427
Локчимлаг	—	—	—	—	—	—	915	3026	1097	583
Севжелдорлаг	—	—	—	—	—	—	—	2344	2352	—
Тайшетлаг	—	—	—	—	—	—	—	3076	280	161
Ухтижемлаг	—	—	—	—	—	—	—	4068	1316	380
Краслаг	—	—	—	—	—	—	—	1183	445	434
Севураллаг	—	—	—	—	—	—	—	910	785	588
Усольлаг	—	—	—	—	—	—	—	—	1782	910
Другие лагеря	2999	1501	10052	2435	2544	3559	6409	31314	30411	33411
Итого	7283	13267	67297	26295	28328	20595	25376	90546	50502	46665

* ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2; Д. 2740. Л. 1, 5, 8, 14, 26, 38, 42, 48, 58, 96—110.

Примечание: За 1939—1940 гг. соответствующие сведения по лагерям, лагпунктам и лаготделениям, составлявшим ранее Бамлаг, а за 1940 г. — Севжелдорлаг, вошли в раздел «Другие лагеря».

Смертность заключенных в 1935—1940 гг.

Годы	Всего умерло	В том числе			
		в лагерях	в колониях и тюрьмах	в колониях	в тюрьмах
1935	32659	28328	4331	—	—
1936	26479	20595	5884	—	—
1937	33499	25376	8123	—	—
1938	126585	90546	36039	—	—
1939	65301	50502	14799	7723	7076
1940	56703	46665	10038	6761	3277
Всего	341226	262012	79214	—	—

* ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2; Д. 2740. Л. 52, 60, 70; Ф. 9413. Оп. 1. Д. 11. Л. 1—2.

В 1931 г. удельный вес умерших в лагерях по отношению к среднему списочному составу заключенных за год составил 3,6% (по лагерям этот показатель колебался от 1,4% в Дальлаге до 10,5% в Сазлаге). В 1932 г. смертность в ИТЛ составила 4,8% с колебаниями от 1,5% в Дальлаге до 26,3% в Сазлаге. Выше среднего уровня в 1932 г. смертность была в Соловецком лагере (6,2%), Темлаге (4,9%) и некоторых других лагерях.

В 1933 г. в лагерях ГУЛАГа умерло больше заключенных, чем в 1932 г., в 5,1 раза, в том числе в Дальлаге — в 12,2, Карлаге — в 10,2 и Сиблаге — в 7,5. Средний уровень смертности составил тогда 15,7% с колебанием от 10,0% в Белбалтлаге до 34,6% в Вишлага и 27,0% в Сазлаге. Выше среднего уровня смертность лагерных заключенных в 1933 г. была в Карлаге (18,7%), Соловецком лагере (18,1%), Дмитровлаге (17,2%), Сиблаге (16,1%), Свирлаге (15,8%).

В 1934 г. смертность в лагерях снизилась в 2,6 раза по сравнению с 1933 г., в том числе в Белбалтлаге — в 7,3 раза и Сиблаге — в 5,1. Средний уровень смертности в ИТЛ составил в 1934 г. 4,2% с колебанием от 2,6% в Белбалтлаге до 8,4% в Сазлаге.

С 1935 г. среднеазиатский Сазлаг уступил мордовскому Темлагу пальму первенства в высоких показателях смертности. Средний уровень смертности в лагерях в 1935 г. составил 3,6% с колебаниями от 1,1% в Охунлаге до 11,0% в Темлаге.

В 1936 г. был зафиксирован минимальный за все 30-е годы уровень смертности в лагерях ГУЛАГа — 2,4%.

В 1937 г. по сравнению с 1936 г. средний уровень смертности заключенных лагерей НКВД несколько возрос, составив 3,0% (колебание от 0,3% в Шосдорлаге до 6,3% в Темлаге).

В 1938 г. уровень смертности в ИТЛ увеличился, составив в среднем 5,5–5,7 к годовому контингенту заключенных. В этом году умерло лагерных заключенных в 3,6 раза больше, чем в 1937 г. (в Бамлаге — в 7,1 раза). В 1939 г. уровень смертности в среднем по лагерям ГУЛАГа понизился до 3,3%. Умерло в 1,8 раза меньше лагерных заключенных, чем в 1938 г., а по ряду лагерей это снижение было еще более значительным (Ивдельлаг — в 5,2 раза, Сиблаг — в 4,7, Сазлаг — в 3,3, Ухтижемлаг — в 3,1, Краслаг — в 2,7, Карлаг — в 2,2 раза)⁷.

В приведенных выше данных Санитарного отдела ГУЛАГа об уровне смертности заключенных отсутствуют сведения по Севвостлагу, переданному из ГУЛАГа тресту «Дальстрой». Разница между данными Санотдела ГУЛАГа и приведенной в табл. 62 сводной статистикой НКВД, учитывающей все ИТЛ (включая Севвостлаг), весьма существенная. По данным Санотдела, в лагерях ГУЛАГа умерло в 1934 г. 25246, в 1935 г. — 27304, в 1936 г. — 19109, в 1937 г. — 22933, в 1938 г. — 72750, в 1939 г. — 37027 заключенных⁸, что было ниже показателей сводной статистики НКВД соответственно на 1049, 1024, 1486, 2443, 17796 и 13475 человек. Шесть последних цифр можно считать тождественными ежегодной численности заключенных, умерших в Севвостлаге с 1934 по 1939 г. (всего около 37,3 тыс. человек).

Это очень высокие показатели смертности даже по гулаговским меркам. В конце 30-х годов по уровню смертности заключенных Севвостлаг прочно занимал первое место, причем со значительным отрывом по этому показателю от других лагерей.

В тюрьмах и колониях уровень смертности был ниже, чем в лагерях, и составил в среднем в 1935 г. 1,14%, в 1936 г. — 1,41, в 1937 г. — 1,56, а в 1938 г. подскочил до 4,19%⁹. Соответствующих данных по тюрьмам за 1939–1940 гг. у нас нет. В колониях в 1939 г. уровень смертности заключенных составил 2,3%¹⁰, в том числе из общего числа заключенных, умерших в колониях, 82,5% (6375 человек) приходилось на колонии, расположенные на территории РСФСР, а в 1940 г. — 79,2% (5357 человек)¹¹.

Что касается полноты сведений о смертности заключенных, то надо признать, что в сводную статистику нередко включались данные местных сводок, в которых отсутствовали сведения по некоторым регионам и местам заключения. Однако это принципиально не влияет на приведенные выше данные о смертности заключенных, так как сведения в первичных материалах чаще всего были достаточно полны. Например, смертность заключенных в 1939 г. в тюрьмах (7076 человек) по месяцам выглядела следующим образом: январь — 656, февраль — 807, март — 982, апрель — 765, май — 794, июнь — 691, июль — 604, август — 587, сентябрь — 438, октябрь — 287, ноябрь — 254, декабрь —

211; причем данные за январь-ноябрь 1939 г. были полные, а за декабрь отсутствовали сведения по тюрьмам Армении, Казахстана и Якутии¹².

Представляют интерес месячные сводки санинспекции Главного тюремного управления (ГТУ) НКВД СССР о заболеваемости среди тюремных заключенных. Так, в течение марта 1939 г. было зарегистрировано 287675 различных заболеваний. На первом месте шли заболевания, связанные с охлаждением тела (12,6%). Далее следовали болезни органов кровообращения (7%), зубов и полости рта (6,3%), органов пищеварения (5,6%), органов дыхания (5,5%), болезни, связанные с нарушением чистоты (4,5%), нервной системы (3,9%), органов слуха и зрения (3,0%), острые желудочно-кишечные заболевания (2,9%), туберкулез (2,8%), малярия (2,4%), а также венерические болезни, чесотка, цынга и другие авитаминозы, трахома. Было зарегистрировано 16 случаев заболевания дизентерией, 5 — брюшным тифом и 4 — сыпным тифом. В 40% случаев были отмечены различные другие заболевания¹³.

Указанные заболевания являлись причиной смертности, но их последовательность (болезнь и смерть) часто не совпадала. Так, по данным на март 1939 г., в тюрьмах умершие от туберкулеза занимали первое место, хотя в общем числе зарегистрированных заболеваний у заключенных туберкулез находился на десятом месте. И наоборот, заболевшие в связи с охлаждением тела по численности находились на первом месте, а умершие по этой причине — на четвертом. В марте 1939 г. в тюрьмах СССР от различных заболеваний умерло 982 заключенных, из них от туберкулеза — 318, болезней органов кровообращения — 189, органов дыхания — 104, болезней, связанных с охлаждением тела — 104, от острых желудочно-кишечных заболеваний — 16, цынги и других авитаминозов — 12, болезней органов слуха и зрения — 10, от болезней, связанных с нарушением чистоты — 7, малярии — 2 и от прочих болезней — 114 человек¹⁴.

Состав заключенных

Сведения об образовательном уровне заключенных лагерей ГУЛАГа в 1934—1940 гг. представлены в табл. 67. Эти данные свидетельствуют о том, что опережающими темпами в составе лагерных заключенных росла численность и удельный вес лиц с высшим и средним образованием. В то же время, несмотря на значительный численный рост малограмотных и неграмотных, их удельный вес из года в год неуклонно понижался.

Национальный состав 1269785 заключенных лагерей ГУЛАГа, по данным на 1 апреля 1940 г., выглядел следующим образом: русские — 767553 (60,4%), украинцы — 179951 (14,1%), белорусы — 45623 (3,6%), грузины — 11122 (0,87%), армяне — 10858

(0,85%), азербайджанцы — 10599 (0,83%), казахи — 21301 (1,6%), узбеки — 25040 (2%), туркмены — 9855, таджики — 4522, киргизы — 2808, татары — 26175, башкиры — 4765, буряты — 1891, евреи — 20820 (1,6%), немцы — 18149, поляки — 15621, финны — 2294, латыши — 4978, литовцы — 1009, эстонцы — 2601, румыны — 389, иранцы — 1475, афганцы — 334, монголы — 128, китайцы — 4034, корейцы — 2707, японцы — 20, прочие национальности — 61706, без указания национальности — 11457 человек¹⁵. Состав лагерных заключенных по полу и возрасту представлен в табл. 68.

Таблица 67*

**Образовательный уровень лагерных заключенных
(по состоянию на 1 января каждого года)**

Образование	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Высшее численность в %	3572 0,7	4936 0,7	6799 0,8	8619 1,0	10960 1,1	22395 1,7	24199 1,8
Среднее численность в %	28577 5,6	47025 6,5	62284 7,4	72648 8,9	82698 8,3	119864 9,1	133096 9,9
Низшее численность в %	199530 39,1	316779 43,7	388813 46,3	404776 49,3	500176 50,2	661232 50,2	666826 49,6
Малограмотные численность в %	217390 42,6	271830 37,5	300675 35,8	266704 32,4	316844 31,8	400744 30,5	407355 30,3
Неграмотные численность в %	61238 12,0	84913 11,6	80835 9,7	68134 8,4	85689 8,6	112960 8,5	112932 8,4

* ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 10.

По данным на 1 апреля 1940 г., из общего числа заключенных ИТЛ 1261029 человек являлись гражданами СССР, 4620 — без указания подданства и 4136 — гражданами других государств (иноподданными)¹⁶.

Заключенные тюрем и колоний

Число заключенных в системе Отдела мест заключения (ОМЗ) НКВД (тюрьмы и колонии) составляло в начале 1935 г. 254354 человека, из них 169505 (66,6%) — в РСФСР (Московская обл. — 18268, Ленинградская — 15762, Западная — 6267,

Таблица 68*

Состав лагерных заключенных по полу и возрасту (на 1 января каждого года)

Состав заключенных ИТЛ	Численность и удельный вес						
	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Всего заключенных	510307	725483	839406	820881	996367	1317195	1344408
Мужчины (чел.)	480199	680503	788286	770561	927618	1207209	1235510
То же в %	94,1	93,8	93,9	93,9	93,1	91,6	91,9
Женщины (чел.)	30108	44980	51120	50320	68749	109986	108898
То же в %	5,9	6,2	6,1	6,1	6,9	8,4	8,1
Возрастной состав							
До 18 лет (чел.)	6124	9402	6547	5672	12531	15279	7124
в %	1,2	1,3	0,8	0,7	1,2	1,1	0,5
От 19 до 24 лет (чел.)	121453	121563	120455	98752	106611	128031	129063
в %	23,8	16,8	14,4	12,0	10,7	9,7	9,6
От 25 до 30 лет (чел.)	133700	174212	377900	385567	441390	486044	467585
в %	26,2	24,0	45,0	47,0	44,3	36,9	34,8
От 31 до 40 лет (чел.)	143396	190180	217826	215645	248095	375400	402919
в %	28,1	26,2	25,9	26,3	24,9	28,5	30,0

От 41 до 50 лет (чел.) в %	81649 16,0	86607 11,9	90656 10,8	88080 10,7	129527 13,0	208116 15,8	224381 16,7
От 51 до 60 лет (чел.) в %	22964 4,5	21943 3,1	24427 2,9	24791 3,0	46829 4,7	82325 6,3	93839 7,0
Свыше 60 лет (чел.) в %	1021 0,2	1576 0,2	1595 0,2	2374 0,3	11384 1,2	22000 1,7	19497 1,4

* ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 9—10.

Примечание: На 1 января 1935 г. отсутствовали сведения о возрастном составе 120000 заключенных ИТЛ.

Ивановская — 6997, Курская — 5382, Сталинградская — 4221, Саратовская — 6140, Свердловская — 10385, Челябинская — 15307, Омская — 3271, Азово-Черноморская — 12292, Горьковский край — 7672, Воронежский — 6652, Запсибкрай — 14469, Востсибкрай — 7426, ДВК — 3533, Северный край — 6824, Северный Кавказ — 4997, Крымская АССР — 2686, Башкирская — 3815, Татарская — 3382, Якутская — 491 и Киргизская АССР — 2606 человек). В других союзных республиках в начале 1935 г. насчитывалось 84849 заключенных тюрем и колоний (33,3%) (Украина — 53171, Белоруссия — 6326, ЗСФСР — 10090, Узбекистан — 9085, Туркмения — 3185 и Таджикистан — 2992 человека)¹⁷.

В начале 1938 г. численность заключенных тюрем и колоний СССР составляла 887635 человек. Из этого числа 628630 человек (70,8%) содержалось в тюрьмах и колониях РСФСР, в том числе в Алтайском крае — 11930, ДВК — 25546, Красноярском крае — 19370, Краснодарском — 19814, Орджоникидзевском — 13858, Архангельской обл. — 18776, Вологодской — 11368, Воронежской — 14153, Горьковской — 25555, Ивановской — 13355, Иркутской — 23077, Калининской — 15694, Куйбышевской — 18503, Курской — 11777, Кировской — 10583, Ленинградской — 52357, Московской — 13979, Новосибирской — 20385, Омской — 10250, Орловской — 16704, Оренбургской — 8852, Ростовской — 14357, Рязанской — 5466, Саратовской — 23223, Свердловской — 22055, Смоленской — 20026, Сталинградской — 11530, Тамбовской — 11454, Тульской — 11938, Челябинской — 27041, Читинской — 13486, Ярославской — 14309, Башкирской АССР — 14337, Бурят-Монгольской — 5345, Дагестанской — 5380, Калмыцкой — 118, Карельской — 1556, Коми — 1778, Крымской — 8756, Марийской — 1530, Мордовской — 4812, Немцев Поволжья — 4119, Северо-Осетинской — 1735, Татарской — 11508, Чечено-Ингушской — 4254, Чувашской — 7138, Удмурской — 3113 и Якутской АССР — 9975 человек.

В тюрьмах и колониях других союзных республик в начале 1938 г. содержалось 259005 заключенных, в том числе 143819 — в Украинской ССР, 22390 — Белорусской, 10218 — Азербайджанской, 15311 — Грузинской, 4309 — Армянской, 8131 — Туркменской, 19853 — Узбекской, 5462 — Таджикской, 6346 — Киргизской и 23166 — в Казахской ССР¹⁸.

С 1939 г., после реорганизации Отдела мест заключения (ОМЗ) и передачи колоний в ГУЛАГ, а тюрем — в Главное тюремное управление (ГТУ) НКВД СССР, существенно изменилась статистическая отчетность. С этого времени можно установить дислокацию и численность заключенных по регионам отдельно по тюрьмам и отдельно по колониям. В табл. 69 представлена численность заключенных колоний по регионам по состоянию на 1 января 1940 г.

Таблица 69*

Численность заключенных в исправительно-трудовых колониях (ИТК) по регионам (по состоянию на 1 января 1940 г.)

Области, края и республики	Всего (чел.)	В том числе		
		промыш- ленные колонии	сельскохо- зяйствен- ные колонии	контр- агентские колонии
1	2	3	4	5
Алтайский край	4715	2971	1095	649
Хабаровский край	5784	4137	1367	280
Приморский край	2168	1916	252	—
Краснодарский край	6062	4546	1516	—
Орджоникидзевский край	2483	995	1488	—
Красноярский край	5293	2341	2334	618
Архангельская обл.	11422	6696	—	4726
Вологодская обл.	3562	1801	461	1300
Воронежская обл.	3799	2592	1207	—
Горьковская обл.	7347	6994	242	111
Ивановская обл.	4862	4862	—	—
Иркутская обл.	5831	2579	865	2387
Калининская обл.	4681	1903	719	2059
Кировская обл.	3187	2485	—	702
Куйбышевская обл.	6424	3733	802	1889
Курская обл.	1082	864	218	—
Ленинградская обл.	26822	12669	3471	10682
Московская обл.	11476	172	1143	10261
Мурманская обл.	4936	—	—	4936
Новосибирская обл.	7973	3544	585	3844
Омская обл.	3549	2108	1118	323
Орловская обл.	2421	1817	—	604
Пензенская обл.	1348	350	—	998
Пермская обл.	6249	915	—	5334
Ростовская обл.	7169	2047	2093	3029
Рязанская обл.	2302	1855	—	447
Саратовская обл.	4154	2915	1239	—

1	2	3	4	5
Свердловская обл.	8447	4438	—	4009
Смоленская обл.	3739	1822	781	1136
Сталинградская обл.	5118	3030	793	1295
Тамбовская обл.	2493	981	907	605
Тульская обл.	4284	1092	—	3192
Челябинская обл.	5728	877	1326	3525
Читинская обл.	7139	222	1655	5262
Чкаловская обл.	4257	1212	1221	1824
Ярославская обл.	5543	3336	—	2207
Башкирская АССР	5601	3078	943	1580
Бурят-Монгольская АССР	5172	322	273	4577
Дагестанская АССР	1456	606	332	518
Кабардино-Балкарская АССР	980	—	—	980
Карельская АССР	540	—	—	540
Коми АССР	898	898	—	—
Крымская АССР	2587	2587	—	—
Марийская АССР	977	917	—	60
Мордовская АССР	1310	—	769	541
Немцев Поволжья АССР	897	575	322	—
Северо-Осетинская АССР	655	655	—	—
Татарская АССР	7852	5481	713	1658
Удмуртская АССР	2025	423	—	1602
Чечено-Ингушская АССР	1027	240	467	320
Чувашская АССР	2919	2919	—	—
Якутская АССР	2474	523	592	1359
Итого по РСФСР	241319	116041	33309	91969
Всего по СССР	315584	146809	50063	118712

* ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1154. Л. 2—4.

По данным на 1 марта 1939 г., в составе 317996 заключенных общих и внутренних тюрем НКВД/УНКВД было 216439 подследственных, 56433 осужденных, 38756 кассационных (т.е. осужденных, в отношении которых не получено определений или извещений суда о вступлении приговоров в законную силу) и 6368 транзитно-пересыльных (перебрасываемых этапами из тюрем, лагерей и колоний). Некоторые сведения о половозрастном составе тюремных заключенных приведены в табл. 70.

Таблица 70*

**Половозрастной состав заключенных общих и внутренних тюрем
НКВД/УНКВД (по состоянию на 1 марта 1939 г.)**

Категории тюремных заключенных	Всего (чел.)	Мужчины		Женщины		Из них несовершеннолетних (чел.)	
		чел.	%	чел.	%	от 12 до 16	от 16 до 18
Осужденные, кассационные и транзитно-пересыльные	101557	90232	88,8	11325	11,2	3529	4046
Подследственные	216439	201083	92,9	15356	7,1	1919	3273
Итого	317996	291315	91,6	26681	8,4	5448	7319

* ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 6. Л. 7—8.

По решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 мая 1935 г. в системе НКВД был создан Отдел трудовых колоний, имевший своей задачей организацию приемников-распределителей, изоляторов и трудовых колоний для несовершеннолетних беспризорных и преступников. За 4,5 года (с середины 1935 по начало 1940 г.) приемники-распределители ГУЛАГа пропустили 952834 подростка, которые были направлены как в детские учреждения Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомсобеса, так и в трудовые колонии ГУЛАГа. Через трудовые колонии за указанный период было пропущено 155506 подростков от 12 до 18 лет, из них 68927 судившихся и 86579 не судившихся¹⁹. Из числа не судившихся воспитанников колоний для несовершеннолетних разрешалась организация пионерских отрядов и комсомольских организаций. В них насчитывалось, по данным на 1 марта 1940 г., 4126 пионеров и 1075 комсомольцев²⁰.

По данным на октябрь 1940 г., в СССР насчитывалось 48 колоний для несовершеннолетних, из них 31 — в РСФСР²¹.

Общая численность заключенных во всех местах лишения свободы (лагеря, колонии, тюрьмы) в 1936—1940 гг. представлена в табл. 71. Она в 1936—1938 гг. быстро росла, однако, к началу 1940 г. несколько понизилось, что было следствием ослабления репрессивной политики. Особенно это было заметно в тюрьмах, так как за 1939 г. по сравнению с 1937—1938 гг. поступление туда арестованных довольно резко сократилось. Правда, такое положение в тюрьмах сохранялось недолго. Со второй половины 1940 г. там снова стремительно начала расти численность заключенных, что в основном являлось следствием реализации Указа от 26 июня 1940 г. об уголовной ответственности за самовольный уход, прогулы и опоздания на работу. Что касается лагерей, то

ослабление репрессивной политики в 1939 — 1940 гг. (включая досрочное освобождение из лагерей и реабилитацию некоторой части политических заключенных) не смогло переломить тенденции неуклонного роста численности лагерных заключенных.

Ослабление репрессивной политики в 1939 — 1940 гг. выразилось также в довольно резком увеличении оправдательных приговоров лицам, обвиненным в совершении преступлений политического характера (в 1937 — 1938 гг. такие приговоры были крайней редкостью). Например, в январе-марте 1939 г. Ивановский облсуд вынес 32,5% оправдательных приговоров в отношении лиц, обвиненных в контрреволюционных преступлениях, а применительно еще к 28,3% постановил либо прекратить дела, либо направить на следствие или же переквалифицировать на другие статьи УК, Ленинградский облсуд — соответственно 29,4 и 32,0%, Новосибирский — 9,7 и 56,0%, Воронежский — 12,8 и 31,9%, Кировский облсуд — 7,5 и 34,5%²². В общей сложности в 1939 — 1940 гг. в СССР по политическим мотивам всеми судебными и внесудебными органами было осуждено 135695 человек, или почти в 10 раз меньше, чем в 1937 — 1938 гг. Еще более разительным было снижение числа смертных приговоров. В 1939 — 1940 гг. к смертной казни по обвинению в контрреволюционных и других особо опасных государственных преступлениях был приговорен 4201 человек, или в 162,3 раза меньше, чем в 1937 — 1938 гг. (см. табл. 64).

В ноябре 1938 г. общий контингент вольнонаемных сотрудников лагерей, колоний и тюрем составлял примерно 150 тыс. человек, из них начсостав лагерей — 4,5 тыс., сотрудники аппаратов госбезопасности — 3,5 тыс., оперативно-административный состав лагерей — 1,5 тыс., административно-хозяйственный состав лагерей — 20,5 тыс., военизированная охрана лагерей — 60,0 тыс., руководящий и оперативно-административный состав мест заключения (тюрьмы и колонии) — 23,5 тыс., административно-хозяйственный состав тюрем и колоний — 6,5 тыс., начсостав охраны тюрем и колоний — 5,0 тыс. и рядовой надзорсостав тюрем и колоний — 25,0 тыс. человек²³. К этому надо добавить, что часть военизированной охраны лагерей и колоний состояла из самих заключенных. По данным на 1 марта 1940 г., в ИТЛ и ИТК насчитывалось около 107 тыс. человек охраны, из них свыше 12 тыс. — стрелки охраны, подобранные из числа заслуживающих доверия заключенных. Причем до 1940 г. число охранников из самих заключенных в лагерях и колониях было выше (в январе 1939 г. — около 25 тыс. человек)²⁴.

Глава XV.

Депортация населения в 1920—1930-е годы

К числу неизученных проблем российской истории относится и депортация народов в СССР. Открытие для исследователей государственных архивов предоставило возможность обратиться к изучению этой ранее запретной темы.

Историография в основном 1990-х годов заметно обогатилась научными работами по рассматриваемой проблеме. Наряду с публикациями трудов о миграциях населения, депортациях контингентов народов или отдельных групп населения¹, появились публикации источников, помогающие более глубоко изучать миграционно-депортационные процессы в СССР, затем России, связанные с репрессивной национальной политикой в 20—30-е годы в СССР².

Усиление тоталитарного режима обусловило использование в национальной политике таких жестких методов, как депортация (лат. *deportatio* — изгнание, ссылка) целых народов и групп населения. Она рассматривалась в качестве одной из мер по ослаблению конфликтов между властью и народами, в первую очередь, между разными народами — во вторую.

Массовые депортации были развернуты в 30-е годы. Однако известно, что уже в 20-е годы было выслано 45 тыс. терских казаков из 8 станций Терской линии на Украину и в северные районы Европейской России³.

В период «политики раскулачивания» миграционно-депортационные процессы в СССР происходили в русле переселения кулачества. 25 апреля 1935 г. последовал циркуляр Главного управления РК милиции НКВД СССР (№ 70) «Об очистке 22-километровой погранполосы от кулацкого и антисоветского элемента», в котором предписывалось намеченное число выселяемых в первую очередь 3547 семей направить: 1700 — в Таджикистан, 316 семей из Карелии — в Западную Сибирь, остальные — в Казахстан. Отправку выселяемых производили эшелонами⁴. С 1935 г. в течение трех лет все финское население (около 27000 чел.), жившее в приграничных районах, было выселено в Вологодскую область и Коми АССР.

В первой половине 30-х годов продолжалась начатая еще в 20-е годы миграция еврейского населения в СССР. Особенно она активизировалась в связи с подписанием в мае 1934 г. Указа об образовании Еврейской автономной области с населением 7 тыс. чел. За последующие два с половиной года еврейское население в области увеличилось до 23 тыс. человек⁵. Затем поток переселенцев возрастал, что было связано и с посещением области Л. М. Кагано-

вичем (1936 г.), который заявил: «Следует сделать коренной перелом, взять более крупные масштабы переселения, в частности по линии колхозного переселения». Уже в 1936 г. по программе переселения в область, утвержденной СНК СССР, должно было прибыть в область 10000 евреев-переселенцев. Однако отставание жилищного строительства способствовало резкому ослаблению потока переселенцев-евреев в область⁶.

Во второй половине 30-х годов миграционные процессы в СССР были дополнены принудительными депортациями «по государственному заданию» групп населения, принадлежавшего как к русской, так и другим нациям.

Если раньше переселения объяснялись причинами классовой борьбы, господствовавшей идеей Сталина о том, что по мере углубления строительства социализма классовая борьба обостряется, то теперь трактовка переселений по принуждению была иной. Сталин видел в нем одно из средств, якобы способствующих стабилизации обстановки в различных регионах СССР и «ослаблению криминогенной ситуации» в межнациональных отношениях. Депортация групп населения в той обстановке трансформировалась в его политике в депортацию народов. Осуществлялись эти меры Народным комиссариатом внутренних дел Союза ССР (НКВД), который в 1938 г. возглавил Л.Берия, сменивший на этом посту небезызвестного также своими жестокостями наркома Николая Ежова (1936—1938 гг.). Выделялись для этого некоторые средства, издавались специальные постановления.

Уже в январе 1936 г. разрабатывались НКВД СССР (Г.Ягода) меры по переселению из Украинской ССР в Казахстан 15000 хозяйств (45000 чел.)⁷ немцев и поляков. Правительство преследовало двойные цели: как освоение территорий Казахстана, так и освобождение границ на западе страны от «неблагонадежных». Правительство на обеспечение этих мер выделило 64268,3 тыс. руб.⁸

Разработанные меры нашли отражение в принятом 28 апреля 1936 г. СНК СССР постановлении № 776-120 «совершенно секретно» «О выселении с Украинской ССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской ССР 15000 польских и немецких хозяйств», подписанное В.Молотовым и И.Межлауком⁹. Постановление предписывало организовать поселения в Карагандинской области Казахской АССР для польских и немецких семейств, переселяемых из УССР в количестве 15000 хозяйств — 45000 человек, по типу существующих сельскохозяйственных трудопоселков НКВД. Переселяемый контингент не имел права выезда из мест поселений. Жилищно-хозяйственное и коммунально-бытовое строительство, а также сельскохозяйственное устройство контингента было возложено на ГУЛАГ НКВД, которому предписывалось обеспечить все это обустройство, используя «силы и средства самих переселенцев». Этот момент играл на практике большую роль. Вместе с тем в документе оговаривались обязательства, взятые на себя правительством.

За переселяемыми закреплялись необходимые земфонды за счет земель Летовочного, Красноармейского и Тарангульского мясосовхозов системы НКсовхозов в Карагандинской области, производилось внутрихозяйственное землеустройство. Было разрешено НКсовхозов перевести скот Летовочного молмясосовхоза в Красноармейский, Тарангульский молмясосовхозы.

В местах новых поселений предписывалось строительство производственных и жилищных построек. На организацию МТС отпускалось 4500 тыс. рублей, в том числе 2170 тыс. руб. за счет плана капиталовложений НКзема СССР на 1936 г. и 2330 тыс. руб. за счет резервного фонда СНК СССР. НКтяжпром был обязан отгрузить не позднее 1 июля 1936 года для указанных МТС 30 тракторов ЧТЗ, 60 СТЗ, 12 автогрузовых машин ЗИС, 2 автоцистерны, 3 автомашины Пикап, 3 легковых автомашины, 6 локомотивов мощностью 75 и 57 сил со всеми прицепными орудиями и необходимым оборудованием для машинотракторных мастерских.

Предписывалось СНК УССР скот, находящийся в индивидуальном пользовании выселяемых, отправить вместе с выселяемыми в Казахстан. Колхозы были обязаны выделить выселяемым членам колхозов лошадей, приходящихся на их долю.

Постановление возлагало на Наркомздрав и НКпрос РСФСР по принадлежности организацию в поселках, содержание и обслуживание медико-санитарной сети и культурно-воспитательных учреждений, для чего обязывало Наркомздрав и Наркомпрос РСФСР не позднее мая—июня месяцев 1936 года по согласованию с НКВД укомплектовать эти учреждения медицинским и педагогическо-воспитательным персоналом и необходимым оборудованием, пособиями, медикаментами.

Посевы выселяемых единоличников передавались местным колхозам по оценке РайЗО с немедленной уплатой стоимости этих посевов их владельцам. Сельхозартели, организуемые из переселенцев и индивидуальные хозяйства переселенцев освобождались от всех налогов, сборов и поставок государству зерна, картофеля и продуктов животноводства, сроком на 3 года, считая с 1937 года.

Однако даже если бы все эти предписания были полностью соблюдены, это не могло бы возместить морального потрясения и материального ущерба, нанесенных переселенцам.

Что касается поляков, то они отселялись из 800-метровой пограничной зоны на территории сооружавшихся укрепрайонов и полигонов, а также других близрасположенных районов. В первую группу депортированных были включены 35820 поляков, среди них 23334 взрослых людей.

35735 чел. направлялись «по государственному заданию» в Казахскую ССР (Алма-Атинская, Карагандинская, Кокчетавская,

Северо-Казахстанская и Талды-Курганская обл.), немногочисленные группы (от 5 до 15 чел.) — в Российскую Федерацию¹⁰.

1937 год был отмечен также новыми депортационными процессами, связанными с принудительным переселением корейского этноса, находившегося в традиционных (но не исконных) местах проживания. 172000 граждан корейской национальности были перемещены на Запад, опять-таки в Казахстан и Узбекистан, частично в Астраханский округ Волгоградской области. Итоги переселения корейцев подвел наркомвнудел Н.И.Ежов¹¹. Он писал совершенно секретно председателю СНК тов. Молотову В.М., что 25 октября 1937 г. выселение корейцев из ДВК закончено и что всего выселено корейцев 124 эшелона в составе 36442 семьи — 171781 человек. Оставшиеся на ДВК, Камчатке, Охотске спецпоселенцы — всего до 700 человек должны быть вывезены сборным эшелонам к 1 ноября с.г.

Ежов сообщал, что состояние работы КССР и УзССР по размещению и хозяйственному освоению переселенцев было явно неудовлетворительным. Переселенцы были поставлены в весьма тяжелое положение, судя по письму Ежова.

Переселенцы не были обеспечены ни землеустройством, ни ирригацией, ни МТС; ни корейской школьной сетью; ни медицинским и санитарным обслуживанием, ни торговыми точками в районах вселения.

О размещении корейцев в местах переселения можно судить по отчету НКВД Узбекской ССР. По его данным установлено, что советские корейцы численностью 74500 чел. (16397 семей) переселились в Узбекистан в 1937—1938 гг.¹²

Из районов Дальнего Востока перемещались несколько сот тысяч, 11 тыс. китайцев, часть из которых была просто уничтожена, судьба остальных пока не известна. Происходил и приток населения из пограничных районов Китая. Это были русские, ранее мигрировавшие в Китай, а также представители народов, проживавших в пограничных с Китаем районах, но по тем или иным причинам оказавшихся в Китае.

В этом же году миграция групп населения проходила из Закавказья. Она была связана с депортацией 1325 граждан курдской национальности. Из пограничной полосы Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана они переселялись вглубь страны. Как сообщал начальник 4-го отделения МГБ СССР Курочкин, в Киргизскую ССР было направлено 812 чел., в Казахскую ССР — 513¹³.

Наряду с этим в справке о выселении «неблагонадежного элемента в целях усиления охраны государственной границы» назывались и районы, из которых депортировалось население. В Армянской ССР к ним был причислен Метринский, в Азербайджанской — Зангеланский, Джебраильский, Корягинский, Карадолинский, Беясуворский, Астрахан-Бозарский, Зувондский, Астаринский, Моссалинский, Ленкоранский; в Туркменский — Гасан-

Кумейский, Кызыл-Атрекский, Кара-Калинский, Бахарденский, Геок-Тепинский, Ашхабадский, Кушкинский, Техтобазарский, Кызыл-Аяхский, Чершангемский, Керкенский, включая г. Керки; в Узбекской — Мартузский, Молотовабадский, Ворошиловабадский, Бауманабадский, Горхорский, Колхозабадский, Муранбадский, Дашти-Джумский, Кола-и-Хумбский, Вочский, Радшанский, Бортинский, Мурганский, Рошт-Калининский, Миношимский, Вахонский и Мургобадский¹⁴.

Таким образом, в Закавказье и республиках Средней Азии «освобождению от неблагонадежного элемента» подверглись 40 районов. В западных районах Украины и Белоруссии были подготовлены дополнительно к переселению 1329 чел.

В 1938 г. началось переселение из пограничных районов Азербайджана иранцев. По этому поводу Сельхозбанк СССР, через который проводились все расчеты, связанные с переселением народов, сообщал в СНК СССР 19 ноября 1938 г.: «Постановлением СНК СССР от 8 октября 1938 г. № 1084-269 «совершенно секретно» «О переселении иранцев из пограничных районов Азербайджанской ССР в Казахскую ССР» на расходы по организации переселения иранцев (2000 семей — 6000 чел.) и на перевозку их отпущено СНК КазССР — 1262245 руб.¹⁵

Таковы были общие итоги депортаций 1930-х годов. В последующие годы политика депортаций получила дальнейшее развитие.

Глава XVI.

Демографические процессы в 30-е годы

Освещение этой сложной проблемы связано прежде всего с оценкой надежности текущей демографической статистики конца 20-х — первой половины 30-х годов.

После 1917 г., когда произошла коренная ломка существовавшей ранее системы демографического учета, началось интенсивное строительство новых органов регистрации и учета рождений и смерти. Дело продвигалось крайне трудно, но тем не менее к исходу первого десятилетия советской власти в группе регионов, где проживало большинство населения страны, регистрация актов гражданского состояния была налажена достаточно удовлетворительно¹. Однако впоследствии развитие и укрепление системы текущего демографического учета не только останавливается, но начинается обратное движение — надежность и полнота поступающей в центральные органы информации по статистике населения неуклонно снижаются. В докладной записке начальника сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР Каплуна, направленной зам. начальника ЦУНХУ И.А.Кравалю, констатируется: «Начиная с 1930 года отмечается ухудшение дела организации ЗАГС и учета явлений рождаемости и смертности, главным образом в сельских местностях»². К такому выводу пришла и специальная комиссия в составе представителей Госплана, Института экономических исследований Госплана, ЦУНХУ и УНХУ РСФСР, созданная в 1932 г. в связи с разработкой проектирования населения на вторую пятилетку. В отчете комиссии называются и ближайшие причины ухудшения текущего демографического учета: «а) огромнейшая мобильность населения, затрудняющая приведение в соответствие данных о родившихся и умерших с той массой населения, к которой они фактически относятся; б) ослабление руководства загсами со стороны местных исполкомов, выразившееся в отсутствии ответственных лиц в областях и районах, отсутствии инструктажа и подбора работников загс и пр.; в) несвоевременное и неаккуратное снабжение бумагой в достаточном количестве, необходимой для книг ЗАГС»³. Руководитель комиссии Клевцов (ИЭИ Госплана) установил поправки на естественный прирост для 1930 г. в 3% и для 1931 и 1932 гг. в 10%. Представитель же ЦУНХУ счел эти поправки необоснованно завышенными. Нужно подчеркнуть, что речь идет о поправках к цифрам естественного прироста. В пересчете применительно к естественному приросту поправки, сделанные статистиками ЦСУ, выглядят

так: 1927–1928 гг. — 35,3%, 1930–1933 гг. — 52,5%, 1934–1936 гг. — 7,1%.

В 1933 и 1934 гг. качество регистрации рождаемости и смертности продолжает ухудшаться. Одновременно нарастает активность партийных и административных органов по выявлению действительной ситуации (не демографической, а в организации учета), а также в деле поиска виновных в слабом учете движения населения. Разворачивается деятельность многочисленных комиссий (с выездом на места) по проверке демографической отчетности и работы по сбору данных. Ширится поток отчетов, докладных и объяснительных записок в комиссию партконтроля со стороны ЦУНХУ Госплана и НКВД. Именно эти два ведомства были ответственны за точность данных по движению населения: ЦУНХУ как учреждение, обрабатывающее и обобщающее статистику населения, а НКВД — как ведомство, которое непосредственно руководило работой органов ЗАГС. В 1934 г. состояние учета населения по поручению Политбюро проверяла Комиссия советского контроля под руководством Н.А.Вознесенского, в выводах которой резко критиковалось ЦУНХУ. Последнее, в свою очередь, направило председателю Комиссии партконтроля Л.М.Кагановичу и председателю Комиссии совконтроля В.В.Куйбышеву «Пояснения к докладной записке тов. Вознесенского «О статистике народонаселения», в которых доказывало, что «основной причиной недостатков в постановке регистрации... является полная беспризорность этого дела со стороны как местных органов... так и общих отделов крайисполкомов, ЦИКов союзных республик, а не постановка этого дела в ЦУНХУ»⁴. В 1935 г. Комиссия партконтроля вновь занимается этим вопросом. На этот раз выводы комиссии ее председатель Н.И.Ежов направляет И.В.Сталину. Докладная записка озаглавлена уже более целенаправленно: «О работе ЦУНХУ СССР в области учета населения». Текст ее свидетельствует о появившихся тревожных предчувствиях в связи с предстоящей переписью населения, проведение которой планировалось в то время на 1936 г. По содержанию своему докладная записка лишь в малой степени касается статистико-демографических сюжетов. Ее основной пафос заключается в том, что «секция по учету населения в самом аппарате ЦУНХУ ни в какой мере не обеспечена ни подготовленными коммунистами, ни проверенными специалистами»⁵, а потому, «прозорливо» подчеркивают авторы записки Гроссман и Нестеровский, «важнейшее дело подготовки переписи населения 1936 г. находится в руках чуждых людей...»⁶ Относительно непосредственно учета движения населения отмечается, что в целом по стране вне системы регистрации остаются 15–20% населения, а в некоторых областях учетом охвачено 50–70%⁷.

Абсолютно ясно отсюда, что при исчислении динамики народонаселения по данному периоду совершенно необходимо вносить в статистику ЦУНХУ поправки на недоучет.

Группа статистиков, сотрудников НИИ Комитета по статистике РФ, представила в печати результаты проделанных ими расчетов с учетом сведений «опальной» переписи 1937 г. Их расчеты представляются нам наиболее основательными⁸. В их трудоемкой работе использованы не только итоги переписи 1937 г., но и значительный массив загосковой статистики начала 30-х годов, поэтому важно подробно рассмотреть методическую основу проведенных расчетов.

Источниковая база исчисления Е.М.Андреева, Л.Е.Дарского и Т.Л.Харьковой представляет собой весьма неоднородный материал. В него входит возрастнополовая структура населения страны по данным переписей 1926 и 1937 гг., таблицы смертности 1926—1927 гг. и 1938—1939 гг., данные текущей демографической статистики по рождаемости и смертности, сведения по внешней миграции, полученные по результатам обследования 1960 г., повозрастные коэффициенты рождаемости по отдельным поколениям женщин для периода 1927—1937 гг.

Избранная методика расчетов учитывает все традиционные требования демографической статистики, предъявляемые к вычислениям подобного рода. Прежде всего было проведено сбалансирование естественного прироста населения за межпереписной период (1927—1937 гг.). В процессе балансировки строились динамические ряды рождаемости и смертности за каждый год рассматриваемого периода. Необходимо отметить, что сбалансирование проводилось не только по общей численности населения, зафиксированного каждой из переписей, но и по численностям каждого поколения на начало 1927 и 1937 гг. На последнем этапе расчетов были подключены материалы переписи 1937 г. и сведения о движении населения за 1937—1939 гг., которые потребовали дополнительных корректировок ранее полученных результатов. Итоги вычислений выразились в оценках численности, рождаемости, смертности и естественного прироста (в абсолютных значениях) населения СССР в 1927—1940 гг., а также в оценках численности населения страны по пятилетним возрастным группам (раздельно для мужчин и для женщин) на каждый год этого же периода⁹. Основная трудность, с которой столкнулись авторы расчетов, заключалась в отсутствии достаточно полной и достоверной ежегодной статистики рождаемости и смертности. В силу этого авторы расчетов были вынуждены вводить свои поправки к имеющимся в их распоряжении данным текущей демографической статистики. Авторы вполне логично попытались внести поправки двух типов: поправку на неполный охват учетом территорий СССР и поправку на неполноту собственно учета. Размер суммарной поправки колеблется для различных годов рассматриваемого периода и имеет следующий вид (в процентах к данным источника)¹⁰:

Период	Поправка на неполноту учета	
	рождения	смерти
1927 — 1929	23,8	59,7
1930 — 1933	41,5	93,5
1934 — 1936	16,4	23,5

Авторы приведенных данных, хорошо знакомые с состоянием источниковой базы по текущей статистике населения 30-х годов, пришли к необходимости введения исключительно высоких поправок к исходным материалам. Впрочем, коррективы к статистике смертности за 1927 — 1928 и особенно за 1930 — 1933 гг. трудно назвать поправками в обычном понимании слова — поправки в 60 и 94% практически означают отсутствие источника или же оценку его как фактически недостоверного. Исходные данные ЦУНХУ в свете принятых поправок представляют интерес разве что для историков отечественной статистики. Представляется вполне оправданным, что величина поправок определялась с помощью передвижек населения по возрастам и стыковки соответствующих возрастных групп на 1937 и 1939 гг. Правда, в этом случае результат процедуры (т.е. величина поправок) в весьма значительной степени зависит от точности выравнивания возрастных структур — устранения эффекта возрастной аккумуляции в возрастных пирамидах переписей 1937 и 1939 гг. Авторы не упомянули о проведении сглаживания, однако мы полагаем, это было сделано. В целом же нужно еще раз отметить, что методические основы рассматриваемого исчисления представляются достаточно прочными.

В конечном итоге Андреев, Дарский и Харькова определили следующие основные динамические характеристики населения страны за период 1927 — 1940 гг.

Таблица 71*

**Естественное движение населения в 1927—1940 гг.
(тыс. чел.)**

Годы	Население на начало года	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост	
				асб.	на 1000 чел.
1	2	3	4	5	6
1927	148656	6950	3984	2965	
1928	151622	6944	3878	3066	20,4
1929	154687	6876	4132	2745	17,9
1930	157432	6694	4284	2410	15,4
1931	159841	6510	4501	2009	12,7
1932	161851	5837	4786	1051	6,5

1	2	3	4	5	6
1933	162902	5545	11450	-5905	-36,6
1934	156797	4780	3410	1369	8,6
1935	158167	5249	3282	1967	12,5
1936	160134	5589	3223	2366	14,9
1937	162500	6549	3557	2992	18,5
1938	165492	6516	3483	3003	18,5
1939	188794	7634	3829	3805	21,5
1940	192598	6999	4205	2794	14,7

* См. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Опыт оценки численности населения СССР. 1926—1941 гг. (Краткие результаты исследования // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 34—46.

Согласно итогам исчисления, население СССР после переписи 1926 г. возросло до 1933 г., в котором произошло резкое снижение его численности почти на 6 млн чел. Последующий постепенный рост населения позволил достичь уровня 1932 г. лишь спустя 5 лет, после 1937 г. Динамика естественного прироста показывает, что он начал после 1928 г. снижаться, став отрицательным в 1933 г., а затем последовательно увеличивался к 1938 г. до начального уровня (1928 г.)¹¹. Более рельефно динамика движения населения отражается в коэффициентах естественного прироста:

Таблица 72*

Естественный прирост населения в 1928—1940 гг. на 1000 чел.

Год	Прирост	Год	Прирост	Год	Прирост
1928	20,4	1933	-36,5	1938	18,5
1929	17,9	1934	8,6	1939	21,5
1930	15,4	1935	12,5	1940	14,7
1931	12,7	1936	14,9		
1932	6,5	1937	18,5		

* История статистики. М., 1990. Вып. 3—4. Ч. 1. С. 81.

В целом динамика коэффициента прироста отражает те же тенденции, что демонстрируют абсолютные величины прироста, но с определенными уточнениями. В 1932 г. обнаруживается резкий спад темпов прироста — в 2 раза сравнительно с предыдущим годом. В 1935 г. происходит скачкообразное, такой же величины повышение прироста, а уровень динамики 1928 г. достигает

ся в 1939 г. Таким образом, центральным демографическим событием 1930-х годов становятся катастрофические потери населения в 1933 г.

Широко известна основная причина катастрофы — голод 1932 года.

Эпицентром демографической катастрофы 1933 г. была Украина. В рабочей записке «Материалы к итогам естественного движения населения за 1933 год», подписанной начальником сектора населения и здравоохранения Каплуном, отмечается, что «из общего отрицательного прироста в 1109 тыс. на Украину падает 950 тыс., или 87,5%¹². Сразу подчеркнем, что Каплун оперирует цифрами заведомо неполными, о чем он сам и говорит, характеризуя исходный материал. Цифра потерь населения за 1933 г., приводимая ЦУНХУ, в 5 раз меньше оценки, исчисленной группой сотрудников ЦСУ — 5905 тыс. чел. Однако есть все же основания полагать, что процентные соотношения и с предыдущими годами в «Материалах...» Каплуна верно отражают характер распределения потерь.

Итак, прирост населения Украины по сравнению с 1932 г. уменьшился на 1064 тыс. чел. за счет увеличения смертности на 641 тыс. чел. и снижения рождаемости на 423 тыс., причем 80,9% смертности и 85,2% снижения прироста приходятся на сельские местности¹³. Последние цифры отражают не столько преобладание сельского населения в республике, сколько то обстоятельство, что наибольшую тяжесть голода несло на себе село. Город также потерял население, но в меньшей степени. Приоритеты индустриализации, глубинное отношение (если не сложившееся уже) к казачеству недвусмысленно проявились в демографических параметрах, за которыми стояла разница в снабжении продовольствием, медицинской помощью и т.п. Посмотрим на сопоставимые показатели. Коэффициент смертности в сельских местностях Украины составил 50,5%, отрицательный прирост достиг 46,4%. По крупным индустриальным городам (группа А) эти же показатели давали величины соответственно 30,6 и 14,7%. Малые индустриальные города (группа Б) по этим коэффициентам занимают в 1933 г. промежуточное положение между селом и крупными городами: 51,7 по смертности и 39,3 отрицательного прироста¹⁴.

Демографические потери Украины оказались настолько велики даже по заниженной официальной статистике, что ЦУНХУ даже попыталось проверить полученные данные — хотя бы в общих чертах, хотя бы как феномен неожиданных потерь — по другим источникам. Сопоставление полученной демографической статистики со сведениями сельскохозяйственного налогового учета за 1932 и 1933 гг. однозначно подтвердило резкое уменьшение населения республики, которое никак невозможно было объяснить только миграциями из села в город или другие регионы страны.

Отрицательный прирост населения в 1933 г. был зафиксирован не только на Украине. Россия тоже понесла потери, но в меньшей степени. И.А.Краваль в уже упоминавшейся записке показывает уменьшение населения РСФСР в 229 тыс. чел. Потери, по данным ЦУНХУ, дали следующие регионы: Северный Кавказ (убыль в 180 тыс. чел.), Нижне-Волжский край (103,8 тыс.), Центрально-Черноземная область (63,2 тыс.) и Урал (30,5 тыс.)¹⁵. Точных данных о потерях в Казахской АССР в 1933 г. нет (см. гл. XII). По стране в целом помесячные цифры смертности за 1933 г. имеют ту же динамику, что и на Украине, то есть недостаток продовольствия также явился важнейшей причиной убыли населения. Но структура убыли в России была в целом существенно иной. Если на Украине в отрицательном приросте основной составляющей, как отмечено выше, была огромная смертность, то по РСФСР главный вклад в убыль — 70% — внесло снижение рождаемости. В отношении населения городов наблюдается картина, аналогичная украинской. Крупные индустриальные города показали уменьшение населения в 10,5 промилле (т.е. на тыс. чел. населения), малые индустриальные («комбинированные») — 22,1, по неиндустриальным городам коэффициент отрицательного прироста составил 39,8¹⁶. Однако конкретная структура потерь (снижение рождаемости) убеждает в том, что в снижении прироста в городах играет значительную роль фактор, хорошо известный по демографической истории всех развитых стран — снижение рождаемости как следствие урбанизации.

Таким образом, Украина и пять регионов России определили катастрофическую убыль населения всей страны в 1933 г. и оказали преобладающее влияние на последующую динамику общесоюзных показателей естественного движения населения. Вклад в демографическую ситуацию большинства других регионов в целом совпадал (значительно варьируя в объемах) с общесоюзными тенденциями. Например, Западная область после 1927 г. показывала почти постоянное снижение естественного прироста, как это явствует из записки ОблУНХУ «О состоянии воспроизводства населения Западной области»¹⁷ (приводятся коэффициенты прироста):

Год	Прирост	Год	Прирост	Год	Прирост	Год	Прирост
1927	24,2	1929	16,9	1931	19,1	1933	9,3
1928	21,4	1930	19,2	1932	15,6	1934	0,2

Значительную роль в динамике народонаселения играла форсированная индустриализация страны. Огромные массы населения, в подавляющем большинстве сельского, были сорваны со своих мест и переброшены в другие регионы. На селе уменьшилось количество молодых и физически крепких мужчин и жен-

щин, что снизило контингент сельского населения детородных возрастов. Эти люди попадали большей частью на новостройки, где приходилось жить достаточно долгое время в палатках и бараках. Новая среда обитания с совершенно неустроенным бытом, с ненормальным (для воспроизводства населения) соотношением мужчин и женщин, определявшимся исключительно нуждами стройки или характером производства, при массовом отсутствии сносного жилья, перемена всего жизненного уклада никак не способствовали созданию нормальной семьи. Все это вело к падению рождаемости на селе и в городе. Заметим, что даже при благоприятных условиях жизни в городе снижение рождаемости является неминуемым следствием урбанизационных процессов.

В условиях интенсивного строительства — не городов, а новых индустриальных объектов, при запущенности социальной сферы резко снизился уровень санитарного и гигиенического состояния населения. В создавшейся ситуации совершенно неизбежным было повышение заболеваемости. Медицинская статистика начала 1930-х годов констатирует возникновение эпидемий, по масштабам своим сопоставимых с эпидемиями начала 20-х. Известный эпидемиолог О.В.Бароян в обширной работе ретроспективного характера «Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР...» приводит данные, хотя и не абсолютно точные, по распространенности ряда болезней¹⁸. Рассмотрим их динамику.

Пик заболеваемости натуральной оспой за всю послеоктябрьскую историю страны пришелся на 1919 г. — эпидемией было охвачено 186,8 тыс. чел. Затем последовал спад эпидемии, и в год лодном 1922 г. заболеваемость снизилась до 70 тыс., в 1930 г. — до 6 тыс. С 1931 г. начался рост заболеваемости с пиком в 1932 г. в 60 тыс. чел. Оспа практически исчезла в 1936 г.

Свиерепствовавший в начале 20-х годов сыпной тиф в 1929 г. имел минимальную распространенность, а к 1933 г. эпидемия достигла размера в 850 тыс. чел. До уровня 1929 г. эпидемия снизилась в 1940 г.

Заболеваемость малярией в 30-х годах достигла масштабов, невиданных ни в предыдущие времена, ни позднее. Рост ее начался в 1933 г., превысив 8,5 млн. чел., а в 1934 г. эпидемией уже было охвачено 9477 тыс. чел. Затем происходит медленный спад (в 1935 г. — 9023 тыс. и т.д.) к 1940 г.

С 1929 г. начинает шириться эпидемия дифтерии. В пиковые 1934—1935 гг. заболеваемость ею превышает 200 тыс. чел. ежегодно.

Практически повторяет динамику перечисленных заболеваний брюшной тиф: начало подъема в 1929 г., максимальная заболеваемость в 1932 г. (300 тыс. чел.) и спад к 1935 г.

Среди факторов, оказывавших непосредственное влияние на демографические процессы, следует назвать, разумеется, массовые репрессии 30-х годов¹⁹. В эти годы миллионы людей, находившихся в лагерях и тюрьмах, были исключены из процесса воспро-

изводства населения. Судя по некоторым материалам относительно смертности в лагерях, даже сам НКВД не знал ее истинных размеров. Существует свидетельство того, что перед проведением демографической переписи 1937 г. НКВД затребовал из ЦУНХУ для спецпереписи 4 млн бланков и вернул заполненных только 2 млн.

Перечисленные факторы являются основными, определявшими ход демографических процессов в 1930-е годы. Конечно, не все из них были самостоятельными и независимыми, их влияние переплеталось, однако ясно, что в основе демографических катаклизмов этого десятилетия лежат политические решения и их социальные и экономические последствия.

Глава XVII.

Население России в 1930-е годы: демографическая характеристика

Изменения в численности населения в 30-е годы

При определении численности населения СССР и России в 1930-е годы опорными служат данные переписей 1937 и 1939 гг., проводившихся в наисложнейших условиях. Как известно, перепись 1937 г. насчитала в СССР 162, а в Российской Федерации — 104 млн человек. Этот результат расходился с официальными прогнозами Госплана СССР, по которым численность населения Союза к 1937 г. должна была составить 180 млн человек, а к 1939 г. — 183 млн. В основу этого прогноза был положен высокий прирост населения в середине 20-х годов и идея о «расширенном воспроизводстве населения в условиях социализма». Опираясь на этот прогноз, И. Сталин в речи на XVII съезде ВКП(б) назвал цифру численности населения СССР — 168 млн человек (на конец 1933 г.). Зафиксирован был прогноз Госплана и во втором пятилетнем плане.

В секретном письме П.И. Попова на имя Сталина и Молотова говорилось, что Госплан и ЦУНХУ считали, «что закон населения социалистического хозяйства в период первой пятилетки — это закон стабилизации темпов на сравнительно высоком уровне — 2,2—2,3% (в Америке — 0,9, в Японии — 1,2, в Италии — 0,85). Закон населения для второй пятилетки — это закон по сравнению с первой пятилеткой суживающейся спирали возрастания населения... Темпы возрастания населения за вторую пятилетку установлены в среднем 1,82%»¹.

Итак, ежегодный прирост населения на вторую пятилетку был исчислен примерно в 3 млн чел. За точку отсчета на этот раз был взят уровень рождаемости 1932 г. Отсюда и получился более низкий коэффициент прироста.

В ЦУНХУ, в отличие от Госплана, коэффициент прироста населения несколько корректировался. Видимо, сотрудники ЦУНХУ стремились учесть данные текущего учета населения. Во всяком случае в прогнозах ЦУНХУ прирост населения от 1932 к 1933 г. начал заметно снижаться: если от 1931 к 1932 г. он составлял 102,2%, то от 1932 к 1933 г. — 101,4%². А по расчетам Госплана падение прироста населения в эти годы еще не происходило. И в Госплане, и особенно в ЦУНХУ не могли не знать, что прирост населения на самом деле падает, и поэтому во второй пятилетке, хотя и нерешительно, но прогноз начали снижать, но

лишь в ЦУНХУ. Однако коренным образом этот вопрос не решило и ЦУНХУ. Несмотря на коррективы, эти данные в ЦУНХУ были сильно завышены. В период второй пятилетки, учитывая людские потери, не могло быть и не было указанного прироста населения, тем более что ряд лет характеризовался низким и даже отрицательным приростом населения. Так, согласно составленным в конце 30-х годов в ЦУНХУ таблицам (по архивным материалам) на 1933 г. показан отрицательный естественный прирост. Другими словами, в результате превышения уровня смертности над уровнем рождаемости убыль населения в 1933 г. составила примерно 1,6 млн чел. Следующий, 1934 г. хотя и дал положительный прирост населения, но всего в 0,8 млн. Ни в 1935, ни в 1936 г. не было прироста населения в 3 млн человек³.

Конечно, эти данные ЦУНХУ неполно отражали потери населения. К этой мысли приводит тот факт, что данные в архивных таблицах завышены: на 1937 г. указана цифра в 165,9 млн чел. Но даже и по этим несколько скорректированным данным динамика численности населения СССР выглядит следующим образом⁴:

на январь 1927 г.	147 027,9 тыс. человек
1928 г.	149 989,2
1929 г.	153 249,7
1930 г.	155 995,8
1931 г.	158 361,0
1932 г.	160 444,5
1933 г.	162 049,0
1934 г.	160 465,2
1935 г.	161 272,2
1936 г.	163 512,8
1937 г.	165 868,1

Как видно из этих данных, прогноз и архивные материалы заметно расходятся, фиксируя убыль населения на ряд лет, которая в действительности была гораздо более значительной.

Таким образом, в плановых органах начали осознавать, что прогноз по численности населения в 180 млн не реален. Но в этих условиях важно было набрать цифру, которая бы была выше той, которую назвал вождь на съезде партии, и таким образом скрыть потери населения. Отсюда введение с 1936 г. запрета на аборты, который дал временно, на ближайшие годы повышение рождаемости. Но к началу 1937 г. этот результат еще не мог сказаться в полной мере.

К тому же в 1935—1937 гг. резко возрос уровень детской смертности в связи с эпидемиями кори и скарлатины, а также вследствие повышения смертности в июле 1936 г. от желудочно-кишечных заболеваний (энтерит, диаррея, колит, дизентерия). В

результате в ряде районов России — Ярославской обл., Горьковской, Ивановской, Калининской и др., а также Ленинградской и Московской обл. — в летние месяцы 1936 г. имело место превышение смертности над рождаемостью. Так, в августе 1936 г. в Горьковском крае было зафиксировано на 16,5 тыс. рождений 23,5 тыс. смертей, в Свердловской области на 14,4 тыс. рождений — 19,2 тыс. смертей, в Калининской области — на 7 тыс. рождений 8,8 тыс. смертей, в Ленинградской обл. — на 14,6 тыс. рождений 16,3 тыс. смертей и т.д. В июне 1936 г. в Северном крае на 7,5 тыс. рождений приходилось 11,7 тыс. смертей, в Ярославской области — соответственно 5,7 и 7,9 и т.д.⁵

Главной причиной низкого прироста населения и его убыли были людские потери. Однако признавать ошибки в прогнозах правительство не собиралось. Между тем перепись уже по своим предварительным итогам содержала весьма тревожные данные. Эти данные были сообщены правительству И.А.Кравалем в январе 1937 г. (табл. 73)⁶. Без населения, переписанного НКВД и НКО, и без пассажиров поездов и пароходов перепись насчитала 156 млн чел. на территории СССР, а в РСФСР — 101 млн.

В этом письме Краваль сообщает о мерах, принятых ЦУНХУ для проверки данных переписи, особенно по областям, давшим отрицательные показатели динамики населения по сравнению с 1926 г.

Таблица 73*

**Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г.
(по срочным донесениям)**

Территория	Население по переписи 1926 г.	Население по переписи 1937 г.	1937 г. по отношению к 1926 г., принятому за 100
1	2	3	4
I. РСФСР			
1. Северная обл.	2145,1	2430,4	113,3
2. Коми АССР	224,7	258,4	114,9
3. Карельская АССР	267,0	408,7	153,1
4. Ленинградская обл. в том числе: г. Ленинград	5010,8 1560,1	6637,7 2921,9	132,5 187,3
5. Калининская обл.	3487,5	3143,6	90,1
6. Западная обл.	5012,8	4625,6	92,3
7. Московская обл. (не включая Москву) г. Москва	6685,4 1995,3	7894,6 3718,0	118,1 186,3
8. Ярославская обл.	2109,9	2110,9	100,0
9. Ивановская обл.	2211,5	2483,0	112,3

1	2	3	4
10. Горьковская обл.	3025,8	3658,7	120,9
11. Чувашская АССР	889,0	1013,9	114,1
12. Марийская АССР	488,1	558,8	114,5
13. Кировская обл.	2387,5	2345,5	98,2
14. Удмуртская АССР	791,5	930,8	117,6
15. Татарская АССР	2585,0	2709,5	104,8
16. Куйбышевская обл.	4281,3	3892,9	90,9
17. Мордовская АССР	1260,1	1149,4	91,2
18. Воронежская обл.	6216,4	6039,7	97,2
19. Курская обл.	4864,7	4.132,9	85,0
20. Крымская АССР	698,4	974,2	139,5
21. Азово-Черноморский край	5643,2	5544,9	98,3
в том числе Адыгейская АО	221,7	220,7	99,6
22. Северо-Кавказский край	1704,9	1561,3	91,6
в том числе			
Карачаевская АО	94,0	1137,4	146,1
Черкесская АО	66,4	79,9	120,3
23. Дагестанская АССР	787,4	994,3	126,3
24. Чечено-Ингушская АССР	510,1	615,5	127,7
25. Северо-Осетинская АССР	226,0	304,0	134,5
26. Кабардино-Балкарская АССР	230,9	323,8	140,2
27. Калмыцкая АССР	161,2	187,3	116,2
28. Сталинградская обл.	2163,7	2185,1	110,0
29. Немцев Поволжья АССР	571,4	483,6	84,6
30. Саратовская обл.	2450,5	1853,6	75,6
31. Оренбургская обл.	1492,2	1529,2	102,5
32. Башкирская АССР	2545,2	2913,5	114,5
33. Челябинская обл.	2564,0	2651,2	103,4
34. Свердловская обл.	3151,9	3985,5	126,4
35. Омская обл. (без районов Крайнего Севера)	2076,0	2166,5	108,0
36. Западно-Сибирский край	5359,5	6188,8	115,5
в том числе Ойротская АО	106,5	150,2	141,0

1	2	3	4
37. Красноярский край (без Крайнего Севера) в том числе Хакасская АО	1420,3 115,6	1692,4 226,1	118,9 195,5
38. Восточно-Сибирская обл.	1327,9	1757,3	132,3
39. Бурят-Монгольская АССР	526,7	624,6	118,5
40. Д В К	1273,4	1977,2	155,3
41. Якутская АССР	283,5	323,7	114,2
II. УССР в том числе:	28926,0	28000,0	96,8
Винницкая обл.	4358,5	3877,4	89,0
Киевская обл.	5800,9	4997,9	86,2
Черниговская обл.	2784,3	2500,0	89,8
Харьковская обл.	5722,7	4983,0	87,1
Донецкая обл.	2963,0	4528,3	152,8
Днепропетровская обл.	3483,7	3671,2	105,4
Одесская обл.	3244,6	2876,8	88,7
Молдавская АССР	567,6	565,6	99,6
III. БССР	4925,8	5110,6	103,8
IV. Азербайджанская ССР	2301,9	2953,3	128,3
V. Грузинская ССР	2652,6	3320,3	125,2
VI. Армянская ССР	872,8	1193,9	136,7
VII. Узбекская ССР в том числе Каракалпак- ская АССР	4539,0 335,2	5691,3 424,1	125,4 126,5
VIII. Туркменская ССР	983,8	1135,4	115,4
IX. Таджикская ССР	1026,8	1355,8	132,0
X. Казахская ССР	6078,6	4820,0	79,3
XI. Киргизская ССР	998,3	1306,3	130,5
Итого:	146413,3	155903,4	
Кроме того, переписан- ные в особом порядке	614,6	6006,6	
Всего по СССР	147027,9	162000,0	110,2

* РГАЭ. Ф. 1652. Оп. 329. Д. 143. Л. 21–23.

** Без населения, переписанного НКО, НКВД и пассажиров поездов и пароходов.

Однако полученные данные по этой проверке по 115 сельсоветам показали, что было пропущено при переписи всего 10 чело-

век. Сохранившиеся в архивах материалы свидетельствовали о высокой точности учета населения в переписи. Так, в Свердловской обл. в результате контрольного обхода общий итог повысился всего на 0,3%, в Кунцевском районе Московской области непереписанных не было обнаружено вовсе, в Челябинской области не прошли перепись единицы среди респондентов и т.д.⁷

В итоге в середине марта 1937 г., после получения сведений от НКВД и НКАО, И.А.Краваль послал Сталину и Молотову письмо о предварительных итогах переписи 1937 г., которые сохранились в архивах⁸.

По сравнению с переписью 1926 г. численность населения в СССР увеличилась на 15 млн человек, или в среднем на 1% в год. Как видно из приведенных Кравалем данных, динамика населения различных республик, районов и областей страны была далеко не одинакова. Сразу обращают на себя внимание неблагоприятные показатели естественного движения населения на Украине и в Казахстане. Кроме того, хотя и в несколько меньшей степени, но эти тенденции характерны для таких районов России, как Саратовская и Курская обл., Северо-Кавказский край и др.⁹ Стремясь объяснить причины убыли населения в этих районах, Краваль выделяет пять групп территорий в соответствии с основными тенденциями развития населения:

1 группа — области с высокоразвитой и быстроразвивавшейся в истекшем десятилетии индустрией: Московская, Донецкая, Ленинградская, ДВК, Восточно-Сибирская, Свердловская и др. Эти области дают весьма высокие показатели роста населения за десять лет: Московская (+37,9%), Донецкая (+54,5%), Ленинградская (+36,3%), ДВК (+93,2%), Восточно-Сибирская (+42,9%), Свердловская (+30,9%), Горьковская (+21,7%). Для всех этих областей характерно огромное увеличение городского населения при невысоком росте или даже некотором сокращении сельского населения.

2 группа — национальные республики и области. Все они, за исключением Казахстана, отличаются большим приростом населения как за счет естественного прироста, так и за счет притока извне: Узбекская ССР (+28,8%), Таджикская ССР (+34,6%), Туркменская ССР (18,8%), Киргизская ССР (+37,2%), Азербайджанская ССР (+32,8%), Армянская ССР (+38,6%), Грузинская ССР (+27,3%), Дагестанская АССР (+28,3%), Карелия (+92,0%) и т.д.

3 группа — области бывшей потребляющей полосы с большим отходом населения, питавшие первые две группы. Сюда относятся: Калининская область, Западная, отчасти Ярославская, Кировская, БССР и т.д.

4 группа — области с коэффициентом прироста, близким к среднему, и относительно небольшим салдо механического движения населения. В эту группу входят: Ивановская область (+13,9%), Омская область (+12,3%) и т.д.

5 группа — области в основном сельскохозяйственные с неблагоприятными показателями естественного движения населения и относительно большим по сравнению с другими областями процентом выселенных за пределы области кулацких элементов. Сюда относятся сельскохозяйственные области Украины (кроме Донбасса), Казахстан, Курская область, Саратовская область, АССР Немцев Поволжья, Куйбышевская область, Азово-Черноморский край, русские районы Северо-Кавказского края, отчасти Воронежская и Сталинградская области¹⁰.

Среди причин, обусловивших неблагоприятные показатели естественного движения населения в ряде республик, областей и районов страны, Краваль называет лишь переселения раскулаченных, ни словом не упоминая ни о голоде, ни о смертности среди заключенных. Более подробный и интересный анализ этих причин дает другой документ, написанный почти одновременно с запиской Кравалья. Это докладная записка о естественном движении населения в период между двумя переписями — 17/XII-1926 г. и 6/I-1937 г.¹¹ Автором ее был зам. начальника отдела населения и здравоохранения М.В.Курман. Документ датирован 14 марта 1937 г. Вслед за Кравалем Курман высоко оценивает точность переписи 1937 г. и считает, что недоучет населения мог составить лишь 0,5—0,6%, или 1 млн человек. Главная цель записки — объяснить, почему перепись 1937 г. не добрала 8 млн человек до 170 млн, ожидаемых по самым скромным прогнозам. Заметим, что о 180 прогнозируемых когда-то миллионах уже не упоминалось.

Ценность этого документа, хотя он и имеет конъюнктурный характер, состоит главным образом в том, что он дает возможность хотя бы приблизительно судить о массовых потерях населения в первой половине 30-х годов. Курман шире и глубже, чем Краваль, освещает причины убыли населения в ряде районов страны.

Прежде всего он обращает внимание на уход населения из Казахской ССР за пределы страны в связи с коллективизацией и раскулачиванием. По его подсчетам, за 1930—1932 гг. за пределы Казахстана ушло 1,3 млн человек, а с учетом такой же эмиграции из Туркмении и Таджикистана — около 2 млн человек. Думается, что эта цифра занижена. Кроме того, убыль населения связана не только с эмиграцией, но и с гибелью масс населения в связи с насильственной коллективизацией, которая там вызвала сопротивление. Высокая смертность была и среди тех, кто добирался до границы и погиб в пути. Не случайно Курман пишет лишь об уходе населения, не касаясь в данном случае смертности.

Курман не видит противоречий между своими рассуждениями об убыли населения в Таджикистане и Туркмении и природе населения в этих двух республиках за период между переписями 1926 и 1937 гг. в темпах выше среднего, поскольку, замечает он, в эти районы осуществлялась усиленная миграция из других рай-

онов страны на новостройки и т.д. Под уклончивым «и т.д.» имеются в виду, по всей вероятности, места заключения, которых там было немало, как мы увидим далее по спецпереписям.

Во-вторых, он отмечает, что перепись 1926 г. в связи с особенностями ее организации (в сельской местности она продолжалась 15–20 дней, а в городе — 7 дней) допустила в переписи населения переучет.

В течение столь длительного времени в связи с миграцией населения из города в село и обратно многие могли быть переписаны дважды. Переучет, по его подсчетам, составил 1,5 млн человек.

В-третьих, в связи с тем, что перепись 1937 г. была однодневной, возможный недоучет населения в среднем по СССР составил около 1 млн чел. Итого уже 4,5 млн чел. Оставшиеся 3,5 млн чел. целиком, по его мнению, можно отнести за счет недоучета ЗАГСами смертности за истекшее десятилетие. «Ряд специальных обследований с выездом на места показали, что на Украине, в Азово-Черноморском крае, Саратовском и Сталинградском крае, Курской и Воронежской областях имело место значительное количество случаев смертей, не записанных в книгах ЗАГС».

Курман указывает, хотя и не называет причин, что большая часть смертей падает на 1933 г. Прямо о жертвах голода он здесь не говорит, но ссылается на проведенные им самим подсчеты. По его предположению, в том году не было зарегистрировано 1 млн смертей, а зарегистрированных насчитывалось по загсовскому учету 5,7 млн, то есть всего, и учтенных и неучтенных, в 1933 г. умерло 6,7 млн чел. А обычно, в спокойные годы (с 1927 по 1931) среднегодовая смертность составляла приблизительно 2,6 млн чел. Учитывая этот среднегодовой показатель, можно сказать, что остальные 4,1 млн чел. в 1933 г. умерли от голода и других бедствий. К тому же уже нарастала волна репрессий с массовыми расстрелами.

Однако цифра, вытекающая из расчетов Курмана (4,1 млн), также занижена, поскольку, по подсчетам современных ученых, жертв тогда было намного больше. С.В.Кульчицкий по одной Украине умерших от голода в 1933 г. насчитал от 3 до 3,5 млн, а В.В.Кондрашин по Поволжью — еще 0,4 млн. По остальным территориям такие подсчеты еще не произведены. Другой исследователь последствий голода на Украине, А.Л.Перковский, считает, что погибших было не меньше 5 млн чел.¹² Проблема эта нуждается в дальнейших исследованиях. Большая часть смертей не была зарегистрирована.

Далее Курман предполагает, что умершие в местах заключения, среди спецпереселенцев, в концлагерях и проч. (за десять лет между переписями), регистрация которых не попадала в гражданскую, составили не менее 1–1,5 млн человек.

Опять-таки эта цифра, очевидно, преуменьшена. Только в лагерях ГУЛАГа, не считая тюрем, спецпоселений, колоний и т.д.,

по нашим расчетам на основе данных архива ГУЛАГ, предоставленных в наше распоряжение В.Н.Земсковым, за период с 1930 по 1936 г. выбывшие (бежавшие, освобожденные, но главным образом умершие) насчитывали 1700 тыс. человек, а ведь пик репрессий еще не наступил. Именно в 1937 г. в наполнении лагерей произошел скачок и оно составило 0,8 млн чел. на 1 января, а в 1939 г. на 11 января заключенных было уже 1,3 млн, тогда как в 1931 г. количество их не превышало 190 тыс.¹³

Если же учесть смертность во всех местах заключения, то она, очевидно, превысит названные Курманом 1–1,5 млн чел. В настоящее время мы, к сожалению, не имеем точных сведений.

Подводя итоги сказанному, можно констатировать, что на сегодняшний день мы имеем следующие приблизительные данные об избыточной смертности населения за период между переписями (1926–1937 гг.). На основании расчетов Курмана — это около 7,5 тыс. человек. Он допускает, что за 9 лет между переписями (исключая 1933 и 1935 гг.) было недоучтено ЗАГСами примерно 1–1,5 млн человек; с учетом расчетов С.В.Кульчицкого — 9 млн, А.Л.Перковского — 10,5 млн, В.В.Цаплина — 8,6 млн.

С нашей точки зрения, уже сегодня можно сказать, что жертв было больше. Нельзя не учитывать здесь такого документа, как докладная записка начальника Казахского нархозучета М.С.Саматова от 14 января 1937 г.¹⁴, в которой он сообщает, что сельское население Казахстана за период с 1 июля 1930 г. по 1 июня 1933 г. уменьшилось на 3379,5 тыс. чел. Впоследствии оно начало несколько увеличиваться, и к 1 июня 1936 г. убыль населения приостановилась, но и тогда в Казахстане населения было на 2585,1 тыс. чел. меньше, чем в 1930 г. Одновременно городское население с января 1931 по январь 1936 г. увеличилось всего на 766,8 тыс. чел. Причем Саматов отмечает, что цифра явно завышена. Эта цифра, даже завышенная, показывает, что основная масса сельских жителей Казахстана ушла вовсе не в города. Да еще надо учесть, что в города региона прибыло много пришлого населения. Кроме того, в села переселяли и раскулаченное население из Центра России и с Украины.

Рассматривая причины убыли сельского населения в своем регионе, Саматов отмечает отход его в города, но называет и другую причину: «отковенничество» и прочие явления, связанные с перегибами, имевшими место в 1930–1932 гг.

Таким образом, Курман дает очень осторожную цифру в 1,3 млн и концентрирует внимание лишь на уходе населения, не учитывая смертей. На деле, следовательно, потери Казахстана выше. Саматов *откровенно* называет цифру в 3 млн чел. с лишним, прямо называя миграцию (кочевничество) и намекая на другие явления (смертность). Трудно сказать по его данным, сколько эмигрировало, а сколько умерло, но ясно, что потери населения были значительнее, чем об этом говорит М.В.Курман. Заметим, к тому же, что Саматов дает чистую убыль населения без учета

того, что она частично компенсировалась в эти годы за счет рождаемости.

Учитывая все сказанное, можно отметить, что, по самым минимальным подсчетам, за десятилетие между переписями потери населения составили около 11 млн чел.

И в ряде областей РСФСР, особенно в европейской части республики, видна значительная убыль населения. Прежде всего это Курская область (табл. 75). Хотя развивающаяся здесь промышленность притягивала большое количество рабочих рук, число жителей убыло на 14,3%. Потери населения видны и в Калининской области — на 7,7%, и в Воронежской — на 2,1%. Большие потери населения перепись зафиксировала на территории Поволжья: в Саратовской области — на 23%, в республике Немцев Поволжья — на 14,4, в Куйбышевской области — на 7,7%. Причины убыли населения в этих областях общие для всех, а также специфические для отдельных регионов. В черноземных районах, где главным занятием населения было сельское хозяйство (Курская и Воронежская области), тяжело сказалась политика насильственной коллективизации и раскулачивания, которые подорвали эти районы экономически.

Известно, что по Воронежской области прокатилась волна крестьянских выступлений против коллективизации (например, Коршевское восстание 1930 г.). Последовавшие затем репрессивные меры и ужесточение раскулачивания привели к убыли населения в этом регионе. Политика коллективизации, сопровождавшаяся раскулачиванием и выселением, несомненно повлияла и на район Поволжья, но там, кроме того, тяжело ощущались последствия голода 1932 — 1933 гг. В Калининской области, близко расположенной к столице, происходил постоянный отлив рабочей силы на ее промышленные объекты. В результате уменьшение численности населения здесь не перекрывалось даже возникшими в связи со строительством канала «Москва — Волга» «новыми» поселениями. Об одном таком рабочем поселке, Ивановково, сообщалось в ЦУНХУ Госплана СССР с просьбой исключить поселок из общегражданской переписи. «Это вновь возникший, — говорилось в документе, — в связи со строительством канала Москва — Волга... населенный пункт. Вся территория поселка была в ведении НКВД и НКОП (Наркомата оборонной промышленности), равно как и весь жилой фонд находится в ведении стройкома и коммунальных отделов новостроек НКОП, Наркомвода и Дмитлага»¹⁵. (Известно, что основная территория Дмитлага находилась в Кунцевском районе Московской области.)

Голод начала 30-х годов вызвал массовую смертность на Северном Кавказе. Несмотря на высокую рождаемость за прошедшие между переписями годы, убыль населения в регионе составила 4,1%.

В некоторых районах РСФСР перепись 1937 г. зафиксировала увеличение населения по сравнению с 1926 г. Например, оно

резко возросло в Московской области, особенно в столице. Прирост составил в Москве 37%, а в Ленинграде — 36,3%. Прирост населения зафиксирован в тех районах, где строились новые промышленные объекты или шла реконструкция старых промышленных районов. Но были районы (Карельская АССР, где население возросло на 104,2%, Восточно-Сибирская область — на 42,9% и другие), в которых увеличение населения было связано с географией мест заключения (табл. 75).

В целом же перепись 1937 г. зафиксировала хотя и небольшое, но увеличение населения: РСФСР — на 11,7%, а СССР — на 9,3% (табл. 75).

Оценка точности данных переписи 1937 г. о численности населения производилась неоднократно и после ее проведения. В 1964 г. В.М.Старовский вновь обратился к оценке переписи 1937 г. По его мнению, недоучет населения составил 1,2%, или 2 млн чел. Однако в 1972 г. Ф.Д.Лившиц нашел этот недоучет, исчисленный В.М.Старовским, преувеличенным и дал свою оценку переписи. Согласно его подсчетам, было упущено при переписи 0,3% населения, или 450 тыс.¹⁶ Наконец, в последнее время демографы Е.М.Андреев, Л.Е.Дарский и Т.Л.Харькова оценили недоучет населения в переписи 1937 г. в 0,4%, или в 700 тыс. чел. С этой оценкой переписи солидаризируется и А.Г.Волков¹⁷. Таким образом, оценка недоучета населения в переписи 1937 г. и у самих организаторов ее, и у разных исследователей колеблется в пределах 0,3—0,5%, т.е. данные переписи отличаются высокой точностью.

Итоги переписи 1937 г. по численности населения в РСФСР и СССР подтверждаются результатами переписи 1939 г. По официальным данным, перепись 1939 г. зафиксировала на территории СССР 170,5 млн человек, а в РСФСР — 109,4 млн.

Вопрос о достоверности данных переписи 1939 г. по численности населения очень сложен и имеет несколько уровней. Во-первых, это вопрос о численности населения СССР и России. Во-вторых, это вопрос о численности населения регионов России. В-третьих, это вопрос о численности городского и сельского населения России и СССР.

Для выяснения подлинных данных по численности населения СССР и России особую важность имеют два секретных письма, опубликованные в 1990 г. Оба письма были направлены Сталину и Молотову. Первое, более раннее, было опубликовано нами в журнале «Социологические исследования» за 1990 год № 8. Оно принадлежало начальнику ЦУНХУ И.Саутину, сменившему на этом посту арестованного И.Кравая. Это письмо датировано 10 февраля 1939 г. Второе письмо написано позднее, 21 марта того же года и подписано председателем Госплана СССР Н.Вознесенским и тем же И.Саутиным (опубликовано А.Г.Волковым в Вестнике статистики в 1990, № 8). В обоих письмах приводится один и тот же, подлинный результат переписи 1939 г. —

167,3 млн чел., куда вошли (на что прямо указано в письмах) данные спецпереписей НКВД и НКО.

Итак, расхождение с официальным итогом переписи составляет 3,2 млн чел.

Перед исследователями встал вопрос о том, вся ли эта приписка в 3,2 млн чел. является необоснованной. В письмах прямо указано, что она в основном была произведена с контрольных бланков, которые зафиксировали 4 млн чел., якобы пропущенных во время переписи. Конечно, какой-то недоучет исключить полностью нельзя, он, хотя и очень незначительный, бывает при переписях. Вопрос состоит в том, какая часть приписки может быть оправдана.

По мнению В.В.Цаплина, неоправданная приписка по СССР составила 1,7 млн человек, С.Максудова — 1,5–2 млн, В.А.Исупова — 1,5 млн, М.Тольца — 2,4 млн. Итак, по мнению этих исследователей, процент неоправданной приписки колеблется от 0,9 до 1,4% от всего населения¹⁸.

Подробно рассмотрен этот вопрос работникам НИИ Комитета по статистике СНГ Е.М.Андреевым, Л.Е.Дарским, Т.Л.Харьковой, которые путем сопоставления переписи 1939 г. с результатами переписей 1937 и 1959 гг., а также данными текущей статистики 30-х годов предлагают два варианта оправданных поправок: на 0,4% по аналогии с переписью 1959 г. и на 0,2% по результатам сопоставления с переписью 1937 г. и данными текущей статистики. Сами они склоняются к первому варианту оправданной поправки, то есть на 0,4%, мотивируя это тем, что переписи 1939 и 1959 гг. проводились по сходной методике. В 1959 г. с контрольных бланков было внесено в переписные листы на каждую тысячу переписанных 3,8 человека, что и составило 0,4% от населения. Однако необходимо учесть, что при большом сходстве методики проведения обеих переписей ситуация, в которой они были проведены, была различна. Перепись 1959 г. осуществлялась в спокойной обстановке, без ажиотажа и нажима «сверху», так как не было необходимости в погоне за заранее заданной итоговой цифрой населения, не было ни страха, ни нервного напряжения, в котором работали переписчики в 1939 г. Поэтому с поправкой, предложенной работниками НИИ, как оправданной мы согласиться полностью не можем, учитывая сказанное об истории проведения переписи 1939 г. Что касается поправки в 0,2%, то есть 0,3 млн человек, то нет оснований ее отвергать. Тогда полная численность населения на январь 1939 г. составит 167,6–167,7 млн чел., а преднамеренная фальсификация — 2,8–2,9 млн, или 1,7%¹⁹.

Таким образом, учитывая все сказанное, можно сделать вывод о том, что хотя фальсификация общего итога численности населения СССР имела место в переписи, она незначительна по своей величине. Материалами переписи можно пользоваться, но при условии коррекции.

Если общая численность населения СССР привлекала в последнее время внимание исследователей, то вопрос об истинной численности населения России оставался неосвещенным.

Безусловно, общий коэффициент приписки коснулся и России, но при этом необходимо учесть, что этот коэффициент не был равным по своей величине общесоюзному. Иными словами, было бы неверным вычесть просто общий процент приписки по Союзу из населения каждой республики, в том числе и России. Однако этот процент приписки именно по России возможно определить довольно точно. Сохранились в архивах черновые документы, в которых указана приписка в абсолютном выражении ко всем регионам России. Если ее суммировать, то получится, что к населению ее было добавлено 2,5 млн чел. Но из этого числа необходимо вычесть число заключенных в 759 тыс. чел., которые перераспределялись между различными регионами внутри России, о чем будет подробно говориться ниже. По отношению к населению всей России это число припиской не являлось, так как за ним стояли реально существующие люди, находившиеся на территории России.

В результате приписка составила 1,75 млн чел. Возникает вопрос об оправданной приписке предположительно в 0,2%, принятой нами по Союзу. Действительна ли она для населения России?

Из рассуждений сотрудников НИИ и собственных наблюдений в процессе работы над материалами советских довоенных переписей следует, что недоучет в основном касался женщин в возрасте от 12 до 15 лет в мусульманских районах Союза и мальчиков до 2 лет в Средней Азии и Закавказье, а также на Дальнем Востоке у нерусских народов. В целом для Центральной Европы такого рода недоучет не характерен, и в основном он сфокусирован в районах Средней Азии и Закавказья. В России это сокрытие могло иметь место в районах Северного Кавказа и у малочисленных нерусских народов Дальнего Востока. Причем сокрытие женщин в ранних возрастах было явлением редким и в этих регионах России. Поэтому мы можем снизить процент обоснованной приписки до 0,1 от населения России, то есть это примерно составит 100 тыс. чел.

Итак, необоснованная приписка составит 1,7 млн чел. Опубликованная цифра численности населения России 109,4 млн чел. За вычетом необоснованной приписки оно составит 107,7 млн, а с учетом обоснованной поправки — 107,8 млн чел. В итоге от населения России необоснованная приписка составит 1,6%.

Сложнее обстоит дело с очищением от фальсификации численности населения регионов и областей России. Как удалось установить по сохранившимся материалам секретной переписки органов ЦУНХУ²⁰, НКВД и НКО с правительственными органами, приписка по отдельным регионам, областям, городам и селам состояла из трех слоев.

Первый состоял из собственно приписки к общему итогу по численности населения Союза, разложенной по всем населенным пунктам. Этот расклад производился неравномерно, и больший процент приходился на те районы, где ощутимее были потери населения, связанные с голодом начала 30-х годов.

Второй слой приписки — это перераспределенные заключенные. Из опубликованного нами письма И. Саутина на имя В. Молотова и Л. Берия от 10 января 1939 г. следовало, что в ЦУНХУ полученные от НКВД переписные листы на заключенных объединялись с переписными материалами по общегражданскому населению. «Поскольку это значительно изменит итоги численности населения в Приморско-Хабаровском крае, Архангельской, Новосибирской, Свердловской областях, Бурят-Монгольской, Карельской и Коми АССР, НКВД предлагает значительную часть заполненных переписных листов на контингенты заключенных лагерей, расположенных в указанных выше местах, перераспределять между другими республиками, краями и областями»²¹. Это предложение было реализовано, и на места была разослана секретная инструкция за подписью заместителя начальника ЦУНХУ Д. Бозина от 3 сентября 1939 г., которая гласила: «Все переписные листы, не имеющие адресной части или имеющие неполный адрес (то есть на заключенных. — В.Ж.), распределяются условно между отдельными территориальными единицами, а в пределах территориальных единиц — между инструкторскими участками в городах и счетными участками в сельской местности районов Крайнего Севера. Распределение производится равномерно, мелкими пачками»²². Мы взяли вариант конкретной инструкции, адресованной в районы Крайнего Севера. Но такого же рода инструкция, лишь с другим адресом, была направлена в УНХУ Бурят-Монгольской, Якутской АССР, Омской, Архангельской, Камчатской областей, Красноярского, Хабаровского краев и т.д. Приведем пример ответа на такую инструкцию. Это письмо на имя Д. Бозина от 13 марта 1939 г. (опубликовано нами еще в 1990 г.) за подписью Бартошевича: «Препровождаю переписные листы на контингент «В» (то есть на заключенных. — В.Ж.), поступившие от Коми АССР на 100 тыс. чел. переписанных, Карельской АССР на 80 тыс. чел. переписанных, Бурят-Монгольской АССР на 30 тыс. переписанных, Хабаровской области на 232530 чел. переписанных, Новосибирской области на 87356 чел. переписанных, Свердловской области на 67750 чел. переписанных»²³. В примечаниях же к спецпереписи указано, куда они направляются и к каким населенным пунктам приписываются.

В архивах переписи сохранились материалы²⁴, по которым можно проследить сложившийся тогда и четко отработанный механизм перераспределения спецконтингентов переписи НКВД. Сначала итоги переписи в нефальсифицированном виде из всех районов направлялись в Бюро переписи ЦУНХУ. Туда же поступали секретные сведения по итогам переписи спецконтингентов. В центре подсчитывали общие итоги и определяли, какое количест-

во спецконтингента подлежало распределению по другим районам, затем определялся общий коэффициент приписки. Эти данные сообщались в местные УНХУ, а их секретные отделы распределяли приписку по конкретным городам и селам. Затем эти конечные результаты сообщались в центр. В центре сведения, полученные таким путем с мест, еще раз корректировались. Здесь приходилось к тому же постоянно сверять полученные итоги с итогами переписи 1926 г., чтобы не получить слишком большой прибыли или, напротив, убыли населения в отдельных местах.

Всего таким путем было перераспределено 760 тыс. заключенных. Эта цифра дошла до нас в виде примечания к спецпереписи НКВД по заключенным и охране.

Сохранились и адреса, по которым перераспределялись переписные листы с указанием их количества. Эти материалы, опубликованные нами, позволяют исчислить население республик, краев и областей, городов и сел и избавиться цифры от приписок.

Несмотря на то, что механизм приписок, как мы видели, был продуман и отработан, он все же давал сбои то в одном месте, то в другом. Например, в ходе дела выяснилось, что даже после перераспределения в Ныробском районе Казахстана заключенные составляли 61% наличного населения, а в трех районах Карелии — Медвежгорском, Беломорском и Тунгудском — спецконтингент чуть ли не в 2 раза превысил местное население (таким образом, обнажилось скопление заключенных на трассе Беломорско-Балтийского канала)²⁵. В подобных случаях информация о «накладках» сообщалась в ЦУНХУ и там производилось новое перераспределение спецконтингента.

Такого же типа перераспределение было произведено по отношению к спецконтингенту, переписанному Наркоматом обороны, то есть военнослужащим, находившимся на военной службе. Делалось это в целях сокрытия мест дислокации вооруженных сил. Это был третий слой приписки на уровне регионов. Военнослужащих по переписи было зафиксировано 2,1 млн, из них перераспределению подлежало 800 тыс. чел.²⁶ Таким образом, в целом было перераспределено примерно 1,5 млн переписных листов по территории Союза в целом.

Учитывая механизм приписок и черновые материалы переписи, мы сделали попытку рассчитать подлинную численность населения всех районов и автономий России в том виде, в каком они были зафиксированы переписью. Так, в Ивановской, Омской, Тамбовской и других областях и многих республиках процент приписки колебался в пределах 2,1—2,2% от их подлинного населения. Например, для Татарии приписка составила 62 тыс. человек, для Мордовской АССР — 20 тыс., для Калмыцкой АССР — 5 тыс. чел.*

* Названия автономий и областей России приводятся в соответствии с существовавшими в 1939 г. названиями, население исчислено в границах 1939 г.

(Листы на заключенных, находящихся в этих республиках, не изымались.) Следовательно, для районов, где не было особо экстремальных условий (сильных последствий голода и т.д.), средняя величина приписки — 2,1%²⁷.

В районах же массового выселения, голодного вымирания населения ситуация была другой. Процент приписки здесь резко повышается и колеблется от 2,4 до 10,0 в целях сокрытия убыли населения. Например, в Республике Немцев Поволжья коэффициент приписки равнялся 9,4%, в Чечено-Ингушетии — 2,4%, в Северной Осетии — 2,6%. Особенно ярко это видно по припискам к мужскому населению, поскольку потери его были больше, чем женского. Приписка по женскому населению, как правило, не превышала 1%. В основном приписки делались к численности мужского населения. На Северном Кавказе такая приписка составила 3,7%, в Среднем Поволжье — 3,7—3,8%, Воронежской области — 3,7%, Саратовской — 3,8%. В целом же в среднем приписка по мужскому населению в более благополучных районах составила 2,8%. Это показали и 10%-ная выборка и фронтальный подсчет всех районов России.

Особую категорию составляли районы с «избыточным» населением, то есть обилием заключенных. Это районы, из которых изымались листы спецпереписей для перераспределения по другим местностям. Так, население Коми АССР, зафиксированное переписью, в результате фальсификации было преуменьшено в среднем на 22,7%, а мужское население — на 32,3%; Карельской АССР — соответственно на 12,0 и 18,8% (табл. 75). В абсолютном выражении из населения Коми АССР было изъято 93 тыс. чел., а Карелии — 64 тыс. чел., что не совсем совпадает с количеством переписных листов, изъятых по инструкции, так как в процессе корректировок небольшая часть их была возвращена обратно. Таким образом, из Коми АССР должно было по инструкции быть изъято 100 тыс. чел., а было изъято, как мы видели, 93 тыс. чел. Из Карелии должно было быть выбрано 80 тыс. чел., а выбрано на 16 тыс. меньше.

Таблица 74*

Приписка к итогам численности населения областей, краев и республик в переписи 1939 г. (в %)

Территория	Все население			Город			Село		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Архангельская обл.	—	—	-3,5	св.нет			св.нет		
Вологодская обл.	3,7	0,9	2,2	3,2	0,9	1,9	3,9	0,9	2,3
Воронежская обл.	3,7	0,9	2,2	3,1	0,9	1,9	3,8	0,9	2,2
Горьковская обл.	3,7	0,9	2,2	3,1	0,9	2,0	4,0	0,9	2,3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ивановская обл.	3,8	0,9	2,2	3,3	0,9	2,0	4,1	0,9	2,4
Иркутская обл.	4,2	1,0	2,5	2,9	0,9	1,9	4,8	1,0	3,0
Калининская обл.	3,8	0,9	2,2	3,3	0,9	2,0	3,9	0,9	2,3
Кировская обл.	3,2	0,9	1,9	3,2	0,9	1,9	3,2	0,9	1,9
Куйбышевская обл.	3,8	0,9	2,3	3,1	0,9	2,0	4,1	0,9	2,4
Курская обл.	3,7	0,9	2,2	3,2	0,9	2,0	3,7	0,9	2,2
Ленинградская обл. (без Ленинграда)	3,5	0,9	2,1	1,3	0,9	1,1	4,4	0,9	2,5
Пермская обл. (без Перми)	3,8	0,9	2,2	3,2	0,9	2,0	4,2	0,9	2,4
Московская обл. (без Москвы)	3,5	0,9	2,1	1,9	0,9	1,4	4,7	0,9	2,7
Мурманская обл.	4,9	1,0	3,1	2,9	1,0	2,0	16,0	1,4	9,3
Новосибирская обл.	—	—	-0,3	св. нет			св. нет		
Омская обл.	3,4	1,0	2,1	3,1	0,9	1,9	3,5	0,9	2,1
Орловская обл.	3,7	0,9	2,1	3,1	0,9	2,0	3,9	0,9	2,2
Пензенская обл.	1,0	0,9	0,6	0,7	0,2	0,4	4,4	0,3	0,6
Ростовская обл.	3,8	0,9	2,3	3,1	0,9	2,0	4,4	1,0	2,6
Рязанская обл.	3,6	0,9	2,1	3,0	0,9	2,0	3,7	0,9	2,1
Саратовская обл.	4,0	0,9	2,3	3,2	0,9	2,0	4,4	0,9	2,5
Смоленская обл.	3,8	0,9	2,7	3,2	0,9	2,0	3,9	0,9	2,3
Сталинградская обл.	3,7	0,9	2,2	3,2	0,9	2,0	4,1	0,9	2,4
Тамбовская обл.	3,8	0,9	2,2	3,4	0,9	2,1	3,9	0,9	2,3
Тульская обл.	3,7	0,9	2,2	3,1	0,9	2,0	4,1	0,9	2,4
Челябинская обл.	3,7	0,9	2,2	3,1	0,9	2,0	4,1	0,9	2,4
Читинская обл.	5,5	1,1	3,4	2,8	1,1	2,0	7,9	1,1	4,5
Чкаловская обл.	3,7	0,9	2,2	3,1	0,9	2,0	3,8	0,9	2,3
Ярославская обл.	3,5	1,1	2,2	3,2	1,0	2,0	3,7	1,1	2,3
Татарская АССР	3,7	0,9	2,2	3,2	0,9	2,0	3,8	0,9	2,2
Башкирская АССР	3,5	0,9	2,1	св. нет			св. нет		
Дагестанская АССР	3,7	0,9	2,3	2,9	1,0	2,0	3,9	0,9	2,3
Бурят-Монгольская АССР	—	—	-3,1	св. нет			св. нет		
Кабардино-Балкарская АССР	3,5	1,0	2,2	3,1	1,0	2,0	3,6	1,0	2,3
Калмыцкая АССР	3,4	1,0	2,2	3,0	1,0	1,9	3,4	1,0	2,2
Карельская АССР	—	—	-12,0	св. нет			св. нет		
Коми АССР	—	—	-22,7	св. нет			св. нет		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Крымская АССР	3,9	1,0	2,4	3,2	0,9	2,0	4,8	1,0	2,8
Марийская АССР	3,6	0,9	2,1	3,0	1,0	1,9	3,6	0,9	2,2
Мордовская АССР	3,6	0,9	2,1	3,0	1,0	2,0	3,7	0,9	2,1
Немцев Поволжья АССР	16,8	3,4	9,6	3,2	0,9	2,0	12,7	4,1	11,9
Северо-Осетинская АССР	4,5	1,0	2,6	3,1	0,9	2,0	5,7	1,0	3,2
Чечено-Ингушская АССР	3,9	1,0	2,4	св. нет			св. нет		
Удмуртская АССР	4,7	0,9	2,6	3,2	0,9	2,0	5,2	0,9	2,9
Чувашская АССР	3,5	0,9	2,1	2,9	1,0	2,0	3,6	0,9	2,1
Свердловская обл.	—	—	-0,5	св. нет			св. нет		
Приморский край	4,4	0,6	2,5	1,9	0,7	1,3	7,0	0,4	3,9
Уссурийская обл.	16,2	1,0	8,5	2,9	1,0	1,9	24,1	1,0	12,2
Хабаровский край	—	—	-12,6	св. нет			св. нет		
в том числе Амурская обл.	3,2	1,3	2,3	3,8	1,1	2,4	2,8	1,5	2,2
Эвенко-Амурская обл.	5,2	1,5	3,4	3,1	1,3	2,2	5,6	1,5	3,7
Сахалинская обл.	3,8	1,5	2,7	2,9	2,0	2,4	4,7	1,0	3,0
Еврейская АО	3,0	0,7	1,9	1,3	0,6	1,0	6,6	0,9	3,8

* Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 280. Л. 1—194; Д. 283. Л. 1 об.—93 об.; Д. 284. Л. 123 (подсчеты автора).

Численность городского и сельского населения

Население городов повсеместно резко возросло. Однако если точность переписи 1937 г. относительно общей численности населения не вызывает сомнения, то численность городского населения (табл. 75), на наш взгляд, явно преувеличена. Уж очень она подходит под высказывание вождя о том, что численность горожан возросла к 1937 г. вдвое по сравнению с 1926 г. Можно даже проследить по сохранившимся документам, как происходило «наращивание» городского населения до нужной величины.

В мартовском, а также в более ранних вариантах отчетов Кравая «наверх» (правительству) городское население страны составляло 51,9 млн человек против 26,3 млн в 1926 г. При этом Краваль с удовлетворением пишет: «Таких темпов роста городского населения (удвоение за 10 лет) не знает и не знала ни одна страна в мире». Это дань конъюнктуре, но эта дань не лишена оснований, т.к. индустриализация страны действительно вызвала

рост городского населения. Между тем в секретной записке не позднее февраля 1937 г., написанной рукой Цесарского, главного руководителя переписи по НКВД СССР, городское население административно утвержденных городов на январь 1937 г. составляло 43,7 млн²⁸. Впоследствии, в 1938 г., В.Н.Старовский повторил это число, приплюсовав к нему всю армию и чекистский состав НКВД, что составило в сумме 45,7 млн. Цифра в 43 млн встречается и в разработочных таблицах переписи. Возрастной состав городского населения разрабатывали именно исходя из этих 43 млн.

Число городского населения, конечно, возросло по сравнению с 1926 г., но не в таких размерах, как ожидалось, затем и началась манипуляция с цифрами. ЦУНХУ вновь составляет список городов, видимо значительно расширенный, и по нему городское население без военнослужащих достигает уже 50,7 млн, а с ними и чекистами — 51,9 млн. При этом еще в марте 1937 г. в состав городского населения включили тех военнослужащих, которые были переписаны в городах, а уже Старовский в начале 1938 г. включил туда всех военнослужащих и чекистов-особистов, в том числе переписанных в сельской местности. Теперь городское население составило уже 52,6 млн²⁹. Кроме того, в документах мелькает еще цифра городского населения на 1937 г. в 47,4 млн человек. Эта цифра сообщается в письме Саутина Молотову от 27 января 1939 г. Это (без военнослужащих) так называемое «цензовое» городское население, то есть проживающее в черте сплошной застройки (без учета отдельно стоящих строений). Перепись по этому списку зафиксировала 161 город с населением свыше 50 тыс. чел.

Таковы данные о городском населении, изначально зафиксированном переписью 1937 г., и история их «поправок». Иными словами, в чистом виде население городов составило, учитывая все отдельно стоящие строения, 43,7 млн, а с учетом переписанных в городах военнослужащих и оперативно-чекистского состава НКВД в городах не превышала 45,0 млн. Этими цифрами и следует, на наш взгляд, руководствоваться при работе с численностью городского населения. В то же время надо отметить, что расширенный список городов с учетом населения в 51,9 млн, включая военнослужащих, переписанных в городах, положен в основу всех таблиц по численности населения. Нельзя не заметить здесь, что четких принципов разграничения городского и сельского населения не было разработано. Обычно руководствовались «Правилами», принятыми еще в 1924 г. Дорабатывали «Правила» уже позднее, при подготовке переписи 1939 г. Поэтому «поправки» на городское население в 1937 г. не были, строго говоря, совсем уж незаконными, тем более, что при разграничении городов и сел

было немало спорных вопросов. Эта неопределенность позволяла делать некоторые «реверансы» в сторону прогнозов.

Представляется возможным сделать поправку и на численность городского населения в 1937 г. в РСФСР. По итогу переписи насчитывалось 34,4 млн горожан (без военнослужащих)³⁰. Исчислив результат по аналогии с общесоюзными данными, получим итог в 29–30 млн человек. Численность населения в городах по переписи 1939 г. также должна быть уточнена. Ее официальный итог составлял 55,9 млн городского населения на территории СССР. В упомянутом выше письме И.Саутина городское население без военнослужащих составляло 52,4 млн. Но следует учитывать, что в эту цифру уже вошла значительная приписка в 4–5 млн, сделанная в ходе переписи. Дело в том, что еще до подведения ее итогов И.Саутин откровенно предлагал увеличить число горожан в СССР на эту цифру, для чего дать ряду деревень и поселков статус городов. Иначе, по его прогнозу, перепись не оправдает надежд на более чем двухкратное увеличение численности городского населения, о чем уже было заявлено в официальной печати. В результате после снятия этой приписки городское население Союза составило 47–48 млн. Официальный итог переписи по численности горожан в РСФСР — 36,8 млн — содержал необоснованную приписку в 1,9 млн, о чем также говорилось в письме И.Саутина. Кроме того, существовала еще приписка с контрольных бланков — 6% от настоящей численности городского населения. За вычетом всех этих «поправок» городское население России составит не более 33 млн чел. (без военнослужащих).

Большие изменения произошли в 1937 г. по сравнению с 1926 г. в численности населения городов и сел. Без военнослужащих и «погранохраны НКВД» городское население выросло в 1,7 раза, а сельское — сократилось на 3,4 млн чел. Если пользоваться данными численности населения городов, список которых был утвержден ЦУНХУ, то прирост их населения составил 11,2 млн чел. В дальнейшем придется пользоваться этими последними данными, поскольку они заложены в таблицы. При этом точность в расчетах несколько пострадает, но основные тенденции развития искажены не будут.

В связи с индустриализацией и урбанизацией городское население возросло во всех республиках. В РСФСР, включая Европейскую Россию, в которой была сосредоточена основная масса городского населения в 1926 г., оно увеличилось на 108,7%. Численность горожан возросла во всех областях и регионах республик, за исключением Адыгейской автономной области, где население городов сократилось на 3,9%, в то же время сельское население выросло на 3,4%. Такое перемещение людей из города в деревню могло объясняться неблагоприятной экономической ситуацией в этом районе (табл. 75).

Таблица 75*

Численность городского и сельского населения РСФСР
(по данным Всесоюзной переписи населения 6 января 1937 г.)

Территория	1937 г.			1937 г. в % к 1926 г.		
	город- ское	сельское	всего	город- ское	сель- ское	всего
1	2	3	4	5	6	7
1. Северная обл.	533549	1728706	2262255	241,3	89,8	105,5
2. Коми АССР	26786	282528	309314	271,2	131,5	137,7
3. Карельская АССР	178441	334113	512554	298,1	161,3	192,0
4. Ленинградская обл. В том числе Ленинград	4042031 2814474	2789712 —	6831743 2814474	196,2 180,4	94,6 —	136,3 180,4
5. Калининская обл.	620872	2599792	3220664	167,5	83,4	92,3
6. Западная обл.	848832	3844663	4693495	157,6	85,9	93,6
7. Московская обл. В том числе Москва	6757088 3798078	5214279 —	11971367 3798078	216,1 190,4	93,9 —	137,9 190,4
8. Ярославская обл.	748695	1448362	2197057	193,5	84,1	104,1
9. Ивановская обл.	1051593	1467575	2519168	186,4	89,1	113,9
10. Горьковская обл.	1100075	2582933	3683008	234,7	101,7	121,7
11. Чувашская АССР	108344	915614	1023958	241,4	108,5	115,2
12. Марийская АССР	62948	499374	562322	316,1	106,6	115,2
13. Кировская обл.	375785	2004552	2380337	199,4	91,2	99,7
14. Удмуртская АССР	200995	735010	936005	261,2	102,9	118,3
15. Татарская АССР	566611	2169074	2735685	204,6	94,0	105,8
16. Куйбышевская обл.	997360	2950886	3948246	172,9	79,7	92,2
17. Мордовская АССР	89057	1102955	1192012	187,5	91,0	94,6
18. Воронежская обл.	1062352	5024482	6086834	174,3	89,6	97,9
19. Курская обл.	502243	3664393	4166636	120,0	82,4	85,7
20. Крымская АССР	514788	480010	994798	162,3	125,9	142,4
21. Азово-Черномор- ский край В том числе Адыгей- ская АО	2062312 50474	3539441 174917	5601759 225391	175,4 96,1	79,2 103,4	99,3 101,7
22. Северо-Кавказ- ский край В том числе Карачаев- ская АО Черкесская ОА	409770 8386 24827	1225507 131786 56225	1635277 140172 81052	158,8 — 128,9	84,7 140,2 119,4	95,9 149,1 122,1

1	2	3	4	5	6	7
23. Дагестанская АССР	179671	830213	1009884	217,1	117,8	128,3
24. Чечено-Ингушская АССР	181866	477972	659838	183,9	116,3	129,4
25. Северо-Осетинская АССР	134400	174671	309071	178,7	115,8	136,7
26. Кабардино-Балкарская АССР	74899	257594	332493	465,2	119,2	144,0
27. Калмыцкая АССР	16347	178135	194482	—	110,5	120,6
28. Сталинградская обл.	349201	1375596	2224797	177,5	81,6	102,8
29. Немцев Поволжья АССР	122526	366802	489328	162,2	74,0	85,6
30. Саратовская обл.	677281	1209330	1886611	161,9	59,5	77,0
31. Оренбургская обл.	369361	1196649	1566010	174,8	93,4	104,9
32. Башкирская АССР	487833	2468945	2956778	214,1	106,5	116,2
33. Челябинская обл.	1207259	1561306	2768565	297,7	72,3	109,0
34. Свердловская обл.	2106314	2020136	4126450	250,3	87,4	130,9
35. Омская обл.	517202	1813218	2330420	176,4	101,7	112,3
36. Западно-Сибирский край	1912821	4520706	6433527	332,1	94,5	120,0
В том числе Ойротская АО	20219	130445	150664	356,4	129,3	141,4
37. Красноярский край	528660	1300086	1828746	327,4	103,3	128,8
В том числе Хакасская АО	97774	138412	236186	1643,0	126,2	204,2
38. Восточно-Сибирская обл.	804624	1092325	1897049	278,9	105,1	142,9
39. Бурят-Монгольская АССР	159584	487991	647575	353,1	101,3	122,9
30. ДВК	1104130	1377055	248185	324,8	218,8	340,5
В том числе Еврейская АО	62776	58228	121004	703,1	218,8	340,5
41. Якутская АССР	76121	284500	360621	498,3	106,1	127,2
Итого по РСФСР	34373245	69594679	103967924	208,7	90,8	111,7

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 142. Л. 27 — 28.

Таблица 76*

**Численность населения крупных городов РСФСР
(без контингента РККА и погранохраны НКВД)
(свыше 50 тыс. человек) в 1937 г.**

Города	1926 г.	1937 г.	1937 г. в % к 1926 г.
1	2	3	4
Москва	1995252	3798078	190,4
Ленинград	1560122	2814474	180,4
1. Северная обл.			
Архангельск	75474	243590	322,7
Вологда	57076	84487	148,0
2. Карельская АССР			
Петрозаводск	25989	61399	236,2
3. Ленинградская обл.			
Мурманск	8716	90277	1035,8
Пушкин	19530	50196	257,0
Псков	40980	55184	134,7
4. Калининская обл.			
Калинин	106169	188071	177,1
Вышний Волочок	31315	56367	180,0
5. Западная обл.			
Смоленск	73520	133150	181,1
Брянск	43937	85049	193,6
Орджоникидзеград	31717	63702	200,8
6. Московская обл.			
Тула	150331	239122	159,1
Перово-Кусково	27048	91339	337,7
Орехово-Зуево	62833	90142	143,5
Серпухов	55204	85798	155,4
Калуга	49425	79107	160,0
Ногинск	44322	73129	165,0
Рязань	48989	71865	146,7
Коломна	30711	64790	211,0
Подольск	19708	62500	317,1
Сталиногорск	—	62063	—

1	2	3	4
Лосиноостровск	14634	58120	397,2
7. Ярославская обл.			
Ярославль	112238	257273	229,2
Рыбинск	54238	120743	222,6
Кострома	72317	117682	162,7
8. Ивановская обл.			
Иваново	111182	243949	219,4
Кинешма	33709	64967	192,7
Владимир	37004	58685	158,6
Ковров	26016	55556	213,5
Шуя	35528	51796	145,8
9. Горьковская обл.			
Горький	221544	575704	259,9
Дзержинск	8398	69367	826,0
10. Кировская обл.			
Киров	61223	129621	211,7
11. Удмуртская АССР			
Ижевск	63087	148724	235,7
12. Татарская АССР			
Казань	175597	358592	204,2
13. Куйбышевская обл.			
Куйбышев	171818	329813	192,0
Пенза	90813	147580	162,5
Ульяновск	70562	90598	128,4
Сызрань	48793	70707	144,9
14. Воронежская обл.			
Воронеж	118191	298257	252,4
Тамбов	73862	104019	140,8
Мичуринск	53259	73819	138,6
Липецк	20950	64698	308,8
Елец	42459	58396	137,5
15. Курская обл.			
Курск	96928	104667	108,0
Орел	75594	98083	127,7

1	2	3	4
16. Крымская АССР			
Симферополь	86840	124033	142,8
Севастополь	68003	88740	130,5
Керчь	35712	75950	212,7
17. Азово-Черноморский край			
Ростов-на-Дону	327661	461410	140,8
Таганрог	85890	170154	198,1
Краснодар	158460	168135	106,1
Шахты	40948	94517	230,8
Новороссийск	66192	87388	132,0
Новочеркасск	56381	79954	141,8
Армавир	72962	75336	103,3
Майкоп	52525	58422	111,2
Сочи	10343	54528	527,2
18. Северо-Кавказский край			
Пятигорск	53464	79088	147,9
Ворошиловск	57405	63844	111,2
Кисловодск	31424	60994	194,1
19. Дагестанская АССР			
Махачкала	33552	71764	213,9
20. Чечено-Ингушская АССР			
Грозный	94678	157315	166,2
21. Северо-Осетинская АССР			
Орджоникидзе	73599	120080	163,2
22. Сталинградская обл.			
Сталинград	153502	392088	255,4
Астрахань	183254	234332	127,8
23. Немцев Поволжья АССР			
Энгельс	34167	56988	166,8
24. Саратовская обл.			
Саратов	212395	351326	165,4
Балашов	26821	50275	187,4
25. Оренбургская обл.			
Оренбург	122190	155626	127,4

1	2	3	4
Орск	13286	61541	463,2
26. Башкирская АССР			
Уфа	97737	216449	221,5
27. Челябинская обл.			
Челябинск	57655	256871	445,5
Магнитогорск	—	152385	—
Златоуст	48201	96134	199,4
28. Свердловская обл.			
Свердловск	134831	386815	286,9
Пермь	82249	165825	201,6
Нижний Тагил	38790	147136	379,3
Молотов	34993	63436	181,3
Березники	19744	62293	315,5
Кабаковск	33362	67786	173,2
Лысьва	27279	51967	190,5
29. Омская обл.			
Омск	157906	270542	171,3
Тюмень	50252	76478	152,2
30. Западно-Сибирский край			
Новосибирск	117863	360080	305,5
Сталинск	3882	158035	4071,0
Томск	92274	134485	145,7
Кемерово	21726	124682	573,9
Барнаул	73206	118237	161,5
Прокопьевск	10717	96661	901,9
Бийск	45468	72987	160,5
Анжеро-Судженск	30199	67887	224,8
Ленинск-Кузнецкий	19645	59963	305,2
31. Красноярский край			
Красноярск	69311	170590	246,1
32. Восточно-Сибирская обл.			
Иркутск	102733	238639	232,3
Чита	57982	81751	141,0
Черемхово с Черемховскими копиями	14485	50874	351,2

1	2	3	4
33. Бурят-Монгольская АССР			
Улан-Удэ	29425	115992	394,2
34. ДВК			
Владивосток	103318	206974	200,3
Хабаровск	46133	178000	385,8
Благовещенск	57215	58558	102,3
Ворошиловск	32144	65926	205,1

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 24.

Перепись 1937 г. зафиксировала в Москве 3,8 млн жителей, а в Ленинграде — 2,8 млн (табл. 76).

На 6 января 1937 г. перепись показала, что сельское население составляло 2/3 всего населения страны. Однако перепись зафиксировала тенденцию к его сокращению. Например, в РСФСР оно сократилось на 9,2%. Динамика сельского населения в различных регионах была неодинаковой. Сокращение его по РСФСР в целом произошло главным образом за счет районов, сильно пострадавших от голода 1932—1933 гг. Так, в Саратовской области село потеряло по сравнению с 1926 г. 40,5% своих жителей, Республика Немцев Поволжья — 26%, Куйбышевская область — 20,3% и т.д. В меньшей степени потери сельского населения коснулись таких районов, как Ивановская область, в которой оно сократилось на 10,9%, Кировская область — на 9,8%, Оренбургская — на 6,6%. Значительными были потери сельского населения в районах Черноземья, например, в Курской области — свыше 18%, Воронежской области — свыше 10%.

Рост сельского населения замечен в тех районах, где были расположены места заключения, о чем мы уже говорили. К примеру, в Карелии сельское население увеличилось на 61,3%, в Коми АССР — на 31,5%, в ДВК — на 47,5% (табл. 75).

За период с 1937 по 1939 г. возросло население крупных столичных городов: Москвы с 3,7 до 4,1 млн, а Ленинграда — с 2,9 до 3,2 млн. В прилегающих к ним областях положение было несколько другим: население Московской области за это время заметно увеличилось — на 9%, а Ленинградской — уменьшилось на полмиллиона. Население старого центра России (Ярославской, Ивановской, Горьковской обл. и др.) выросло незначительно — всего на 2—3%, а в Калининской, Воронежской, Тамбовской даже заметно сократилось. В Поволжье — в Саратовской, Сталинградской областях — также произошло сокращение населения. В северных областях Европейской России число жителей резко возросло — на 1/3. То же нужно сказать и о Коми АССР, Удмур-

тии, Калмыкии. В таких автономиях, как Татарская, Чувашская, Марийская, увеличение населения составляло всего 3–4%, а в Мордовской даже сократилось. Автономии Северного Кавказа показали небольшой, но устойчивый прирост населения. Сибирь и Зауралье притягивали миграционные потоки, увеличивая число жителей. Например, их численность в Свердловской области увеличилась на 10%, в Восточно-Сибирском крае — на 26%, в Красноярском крае — на 5%, на Дальнем Востоке — на 11%.

Старые уральские центры, как, например, Челябинская область или в Приуралье Кировская область, в связи с оттоком отсюда населения сократили число своих жителей. В Западной Сибири изменений в численности населения пока не произошло.

Возрастнополовой состав населения в 30-е годы

Первое, что бросается в глаза при анализе возрастнополовой структуры населения, — это диспропорция в соотношении полов. Если в 1926 г., когда еще сильно ощущались последствия Первой мировой и гражданской войн, дисбаланс полов измерялся цифрой в 5 млн в пользу женщин, которые составляли 51,7% всего населения страны³¹, то в 1937 г. нарушение в соотношении полов было куда более резким. Мужчин было меньше, чем женщин, уже на 8,5 млн, а последние составляли 52,7% всего населения. По логике вещей эта демографическая деформация должна была сгладиться в течение десятилетия между переписями, поскольку со времени окончания войны прошло полтора десятка лет. Хотя демографическое эхо войны долго еще воздействует на половозрастную структуру населения, но действует и обратная тенденция — тенденция выравнивания диспропорции полов. Эта тенденция развивается в нормальных социальных условиях. А к 1937 г. ситуация была таковой, что на соотношении полов, деформируя его, стали сказываться потери населения вследствие голода, насильственной коллективизации и усиливающихся репрессий. Это воздействие вместе с демографическим эхом войн первой четверти века наложило отпечаток на соотношение полов почти во всех возрастных группах.

Прежде всего стоит отметить, что по данным переписи 1937 г. значительная диспропорция полов наблюдается в старших возрастах уже начиная с 40–45 лет, тогда как в 1926 г. по материалам переписи она начинается после 55-летнего возраста, то есть почти на 10–15 лет позднее. К тому же в среднем в этом возрасте и старше преобладание женщин не выходит за рамки 60%. В 1937 г. картина другая. В возрастной группе 45–49 лет женщин 54%; 55–59 лет — 59%; 60–65 лет — 60%; 75–79 лет — 62%; 85–89 лет — 66,2%; 95–99 лет — 67%. Иными словами, диспропорция наступает гораздо раньше, чем в 1926 г., и выражена она резче,

хотя само повышение диспропорции с возрастом естественно, поскольку продолжительность мужской жизни ниже женской.

В возрастных группах переписи 1937 г. нарушением баланса полов страдает и группа 35—39 лет, в которой женщины составляют 53,8%. Эта возрастная группа наиболее сильно потеряла мужское население в мировую и гражданскую войны и в переписи 1926 г. (тогда 25—29 лет) имела нарушенное соотношение полов: женщин в ней было 54,4%. Как видно, эта диспропорция хотя и несколько сгладилась, но сохранилась в значительной степени.

Особенностью переписи 1937 г. является нарушение соотношения полов в детском и подростковом возрастах. Уже в 4-летнем возрасте среди детей преобладают девочки — 51,1%. Преобладают они и в группах 5—9 и 10—11 лет. За исключением 13—14-летних, где мужчин незначительно больше, чем женщин, и в следующих возрастных группах окончательно берут в численности верх женщины. Необходимо помнить, что те, кому в январе 1937 г. было 4 года, родились в тяжелый голодный 1933 г. Мальчики, более хрупкие от природы, чем девочки, имели и более высокую смертность.

Кроме того, вообще видна высокая детская смертность среди 2, 3 и 4-летних (табл. 77). В погодной таблице от 0 до 10 лет виден провал (демографическая яма) в возрастах от 2 до 4 лет, численность и удельный вес этих возрастов ниже, чем у других. Удельный вес возрастной группы от 0 до 4 лет в 1937 г. составляет 11% от всех возрастов, а в 1926 г. он поднимался до 15,2%. Следует к тому же иметь в виду, что в эти 11% входит возрастная группа от 0 до 1 года, т.е. родившиеся в 1936 г., когда была высокая рождаемость, связанная с запрещением аборт.

Преобладание девочек в возрастной группе 5—10 лет объясняется, видимо, тем, что в голодные годы мальчиков больше, чем девочек, погибало от истощения. Возможно, что некоторое выравнивание соотношения полов в 13—14 лет объясняется более высокой женской смертностью у народов Средней Азии, Азербайджана в связи с ранними браками и родами в малолетнем возрасте.

Если сравнивать по удельному весу возрастные группы от 0 до 14 лет в переписях 1926 и 1937 гг., то они равны: и в том и в другом случае они составляли 37%. Однако в 1937 г. войны давно не было, а в 1936 г. было почти рекордное число новорожденных. Иными словами, демографическому развитию населения был нанесен удар, превосходящий последствия двух больших войн: Первой мировой и гражданской.

Следующий демографический провал в численности возрастных групп — группа 15—19-летних, прямо связанный с низкой рождаемостью в мировую и гражданскую войны. В 1926 г. им было 5—9 лет и они составляли 10%, к 1937 г. их удельный вес снизился до 8%. Если 13-летних было почти 4 млн, то 16-летних — только 2,6 млн, а 17-летних — 2,5 млн.

**Население СССР в возрасте от 0 до 10 лет
(в % от общей численности населения) в 1937 г.**

Возраст	Город	Село	Всего
До 1 года	2,46	3,21	3,01
1 год	1,79	2,57	2,36
2	1,43	2,11	1,92
3	1,30	1,96	1,78
4	1,54	2,24	2,05
5	1,69	2,65	2,39
6	1,88	2,95	2,65
7	1,89	2,88	2,61
8	2,08	3,05	2,78
9	2,01	2,69	2,51
10	2,24	3,01	2,80

* Рассчитано по: Социологические исследования. 1990. № 7. С. 60.

В целом во второй половине 30-х годов советское общество оставалось (как и в 1926 г.) традиционным по типу воспроизводства населения, т.е. в нем был велик удельный вес детей, подростков. Молодые возраста составляли 27% среди всех возрастных групп, а в 1926 г. их было 30%. Вместе с детьми и подростками и в 1937 г. молодежи среди населения больше половины. «Молодое» общество свойственно традиционному типу воспроизводства населения.

Доля средних возрастов несколько выше, чем в 1926 г., но в силу военных и прочих потерь невелика. 30–49-летние в 1937 г. составляли 23,4%.

Как и положено традиционному обществу, пожилых людей мало. Например, 60–69-летних насчитывается 4,4%, 70–79-летних — менее 2%, а в целом 60 лет и старше — 6,6%. Похожая картина была в 1926 г. Долгожители немногочисленны: люди старше 100 лет составляют 29,4 тыс. (18,3 тыс. женщин и 11,1 тыс. мужчин).

Итак, анализ половозрастной структуры населения в 1937 г. показывает, что налицо лишь первые шаги демографического перехода, перелом пока в демографических процессах, в естественном воспроизводстве населения не наступил; более того, его естественное развитие было заторможено целой серией экстремальных ситуаций, выпавших на долю России. В итоге в обществе

преобладал традиционный тип воспроизводства населения: высокая рождаемость была сопряжена с высокой смертностью, низкой средней продолжительностью жизни. Те же экстремальные ситуации послужили причиной деформации возрастнополовой структуры населения.

Таблица 78*

**Распределение населения СССР по возрасту по материалам
Всесоюзной переписи населения 1937 г.**

Возрастная группа	Город	Село	Всего
Все население	100,00	100,00	100,00
До 1 года	2,46	3,21	3,01
1—4	6,06	8,88	8,11
5—9	9,55	14,22	12,94
10—14	10,41	13,46	12,62
15—19	8,75	8,00	8,21
20—24	11,45	8,10	9,02
25—29	11,97	8,65	9,55
30—34	9,50	7,30	7,90
35—39	7,64	6,15	6,56
40—44	5,54	4,56	4,83
45—49	4,52	3,97	4,12
50—54	3,70	3,41	3,49
55—59	2,93	2,91	2,92
60—64	2,25	2,71	2,58
65—69	1,56	1,88	1,80
70—74	0,91	1,26	1,16
75—79	0,47	0,67	0,62
80—84	0,19	0,37	0,32
85—89	0,07	0,13	0,12
90—94	0,02	0,07	0,06
95—99	0,01	0,03	0,02
100 и более	0,01	0,02	0,03
неизвестно	0,03	0,04	0,03

* Рассчитано по: Социологические исследования. 1990. № 7. С. 60—63.

Деформация в соотношении полов прослеживается и у горожан, и у жителей села: и тут и там преобладают женщины. В городе их 52,2%, а в деревне — 52,8%³². На первый взгляд и город, и село имеют одинаковое соотношение полов. Однако присмотримся к составу населения по полу в разных возрастных группах, проживающих в городской и сельской местностях. Оказывается, что среди молодежи от 15 до 29 лет в городе наблюдается относительное равновесие (мужчин там 49,2, а женщин — 50,8%). Зато в деревне среди молодежи решительно преобладают женщины — их 54%. Юноши предпочитают город деревне, идет вымывание из нее мужской рабочей силы. Вероятно, это связано с индустриализацией и урбанизацией страны, но начинают сказываться и более благоприятные условия труда и жизни в городе по сравнению с деревней.

Если взять зрелые возрастные группы от 30 до 49 лет, то и здесь (хотя разница меньше, чем в первом случае) соотношение полов нарушено в пользу женщин: в городе их 51,4%, а в деревне — 53,1%. Отход в города есть и в этой возрастной группе, хотя и менее интенсивный, чем у молодежи.

В возрастной структуре города и села видны демографические ямы в малолетнем возрасте. При этом удельный вес возрастной группы от 0 до 1 года гораздо выше в деревне, чем в городе (табл. 78). В городах видны слабые признаки демографического перехода. Это прослеживается в некотором падении рождаемости в городах по сравнению с селом. В результате в городе доля возрастных групп от 0 до 15 лет ниже, чем в деревне — соответственно 29 и 39,8%. А в 1926 г. эти возрастные группы составляли в городе 31,6, а в деревне — 40,9%. Из этих данных видно, как от 1926 к 1937 г., хотя и медленно, происходит уменьшение доли детей и подростков. Еще недостаточно ярко, но эта тенденция обозначилась, причем в городе она проявляется сильнее.

Молодежь в возрасте 15—29 лет составляли в 1937 г. в городе 32,2%, а в селе — 24,8%. Такая же картина и со зрелыми рабочими возрастами от 30 до 49 лет. Кстати, такое же соотношение было и в 1926 г. По этим данным видно, как идет вымывание из деревни в город молодых людей и лиц зрелого возраста.

Пожилых людей в деревне больше, чем в городе. Например, 60-летних и старше в городе было всего 5,5%, а в селе — 7,1%. От 1926 к 1937 г. видна тенденция к возрастанию двух возрастных полюсов в деревне — малолетних и стариков.

Продолжительность жизни мужчин и женщин в городах в 1937 г. выражалась как соотношение 1:1,7, а в деревне — 1:1,5, т.е. продолжительность жизни мужчин в городах была меньшей по сравнению с женской. Если сопоставить эти данные с данными за 1926 г., когда продолжительность мужской и женской жизни соотносилась как 1:1,6 в городе и 1:1,2 в деревне в пользу женщин, то приходится констатировать, что разрыв между этими двумя показателями в 1937 г. увеличился, т.е. жизнь мужчин

стала еще короче. Причем данные по городу в 1937 г. сблизились с данными по селу, в отличие от 1926 г., когда разница в продолжительности мужской и женской жизни в городе и селе была большей.

В 1939 г. выделены крупные возрастные группы, в том числе и по РСФСР. Демографические ямы здесь проследить трудно и можно дать лишь общую характеристику демографической структуры. Но все же можно выявить и специфику возрастнополового состава населения России по сравнению с СССР. В РСФСР несколько выше был процент детей до семилетнего возраста, а также детей-подростков с 8 до 15 лет. Видимо, на общесоюзных показателях сказались данные по Украине и Казахстану, где наблюдались большие потери населения и даже высокая рождаемость в 1937—1938 гг. не смогла скрыть последствия недавних людских потерь. Кроме того, в Российской Федерации был ниже, чем в некоторых других союзных республиках, удельный вес возрастных групп 20—29 и 30—39 лет в связи с потерями населения в военные годы.

Если в региональном разрезе рассматривать возрастнополовую структуру, то обращает на себя внимание тот факт, что в крупных городах был небольшим процент детей, то есть, иными словами, увеличение численности населения в городах происходило за счет миграционных потоков, за счет мигрантов. То же можно сказать и об Урале и Сибири, где число жителей постоянно подпитывалось пришлым населением. В Свердловской области, на Дальнем Востоке, в Сибири был высоким процент лиц в трудоспособном возрасте. Так, в РСФСР лиц в возрасте 20—29 лет было 17,7% от всего населения, а в Хабаровском крае — 28,7%, в Приморском крае — 29,7%, в Свердловской области — 19,7%³³ и т.д.

В европейском центре России на фоне не очень высокого процента молодежи довольно высокий удельный вес пожилых лиц 50 и старше 60 лет. Например, в среднем их процент в РСФСР составлял 6,7%, а в Рязанской области — 7,9, в Пензенской — 7,1, в Ивановской — столько же и т.д. Виден отток населения в трудоспособном возрасте.

Первое, что вызывает недоумение при рассмотрении данных переписи 1937 г. о состоянии брачности, это несоответствие между количеством мужчин и женщин, состоящих в браке. Женщин замужних на 1,5 млн больше, чем женатых мужчин³⁴. При всей парадоксальности этих сведений, такое несоответствие при переписях населения обычное дело. Тем более для переписи 1937 г.: в то время признавался действительным фактический брак (без юридического оформления). Состояние в браке записывалось со слов респондента, без какой-либо проверки. На практике приходилось сталкиваться с таким положением вещей: женщина, состоящая в фактическом браке, считала себя замужней, а мужчина в том же положении — холостым.

В целом брачность была довольно высокой: среди мужчин, начиная с 15 лет, в браке состояло 67,5%, а среди женщин — 60%, хотя женщины много «тщательнее» учитывали брачность. Во многом более низкая брачность женщин объясняется большей продолжительностью жизни и ранним овдовением, а также тем обстоятельством, что женщине труднее вступить в повторный брак, чем мужчине.

По данным переписи брачность была не особенно ранняя. В возрасте до 15 лет состоящих в браке немного — примерно 10 человек. Однако сведения эти вряд ли точны. Нельзя не учитывать того факта, что ранние браки в мусульманских семьях нередко скрывались или малолетним женам завышали возраст при переписи.

Наиболее интенсивный брачный возраст — с 20 до 44 лет, у женщин несколько раньше — с 20 до 39 лет, а у мужчин — позднее, с 25 до 44 лет.

Ранних браков у мужчин меньше, чем у женщин. Например, в возрасте от 15 до 19 лет лишь 0,5% мужчин состояло в браке, зато у женщин брачность в этом возрасте была выше — 2,6%. Напротив, у женщин раньше, чем у мужчин, начинается падение брачности, и развивается оно более быстрыми темпами. Снижение брачности происходило у женщин с 40 лет, а у мужчин — с 45. Кроме того, в пожилых возрастах брачность у мужчин выше, чем у женщин. Вдовствующих мужчин, как правило, меньше, чем женщин, обычно они женятся повторно.

Вместе с тем необходимо отметить, что при весьма высоких показателях брачности 32,5% мужчин не находятся в браке или не считают себя состоящими в браке. Признание фактического брака имело побочную негативную практику, поскольку создавало несколько легковесное отношение к браку. Возникла и категория мужчин, освобождающих себя от ответственности за семью, часто меняющих свое положение, поскольку можно было оставить семью без развода, а зачастую имеющих одновременно несколько семей и избегающих выплаты алиментов на содержание собственных детей.

Если рассматривать данные о брачности в переписи 1939 г., то можно сказать, что в России брачность оставалась высокой, причем у мужчин была выше, чем у женщин: 675 промилле против 577 промилле. При этом число ранних браков 15–16-летних очень невелико и понизился их процент по сравнению с 1926 г. Для мужчин это характерно и для 17–19-летних. Их брачный возраст начинается с 20 лет. У женщин браки в 17–19 лет достаточно распространены. Самый большой показатель брачности у женщин приходится на возраст от 20 до 50 лет, а у мужчин — от 30 лет и старше. После 50 лет и старше снижение брачности у мужчин незначительное, а у женщин весьма резкое³⁵.

Численность и размещение различных народов на территории России

В СССР, куда входила Российская Федерация, было в конце 1930-х годов одиннадцать республик: РСФСР с населением на январь 1937 г. 103968,0 тыс. чел., Украинская ССР — 28387,6 тыс., Белорусская ССР — 5196,6, Азербайджанская ССР — 3057,0 тыс., Грузинская ССР — 3377,0 тыс., Армянская ССР — 1209,3 тыс., Узбекская ССР — 5847,5 тыс., Туркменская ССР — 1168,6 тыс., Таджикская ССР — 1382,2 тыс., Казахская ССР — 5120,2 тыс., Киргизская ССР — 1369,7 тыс.³⁶

Состав населения союзных республик в 1939 г., в том числе РСФСР, оставался полиэтничным. В РСФСР русские составляли 82,5%, кроме этого, татары — 3,6, украинцы — 3,1, мордовцы — 1,3, чувашы — 1,2%³⁷.

В Украинской ССР было украинцев 76,5%, русских — 13,5, евреев — 4,9, немцев — 1,3, поляков 1,2%, а также там проживали молдаване, греки, болгары, белорусы и др.

В Белорусской ССР было украинцев 76,5%, русских — 13,5, евреев — 4,9, немцев — 1,3, поляков — 1,2%, а также там проживали молдаване, греки, болгары, белорусы и др.

В Белорусской ССР белорусы составляли 82,9%, евреи — 6,7, русские — 6,6%, кроме того, были представлены украинцы и поляки.

Азербайджанская ССР была населена 58,4% азербайджанцев, 16,5% русских, 12,1 армян, 3,5 лезгин, 2,7% талышей, а также евреями, немцами, аварами, грузинами и т.д.

В Грузинской ССР проживали 61,4% грузин, 11,7% армян, 8,7% русских, 5,2% азербайджанцев, 4,2% осетин, 2,4% греков, 1,6% абхазцев, украинцы, евреи и немцы.

В Армянской ССР было зафиксировано 82,8% армян, 10,2% азербайджанцев, 4,0% русских, 1,6% курдов, украинцы, греки и др.

В Туркменской ССР обитали туркмены — 59,2%, русские — 18,6%, узбеки — 8,6%, казахи — 4,9%, украинцы, тарары, белуджи и др.

В Узбекской ССР было переписано 65,1% узбеков, 11,6% русских, таджиков — 5,1%, казахов — 4,9%, каракалпаков — 2,9%, татар — 2,3%, киргизы, корейцы, украинцы, уйгуры, туркмены, арабы, иранцы, армяне, евреи и др.

В Таджикской ССР таджики составляли 59,6%, узбеки — 23,8%, русские — 9,1, а также проживали киргизы, казахи, татары, евреи, украинцы, мордовцы, азербайджанцы и др.

В Казахстане было 40% русских, 37,8% казахов, 10,7% украинцев, кроме того, представлены немцы, корейцы, уйгуры, поляки и др.

В Киргизской ССР проживало 51,7% киргизов, 20,8% русских, 10,4% узбеков, 9,4% украинцев, казахи, татары, немцы, таджики, уйгуры.

По сравнению с 1926 г. к 1937 г. население этих республик претерпело следующие изменения (в сопоставимых границах): в закавказских республиках число жителей заметно возросло: например, в Азербайджане — на 33%, в Армении — на 39%, в Грузии — на 27%. Примерно такие же изменения были характерны и для республик Средней Азии: в Узбекской население возросло на 29%, в Туркменской — на 19%, в Таджикской — на 35%, в Киргизской — на 37%. В РСФСР и БССР численность росла не такими высокими темпами, как в упомянутых выше республиках: в РСФСР она увеличилась на 12%, в БССР — на 6%. В двух республиках — на Украине и в Казахстане — переписи зафиксировали убыль населения: соответственно на 2% (в том числе в деревне — на 20%) и 16% (в том числе сельское — на 31%).

К 1939 г. произошло увеличение численности населения во всех республиках СССР, в том числе на Украине и в Казахстане: соответственно 7 и 6% по отношению к 1937 г. Однако население Украины едва достигло численности 1926 г., а в Казахстане этот уровень еще не был достигнут.

К концу 30-х годов на территории РСФСР существовали следующие автономии: Бурят-Монгольская, в которой проживали 72% русских, 21,3% бурят, 2,5% украинцев, а также евреи, татары и пр.; Дагестанская, в которой народности Дагестана составляли 73,4% (аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, табасаранцы), кроме того, русские — 14,3%, азербайджанцы — 3,4%, чеченцы — 2,8%, а также украинцы, евреи, татары, немцы, ногайцы и др.; Кабардино-Балкарская, которую населяли кабардинцы — 42,4%, балкарцы — 11,3%, русские — 35,9%, кроме того, немцы, осетины, кумыки, евреи и проч.; Северо-Осетинская: осетины 50,3%, русских — 37,2%, армяне — 2,7%, грузины, ингуши, греки, немцы и проч.; Чечено-Ингушская: чеченцев — 52,9%, русских — 28,8%, ингушей — 12,0%, кроме того, обитали украинцы, армяне и др.; Коми: представлены 72,5% коми, русские — 22,0%, кроме того, обитали украинцы, белорусы и проч.; Карельская — русских 63,2%, карелов — 23,2%, украинцев — 4,5%, вепсов — 2,0%, финнов — 1,8%, поляки, белорусы, немцы, татары и др.; Удмуртская — русских 55,7%, удмуртов — 39,4%, татар — 3,3%, марийцы и украинцы; Марийская — марийцы 47,2%, русские 46,0%, татары 4,7%; Мордовская — русские 65,5%, мордовцы 34,1%, татары 4,0%, украинцы и белорусы; Чувашская — чуваша 72,2%, русские 22,4%, кроме того, представлены татары и мордовцы; Татарская — татары 48,8%, русские 42,3%, чуваша 4,8%, мордовцы, удмурты, марийцы; Башкирская — русские 40,6%, татары 24,6%, башкиры 21,1%, чуваша 3,4%, украинцы, марийцы и т.д.; Немцев Поволжья — немцы 60,4%, русские 25,7%, украинцы 9,6%, казахи, татары, мордовцы; Крымская — русские 49,6%,

татары 19,4%, украинцы 13,7%, евреи 5,8%, немцы 4,6%, греки, болгары, армяне, белорусы, поляки; Калмыцкая — калмыки 48,6%, русские 45,7%. Кроме того, были переписаны немцы, казахи, татары; Якутская, в которой было якутов 56,5%, русских — 35,5%, народностей Севера — 3,4%, а также татары, украинцы и корейцы населяли эту автономию.

Всесоюзная перепись населения 1937 г. зафиксировала 109 национальностей. Хотя это число меньше, чем в переписи 1926 г., где были учтены даже самые малые этнические группы, перечень национальностей в 1937 г. довольно подробный. Во всех последующих переписях он представлен в сокращенном виде, многие малые этнические группы включены в состав крупных. Так, более развернуто, чем в переписях 1939, 1959 и других последующих десятилетий, в 1937 г. отражены народы Севера, ираноязычные народности, национальности, место проживания которых находится за рубежом (чехи, болгары, французы и др.), в последний раз как самостоятельная народность переписаны латгальцы (латыши католического вероисповедания).

Следует отметить, что в переписях 1937 г. и 1939 г. употребляются названия национальностей, близких к современным: ненцы вместо самоедов (так записаны они были в 1926 г.), коми вместо зырян и пермяков (1926 г.), удмурты вместо вотяков (1926 г.) и т.д.

Самую крупную группу в многонациональном населении нашей страны составляют славянские народы — примерно 70%. Наиболее многочисленными являются русские — свыше 58%, украинцы — 16,3%, белорусы — 3,0%.

Довольно крупные национальные группы среди неславянских национальностей составляют татары, узбеки, доля которых среди других национальностей превышает 2%. Более 1% имеют удельный вес среди национальностей страны турки (азербайджанцы), а также казахи, армяне, грузины и евреи. От 0,5 до 1,0% приходится на каждую из таких национальностей, как немцы, таджики, мордвини, чуваша, башкиры, киргизы, туркмены. В группу национальностей с удельным весом от 0,1 до 0,5% вписываются молдаване, греки, осетины, каракалпаки, якуты, авары и карелы. Все остальные национальные группы имеют удельный вес менее 0,1% каждая³⁸.

Перепись 1937 г. дает возможность проследить динамику национальностей от 1926 г. Эта работа облегчается тем обстоятельством, что сравнительная таблица по данным этих двух переписей разработана самими составителями-статистиками, в то время готовившими перепись 1937 г. к изданию (табл. 79).

На основании этих сравнительных данных представляется возможным выделить несколько групп национальностей в соответствии с их изменениями в численности и удельном весе в промежутке между переписями.

**Национальный состав РСФСР по материалам
Всесоюзных переписей населения 1926 и 1937 гг.**

Национальность	1926 г.		1937 г.	
	кол-во	%	кол-во	%
1	2	3	4	5
русские	72675681	78,03	85361394	82,14
украинцы	6948381	7,46	3087022	2,97
белорусы	612020	0,65	349214	0,34
поляки	197827	0,21	92078	0,09
болгары	18644	0,02	14643	0,02
латыши	116601	0,12	54493	0,05
латгальцы	9676	0,01		
литовцы	26856	0,02	3905	0,00
немцы	755199	0,81	651429	0,63
греки	50649	0,05	73411	0,07
осетины	157348	0,16	173260	0,17
цыгане	40948	0,04	1797	0,00
армяне	195410	0,21	163277	0,16
хемшины	2	0,00		
грузины	20952	0,02	7995	0,01
абазины	13825	0,01	13761	0,01
черкесы	65105	0,07	78238	0,07
кабардинцы	13871	0,01	150278	0,15
чеченцы	318373	0,34	435922	0,42
ингуши	72140	0,08		
даргинцы	108963	0,11	144597	0,14
лакцы	40246	0,04	50054	0,05
аварцы	139664	0,15	219288	0,21
лезгины	93049	0,10	101789	0,10
табасаранцы	31983	0,03	32938	0,03
евреи**	566917	0,61	773976	0,75
крымские евреи	6185	0,00	6044	0,01
горские евреи	15617	0,02	3451	0,00
карелы	248030	0,26	231464	0,22
финны	18941	0,02	143793	0,14
финны ленинградские	115220	0,12		

1	2	3	4	5
ижорцы	16136	0,01	8565	0,01
вепсы	32784	0,03	29585	0,03
эстонцы	150378	0,16	89529	0,09
саами	1717	0,00	1828	0,00
мордвины	1307415	1,40	1214189	1,17
марийцы	428001	0,45	398525	0,38
удмурты	504018	0,54	563404	0,54
коми-зыряне	226292	0,24	259382	0,25
коми-пермяки	149448	0,16	121082	0,12
ханты	22306	0,02	22801	0,02
мансы	5754	0,00	61138	0,00
ненцы	17086	0,01	79187	0,08
селькупы	свед. нет		1742	0,00
чуваши	1114813	1,19	1158384	1,12
башкиры	712366	0,76	752880	0,73
татары	2765208	2,96	3607507	3,47
кряшены	101445	0,10		
тептяри	10608	0,01		
тюрки (азербайджанцы)	27987	0,03	37861	0,04
карачаево-балкарцы	55116	0,06	108455	0,11
в том числе балкарцы	33300	0,03		
кумыки	94510	0,10	103925	0,10
ногайцы	36256	0,03	33010	0,03
казахи	52485	0,05	292099	0,28
ойроты	1538	0,00	46141	0,04
шорцы	12601	0,01	15039	0,01
хакасы	45608	0,04	47951	0,01
тувинцы	свед. нет		1175	0,00
якуты	240687	0,25	239203	0,23
буряты	237494	0,25		
монголы	549	0,00	216831	0,22
калмыки	129200	0,14	123617	0,12
эвенки	37545	0,04	32913	0,03
эвены			2832	0,00
чукчи	12331	0,01	13673	0,01
коряки	7438	0,00	7561	0,00

1	2	3	4	5
одулы	443	0,00	261	0,00
кеты	1428	0,00	1080	0,00
караимы	5826	0,00	3372	0,00
китайцы	9063	0,01	38489	0,04
дунгане	14464	0,08	1648	0,00
корейцы	86854	0,09	167220	0,16
мишари	242570	0,26	3211	0,00
прочие	179753	0,19	1647196	1,58
Всего	93132668	100,0	103919847	100,0

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 145. Л. 15—16. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IX. М., 1929. С. 65—79.

** В общее число евреев вошли в 1926 и в 1937 гг. евреи грузинские и евреи среднеазиатские.

Первую группу национальностей составляют те, которые резко увеличили свою численность и удельный вес. Это — русские, татары, азербайджанцы (тюрки), армяне, каракалпаки и черкесы. Часть этих народов только еще вступила в демографический переход, и у них все еще держится высокий коэффициент прироста населения, другие придерживаются традиционного типа естественного воспроизводства населения с высокой рождаемостью. И в том и в другом случае имеет место высокий естественный прирост населения.

Довольно высокий прирост дали за прошедшие десятилетия такие национальности, как грузины, осетины, дагестанцы, народности Средней Азии (узбеки, таджики). В увеличении своей численности и удельного веса они несколько отстают от первой группы. Если в среднем каждая из национальностей первой группы увеличила свой удельный вес более чем на 20%, то национальности второй группы — на 15—16%. Следует заметить, что прирост населения у народов Средней Азии несколько ниже, чем у армян или азербайджанцев, поскольку имела место более высокая смертность населения, чем в Закавказье. Однако и у этой группы национальностей рождаемость была традиционно высокой.

Третью группу национальностей составляли те, кто повысил свою численность, но незначительно, за счет высокого прироста других национальностей (первой и второй групп), понизил свой удельный вес. К таким национальностям относятся белорусы, башкиры, чувашы, коми, евреи. У некоторых национальностей снизилась рождаемость (евреи), у других осталась высокой смертность населения (башкиры, чувашы).

Некоторые народы сократили свою численность, а в ряде случаев и удельный вес: немцы, карелы, марийцы, мордовцы. Многие из них тяжело пережили последствия голода 1932—1933 гг.

Особую группу составили национальности, резко понизившие и численность, и удельный вес. Это украинцы и казахи. На Украине потери населения были связаны с голодом начала 30-х годов и коллективизацией, в Казахстане — с коллективизацией, голодом и откочевыванием народа за пределы республики. Украинцы уменьшили свою численность на 15%, или на 5 млн человек, удельный вес их среди других национальностей упал с 21% в 1926 г. до 16% в 1937 г. Казахов убыло по сравнению с 1926 г. на 28%, а их доля среди других национальностей сократилась в 1,5 раза. Сократилась и численность молдаван на 20%. Наряду с прочими и общими для всех причинами, здесь, возможно, шла украинизация населения.

Итак, динамика численности и удельного веса национальностей сложна и неоднозначна. В стадию демографического перехода к современному типу воспроизводства населения вступили еще немногие народы нашей страны, и объяснить естественным путем резкие перепады в динамике численности национальностей не всегда удается. Это воздействие внешних причин и последствия коллективизации с раскулачиванием и насильственным выселением «классово-чуждых элементов», и последствия голода, прокатившегося по многим районам страны, особенно в 1932 и 1933 гг., это и репрессии, размах которых все более нарастал.

Перепись 1937 г. позволяет судить об изменениях в национальном составе РСФСР. Как и в 1926 г., полиэтничность в республике была по-прежнему высокой. В табл. 80 представлены 74 национальности. За время переписями изменилось соотношение национальностей по сравнению с 1926 г. Заметно вырос удельный вес русского населения — с 72 до 82%, а численность его увеличилась на 12 млн человек. Возросла доля среди национальностей народностей Северного Кавказа: осетин, даргинцев, лакцев, аварцев, кабардинцев. Увеличился удельный вес татар на территории РСФСР. Включая кряшенов и тептярей, их стало 3,47% против 3,07% в 1926 г., а их численность за тот же период возросла на 700 тыс. человек. На 200 тыс. увеличили свою численность евреи, а их удельный вес среди других народов — 0,14%. Стало больше и по численности, и по удельному весу китайцев, якутов, корейцев. Обращает на себя внимание резкое возрастание на территории РСФСР численности казахов: в 1926 г. они насчитывали 52 тыс., а в 1937 г. — 300 тыс., их удельный вес увеличился в 5 раз. Вероятно, они переместились сюда из Казахстана. Возросли численность и доля среди других народов, хотя последнее увеличение не было значительным, малые народы: ненцы, ойроты и др.

Ряд народов, напротив, сократил и свою численность, и удельный вес. Прежде всего это относится к группе славянских народов, кроме русских. Доля украинцев сократилась на территории РСФСР в 2 раза, белорусов — в 2 раза, а поляков — даже в 3 раза. Менее значительно, но сократился удельный вес некоторых

народов Поволжья и Прикамья: мордовцев, марийцев, чувашей, башкир. Уменьшилась доля в национальном составе латышей, литовцев, немцев, карелов, эстонцев, армян, грузин, цыган. Ряд этих национальностей, видимо, переместился на территорию своих республик.

В силу в основном насильственного раскулачивания и репрессий, связанных с переселениями, усилился миграционный поток в восточные районы республики — на Урал, в Сибирь. Там возникли новые районы расселения, изменилась география размещения многих национальностей на территории РСФСР. Проследим это на примере некоторых национальностей. Так, украинцев за период между переписями 1926 и 1939 гг. стало больше в Карелии в 30 раз, в Красноярском крае — в 3,5, в Новосибирской области — более чем в 2,5 раза, в Челябинской — в 6 раз, в Читинской области — более чем в 5 раз. В связи с этим появились места крупного сосредоточения украинского населения. В Новосибирской области проживала в 1937 г. 141 тыс. украинцев против 60 тыс. в 1926 г., в Карелии — соответственно 22 тыс. и 700 человек, в Красноярском крае — 52 тыс. и 15 тыс., в Челябинской области — 73 тыс. и 12 тыс., в Читинской — 38 тыс. и 7 тыс., на Дальнем Востоке число украинцев составило к 1937 г. 328 тыс. (хотя и в 1926 г. здесь было крупное место сосредоточения лиц этой национальности). Новым местом для украинцев была Свердловская область, где в 1926 г. их было так мало, что они не были зафиксированы переписью, а в 1937 г. их проживало 53 тыс. Некоторые из названных районов были местами проживания ссыльных или сосредоточением мест заключения.

Любопытная картина расселения казахов на территории РСФСР. Если в 1926 г. их проживало 52 тыс., то к 1937 г. стало 300 тыс. человек. В шести случаях они размещались в новых для себя районах: Саратовской области и республике Немцев Поволжья, в Дагестане, Сталинградской, Челябинской, Новосибирской областях. В этих районах их насчитывалось: в Саратовской, Челябинской, Новосибирской областях и Дагестане от 10 до 25 тыс., а в Сталинградской области — 71 тыс. Кроме того, численность казахов возросла и в тех районах, где они проживали в 1926 г.: в Оренбургской области — с 21 тыс. до 70 тыс., в Омской — с 24 тыс. до 50 тыс.; довольно много их было и в Алтайском крае (в 1937 г. — 29 тыс. человек).

Часть казахов-переселенцев мигрировала из Казахстана в РСФСР под напором коллективизации, которая проводилась там позднее и приняла очень жестокие формы. В этих случаях переселенцы оказались в более благоприятных местах поселения, в частности в Поволжье. Однако значительная часть казахов была насильственно переселена в отдаленные малообжитые районы РСФСР.

Следует отметить, что сведения о расселении народов в других переписях, проводившихся впоследствии, были закамуфлированы

и извлечь их весьма сложно. Это еще более увеличивает ценность переписи 1937 г., поскольку она дает в данном случае обширную информацию.

Таким образом, перепись 1937 г. — одна из немногих советских переписей, отразивших глубоко и полно национальный состав населения страны.

От 1937 к 1939 г. национальный состав России претерпел некоторые изменения. Численность русских увеличилось на 5 млн, возросла более чем на 300 тыс. численность татар, более чем на 100 тыс. увеличилась численность белорусов. Тенденция к росту численности ярко выражена у финноязычных народов: удмуртов, марийцев, эстонцев, коми, карелов. Прирост населения наблюдался у народностей Северного Кавказа, Дагестана, у евреев, у народностей Севера. Народности Поволжья и Прикамья также увеличили свою численность. Напротив, некоторые народы обнаружили тенденцию к сокращению своей численности: украинцы, например. Остались по численности на том же уровне якуты, буряты и др. По сравнению с 1937 г. резко возросла численность поляков и немцев, особенно поляков, которых было в 1937 г. 92,1 тыс. человек, а в 1939 г. стало 147,5 тыс., но все же меньше, чем в 1926 г. Скачок произошел и в численности латышей — с 54,5 тыс. в 1937 г. до 105,8 тыс. в 1939 г.

К концу 30-х годов остается неизменным и у славянских и у неславянских народов большое количество детей. Например, у русских доля детей (0—8 лет) составляла 21,2%; у удмуртов и чувашей — около 25%. У тюркоязычных (татар и башкир) удельный вес этой возрастной группы достигал 27—29%. У неславянских народностей рождаемость была еще выше, чем у славянских.

И у славянских и у неславянских народов значительна доля молодежи. Лиц зрелого возраста по удельному весу больше у славянских народов, чем у неславянских. Лица пожилого возраста представлены довольно слабо как у славянских, так и неславянских народов (удельный вес их низок). По-прежнему видно нарушение соотношения полов. У славянских народов соотношение полов нарушено в пользу женщин. Например, мужчин у русских 46,6%, в том числе в возрасте 20—49 лет — еще ниже 45,2%. Все еще видны людские потери прежних лет, а также тридцатых годов. Несколько меньший дисбаланс полов в пользу женщин наблюдался у угро-финнов и тюрков. Так, возрастная группа 20—49 лет у чувашей насчитывала мужчин 47,3%, у удмуртов — 46%, у татар — 48%. В то же время у народов Дальнего Востока и ряда народов Севера напротив преобладали мужчины; причина, видимо, состояла в ранней смертности женщин. У якутов в этой возрастной группе мужчин 58,5%. Примерно такой же процент мужчин и у народов Севера.

У всех народов России по-прежнему сохраняются традиционный способ воспроизводства населения, о чем свидетельствует высокая рождаемость и большое количество детей в возрастной

структуре, высокая смертность (малый процент пожилых и престарелых), в целом молодая возрастная структура населения. Эти демографические характеристики ярче выражены у турецких и особенно у финно-угорских народов. У многих народов видны следы потерь населения в период войн и социальных потрясений.

Грамотность, образование

К 1937 г. политика ликбеза добилась немалых результатов в распространении грамотности среди населения³⁹: среди мужчин было 86% грамотных, а среди женщин — 66,2% (с 9 лет и старше). Особенно высокие показатели грамотности были у молодежи. Среди 12—14 и 18—19-летних грамотных было свыше 90%. Однако работа по ликвидации неграмотности была еще далеко не завершена. В самом деле, перепись 1937 г. не зафиксировала ни одной возрастной группы, в которой бы не было неграмотных. Между тем критерий грамотности был весьма низким. Надо было уметь читать по слогам и написать свою фамилию. При таком низком критерии грамотности даже среди молодежи 20 лет было от 5 до 8,5% лиц, не умеющих ни читать, ни писать. Чем старше была возрастная группа, тем выше в ней процент неграмотных: в возрасте 30—34 лет таковых насчитывалось 20%, 40—44 лет — 33, а среди 50—55-летних неграмотными были почти половина.

У женщин с грамотностью дело обстояло гораздо сложнее, чем у мужчин. В 12—14-летнем возрасте, равно как и в 19 лет, неграмотных мало и среди мужчин и среди женщин: соответственно 5 и 11%. Однако уже в возрастной группе 20—24-летних неграмотные женщины составляли 19%. Гораздо раньше, чем у мужчин, происходило резкое увеличение показателя неграмотности. У 30—34-летних женщин почти 1/3 неграмотны, а среди 40—44-летних таких была половина; женщины 60—64 лет на 83% были неграмотны. Очевидно, многие девочки старше 10 лет своевременно в школу не пошли, а к 15 годам девушка считалась уже невестой и готовилась к замужеству.

Эти данные подтверждаются переписью населения 1939 г. Среди мужчин 9—19 лет было 99,2% грамотных. Это в условиях города. Но и в деревне грамотность среди мужчин этой возрастной группы была высокой, составляя 95%.

Среди молодых женщин процент грамотных и в городах и в селах довольно высок, но в группе 20—49 лет, особенно в деревне, показатель грамотности заметно понижается. Более 30% женщин — жительниц села в этой возрастной группе неграмотны. В возрасте 50 лет и старше грамотных среди мужчин 84,5% в городах и 61,8% на селе, среди женщин — соответственно 48,3 и 15,2%.

Нужно сказать, что если в 1937 г. критерий грамотности не был определен очень жестко, то в 1939 г. его четко придержива-

лись, поэтому ее данные точнее в данном случае отражают положение с грамотностью населения⁴⁰. Собранный этой переписью информация так же не подтвердила, как и перепись 1937 г., широко распространенную в пропагандистской печати версию о сплошной грамотности населения СССР. Поэтому и ее данные не были опубликованы по этим показателям в печати, даже самые общие.

У славянских народностей показатели грамотности намного выше, чем у многих других народов России и СССР. Лишь евреи, немцы имели такие же, а иногда и выше, показатели грамотности, как у славян. У немцев, а также у эстонцев показатели грамотности в городе и селе среди мужчин и женщин более сглажены, чем у славян. Например, немцы-горожане были грамотными на 94,6%, а немцы, проживающие в селе, — 92,9%. Даже у пожилых женщин в селах грамотными были 85,6%.

У русских показатели грамотности в среднем высокие, но разница в показателях по месту проживания и полу гораздо резче выражена. Так, в городах 90,6% грамотного населения, а на селе 78,2%. У женщин грамотность заметно ниже — уже в 20—49 лет грамотных 78%, а в 50 лет и старше — 26,4%. Сходные данные собрала перепись 1939 г. и по украинцам.

Показатели грамотности у татар и у башкир ниже, чем у славянских народов. Но достижения здесь очень большие, поскольку неграмотных было до начала 30-х годов много. К 1939 г. в городах среди татар 82,2% грамотных, а среди башкир — 80,6%, в деревне — соответственно 75,6 и 71,0%. Разница прослеживается, и немалая, по уровню грамотности между мужчинами и женщинами. К тому же с возрастом и среди мужчин, особенно в селе, резко снижается уровень грамотности.

У мордовцев, марийцев и удмуртов общие показатели грамотности ниже, чем у татар и башкир. Более 30% населения неграмотно. Город сильно отличается в этом плане от села: у мордовских мужчин в городах неграмотно 25%, а в селах — 35%. Уже в группах 20—49 лет среди мордовских женщин около 50% неграмотных. В возрасте 50 лет и старше неграмотных мужчин от 50 до 60%, а женщин грамотных в пожилом возрасте всего 6,8%. А у пожилых удмуртских женщин грамотных всего 3,8%. В возрасте 9—19 лет у всех этих народов процент грамотных очень высокий, даже в селе.

Больших сравнительно успехов в распространении грамотности достигли народности Дагестана. У мужчин в возрастной группе 20—49 грамотных 80,1%, а женщин — 63,1%. Среди молодежи 9—19 лет грамотных в деревне больше, чем в городе: соответственно 94,2 и 92,9%. Однако так же, как и у других народностей, здесь в возрастной группе 50 лет и старше женщины по грамотности резко снижают свои показатели. Грамотных мужчин в этом возрасте 40%, а женщин всего 8,5%.

Довольно низкие показатели грамотности имели чеченцы и казахи. Так, в группе 20—49 лет грамотных среди тех и других со-

ответственно 50 и 45,6%, а в сельской местности — 38,2 и 44,5%. Но и у этих народов в группе 9—19 лет показатели грамотности относительно высокие.

Низкие показатели грамотности в 1939 г. имели народности Севера. В возрастной группе 20—49 лет грамотных было всего 40,5%, причем женщин грамотных было всего 32%.

Однако несмотря на то, что распространение грамотности и ее усвоение происходило неравномерно, нужно отметить, что среди молодежи подавляющее большинство было грамотным: ниже 70% показатель не опускался. Преобладающий процент был равен 90. О сплошной грамотности среди этих народов говорить не приходится, это можно сказать лишь для молодежи некоторых народов, где грамотность была равна почти 100%. Если же иметь в виду более пожилые возраста, то образование не имело еще широкого распространения в обществе. Во всяком случае грамотных, но не имеющих образования, в возрасте 16 лет — 59%, причем грамотных мужчин без образования 70,6%, а женщин — 49,1%.

В 1937 г. среднее образование имело всего 4,9% населения, а высшее — 0,6%. Среди мужчин показатели несколько выше: соответственно 4,7 и 0,8%, но среди женщин они ниже среднего: 3,9 и 0,3%.

Основная масса людей, имеющих образование, принадлежала к возрастным группам 18—45 лет (среднее образование) и 26—45 лет (высшее образование). В других возрастных группах лиц со средним и особенно высшим образованием немного.

Женщины, получив доступ к образованию, начали довольно активно реализовывать свое право. В возрастной группе 12—14 лет образование имели 8,2 тыс. мужчин и 8,7 тыс. женщин. Любопытно, что в старших возрастных группах женщин со средним образованием больше, чем мужчин. Даже в группе 60—69-летних женщин со средним образованием больше, чем мужчин: соответственно 34 тыс. и 28 тыс. Более доступным для женщин стало и высшее образование. Заметно, что женщины стремились его получить еще до замужества. Так, в группе 20—24-летних мужчин с высшим образованием было 24 тыс., а женщин — 28 тыс., хотя в целом мужчин с высшим образованием больше, чем женщин.

В 1939 г. учащегося населения насчитывалось в России 17,8%. В начальной школе обучались дети от 8 до 17 лет. Было много переростков. В возрасте от 17 до 35 лет учились либо в старших классах школы, либо в техникумах. С 19—20 лет обучались в вузе.

Среднюю школу заканчивали к 18—19 годам (основная масса учащихся). После 18 лет число учащихся резко сокращалось, а ведь в стране было еще много неграмотных, которые по каким-либо причинам не были охвачены обучением и оставались в лучшем случае малограмотными.

В деревне было широко распространено начальное образование. В городах широкое распространение получило и среднее. Однако из данных переписи следует, что основным видом обучения,

самым распространенным в стране, было начальное образование. В начальной школе обучалось 46% всех учащихся мужчин и столько же женщин. В старших классах обучалось менее 1% учащихся. Примерно столько же учащихся было и в техникумах. Мужчины предпочитали специальное образование в техникумах, а женщины там было меньше: соответственно 405 тыс. и 507 тыс.

В вузах обучалось 335 тыс. мужчин и 226 тыс. женщин. Но надо иметь в виду, что перепись заочных видов обучения не учитывала. Получение высшего образования у многих тогда затягивалось, иногда до 49-летнего возраста. Таким образом, специалистов с высшим образованием выпускалось немного.

Положение с состоянием образования мало изменилось к 1939 г. На 1000 населения РФ приходилось 77 человек со средним, в том числе неоконченным, образованием и 7 человек с высшим. При этом в городах на 1000 населения приходилось 258 человек со средним и 16 с высшим образованием, а на селе — соответственно 36 и 1,6.

В городах мужчин со средним образованием насчитывалось на 1000 населения 163 человека, а женщин — 153, в деревне — соответственно 46 и 26. Что касается высшего образования, то в городах мужчин было на 1000 населения всего 23 человека, а женщин — 11, в деревне — соответственно 2,5 и 0,8.

Лиц со средним образованием было мало даже в очень крупных городах. Например, в Москве на 1000 человек приходилось 220 со средним образованием, а в Ленинграде — 219. Что касается высшего образования, то в Москве на 1000 человек 41 имел высшее образование, а в Ленинграде — 34.

По уровню образования различия среди народов России были достаточно большими. Среднее образование среди русских на 1000 человек имели 77, среди украинцев — 113, белорусов — 176, евреев — 344, немцев — 67, татар — 44, башкир — 32, мордовцев — 28, казахов — 22, чеченцев — 26, народностей Севера — 17 и т.д.

Высшее образование имели на 1000 человек: русские — 5,8, украинцы — 11, евреи — 104, немцы — 5,8, башкиры — 1,3, татары — 1,9, мордовцы — 1,3, чуваша — 2,5, чеченцы — 1,3, казахи — 1,0, народности Севера — 0,3.

Итак, если оценивать ситуацию, зафиксированную переписью в области грамотности и образования населения, то следует признать, что в стране был достигнут прогресс по сравнению с 1926 г.: подавляющая часть населения стала грамотной, дети и молодежь были вовлечены в школы, техникумы и вузы. Впервые за сотни лет женщины в нашей стране были допущены ко всем видам обучения и образования.

Но результаты, полученные переписью 1939 г., отразили не только успехи в этой области. Грамотность оказалась вовсе не «сплошной», а среднее и высшее образование отставало от требований времени.

Итак, мирное время, десятилетие между переписями 1926—1939 г., отмечено огромными потерями населения. Сказались людские потери, связанные с голодом начала 30-х годов, переселения раскулаченных, массовые репрессии, высокая смертность в местах заключения. Исследование причин смертности по возрастным группам выявило большую детскую, особенно младенческую, смертность. В течение ряда лет прирост населения был низким, а в 1933 г. — отрицательным: смертность превысила рождаемость.

Людские потери оставили глубокие «демографические ямы» в возрастнополовой пирамиде, деформировали возрастнополовой состав населения. Спецификой этой деформации было то, что она коснулась самых молодых детородных групп и зрелых возрастов населения, снизила удельный вес в возрастной пирамиде детей от 0 до 10 лет. Деформации в возрастнополовой структуре населения носили крупномасштабный характер, охватив всю территорию Российской Федерации.

Сопоставление данных переписей позволило проследить изменения в численности и размещении многих народов на территории страны, выявить резкое сокращение или, напротив, увеличение их численности. Переселения некоторых народов в новые для них места обитания деформировали демографические процессы.

Кризисная демографическая ситуация в первой половине 30-х годов надолго затормозила и деформировала естественный процесс демографического перехода к новому типу воспроизводства населения, развивавшемуся тогда в странах индустриального мира.

Данные статистики 30-х годов свидетельствуют о больших достижениях в распространении грамотности среди населения. Однако о «сплошной» грамотности говорить было рано: деревня отставала, и существенно, от города, женское население от мужского, особенно в национальных районах. Кроме того, неграмотные были представлены во всех, без исключения возрастных группах, начиная с 9-летнего возраста.

Население России в IX—XIX вв.: исторический экскурс

Численность и естественное движение населения

Первые дошедшие до нас данные по учету населения относятся к концу XV — началу XVI в. Они зафиксированы в так называемых «писцовых» книгах Новгородской земли 1495—1505 гг., в которых для сравнения приведены и итоги предыдущего писцового описания 1480-х годов¹. Сохранились также писцовые книги середины и конца XVI в. по отдельным уездам и более полные материалы писцового описания 1620—1630-х годов. Писцовые описания учитывали земельные владения, облагавшиеся налогом, хозяйства (дворы) и глав проживавших в них семей; общие итоги их до нас не дошли².

В 1646—1647 гг. правительство произвело первую перепись податных дворов и их мужского населения (далее условно: перепись 1646 г.). Общий итог этой переписи сохранился³. В 1678—1679 гг. была произведена вторая перепись податного населения, причем часть его переписывалась в 1672—1682 гг. (далее: перепись 1678 г.). Она включила часть ранее неподатного населения; общие итоги ее тоже сохранились⁴. В 1710 г. состоялась новая подворная перепись, причем состав податного населения снова был расширен. Однако ее итог оказался меньше итога переписи 1678 г. почти на 20% и был отвергнут правительством; по этой же причине была отвергнута и перепись 1715-1717 гг. Убедившись в неэффективности подворных переписей, правительство приняло решение заменить подворные налоги «единым подушным», т.е. облагать не дворы, а людей мужского пола («души»)⁵. Такие переписи мужского податного населения стали проводиться регулярно до 1857 г.; они получили название «ревизий» (условная дата I ревизии — 1719 г.)⁶.

Таким образом, относительно полные и достоверные данные о численности населения имеются только с 1646 г. Поскольку это данные лишь о числе дворов и мужского податного населения, численность населения приходится определять расчетами, принимая число женщин равным числу мужчин. Наиболее аргументированными из них являются расчеты историков П.Н.Милюкова, П.П.Смирнова, А.И.Копанева и демографа Б.Ц.Урланиса⁷. Однако ни один из предложенных ими расчетов не может быть полностью принят. Появившиеся позднее специальные исследования

переписи 1678 г. и I ревизии дают возможность предложить новые расчеты.

Перепись 1646 г. зафиксировала 518 тыс. дворов крестьян и 31 тыс. дворов посадских людей (горожан). Взяв среднюю населенность 8 чел. на крестьянский двор и 6 чел. на посадский, получим численность населения в 4,3 млн чел. Приняв утайку населения в 25%, получим 5,7 млн чел. Добавим к ним численность неучтенного переписью неподатного населения, доля которого по переписи 1678 г. составляла: феодалы (включая духовенство) и армия — 6%, однодворцы — 2%, холопы — 2%. Кроме того, доля тоже неучтенных (точнее, учтенных неполно) нерусских народов была 4%. Все это дает численность населения в 1650 г. в 6,7 млн чел. Из осторожности округлим до 7 млн чел.

Для дальнейших расчетов специалистами предложены два метода определения численности населения: по средней плотности населения и по размеру естественного прироста. Первый из них должен быть отвергнут, т.к. дает лишь максимально возможную численность населения. Второй метод крайне субъективен: по периоду 1500—1700 гг. оценки величины естественного прироста расходятся в пределах от 5 до 50%. Думается, что несмотря на это он все же может быть применен с определенной осторожностью.

Прежде всего, встает вопрос: принять ли какой-либо процент прироста из предложенных (и тогда — кем предложенный) или выдвинуть иную оценку ситуации в 1500—1700 гг. Представляется, что предпочтение следует отдать оценкам Б.Ц.Урланиса, основанным не только на учете влияния событий на численность населения, но также и на знаниях, опыте и интуиции специалиста-демографа. Он оценивал прирост в 1600—1650 гг. как восполнивший убыль, но не перекрывший ее: в 1500—1600 гг. — в 5%: в 1500—1550 гг. — в 15%⁸. Принимая эти оценки и опираясь на определенную нами численность населения в 1650 г. в 7 млн чел., получим в 1600 г. тоже 7 млн чел., в 1550 г. вместе с населением Казанского и Астраханского ханств и Западной Сибири — 6,7 млн чел.

Чтобы определить численность населения в России в 1550 г., необходимо исключить из 6,7 млн чел. население Казанского, Астраханского и Сибирского ханств на 1550 г. Во всей Сибири в конце XVII в. численность нерусских народов определяется в 0,3 млн чел., так что численностью их в середине XVI в. можно пренебречь⁹. А.И.Копанев полагал, что можно пренебречь заодно и численностью населения Казанского и Астраханского ханств, поскольку их территории «были почти не заселены»¹⁰. Б.Ц.Урланис, исходя из плотности населения, принятой им в 1,5 чел., насчитал там 2 млн чел.¹¹ Но это явно завышенное число.

Попробуем применить и тут расчет естественного прироста. Между I и III ревизиями (1719—1762 гг.), за 40 лет, нерусское население на территории бывших ханств, т.е. в Среднем и Нижнем Поволжье и Южном Приуралье, увеличилось с 1 млн чел. до

1,3 млн чел., или на 30%, что дает прирост за столетие в 75%¹². По этому расчету на данной территории в 1650 г. должно было быть 0,6 млн чел., в 1600 — 0,4 млн, в 1550 — 0,2 млн чел.

Следовательно, в России в 1550 г. было 6,5 млн чел.

Попытаемся определить, как изменялась численность населения в 1000—1550 гг. на территориях, вошедших в Российское государство в середине XVI в., и на землях, образовавших Украину и Белоруссию. Для этого опять используем метод расчета естественного прироста.

Можно предположить, что прирост в XI—XV вв., в обстановке феодальных войн и набегов сначала половцев, а затем татар, был примерно равен приросту в первой половине XVI в., когда продолжались войны между Московским княжеством и Литвой и татарские набеги с юга и востока (из Крыма и Казани). Этот прирост А.И.Копанев определил в 50%, а Б.Ц.Урланис в 15%. А.И.Копанев основывался на приросте в отдельных населенных пунктах Новгородско-Псковской области, который составлял от 37 до 64%, однако предпочтительнее и корректнее оценка обстановки Б.Ц.Урланисом, поэтому мы принимаем прирост в 15% за полвека, т.е. 30% за столетие. Исключение представляет собой вторая половина XIII в., точнее, период с 1240 по 1300 г., после нашествия татаро-монголов Батыея (1237—1240 гг.). Оно сопровождалось массовым разрушением городов и деревень, гибелью воинов и мирного населения, уводом в плен огромного количества людей. Если мы оцениваем потери населения в период Северной войны и петровских реформ в часть естественного прироста, потери в период голода начала XVII в. и затяжных войн — во весь прирост за половину столетия, то потери от татаро-монгольского нашествия были никак не меньше, а, наоборот, больше. Оценим их во весь прирост за 40 лет (1200—1250 гг.) и еще в 10% населения¹³. Тогда численность населения на территории, составлявшей в 1550 г. Российское государство, будет следующей: в 1550 г. — 6,5 млн чел., в 1500 г. — 5,6 млн, в 1400 г. — 4,3 млн, в 1300 г. — 3,3 млн, в 1250 г. — 2,9 млн, в 1200 г. — 3,2 млн, в 1100 г. — 2,5 млн, в 1000 г. — 1,9 млн чел.

Относительно точными данными о населении Белоруссии и Правобережной Украины мы располагаем только с 1795 г. (V ревизия). В 1795—1850 гг. численность населения этих регионов увеличилась с 6,5 до 8,2 млн чел., или на 26%, что дает 50% прироста за столетие¹⁴. Но это — в условиях стабильности Российской империи. Можно предположить, что в составе Речи Посполитой прирост был меньше, поэтому из осторожности возьмем его в 30% в столетие. Тогда получаем численность населения в 1700 г. — 5 млн чел., в 1650 г. — 4,3 млн чел.

На Левобережной Украине точные данные относятся ко времени сразу после окончания I ревизии: 1,8 млн чел.¹⁵ Принимая тот же процент прироста, получаем на 1650 г. 1,5 млн чел., а вместе с Правобережной Украиной и Белоруссией — 5,8 млн чел.

Общая численность их населения в 1600 г. — 4,5 млн, в 1500 г. — 3,5 млн, в 1400 г. — 2,7 млн, в 1300 г. — 2,1, млн, в 1250 г. — 1,8 млн, в 1200 г. — 2 млн, в 1100 г. — 1,5 млн, в 1000 г. — 1,2 млн чел.

Думается, что принятый нами процент прироста — 30% в столетие — должен считаться наименьшим: П.Н.Милюков определяет 30% прироста за период с 1620-х по 1678 г., т.е. за 50 лет, или 60% за столетие; А.И.Копанев принял для 1500—1550 гг. 50%, а для 1550—1600 гг. 20%, т.е. 100 и 40% за столетие. Но чем больший прирост мы примем, тем меньше окажется исходная численность населения.

Таким образом, предлагаемый нами расчет численности населения на территории Древней Руси и русских княжеств, вошедшей в XVI—XVIII вв. в состав Российского государства и Российской империи, при различных размерах естественного прироста общей численности на 1500 г. в 9,1 млн чел. и при потерях от татаро-монгольского нашествия, включавших весь прирост и еще 10% населения, дает следующие итоги (в млн чел.):

Размер прироста (в %)	Годы					
	1400	1300	1250	1200	1100	1000
30	7,0	5,4	4,7	5,2	4,0	3,1
40	6,5	4,6	3,8	4,2	3,0	2,1
50	6,1	4,1	3,3	3,7	2,5	1,7

Наиболее правдоподобными представляются размер прироста в 30% и соответствующая ему численность населения.

В течение XVIII—XIX вв. в России последовательно сменилось несколько видов учета населения.

В XVIII — 50-х годах XIX в. (1719—1858 гг.) основной и наиболее полной формой учета податного и основной части неподатного населения являлись ревизии. Всего в России было произведено десять ревизий. Все иные виды учета населения в условиях России (церковный учет числа прихожан по сословиям с 1737 г., административно-полицейский учет с 30-х годов XIX в.) отличались меньшей степенью полноты и точности. Церковный учет до 30-х годов XIX в. не распространялся на мусульман, католиков, ламаистов и иудеев, а административно-полицейские исчисления до 1858 г. основывались главным образом на показателях ревизий и церковного учета и не могли еще считаться самостоятельным видом регистрации жителей страны. Лишь в пореформенные годы полицейский учет делается самостоятельным и — до конца XIX в. — единственным видом учета населения (были проведены исчисления жителей за 1.1.1859 г., 1864, 1868, 1871, 1886 и 1896 гг.)¹⁶

Кроме того, в пореформенные годы в отдельных частях империи производятся локальные переписи всего населения (в Петер-

бурге, Москве, Одессе, Варшаве, во всей Прибалтике и т.д.). Наконец, 28 января 1897 г. по всей империи была произведена научно организованная перепись населения¹⁷.

В границах 20-х годов XVIII в. показатели среднегодового прироста населения между ревизиями отличались крайней неравномерностью¹⁸. В целом с 1719 по 1795 гг. число жителей мужского пола возросло с 7570,4 до 14075,2 тыс., а среднегодовой прирост составил 0,82%. Однако он оказался пониженным между I и II (0,66%) и IV—V (0,61%) ревизиями, а со II по III (0,94%) и с III по IV (1,03%) был гораздо выше. Все же учтенное ревизиями население в 1719—1795 гг. выросло с 7788,9 до 18700,1 тыс. чел, или на 138,2%.

С I по II ревизию (1719—1744 гг.) население страны увеличилось всего на 16,9%, а среднегодовой прирост составил только 0,62%. Большую роль в этом сыграли войны со Швецией, а также с Турцией. В 1719—1744 гг. в рекруты было взято 513 тыс. чел. (6,6% всего мужского населения), которые фактически не возвращались обратно, так как служба тогда была бессрочной. Нельзя забывать и того, что в 20-е — начале 40-х годов в России были часты неурожаи, а в 1722 и 1733 гг. наблюдался голод. Немалую роль в замедлении показателей движения населения сыграло и усиление феодально-крепостнического гнета в первой половине XVIII в. Удельный вес крепостного люда с I по II ревизию вырос с 48,4 до 50,6%¹⁹.

Со II по III ревизию (1744—1762 гг.) в стране действовали те же тенденции, но выражены они были более приглушенно, и население увеличилось за 18 лет на 18,5%, то есть больше, чем за 25 лет с I по II ревизию. Среднегодовой прирост составил 0,9%. Повышенный прирост отмечался во многих районах. Особенно высоким он оказался в заселенных землях: Новороссии (+14,2%), Северном Приуралье (+26,9%) и Сибири (+24%). Слабым он был на Северном Кавказе (+1,2%), Левобережной Украине (+10%) и в Северном районе (+10,2%).

Это явление можно объяснить отсутствием голода и эпидемий за весь период с 1744 по 1762 гг. Кроме того, в эти годы Россия вела только одну войну (1756—1762 гг.) и не подвергалась нападениям крымских татар и турок.

Во второй половине XVIII в. с III по IV ревизию (1762—1782 гг.) в России еще более увеличиваются показатели прироста населения. В границах 20-х годов XVIII в. население увеличилось на 22,7% (с 21361,8 до 26195,6 тыс. чел.), а среднегодовой прирост достиг 1%. Это был самый высокий прирост за весь дореформенный период. В 60—70-е годы XVIII в. в России не отмечалось ни одного повсеместного неурожая. Эпидемия чумы 1771 г. охватила сравнительно небольшую территорию. Наконец, в этот период Россия вела лишь одну войну (с Турцией в 1768—1774 гг.).

Как и ранее, наиболее высоким приростом характеризовались Нижнее Поволжье (+39%), Северное Приуралье (+35,8%), Си-

бирь (+32,2%). Пониженным был прирост на Северном Кавказе (+4,4%), в Северном районе (+13,5%), на Левобережной Украине (+17,7%).

С IV по V ревизию (1782—1795 гг.) прирост населения России сильно замедляется. За 13 лет число жителей увеличилось на 31,7% (с 14205,1 до 18707,1 тыс. душ мужского пола), но это было связано с присоединением новых территорий. В неизменных границах 20-х годов XVIII в. население увеличилось всего на 8,3% (с 12994,4 до 14075,2 тыс. душ мужского пола), а среднегодовой прирост составил 0,61%.

В указанный период в стране не отмечалось массовых эпидемий или повсеместного голода. Однако именно в эти годы Россия воевала с Турцией и Швецией и в рекруты было взято рекордное число — 642,8 тыс. чел.

Повсеместным приростом характеризовались окраинные районы (Сибирь, Новороссия, Нижнее Поволжье и т.д.), тогда как в центре он был невисок.

В начале XIX в. (с V по VI ревизию) показатели прироста населения вновь увеличиваются. В границах 20-х годов XVIII в. они выросли на 15,6%, а среднегодовой прирост поднялся до 0,9%. Сильного голода и эпидемий в это время в стране не отмечалось. Однако темпы прироста тормозились почти не прекращающимся состоянием войны с Францией. В рекруты было взято огромное число людей (только в 1800—1810 гг. более 500 тыс. чел.).

С VI по VII ревизию (1811—1815 гг.) прирост населения вновь снижается. На территории, охваченной ревизским учетом, он составил только 2,7%, а в границах 20-х годов XVIII в. — 1,7%. Это было вызвано резким снижением показателей естественного прироста (в 1813 г. он был отрицательным)²⁰. В рекруты в 1811—1815 гг. было взято около 760 тыс. чел. — рекордная за всю историю дореформенной России цифра. Это и определило неблагоприятную демографическую ситуацию.

С VII по VIII ревизию (1815—1834 гг.) население растет быстрее. По всей России, охваченной ревизиями, население увеличилось на 15,4%, а в границах I ревизии — на 19,5% (среднегодовой прирост составил соответственно 0,9 и 1,0%). Охваченное ревизиями население увеличилось с 21943,5 до 25910,3 тыс. душ мужского рода, а в целом по империи — с 42762 до 52773 тыс. чел. обою пола.

Период с 1815 по 1834 г. нельзя признать благоприятным для роста населения. В 1820—1821 гг. на всю страну распространяется сильный голод. В 1829—1831 годов в южных и юго-западных губерниях свирепствовала эпидемия холеры. Однако до середины 20-х годов естественный прирост в стране был особенно высок, что и определило общую картину за весь период.

Между VIII и IX ревизиями (1834—1850 гг.) прирост населения резко замедляется (был самым низким за всю первую полови-

ну XIX в.). На территории, охваченной ревизиями, прирост достиг в эти годы 8,4%, а по всей империи — 10,3% (с 63199 до 69732 тыс. чел. обоого пола), а среднегодовой прирост соответственно составил 0,5 и 0,6%.

30—40-е годы XIX в. были весьма неблагоприятным периодом в истории страны. Именно в эти годы на Россию обрушились частые недороды, а в 1839 и 1843 гг. всю империю постиг сильнейший голод. Холерные эпидемии также проявились с особой силой в эти годы. В 30-е годы от холеры погибло около 250, а в 40-е — более 800 тыс. чел. обоого пола.

Уже в 50-е годы XIX в., накануне отмены крепостного права, в России население вновь начинает увеличиваться быстрее. С IX по X ревизию (1850—1858 гг.) число жителей на охваченной ревизиями территории выросло на 9,6% (с 58169 до 63724 тыс. чел. обоого пола), а по всей России — на 8,9% (с 69732 до 75927 тыс. чел.). Среднегодовой прирост достиг 1,2%. И это несмотря на людские потери в период Крымской войны. Определенную роль в этом играло резкое снижение удельного веса частновладельческого крестьянства (в начале XIX в. — 64% общего числа жителей, а с 1858 г. — менее 40%).

Несмотря на значительные колебания в приросте населения между отдельными ревизиями, в целом в XVIII — 50-х годах XIX в. он оказался близким к 0,8% в год. Во второй половине XIX в. прирост населения постепенно ускоряется. После отмены крепостного права, в 60—90-х годах среднегодовой прирост повышается до 1% (в границах 20-х годов XVIII в.) и до 1,3% по всей России (с 30621,3 до 48917,9 тыс. душ м.п. с 1858 до 1897 г.). По этому показателю Россия устойчиво выходит на первое место в Европе.

Все население страны с 1807 г. по 1897 г. увеличилось следующим образом: в 1807 г. — 79068,0 тыс. чел. обоого пола, в 1877 г. — 91731,2 тыс., в 1887 г. — 108636,7 тыс., по переписи 1897 г. — 125653,2 тыс. Отмена крепостного права, несомненно, способствовала улучшению жизни крестьянства, что привело к увеличению рождаемости и уменьшению смертности.

Благоприятное влияние на этот процесс оказали также отсутствие длительных войн и сокращение сроков военной службы (особенно с 1874 г.). Нельзя сбрасывать со счетов усиление торгово-экономических связей между различными регионами, что ослабило отрицательное влияние местных недородов. Наконец, русская медицина в пореформенные годы добилась больших успехов, что сократило удельный вес смертности. Достаточно сказать, что в пореформенный период в стране не наблюдалось столь сильных эпидемий чумы или холеры, как в XVIII — первой половине XIX в.

Население России увеличивалось в результате взаимодействия данных естественного прироста и механического движения (эмиграции и иммиграции).

Показатели естественного прироста дореформенной России (особенно в XVIII в.) не отличались достаточной точностью. Они, как правило, завышают процесс движения населения, главным образом за счет неполной регистрации смертности. Поэтому их целесообразно использовать для изучения относительных показателей и тенденций (определение территорий высокого и пониженного прироста, воздействие эпидемий, войн и неурожаяв на естественное движение населения и т.д.), но не для получения абсолютных данных о воспроизводстве числа жителей.

К сожалению, материалы о воспроизводстве населения в России, и то в общем виде, введены в научный оборот лишь с начала XIX в., хотя в архивах они сохранились с 30-х годов XVIII в.²¹

В дореформенный период с конца XVIII в. по 1860 г. естественный прирост в границах современной России остался почти неизменным (1762—1782 гг. — 11,8%, 1851—1860 гг. — 12,0%). При этом, однако, в первой трети XIX в. он был очень высок. Его показатели оказались максимальными за всю историю существования демографической статистики (1801—1810 гг. — 17,0%, 1821—1830 гг. — 17,5%). Однако затем, в условиях обострения общего кризиса феодально-крепостнической системы, неурожаяв и эпидемий холеры 30—40-х годов XIX в., естественный прирост резко понижается (1831—1840 гг. — 13,5%, 1841—1850 гг. — 10,0%, 1851—1860 гг. — 12,0%). В пореформенный период отмечается постепенное повышение естественного прироста, хотя он далеко не достигает уровня первой трети XIX в. (1861—1870 гг. — 11,2%, 1871—1880 гг. — 12,5%, 1891—1900 гг. — 13,9%). Процесс этот продолжался до конца 1914 г.

Пониженным оказался естественный прирост в Центрально-Промышленном, Северном, Озерном районах, а также в западных регионах Российской империи: Прибалтике, Белоруссии, Литве, Правобережной Украине, а высоким — на окраинах: в Сибири, Новороссии, Северном Кавказе и т.д.

Во второй половине XIX в., после реформы, демографическая ситуация по территории империи несколько изменилась.

В России в 1861—1890 гг. естественный прирост постоянно возрастал, но так и не достиг уровня первой трети XIX в. Особенно высоким он был, как и ранее, в Новороссии, Западной Сибири, на Северном Кавказе и в Южном Приуралье, то есть в заселяемых регионах империи и будущей современной России. На Северном Кавказе показатели воспроизводства были особенно высоки, главным образом за счет Кубанской области и Ставропольской губернии. С другой стороны, в Центрально-Земледельческом районе, на Среднем Поволжье, в Нижнем Поволжье и Северном Приуралье естественный прирост даже снизился по сравнению с дореформенным периодом.

Таковы общие наблюдения о естественном приросте населения Российской империи. Они свидетельствуют о том, что он был понижен в течение всего анализируемого периода в центральных и

северо-западных регионах страны, в Прибалтике, а также на землях со значительным кочевым населением, которые не являлись территориями повышенной миграции. Это были либо регионы максимального распространения крепостничества или его пережитков, либо самые отсталые части империи, где новые буржуазные отношения развивались крайне медленно.

Максимальный же естественный прирост отмечался в многоземельных плодородных регионах интенсивного земледелия (Новороссия, Северный Кавказ, Южное Приуралье, Сибирь), а в пореформенные годы еще и в западных и юго-западных регионах (Белоруссия, Литва, Правобережная Украина, Царство Польское), где капиталистический уклад получил наибольшее развитие, шире распространялись культурное и медицинское обслуживание.

Типы поселений

Население России жило в городах, посадах, селах, сельцах, слободах, деревнях, починках, выселках, погостах.

Слово «город» имело несколько значений: укрепление, огороженное стеной; территория, подчиненная этому укреплению, т.е. «уезд». В «городе» обычно находились дома правителя уезда (воеводы), администрации, собор, склады, тюрьма, дома богатых землевладельцев, в которых можно было бы укрыться в случае прихода неприятеля. Рядом с «городом» (крепостью) правительство отводило места для поселения ремесленников и торговцев («посад», от слова «сажать на землю») и воинов гарнизона («слободы» пушкарей, стрельцов, казаков, освобожденные, т.е. «свободные» от податей). Вот эти части: «город» (в Сибири — «острог»), «посад» и «слободы» — и образовывали город в нашем понимании этого слова. Если рядом с городом был монастырь, то его работники (не монахи, а так называемые «монастырские детеньши») селились возле него в монастырской слободе. Как правило, служилые люди тоже занимались ремеслом и торговлей. Они, монастырские работники и пришедшие в город крепостные крестьяне конкурировали с посадскими людьми, не платя государству тех податей, которые платили последние. Поэтому по требованию посадских людей правительство вынуждено было по временам приписывать к посаду жителей городских слобод (так, во время «посадского строения» 1648—1652 гг. было приписано около 10 тыс. дворов, в результате чего численность посадских людей возросла на 30%)²². Таким образом, название «город» в источниках XVI—XVII вв. могло и не обозначать город в современном понимании; с другой стороны, посадское население не включало всех жителей города, оно составляло, видимо, около 70% (в среднем) городского населения. Во многих городах посадское население преимущественно занималось торговым земледелием и огород-

ничеством; в то же время были и исключительно ремесленные села и слободы.

Крупнейшим из городов была Москва — столица России. В 1701 г. в ней насчитывалось не менее 20 тыс. дворов (домов, усадеб), в том числе 139 архиерейских и монастырских подворий (представительств)²³. Среди этих 20 тыс. дворов 33% занимали дворы посадских людей и 16% усадьбы бояр и дворян. Чиновники («приказные люди») имели 8% дворов, духовенство — 7% дворов. В городе было 637 дворов крестьян (4%). Москва делилась на Кремль (собственно «город»), Китай-город (посад), Белый город, Земляной город (нынешнее Садовое кольцо) и территорию «за Земляным городом». Если считать по средней населенности городских дворов — 6 чел., то дворовладельцев и членов их семей, не считая 2 тыс. солдатских дворов, было около 110 тыс. чел., но всех жителей, конечно, было больше. Об этом можно судить по переписи Китай-города 1695 г.²⁴ Тогда в нем было 330 дворов, в которых проживало 280 чел. посторонних жильцов, т.е. 12% всего населения Китай-города. Принимая этот процент постороннего населения для всей Москвы и допуская, что жильцов в Земляном городе и за ним было гораздо больше, получаем в Москве примерно 150 тыс. чел. Во втором крупнейшем городе России — Ярославле — было в 7 раз меньше дворов, чем в Москве (2310), в Нижнем Новгороде — 1270, в Вологде — 1196, в других — еще меньше²⁵.

«Село» вначале обозначало княжеское или боярское владение, в котором было главное селение с усадьбой владельца и дворами холопов и мелкие владения — «деревни». Постепенно в главном селении стали селиться и крестьяне, особенно после того, как, примерно с XIV в., села стали становиться центрами сельских церковных приходов. Центры владений, не ставшие центрами приходов, стали называться «сельцами».

«Деревней» первоначально назывался комплекс земельных угодий (пашня, сенокос, лес), составлявших крестьянское хозяйство, и поэтому деревни были однодворными. Постепенно они разрастались за счет хозяйств родственников и знакомых, но лишь со второй половины XV в. становится заметным процесс укрупнения селений. Это происходило и вследствие прироста населения, и по хозяйственным надобностям владельцев. Разросшееся население деревень и сел уходило в «выселки», «приселки», «починки».

Предоставление новым поселениям отсрочки в уплате налогов отразилось в названии их «слободами» (от слова «свобода»); особенно много их возникло на заселявшихся территориях (на Слободской Украине, в Сибири).

«Погосты» были вначале местами, где останавливались приезжие торговцы («гости» по тогдашней терминологии). В них останавливались и князья, объезжавшие свои владения для производства суда и сбора дани. Постепенно погосты стали административ-

ными центрами округов (тоже получивших название «погостов») и центрами приходов, но, в отличие от сел, они не стали крупными населенными пунктами — там селился лишь церковный причт. Погосты были расположены в Новгородской земле и на Севере, подпавшем под власть новгородцев.

В конце XVII в. в городах проживало примерно 4% населения, а сельское население составляло около 96%²⁶.

Российская статистика XVIII — начала XX вв. (ревизии, текущий учет, церковная статистика, переписи населения) свидетельствует о том, что Россия того времени была сельской страной с относительно невысоким удельным весом жителей городов. Доля горожан в стране увеличивалась медленно, и Россия в этом отношении все больше и больше отставала от развитых государств Западной Европы. В XVIII — середине XIX вв. в городах России размещалось около 10% всего ее населения. В Европе к середине XIX в. население городов в Бельгии достигало 70%, в Великобритании — 48%, в Пруссии — 26%, во Франции — 24% и т.д.

Однако в официально признанных городах России собственно городские сословия (купцы, мещане) не достигали и половины их жителей. Многие города по существу оставались земледельческими поселениями. В первой половине XVIII в. купцы и мещане составляли 45% всех жителей городов (563 тыс. чел.), в конце XVIII в. — 35% (862 тыс.) и в 1897 г. — 47% (7858,3 тыс. чел.).

Весьма высока в городах была доля крестьян, причем она постоянно росла (40-е годы XVIII в. — 17%, конец XVIII в. — 32%, 1897 г. — 44%). Причем если в XVIII в. это были в основном крестьяне, постоянно живущие в городах, то в XIX в. — лица, временно находящиеся здесь «для торговли и промыслов».

Доля так называемых неподатных сословий (чиновников, дворян, духовенства и др.) в городах в XVIII—XIX вв. резко снизилась (с 32 до 10%), в первую очередь за счет притока в них сельских жителей. Абсолютная же численность этой категории жителей росла (40-е годы XVIII в. — 406 тыс. чел., 80-е годы — 800 тыс., 1897 г. — 1,7 млн чел.).

В целом в городах империи в 1744 г. проживало примерно 7% (1,3 млн чел.), в 80-х годах — 9% (2,5 млн), в 1858 г. — 10%. В Москве в 1700 г. было почти 100 тыс. чел., в 1900 г. — 1,1 млн. В 1790 г. население Петербурга составляло 218 тыс., в Москве — 147 тыс. В 1810 г. в Петербурге проживало 300 тыс. чел., в Москве — 230 тыс. Это были крупнейшие города мира. И Петербург, и Москва росли в основном за счет притока жителей извне. Естественный прирост здесь был очень низким, а в конце XVIII — середине XIX вв. — отрицательным. Так, в Петербурге в 1764—1800 гг. естественный прирост составил всего 3,4 тыс. чел., а приток мигрантов достиг почти 80 тыс. чел. В 1801—1900 гг. естественная убыль здесь достигала 161,1 тыс. чел. (родилось 1753,4 тыс., а умерло 1914,5 тыс.), а приток извне достиг 1398,3 тыс. чел.

Миграции

Масштабы миграций можно определить лишь очень приблизительно и только с конца XVII в. по I ревизию 1719 г. путем сопоставления численности населения в районах. В освоенных районах (Центрально-Промышленном, Озерном, Северном) прирост населения составил 20%, в том числе в Центрально-Промышленном 19%, а в Северном оказалась убыль населения на 13%; в заселявшихся районах (Центрально-Черноземном, Среднем и Нижнем Поволжье, Северном и Южном Приуралье, Сибири) прирост составил 72%, в том числе в Центрально-Черноземном 84%, в Среднем и Нижнем Поволжье и Южном Приуралье 112%, в Северном Приуралье 62%, в Сибири 123%. Поскольку общий по стране прирост составлял 32%, разница между районами сразу выявляет районы ухода и прихода населения, т.е. направление миграционных потоков: из Центрально-Промышленного района население уходило на юг и юго-восток, из Северного района — в Северное Приуралье, из обоих этих районов — в Сибирь. В результате миграций и мобилизаций на строительство верфей и т.п. (рабочих поставлял Северный район, населенный государственными крестьянами) в Северном районе оказалась даже крупная убыль населения.

Юг Центрально-Черноземного района, Среднее и Нижнее Поволжье и Южное Приуралье заселялись гарнизонными служилыми людьми (в которые на первых порах набирали даже беглых крестьян) и крепостными крестьянами, которых переводили помещики в свои новые владения; Северное Приуралье и Сибирь — черносошными крестьянами, уходившими на новые места с разрешения своих общин, и частично беглыми, а Сибирь — еще и гарнизонами, служилые люди которых в середине XVII в. вышли на берега Тихого океана (в Сибири возникло четыре земледельческих района); наконец, на юге гарнизонными служилыми людьми и украинцами была заселена Слободская Украина (к 1678 г. численность украинцев достигла около 80 тыс. чел., в 1732 г. их было уже 230 тыс. чел., т.е. прирост составил 188%). Как выяснилось в ходе 1 ревизии 1719 г., покинуло свои дворы и числилось в бегах около 200 тыс. чел. Несомненно, большинство из них осело на новых местах, главным образом на заселявшихся окраинах.

В первой половине XIX в. заселение окраин продолжалось. В 1795—1858 гг. туда выбыло 3,3 млн чел. При этом Новороссия по-прежнему оставалась основным заселяемым регионом империи (приняла 1,3 млн чел., или 41% всех мигрантов). Второе и третье место поделили Северный Кавказ и Сибирь (515 тыс. мигрантов, или 16%). При этом Сибирь превращается в регион интенсивного заселения в 30-е годы XIX в. (в 40-е годы сюда прибыло уже

24,5%, а в 50-е — 34,1% всех лиц, устремившихся на окраины). В Нижнее Поволжье и Южное Приуралье прибыло по 14% всех переселенцев.

Подавляющую часть переселенцев дали Левобережная Украина, Центрально-Земледельческий район, а также Среднее Поволжье. На окраины приходили преимущественно государственные крестьяне, легальные переселенцы. Все это говорит о том, что в XVIII — первой половине XIX в. масштабы переселения были весьма значительны, а тормозящее влияние крепостничества оказалось не таким сильным.

Во второй половине XIX в. переселение на окраины продолжалось. В период наиболее активного заселения (60—90-е годы) переселилось 4150,8 тыс. чел., главным образом в слабообжитые окраины Новороссии (985 тыс. новоселов, или 23,7% общего числа переселенцев), Северного Кавказа (941,2 тыс. чел., или 22,7%), Южного Приуралья (280,1 тыс. чел., или 6,7%) и Сибири (1277,9 тыс. чел., или 30,8%). К ним добавляются Закавказье (265,4 тыс., или 6,4%) и Средняя Азия (401,2 тыс., или 9,7%). Однако даже в пореформенный период Сибирь приняла лишь около 30% всех земледельческих мигрантов.

Если XVII в. был золотым периодом в заселении Земледельческого центра, то в XVIII — первой половине XIX в. основные массы новоселов оседают в Новороссии, в 60—70-е годы XIX в. — на Северном Кавказе, а с 80-х годов XIX в. — в Сибири и Казахстане. Главными же регионами земледельческого выселения были Земледельческий центр, Левобережная Украина и Поволжье, к которым в 90-е годы присоединились Восточная Белоруссия и Киевская губерния Правобережной Украины.

Наряду с эмиграцией населения из России в Америку и соседние с Россией государства Европы и Азии, с XVIII в. отмечается все возрастающая иммиграция в Россию жителей преимущественно соседних с нею государств (Германии, Австро-Венгрии, Персии, Турции и т.д.). В XVIII в. она была невелика и не превысила 100 тыс. чел. (немецкие колонисты — более 40 тыс., молдаване, сербы, венгры — 60 тыс.). Эмиграция же оказалась большей, но лишь чуть более 400 тыс. чел. (крымские татары — около 200 тыс. чел., калмыки — 200 тыс., запорожские казаки — 10 тыс. чел.). В результате заселяемые регионы получили 1,8 млн чел. и потеряли 0,4 млн чел., приобретя в целом примерно 1,4 млн чел.

В первой половине XIX в. иммиграция в страну составила 450 тыс. чел. (немцев 115 тыс., армян — 200 тыс., болгар, гагаузов, греков — 135 тыс.). При этом немцы, болгары, греки, гагаузы заселяли в основном Новороссию, а армяне — Закавказье. А всего в XVIII — середине XIX в. в Россию прибыло из-за рубежа около 550 тыс. чел.

**Баланс миграций иностранных и русских подданных
в России в 1828—1900 гг. (тыс. чел.)**

Годы	Русских подданных	Число русских эмигрантов в странах Америки	Иностранных подданных	В том числе из государств				
				Германии	Австро-Венгрии	Персии	Турции	Прочих
1828—1830	0,4	—	6,8	2,3	0,5	1,3	-0,3	3,0
1831—1840	35,0	0,5	22,9	8,5	11,1	4,9	-2,4	0,8
1841—1850	5,0	0,6	38,3	13,6	2,4	11,6	4,8	5,9
1851—1860	-202,8	1,6	195,0	64,4	43,2	40,6	28,8	18,0
1861—1870	-196,3	4,9	533,0	271,1	145,7	25,9	69,7	20,6
1871—1880	-378,8	68,0	776,0	292,0	327,6	90,7	54,4	12,3
1881—1890	-414,0	300,7	804,0	439,9	308,0	73,1	33,1	9,9
1891—1900	-722,2	692,8	465,0	118,5	115,1	173,4	51,9	6,1
Итого	-1933,7	1069,1	2901,0	1210,3	953,6	421,5	239,0	76,6
в % к итогу	—	—	100,0	41,7	32,9	14,5	8,2	2,7

* Кабузан В.М. Русские в мире. М., 1996. С. 15.

Эмиграция же в первой половине XIX в. затронула преимущественно поляков Царства Польского (около 400 тыс. чел.), которые вскоре в основном вернулись на родину. Два встречных миграционных потока привели к тому, что Россию покинуло в XVIII — середине XIX в. около 200 тыс. чел. Однако убыль русских подданных с лихвой была перекрыта притоком иностранцев из соседних стран Европы и Азии.

Табл. 81 демонстрирует внешние миграции в Российской империи в 30—90-е годы XIX в. Российская статистика с 1828 г. регистрирует число прибывавших в империю и уезжавших отсюда подданных России и жителей других государств.

Баланс миграций иностранных подданных оставался положительным в течение всего анализируемого периода и превысил 2,9 млн чел. Прирост числа иностранцев сделался заметным с середины XIX в. и последовательно нарастал до 90-х годов (1881—1890 гг. — 804 тыс. чел.). И лишь в 90-е годы отмечается спад (465 тыс. чел.). По числу осевших в России иностранцев на первом месте стоит Германия (1,2 млн чел., или 42% общего числа).

За Германией следует Австро-Венгрия (954 тыс. чел., или 33%). Таким образом, на долю этих двух государств пришлось 75% (2,2 млн чел.) всех водворившихся в России иностранцев. Около 23% составили выходцы из Персии и Турции. Число иммигрантов из других государств не достигло и 3%. Из всего этого видно, что во второй половине XIX в. абсолютное большинство иммигрантов, оставшихся в России, приходилось на долю соседних германских государств: Германии и Австро-Венгрии. Среди прибывших преобладали поляки австрийской Галиции, герцогства Познанского, Силезии и т.д., но было много и этнических немцев (их удельный вес в России поднялся с 0,20% в 1719 г. до 1,16% общего народонаселения страны в 1897 г.).

Эмигрантский баланс миграции подданных России в 30–90-х годах составил отрицательную величину 1,9 млн чел. Он стал заметным в 50-е годы и последовательно нарастал (кроме некоторого спада в 60-е годы) до конца XIX в. (и далее, до 1915 г.), достигнув в 90-е годы 722 тыс. чел. В XIX в. из России уезжали преимущественно поляки, немцы, евреи (с 40-х годов), литовцы. Число эмигрантов — русских и украинцев было небольшим. В Америку (в основном в США — более 80%) выселилось 1,1 млн чел., преимущественно в 80–90-е годы.

В 60-х годах XIX в. в Новороссии (Таврическая губерния) и на Северном Кавказе решающую роль в движении населения сыграли эмиграционные процессы, массовый отход коренного мусульманского населения (более 700 тыс. чел.) в соседнюю Турцию. Именно поэтому в 1859–1870 гг. баланс миграций в России дал отрицательную величину — 288,5 тыс. чел. (1858–1860 гг. — 155,2 тыс., 1861–1870 гг. — 183,4 тыс. чел.). При этом баланс миграций российских подданных (включая и зависимое население Кавказа) достиг 433 тыс. чел.

Всего за пределы России выбыло более 470 тыс. горцев Западного Кавказа и около 200 тыс. татар и ногайцев из Крыма.

Татары выехали из России в 1860–1862 гг. (1860 г. — 165,6 тыс., 1861 г. — 24,9 тыс. и 1862 г. — 1,9 тыс. чел.). К январю 1863 г. в Крыму осталось только 103,4 тыс. чел. татар.

Горцев Западного Кавказа выбыло более 470 тыс. чел. Все население Северного Кавказа с 1858 по 1867 гг. сократилось с 2247 до 2017,7 тыс. чел. В первую очередь это коснулось адыгов (адыгейцев). Если в 1858 г. они составляли 25,5% всех жителей региона, то в 1867 г. их осталось только 2,2%. Многие адыгейские племена (убыхи, саша, ахдома, абадзехи и др.) покинули Россию в полном составе.

Ногайцы в 1858 г. составляли в регионе 5,3%, а в 1867 г. — 4,6%. В конце 50-х годов около 20 тыс. ногайцев ушли в Турцию, часть их позднее вернулась обратно.

Удельный вес чеченцев в населении региона сократился с 8,5% до 7,1%, карачаев (карачаевцев) — с 1,1 до 0,8%.

Национальный состав

Россия с самого начала своего существования формировалась как многонациональное государство. Если в центре ее жило население сравнительно однородное и почти исключительно русское, то на окраинах размещались, а нередко и преобладали различные народы.

Этническую принадлежность населения всей России более или менее подробно и, главное, относительно достоверно можно определить лишь с XVIII в., так как ревизии учитывали численность народов империи по происхождению и самоназванию. Дополнительные данные с 40-х годов XIX в. дают полицейские исчисления и церковная статистика. Этническую структуру населения России можно определить и по подворным переписям XVII в.

Доля русского населения в начале XVIII в. составляла в населении страны более 70%. Однако она постоянно и медленно снижалась и в 1795 г. была равна 68,5%, в 1834 г. — 68%, в 1859 г. — 67,2%. В 90-х годах удельный вес русских понизился до 43,4%²⁷.

В течение XVIII—XIX вв. доля русских постепенно понизилась в регионах их исконного обитания (Центрально-Земледельческий, Северный районы, Северное Приуралье, Среднее Поволжье). Зато картина была иной в Нижнем Поволжье (Саратовская, Самарская, Астраханская губернии): удельный вес русских повысился в 5 раз.

Сходная ситуация наблюдалась и на Северном Кавказе. В начале XVIII в. русские составляли около 1% его населения. В 1795 г. их было здесь уже почти 9%, в 1859 г. — 16,5%.

В Южном Приуралье (Оренбургская, Уфимская губернии) русских в 1719 г. было лишь 15,2%, здесь преобладали башкиры. А к началу XX в. доля русских составила здесь уже 54,2%, хотя в заселении региона приняли активное участие также татары, мордва, чувашаи.

С 60-х годов развернулось заселение Казахстана. Доля русского населения выросла здесь с 3% в 1834 г. до 12% в 1897 г. За счет интенсивного переселенческого движения повысилась доля русских в Сибири: с 66,9% в 1719 г. до 70% к началу XX в. В Закавказье доля русских оставалась низкой и не превышала в конце XIX в. 7%. В Прибалтике русские составляли в XVIII в. 0,5%, в дальнейшем их доля не превышала 5—6%, за исключением Латвии, где их было около 8% в 90-е годы XIX в.

Значительно увеличился в течение XVIII—XIX вв. удельный вес украинцев. В основном украинцы проживали в Новороссии, они активно осваивали Северный Кавказ: в 1795 г. их было там всего 3%, а к 1897 г. — 29,4%²⁸.

В пореформенные годы украинцы активно заселяют Сибирь, Казахстан и Закавказье. На западе их число, напротив, заметно сократилось, поскольку были утрачены значительные территории

в Галиции, на Буковине, в Царстве Польском и особенно в Закарпатье.

Основные этнические территории белорусов вошли в состав Российской империи по I—III разделам Польши в 1772—1795 гг. Небольшая часть белорусских земель (в Сувалкской губернии) отошла к России в 1815 г. в составе Царства Польского. Поэтому в Российской империи до 70-х годов XVIII в. белорусов было мало и они составляли около 2,5% (1719 г. — 2,4%, 1762 г. — 2,4%). Проживали они в западной части Смоленской губернии, на Левобережной Украине (в Суражском уезде Черниговской губернии) и в очень небольшом числе в Центрально-Промышленном районе (в основном в Калужской губернии). После воссоединения всех белорусских земель в составе России отмечается процесс сокращения их удельного веса в населении всей империи при относительно умеренном росте абсолютной численности. В конце XVIII в. (1795 г.) белорусы достигали 7% населения страны (3,4 млн. чел.), в 1859 г. — 5,0% (4,0 млн), в 1867 г. — 4,5% (3,8 млн)²⁹.

Подавляющая часть поляков размещалась в империи на землях, вошедших в ее состав после разделов Речи Посполитой, а позднее в Царстве Польском. В границах России конца XVIII в. поляки составляли 5,4% всего ее населения (9 млн чел.), в 1859 г. — 5,0% (4,1 млн), в 1867 г. — 5,8% (4,8 млн). Подавляющая часть поляков проживала в границах Царства Польского, где на их долю приходилось около 70% всех жителей³⁰.

Еврейское население в начале XVIII в. вообще не проживало на территории Российской империи. Законы страны тогда строжайше запрещали приезд евреев-иудаистов на постоянное жительство в Россию, а крещеных евреев в XVIII—XIX вв. в мире было мало. Лишь в Новороссии и на Левобережной Украине с 60-х годов XVIII в. они легально вели торговые операции, находясь на положении временно пребывающих иностранцев. Однако в результате трех разделов Польши, а также включения в состав России Бессарабии и Царства Польского численность и удельный вес евреев в стране сразу стали очень весомыми. В границах конца XIX в. по V ревизии (1795 г.) в России было учтено 577 тыс. евреев (1,2% всего населения), в 1859 г. их было здесь уже 2039,0 тыс. чел. (2,5%), в 1867 г. — 2,6 млн (3,1%).

Самым высоким удельный вес евреев оказался в Царстве Польском. На втором месте стоял Белорусско-Литовский регион. На третьем находилась Правобережная Украина. В других регионах евреев тогда было немного. В середине XIX в. в России проживало около 57% всего еврейского населения Европы³¹.

Татары в России расселялись в различных регионах и на большой территории. Удельный вес их повышался до конца 50-х годов XIX в., а затем начал постепенно понижаться. В неизменных границах 20-х годов XVIII в. они составляли в 1719 г. 2,4%

всех жителей (384 тыс. чел.), в 1762 г. — 2,5% (521 тыс.), в 1795 г. — 2,5% (733 тыс.), в 1859 г. — 2,4% (2,0 млн), в 1867 г. — 1,7% (1,4 млн)³².

В начале XVIII в., по данным I ревизии (1719 г.), татары расселялись преимущественно в Среднем Поволжье (13,4% всего населения), Южном Приуралье (13,3%) и в Сибири (5,8%). Относительно небольшое их число обитало в Северном Приуралье, Центрально-Земледельческом районе и Нижнем Поволжье. В течение XIX в. благодаря интенсивному переселению татар на слабозаселенные окраины их доля растет в Нижнем Поволжье, а также в Северном Приуралье. Очень быстрый рост удельного веса татар в общем числе жителей отмечался и в Южном Приуралье.

Своеобразная ситуация сложилась в Новороссии. В 20–70-е годы XVIII в., до включения Крымского ханства в состав России, в регионе абсолютно доминировали татары. Однако в начале 80-х годов около 200 тыс. их убыло в Турцию. Затем в регионе доля татар быстро понижалась (1782 г. — 14,5%, 1795 г. — 10,3%, 1859 г. — 6,0%). А собственно в Крыму татары составляли в конце XVIII в. почти 87% всего населения (около 120 тыс. чел.). В 1816 г. их доля здесь снизилась до 86% (183 тыс.), в 1850 г. — до 78% (267 тыс.), в 1858 г. — до 73% (242 тыс.).

Таково было расселение самых многочисленных этносов на территории России.

Примечания

Глава I

¹ Перепись проводилась 28 января 1897 г. Обработка ее материалов длилась более шести лет. Разработчики переписи составили сотни таблиц, характеризовавших население Российской империи по различным категориям (возрасту, полу, вероисповеданию и пр.). Материалы переписи были опубликованы в двух томах в 1905 г. — См.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. I, II (далее — Общий свод по империи...)

² Общий свод по империи... Т. I. С. III.

³ 1 верста — 1,0668 км.

⁴ Энциклопедический словарь, изд. Брокгауз-Ефрон, т. Россия (54). СПб., 1899. С. 1.

⁵ Административно-политическое строение СССР. Ч. I. Изменение административно-территориального деления СССР за период с 1917 г. 1924 гг. Л., 1924. С. 10.

⁶ Там же.

⁷ Общий свод по империи... Т. I. С. 2.

⁸ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М., 1950. С. 14.

⁹ См., например: Народное хозяйство СССР 1922—1972. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972. С. 9 и др.

¹⁰ Общий свод по империи... Т. I. С. 3.

¹¹ Там же. С. 3.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. I.

¹⁵ Там же. С. 1—3.

¹⁶ Административно-политическое строение СССР. Ч. 1. С. 14.

¹⁷ Общий свод по империи... Т. I. С. IV.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 2.

²⁰ Там же. Т. II. С. 184—185.

²¹ Там же. С. 1.

²² Там же. С. 2—91.

²³ Там же. С. VI.

²⁴ Здесь и далее данные рассчитаны по: Общий свод по империи... Т. I. С. 2—91.

²⁵ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 20—22.

²⁶ Там же. С. 20—26; Россия: географическое описание нашего общества. СПб., 1899—1914.

²⁷ Административно-политическое строение СССР. Ч. I. С. 14; Города России в 1910 г. СПб., 1912. С. 1—12; Россия. 1913 г. С. 20—22.

²⁸ Там же.

²⁹ Статистический ежегодник России. 1901—1913 годы. СПб., 1905—1918; Кабузан В.М. О достоверности учета населения в России (1858—

1917 г.) // Источниковедение отечественной истории. М., 1981. С. 100, 109—111.

³⁰ Статистический ежегодник России. 1914 г. СПб., Пг. 1915; Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. I. М.; Пг. 1923. С. 204—208. РГИА. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2851. Л. 2—4; Д. 2858. Л. 71—75.

³¹ Ямзин И. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912; Ставровский Я.Ф., Алексеев В.В. Переселение в Сибирь. СПб., 1906; Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения в 1896 по 1909 годы. СПб., 1910; Он же. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. СПб., 1916.

³² Яцунский В.К. Изменения в населении Европейской России в 1724—1916 гг. // История СССР. 1957. № 11. С. 212; Wilcox W.E. International Migrations. National Bureau of Economic Research. N.-York, 1926. Vol. 1.

³³ Там же; Кабузан В.М. Народы России во второй половине XIX — начале XX вв.: Численность и этнический состав (1859—1917 гг.). М., 1992.

Глава II

¹ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811—1913): Стат. очерки. М., 1956. С. 88, 100; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения. СПб., 1905. Т. I. С. V; Статистический ежегодник России за 1904—1916 годы. СПб.; Пг., 1905—1918.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. М., 1903. Т. 24. Тетр. 1. С. I, Тетр. 2. С. IV; Т. 37. Тетр. I. С. 2—3; Перепись Москвы 1902 года. М., 1904. Ч. 1. Вып. 1. С. 2—4; С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. СПб., 1903. Вып. 1. С. 20—23; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Пг., 1922. Ч. 1. С. 3; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. М., 1927. Вып. 2. С. 14—15 (подсчеты автора).

³ Общий свод по империи... Т. 1. С. VIII, 36—67; Статистический ежегодник России, 1914 г. С. 1.

⁴ Перепись Москвы 1902 г. Ч. 1. Вып. 1. С. 2—4; Рашин А.Г. Указ. соч. С. 276; Статистический ежегодник по г. Москве, 1911—1913 гг. М., 1916. Вып. 4. С. 15.

⁵ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Вып. 1. С. 20—23; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Ч. 1. С. 6—9.

⁶ Мультиановский П.М. Население г. Томска по переписи 2 декабря 1912 г. Томск, 1915. С. 6—7.

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 24. Тетр. 2. С. XXVIII; Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы, 31 января 1902 г. Вып. 3. С. 4.

⁸ Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 139, 150.

⁹ Статистический ежегодник России за 1904—1916 гг. СПб.; Пг., 1905—1918.

¹⁰ См.: Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969. С. 148—162.

- ¹¹ См.: Лухманова Н.А. О положении незамужней дочери в семье. СПб., 1896. С. 3—25.
- ¹² См.: Гражданское уложение. СПб., 1902. Кн. 1. С. 1—3.
- ¹³ Общий свод по империи... Т. 1. С. 36—37, 80—81; Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. С. 140.
- ¹⁴ Там же. С. 238.
- ¹⁵ Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. С. 115; См.: Движение населения в Европейской России за 1870—1910 годы. СПб.; Пг., 1879—1916.
- ¹⁶ См.: Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980. С. 24—26; Савинов Л.И. Семья и общество: история, современность, взгляд в будущее. Саранск, 1992. С. 9—12; См. также: Золотарев Л.А. Семья и женский труд. 2-е изд. М., 1897. С. 7—10.
- ¹⁷ Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. М., 1928. С. XIVII.
- ¹⁸ Движение населения Европейской России за 1900—1910 годы. СПб.; Пг., 1902—1916 (подсчеты автора).
- ¹⁹ Красная Москва, 1917—1920. М., 1920. С. 6—69; Труды ЦСУ. М., 1924. Т. 18. С. 39; Новосельский С.А. Демография и статистика: Избранные произведения. М., 1978. С. 102.
- ²⁰ Гражданское уложение. СПб., 1902. Кн. 1. С. 28.
- ²¹ Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. С. 144—145. См. также: Золотарев Л.А. Супружеские измены, их значение и причины. М., 1895; Он же. Мимолетные связи и брак. М., 1897.
- ²² Отчет Управления главного врачебного инспектора о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896—1914 год. СПб., 1904—1916; Красная Москва, 1917—1920. С. 61—69.
- ²³ Материал по статистике г. Саратова. Саратов, 1921. Вып. 1. С. 4—5.
- ²⁴ Энциклопедия местного управления и хозяйства. М., 1927. С. 333.
- ²⁵ Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 144; Календарь-справочник городского деятеля на 1917 г. Пг., 1917. С. 35.
- ²⁶ Движение населения в Европейской России за 1891—1910 годы. СПб., 1904—1916.
- ²⁷ Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 10. Ч. 1. С. 18; См.: Харчев А.Г. Брак и семья в СССР: Опыт социологического исследования. М., 1964. С. 128—132; Мокеров И.П., Кузьмин А.И. Экономико-демографическое развитие семьи. М., 1990. С. 15—17.
- ²⁸ Отчет главного врачебного инспектора о состоянии и организации врачебной помощи в России за 1896—1914 год. СПб.; Пг., 1904—1916; Демографическое развитие семьи в послевоенный период. М., 1984. С. 49.
- ²⁹ Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969. С. 12.
- ³⁰ См.: Мокеров И.П., Кузьмин А.И. Экономико-демографическое развитие семьи. С. 15—17.
- ³¹ Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы, 31 января 1902 г. Вып. 3. С. 2, 4, 6—7; Рашин А.Г. Население России... С. 275, 280; Статистический ежегодник по г. Москве, 1911—1913 гг. М., 1916. Вып. 4. С. 9—10; Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып. 4. С. 9—10.
- ³² Отчет Управления главного врачебного инспектора... за 1903—1913 годы. СПб., 1905—1915.
- ³³ Страшун И.Д. Русская общественная медицина в период между двумя революциями, 1907—1917. М., 1964. С. 169.

Глава III

¹ Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 11—12.

² Евангелие от Марка. Гл. 10. Ст. 6—8.

³ Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 85.

⁴ Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1. С. 36—39, 78—79.

⁵ Там же. С. XI.

⁶ Под брачностью обычно имеется в виду процесс образования супружеских пар и дальнейшее формирование семьи на его базе. См.: Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 30.

⁷ Составлено по: Афиногенов А.О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщин и положение дела акушерской помощи этому населению. Медико-статистическое исследование. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1903. С. 33, 34; Кузьмин А.И. Семья на Урале. Демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург, 1993. С. 15—16; Население Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. С. 55.

⁸ Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 г. СПб., 1907. С. IX.

⁹ Там же. С. VI.

¹⁰ Движение населения в Европейской России за 1910 г. Петроград. 1916. С. 10.

¹¹ Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Социально-гигиенические проблемы и последствия войны. М., 1975. С. 42.

¹² Там же.

¹³ Статистический ежегодник России. 1916 г. Вып. 1. Петроград, 1918. С. 71.

¹⁴ Движение населения в Европейской России... за 1902 г. С. VII.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Движение населения в Европейской России... за 1902 г. С. VII; Движение населения в Европейской России за 1910 г. С. IX; Статистический ежегодник России. 1916 г. С. 72.

¹⁷ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 93.

¹⁸ Статистический ежегодник России. 1916 г. С. 71.

¹⁹ Афиногенов А.О. Указ. соч. С. 29—30; Олихов С. К вопросу о плодovitости крестьянок Кинешемского уезда // Земский врач. 1890. № 52. С. 824; Семенова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана» // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1914. С. 5 и др.

²⁰ Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 8—13.

²¹ Шингарев А.И. Положение женщины в крестьянской среде. Воронеж, 1899. С. 13; Афиногенов А.О. Указ. соч. С. 13; Опыт историко-социологического изучения села «Молдино». М., 1968. С. 110; Семенова-Тян-Шанская О.П. Указ. соч. С. 4.

²² Семенова-Тян-Шанская О.П. Указ. соч. С. 31.

- 23 Синкевич Г.П. Вологодская крестьянка и ее ребенок. М.; Л., 1929. С. 31.
- 24 Внуков Р.Я. Прогиворечия старой крестьянской семьи. Орел, 1929. С. 12.
- 25 Синкевич Г.П. Указ. соч. С. 35.
- 26 Внуков Р.Я. Указ. соч. С. 5—7, 10.
- 27 См.: Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 25.
- 28 Сафьянова А.В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX — начале XX в. (Внутрисемейные отношения, уклад, досуг) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 93.
- 29 Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. СПб., 1857. С. 18. Ст. 108, 109.
- 30 Покровский Ф.И. О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // Живая старина. СПб., 1916. Вып. III и IV. С. 461.
- 31 Внуков Р.Я. Указ. соч. С. 14; Комаровский Г. Женщина в патриархальной семье. Вятка, 1895. С. 17, 20.
- 32 Жбанков Д.И. О городских отхожих заработках в Солигаличском уезде Костромской губернии // Юридический вестник. 1890. № 9. Т. VI. С. 142.
- 33 Шингарев А.И. Положение женщины в крестьянской среде. С. 1.
- 34 Афиногенов А.О. Указ. соч. С. 66, 67.
- 35 Там же.
- 36 По данным Г.П. Синкевича (указ. соч. С. 64).
- 37 Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 134.
- 38 Гиляровский Ф.В. Исследование о рождении и смерти детей в Новгородской губернии. СПб., 1866. С. 90.
- 39 Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 16.
- 40 Движение населения в Европейской России... за 1910 г. С. II.
- 41 Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 95.
- 42 Афиногенов А.О. Указ. соч. С. 35; Синкевич Г.П. Указ. соч. С. 41.
- 43 Афиногенов А.О. Указ. соч. С. 36.
- 44 Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. М., 1982. С. 162.
- 45 Он же. Ранние этапы перехода к новому типу рождаемости в СССР // Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 149.
- 46 Успенский Г.И. Полн. собр. соч. Т. VIII. М., 1949. С. 101.
- 47 Жбанков Д.Н. Влияние отхожих промыслов на движение населения. С. 17.
- 48 Там же.
- 49 Успенский Г.И. Указ. соч. С. 103.
- 50 Синкевич Г.П. Указ. соч. С. 41—43.
- 51 Движение населения в Европейской России... за 1910 г. С. II. Афиногенов А.О. Указ. соч. С. 49; Шингарев А.И. Вымирающая деревня (Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда). СПб., 1907. С. 161.
- 52 Движение населения в Европейской России... за 1902 г. С. II.; Движение населения в Европейской России... за 1910 г. С. IX.
- 53 Шингарев А.И. Указ. соч. С. 7.

⁵⁴ Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. М., 1928. С. XXXIII. Становление и развитие здравоохранения в первые годы Советской власти (1917—1924 гг.). М., 1965. С. 61.

⁵⁵ Куркин П.И. Смертность малых детей. Статистика детской смертности. М., 1911. С. 19; Гигиена и здоровье рабочей семьи. М., 1923. № 1. С. 11.

⁵⁶ Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Детская смертность в России: Общественное и частное признание в России. СПб., 1907. С. 271—274.

⁵⁷ Семенова-Тян-Шанская О.П. Указ. соч. С. 5.

⁵⁸ Синкевич Г.П. Указ. соч. С. 64.

⁵⁹ Григорович Д.В. Избранные произведения. М.; Л., 1959. С. 87.

⁶⁰ Подсчитано по: Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901. С. 19; Движение населения Европейской России за 1908, 1909 и 1910 гг. СПб., 1911. С. 190—192.

⁶¹ Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С. 30.

⁶² Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Стат. материалы подворных переписей по губернии. Воронеж, 1897. С. 252—254.

⁶³ См.: Покровский Ф.И. О семейном положении крестьянской женщины. С. 471—472.

⁶⁴ Внуков Р.Я. Указ. соч. С. 17.

⁶⁵ Там же. С. 19.

⁶⁶ Корневская Н.Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954. С. 119.

⁶⁷ По данным А.И.Шингарева (См.: Шингарев А.И. Вымирающая деревня. С. 145).

⁶⁸ См.: Ефименко А.Я. Исследования народной жизни: Обычное право. М., 1884. Т. XIV. Вып. 1. С. 57, 63.

⁶⁹ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... С. III.

⁷⁰ Подсчитано по: Стат. ежегодник России за 1913—1917 гг. // Труды ЦСУ. М., 1921. Т. VII. Вып. 1. С. 208—209, 216—217, 224—225.

Глава IV

¹ Аврамов В.Г. Жертвы империалистической войны в России // Известия Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. М., 1920. № 1/2.

² Биншток В.И. Военные потери России в войну 1914—1918 гг. // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны, 1914—1920 гг. Пг., 1923. Вып. 1. С. 147—148.

³ Гран М.М. Опыт изучения санитарных последствий войны 1914—1917 гг. // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны, 1914—1920 гг. С. 40.

⁴ Там же. С. 227, 267.

⁵ Кайсаров В.Д. Мировая война (напряжение и потери) // Звезда, 1994. № 4. С. 239—257.

⁶ Павлович М.П. (Вельтман). Итоги первой мировой войны. М., 1924. С. 7.

⁷ Россия в мировой войне. 1914—1918 годы. М., 1925. С. 91, 92.

⁸ Там же. С. 30.

⁹ Там же. С. 30, 32.

- ¹⁰ Мировая война в цифрах: Статистические материалы по войне 1914—18 гг. Вып. 1. IV Управление РККА. М., 1931; Мировая война в цифрах / Ин-т мирового хозяйства и мировой политики Ком. академии. М.; Л., 1934; Малая Советская энциклопедия. Т. 5. М., 1930. С. 264.
- ¹¹ Нахимсон М.Я. (Спектатор). Мировое хозяйство до и после войны. Т. 2. М., 1926. С. 50, 51, 52.
- ¹² Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здоровье. М., 1929. С. 55.
- ¹³ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 53, 56, 59, 60, 62,
- ¹⁴ Де-Лазари А. Мировая империалистическая война 1914—1918 гг. М., 1934. С. 136.
- ¹⁵ Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 374, 377, 383.
- ¹⁶ Там же. С. 146.
- ¹⁷ Там же. С. 152.
- ¹⁸ Там же. С. 381.
- ¹⁹ Там же. С. 320.
- ²⁰ Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 100—101.
- ²¹ Там же; Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С. 22.
- ²² Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. New Haven, 1931 (на англ. яз.). С. 172; Он же. Исчисление потерь в людском составе // Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 59, 60.
- ²³ Керстновский А.А. История русской армии. Т. 4. М., 1994. С. 167—70.
- ²⁴ Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987. С. 166.
- ²⁵ Народонаселение: Энциклопедический демографический словарь. М., 1994. С. 47.
- ²⁶ The Marshall Cavendish Illustrated encyclopedia of World War I. Index. N.-Y., 1984. P. 3546; The World Wook Encyclopedia. N.-Y., 1964. V. 20. P. 377.
- ²⁷ Власов Ю.П. Огненный крест. Ч. 1. М., 1991. С. 728; Нихимсон М.Я. Указ. соч. С. 60—62 (3,232 млн убитых); Фрунзе М.В. Собр. соч. Т. 2. М., 1926. С. 75—76; Стефен Д. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции, 1925—1944. М., 1992. С. 23; и др.
- ²⁸ Де-Лазари А. Указ. соч. С. 22—23. Подсчет мой. Степень профессионализма действующих армий ведущих континентальных держав: Россия — кадровых 7,3%, военнообученных из запаса — 32,2%, не обученных — 60,5%; Франция — 14,8%, 85,2%, 0,0%; Германия — 7,8%, 50,2%, 42,0%; Австро-Венгрия — 7,8%, 49,0%, 43,2%.
- ²⁹ Де-Лазари А. Указ. соч. С. 22—23.
- ³⁰ Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). С. 100; Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. СПб., 1914. С. 26, 27.
- ³¹ Членов М.А. Евреи // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 156.

Глава V

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 250. Это постановление ВЦИК было утверждено III Всероссийским съездом Советов 15 (28)

января 1918 г. См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 71, 93.

² Сулькевич С.И. Административно-политическое строение СССР. Ч. 1: Изменения административно-территориальных делений СССР за период с 1917 по 1924 г. С. 226. Л., 1924.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 339—354, включая приложение — картографическую схему пограничной линии.

⁴ Сулькевич С.И. Указ. соч. С. 11, 228. Эта численность населения Эстонии на 1920 г., определенная по английским консульским отчетам, является завышенной, главным образом за счет беженцев из России. См.: Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 6. По переписи декабря 1922 г. население Эстонии насчитывало около 950 тыс. (История Эстонской ССР. Т. 3. Таллин, 1974. С. 434). Имеющиеся данные на 1914 г. говорят о 1150 тыс. жителей Эстонии (Статистический ежегодник, 1918—1920. С. 7).

⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 28—42, включая приложение — картографическую схему пограничной линии.

⁶ Там же.

⁷ В апреле 1919 г. г. Вильно (Вильнюс) был оккупирован Польшей. Столица Литвы была перенесена в г. Ковно (Каунас).

⁸ Сулькевич С.И. Указ. соч. С. 227—228, 11.

⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 101—116.

¹⁰ Сулькевич С.И. Указ. соч. С. 227, 11. Эта численность населения Латвии на 1920 г., определенная по английским консульским отчетам, является, как и по Эстонии, завышенной, главным образом за счет беженцев из России. См.: Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 6. По данным латвийской статистики, численность населения составляла в 1920 г. 1596,1 тыс. (История Латвийской ССР. Т. 3. Рига, 1958. С. 231).

¹¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 460.

¹² Сулькевич С. Указ. соч. С. 226.

¹³ Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 6.

¹⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 618—658.

¹⁵ История Белорусской ССР. Т. 2. Минск, 1961. С. 174.

¹⁶ См.: Сулькевич С.И. Указ. соч. С. 227.

¹⁷ Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 6, 7.

¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 89—90, 241—242, 248—249, 589—592 и др.

¹⁹ Сулькевич С.И. Указ. соч. С. 11, 228.

²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 597—604.

²¹ Там же. Т. 4. М., 1960. С. 420—429.

²² Сулькевич С.И. Указ. соч. С. 228.

²³ Сулькевич С.И. Указ. соч. С. 10. Отметим, что в книге С.И. Сулькевича часть данных о территории дана в квадратных верстах и квадратных километрах, другая часть — только в квадратных верстах. При этом при пересчете квадратных верст в квадратные километры в ряде случаев допущены неточности. В данной работе ссылки на книгу С. Сулькевича содержат дополнения и уточнения, связанные с пересчетом квадратных верст в квадратные километры.

²⁴ Там же. С. 11.

²⁵ Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 2.

²⁶ Сулькевич С.И. Указ. соч. С. 131.

²⁷ СУ РСФСР. 1921. № 5. Ст. 39; № 6. Ст. 41.

²⁸ Сулькевич С.И. Указ. соч. С. 110—112; Су РСФСР. 1920. № 51. Ст. 222.

29 СУ РСФСР. 1920. № 51. Ст. 222.

30 Образование Казахской АССР: Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1957. С. 251—255. В 1925 г. Киргизская АССР была переименована в Казахскую АССР (первое время транскрибировалась как «Казахская»). Далее по тексту книги употребляется название «Казахская».

31 В начале 1925 г. Оренбург был выделен из состава Казахской АССР. Столица республики была переведена в г. Ак-Мечеть (б. Перовск), переименованный тогда же в Кызыл-Орду. См.: История Казахской ССР. Т. 4. Алма-Ата, 1977. С. 358.

32 СУ РСФСР. 1921. № 69. Ст. 556. Крымская АССР состояла из Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского уездов бывшей Таврической губернии.

33 СУ РСФСР. 1920. № 59. Ст. 267; Декреты Советской власти. Т. 9. М., 1978. С. 159—160. В 1925 г. Чувашская АО преобразована в автономную республику.

34 СУ РСФСР. 1920. № 37. Ст. 437.

35 Преобразована в автономную республику в 1936 г.

36 В 1935 г. преобразована в автономную республику.

37 В 1923 г. преобразована в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

38 СУ РСФСР. 1918. № 79. Ст. 831.

39 Сулькевич С.И. Указ. соч. С. 95.

40 СУ РСФСР. 1922. № 30. Ст. 370.

41 СУ РСФСР. 1922. № 38. Ст. 450.

42 Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 6.

43 24 июня 1934 г. столицей Украины стал Киев.

44 История Белорусской ССР. Т. 2. Минск, 1961. С. 233—234.

45 В 1923 г. в составе Азербайджанской ССР была создана Нагорно-Карабахская автономная область. Летом 1920 г., после установления Советской власти в Нахичевани, там была образована советская социалистическая республика, установившая тесные связи с Азербайджанской ССР и РСФСР.

46 Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 6. В «Сборнике статистических сведений по Союзу ССР» территория Аз. ССР указана в 74659 кв. версты, или 84966 кв. км (с. 4).

47 Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 6.

48 Поэтому в «Сборнике статистических сведений по Союзу ССР» по административному делению на 15 мая 1923 г. территория Армянской ССР указана в 30349 кв. верст, или 34539 кв. км (с. 4), т.е. без Нахичевани.

49 Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 6.

50 История Абхазской АССР, 1917—1957. Сухуми, 1983. С. 77.

51 Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 6; Сборник стат. сведений. С. 4.

52 История Абхазской АССР. С. 106—107, 111—112. С февраля 1931 г. — Абхазская АССР в составе Грузинской ССР на правах автономной республики.

53 Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 6; Сборник стат. сведения. С. 4.

54 Плиев Б.З., Цховребов И.Н. Образование Юго-Осетинской автономной области. Цхинвали, 1972.

55 Сборник стат. сведения. С. 4.

56 Изв. ТуркЦИК и Крайкома РКП(б), 22 июля 1920 г.

- 57 История Бухарской и Хорезмской народных республик. М., 1971. С. 124.
- 58 Сулькевич С.И. Указ. соч. С. 13.
- 59 Там же.
- 60 Там же. С. 14.
- 61 Стат. ежегодник... С. 2.
- 62 Там же.
- 63 Урланис Б.Ц. Война и народонаселение Европы. М., 1960. С. 13.
- 64 Подробнее о переписи 1920 г., ее программе и т.д. см.: Киселева Г.П., Кваша А.Я. О чем рассказывают переписи населения. М., 1983. С. 28–30.
- 65 Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925 гг. М., 1928; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. М., 1928; Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–1927 гг. Новосибирск, 1930 и др.
- 66 Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С. 30.
- 67 Там же. С. 81–82.
- 68 Цит. по: Дробижев В.З. Организация учета естественного движения населения СССР в 1917–1926 гг. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1978. № 3. С. 31.
- 69 Лубны-Герцык Л.И. Указ. соч. С. 109.
- 70 Этот факт был выявлен Московским городским статистическим бюро. Количество повторных регистраций в 1919–1921 гг. в Москве достигало 14,6% (Красная Москва, 1917–1920 гг. М., 1920. С.67).
- 71 ЦСУ СССР. Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985.
- 72 Там же. С. 6.
- 73 Вайнштейн А.Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960. С. 450–457.
- 74 См., напр.: Народное хозяйство СССР в 1961 г.: Стат. ежегодник. М., 1962. С. 7.
- 75 Максудов С. Потери населения СССР. Venson (vt), 1989. С. 187.
- 76 Народонаселение: Энциклопедический демографический словарь. С. 344.
- 77 Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 39.
- 78 См., напр., пространную статью В.Тополянского «Цена гражданской...» («Независимая газета». 1991. 27 авг.) и подробный разбор, показывающий научную несостоятельность данной статьи в «Н.г» 12 марта 1992 г.
- 79 БСЭ. 3 изд. Т. 7. М., 1972. С. 234; СИЭ. Т. 6. М., 1965. С. 79; Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 14.
- 80 Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 183, 305.
- 81 Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР. М., 1993. С. 40.
- 82 Там же. С. 152.
- 83 Разгон И.М. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. М., 1941. С. 261.
- 84 Там же. С. 269.
- 85 Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. С. 110.

⁸⁶ Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР. Энциклопедия... С. 448, 449.

⁸⁷ Там же. С. 424. О потерях партизан может дать определенное представление такой пример: в ходе борьбы на Дальнем Востоке погибло 4300 амурских партизан (Кургузов С. Амурские партизаны. Хабаровск, 1929. С. 55).

⁸⁸ Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 188. В эту цифру включены и белополяки, потери которых убитыми составили, по его расчетам, 38 тыс.

⁸⁹ Там же. С. 307.

⁹⁰ Гражданская война... С. 264. Еще в середине 20-х годов численность контрреволюционных вооруженных сил на 1920 г. определялась в 2 млн человек (Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. М.; Л., 1925. С. 115).

⁹¹ Токаржевский Е.А. Очерки истории Советского Азербайджана. Баку, 1956. С. 14.

⁹² Coates W.P., Coates Z.K. Armed Intervention in Russia 1918—1922. London, 1935. P. 209.

⁹³ Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России 1917—1922 // Отечественная история. 1933. № 6. С. 55.

⁹⁴ Красная Москва, 1917—1920. М., 1920. С. 69.

⁹⁵ Куркин П.И., Чертов А.А. Естественное движение населения г. Москвы и Московской губ. М., 1927. С. 24.

⁹⁶ Лубны-Герцык Л.И. Указ. соч. С. 100 (на 10 тыс. жителей).

⁹⁷ Там же. С. 103.

⁹⁸ Новосельский С. Естественное движение населения в Петрограде в 1920 г.: Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Пг., 1921. Вып. 5. С. 32; Урланис Б.Ц. История одного поколения: Соц.-демограф. очерк. М., 1968. С. 194.

⁹⁹ Лубны-Герцык Л.И. Указ. соч. С. 107.

¹⁰⁰ Там же. С. 102.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Подробнее см.: Поляков Ю. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 56, 64—69, 75, 76.

¹⁰³ Народное хозяйство России в 1921—1922 гг. М., 1923. С. XII—XIII.

¹⁰⁴ Волков Е.З. Динамика народонаселения за 80 лет. М., 1930. С. 189—191.

¹⁰⁵ В литературе приводятся данные о более значительных масштабах заболеваний сыпным тифом. Так, О.В.Бароян считает, что по далеко не полным данным с 1918 по 1922 г. в стране переболело сыпняком около 20 млн человек, причем смертность от этой инфекции достигала 25% (Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР. С. 18).

¹⁰⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 410.

¹⁰⁷ Бароян О.В. Указ. соч. С. 63. Здесь же приводится мнение известного эпидемиолога Л.А.Тарасевича, считавшего, что за 1919—1923 гг. возвратным тифом переболело до 10 млн человек (с. 63).

¹⁰⁸ Волков Е.З. Указ. соч. С. 191.

¹⁰⁹ Красная Москва. С. 65.

¹¹⁰ Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губ. Вып. 5. 1921. С. 28.

¹¹¹ Лубны-Герцык Л.И. Указ. соч. С. 96.

¹¹² Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. С. 101.

- 113 Польский М.П. Ленинская забота о трудящихся. М., 1984. С. 129.
- 114 См., в частности: Пять лет советской медицины, 1918—1923: Сборник. М., 1923; Семашко Н.А. Охрана здоровья рабочих и работниц, крестьян и крестьянок за десять лет. М., 1927; Лебедева В.П. Пройденный этап. М., 1927; Виноградов Н.А. Здравоохранение в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1954.
- 115 Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 2, 3.
- 116 Там же.
- 117 Там же. С. 4, 5.
- 118 Там же.
- 119 По административному делению на 01.09.1921 г.
- 120 Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 4, 5.
- 121 Там же.
- 122 Население Армении на 1914 и 1916 гг. дано в «Статистическом ежегоднике» вместе с Нахичеванской обл., численность населения которой не указана. Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 6.
- 123 Сборник статистических сведений по Союзу ССР. М., 1924. С. 4.
- 124 Там же.
- 125 Худадов В.Н. Закавказье. М.; Л., 1926. С. 66. Такие же данные приводятся в одном из сборников 80-х годов. Там население Армении в 1920 г. определено в 720 тыс. чел., в 1922 — 722 тыс. (Народное хозяйство СССР в 1922—1982 гг. М., 1982. С. 11).
- 126 СИЭ. Т. 1. 1961. С. 764, 766.
- 127 Ичисление на 1925 г. — 921,4 тыс. человек (Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. М., 1925. С. 18); перепись 1926 г. — 881,3 тыс. (СИЭ. Т. 1. С. 771).
- 128 Волков Е.З. Указ. соч. С. 236.
- 129 Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 23—35.
- 130 Гухман Б.А. Продукция и потребление СССР: К народнохозяйственному балансу 1922/23 хоз. г. М., 1925.
- 131 Волков Е.З. Указ. соч. С. 203.
- 132 Там же. С. 204.
- 133 Бюллетень ЦСУ № 77; Лубны-Герцьк Л.И. Указ. соч. С. 70.
- 134 Включая 903,2 тыс. военнослужащих в городских гарнизонах.
- 135 Включая 763,8 тыс. военнослужащих.
- 136 Волков Е.З. Указ. соч. С. 212—213.
- 137 Там же.
- 138 Подробнее о городском населении см.: Жиромская В.Б. Советский город в 1921—1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988.
- 139 Волков Е.З. Указ. соч. С. 183.
- 140 Там же. С. 208.
- 141 Там же.
- 142 Стат. ежегодник, 1921. М., 1922. С. 2, 3. Табл. 1.
- 143 На 1 января 1921 г. в армии было 4110 тыс. человек, на 1 мая 1921 г. — 2614 тыс., на 1 января 1922 г. — 1590 тыс. (Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. С. 74.)
- 144 Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928. С. 10—11.
- 145 Там же. С. 11.
- 146 Поляков Ю.А., Киселев И.Н. Численность и национальный состав населения России в 1917 г. // Вопр. истории. 1980. № 6. С. 48.
- 147 Удельный вес русских в Российской империи в 1916—1917 гг. составлял 44,6%. См.: Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика численности и

расселение русского этноса, 1678—1917 гг. // Сов. этнография. 1982. № 4. С. 17.

148 Брук С.И., Кабузан В.М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII — начале XX в. // Сов. этнография. 1981. № 5. С. 25.

149 Народное хозяйство Союза ССР в цифрах: Стат. справочник. М., 1925. С. 24, 25.

150 Там же. С. 26.

151 Там же. С. 25.

152 Там же. С. 24, 28.

153 Там же. С. 27, 28.

154 Там же. С. 26—28.

155 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. С. 71—73. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. С. 29.

156 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. С. 79, 107.

157 Там же. С. 64.

158 Там же. С. 76. Удельный вес населения, для которого русский язык был родным, составлял 61,23%.

159 Там же. С. 78.

160 Там же. С. 67, 68, 69, 70.

161 Там же. С. 79.

162 Там же. С. 71, 74.

163 Там же. С. 65, 78.

164 Там же. С. 17: Союз Советских Социалистических Республик. С. 38.

165 Стат. ежегодник, 1921 г. М., 1922. Вып. 1. С. 56—57.

166 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. С. 73.

167 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 11: УССР. С. 20, 27—29.

168 Там же. С. 28, 29, 30.

169 Там же. Т. 10.: БССР. С. 13, 14, 17, 18, 21, 22, 36, 37, 46.

170 Там же. Т. 14: ЗСФСР. Разд. ЗСФСР. С. 6. (Пагинация страниц в едином томе идет по разделам).

171 Там же. Разд. АзербССР. С. 11.

172 Там же. Разд. ГрузССР. С. 15.

173 Там же. Разд. АрмССР. С. 7.

174 Там же. Т. 11: УССР. С. 8, 20.

175 Там же. С. 27—30.

176 Там же. Т. 9. С. 52, 80, 70, 71. Как уже отмечалось выше, существуют значительные отличия между показателями переписей 1920 г. и 1926 г. применительно к Северному Кавказу и относящимися к удельному весу русского населения. Это относится и к цифрам, касающимся численности украинцев на Северном Кавказе. Показатели переписи 1920 г. говорят о гораздо меньшей численности украинцев на Северном Кавказе. По этим данным, общая их численность была менее 700 тыс. См.: Народное хозяйство Союза СССР в цифрах. С. 29.

177 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. С. 67.

178 Там же. Т. 10. С. 13, 14, 17, 18, 21, 22, 36, 37, 46, 47.

179 Там же. С. 24, 27, 31, 33, 39, 42, 44.

180 Там же. Т. 9. С. 80.

181 Там же. Т. 11. С. 20; Т. 17. С. 38.

182 Там же. Т. 11. С. 20.

183 Там же. Т. 9. С. 88.

184 Там же.

- 185 Там же. С. 87.
- 186 Там же. С. 82.
- 187 Там же. С. 82, 85.
- 188 Там же. С. 86.
- 189 Стат. ежегодник, 1921 г. С. 56—57.
- 190 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. С. 87.
- 191 Там же. Т. 9. С. 87.
- 192 Там же. С. 83, 89.
- 193 Там же. Т. 11. С. 20, 32.
- 194 Там же. Т. 11. С. 20.
- 195 Там же. Т. 11. С. 32.
- 196 Там же. Т. 9. С. 93, 94.
- 197 Там же. С. 92.
- 198 Там же.
- 199 Там же.
- 200 Там же.
- 201 Стат. ежегодник, 1921 г. С. 56—57.
- 202 Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. С. 29.
- 203 Стат. ежегодник, 1921 г. С. 56—57. Значительная часть осетин жила в Грузии, где в 1922 г. была основана Юго-Осетинская АО.
- 204 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 17. С. 12; Т. 14. С. 8.
- 205 Там же. Разд. АзербССР. С. 12.
- 206 Там же. Разд. АрмССР. С. 17.
- 207 Там же. Разд. АзербССР. С. 12.
- 208 Там же. Разд. ГрузССР. С. 16.
- 209 Там же. Т. 17. С. 39.
- 210 Там же. Разд. ГрузССР. С. 62.
- 211 Там же. Т. 14. С. 8.
- 212 Там же.
- 213 Там же.
- 214 Там же.
- 215 Там же. Т. 9. С. 93.
- 216 Там же. Т. 17. С. 32, 41.
- 217 В начале 20-х годов казахов ошибочно именовали киргиз-кайсаками, киргиз-казахами или просто киргизами. С 1925 г. утвердилось наименование «казаки» с неточным, однако, транскрибированием: «казаки» вместо «казахи». Правильная транскрипция установилась в 30-е годы.
- 218 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 17. С. 41.
- 219 Там же. Т. 9. С. 74; Т. 17. С. 24, 41.
- 220 Там же. Т. 17. С. 24.
- 221 Каракалпакская АО, возникшая в 1924 г., первоначально входила в состав Казахской АССР, с 1930 г. — непосредственно в РСФСР. В 1932 г. преобразована в Каракалпакскую АССР, которая с 1936 г. входит в состав Узбекской ССР.
- 222 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. С. 95.
- 223 Там же. Т. 9. С. 95.
- 224 Там же. Т. 15. С. 14, 19, 22, 24, 27, 31, 34, 39, 48.
- 225 Там же. Т. 9. С. 95.
- 226 Там же. С. 89, 90. С 1930 г. существует Ханты-Мансийский автономный округ. До 1940 г. — Остяко-Вогульский.
- 227 С 1959 г. в переписях из числа ненцев выделяются нганасаны.
- 228 Там же. С. 89, 90.
- 229 Там же. С. 92.

- 230 Стат. ежегодник, 1921 г. С. 56.
- 231 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 17. С. 38.
- 232 Там же. Т. 9. С. 88; Т. 11. С. 33.
- 233 Там же. С. 8; Т. 9. С. 85; Т. 11. С. 20, 27—29.
- 234 Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. М., 1927. С. 28—34.
- 235 Там же. С. 28—37.
- 236 Там же.
- 237 Там же. С. 40—48.
- 238 Там же. С. 28—38, 40—49.
- 239 Там же. С. 40—50.
- 240 Перепись 1923 г. не дифференцирует эти национальности, давая их под общим названием «прочие пюрки».
- 241 Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. С. 28—36.
- 242 Там же. С. 28—30, 32—34, 36.
- 243 Там же. С. 28—29, 33—34, 36.
- 244 Там же. С. 28, 34, 36—37.
- 245 Там же. С. 28—36.
- 246 Там же. С. 28—38.
- 247 Там же.
- 248 Там же. С. 28—39.
- 249 См.: Постановление Политбюро ЦК РКП(б) по докладу И. Теодоревича 25 июня 1921 г. о создании особой комиссии по оказанию помощи голодающему населению. См. также передовую «Правды» «Голод в Поволжье и меры помощи» 26 июня 1921 г.; Бахтин М.И. Союз рабочих и крестьян. М., 1961. С. 70; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 3. М., 1956. С. 132; СССР в период восстановления народного хозяйства. М., 1955. С. 142.
- 250 Рубинштейн Н.Л. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 гг. М., 1953. С. 92; Трифонов И. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. М., 1960. С. 21; Генкина Э.Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922). М., 1954. С. 282; СССР в период восстановления народного хозяйства. С. 143; Агриков П.А., Башкиров А.С., Лычев И.А. Война с голодом в Поволжье в 1921—1922 гг. // История СССР. 1963. № 1. С. 143.
- 251 Обращение ЦК РКП(б) «О регулярной помощи голодающим» (ноябрь 1921 г.) // Справочник партийного работника. М., 1921. Вып. 2. С. 161.
- 252 Итоги борьбы с голодом в 1921—1922 гг. С. 459; Итоги послед. гол. М., 1923. С. 15.
- 253 Итоги борьбы с голодом в 1921—1922 гг. С. 202, 291, 317, 319, 283, 293, 294, 321.
- 254 При этом следует учитывать, что городское население этих районов насчитывало до 5 млн человек. Там же. С. 459.
- 255 См.: Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 289.
- 256 Итоги послед. гол. М., 1923. С. 15.
- 257 Труды Центрального института прогнозов. Л., 1949. Вып. 13 (40). С. 5—12.
- 258 Труды Госплана. Кн. 1. М., 1922. С. 21.
- 259 Восстановление хозяйства и развитие производительных сил Юго-Востока РСФСР, пострадавшего от неурожая в 1921 г. М., 1921. С. 4.
- 260 IX Всероссийский съезд Советов... Стенографический отчет. М., 1922. С. 36—37.

- 261 Итоги последгол. С. 17.
 262 Итоги борьбы с голодом в 1921—1922 гг. С. 464—465.
 263 Там же. Табл. 4. С. 469, 130.
 264 Ю.Поляков. 1921-й: победа над голодом. М., 1975. С. 80, 99, 93.
 265 IX Всероссийский съезд Советов... Стенографический отчет.
 С. 27.
 266 Ю.А.Поляков. Указ. соч. С. 75.
 267 СУ РСФСР. 1921. № 59. С. 396.
 268 Белокопытов В.И. Борьба с голодом и его последствиями в Татарии (1921—1923 гг.): Автореферат. Казань, 1979. С. 15.
 269 Итоги последгол. С. 17.

Глава VI

- 1 Труды ЦСУ РСФСР. Т. 1. Вып. 3. М., 1921. С. 4.
 2 Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. С. 26.
 3 Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 185.
 4 Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968. С. 382—383.
 5 Семанов С.Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа в 1921 г. М., 1973. С. 123.
 6 Комин В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом: Учебное пособие. Ч. 1. Калинин, 1977. С. 30, 32.
 7 Русский эмигрант. 1921. № 7; Бюллетень Русского литературного общества в Дамаске. 1923. № 1.
 8 Барихновский Г.Ф. Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921—1924 гг.). Л., 1978. С. 15.
 9 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 138.
 10 Бюллетень Исполнительной комиссии совещания бывших членов Учредительного собрания. Париж, 1921. № 1. С. 24.
 11 Бюллетень Русского литературного общества в Дамаске. 1923. № 1.
 12 Русский колокол. 1927. № 2. С. 77.
 13 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 360; Т. 43. С. 126; Т. 44. С. 5, 39 и др.
 14 Частное совещание членов Всероссийского Учредительного собрания. Париж, 1921. С. 21.
 15 Бюллетень Русского литературного общества в Дамаске. 1923. № 1.
 16 Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 2-е изд. М., 1986. С. 25—26; Мухачев Ю.В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 35—37.
 17 Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. С. 117.
 18 Давец В., Львов Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923. С. 20; Крестьянская Россия: Сб. ст. Прага, 1923. № 2—3. С. 197 и др.
 19 Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия — история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека, 1920—1970. Париж, 1917—1973. Т. 1—2. С. 12.

²⁰ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919—1939. М., 1994. С. 38, 260—262.

²¹ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1. С. 21, 29—34.

²² Rimscha H. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration, 1917—1921. Jena, 1924. S. 50—51; Simpson J.H. The Refugee Problem: Report of a Survey. L., N.Y., Toronto, Oxford University Press, 1939. P. 68—74; tabl. 63, 64.

²³ Kulischer E. Europe of the Move. — War and popular changes, 1917—1947. N.Y., 1948. P. 54; Lorimer F. The population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, 1946. P. 39, 42. (Лоример в своих исследованиях опирается на расчеты А. и Е.Кулишер, которые были ими сделаны в ранее опубликованных работах, а также на сведения, полученные от них позднее.)

²⁴ Стефан Д. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции, 1925—1945. М., 1992. С. 19.

²⁵ Volkman H.-E. Die russische Emigration in Deutschland. 1919—1929. Würzburg, 1966. S. 8.

²⁶ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 360. Л. 4; Последние новости. Париж. 1920. 25 декабря; Белов В. Белое похмелье. М.; Пг., 1923. С. 44; Комин В.В. Указ. соч. С. 30; Volkman H.-E. Op. cit. S. 5; Williams R.C. Culture in exile: Russian émigrés in Germany. 1881—1941. L., 1972. P. 111.

²⁷ Волков Е.З. Указ. соч. С. 188; Миграционные процессы в России и СССР. М., 1991. Вып. 1. С. 94—95, 123 — таблица 1.

²⁸ Последние новости. Париж. 1920. 26 декабря (со ссылкой на «Манчестер гардиан»); Общее дело. Париж. 1921. 10 января.

²⁹ Press du soir. Konstantinopol. 1921. 3 janvier.

³⁰ Миграционные процессы в России и в СССР. С. 123.

³¹ Шкаренков Л.К. Указ. соч. С. 25.

³² РГВА. Ф. 102. Оп. 3. Д. 584. Л. 89; Ф. 109. Оп. 3. Д. 248. Л. 1; Оп. 9. Д. 273. Л. 7.

³³ РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 148. Л. 58; Ф. 102. Оп. 3. Д. 584. Л. 89—90.

³⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 418. Л. 30; Д. 596. Л. 187; Ф. 33988. Оп. 2. Д. 213. Л. 307.

³⁵ ГАРФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 98. Л. 189.

Глава VII

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 17. М., 1929. С. 38—41.

² Там же. Т. 9. 1929. С. 8—13.

³ См.: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 153—169, 188; Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. С. 48; Воспроизводство населения в СССР. М., 1983. С. 57; Народонаселение: Энциклопедический словарь. С. 399; Adametz S., Blum A., Zakharov S. Disparités et variabilités des catastrophes démographiques en URSS. P., 1994. P. 62.

⁴ Водарский Я.Е. Население России за 400 лет. М., 1973. С. 151; Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897—1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в СССР. С. 205; Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления). М., 1941. С. 191—192.

⁵ См.: Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. С. 94, 98; Народонаселение. С. 398—399.

⁶ Ильина И.П. Влияние войны на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. С. 11, 50; Статистический ежегодник, 1918—1920 гг. Вып. 1. С. 2—3, 57—61; Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М., 1987. С. 63; Новосельский С.А. Влияние войны на естественное движение населения // Тр. комиссии по обследованию санитарных последствий войны, 1914—1920 гг. М.; Пг., 1923. Вып. 1. С. 137, 115.

⁷ Новосельский С.А. Указ. соч. С. 137; Дробижев В.З. Указ. соч. С. 65.

⁸ Новосельский С.А. Указ. соч. С. 107; Дробижев В.З. Указ. соч. С. 66—67; Струмилин С.Г. Трудовые потери России в войне // Народное хозяйство. 1920. № 18. С. 104.

⁹ Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Пг., 1921. Вып. 5. С. 23; Бюллетень Орловского губстатбюро. Орел, 1925. Вып. 4. С. 4.

¹⁰ Дробижев В.З. Указ. соч. С. 65—67.

¹¹ Adametz S. et al. Op. cit. P. 72—73.

¹² Территория РСФСР была охвачена переписью 1920 г. без Киренского, Бодайбинского, Селенжинского, Сергучьего, Славгородского, Березовского уездов Сибири и Тимирского уезда Киргизии (см.: Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918—1923. М., 1924. С. 12, 24).

¹³ Там же. С. 10, 11, 21—23.

¹⁴ Там же. С. 15—17, 27—29, 42; Дробижев В.З. Указ. соч. С. 90—92.

¹⁵ Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918—1923. С. 42; Дробижев В.З. Указ. соч. С. 101.

¹⁶ Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918—1923. С. 40—42; Дробижев В.З. Указ. соч. С. 90, 100—101.

¹⁷ Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987. С. 169; Ильина И.П. Указ. соч. С. 17.

¹⁸ Adametz S. et al. Op. cit. P. 73.

¹⁹ Статистический ежегодник. 1918—1920 гг. Вып. 1. С. 2—3, 57—61.

²⁰ Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ СССР. Т. 20. Вып. 1. Ч. 3. С. 2—9. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 17; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 44, 46; Андреев Е., Дарский Л., Харьков Т. Опыт оценки численности населения СССР 1926—1941 гг. (Краткие результаты исследования) // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 35; Социологические исследования. 1990. № 6. С. 24; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. С. 24.

²¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 34. С. 118—172 (рассчитано мною. — В.Ж.).

²² Расчеты по Центральной России произведены по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 17. С. 58—67; Т. 20. С. 77—78.

²³ Воспроизводство населения СССР. С. 162.

²⁴ Данные по Казахстану и Средней Азии рассчитаны по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8. С. 56—61, 206—215; Т. 17. С. 62—69.

²⁵ Потери населения в возрасте от 5 до 24 лет в Казахстане объясняются не только гражданской войной, но и периодически вспыхивающими

здесь в первые десятилетия XX в. эпидемиями и падежом скота, что приводило к жестокому голоду.

²⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8. С. 58, 67; Т. 18. С. 62—68; Т. 34. С. 8—9; Т. 28. С. 14.

²⁷ Там же. Т. 8. С. 56—67; Т. 14. С. 32—35.

²⁸ Там же. Т. 8. С. 8—9.

²⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. С. 58—59, 124—125.

Глава VIII

¹ Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Социально-гигиенические проблемы и последствия войн. М., 1975. С. 42.

² Красная Москва, 1917—1920. М., 1920. С. 63; Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР: За время мировой войны и революции. М., 1926. С. 90; Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Пг., 1921. Вып. 5. С. 19; Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1920. Вып. 1. С. 10.

³ Лубны-Герцык Л.И. Указ. соч. С. 100; Красная Москва, 1917—1920. С. 69; Труды ЦСУ. М., 1922. Т. 8. Вып. 2. С. 333.

⁴ Красная Москва, 1917—1920. С. 72, 79.

⁵ Там же. С. 64; Материалы по статистике Петрограда. Вып. 5. С. 19; Материалы по статистике Череповецкой губернии. Череповец, 1923. С. 21; Вестник Самарского губстатбюро. Самара, 1921. № 2. С. 72.

⁶ Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Вып. 5. С. 26.

⁷ СУ РСФСР. 1918. Ст. 818.

⁸ Там же.

⁹ Материалы по статистике Петрограда. Вып. 1. С. 15; Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Вып. 5. С. 21.

¹⁰ Красная Москва, 1917—1920. С. 69; Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Вып. 5. С. 31; Лубны-Герцык Л.И. Указ. соч. С. 100, 104; Труды ЦСУ. М., 1921. Т. 1. Вып. 3. С. 4.

¹¹ Лубны-Герцык Л.И. Указ. соч. С. 103—113; Труды ЦСУ. М., 1922. Т. 8. Вып. 2. С. 333, 343 (подсчеты автора).

¹² Красная Москва, 1917—1920. С. 65; Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Вып. 5. С. 28; Материалы по статистике Череповецкой губернии. С. 21; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. С. 14; Статистический бюллетень Киевского губстатбюро. Киев, 1922. № 4—5. С. 203; Труды ЦСУ. М., 1918. Т. 1. Вып. 3. С. 4.

¹³ Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Вып. 5. С. 28; Уиппл Дж.Ч., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929. С. 608.

¹⁴ Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. М., 1928. С. XLVIII, XLIX; Лубны-Герцык Л.И. Указ. соч. С. 90, 92; Статистический ежегодник Донского областного управления 1922 года. Ростов-на-Дону, 1922. С. 50; Донской статистический ежегодник, 1923 г. Ростов-на-Дону, 1923. С. 63; Материалы по статистике Череповецкой губернии. С. 21; Естественное движение в Сибкрае за 1925—1927 гг. Новосибирск, 1920. С. 6.

¹⁵ Естественное движение населения Союза ССР, 1923—1925. М., 1928. С. XXVIII; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. С. 30.

¹⁶ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 30—31.

¹⁷ Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918—1923 // Труды ЦСУ. М., 1924. Т. 18. С. 3, 18, 24—29; Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928. С. 11; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. М., 1927. Вып. 2. С. 12—13, 15; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии, 1922. Пг., 1922. С. 3 (подсчеты автора).

¹⁸ Итоги Всесоюзной городской переписи населения 1923 г. С. 2—13; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929. Т. 9. С. 2—13, 26—33, 122—135 (подсчеты автора).

¹⁹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 106. Л. 183.

²⁰ Там же. Оп. 23. Д. 105. Л. 4.

²¹ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 32.

²² Там же.

²³ Там же. С. XXVIII.

²⁴ СУ. 1918. Ст. 818.

²⁵ См.: Брак и семья: Сб. документов и материалов. М.; Л., 1926. С. 91, 104, 134; Голод С.И. Социологические проблемы сексуальной морали: Автореф. дис... канд. филос. наук. М., 1968. С. 6—8; Социальные исследования. М., 1970. Вып. 4. С. 88—114.

²⁶ Голод С.И. Социологические проблемы сексуальной морали... С. 9—10.

²⁷ Естественное движение населения в Сибкрае за 1925—1927 гг. Новосибирск, 1930. С. 5.

²⁸ Естественное движение населения Союза ССР, 1923—1925. С. XXX; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 34.

²⁹ Лубны-Герцык Л.И. Указ. соч. С. 100, 103—104, 107; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. XXXI; Смертность и продолжительность жизни населения СССР, 1926—1927. М.; Л., 1930. С. XII—XIII, XL.

³⁰ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 19, 20; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. 72—73.

³¹ Смертность и продолжительность жизни населения СССР, 1926—1927. С. 31.

³² Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1931. Т. 55. С. 62—63, 128—131 (подсчеты автора); Т. 56. Вып. 1. С. XI. Вып. 3. С. 188—191, 291—293. Вып. 1-3. С. 9—13 (подсчеты автора).

³³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 55. С. 62—63, 128—131; Т. 56. Вып. 1. С. XI, 9—10. Вып. 2. С. 9—10; Вып. 3. С. 188—191, 291—293. Вып. 1-3. С. 9—13.

³⁴ Лубны-Герцык Л.И. Указ. соч. С. 94, 96, 97; Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Вып. 5. С. 23; Материалы по статистике Череповецкой губернии... С. 21.

³⁵ Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. XIX, XXIII.

³⁶ Аборты в 1925 году. М., 1927. С. 40; Аборты в 1926 году. М., 1929. С. 8; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. С. XXVI—XXVII.

³⁷ Там же. С. 21–22, XIX, XXIII, XXXIII; Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. С. XXXII.

³⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 55. С. 62–63, 128–131.

³⁹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 50, 97.

⁴⁰ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 100–103; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 106–115.

⁴¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. С. 88–89; То же: Основные итоги: Россия. СПб., 1999. Табл. 10.

⁴² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 17. Л. 28. Д. 49. Л. 16, 21–25. (Д. 189. Л. 14; Д. 195. Л. 4–5. Д. 261. Л. 10 – подсчеты автора). Д. 406. Л. 23; Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 58–59.

⁴³ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. С. 88–89.

⁴⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия. Табл. 10; Всесоюзная перепись 1937 года... С. 82; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 270. Л. 2-2 об. Д. 2638. Л. 66–67.

⁴⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия. С. 37 (при подсчетах автор исходил из численности городского населения, равной 33,7 млн чел., вычисленной В.Б.Жиромской. По данным, зафиксированным в переписи 1939 г., численность городского населения составляла 36,3 млн чел.).

⁴⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия. Табл. 9.

⁴⁷ Там же (подсчеты автора); Кузьмин А.И. Семья на Урале... С. 42; Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в СССР. М., 1989. С. 55.

⁴⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 49. Л. 21–25. Д. 100. Л. 4–4 об. Д. 261. Л. 9–10 (подсчеты автора), Д. 406. Л. 23. В 1936 г. процедура развода была усложнена.

⁴⁹ Там же. Оп. 329. Д. 190. Л. 131; Оп. 33. Д. 268. Л. 63. Д. 2638. Л. 62.

⁵⁰ Население России: Ежегодный демографический доклад // Евразия, 1993. № 4. С. 16.

⁵¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия. С. 36; Население Западной Сибири в XX веке. С. 60.

⁵² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 20. Л. 91–91 об. Д. 264. Л. 5–5 об.; Оп. 33. Д. 2638. Л. 73–75, 97–98; Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 14.

⁵³ Население Урала, XX век. С. 53; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 49. Л. 16, 65.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 187. Л. 30; Д. 190. Л. 47; ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 503. Л. 4 об.

⁵⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 187. Л. 24.

⁵⁷ Тольц М.С. Некоторые обобщающие характеристики брачности, прекращения и длительности брака // Демографическое развитие семьи. М., 1979. С. 53, 58.

Глава IX

- ¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 372, 374.
- ² Там же. С. 247. Впоследствии, 16 сентября 1918 г. ВЦИК РСФСР утвердил «Кодекс законов об актах гражданского состояния, о брачном, семейном и опекунском праве», в котором было обобщено и дополнено законодательство Советской власти по этому вопросу // Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1962. С. 314—343.
- ³ РСФСР. Кодекс законов о браке, семье и опеке. М., 1927. С. 4—5.
- ⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. М., 1929.
- ⁵ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991.
- ⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги: Россия. М., 1999. С. 9.
- ⁷ Квиткин О.А. Основные линии разработки переписи семей 1926 г. // Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.; Л., 1931. Т. 6. Вып. 1. С. VI.
- ⁸ См., например: Харчев А.Г. Быт и семья в социалистическом обществе. Л., 1968. С. 9; Брак и семья: Демографический аспект. М., 1975. С. 2; Герасимова И.А. Структура семьи. М., 1976. С. 7; Соловьев Н. Брак и семья сегодня. Вильнюс, 1977. С. 6; Демографические проблемы семьи. М., 1978. С. 33; Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 132; Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. С. 244; Народнонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 430 и др.
- ⁹ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 37.
- ¹⁰ Народнонаселение: Энциклопедический словарь. С. 133.
- ¹¹ Чайнов А.В. Очерки по истории трудового хозяйства. М., 1923. С. 10.
- ¹² Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917—1954 гг. М., 1954. С. 162.
- ¹³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 11.
- ¹⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. С. 122—125.
- ¹⁵ Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 23—25.
- ¹⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 42. Л. 50.
- ¹⁷ Хоменко А.П. Семья и воспроизводство населения. 1980. С. 22.
- ¹⁸ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 122—125.
- ¹⁹ Там же. С. 128—129; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги: Россия. С. 30.
- ²⁰ Подсчитано по: Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. М., 1928. С. XLIII; Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Социально-гигиенические проблемы и последствия войны. М., 1975. С. 42.
- ²¹ Опыт историко-социологического изучения села «Молдино». М., 1968. С. 111.
- ²² Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. С. XLIII.
- ²³ Там же; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 20. Д. 70. Л. 34.
- ²⁴ Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 79.
- ²⁵ Там же. Т. 79—80; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 42. Л. 59.
- ²⁶ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. С. 122—125; Т. 43. С. 2—3; Демографическое развитие в СССР. М., 1985. С. 55.
- ²⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 71. Л. 59.

- 28 ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 71. Л. 22.
- 29 Там же. Д. 69. Л. 37.
- 30 Там же.
- 31 Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1976. С. 9.
- 32 ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 71. Л. 63.
- 33 Кодекс законов о браке, семье и опеке. С. 6.
- 34 Там же.
- 35 Брак и семья. М.; Л., 1926. С. 12—13.
- 36 Там же. С. 146, 150.
- 37 Кодекс законов о браке, семье и опеке. С. 6—7.
- 38 ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 20. Д. 70. Л. 34.
- 39 Там же. Оп. 23. Д. 303. Л. 10.
- 40 Смирнова Я.Т. Семья и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 187, 200, 217.
- 41 ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 71. Л. 14.
- 42 Декреты Советской власти. Т. 3. С. 248.
- 43 Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР. 1917—1937 гг. М., 1978. С. 144.
- 44 Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 18.
- 45 Мевзос Г.М. Естественное движение населения Дальневосточного края в 1924/1925 гг. // Стат. бюллетень Дальневосточного областного статуправления. Хабаровск, 1925. № 13. С. 3, 4; Смирнова Я.Т. Указ. соч. С. 194.
- 46 Народнонаселение: Энциклопедический словарь. С. 199.
- 47 Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 157.
- 48 Там же; Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 42; Бедный М.Т. Продолжительность жизни (Статистика, факторы, возможности увеличения). М., 1967. С. 32.
- 49 ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 295. Л. 1, 18 об.; Д. 303. Л. 12 об.
- 50 Там же.
- 51 Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974. С. 44, 64.
- 52 Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 100.
- 53 Воспроизводство населения СССР. С. 160.
- 54 Томилин С.А. К вопросу о плодовитости крестьянки и влиянии ее на детскую смертность // Журнал по изучению раннего детского возраста. 1929. Т. 9. № 9. С. 740.
- 55 Благодаров А.А. Современный аборт // Сибирский медицинский журнал. 1927. № 5. С. 39.
- 56 Генс А.Б. Аборт в деревне. М., 1926. С. 5.
- 57 Там же.
- 58 Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. М., 1928. С. XXVI.
- 59 Приходько П.Т. Социальные основы аборт в Анжеро-Судженском районе Томского округа // Сибирский медицинский журнал. 1927. № 1. С. 21—22; Гиподман А. Организация массового распространения противозачаточных средств // Журнал по изучению раннего детского возраста. 1929. Т. 9. № 8. С. 680. Генс А.Б. Указ. соч. С. 6, 21.
- 60 Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 27—28.
- 61 Воспроизводство населения СССР. С. 174.
- 62 Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 29.
- 63 ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 1. Д. 1498. Л. 66, 67.

- 64 Население СССР за 70 лет. С. 97, 120.
- 65 ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 70. Л. 6; Д. 353. Л. 26—85.
- 66 Там же. Оп. 23. Д. 297. Л. 7—7 об.; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 154. Л. 1—1 об.
- 67 Семенов Н. Крестьянский двор: По материалам пробного обследования быта и правовых отношений крестьянского двора в январе-марте 1926 г. // Революция права. 1927. № 1. С. 185—186.
- 68 Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916, 1923—1927 гг. М., 1930. С. 2—5.
- 69 ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 678. Л. 30.
- 70 Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земельной подворной переписи. Т. 1. Крестьянское хозяйство. М., 1883. С. 126.
- 71 ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 678. Л. 31, 31 об.
- 72 См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. С. 450.
- 73 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 237. Л. 163.
- 74 Панкратова М.Г. Сельская семья в СССР. М., 1974. С. 36.
- 75 Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. С. 450.
- 76 Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги: Россия. С. 37.

Глава X

- 1 Народное хозяйство РСФСР. Стат. сборник. М., 1957. С. 75.
- 2 Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. 3: Население СССР. М., 1927. С. 2, 3, 4.
- 3 Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск, 1976. С. 176.
- 4 Там же. С. 179.
- 5 Народное хозяйство РСФСР. С. 47.
- 6 Платунов Н.И. Указ. соч. С. 178.
- 7 Чураев А. Население Восточной Сибири. Москва; Иркутск, 1933. С. 22.
- 8 Платунов Н.И. Указ. соч. С. 187.
- 9 Там же. С. 188.
- 10 Труд в СССР: Стат. справочник. М., 1936. С. 342.
- 11 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 391. Л. 37.
- 12 Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1932. Отдел 1. Ст. 516.
- 13 СЗ СССР. 1933. Ст. 116.
- 14 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 3.
- 15 Там же. Оп. 20. Д. 25. Л. 3.
- 16 Там же. Л. 2.
- 17 Там же. Д. 29. Л. 31.
- 18 Там же. Л. 31а.
- 19 Там же. Д. 34. Л. 23.
- 20 Социалистическое строительство СССР. С. 546.
- 21 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 21. Л. 187.
- 22 Там же. Л. 186.
- 23 Там же.

- 24 Там же. Л. 187.
- 25 Там же. Д. 27. Л. 446.
- 26 Там же. Д. 52. Л. 35.
- 27 Там же. Оп. 329. Д. 279. Л. 22.
- 28 Там же. Д. 132. Л. 38.
- 29 Подъячих П.Г. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Методология и организация проведения переписи и разработки итогов. М., 1953. С. 55.
- 30 Московский А.С., Исулов В.А. Указ. соч. С. 56.
- 31 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 132. Л. 38.
- 32 Московский А.С., Исулов В.А. Указ. соч. С. 57.
- 33 Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 58—59.
- 34 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 279. Л. 33.
- 35 Воспроизводство населения СССР. С. 263, 264.
- 36 Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Россия: Основные итоги. С. 135.
- 37 Там же. С. 86.
- 38 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 161. Л. 69.
- 39 Там же.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. С. 11—12.
- 43 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 1.
- 44 Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1936. Ст. 309.
- 45 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 58. Л. 121.
- 46 Там же. Оп. 329. Д. 390. Л. 79.
- 47 Там же. Л. 161—163.
- 48 Там же. Оп. 329. Д. 271. Л. 4.
- 49 ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 384. Л. 281.
- 50 Там же. Д. 389. Л. 1, 4, 29, 38, 50, 56, 61.
- 51 Веселовский Б.Б. Коммунальное хозяйство в цифрах и диаграммах, 1917—1927 гг. М., 1928. С. 52, 54; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. М., 1927. Вып. 2. С. 233.
- 52 См.: Вержбловский М.В. Очерки истории гигиены воды в России и СССР (1700—1960 гг.): Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Л., 1966. С. 20—22; Города СССР. М., 1927. С. 22.
- 53 Труды ЦСУ. М., 1926. Т. 17. Вып. 3. С. 124—127, 162; Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1932. Т. 54. С. 69, 82—85.
- 54 ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 105. Л. 78—80.
- 55 Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 59.
- 56 ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 50. Л. 16.
- 57 Там же. Оп. 23. Д. 303. Л. 10; Д. 384. Л. 281 об.
- 58 Там же. Д. 105. Л. 68—69, 74—75.
- 59 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 391. Л. 24; Оп. 20. Д. 124. Л. 22.
- 60 Там же. Оп. 329. Д. 391. Л. 24.
- 61 Там же. Оп. 20. Д. 124. Л. 135.
- 62 Там же. Оп. 329. Д. 391. Л. 24.
- 63 Там же. Оп. 20. Д. 124. Л. 67.
- 64 Там же. Оп. 329. Д. 271. Л. 4.
- 65 ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32. Д. 31. Л. 3, 5, 8.

Глава XI

- 1 Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. Капитализм. М., 1956. С. 232.
- 2 История рабочего класса СССР: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 180.
- 3 Ляшенко П.И. Указ. соч. С. 233, 238.
- 4 Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955. С. 271, 275.
- 5 Ляшенко П.И. Указ. соч. С. 238.
- 6 По данным департамента окладных сборов // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1955. Вып. 6. С. 10.
- 7 Современный мир. 1909. № 7. С. 15.
- 8 Клейнборт Л.М. История безработицы в России, 1857—1919 гг. М., 1925. С. 113.
- 9 Слуховской И.О. Безработные в Москве. М., 1910.
- 10 Москович Н. Ужасы безработицы // Путь правды. № 59.
- 11 Клейнборт Л.М. Указ. соч. С. 183—184.
- 12 Слуховской И.О. Указ. соч. С. 199.
- 13 Материалы об экономическом положении и профорганизации петербургских рабочих по металлу. СПб., 1909. С. 15.
- 14 Берг Г. Долой безработицу. СПб., 1906. С. 56.
- 15 Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 336—339.
- 16 Ляшенко П.И. Указ. соч. С. 632—639.
- 17 Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны, 1914—1920 гг. М.; СПб., 1923. Вып. 1. С. 37.
- 18 Бюллетень Народного комиссариата труда. 1918. № 1—4. С. 73.
- 19 Клейнборт Л.М. Указ. соч. С. 229.
- 20 Самойлова К.Н. Современная безработица и борьба с нею. Пг., 1918. С. 8.
- 21 Исаев А.Н. Безработица в СССР и борьба с нею (1917—1924 гг.). М., 1924. С. 5.
- 22 СУ РСФСР. 1917. Отд. 1. № 8. Ст. 111.
- 23 Исаев А.Н. Указ. соч. С. 16.
- 24 Бюллетень Народного комиссариата труда. 1918. № 1—4. С. 73.
- 25 ГАРФ. Ф. 382. Оп. 16. Д. 8. Л. 74—84.
- 26 Ледаев Д.И. Безработица в СССР и борьба с нею // Вопросы труда. 1927. № 10. С. 106.
- 27 Исаев А.Н. Указ. соч. С. 9.
- 28 Ходоровский И.И. Рынок труда в России в 1918 г. М., 1919. С. 12.
- 29 Аникст А.М. Организация и распределение рабочей силы в 1920 г. М., 1920. С. 8; Он же. Обзор деятельности НКТ за 1921 г. М., 1922. С. 5; Исаев А.Н. Указ. соч. С. 31.
- 30 Известия НКТ СССР. 1923. № 3. С. 2—3.
- 31 Вестник труда. 1922. № 2. С. 11. Подробные данные о численности безработных в отдельных губерниях в сентябре 1921 г. см.: ГАРФ. Ф. 382. Оп. 4. Д. 728. Л. 79—84.
- 32 ГАРФ. Ф. 374. Оп. 8. Д. 1898. Л. 40.
- 33 Исаев А.Н. Указ. соч. С. 40—41.
- 34 ГАРФ. Ф. 374. Оп. 8. Д. 1898. Л. 42.

35 В 1924 г. в народном хозяйстве было занято 7,4 млн рабочих и служащих // Труд в СССР: Стат. сборник. М., 1968. С. 22. Данные по безработице на июль 1924 г. см.: СССР. Год работы правительства (материалы к отчету за 1924/25 бюджетный год). М., 1926. С. 571.

36 ГАРФ. Ф. 374. Оп. 8. Д. 1899. Л. 27.

37 ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 9. Д. 348. Л. 234.

38 Гиндин Я.И. Борьба с безработицей и наем рабочей силы. М., 1927. С. 48—49.

39 Минц Л.Е. Учет безработных в СССР // БСЭ. Т. 5. М., 1939. Стб. 221.

40 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 26. Д. 182. Л. 22.

41 Вопросы труда. 1925. № 10. С. 11—12.

42 Минц Л.Е. Труд и безработица в России (1921—1924 гг.). М., 1924. С. 61.

43 ГАРФ. Ф. 5115. Оп. 8. Д. 280. Л. 91.

44 Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. 532. Оп. 1. Д. 1493. Л. 58, 78, 81.

45 ГАРФ. Ф. 374. Оп. 8. Д. 1898. Л. 41—42.

46 Там же.

47 Гиндин Я.И. Указ. соч. С. 4—5.

48 ГАРФ. Ф. 374. Оп. 8. Д. 1898. Л. 42.

49 Там же. Л. 42, 52.

50 Там же. Л. 46.

51 Там же. Л. 43.

52 ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 24. Д. 18. Л. 9.

53 Романов М.М. Ликвидация безработицы в СССР. М., 1930. С. 5.

54 VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ: Стат. отчет. М., 1928. С. 37.

55 ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 24. Д. 218; Ф.4372. Оп. 26. Д. 182. Л. 40.

56 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 52. Безработные. С. 72—85.

57 Там же. С. 86, 92, 100, 102, 104, 112.

58 Там же. С. 2, 16, 30, 44.

59 Там же.

60 ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 15. Д. 188. Л. 1—2.

61 Там же. Д. 295. Л. 11—12.

62 Известия НКТ СССР. 1929. № 50. С. 786; Вопросы труда, 1930. № 7—8. С. 57; № 11—12. С. 76.

63 ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 1. Д. 246. Л. 137; Д. 211. Л. 66.

64 Там же. Оп. 15. Д. 279. Л. 152—153.

65 Там же. Оп. 1. Д. 237. Л. 134; Д. 165. Л. 3.

66 Там же. Д. 165. Л. 1.

67 Правда. 1930. 22 окт.

Глава XII

1 КПСС в резолюциях... Изд. 8. Т. 4. М., 1970. С. 57.

2 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 938. Л. 22; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 15. Л. 206—226; Оп. 14. Д. 151. Л. 29—50.

3 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1254. Л. 3—5.

4 См., например: Есиков С.А., Кузнецова Э.Н. Голод 1932—1933 гг. в Тамбовском крае. Тамбов, 1992.

5 История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2. С. 261.

- ⁶ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 204.
- ⁷ РЦХИДНИ. Ф. 112. Оп. 21. Д. 1290. Л. 19, 23.
- ⁸ Там же. Оп. 47. Д. 7. Л. 281–282; ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1221. Л. 8.
- ⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 17. Л. 28–30 (подсчеты автора).
- ¹⁰ Там же. Л. 30; Оп. 33. Д. 2638. Л. 73–75; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993. С. 40, 48.
- ¹¹ См.: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Указ. соч. С. 46.
- ¹² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 21, 22; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Указ. соч. С. 47.
- ¹³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 49. Л. 65.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Д. 22. Л. 19–19 об.; Оп. 33. Д. 56. Л. 1–1 об. (подсчеты автора).
- ¹⁶ Там же. Оп. 329. Д. 19–19 об., 27–27 об. (подсчеты автора).
- ¹⁷ Там же. Д. 17. Л. 28–30.
- ¹⁸ Там же. Д. 269. Л. 47, 68–69, 212.
- ¹⁹ См.: Международная жизнь. 1990. № 5. С. 99; Хандрос Б. Смертные листы // Юность. 1990. № 2. С. 54.
- ²⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 4. М., 1955. С. 493.
- ²¹ См.: Максудов Т. Потери населения СССР. Venson, 1989. С. 170–173; Киселев И.Н. Естественное движение населения в 1930-х годах // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 51, 60, 65, 67.
- ²² См.: Конквест Р. Жатва скорби // Новый мир. 1989. № 10. С. 179–200; То же // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 86.
- ²³ См.: Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографическая катастрофа» 30–40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116–121.
- ²⁴ Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974. С. 310.
- ²⁵ Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 178.
- ²⁶ Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 21–23, 25.
- ²⁷ Цаплин В.В. Указ. соч. С. 178.
- ²⁸ Кульчицкий С.В. Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Донецк, 14–16 мая 1991 г. М., 1991. Ч. 1. С. 38.
- ²⁹ Советская культура. 1990. 31 марта.
- ³⁰ Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме: Ист. очерк // Знамя. 1989. № 2. С. 176.
- ³¹ См.: Хандрос Б. Указ. соч. С. 52–53, 55; Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии... С. 38.
- ³² Кульчицкий С.В. Некоторые проблемы истории сплошной коллективизации на Украине // История СССР. 1989. № 5. С. 33; Он же. Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Тезисы докла-

дов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии... С. 39.

33 Перковский А.А., Пирожков С.И. К истории демографического развития 30–40-х годов (на примере Украинской ССР) // Экономика. Демография. Статистика. М., 1990. С. 183.

34 Там же.

35 33-й голод: Народна книга-меморіал. Київ, 1991. С. 579–580.

36 Кондрашин В.В. Общие демографические потери деревни Поволжья во время голода 1932–1933 гг. // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии... С. 51–52; Он же. Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1991. С. 19–22.

37 См.: Историческая демография: новые подходы, методы, источники: Тез VIII Всерос. конф. по ист. демографии. Екатеринбург, 13–14 мая 1992 г. М., 1992. С. 78–79.

38 См.: Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года... С. 18.

39 Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 65–67.

40 Алексеенко А.Н. Голод начала 30-х годов в Казахстане (методика определения числа пострадавших) // Историческая демография: новые подходы, методы, источники... М., 1992. С. 76–78.

41 Эти данные приводятся в кн.: Михайлов В.Ф. Хроника Великого Джута: Документальная повесть. Алма-Ата, 1990. С. 201–202.

42 См.: Осколков Е.Н. Город 1932–1933: Хлебозаготовки и голод 1932–1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. С. 72–74, 80.

43 Исупов В.А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 182–184; Он же. Демографические последствия голода 1932–1933 гг. в Западной Сибири // Демографическое развитие Сибири, 30–80-е гг. (Ист. опыт и соврем. пробл.): Сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 11–19; Он же. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 81–83.

Глава XIII

1 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 205, 209–214.

2 Там же. Д. 1. Л. 1.

3 Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане: Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове, 1930–1936 гг. Мурманск, 1993. С. 52–53.

4 Там же. С. 35; Население Кольского Севера. Мурманск. 1968. С. 22.

5 Социологические исследования. 1991. № 10. С. 4.

6 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 13.

7 Там же. Д. 22. Л. 42.

8 Там же. Л. 43; Д. 11. Л. 41.

9 Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С. 210.

10 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

11 Социологические исследования. 1991. № 10. С. 7.

12 Там же.

- 13 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.
14 Там же. Л. 4.
15 Там же. Д. 2. Л. 17; Д. 10. Л. 2; Д. 48. Л. 1, 9—13; Д. 949.
Л. 77.
16 Там же. Д. 11. Л. 34.
17 Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1946. Л. 94.
18 Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 54. Л. 23.
19 Там же. Д. 30. Л. 18.
20 Там же. Д. 56. Л. 63.
21 Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 — весна 1931 г.
С. 89—90.
22 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 15; Д. 54. Л. 7.
23 Там же. Д. 22. Л. 43.
24 Там же. Д. 89. Л. 208.
25 Там же. Д. 26. Л. 9.
26 Там же. Д. 89. Л. 208—210, 212—213.
27 Там же. Д. 43. Л. 6.
28 Там же. Д. 16. Л. 15.
29 Там же. Д. 9. Л. 47.
30 Там же. Д. 7. Л. 9.
31 Шашков В.Я. Указ. соч. С. 124.
32 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 22. Л. 43.
33 Там же. Д. 89. Л. 207.
34 Там же. Л. 208.
35 Там же. Л. 209—210.
36 Там же. Д. 30. Л. 17.
37 Там же. Д. 26. Л. 28.
38 Там же. Д. 89. Л. 205, 214, 216.
39 Там же. Д. 30. Л. 4.
40 Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1933—1938. Новосибирск,
1994. С. 79.
41 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 19. Л. 9.
42 Там же. Л. 7.
43 Там же. Д. 89. Л. 211.
44 Там же. Д. 54. Л. 10.
45 Там же. Д. 89. Л. 208—210, 212—213.
46 Там же. Д. 11. Л. 79.
47 Шашков В.Я. Указ. соч. С. 58—59.
48 Там же. С. 60.
49 ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1945. Л. 74.
50 Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 12—13.

Глава XIV

- 1 ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 1.
2 Там же. Ф. 5446. Оп. 11. Д. 1310. Л. 15, 32.
3 Там же. Л. 20.
4 Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 203—205; Ф. 9492. Оп. 6.
Д. 14. Л. 14, 29.
5 Рассчитано по табл. 64.
6 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 23а. Д. 121. Л. 8—9.

- 7 Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 28. Л. 13; Д. 2740. Л. 2, 4, 5, 7, 15, 22, 34, 43, 53.
- 8 Там же. Д. 2740. Л. 14, 26, 38, 42, 48, 58.
- 9 Там же. Л. 52.
- 10 Там же. Д. 28. Л. 13.
- 11 Там же. Д. 2740. Л. 60, 70.
- 12 Там же. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–13.
- 13 Там же. Л. 3.
- 14 Там же.
- 15 Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 24.
- 16 Там же. Л. 25.
- 17 Там же. Д. 2740. Л. 18.
- 18 Там же. Л. 47.
- 19 Там же. Д. 28. Л. 15.
- 20 Там же. Л. 16.
- 21 Там же. Д. 30. Л. 68, 69, 79, 80.
- 22 Там же. Ф. 5446. Оп. 23а. Д. 318. Л. 3.
- 23 Там же. Оп. 29. Д. 43. Л. 25–26.
- 24 Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 28. Л. 11.

Глава XV

¹ Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 1930-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10; Он же. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: Статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5. С. 152; Бугай Н.Ф. 20–50-е годы: переселение и депортации еврейского населения в СССР // Отечественная история. 1993. № 4; Он же. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4; Парсаданова В.Т. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2; Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991; Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М. Советские курды: время перемен. М., 1993; Бугай Н.Ф. Переселить по приказу НКВД СССР... Киев, 1991; Шабаетов Д.В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1992 и др.

² «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений...» Л.Берия — И.Сталину // История СССР. 1991. № 1; Депортация: Берия докладывает Сталину // Коммунист. 1991. № 3; Последствия депортации народов в 30–50-е годы // История СССР. 1992. № 1; Иосиф Сталин Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии. М., 1992; Репрессированные народы России: ингуши, чеченцы. М., 1994; «Белая книга» о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. 1. М., 1991; Дагестан: чеченцы-аккинцы. М., 1993; Так это было. Кн. 1–3. М., 1993; Ссылка калмыцкого народа. Кн. 1. Элиста. 1993 и др.

³ Население и общество. 1999. № 37. С. 3.

⁴ ГАРФ. Коллекция.

⁵ Бугай Н.Ф. 20–50-е годы: переселение и депортации еврейского населения в СССР. С. 177.

⁶ Там же.

⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 12. Д. 209. Л. 171.

- 8 Там же. Л. 170.
 9 Там же. Л. 30—34.
 10 Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 89; см. также: Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4475. Л. 74.
 11 Там же. Ф. 5446. Оп. 29. Д. 48. Л. 17.
 12 Там же. Ф. 9497. Оп. 1. Д. 183. Л. 3, 4.
 13 Там же. Д. 597. Л. 292, 322.
 14 Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4475. Л. 7.
 15 Там же. Ф. 5446. Оп. 30. Д. 56. Л. 76.

Глава XVI

- 1 См.: Киселев И.Н. Статистические источники по движению населения СССР в 1920—1926 гг. // Социально-экономическое развитие советского общества: Проблемы историографии и источниковедения. М., 1982. С. 20—36; Он же. Развитие системы текущего демографического учета в 1920-х годах // Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: Вопросы комплексного изучения. М., 1990. С. 97—104.
 2 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 329. Л. 107.
 3 Там же.
 4 Там же.
 5 Там же. Л. 132.
 6 Там же. Л. 133.
 7 Там же. Л. 131.
 8 Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Опыт оценки численности населения СССР, 1926—1941 гг. (краткие результаты исследования) // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 34—46.
 9 См.: Экспресс-информация. Сер. История статистики. М., 1990. Вып. 3—4. Ч. 1. С. 49—71, 147—177, 69, 150—157.
 10 Там же. С. 64.
 11 Экспресс-информация. Сер. История статистики. М., 1990. Вып. 3—4. Ч. 1. С. 81. Данные за 1939 и 1940 гг. относятся к границам СССР после сентября 1939 г.
 12 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 171.
 13 Там же. Л. 172.
 14 Там же. Л. 172, 174, 175.
 15 Там же. Л. 1176.
 16 Там же. Л. 177.
 17 Там же. Л. 75.
 18 Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1988. С. 49, 56, 77, 97, 143.
 19 См.: Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5. С. 152.

Глава XVII

- 1 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 161. Л. 31.
 2 Там же. С. 32.
 3 Там же. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 140—143.
 4 Там же. Ф. 4372. Оп. 92. Л. 161. Л. 32; Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 2. Л. 1.

- 5 Там же. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 141—143.
- 6 Там же. Д. 143. Л. 17.
- 7 Там же. Л. 50 об., 68, 91, 125.
- 8 Там же. Д. 152. Л. 141—153; Всесоюзная перепись населения 1937 г. краткие итоги. С. 31—41.
- 9 Там же.
- 10 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 90—95.
- 11 Там же.
- 12 Кульчицкий С.В. Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Тез. докл. VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Донецк. 14—16 мая 1919. М., 1991. Ч. 1. С. 39; Перковский А.Л. Потери населения Украины в 30-е годы // Укр. ист. вест. 1989. № 5. С. 32; Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. С. 178.
- 13 Земсков В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // СОЦИТ. 1991. № 2. С. 75.
- 14 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 143.
- 15 Там же. Л. 25.
- 16 Старовский В.Н. Методика исследования элементов роста народонаселения // Вестник статистики. 1964. № 11; Лившиц Ф.Д. Перепись населения 1937 г. // Демографические процессы в СССР. М., 1990.
- 17 Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Опыт оценки численности населения СССР. 1926—1941 гг. // Вестник статистики. 1990. № 7; Волков А.Г. Из истории переписи населения 1937 г. // Вестник статистики. 1990. № 8.
- 18 Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. С. 180—181; Максудов Т. Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья. 1990. № 1. С. 77—78; Исупов В.А. Тайны советской статистики // Вестник АН Сиб. отд. Сер. История. Филология. Новосибирск, 1991. Вып. 1. С. 33; Тольц М.Т. Недоступное измерение в человеческом измерении. М., 1989. С. 30—31.
- 19 Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Указ. соч. С. 38. См.: Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись 1939 г. в историографии: оценка достоверности // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 471.
- 20 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 280. Л. 9.
- 21 См.: Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания // СОЦИС. 1990. № 8. С. 50.
- 22 См.: Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». М., 1996. С. 116.
- 23 Там же.
- 24 Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1992. С. 9, 240.
- 25 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 280. Л. 136—139.
- 26 Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. С. 9.
- 27 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 278—281; Жиромская В.Б. Людские потери в годы Великой Отечественной войны: точка отсчета // Людские потери СССР в годы второй мировой войны. М., 1995. С. 28—30.
- 28 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 142. Л. 1.
- 29 Там же. Д. 199. Л. 59.

- 30 Жиромская В.Б. Население России в переписи 1939 г. // Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги: Россия. СПб., 1999. С. 14.
- 31 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 17. С. 27, 46—48.
- 32 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 2—4.
- 33 Там же. Оп. 336. Ч. 1. Д. 237. Л. 52.
- 34 Там же. Л. 11—13.
- 35 Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги: Россия. С. 38.
- 36 Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992. С. 37.
- 37 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 145. Л. 17—18.
- 38 Там же. Л. 43.
- 39 Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. С. 102—105.
- 40 Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги: Россия. С. 90—105.

Приложение

- 1 Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 11—20.
- 2 Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899; Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т. 1—2. М., 1915—1916.
- 3 Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661—1663 гг. М., 1911. С. 4—5.
- 4 Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII в. М., 1977. С. 21—53, 92—134.
- 5 Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 267—268, 274—275, 549—555.
- 6 Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963. С. 48—59, 159—166; Он же. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971; Кабузан В.М., Щепукова Н.М. Табель первой ревизии народонаселения России (1718—1727 гг.) // Исторический архив. 1959. № 13. С. 126—165. Рост населения в Европе (опыт исчисления). М., 1941. С. 191—193.
- 7 Оценку исчисления ученых см. в кн.: Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 188—190.
- 8 Там же.
- 9 Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 615.
- 10 Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. Т. 64. М., 1959. С. 233—254, 246.
- 11 Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 191.
- 12 Подсчитано по кн.: Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. М., 1990. С. 84.
- 13 Наше предположение. Б.Ц. Урланис этого вопроса не касается.
- 14 Подсчитано по кн.: Кабузан В.М. Народонаселение России. С. 161—163.
- 15 РГАДА. Белгородский стол, стлб. 1320. Л. 213—215 (цит. по кн.: Водарский Я.Е. Население России. С. 179).

¹⁶ Кабузан В.М. О достоверности учета населения в России (1858—1917 гг.) // Источниковедение отечественной истории, 1981. М., 1982. С. 100-117.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Подробнее см.: Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России. С. 5—16.

¹⁹ См.: Там же. С. 59—62; Он же. Крепостное население России в XVIII — 50-х годах XIX в.: Численность, размещение, этнический состав. М., 1988.

²⁰ Подсчитано по кн.: Кабузан В.М. Народонаселение России. С. 123, 162, 163,

²¹ Там же.

²² Водарский Я.Е. Население России. С. 46—53, 184—193.

²³ Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 2. М., 1973. С. 184—185. История Москвы. Т. 2. М., 1953. С. 58.

²⁴ Чтения Общества истории и древностей российских. 1893. Кн. 2. С. 48.

²⁵ Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 282, 284, 286.

²⁶ Там же.

²⁷ Кабузан В.М. Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав. М., 1990. С. 121; Он же. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992. С. 45; Он же. Русские в мире (1719—1989): Динамика численности и расселение. М., 1996. С. 81.

²⁸ Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. С. 83.

²⁹ Там же. С. 112.

³⁰ Там же. С. 124.

³¹ Там же. С. 142.

³² Там же. С. 170.

Указатель географических названий

- Абакан город — 222
Абхазия — 90, 107, 121
Абхазская АССР — 89
Австралия — 142
Австрия — 41, 134, 142, 171
Австро-Венгерская империя — 80
Австро-Венгрия — 7, 28—30, 79, 84—86, 405, 407
Аджария — 107
Аджарская АССР — 90
Адыгейская АО — 87, 348, 365
Адыгейско-Черкесская АО — 144, 146
Азербайджан — 107, 117, 121, 222, 127, 131, 334, 335, 373, 380
Азербайджанская Советская Социалистическая Республика (Аз.ССР) — 89, 184, 326, 334, 335, 349, 350, 379
Азиатская Россия — 28, 36, 41
Азия — 27, 30, 313, 405, 406
Азово-Черноморская область — 326
Азово-Черноморский край — 268, 317, 348, 351, 352, 365, 369,
Акмолинская область — 10, 11, 87
Алдан — 222, 281, 286, 300
Алешки город — 179
Алма-Атинская область — 333
Алтай — 123
Алтайский край — 214, 291, 293, 302, 304, 306, 307, 313, 315, 326, 327, 386
Америка — 29, 345, 405
Амурская область — 10, 11, 90, 362
Англия — 11, 26, 38, 39, 41, 59, 138, 141, 148
Анжеро-Судженск город — 221, 235, 370
Арал — 87
Аргентина — 28, 142
Армавир город — 115, 369
Армения — 106, 107, 117, 121, 127, 134, 172, 176, 179, 322, 334, 380
Армянская Советская Социалистическая Республика — 89, 326, 334, 349, 350, 379
Артемьевск город — 222
Архангельск город — 98, 291, 367
Архангельская губерния — 9, 49, 88, 91, 106, 114, 119, 123, 124, 220
Архангельская область — 291, 292, 294, 297, 302, 303, 306, 312, 313, 326, 327, 358, 360
Астаринский район — 334
Астрахань город — 110, 129, 187, 243, 316, 369
Астрахан-Бозарский район — 334
Астраханская губерния — 9, 22, 28, 61, 69, 91, 115, 144, 146, 408
Астраханский округ — 334
Астраханское ханство — 394
Афганистан — 7, 85, 139
Ачинский округ — 147
Ашхабадский район — 335
Бавария — 59
Базель город — 41
Бакинская губерния — 10, 11, 19, 89
Баку город — 98, 110, 243, 244
Балашов город — 369
Балканский полуостров — 27
Балкарский национальный округ — 87
Балтика — 80
Балтийское море — 7
Барабинский округ — 212
Барнаул город — 315, 370
Батуми город — 243
Батумская губерния — 89, 90
Бауманабадский район — 335
Баумбадский район — 335
Бахарденский район — 335

- Башкирия — 118, 119, 129, 162, 210, 211, 215, 282, 283, 285, 286, 300
 Башкирская АССР — 87, 88, 106, 116, 118, 119, 126, 144, 145, 174, 179, 182, 189, 209, 214, 219, 220, 226, 237, 240, 292, 296, 301, 302, 304, 306, 317, 326, 328, 348, 361, 366, 370, 380
 Башкирский регион — 71
 Белово город — 221
 Беломорский район — 359
 Беломорско-Балтийский канал — 359
 Белоруссия — 8, 10, 18, 25, 85, 98, 105, 118, 124, 127, 172, 176, 179, 182, 251, 257, 266, 285, 326, 335, 395, 400, 401
 Белорусская республика — 18
 Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР) — 89, 117, 118, 143, 184, 209, 227, 268, 288, 317, 326, 349, 350, 379, 380
 Белорусско-Литовский регион — 419
 Бельгия — 59, 142, 171, 403
 Белясовский район — 334
 Березники город — 370
 Берингов пролив — 7
 Берлин город — 34, 45, 46
 Бессарабия — 83, 85, 113, 120, 409
 Бессарабская губерния — 9, 10, 22
 Бийск город — 370
 Бийский округ — 147
 Бобруйск город — 117, 118
 Бобруйский уезд — 89
 Болгария — 35, 38, 49, 139, 140, 141
 Борисов город — 117, 118
 Борисовский уезд — 89
 Бортинский район — 335
 Бразилия — 142
 Британская империя — 80
 Брянск город — 367
 Брянская губерния — 91, 105, 124, 220
 Бугурусланский уезд — 212
 Будапешт город — 41
 Буковина — 409
 Бурят-Монголия — 71, 213
 Бурятская АО — 116
 Бурятская (Бурят-Монгольская) АССР — 88, 116, 144, 147, 174, 189, 220, 268, 291, 293, 297, 302, 304, 306, 326, 328, 349, 358, 361, 366, 371, 380
 Бухара — 7, 95, 109, 149
 Бухарская Народная Советская Республика (Бухарская НСР, БНСР) — 90, 122
 Бухарский эмират — 90, 93
 Варшава город — 12, 26, 28, 397
 Варшавская губерния — 10
 Вахонский район — 335
 Великобритания — 8, 35, 50, 79, 80, 403
 Великое княжество Финляндское — 7, 84
 Вена город — 41
 Венгрия — 27, 141
 Верхнее Поволжье — 18
 Верхнее Поднепровье — 25
 Верхнеудинск город — 88
 Верхняя Обь — 123
 Виленская губерния — 9, 10, 18, 84
 Винница город — 124
 Винницкая область — 271, 349
 Винницкий район — 271
 Витебск город — 118
 Витебская губерния — 9, 10, 18, 84, 89, 91, 105, 125
 Вичуга город — 227
 Владивосток город — 20, 98, 124, 231, 316, 371
 Владикавказ город — 98, 116
 Владимир город — 100, 150, 169, 245, 368
 Владимирская губерния — 9, 13, 61, 91, 100, 101, 105, 114, 124, 144, 149, 151, 169, 221
 Волга река — 266
 Волго-Вятский экономический район — 231
 Волгоградская область — 274, 334
 Волжский район — 239
 Вологда город — 151, 367, 402

- Вологодская губерния — 9, 49, 53, 54, 58, 61, 64, 91, 105, 114, 124, 149, 150, 220
- Вологодская область — 213, 233, 292, 302, 304, 326, 327, 360
- Волынская губерния — 9, 29, 85, 127
- Воронеж город — 231, 368
- Воронежская губерния — 9, 54, 59, 61, 62, 65, 67—69, 91, 106, 118, 131, 145, 220
- Вороженская область — 211, 214, 238, 268, 317, 326, 327, 348, 351, 352, 354, 360, 361, 365, 368, 371
- Воронежский край — 326
- Воронежский уезд — 62
- Ворошиловабадский район — 335
- Ворошиловск город — 369, 371
- Восточная Белоруссия — 405
- Восточная Европа — 38
- Восточная Сибирь — 188, 221, 223, 224, 248, 269, 281, 283, 285, 286, 291, 300, 310
- Восточно-Сибирская область — 349, 350, 365, 366, 370
- Восточно-Сибирский край — 226, 296, 300, 301, 317, 326, 372
- Восточно-Сибирский экономический район — 231
- Вотская АО — 88, 119, 145, 220
- Вочский район — 335
- Выборгский район — 245
- Вышний Волочек город — 367
- Вятская губерния — 9, 17, 64, 87, 88, 91, 103, 105, 112, 114, 149, 220
- Вятский район — 71, 145, 179, 194, 209, 210, 219, 220
- Гаджийская губерния — 89
- Галиция — 85, 407, 409
- Гасан-Кумейский район — 334—335
- Геог-Тепинский район — 335
- Германия — 7, 11, 26, 28—30, 38, 39, 41, 79, 84, 134, 137, 139, 140, 141, 148, 405—407
- Германская империя — 80, 84
- Глазов город — 88
- Гомель город — 89, 118
- Гомельская губерния — 89, 91, 105, 125
- Гомельский уезд — 89
- Горская АССР — 86—88, 106, 116, 120, 121, 126
- Горская республика — 121
- Горхорский район — 335
- Горький город — 231, 232, 234, 238, 368
- Горьковский край — 226, 281, 283, 286, 300, 301, 317, 326
- Горьковская область — 214, 268, 312, 326, 327, 347, 348, 350, 361, 365, 368, 371
- Греция — 141, 142
- Гродненская губерния — 9, 10, 18, 84
- Грозный город — 369
- Грузинская Советская Социалистическая Республика (Груз. ССР) — 89, 90, 107, 121, 184, 326, 349, 350, 379
- Грузия — 90, 117, 121, 127, 134, 380
- Гурьев город — 129, 221
- Дагестан — 19, 105, 106, 120, 124, 126, 131, 147, 213, 386, 387
- Дагестанская АССР (Даг. АССР) — 87, 88, 116, 120, 147, 174, 182, 189, 219—220, 226, 326, 328, 348, 350, 361, 366, 369, 380
- Дагестанская губерния — 10, 16
- Дагестанская область — 87
- Дальневосточная Республика (ДВР) — 90
- Дальневосточная область — 173
- Дальневосточный край (ДВК) — 174, 187, 189, 220, 225, 226, 269, 286, 292, 295, 296, 301, 302, 317, 326, 349, 350, 366, 371
- Дальневосточный регион — 71
- Дальневосточный экономический район — 231
- Дальний город — 24
- Дальний Восток — 7, 9—11, 20, 25, 29, 30, 105, 109, 115, 118, 123—125, 128, 144, 147, 174, 204, 222, 224, 231, 244, 245,

- 248, 257, 281, 283, 285, 300,
312, 334, 357, 372, 377, 386, 387
- Дамаск город — 135
- Дания — 27
- Дашти-Джумский район — 335
- Двинск город — 26
- Джебраилский район — 334
- Дзержинск город — 368
- Днепропетровская область — 350
- Днепропетровщина — 117
- Днестр река — 119
- Дон река — 55, 104—106, 125, 129
- Донбасс — 351
- Донецкая губерния — 127
- Донецкая область — 350
- Донецкий округ — 147
- Доно-Кавказский район — 247,
248
- Донская область — 105, 106, 115,
130, 179
- Донского войска область — 9, 17
- Древняя Русь — 396
- Евразия — 11
- Еврейская АО — 315, 331, 362,
366
- Европа — 7, 27, 30, 36, 49, 139,
313, 399, 403, 405, 406, 409
- Европейская Россия — 8, 9, 12—
15, 17, 18, 20, 21, 25, 26, 28,
30—32, 35, 36, 38—42, 44, 45,
59, 62, 70, 79, 86, 91, 105, 106,
108, 148—153, 162, 166, 173,
178, 190, 331, 371
- Европейский Север — 307
- Египет — 141
- Екатеринбург город — 150
- Екатеринбургская губерния — 91, 98
- Екатеринодар город — 110
- Екатеринослав город — 110, 245
- Екатеринославская губерния — 9,
17, 127
- Елец город — 368
- Елисаветград город — 179
- Елисаветпольская губерния — 10
- Енисей река — 20, 123
- Енисейская губерния — 10, 11, 91
- Забайкальская область — 10, 90
- Заволжье — 70
- Задонский уезд — 62
- Закавказская Социалистическая Фе-
деративная Советская Республика
(ЗСФСР) — 143, 227, 252, 317,
326
- Закавказские республики — 251
- Закавказские советские республи-
ки — 85
- Закавказский регион — 19, 257
- Закавказье — 7, 8, 10, 19, 29, 85,
89, 106, 107, 109, 111, 117,
120—122, 124, 126, 128, 248,
257, 285, 334, 335, 357, 384,
405, 408
- Закарпатье — 409
- Закаспий — 126
- Закаспийская область — 10, 11, 88
- Закатальский округ — 89
- Зангеланский район — 334
- Заонежский район — 292
- Западная Белоруссия — 86, 113
- Западная Европа — 11, 403
- Западная область — 226, 236, 237,
240, 266, 317, 323, 342, 347,
350, 365, 367
- Западная Сибирь — 28, 129, 185,
188, 221, 223, 248, 265, 269,
281, 283, 285—288, 291, 300,
307, 331, 372, 394, 400
- Западная Украина — 86, 113
- Западно-Сибирский край — 225,
226, 296, 300, 301, 306, 308,
317, 326, 349, 366, 370
- Западно-Сибирский экономический
район — 231
- Западный Кавказ — 407
- Западный Китай — 122
- Западный район — 71, 144, 209,
210, 219, 220
- Западный Урал — 300
- Зауралье — 372
- Землянский уезд — 62
- Златоуст город — 370
- Зувондский район — 334
- Иваново город — 231, 241, 368
- Иваново-Вознесенск город — 26,
227, 243, 245

- Ивано-Вознесенская губерния — 91, 103, 105, 114, 124, 144, 182, 221
- Ивановская область — 226, 233, 237, 317, 326, 327, 347, 348, 350, 359, 361, 365, 368, 371, 377
- Ивановская промышленная область — 227, 228, 236, 240
- Игарка город — 222
- Игуменский уезд — 89
- Ижевск город — 88, 231, 368
- Изюм город — 117
- Иланский город — 222
- Ингушетия — 116
- Ингушская АО — 87, 146, 188, 268, 269
- Ингушский (Назрановский) национальный округ — 87
- Индирикка река — 315
- Индия — 7
- Индо-Китай — 142
- Иркутск город — 88, 110, 224, 370
- Иркутская губерния — 10
- Иркутская область — 291, 292, 297, 302, 304, 306, 307, 321, 326, 327, 361
- Иран — 85, 122, 139, 247
- Ирландия — 35, 59, 69
- Искитим город — 221
- Испания — 27, 50
- Иссык-Куль озеро — 87
- Италия — 7, 26, 38, 41, 50, 79, 137, 138, 140, 141, 345
- Ишимский уезд — 131
- Йошкар-Ола (Краснококшайск, Царевококшайск) город — 88
- Кабаковск город — 370
- Кабардино-Балкария — 116
- Кабардино-Балкарская АО — 87, 146, 268
- Кабардино-Балкарская АССР — 189, 214, 328, 348, 361, 366, 380
- Кабардинская АО — 87
- Кабардинский национальный округ — 87
- Кавказ — 11, 12, 14—17, 19, 20, 21, 26, 28—32, 35, 38, 98, 122, 166, 407
- Кавказский хребет — 8
- Казанская губерния — 9, 18, 49, 58, 87
- Казанское ханство — 394
- Казань город — 12, 110, 129, 150, 151, 178, 179, 181, 231, 368, 395
- Казахская АССР — 88, 116, 143, 162, 219, 226, 317, 333, 334
- Казахская Советская Социалистическая Республика — 184, 297, 300, 302, 305, 326, 332—335, 349, 351, 379
- Казахстан — 9, 10, 19, 25, 29, 30, 86, 106, 116, 118—120, 122, 126, 128, 129, 132, 154, 162—165, 266—268, 270, 274—276, 285—287, 295, 296, 322, 331, 332, 334, 350, 351, 353, 377, 379, 380, 386, 405, 408
- Калинин город — 238, 367
- Калининская область — 214, 233, 326, 327, 347, 350, 354, 361, 365, 367, 371
- Калишская губерния — 10
- Калмыкия — 213, 372
- Калмыцкая АО — 88, 106, 116, 131, 144, 146, 188, 267—269
- Калмыцкая АССР — 304, 306, 307, 326, 348, 359, 361, 366, 381
- Калуга город — 100, 101, 169, 187, 367
- Калужская губерния — 9, 91, 100, 101, 105, 114, 124, 144, 169, 221, 409
- Кама река — 129
- Камчатка полуостров — 20, 245, 334
- Камчатская область — 90, 184, 187, 358
- Канада — 28—30, 134, 142
- Карагандинская область — 293, 312, 332, 333
- Карадолинский район — 334
- Кара-Калинский район — 335
- Кара-Калпакская АО — 90, 226
- Кара-Калпакская республика — 86
- Кара-Киргизская АО — 90
- Каракалпакская АССР — 349
- Карачаево-Черкесия — 121, 126

- Карачаево-Черкесская АО — 87, 348, 366
 Карачаевская АО — 146, 348, 366
 Карачаевский национальный округ — 87
 Карачай — 116
 Карелия — 100, 101, 119, 144, 169, 287, 331, 350, 359, 360, 371, 386
 Карело-Финская АССР — 313
 Карельская АССР — 119, 220, 225, 226, 236, 237, 292, 293, 296, 297, 302, 304, 306, 315, 326, 328, 347, 355, 358, 360, 362, 365, 367, 380
 Карельская Трудовая Коммуна — 88, 106, 115
 Карсская область — 10, 86
 Каспий — 129
 Каспийское море — 7, 87
 Келецкая губерния — 10
 Кемерово город — 225, 231, 242, 370
 Кемеровская область — 315
 Керкенский район — 335
 Керки город — 335
 Керчь город — 369
 Киев город — 12, 28, 38, 110, 124
 Киевская губерния — 9, 11, 12, 17, 29, 98, 99, 127, 169, 170, 405
 Киевская область — 349
 Киевщина — 117
 Кинешма город — 187, 227, 368
 Кипр — 141
 Киргизия — 9, 16, 118, 128, 154, 162—164, 287
 Киргизская АССР — 122, 143, 162, 174, 219, 226, 301, 317, 326, 334, 379
 Киргизская (Казахская) АССР (Кирреспублика) — 86, 87, 153, 173
 Киргизская ССР — 184, 293, 297, 302, 305, 307, 326, 349, 350, 379, 380
 Киргизстан — 116
 Киренский округ — 147
 Киров город — 368
 Кировск город — 299—300, 308, 309
 Кировская область — 214, 293, 296, 297, 301, 302, 304, 306, 312, 326, 327, 348, 350, 361, 365, 368, 371, 372
 Киселевск город — 221
 Кисловодск город — 187, 369
 Китай — 7, 29, 85, 134, 137—139, 142, 247, 334
 Кишинев город — 28
 Ковенская губерния — 9, 10, 84
 Ковров город — 101, 227, 368
 Кокчетавская область — 333
 Кола-и-Хумбский район — 335
 Коломна город — 231, 367
 Колпашево город — 221
 Колхозабадский район — 335
 Колыма река — 315
 Кольский полуостров — 18, 119
 Кольский Север — 286
 Коми АО — 106, 116, 123, 126, 236
 Коми АССР — 292, 297, 302, 304, 312, 313, 326, 328, 331, 347, 358, 360, 362, 365, 371
 Коми (Зырян) АО — 88, 119, 144, 220
 Коми-Пермяцкий округ — 145, 287, 294
 Комсомольск-на-Амуре город — 315
 Кондопожский район — 292
 Конотоп город — 117
 Константинополь город — 140, 141
 Корея — 247
 Королевство сербов, хорватов и словенцев — 140, 141
 Корягинский район — 334
 Кострома город — 227, 368
 Костромская губерния — 9, 13, 91, 103, 105, 114, 124, 144, 151, 152, 221
 Крайний Север — 20, 348, 349
 Красновишерский район — 287, 294
 Краснодар город — 369
 Краснодарский край — 214, 238, 326, 327
 Красноярск город — 370

- Красноярский край — 189, 292, 296, 297, 301–303, 306, 307, 312, 313, 326, 327, 349, 358, 366, 370, 372, 386
 Кременчуг город — 117
 Криворожье — 243
 Крым — 8, 17, 98, 105, 106, 118, 120, 126, 135, 137–139, 144, 153, 173, 395, 407, 410
 Крымская АССР — 88, 116, 118, 146, 153, 209, 219, 221, 226, 237, 268, 317, 326, 328, 348, 362, 365, 369, 380
 Крымский полуостров — 88
 Крымский регион — 71
 Кубано-Черноморская область — 87, 106, 115, 121
 Кубано-Черноморье — 125
 Кубанская область — 10, 87, 400
 Кубанский округ — 147
 Кубань — 55, 115, 266
 Куйбышев город — 231, 368
 Куйбышевская область — 214, 238, 293, 296, 297, 301, 302, 304, 306, 307, 312, 326, 327, 348, 351, 354, 361, 365, 368, 371
 Куйбышевский край — 268
 Кунцево город — 231
 Кунцевский район — 350, 354
 Кузянск город — 117
 Курляндская губерния — 9, 10, 21, 84
 Курская губерния — 9, 17, 59, 60, 91, 106, 114, 118, 145, 220
 Курская область — 268, 317, 326, 327, 348, 350–352, 354, 361, 365, 368, 371
 Курск город — 369
 Кусково город — 367
 Кутаисская губерния — 10, 11, 19, 89, 90
 Кушкинский район — 335
 Кызыл-Атрекский район — 333
 Кызыл-Аяхский район — 335
 Ла-Манш пролив — 80
 Латвия — 8, 84, 85, 113, 137, 138, 141, 408
 Латинская Америка — 134
 Левобережная Украина — 9, 28, 29, 117, 395, 398, 405, 409
 Ледовитый океан — 7
 Ленинград город — 144, 178, 180, 181, 182–184, 188, 207, 225, 226, 231, 233, 238–240, 252, 256, 257, 267–269, 307, 355, 361, 365, 367, 371, 391
 Ленинградская губерния — 119, 144, 220, 221
 Ленинградская область — 225, 226, 233, 236, 237, 240, 282, 283, 287, 292, 296, 297, 300–302, 304, 306, 313, 317, 323, 326, 327, 347, 350, 361, 365, 367, 371
 Ленинградско-Карельский район — 119, 120, 144, 209, 213, 219, 220
 Ленинск-Кузнецкий город — 370
 Ленкоранский район — 334
 Липецк город — 368
 Литва — 8, 29, 84, 85, 113, 137–139, 141, 395, 400, 401
 Лифляндская губерния — 9, 10, 21, 84
 Лодзь город — 12, 28
 Ломжинская губерния — 10
 Лондон город — 41
 Лосиноостровск город — 231, 368
 Луганский округ — 117
 Луцкий уезд — 89
 Лысьва город — 370
 Львов город — 85
 Люблино город — 231
 Люблинская губерния — 10
 Магадан город — 312
 Магнитогорск город — 241, 299, 370
 Мазурские болота — 80
 Майкоп город — 115, 369
 Малороссия — 9
 Маньчжурия — 139
 Марийская АО — 88, 106, 116, 126, 144, 145, 220
 Марийская АССР — 198, 238, 326, 328, 348, 362, 365, 372, 380
 Мариупольщина — 117
 Марна — 80
 Мартузский район — 335

- Махачкала город — 369
 Медвежгорский район — 316, 359
 Мелитопольщина — 117
 Метринский район — 334
 Миошимский район — 335
 Минск город — 12, 26, 110, 117, 118
 Минская губерния — 9, 10, 18, 89
 Минский уезд — 89
 Минусинский округ — 147
 Мичуринск город — 368
 Могилев город — 118
 Могилевская губерния — 9, 10, 18, 89
 Мозурский уезд — 89
 Мозырь город — 117, 118
 Молдавия — 8, 118
 Молдавская АССР — 89, 120, 349
 Молотов город — 370
 Молотовабадский район — 335
 Молотовская область — 214, 307, 312, 315
 Монголия — 85
 Мордовия — 215
 Мордовская АССР — 214, 268, 312, 326, 328, 348, 359, 362, 365, 372, 380
 Москва город — 12, 13, 26, 28, 32—34, 36, 38—40, 45, 63, 91, 99, 100, 103, 105, 109, 110, 124, 125, 145, 149—151, 166, 167, 169—171, 173, 178, 180—183, 188, 207, 224—226, 231, 233, 236, 243, 244, 245, 252, 256, 257, 267—269, 307, 308, 355, 361, 365, 367, 371, 391, 397, 402, 403
 Москва-Волга канал — 354
 Московская губерния — 9, 11—13, 17, 22, 61, 63, 69, 91, 103, 105, 144, 221, 247, 248
 Московская область — 211, 214, 226, 228, 233, 236, 237, 240, 266, 313, 317, 323, 326, 327, 347, 350, 354, 355, 361, 365, 367, 371
 Московское княжество — 395
 Московский промышленный район — 221, 239
 Моссалинский район — 334
 Муранбадский район — 335
 Мурганский район — 335
 Мургобадский район — 335
 Мурманск город — 367
 Мурманская губерния — 91, 119, 144, 220
 Мурманская область — 233, 291, 292, 296, 297, 302, 304, 306, 327, 361
 Мурманский округ — 286, 299, 308, 309
 Мыс Дежнева — 7
 Мыс Челюскина — 7
 Мытищи город — 231
 Нарымский край — 299
 Нахичеванская область — 89, 107
 Нахичевань город — 179, 182
 Нидерланды — 27
 Немцев Поволжья АССР — 144, 146, 238, 326, 328, 348, 351, 354, 360, 362, 366, 369, 371, 380, 386
 Ненецкий национальный округ — 188, 268, 269
 Нижегородская губерния — 9, 13, 49, 58, 64, 70, 88, 91, 100, 101, 103, 105, 119, 124, 145, 151, 152, 169, 221
 Нижегородский край — 236, 237, 240, 285
 Нижне-Волжский край — 240, 274, 342
 Нижне-Волжский район — 71, 146, 174, 209, 219, 226, 237
 Нижнее Поволжье (Нижняя Волга) — 9, 18, 19, 25, 115, 118—120, 125, 266, 274, 394, 397, 398, 400, 404, 405, 408, 410
 Нижний Новгород город — 12, 26, 101, 110, 178, 182, 245, 402
 Нижний Тагил город — 43, 187, 189, 231, 370
 Николаев город — 12, 26, 40, 110, 169, 179
 Николаевск город — 315
 Николаевская губерния — 101, 169
 Николаевщина — 117
 Новгород город — 152

- Новгородская губерния — 9, 49, 55, 58, 61, 70, 91, 103, 106, 114, 124, 152, 220
- Новгородско-Псковская область — 395
- Новокузнецк город — 221
- Новороссия — 9, 19, 28–30, 397, 398, 400, 401, 404, 405, 408, 410
- Новороссийск город — 110, 140, 369
- Новосибирская область — 214, 234, 292, 297, 302, 303, 307, 312, 313, 315, 326, 327, 358, 361, 386
- Новосибирский округ — 212
- Новочеркасск город — 369
- Новый Свет — 27, 30
- Ногинск город — 231, 367
- Норвегия — 7, 27
- Ныробский район — 287, 294
- Нью-Йорк город — 41
- Обско-Иртышская область — 268
- Обь-Иртышская область — 300, 301, 317
- Одесса город — 12, 13, 26, 28, 40, 110, 124, 140, 178, 397
- Одесская губерния — 89, 120, 127
- Одесская область — 350
- Одесщина — 117
- Озерный (Северо-Западный) район — 9, 25, 26, 400, 404
- Ойротская (Горно-Алтайская) АО — 88, 116, 123, 147, 349, 366
- Олонечкая губерния — 9, 49, 64, 88, 91
- Омск город — 110, 370
- Омская область — 292, 296, 297, 301–303, 306, 307, 326, 327, 348, 350, 358, 359, 361, 366, 370
- Омский округ — 212
- Онежский район — 316
- Орджоникидзе город — 369
- Орджоникидзевский край — 303, 326, 327
- Орджоникидзеград — 367
- Орел город — 101, 150, 369
- Оренбург город — 88, 110, 129, 169, 178, 370
- Оренбургская губерния — 9, 49, 60, 87, 88, 145, 408
- Оренбургская область — 274, 293, 296, 301, 302, 326, 348, 366, 370, 371, 386
- Орехово-Зуево город — 245, 367
- Орловская губерния — 9, 11, 17, 91, 100, 101, 103, 106, 114, 124, 145, 150
- Орловская область — 214, 326, 327, 361
- Орловщина — 54
- Орск город — 370
- Орша город — 118
- Осинники город — 221
- Островский уезд — 84
- Оттоманская империя — 80
- Памир — 87
- Париж город — 34, 45, 46
- Пенза город — 368
- Пензенская губерния — 9, 22, 58, 64, 91, 103, 106, 114, 115, 119, 124, 145
- Пензенская область — 197, 274, 327, 361, 377
- Пермская губерния — 9, 17, 60, 87, 91, 103, 105, 119
- Пермская область — 291, 296, 297, 302, 303, 306, 327, 361
- Пермь город — 100, 169, 361
- Перово город — 231, 357
- Петроград город — 34, 36, 40, 43, 91, 99–101, 103, 105, 109, 110, 114, 124, 125, 149, 150, 166–171, 173, 179, 181, 246, 248
- Петроградская губерния — 84, 91, 105, 114, 125, 150, 247, 248
- Петроградско-Карельский район — 71
- Петрозаводск город — 88, 101, 367
- Персия — 7, 28–30, 405, 407
- Петроковская губерния — 10, 11
- Печенга — 86
- Печенгская волость — 84
- Плоцкая губерния — 10
- Поволжье — 9, 18, 28, 29, 88, 102, 103, 107, 117, 118, 129, 130, 133, 143, 151, 244, 247, 248,

- 265, 268, 274–276, 295, 300,
352, 354, 371, 386, 387, 405
- Подольская губерния — 127
- Подмосковье — 222, 308
- Подольск город — 231
- Познанское герцогство — 407
- Полесье — 117, 118
- Полоцк город — 118
- Полтава город — 110, 117
- Полтавская губерния — 9, 11, 17,
91, 127
- Польша — 8, 83–85, 113, 137–
139, 141, 409
- Порт-Артур город — 24
- Правобережная Украина — 9,
28–30, 117, 127, 395, 397, 400,
401, 405, 409
- Прага город — 137, 138
- Предкавказье — 8
- Прибалтика — 18, 83, 98, 118,
119, 397, 400, 401, 408
- Привислинские губернии — 31,
32, 35
- Прикамье — 386, 387
- Прикумский уезд — 131
- Приморская область — 10, 11, 90
- Приморско-Хабаровский край —
358
- Приморский край — 304, 307, 327,
362, 377
- Приморье — 125
- Принцёвы острова — 140
- Приуралье — 9, 29, 106, 372
- Причерноморье — 10, 25
- Прокопьевск город — 221, 225,
231, 242, 370
- Проскурово город — 124
- Пруссия — 59, 403
- Псков город — 152, 367
- Псковская губерния — 9, 22, 55,
69, 84, 91, 105, 124, 220
- Псковский уезд — 84
- Пудожский район — 292, 316
- Пушкин город — 367
- Пятигорск город — 187, 369
- Радомская губерния — 10
- Радшанский район — 335
- Ревель город — 28
- Республика Советов — 83
- Речица город — 118
- Речицкий уезд — 89
- Речь Посполитая — 395, 409
- Рига город — 12, 28
- Российская империя — 4, 7–10,
12, 13, 16–20, 24–26, 31, 32,
34–36, 48, 49, 51, 56, 60, 72,
74, 81, 83, 84, 90, 148, 395, 396,
400, 406, 409
- Российская республика — 74, 191
- Российская Советская Федеративная
Социалистическая Респуб-
лика (РСФСР) — 33, 71, 72,
84–88, 90, 92, 105, 109, 111,
112, 114, 115, 117–122, 124,
126, 127, 130, 131, 134, 150–
152, 154, 155, 159, 162, 164,
168, 171, 172, 174–176, 178–
190, 193–197, 199–202, 205–
217, 219–231, 233–236, 238,
241, 242, 251, 252, 257, 266–
269, 273, 274, 285, 286, 302,
305, 306, 313, 321, 323, 326,
328, 329, 333, 334, 338, 342,
345, 347, 354, 355, 364–367,
371, 377, 379, 380, 382, 386,
392
- Российское государство — 85, 93,
113, 395, 396
- Россия — 3–5, 9, 13, 18, 19, 22,
25–32, 34, 35, 37–43, 46, 47,
49, 50, 55, 60, 61, 63, 64, 68–
72, 76–81, 83, 85, 86, 90, 91,
93–96, 120, 122, 129, 131, 133,
135–139, 144, 147–149, 151,
152, 159, 161, 165–167, 170,
171, 173, 191, 193, 195–198,
200, 210, 212, 216, 220, 226,
232, 234, 238, 243, 244, 246–
248, 250–252, 264, 306, 310,
331, 342, 345, 347, 350, 355,
357, 359, 360, 364, 371, 374,
375, 377, 379, 387, 389, 391,
393–403, 405–410
- Ростов-на-Дону город — 26, 110,
125, 171, 179, 181, 369
- Ростовская область — 189, 214,
238, 326, 327
- Рошт-Калининский район — 335
- Румыния — 38, 85, 49–50, 113,
120, 134, 139, 141

- Рыбинск город — 227, 312, 368
 Рыбинская губерния — 91, 106
 Рязанская губерния — 9, 11, 13, 17, 49, 55, 58, 60—61, 91, 103, 106, 114, 124, 144, 212
 Рязанская область — 214, 326, 327, 361, 377
 Рязанский уезд — 62

 Саксония — 59
 Салаир город — 221
 Сальская степь — 115
 Сальский округ — 119
 Самара город — 12, 98, 99, 110, 129, 167, 169, 182, 245
 Самаркандская область — 10, 11, 126
 Самарская губерния — 9, 17, 49, 60, 64, 87, 91, 106, 115, 119, 145, 149, 211, 212, 408
 Самарская область — 274
 Санкт-Петербург город — 12, 13, 26, 28, 29, 33—34, 36, 38, 40, 44—46, 63, 243—246, 396—397
 Санкт-Петербургская губерния — 9, 11—13, 17, 22, 49, 58, 61, 69
 Сарай-Гир село — 212
 Саратов город — 26, 41, 110, 129, 150, 151, 182, 369
 Саратовская губерния — 9, 17, 64, 88, 91, 99, 106, 114, 115, 119, 146, 149—151, 169, 179, 181, 408
 Саратовская область — 214, 274, 326, 328, 348, 350, 351, 354, 360, 361, 366, 369, 371, 386
 Саратовский край — 268, 317, 352
 Сахалин остров — 10, 24, 245
 Сахалинская область — 362
 Свердловск город — 231—234, 370
 Свердловская губерния — 124
 Свердловская область — 214, 234, 287, 291—293, 296, 297, 300—303, 306, 307, 312, 317, 326, 328, 348, 350, 358, 362, 366, 367, 370, 372, 377, 386
 Севастополь город — 369
 Север — 123, 128, 310, 381, 387, 391
 Северная Африка — 139

 Северная Осетия — 116, 360
 Северная Россия — 8
 Северное Приуралье — 28
 Северный Кавказ — 8, 10, 17, 19, 25, 29, 30, 86, 87, 96, 104—106, 109—111, 115, 120—122, 128, 144, 146, 147, 182, 189, 204, 213, 266, 268, 270, 275, 276, 281, 283, 285, 286, 288, 289, 291, 295, 296, 300—302, 310, 326, 342, 354, 357, 360, 372, 387, 397, 398, 400, 401, 404, 405, 407, 408
 Северный Казахстан — 281, 283, 287, 299—301
 Северный край — 226, 236, 237, 268, 278, 281, 283, 285, 286, 295, 296, 298, 300, 301, 317, 326, 347
 Северная область — 347, 365, 367
 Северный район — 9, 25, 71, 144, 179, 200, 209, 210, 212, 219, 397, 398, 400, 404, 408
 Северное Приуралье — 397, 400, 404, 408, 410
 Северный Урал — 18, 119
 Северный Сахалин — 90
 Северо-Восточный район — 210, 220
 Северо-Двинская губерния — 88, 91, 100, 101, 106, 114, 119, 124, 169, 220
 Северо-Западный район — 144, 231, 239
 Северо-Кавказский край — 146, 219, 225, 226, 237, 240, 287, 317, 348, 350, 351, 365, 369
 Северо-Кавказский район — 71, 117, 209
 Северо-Казахстанская область — 293, 334
 Северо-Осетинская АО — 87, 146
 Северо-Осетинская АССР — 326, 328, 348, 362, 366, 369, 380
 Северо-Осетинский (Владикавказский) национальный округ — 87
 Седлецкая губерния — 10
 Семипалатинск город — 110
 Семипалатинская область — 10, 87
 Сербия — 35, 38, 49

- Серпухов город — 367
- Сибирский край — 220, 278, 293
- Сибирский регион — 178, 179
- Сибирское ханство — 349
- Сибирь — 8—12, 14—18, 20, 21, 26, 29—32, 35, 38, 49, 55, 56, 71, 86, 91, 102—105, 108—111, 115, 117—120, 123, 125, 128, 133, 144, 147, 153, 166, 171, 173, 198, 211, 213, 224, 229—231, 244, 245, 257, 266, 275, 310, 372, 377, 386, 394, 397—398, 400—402, 405, 408
- Силезия — 407
- Сибирск город — 129, 145
- Симбирская губерния — 9, 22, 64, 87, 91, 106, 114, 115
- Симферополь город — 369
- Слободская Украина — 9, 402
- Слуцк город — 117, 118
- Смоленск город — 152, 367
- Смоленская губерния — 9, 13, 29, 49, 59, 61, 69, 89, 91, 103, 105, 114, 125, 149, 220
- Смоленская область — 211, 214, 312, 326, 328, 361
- Советская Россия — 83, 197
- Советская страна — 83, 85, 113, 117, 120
- Советские республики — 83, 86
- Советское государство — 84, 85, 104
- Соединенные Штаты Америки — 8, 28, 30, 79, 80, 134, 142
- Соловки — 311
- Сосонский сельсовет — 271
- Сочи город — 369
- Сочинский округ — 89
- Союз Советских Социалистических Республик (СССР) — 4, 71, 83, 90, 94, 118, 130, 134—136, 143, 154, 160, 164, 184—187, 189, 190, 205, 208—210, 219, 221, 223, 225, 226, 229, 230, 237, 239, 260, 262, 264—268, 270, 271, 273, 274, 293, 305, 306, 308, 310, 318, 322, 323, 326, 328—340, 343, 345, 347, 349, 350, 352, 354—357, 359, 363, 364, 374, 377, 379, 380, 389
- Ставрополье — 115, 125
- Ставропольская губерния — 10, 88, 400
- Ставропольский край — 291, 292
- Сталинград город — 231, 369
- Сталинградская губерния — 146
- Сталинградский край — 268, 317, 352
- Сталинградская область — 214, 304, 306—307, 326, 328, 348, 351, 361, 366, 369, 371, 386
- Сталиногорск город — 368
- Сталинск город — 370
- Степной край — 109
- Стокгольм город — 46
- Средне-Волжский край — 240, 274, 285, 286, 301, 317
- Средне-Волжский район — 71, 145, 174, 209, 219, 226, 237
- Среднеазиатский регион — 285
- Среднее Поволжье (Средняя Волга) — 9, 18, 25, 87, 106, 114, 118, 119, 125, 128, 210, 213, 266, 274, 282, 283, 300, 360, 394, 400, 404, 405, 408, 410
- Средний Урал — 87
- Средняя Азия — 8, 10—12, 14—17, 19—21, 25, 26, 29—32, 35, 38, 90, 91, 106, 113, 121, 122, 126, 128, 162—166, 248, 257, 281, 283, 285, 286, 295, 296, 300, 335, 357, 373, 380, 384, 405
- Сувальская губерния — 10, 84, 409
- Сумы город — 117
- Сунжа река — 115
- Суражский уезд — 409
- Сухумский округ — 89
- Сызрань город — 368
- Сырдарьинская область — 10, 88, 126
- Таврическая губерния — 9, 17, 88
- Таганрог город — 115, 369
- Таганрогский округ — 147
- Таджикистан — 9, 86, 116, 120, 122, 163, 287, 307, 326, 331, 334, 351

- Таджикская АССР — 190, 116, 122
- Таджикская ССР — 184, 227, 293, 297, 301, 302, 305, 306, 317, 326, 349, 350, 370, 380
- Тайшет город — 222
- Талды-Курганская область — 334
- Тамбов город — 368
- Тамбовская губерния — 9, 17, 55, 59, 61, 91, 106, 114, 123, 124, 145, 220
- Тамбовская область — 214, 326, 328, 359, 361, 371
- Тамбовщина — 266
- Татария — 87, 119, 144, 151, 198, 211, 215, 359
- Татаро-Чувашский регион — 71
- Татарская АССР — 87, 88, 106, 116, 118, 126, 145, 214, 226, 237, 268, 317, 326, 328, 348, 361, 365, 368, 372, 380
- Ташкент город — 87, 110, 116
- Тверская губерния — 9, 13, 17, 55, 58, 69, 70, 87, 91, 103, 105, 119, 124, 145, 149, 221
- Тверь город — 178
- Терек река — 115, 125
- Терская линия — 331
- Терская область — 10, 87, 106, 130
- Техто-Базарский район — 335
- Тихий океан — 20, 404
- Тихоокеанское побережье — 127
- Тифлисская губерния — 10, 11, 19, 89, 90
- Тобольская губерния — 10, 123
- Тобольский уезд — 131
- Томск город — 26, 33, 169, 289, 308, 370
- Томская губерния — 10, 28, 123
- Томский округ — 147
- Трудовая коммуна немцев-колони-стов Поволжья — 88, 116
- Тула город — 110, 238, 240, 367
- Тулун город — 222
- Тулльская губерния — 9, 91, 106, 114, 124, 144, 212
- Тулльская область — 326, 328, 361
- Тунгудский район — 359
- Тургайская область — 10, 11, 87
- Туркестан — 16, 105, 107, 109, 110, 122, 126, 133, 248
- Туркестанская АССР (Турк. АССР) — 86—88, 90, 106, 116, 122, 125, 162, 173
- Туркестанский край — 86
- Туркменистан — 9, 116, 120, 162
- Туркмения — 98, 162—164, 251, 326, 334, 351
- Туркменская республика — 86
- Туркменская ССР — 90, 116, 122, 143, 184, 227, 252, 317, 326, 334, 349, 350, 380
- Туруханский край — 123, 147
- Туруханский округ — 123
- Турция — 7, 28—30, 85, 122, 134, 139—141, 397, 398, 405, 407
- Тюменская губерния — 119, 131
- Тюменская область — 131
- Тюмень город — 370
- Углич город — 312
- Удмуртия — 126, 371
- Удмуртская АО — 106
- Удмуртская АССР — 189, 326, 328, 348, 362, 365, 368, 380
- Узбекистан — 9, 116, 120, 122, 123, 128, 162—164, 251, 287, 326, 334
- Узбекская республика — 86
- Узбекская Советская Социалисти-ческая Республика — 90, 116, 122, 123, 143, 184, 227, 252, 293, 297, 302, 305, 317, 326, 334, 335, 349, 350, 379, 380
- Украина — 8, 18, 22, 28, 85, 98, 104, 105, 109, 110, 116—118, 120, 121, 124, 127, 130—132, 172, 176, 179, 182, 251, 252, 257, 265, 266, 268, 270, 271, 273, 275, 276, 281, 283, 285, 286, 295, 300, 301, 313, 326, 331, 335, 341, 342, 349, 350, 352, 377, 380, 385, 395
- Украинская республика — 17
- Украинская Советская Социалисти-ческая Республика (УССР) — 89, 117, 120, 143, 184, 209, 227, 252, 268, 273, 293, 296, 301, 302, 305, 313, 317, 326, 332—334, 349, 379

- Улан-Удэ город — 371
 Ульяновск город — 368
 Ульяновская губерния — 119, 145
 Урал — 9, 18, 29, 49, 86, 87, 117, 118, 144, 187, 189, 210, 213, 221, 231, 244, 245, 248, 252, 257, 265, 281, 283, 285, 286, 290, 295, 298, 300, 310, 342, 377, 386,
 Урал река — 129
 Уральск город — 129
 Уральская губерния — 106
 Уральская область — 10, 87, 145, 219, 225, 226, 236—238, 298
 Уральский регион — 71, 179, 209, 210
 Уральский хребет — 8
 Уральский экономический район — 231
 Уссурийская область — 362
 Усть-Сысольск (Сыктывкар) город — 88
 Уфа город — 26, 162, 231, 370
 Уфимская губерния — 9, 49, 87, 91, 106, 408
 Узьльс — 38, 148

 Ферганская область — 10, 11
 Финляндия — 8, 25, 26, 29, 31, 32, 83—85, 93, 113, 139, 141, 148
 Франция — 7, 8, 11, 26, 27, 35, 39, 41, 50, 69, 79, 80, 138—141, 148, 171, 398, 403

 Хабаровск город — 231, 371
 Хабаровская область — 358
 Хабаровский край — 297, 304, 307, 313, 315, 327, 358, 362, 377
 Хакасская А.О. — 123, 349, 366
 Хакасский округ — 147
 Харьков город — 38, 89, 110, 179, 307
 Харьковская губерния — 9, 11, 12, 17, 91, 127
 Харьковская область — 349
 Харьковщина — 117
 Херсон город — 179
 Херсонская губерния — 9, 17
 Харсонщина — 117

 Хибиногорск город — 299, 308, 309
 Хива — 7, 90, 95, 109, 149
 Хивинское ханство — 90, 93
 Хорезмская Народная Советская Республика (Хорезмская НСР, ХНСР) — 90, 121

 Царицын город — 26
 Царицынская губерния — 88, 91, 106, 115
 Царство Польское — 10, 11, 18, 401, 406, 409
 Центральная Европа — 357
 Центральная Россия (Центр) — 8, 9, 18, 22, 25, 102, 110, 122, 128, 159, 160, 212
 Центральное Черноземье — 144, 145
 Централно-Промышленный район (ЦПР) — 9, 25, 26, 71, 118, 120, 143, 144, 153, 194, 209, 210, 212, 213, 219, 221, 400, 404, 409
 Централно-Земледельческий район (Земледельческий центр) — 28, 70, 400, 405, 408, 410
 Централно-Черноземная область (ЦЧО) — 237, 240, 266, 342
 Централно-Черноземный район (ЦЧР) — 9, 25, 55, 71, 118, 174, 209, 210, 220, 404
 Центральный Казахстан — 267
 Центральный район — 231, 244

 Чебоксары город — 129
 Челябинск город — 231, 370
 Челябинская губерния — 91, 106
 Челябинская область — 234, 268, 292, 296, 300—303, 306, 307, 317, 326, 328, 348, 350, 361, 366, 370, 372, 386
 Чердынский район — 287, 290
 Черемхово город — 222, 370, 371
 Черемховские копи — 371
 Череповецкая губерния — 9, 11, 17, 103, 105, 114, 119, 124, 167, 169, 170, 171, 181
 Череповецкий уезд — 61
 Черкесия — 116

- Чернигов город — 117
 Черниговская губерния — 9, 11, 17, 127, 410
 Черниговская область — 349
 Черногорск город — 222
 Черное море — 7, 80
 Черноземье — 371
 Черноморская губерния — 10
 Черноморский округ — 147
 Черноморье — 115
 Чершангемский район — 335
 Чехословакия — 138, 141
 Чечено-Ингушетия — 126, 360
 Чечено-Ингушская АССР — 326, 328, 348, 362, 366, 369, 380
 Чеченская АО — 87, 146
 Чеченский национальный округ — 87
 Чечня — 116
 Чита город — 371
 Читинская область — 189, 291, 292, 297, 302, 304, 306, 307, 313, 326, 328, 361, 386
 Чкаловская область — 214, 297, 304, 307, 328, 361
 Чувашия — 144, 198, 211
 (Чувашская АО) — 88, 106, 116, 119, 120
 Чувашская АССР — 145, 326, 328, 348, 362, 365, 372, 380
 Чукотка полуостров — 20, 123, 316
 Чусовской район — 290
- Шахты город — 115, 369
 Швейцария — 80
 Швеция — 7, 27, 38, 41, 59, 69, 397, 398
 Шелтозерский район — 292
 Шуя город — 227, 368
- Эвенко-Амурская область — 362
 Энгельс город — 369
 Эриванская губерния — 10, 11, 19, 89
 Эстляндская губерния — 9, 10, 21, 84
 Эстония — 8, 84, 85, 113, 134, 138, 141
- Юго-Осетинская АО — 90
 Южная Украина — 98, 129
 Южное Приуралье — 29, 394, 400, 401, 404, 405, 408, 410
 Южный Казахстан — 281, 283, 287, 293, 295, 300, 301
 Южный район — 244
 Южный Урал — 106, 266, 274
 Юзовский округ — 117
 Юрьев (Тарту) город — 84
- Якутия — 71, 126, 147, 285, 322
 Якутск город — 98
 Якутская АССР — 88, 116, 144, 147, 171, 173, 174, 187, 220, 226, 238, 242, 293, 296, 297, 301, 302, 304, 306, 307, 326, 328, 349, 358, 365, 381
 Якутская область — 10
 Ямбургский уезд — 84
 Япония — 7, 85, 345
 Ярославль город — 149, 150, 178, 227, 231, 245, 368, 402
 Ярославская губерния — 9, 12, 22, 61, 91, 106, 114, 124, 145, 149, 221
 Ярославская область — 233, 326, 328, 347, 348, 350, 361, 365, 368, 371
 Яшкино город — 221

Список принятых сокращений

АО — автономная область

АССР — автономная советская социалистическая республика

Указатель составлен Евтеевым А.К.

Оглавление

Предисловие к изданию	3
Предисловие к первому тому	5
Глава I.	
Население России в начале XX века	7
Глава II.	
Городская семья в конце XIX — начале XX века	31
Глава III.	
Крестьянская семья в 1897—1917 гг.	47
Глава IV.	
Людские потери в ходе Первой мировой войны	74
Глава V.	
Население России в годы гражданской войны. Демографические последствия голода 1921—1922 гг.	83
Глава VI.	
Российская эмиграция: численность, расселение	134
Глава VII.	
Население России в 1920-е годы: демографическая характеристика, демографические процессы	143
Глава VIII.	
Городская семья. 1914—1930 гг.	166
Глава IX.	
Крестьянская семья в 1920—1930-е гг.	191
Глава X.	
Индустриализация и урбанизация: демографические последствия	219
Глава XI.	
Демографическая характеристика безработных. 1900—1930-е годы	243
Глава XII.	
Демографические последствия сплошной коллективизации и голода 1932—1933 гг.	265
Глава XIII.	
«Кулацкая ссылка» в 1930-е годы: численность, расселение, состав	277

Глава XIV.	
Массовые репрессии: заключенные	311
Глава XV.	
Депортация населения в 1920—1930-е годы	331
Глава XVI.	
Демографические процессы в 1930-е годы	336
Глава XVII.	
Население России в 1930-е годы: демографическая характеристика	345
Приложение. Население России в IX—XIX вв.: исторический экскурс	393
Примечания	411
Указатель географических названий	446
Список принятых сокращений	460

Население России в XX веке

Исторические очерки

Т. 1. 1900—1939 гг.

Художественное оформление *А. Сорокин*

Компьютерная верстка *Н. Мерзляков*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 14.04.2000.
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 29,0. Уч.-изд.л. 35,0. Тираж 2000 экз. Заказ № 16

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации)

ППП типография «Наука»
121009, Москва, Шубинский пер., 6